

ПОЛИТИКА.

ЯНВАРЬ 1860.

Перемѣна въ положеніи итальянскаго вопроса.—Сближеніе Франціи съ Англіею.—Консультатія о декретѣ 17 февраля 1852 года.—Приложенія: I. „Папа и конгрессъ“. II. „Разговоръ французса съ англичаниномъ“.

Итальянское дѣло приняло новый оборотъ и, невидимоу, ведется къ развязкѣ противной нашимъ ожиданіямъ. Если бы новое направленіе, полученное французскою политикою, зависѣло только отъ одной Франціи, мы все-таки остались бы при своемъ прежнемъ мнѣніи о будущности, приготовляемой для сѣверной и центральной Италиі; мы не имѣли бы основаній предполагать прочность и серьезность въ дипломатическихъ отношеніяхъ, наполяющихъ теперь итальянцевъ радостными надеждами. Но перемѣна французской политики произведена сближеніемъ ея съ англійскою, которая по своей зависимости отъ парламентскаго и популярнаго контроля не можетъ быть перемѣнчивою или лживою въ важныхъ дѣлахъ. Эта связанность французской политики англійекою, и только именно эта связанность представляется ручательствомъ за серьезность актовъ ея, возбудившихъ удовольствіе въ либеральной Европѣ. Не имѣя претензіи быть посвященными въ дипломатическія тайны, мы не беремся знакомить читателя съ тѣми мелочными и личными подробностями, которыя могли помогать или мѣшать сближенію Франціи съ Англіею; мы не будемъ даже повторять газетныхъ разсказовъ о разныхъ дипломатическихъ поѣздкахъ, письмахъ, депешахъ: они могутъ имѣть свою долю занимательности и даже быть справедливыми, но никто не поручится намъ, чтобы вмѣстѣ съ ними не происходили какія нибудь другія хлопоты, имѣвшія такое же вліяніе и до сихъ поръ еще оставшіяся неизвѣстными для публики. Впрочемъ, елибъ и всѣ звукусныя подробности дипломатическихъ сношеній были извѣстны, можно было бы оставить ихъ безъ вниманія, потому что сущность дѣла не въ нихъ: она состоитъ въ тѣхъ фактахъ, которые всѣмъ положительно извѣстны, о которыхъ депеши или вовсе не говорятъ, или говорятъ самымъ темнымъ образомъ, едва касаясь ихъ, но которые совершаются на глазахъ пѣлаго свѣта.

Въ прошедшій разъ мы говорили о приготовленіяхъ Франціи въ войнѣ съ Англіею и замѣчали, что этотъ фактъ, непрерывно идущій чрезъ всѣ распоряженія французскаго правительства со времени учрежденія имперіи, непрерывно подвергается по наружному виду періодическимъ емѣнамъ прилива и отлива, то выставляется впередъ ожесточенною полемикою противъ Англіи, какъ смертельной неприятелиницы французскаго могущества и благоденствія, то прикрывается любез-

ностью, предупредительностью и патетическими увѣреніями въ драгоцѣнности англійскаго союза. Мы замѣчали также, что съ половины ноября прошлаго года наступила очередь затишья и любезностей. Съ половины декабря это смягченіе достигло такого размѣра, что выразилось фактами, обнаружившими вліяніе на ходъ итальянскаго вопроса, составляющаго главный предметъ для дипломатическаго и газетнаго препровожденія времени. Такое сильное развитіе предупредительности къ Англій со стороны Франціи обязываетъ насъ изложить въ нѣсколькихъ словахъ тѣ факты, которые привели Францію къ необходимости политическаго поворота, радующаго теперь Европу.

Постоянно отыскивая поводы для раздраженія общественнаго мнѣнія противъ Англій, французское правительство въ первой половинѣ прошлаго года, во время торійскаго министерства, имѣло такимъ предлогомъ предполагаемую вражду Англій противъ освобожденія Италіи и предполагаемую наклонность лорда Дерби помогать австрійцамъ. Обнародованное въ послѣдствіи собраніе депешъ министерства Дерби по итальянскому вопросу обнаружило, что тори вовсе не имѣли такой наклонности, а напротивъ, желали освобожденія Италіи. Но все равно, публика тогда предполагала въ министерствѣ Дерби расположеніе къ австрійцамъ и полуофициальныя французскія газеты свирѣпствовали противъ воеварнаго Альбіона, хотя людямъ, возбуждавшимъ эти нападенія, была очень хорошо извѣстна ихъ неосновательность. Когда былъ заключенъ вилафранкскій миръ, а въ Англій лорды Пальмерстонъ и Россель смѣнили лордовъ Дерби и Мальмсебери, предлогъ вражды повернулся въ противную сторону. Франція теперь дѣйствовала въ пользу Австріи, противъ Сардиніи и центральной Италіи, а расположеніе Англій къ дѣлу итальянской свободы обнаружилось для всѣхъ. Теперь полуофициальныя французскія газеты стали нападать на Англію за то, что она хочетъ революціонизировать Италію. Пальмерстонъ и Россель вовсе не хотѣли этого, ихъ политика была въ сущности таже, какъ политика торійскаго министерства, отличаясь отъ нея только большею твердостью и ловкостью. Кромѣ итальянскаго дѣла было найдено много другихъ причинъ неистовствовать противъ Англій. Одною изъ нихъ былъ знаменитый Суэзскій каналъ.

Говорить о Суэзскомъ каналѣ подробно значило бы подвергать себя и читателей ужаснѣйшей екукѣ. Говорятъ, что онъ долженъ принести неизмѣримую выгоду акціонерамъ компаніи, составившейся для его прорытія, долженъ давать имъ на первое время процентовъ 20 или 30, а потомъ гораздо больше; говорятъ также, что онъ принесетъ неизмѣримыя блага всему человѣческому роду. Это все провозглашается во Франціи, и по странному случаю не дозволяется въ ней спорить противъ такихъ увѣреній. Въ Англій, въ Голландіи, да и въ самой Франціи многіе находятъ, что расчеты о коммерческихъ выгодахъ канала натянуты; что хотя путь въ Индію и въ Китай по Чермному морю былъ бы гораздо короче нынѣшняго пути мимо мыса Доброй Надежды, но плаваніе по Чермному морю очень затруднительно отъ узости фарватера, неблагоприятныхъ теченій и сильныхъ вѣтровъ, такъ что по этой кратчайшей дорогѣ парусныя суда или бы дольше, а пароходы сжигали бы больше угля, чѣмъ по длинной дорогѣ вокругъ Африки. Правда ли это, мы не знаемъ; но если коммерческія выгоды Суэзскаго канала въ самомъ дѣлѣ громадны и возраженія противъ нихъ неосновательны, то почему-жъ запрещать говорить противъ него во Франціи? Свободное обсужденіе вопроса не замедлило бы

разсвѣять несправедливыя сомнѣнія. Съ другой стороны, если каналъ ненуженъ и убыточенъ въ коммерческомъ отношеніи, то зачѣмъ Франція хочетъ строить его? Противники канала даютъ на это отвѣтъ очень ясный. Каналъ хотять рыть не по коммерческому, а по политическому разсчету. Французы хотять завладѣть широкими полосами земли по его берегамъ, настроить тутъ укрѣпленій, поставить гарнизоны и батареи. Такимъ образомъ они совершенно отдѣляютъ Египецъ отъ турецкихъ владѣній и завладѣютъ потомъ этою странюю, на которую постоянно имѣютъ свои виды со времени египетской экспедиціи генерала Бонапарте. Кромѣ того, они откроютъ себѣ военную дорогу въ Остъ-Индію. Теперь, въ случаѣ войны съ Англіей, имъ нельзя добраться до Мадраса и Калькутты, пройти на Индъ и Гангъ: если бы они послали эскадры вокругъ мыса Доброй Надежды, эскадры были бы на этомъ пути истреблены англичанами. Иное будетъ дѣло, когда они пророкутъ Суэзскій каналъ и утвердятся на его берегахъ. Тогда ихъ флоты пойдутъ въ Индію подъ прикрытіемъ своихъ батарей, которыми будутъ остановлены англійскіе флоты. Намъ кажется, что всѣми этими разсчетами и опасеніями Англія могла бы пренебречь. Пока у ней будетъ такой торговый флотъ, какъ нынѣ, военные французскіе флоты, не имѣющіе подобнаго неистощимаго резерва хорошихъ матросовъ, едва-ли будутъ страшны для Англіи, и какимъ бы путемъ ни повела Франція экспедицію въ Индію, успѣховъ ей ждать трудно. Но даже и не въ этомъ дѣло. Пусть Суэзскій каналъ и послужитъ для французовъ средствомъ отнять у Англіи Остъ-Индію: здравый разсчетъ Англіи не долженъ былъ бы страшиться такой потери. Теперь всѣ разсчетливые люди въ Англіи понимаютъ, что владѣніе Остъ-Индією служитъ для ихъ отечества не источникомъ большаго могущества и богатства, а просто источникомъ тяжелыхъ финансовыхъ затрудненій и ослабленія военныхъ силъ самой Англіи. Отказаться безъ внѣшней необходимости отъ такого убыточнаго владѣнія не дозволяетъ предрасудокъ національнаго тщеславія; но если бы какой нибудь случай отнял Остъ-Индію у Англіи, англичане скоро почувствовали бы, что очень много выиграли и въ богатствѣ и въ военномъ могуществѣ черезъ эту видимую потерю. Разумѣется, мы только излагаемъ свой взглядъ на дѣло, только говоримъ, что этотъ выводъ слѣдуетъ изъ мыслей, господствующихъ между разсчетливыми людьми въ самой Англіи. Но если мы говоримъ о ходѣ политическихъ событій, важность не въ томъ, какъ слѣдовало бы думать известному народу или правительству, а въ томъ, какъ народъ или правительство дѣйствительно думаютъ. Пока предрасудокъ или ошибка считаются за истину, они управляютъ событіями. Англичане воображаютъ, что должны заботиться о сохраненіи своего господства въ Остъ-Индіи, французы думаютъ, что нанесли бы имъ смертельный ударъ разрушеніемъ этого господства и хотять строить для того Суэзскій каналъ. Англичане видятъ въ каналѣ выраженіе вражды къ нимъ со стороны Франціи. Давно уже идетъ въ Константинополь дипломатическая борьба, и вотъ, когда французы довели до крайности свои подготовленія въ войнѣ съ Англією, французскому посланнику въ Константинополь было приказано рѣшительнымъ образомъ потребовать у султана согласія на Суэзскій каналъ. Это было открытымъ разрывомъ съ Англією.

Но вдругъ атака перешла въ отступление. Оказалось, что дѣло заведено слишкомъ далеко, что англичане выходятъ изъ терпѣнія, а Франція между тѣмъ все еще не была и долго не будетъ готова къ войнѣ. По грубости своихъ правовъ,

англичане не понимаютъ шутокъ. Франціи шалила для забавы своему національному предразсудку, наводила рѣчь на войну только за тѣмъ, чтобы горячить общественное мнѣніе, готовить его въ будущему, еще не очень близкому, а невѣжди англичане вздумали отвѣчать на шалости вовсе не дипломатичною рѣзкостью. „Если вы хотите войны, то начнемъ войну“, заговорили они. Тутъ понадобилось показать видъ дружбы. Необразованные островитяне были очень раздражены и для ихъ успокоенія пришлось сдѣлать очень много.

Главнымъ предметомъ дипломатическихъ разеуждений былъ итальянскій вопросъ, и Франціи въ доказательство своей любви къ Англіи должна была объявить, что принимаетъ въ этомъ дѣлѣ англійскую политику.

Мы говорили, въ чемъ заключалась разница между французскимъ и англійскимъ способомъ рѣшенія. Франція хотѣла возетановить австрійскихъ вассаловъ въ Тосканѣ и Моденѣ или отдать эти земли французскому вассалу, а Романью возвратитъ папѣ. Для этого нужно было вооруженное вмѣшательство. Чтобы устроить его, созывался конгрессъ, рѣшенія котораго были впередъ извѣстны. Англіи говорила, что распоряженіе участію итальянцевъ должно быть предоставлено самимъ итальянцамъ и что она не одобряетъ вооруженнаго вмѣшательства. Быть можетъ, она стала бы протестовать противъ него; это было даже почти достоверно. Быть можетъ, она даже приняла бы какія нибудь матеріальныя мѣры къ выраженію своего неудовольствія. Война съ Англіею изъ-за Италіи была неправдоподобнымъ шансомъ, но все-таки шансъ этотъ былъ, и почему знать, куда приведетъ раздоръ, разъ вспыхнувшій? Мы видѣли, до чего простиралась неприязнь; назначеніемъ на конгрессъ второстепеннаго дипломата, лорда Коули, англійское правительство прямо говорило, что считаетъ конгрессъ дѣломъ враждебнымъ своей политикѣ и не хочетъ впутываться въ него. Отъ этого удара, невидимому столь мягкаго, стала разсыпаться вся постройка батарей противъ Италіи, съ такимъ усердіемъ воздвигавшихся въ теченіе почти пяти мѣсяцевъ, прошедшихъ отъ виллафранккаго мира до послѣдней половины ноября. Началось съ того, что великія нейтральныя державы приняли холодность Англіи къ конгрессу очень серьезнымъ образомъ. Онѣ говорили, что не стоитъ и имъ посылать на конгрессъ важнѣйшихъ дипломатовъ, если Англія не придаетъ ему важности. Смыслъ этихъ дипломатическихъ фразъ былъ тотъ, что нейтральная Европа поколебалась въ своемъ прежнемъ расположеніи поддерживать французско-австрійскую политику, когда увидѣла, что Англія за это сердится. Какъ и что было дальше, остается, и пусть себѣ остается, дипломатическимъ секретомъ; видно только, что нужно было все больше и больше дѣлать любезностей англичанамъ, и первымъ публичнымъ выраженіемъ этой необходимости была знаменитая брошюра „Конгрессъ и Папа“, явившаяся около 20 декабря. Безмѣрнаго шума и крика надѣлала эта тетрадка, написанная почетнѣйшимъ изъ придворныхъ публицистовъ, Ла-Героньеромъ, по инструкціямъ императора французовъ, который просматривалъ и исправлялъ ее. Въ приложеніи мы помѣщаемъ очень подробное извлеченіе изъ знаменитаго памфлета: мы вполнѣ перевели всѣ важныя мѣста его, выпуская только повторенія и амплификаціи, которыми изобилуетъ брошюра, написанная очень растянуто. Разбирать мысли, шней изложенныхъ, мы не будемъ, потому что неудовлетворительность ихъ очевидна. Если папа не можетъ быть хорошимъ свѣтскимъ государемъ, то какъ же оставитъ его государемъ въ Римѣ? Если онъ компрометируетъ свой духовный авторитетъ

поддерживая свою власть надъ подданными только при помощи иностранныхъ штыковъ, то развѣ не будетъ продолжаться то же самое, хотя бы оставили ему власть надъ однимъ городомъ Римомъ? Вѣдь именно жители города самые непримиримые враги свѣтской власти папы, и поддерживать ее надъ ними можно будетъ по прежнему только насиліемъ. Сама брошюра предвидитъ это, и уже придумала способъ укрощать римлянъ посредствомъ войскъ, присылаемыхъ для охраненія папы всѣми итальянскими государствами. Если Романью необходимо отнять у папы, чтобы онъ не являлся въ неприличномъ его званію видѣ притѣснителя и врага своихъ подданныхъ, то же самое надобно сказать о всѣхъ другихъ его владѣніяхъ и о самомъ городѣ Римѣ. Нѣтъ, говоритъ брошюра, папѣ необходимо оставаться государемъ хотя бы маленькаго владѣнія, чтобы не стать въ зависимость отъ какой нибудь одной державы; будучи главою всѣхъ католиковъ, онъ для спокойствія Европы не долженъ быть подданнымъ ни одной державы. Но государь маленькаго владѣнія находится въ такой зависимости отъ своихъ сосѣдей, что имѣетъ гораздо менѣе свободы, нежели каждый богатый человекъ въ вавомъ нибудь свободномъ государствѣ. Каждый ирландскій епископъ менѣе стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели нынѣшній папа. Для независимости, папѣ вовсе не нужно быть свѣтскимъ государемъ, напротивъ, именно для этого ему нужно не быть свѣтскимъ государемъ. Пусть Римъ составляетъ часть свободнаго государства, — тогда вико не будетъ имѣть возможности етѣснять папу, живущаго въ немъ, какъ никто не имѣетъ возможности стѣснять какого нибудь бельгійскаго или швейцарскаго епископа. Для насъ, не католиковъ, это очевидно само собою, и нѣтъ надобности въ подробныхъ опроверженіяхъ брошюры. Она важна вовсе не своими логическими достоинствами, а просто тѣмъ, что императоръ французовъ черезъ нее показывалъ Европѣ свое намѣреніе не возвращать Романью папѣ.

Разумѣется, брошюра привела либеральныя партіи въ восторгъ, а католическую партію повергла въ ужасъ и негодованіе. Католическое высшее духовенство давно уже вело бурную агитацію на защиту папской власти; теперь агитація приняла еще болѣе ожесточенный характеръ и стала лично враждебною императору французовъ. Дѣло дошло до того, что французскіе кардиналы грозятъ сложить съ себя аваніе членовъ сената, въ знакъ явнаго разрыва ультрамонтанской партіи съ правительствомъ.

Первымъ слѣдствіемъ изданія брошюры было удаленіе графа Валевскаго отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ. Благородный графъ былъ краснѣйшимъ демократомъ и агентомъ при западныхъ дворахъ отъ революціоннаго правительства Польши въ 1830—1831 годахъ. Но скоро онъ одумался и исправился, увидѣвъ невыгодность такого направленія мыслей, и для загладненія грѣховъ своей молодости сталъ отличнѣйшимъ консерваторомъ и абсолютистомъ. Это дѣйствительно оказалось гораздо выгоднѣе, и говорятъ, что теперь въ цѣлой Европѣ нѣтъ человека, имѣющаго такую полную коллекцію первостепенныхъ орденовъ всѣхъ державъ: у графа болѣе 30 лентъ. Сообразны его заслугамъ были и болѣе существенныя награды, полученныя имъ отъ императора французовъ. Не считая денегъ, ему даны были два великолѣпныя помѣстья. Почтенный сановникъ былъ извѣстенъ за великаго друга Австріи. Ему даже приписывали значительное вліяніе на то, что со времени вилафранкскаго мира Франція держала себя враждебно противъ Италіи; утверждали даже, что реакціонный министръ принуждаетъ либе-

рального императора дѣйствовать вопреки его собственнымъ желаніямъ. Такія наивности конечно не заслуживаютъ возраженія: каждому извѣстно, что, при нѣшнемъ порядкѣ дѣлъ, французскіе министры не имѣютъ никакой самостоятельности и служатъ только исполнителями приказаній императора. Наполеонъ III просто беретъ себѣ министромъ по извѣстной части на извѣстное время такого человѣка, имя котораго служило бы обозначеніемъ той системы, какой хочетъ держаться по этой части императоръ. За австрійское направленіе французской политики въ послѣднюю половину прошлаго года, графъ Валевскій заслуживалъ ровно столько похвалы или порицанія, какъ переписчикъ за содержаніе бумагъ, имъ переписываемыхъ. Но когда императоръ захотѣлъ показать, что его политика принимаетъ новый оборотъ, онъ долженъ былъ смѣнить министра, имя котораго служило вывѣскою австрійскаго направленія. Какимъ именно порядкомъ произошелъ поводъ къ удаленію, это все равно, но рассказываютъ это дѣло слѣдующимъ образомъ.

Когда явилась брошюра Ла-Героньера, папскій нунцій въ Парижѣ, Саквони, потребовалъ у Валевского, чтобы она подвергнута была запрещенію, или по крайней мѣрѣ правительство объявило въ „Мониторѣ“, что оно не одобряетъ мыслей, въ ней изложенныхъ; въ противномъ случаѣ, онъ грозилъ уѣхать изъ Парижа. Валевскій, для успокоенія папы, сообщилъ французскому посланнику въ Римѣ, Граммону, что брошюра не имѣетъ officialнаго значенія и что французское правительство остается вѣрно прежней своей программѣ, то есть намѣренію возвратитъ легатства подѣ власть папы; министръ уполномочивалъ посланника передать эти увѣренія папскому правительству. Но когда Валевскій сталъ въ совѣтѣ министровъ требовать, чтобы „Мониторъ“ объявилъ брошюру не имѣющей officialнаго характера, императоръ не согласился; напротивъ, образъ дѣйствій Наполеона III открыто подтверждалъ передъ публикою, что брошюра излагаетъ новую программу французской политики и что въ ея составленіи участвовалъ самъ императоръ. Тогда Валевскому не осталось ничего, кромѣ какъ подать въ отставку. Быть можетъ, эти свѣдѣнія не полны; но если были еще другія какія нибудь дипломатическія сцены, онѣ имѣли тотъ же характеръ, и когда мы узнаемъ ихъ, онѣ ничего не прибавятъ къ нашему понятію о сущности дѣла, достаточно опредѣляемой этимъ рассказомъ.

Предполагаемый конгрессъ не обѣщаль теперь ничего хорошаго для папы; Австрія, видя сближеніе Франціи съ Англіею, покровительствующею Сардиніи, также не могла ждать благопріятнаго для себя рѣшенія. Подобно папѣ, она отказалась отъ мысли о конгрессѣ, которому былъ уже и прежде нанесенъ тяжелый ударъ тѣмъ, что Англія не хотѣла прислать на него ни одного изъ первостепенныхъ своихъ дипломатовъ, и скоро было объявлено, что онъ отсрочивается на неопредѣленное время.

Между тѣмъ Франція выказывала все больше и больше расположенія къ уступкамъ Англіи. Было, напримѣръ, рѣшено, что конгрессъ отлагается до того времени, когда правительства этихъ державъ согласятся между собою въ итальянскомъ вопросѣ и составятъ объ этомъ нѣчто въ родѣ общаго протокола; тогда онѣ явятся на конгрессъ какъ союзники, съ общою программою; императоръ французскій говорилъ, что расположенъ въ этомъ случаѣ жертвовать своими намѣреніями принципамъ англійскаго кабинета (разумѣется, таковъ былъ только смыслъ словъ,

а слова были не тѣ: онъ говорилъ, что его намѣренія всегда были въ сущности одинаковы съ намѣреніями Пальмерстона и Россела). Въ то же время онъ возобновилъ свое прежнее стремленіе ввести во Францію принципы свободной торговли. Въ какихъ формахъ начались переговоры объ этихъ обоихъ предметахъ, конечно еще не вполне извѣстно публикѣ, да и не имѣетъ существенной важности; довольно и той части подробностей, которая уже стала извѣстна. Мы знаемъ, что дѣло было подготовлено частными объясненіями императора французовъ и его довѣренныхъ лицъ съ людьми, имѣющими вліяніе на правительство или общественное мнѣше въ Англии, любезностями къ англійскимъ газетамъ, а когда была подготовлена такимъ образомъ почва къ возобновленію распадавшейся дружбы, официальнымъ посредникомъ въ переговорахъ былъ избранъ англійскій посланникъ въ Парижѣ, лордъ Коули.

Объ одной изъ любезностей къ англійской журналистикѣ мы уже упоминали въ прошедшій разъ: когда французскимъ полуофициальнымъ газетамъ было въ половинѣ ноября приказано прекратить нападенія на Англию, это было сдѣлано такъ, что имѣло видъ угожденія жалобамъ англійской журналистики: циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ о превращеніи полемики явился какъ будто отвѣтомъ на статью Times'а о дурномъ вліяніи, производимомъ французскими полуофициальными нападеніями. Эти любезности продолжались: когда готовилась къ печати брошюра „Конгресъ и папа“, корректуры были заранѣе сообщены Times'у, такъ что у него былъ уже набранъ къ печати англійскій переводъ брошюры за цѣлыя сутки до ея появленія въ Парижѣ. Когда начались официальные переговоры поѣздкою Коули въ Лондонъ, агентству Рейтера, доставляющему телеграфическія депеши англійскимъ газетамъ, было прислано французскимъ правительствомъ объясненіе предшествовавшихъ недоразумѣній, доказывавшее, что императоръ еще въ августѣ хотѣлъ принять англійскій взглядъ на итальянское дѣло, и только графъ Валевскій помѣшалъ подворенію согласія. Такая предупредительность въ сообщеніи извѣстій англійской журналистикѣ должна была свидѣтельствовать англійскому народу, какъ дорожитъ императоръ французовъ его мнѣшемъ.

Кромѣ этихъ любезностей, относившихся къ цѣлой англійской публикѣ, не было недостатка и въ любезностяхъ съ отдѣльными лицами, пользующимися вліяніемъ на англійское общество. Извѣстнымъ примѣромъ тому служатъ отношенія, въ которыя Наполеонъ III вступилъ съ Кобденомъ, пріѣхавшимъ во Францію для отдыха и поправленія здоровья. Императоръ французовъ давно вѣритъ въ пользу принципа свободной торговли, и едва ли нужны были ему чужія убѣжденія для развитія въ немъ наклоности стремиться къ ея водворенію во Франціи; если же нужны были ему новыя разъясненія, онъ могъ получить ихъ отъ своихъ домашнихъ экономистовъ, хотя бы вапримѣръ отъ Мишеля Шевалье, находящагося членомъ въ его государственномъ совѣтѣ. Но полезно, казалось, польстить англичанамъ, выставивъ Кобдена совѣтникомъ императора въ дѣлѣ, пріятномъ для Англии: Мишелю Шевалье было поручено пригласить Кобдена къ императору, и теперь, когда въ письмѣ къ Фульду провозглашенъ принципъ свободной торговли, а черезъ лорда Коули заключена съ англійскимъ правительствомъ торговая конвенція въ этомъ смыслѣ, полуофициальныя французскія корреспонденціи громко воздаютъ Кобдену честь за то, что его совѣты много способствовали утвержденію императора въ рѣшимости на дѣло, равно полезное для Франціи и для Англии. Объ

втомъ стали разглашать въ первой половинѣ января, а прежде того свиданія съ Кюбденомъ послужили Наполеону III средствомъ подкрѣпить авторитетомъ его имени свои миролюбивыя увѣренія. Почти одновременно съ брошюрою „Конгрессъ и папа“ явился (23 января) въ Times'ѣ „Разговоръ англичанина съ французомъ“, сообщавшійся парижскимъ корреспондентомъ этой газеты. Корреспондентъ, вставляя „любопытный разговоръ“ въ свое письмо, употреблялъ выраженія, показывавшія, что это документъ, составленный или исправленный „французомъ“, ведущимъ разговоръ, и ясно указывалъ, что этотъ „французъ“ — Наполеонъ III. „Имѣя хорошую память, писалъ корреспондентъ, я запомнилъ мысли, которыя выставлялись на видъ разговаривавшими. Я считаю удобнѣйшимъ передать разговоръ въ той самой формѣ, какъ онъ происходилъ, чтобы не опустить ни одного выраженія“. — „Я желаю обратить ваше особенное вниманіе на слова французскаго собесѣдника, продолжаетъ корреспондентъ: — я имѣю причины думать, что ими въ точности передаются мнѣнія, выражаемыя въ высокой сферѣ“ — фраза, принятая западною публицистикою для обозначенія личныхъ мнѣній царствующихъ лицъ. Въ приложеніи, мы переводимъ этотъ любопытный документъ, а здѣсь довольно будетъ замѣтить, что французъ поочередно разебеваетъ всѣ сомнѣнія въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Франціи, представляемыя англичаниномъ, который убѣждается его доводами.

Когда сближеніе съ Англіею было достаточно подготовлено этими дѣйствіями на общественное мнѣніе, дипломатическими переговорами и перемѣною обращенія съ Австріею, Сардиніею и папою, лордъ Коули по просьбѣ императора французовъ отправился (въ началѣ января) въ Лондонъ для сообщенія англійскому министерству предложеній Наполеона III о коммерческомъ и политическомъ союзѣ. Независимыя газеты утверждали, что императоръ далъ ему порученіе говорить о формальномъ трактатѣ по итальянскому вопросу; полуофициальныя газеты опровергали этотъ слухъ; которыя изъ нихъ правы, все равно: достовѣрно то, что лорду Коули поручено было установить согласіе между Франціею и Англіею по итальянскому вопросу, что императоръ французовъ отказывался для этого отъ прежней своей политики относительно Италіи, соглашаясь принять англійскую систему на столько, на сколько окажется это необходимымъ для возвращенія англійской дружбы и для смягченія досады англичанъ за прежнія непріязненные дѣйствія, предлагая имъ торговыя выгоды. О Суэзскомъ каналѣ онъ, разумѣется, замолчалъ. Въ чемъ состояли предложенія по итальянскому вопросу? Мы сначала приведемъ несомнѣныя основанія ихъ, а потомъ сообщимъ и газетныя слухи о формахъ, которыя казались Наполеону III соответствующими его новому положенію.

Прошлою зимою, еще до начала итальянской войны, мы говорили, въ чемъ должна состоять ея цѣль для иностранной политики императора французовъ. Мы доказывали, что его намѣреніе должно состоять въ подчиненіи Италіи французскому вліянію. Виллафранкскій миръ и послѣдующія дѣйствія Франціи до половины ноября соответствовали этой цѣли. Для Сардиніи была завоевана область, не дававшая ей такой силы, чтобы устоять противъ австрійцевъ безъ помощи Франціи; но, однако же, бывшая пріобрѣтешемъ такимъ богатымъ, что для его сохраненія Сардинія должна была жертвовать всѣмъ и безусловно исполнять волю императора французовъ, лишь бы онъ защищалъ ее отъ Австріи. Чтобы сардинцамъ понятнѣе и памятнѣе была шаткость ихъ положенія, за австрійцами были оставлены Пескьера и Мантуя, изъ которыхъ они могли мгновенно ринуться на Лом-

бардію, лишь только отнималъ у сардинцевъ руку помощи Наполеонъ III, недвольный какиѣмъ-нибудь туринскимъ своевольствомъ. Такимъ образомъ недопущеніе Піемонта до дальнѣйшаго увеличенія было главнымъ основаніемъ французской политики. Присоединеніе герцогствъ, Тосканы и легатствъ дѣлало бы Сардинію государствомъ довольно сильнымъ, которое могло бы забыть о послушаніи императору французовъ, возмечтавъ, что и безъ него можетъ удержаться противъ Австріи. Теперь, подѣ влияніемъ новой потребности, императоръ французовъ выражалъ Англіи готовность принять ея принципъ предоставленія жителямъ центральной Италіи свободы устанавливать у себя правительства по собственному выбору. Англія должна была видѣть изъ этого, что Наполеонъ III для дружбы къ ней готовъ, — а можетъ быть онъ и прямо говорилъ ей, что готовъ допустить присоединеніе центральной Италіи къ Піемонту. Въ этомъ состоялъ существенный и несомнѣнный смыслъ порученія, съ которымъ лордъ Коули явился въ Лондонъ.

Изъ этого возникаютъ вопросы и предположенія, о вѣроятности которыхъ мы уже предоставлемъ судить читателю. Отказываясь, по крайней мѣрѣ на словахъ, отъ намѣренія держать въ своей зависимости Сардинію, Наполеонъ III, вѣроятно, долженъ былъ искать средствъ для вознагражденія себя за такое самопожертвованіе. Газеты увѣряютъ, что онъ убѣждалъ Англію дать ему въ вознагражденіе Савойю, — читатель вспомнитъ, что и до начала войны, и по ея окончаніи носились слухи о видахъ Франціи на эту страну. Тогда предполагалось, что приобрѣтеніе будетъ сдѣлано безъ постороннихъ вмѣшательствъ, однимъ тяготѣніемъ надъ Сардинією. Теперь, когда объявлялось, что Франція ничего не хочетъ дѣлать съ Италією безъ согласія Англіи, естественно слѣдовало предложить какую нибудь пріятность и Англіи, если не было покинуто намѣреніе приобрѣсти Савойю. Неофициальныя газеты увѣряли, что императоръ французовъ не покидалъ этой мысли и хотѣлъ склонить Англію на увеличеніе французской территоріи, предложеніемъ, чтобы сама Англія взяла себѣ островъ Сардинію. Само собою разумѣется, что официальныя газеты опровергли такой слухъ, какъ опровергають всякій слухъ о всякой попыткѣ, которая не удалась или которую рано еще разглашать. Мы не знаемъ, на чьей сторонѣ тутъ правда. Можно только сказать, что если островъ Сардинія былъ дѣйствительно предложенъ Англіи, то Англія едва ли была обольщена предложеніемъ. Она теперь уже довольно проникнута принципомъ разсудительной политики, по которому приобрѣтеніе инопоземныхъ владѣній считается дѣломъ невыгоднымъ для государства. Она не дошла еще до того, чтобы добровольно отказаться отъ прежнихъ приобрѣтеній своихъ въ Европѣ, но едва ли захочетъ увеличивать ихъ число.

Однако трудно предположить, чтобы Франція дѣйствительно и серьезно отказалась отъ намѣренія господствовать надъ Италією. Какимъ же образомъ исполнить его, если предлагается въ угодность англичанамъ дать центральной Италіи свободу распоряжаться своей судьбой? Если такъ, она присоединится къ Піемонту и Піемонтъ станетъ на столько силенъ, что выйдетъ изъ-подъ французской зависимости. Отвѣчать на это можно двумя предположеніями. Газеты увѣряютъ, будто идетъ слѣдующее разнорѣчіе: Англія хочетъ, чтобы просто было признано рѣшеніи о присоединеніи къ Піемонту, принятое въ августѣ законодательными собраніями центральной Италіи, или, по крайней мѣрѣ, новое испытаніе воли этихъ областей ограничилось созваніемъ законодательныхъ собраній для вторичнаго рѣ-

шенія по вопросу о ихъ устройствѣ. Франція, продолжаютъ газеты, предлагаетъ, чтобы это дѣло было рѣшено непосредственною подачею голосовъ всего населенія. Она надѣется, что въ этомъ случаѣ успѣетъ составить большинство не въ пользу присоединенія къ Піемонту, а въ пользу основаніи отдѣльнаго королевства съ избраніемъ въ короли или принца Наполеона (это было бы пріятнѣе всего для нея), или прежняго герцога тосванскаго (что было бы также очень не дурно по разчетамъ Франціи), или, наконецъ, хотя принца кариньянскаго (что все-таки не такъ дурно, какъ прямое присоединеніе къ Піемонту). Можетъ существовать и другое предположеніе. Тѣмъ предложеніемъ, которое Коули привезъ въ Лондонъ, просто оттягивается дѣло съ надеждою длить его до появленія обстоятельствъ болѣе благоприятныхъ, когда можно будетъ обойтись безъ нынѣшнихъ церемоній съ Англіею. При такой игрѣ пѣкоторымъ обезпечимъ служить то, что Ломбардія остается занята 50-тысячнымъ французскимъ войскомъ. Оно конечно охраняетъ Ломбардію отъ вторженія австрійцевъ (которые, впрочемъ, никакъ не подумали бы вторгаться въ нее безъ разрѣшенія Наполеона III, хотя бы ни одного французскаго солдата не было за Альпами); но съ тѣмъ вмѣстѣ оно можетъ для самихъ сардинцевъ служить напоминаніемъ о гибельности самоволія, а въ случаѣ крайности уравниваетъ вліяніе, какое могли бы присвоивать себѣ англичане при возникновеніи у нихъ какого-нибудь несогласія съ Наполеономъ III. Мы предоставляемъ читателю судить, насколько правдоподобны эти объясненія. Если ему угодно, онъ можетъ принять и третью гипотезу, но о ней мы уже рѣшительно должны сказать, что она принадлежитъ не намъ и далеко превосходитъ собою силу изобрѣтательности нашего ума. Эта гипотеза состоитъ въ томъ, что французская политика теперь дѣйствительно стремится къ освобожденію Италіи отъ иноземнаго ига. Приверженцы этого предположенія раздѣляются на два класса: одни полагали всегда, что Наполеонъ III хочетъ собственно освобожденія Италіи, — питали эту увѣренность, несмотря на дѣйствія Гойона въ Римѣ, на виллафранкскій миръ, на цюрихскіе переговоры и на всѣ другія проявленія французской политики до половины декабря. Другіе, или, лучше сказать, тѣ же самые люди, говорятъ теперь, что до половины декабря Франція дѣйствительно держала сторону Австріи противъ Піемонта и центральной Италіи, но что теперь, увидѣвъ несостоятельность такой системы, она искренно перешла къ противоположному направленію. Любовь къ Италіи для нихъ выше всѣхъ соображеній, и когда питать надежду на счастье бѣдной націи можно было только отвергая факты, предшествовавшіе послѣднему обороту дѣла, они отвергали ихъ. Теперь, когда подано имъ новое основаніе для надежды, они пріобрѣли возможность говорить: ну, да, прежде было дѣйствительно плохо, зато теперь уже не можетъ быть ничего, кромѣ хорошаго. Мы сами отъ всей души желали бы присоединиться къ нимъ и не замедлимъ присоединиться, когда факты убѣдятъ насъ въ прочности основанія, недавно возникшаго для хорошихъ ожиданій. На одной изъ слѣдующихъ страницъ мы изложимъ условія этой прочности, и читатель позволитъ намъ не увлекаться слишкомъ радужными надеждами, пока мы не увидимъ, что эти условія существуютъ.

Но возвратимся къ лорду Коули. Предлагая содѣйствіе Франціи осуществленію англійской политики въ итальянскомъ вопросѣ, онъ сообщалъ, что Франція желала бы вступить съ Англіею въ формальный союзъ по этому дѣлу. Прямо или

косвенно было дано ему это порученіе, словесно или на бумагѣ, мы опять не знаемъ, и опять-таки говоримъ, что это все равно. Въ какой именно формѣ и подъ какимъ предлогомъ лондонскій кабинетъ уклонился отъ союза, мы опять-таки знаемъ и не слишкомъ интересуемся этимъ, будучи довольны соображеніями, которыя прямо слѣдуютъ изъ фактовъ извѣстныхъ всѣмъ. Министерство Пальмерстона искренно желаетъ освобожденія Италіи. Оно не захотѣло связывать своей итальянской политики обязательствомъ дѣйствовать не иначе, какъ по согласію съ Франціею. Мы находимъ, что этого достаточно для составленія себѣ понятія о сущности дѣла. Могутъ сказать: но Англія, при всемъ добромъ расположеніи къ итальянцамъ, не намѣрена впутываться изъ-за нихъ сама въ войну, то есть въ разореніе; быть можетъ, она уклонилась отъ союза съ Франціею только потому, что тогда, въ случаѣ войны Піемонта съ Австріею, была бы втянута въ эту войну. Нѣтъ, при союзѣ Англіи съ Франціею всякое опасеніе войны за Италію исчезло бы: во-первыхъ, очевидно само собою, что у австрійцевъ достало бы благоразумія хотя на то, чтобы видѣть свое совершенное безсиліе противъ такой лиги. Во-вторыхъ, объ этомъ были спрошены англичанами австрійцы и отвѣчали, что въ случаѣ согласнаго дѣйствія Франціи и Англіи въ Италію, Австрія не можетъ противиться и должна будетъ покориться, ограничиваясь протестаціею.

На этомъ пока останавливаются наши извѣстія о переговорахъ Франціи съ Англіею по итальянскому вопросу. Франція объявила, что не хочетъ ничего дѣлать въ Италіи безъ согласія Англіи, — Англія приняла съ признательностью такую нѣжность. Франція предложила ей союзъ по этому дѣлу, — Англія почла благоразумнымъ уклониться отъ вступленія въ союзъ до того времени, когда будетъ имѣть болѣе положительныхъ доказательства твердаго и искренняго расположенія Франціи предоставить итальянцамъ дѣйствительную независимость.

Намъ кажется, что англійскій кабинетъ поступилъ въ этомъ случаѣ очень честно и разеудительно. Мы тѣмъ смѣлѣе говоримъ это, что вовсе не принадлежимъ къ числу поклонниковъ лорда Пальмерстона, ни даже лорда Росселя. Намъ кажется, вѣрнѣе всего подождать, пока хотя они найдутъ, что Франція приняла въ итальянскомъ дѣлѣ удовлетворительную систему; намъ еще и тогда будетъ время посмотреть, надобно ли признать эту систему удовлетворительной съ той точки зрѣнія, которой мы обыкновенно руководимся; а пока колеблется даже лордъ Пальмерстонъ, намъ еще рано и думать объ измѣненіи нашего понятія о цѣляхъ французской политики въ Италіи.

Не всѣ такъ мнительны, какъ мы. Огромное большинство честныхъ людей въ Европѣ находится теперь въ состояніи восторга отъ ссоры, повидимому непримиримой, между папою и Франціею и отъ возвращенія графа Кавура къ управленію дѣлами.

Этому возвращенію мы сами очень рады, хотя не имѣемъ удовольствія быть особенно жаркими почитателями предводителя умѣренныхъ, быть можетъ нѣсколько ограниченныхъ, но твердыхъ итальянскихъ либераловъ. Теперь извѣстна въ точности причина его удаленія отъ дѣлъ при подписаніи виллафранкскаго перемирія. Когда мы выражали въ тѣ дни горькое негодованіе на всѣхъ и въ томъ числѣ даже на несчастныхъ итальянцевъ, менѣе всего виновныхъ, когда винили ихъ въ малодушіи, — такъ называемые благоразумные люди съ насмѣшкой спрашивали насъ, что же было дѣлать итальянцамъ, когда покидала ихъ французская помощь — и

осыпали насмѣшками нашъ ослѣпленный фанатизмъ, слыша отвѣтъ: „продолжать войну“. Мѣсяца два или три назадъ, эти благоразумные люди могли читать въ газетахъ, что предметъ ихъ поклоненія, графъ Кавуръ, человекъ не слишкомъ ослѣпляемый такъ называемымъ мацциниевскимъ фанатизмомъ, думалъ то же самое. Онъ убѣждалъ Виктора-Эммануэла не подписывать перемирія и продолжать войну, несмотря на то, будутъ ли французскія войска смотрѣть на нее неподвижно, или уйдутъ изъ Италіи, или будетъ имъ приказано присоединиться къ австрійцамъ для усмиренія непослушныхъ итальянцевъ. Изъ-за этого произошла наконецъ рѣзкая сцена, въ которой Кавуръ упрекалъ Виктора-Эммануэла за недостатокъ гражданской отваги, за непониманіе того, какъ силенъ сталъ бы онъ, послѣдовавъ его совѣту. Сцена эта оставила глубокое впечатлѣніе въ памяти Виктора-Эммануэла, и теперь называютъ подвигомъ высокаго патриотизма то, что онъ забылъ личную досаду, согласившись уступить общему требованію итальянцевъ и желанію англійскаго кабинета, чтобы Кавуръ принялъ управленіе государствомъ. Читатели знаютъ, что неудовольствіе, пробуждавшееся безтавтностью, валостью и трусостью Ла-Мармоны и Дабормиды, возрастало съ каждыиъ днемъ; общественное мнѣніе Италіи и желаніе Англии вынудило наконецъ у нихъ назначеніе, а у Франціи согласіе на назначеніе графа Кавура уполномоченнымъ на предполагавшійся конгрессъ. Что послѣ того паденіе министерства Ла-Мармори и замѣна его министерствомъ Кавура была уже дѣломъ неизбѣжнымъ. Если бы Франція и не показала видъ, что измѣняетъ свою политику, если бы она и продолжала мѣшать возвращенію Кавура въ кабинетъ, эта перемѣна могла бы развѣ замедлиться нѣсколькими недѣлями. Но, разумѣется, вступленіе графа Кавура въ министерство было облегчено и нѣсколько ускорено видимымъ измѣненіемъ отношеній Франціи къ Піемонту. Пока мы дождемся болѣе прямыхъ проявленій французскаго доброжелательства къ Италіи, поставимъ ему въ заслугу хотя этотъ фактъ, въ которомъ оно не слишкомъ сильно участвовало.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что графъ Кавуръ будетъ дѣйствовать энергичнѣе и самостоятельнѣе своихъ предшественниковъ. Пока онъ останется министромъ, Піемонтъ не будетъ пугаться фантомовъ французскаго вмѣшательства въ пользу австрійцевъ. Эти фантомы могутъ быть страшны только тому, кто отступаетъ передъ ними; и если мы говорили о нихъ, какъ о чемъ-то дѣйствительно налагающеиъ на Піемонтъ зависимость отъ Франціи, мы только говорили, что итальянцы, къ несчастію слишкомъ мало разчитывая на свою національную силу, сами придавали имъ могущество своимъ малодушіемъ.

Газеты говорятъ, что графъ Кавуръ хочетъ какъ можно скорѣе созвать парламентъ, и высказываютъ теперь то, что давно было ясно: диктатура, противузаконнымъ образомъ продолжавшаяся въ Сардиніи по прекращеніи войны, на время которой была дана, держалась только потому, что созваніе парламента казалось прежнему робкому министерству дѣломъ несогласнымъ съ его обязанностию получать приказанія изъ Парижа.

Мы заслуживали иногда очень странныя порицанія тѣмъ, что, осуждая непослѣдовательность, слабость и непроницательность людей, принципы которыхъ не дурны, говорили, что гораздо лучше ихъ умѣютъ дѣйствовать люди, принципы которыхъ вовсе не хотѣли мы выставлять похвальными: многіе не хотѣли понимать, что можно осуждать образъ дѣйствій человекъ, стремленіямъ котораго сочув-

ствуешь, можно совѣтовать ему позаимствоваться непреклонностью воли отъ людей, въ которыхъ нѣтъ ничего хорошаго, кромѣ твердости и отваги. Превосходнымъ примѣромъ этого до сихъ поръ служило римское правительство. Гдѣ вы найдете такую крайнюю слабость силъ? Князя Вальдекскій и Княпгаузенскій государи несравненно болѣе сильныя, нежели папа, потому что хоть не нуждаются въ посторонней помощи для поддержанія своей власти, между тѣмъ какъ папа не продержался бы въ Римѣ 24 часовъ, если бы французы отняли свои штыки, служащія теперь единственными опорами его престола. А между тѣмъ посмотрите, какъ онъ держитъ себя противъ Франціи. Мы не говоримъ, что основанія папской системы управленія хороши; но папа считаетъ ихъ хорошими, и готовъ сворѣе рисковать всѣмъ, лишь бы не измѣнить своимъ убѣжденіямъ. „Мы не хотимъ никакихъ сдѣлокъ, не боимся никакихъ угрозъ, говорить его правительство: посмотримъ, что-то вы успѣете съ нами сдѣлать“. И вотъ, такимъ образомъ держалось оно одиннадцать лѣтъ, и отстояло свои принципы. Если бы оно было не такъ непреклонно, оно давно уже было бы уничтожено, и вмѣсто кардиналовъ были бы въ Римѣ свѣтскіе министры, и папа не могъ бы даже посадить подъ арестъ какого нибудь еретика. Нѣтъ, римское правительство дѣйствовало очень не глупо: оно знало, что отважность есть лучшая разчетливость. Теперь оно дѣйствуетъ такъ же, и нельзя не похвалить его твердости, какъ бы ни были дурны принципы, на защиту которыхъ употребляется эта твердость.

Посмотрите, напримѣръ, какъ это правительство, поддерживаемое только французскими солдатами, отвѣчало на брошюру, излагавшую намѣренія державы, которая повидимому можетъ уничтожить его однимъ словомъ.

„На дняхъ явилась въ Парижѣ (объявило папское правительство въ своемъ официальномъ органѣ, *Giornale di Roma*) анонимная брошюра подъ заглавіемъ „Папа и Конгрессъ“. Эта брошюра содержитъ прославленіе революціи, коварный тезисъ для тѣхъ слабыхъ головъ, которымъ недостаетъ здраваго разсудка, чтобы тотчасъ замѣтить ядъ, въ ней скрытый; а для всѣхъ хорошихъ католиковъ служить она причиною скорби... Если цѣлью автора этой брошюры было устраненіе того, кому грозятъ столь великія несчастія, то пусть авторъ увѣрится, что имѣющему право на своей сторонѣ, стоящему воплѣ на твердомъ и незыблемомъ основаніи справедливости, истинно нечего страшиться человѣческихъ козней“.

Такъ говорила „Римская Газета“, а парижскій органъ папскаго правительства, *l'Univers*, перепечатавъ эту замѣтку, прибавилъ еще, что папа огорченъ „не столько утопіями брошюры, являющимися уже не въ первый разъ, сколько лицемеріемъ ея автора“. А между тѣмъ каждому было извѣстно, кто долженъ считаться истиннымъ авторомъ брошюры. — Эта замѣтка явилась въ „Римской Газетѣ“ 30 декабря; черезъ два дня, когда генераль Гойонъ явился поздравить папу съ новымъ годомъ, Пій IX отвѣчалъ на его привѣтствіе словами, рѣзкость которыхъ безпримѣрна въ дипломатическомъ мірѣ:

„Повергаясь къ стопамъ Бога, который былъ, есть и вѣчно будетъ, молимъ Его, въ смиреніи нашего сердца, да благоволитъ Онъ обильно ниспослать Свою благодать и евѣтъ на главу французской арміи и націи, чтобы при помощи этого свѣта онъ могъ неуступаясь идти своимъ труднымъ путемъ и познать наконецъ лживость принциповъ, недавно провозглашенныхъ въ брошюрѣ, которая можетъ назваться памятникомъ лицемерія и низкою картиною противорѣчій.

„Надѣемся, что при помощи этого свѣта,—или лучше скажемъ: мы убѣждены, что

при помощи этого свѣта онъ осудить принципы, изложенные въ этой брошюрѣ, и мы убѣждены въ этомъ тѣмъ болѣе, что мы владѣемъ нѣсколькими документами, которые нѣкогда имѣлъ благосклонность доставить намъ его величество и которые содержатъ осужденіе этихъ принциповъ“.

Каково это? Отважился бы говорить такъ рѣзво, грозить такъ смѣло документальными изобличеніями Францъ-Иосифъ, который въ мильонъ разъ сильнѣе папы? Но что говорить о папѣ? Посмотрите, какъ поступаетъ „l'Univers“, который могъ быть уничтоженъ (и теперь уничтоженъ) однимъ почеркомъ пера, — и даже не императора французовъ, а не болѣе, какъ одного изъ его министровъ. Сначала было запрещено перепечатывать во французскихъ газетахъ рѣчь папы. Онъ прямо объявилъ, что пусть его запрещаютъ, если хотятъ, но что онъ, не смотря ни на что, напечатаетъ слова папы, которыя считаетъ святынею. Запрещеніе печатать рѣчь папы было отмѣнено послѣ такого рѣшительнаго объявленія, и она явилась во всѣхъ французскихъ газетахъ.

Почему такъ дѣйствуютъ эти люди, столь слабые, поддерживаемые только тою силою, которой не хотятъ они дѣлать никакихъ уступокъ? Намъ скажутъ: они имѣютъ убѣжденіе. Да, но каждый воображаетъ что имѣетъ убѣжденіе, почему же не каждый такъ твердъ и рѣшителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Это потому, что кардиналы и „l'Univers“ хорошо понимаютъ всѣ послѣдствія своего принципа и не обольщаютъ себя ни относительно средствъ, которыми онъ долженъ быть поддерживаемъ, ни относительно своего положенія среди другихъ партій. Они знаютъ, чего они хотятъ, обдумали, какіе способы могутъ вести къ ихъ цѣли, чего имъ ждать отъ каждаго способа дѣйствій. Потому ихъ нельзя обольстить. Не то, чтобы они были уже Богъ знаетъ какіе гениальные люди, — нѣтъ, они просто люди послѣдовательные, не отступающіе передъ логическими выводами, не скрывающіе отъ себя настоящаго положенія дѣлъ. Ихъ принципъ несовмѣстенъ съ законнымъ порядкомъ, — они и не скрываютъ этого отъ себя, и потому ни за что не соглашаются на введеніе сносныхъ законовъ въ Папскую Область, — введеніе этихъ законовъ погубило бы ихъ, они знаютъ это. Ихъ принципъ несовмѣстенъ съ просвѣщеніемъ, и они непреклонно поддерживаютъ обскурантизмъ. Они знаютъ, что все это противно всему направленію вѣка, и впередъ рѣшились не уступать ни въ чемъ требованіямъ вѣка. Эта обдуманность, это отреченіе отъ сдѣлокъ съ гибельными для нихъ принципами сохраняетъ въ нихъ всю ту жизненность, къ какой еще способенъ ихъ принципъ. А если принципъ отжившій, противный всему, что возрастаетъ съ каждымъ днемъ, въ чемъ потребность общества, держится такъ долго и крѣпко, благодаря своей послѣдовательности, то какъ сильны стали бы принципы живые, соответствующіе потребностямъ общества, еелибъ ихъ приверженцы постарались такъ же ясно опредѣлить свои отношенія къ другимъ силамъ и такъ же хорошо изучить, какими средствами должны они идти къ своей цѣли. Ультрамонтанцы сильны только потому, что не хотятъ добровольно обольщать себя. Нельзя желать, чтобы кто-нибудь одобрялъ ихъ образъ мыслей; но хорошо было бы, если бы честные люди постарались сравниться съ ними въ отчетливости и послѣдовательности образа мыслей, — тогда правда успѣшнѣе торжествовала бы надъ ложью.

Итакъ, повидимому совершенный разрывъ съ папою, рѣшительный разрывъ съ австрійскою политикою въ Италіи, покровительство національному принципъ

въ Италіи—вотъ признаки новаго направленія французской политики. Мы старались показать, въ чемъ заключается причина этого поворота дѣла. Подобный видъ принимаетъ французская политика уже не въ первый разъ съ начала прошедшаго года. Она шла въ своей цѣли, постоянно лавируя, смягчая свои дѣйствія въ одномъ направленіи выказывалиеиъ наклонности въ противоположному направленію, послѣ каждого напора нѣсколько отступая, чтобы смѣшать соображенія противниковъ этими маневрами. Мы нѣсколько разъ указывали періоды видимыхъ отступленій, имѣвшихъ совершенно такой же характеръ; и если мѣсяць, два мѣсяца тому назадъ не предугадывали, что подобный маневръ долженъ скоро быть произведенъ ею въ размѣрѣ, гораздо большемъ прежнихъ такихъ же стратегемъ (напомнимъ смѣну миролюбивыхъ и воинственныхъ манифестацій передъ войною, смѣну манифестацій за Италію и противъ Италіи отъ виллафранкского мира до половины ноября),—если мы не предугадывали, что слѣдующее видимое отступление будетъ имѣть гораздо большій размѣръ, причиною этой непредусмотрительности, которую мы нисколько не стараемся прикрыть, было то, что мы до самой половины декабря не знали, какъ близка была въ концѣ октября Франція къ войнѣ съ Англіею. Мы видѣли холодность, сильную ссору; но думая, что императоръ французовъ умѣетъ очень строго сдерживать себя до предназначеннаго срока, мы не хотѣли предполагать, какъ и самъ онъ не предполагалъ тогда, чтобы дѣло зашло гораздо дальше, нежели дозволяли его расчеты. Ему было слишкомъ рано вызывать Англію на войну,—для этого нужны ему еще долгія приготовленія, но онъ нѣсколько увлекся, а главное, англійскій кабинетъ слишкомъ серьезно принялъ эти нападенія. Мы замѣтили это слишкомъ поздно, какъ слишкомъ поздно замѣтилъ и самъ Наполеонъ III. Враждебность дошла до того, что для возобновленія хорошихъ отношеній понадобилось слишкомъ много уступокъ. Отъ человѣка, столь сдержаннаго, какъ императоръ французовъ, трудно было ожидать такой неосторожности.

Причина, изъ которой произошла переиѣна во французской политикѣ по итальянскому вопросу, показываетъ и степень прочности, какую могутъ имѣть надежды, возникающія изъ этой переиѣны. Все дѣло зависитъ отъ отношеній Франціи къ Англіи и отъ прочности нынѣшняго англійскаго министерства. Если еще довольно долго будетъ надобно смягчать Англію продолженіемъ уступокъ, Италія получить время для устройства своихъ дѣлъ по національному влеченію. Если же Англія скоро успокоится изъявленіями дружбы, надобность въ покровительствѣ итальянскому дѣлу минуетъ для Франціи. Тотъ и другой шансъ зависитъ отъ множества разныхъ обстоятельствъ. Англія можетъ быть вовлечена въ какія нибудь болѣе важныя для нея дѣла, которыя заставили бы ее забыть объ Италіи; Франція можетъ найти для своей дружбы съ нею какія нибудь другія основанія, соглашенія въ которыхъ загладится отступление отъ англійской политики въ итальянскомъ дѣлѣ. Наконецъ, если бы вмѣсто виговъ вступили въ министерство тори, Наполеонъ III гораздо легче справился бы съ ними, нежели съ нынѣшнимъ министерствомъ, потому что тори не имѣютъ нынѣ такихъ искусныхъ дипломатовъ, какъ Пальмерстонъ. Но какъ бы то ни было и что бы ни произошло, для человѣка, пристально наблюдавшаго дѣйствія Франціи, не можетъ существовать никакого сомнѣнія въ томъ, что превращеніе конституціоннаго Піэнонта въ сильное государство, могущее держаться противъ Австріи безъ помощи Франціи, столь же

противно видамъ нынѣшняго французскаго правительства, сколько сообразно съ политическими принципами и національными расчетами Англии, что поэтому направление, выказываемое нынѣ Франціею въ итальянскомъ дѣлѣ, составляетъ отказъ Франціи отъ собственной политики въ пользу англійской, и что французское правительство воспользуется первою возможностью для того, чтобы возвратиться по этому вопросу къ независимому образу дѣйствій въ направленіи, какого держалось поелѣ виллафранкскаго мира. Хорошо будетъ, если итальянцы усгвѣютъ устроить свои дѣла до той поры.

Судьба Италіи зависитъ теперь главнымъ образомъ отъ прочности министерства виговъ, о которыхъ довольно трудно сказать, какая участь ждетъ ихъ самихъ. Въ палатѣ общинъ, выбранной при торійскомъ министерствѣ, перевѣсъ голосовъ на сторонѣ виговъ очень невеликъ: онъ простирается только до десяти голосовъ или даже менѣе. Присоединенія къ тори нѣсколькихъ депутатовъ ирландской либеральной партіи или отдѣленія нѣсколькихъ недовольныхъ радикаловъ было бы достаточно, чтобы произвести министерскій кризисъ, или заставить кабинетъ распустить палату общинъ. Впрочемъ, кажется, что тори не надѣются пока на успѣхъ, — это видно изъ того, что они въ палатѣ общинъ не предлагали измѣненія въ адресѣ, который служитъ отвѣтомъ на тронную рѣчь, т. е. на программу министерства, и предлагается однимъ изъ членовъ министерской партіи. Въ прошедшемъ году билль о реформѣ низвергъ торійское министерство. Новый билль, который на дняхъ будетъ внесенъ лордомъ Росселемъ, легко могъ бы въ свою очередь низвергнуть своихъ составителей, но для этого было бы нужно существованіе довольно сильнаго реформистскаго движенія въ обществѣ. Въ прошедшемъ году оно было; теперь его до сихъ поръ еще нѣтъ, потому что вниманіе публики поглощено иностранными дѣлами, отношеніями къ Франціи и итальянскимъ вопросамъ.

О значительной интенсивности стремленія къ расширенію свободы во Франціи свидѣтельствуетъ то, что внутренняя политика занимаетъ теперь французскую публику больше нежели англійскую, хотя иностранныя дѣла, нами названныя, касаются Франціи еще ближе, чѣмъ Англии. По прежнему глухая внутренняя агитация направляется главнымъ образомъ къ расширенію свободы печатнаго слова, и правительство, какъ надобно было ожидать, принуждено держаться въ этомъ отношеніи болѣе строгой системы, чѣмъ въ началѣ осени, чтобы по возможности ослабить возрастающее требованіе. Съ 15 августа до конца прошлаго года было сдѣлано двадцать предостереженій. Но несмотря на нихъ, есть нѣкоторые, разумѣется, еще слабыя, признаки увеличивающейся самостоятельности независимой публицистики. Мы приведемъ только два примѣра. Когда графъ Валевскій получилъ отставку, императоръ назначилъ его членомъ тайнаго совѣта и въ то же время издалъ декретъ, опредѣлявшій 100 тысячъ франковъ жалованья членамъ тайнаго совѣта, не занимающимъ другихъ должностей. Такой членъ въ тайномъ совѣтѣ одинъ Валевскій и декретъ былъ изданъ собственно для него. Siècle сталъ доказывать, что декретъ незаконенъ, потому что великія назначенія суммъ должны производиться не иначе, какъ по закону принятому законодательнымъ корпусомъ. Правительственныя газеты сначала спорили, но скоро должны были согласиться, что декретъ не будетъ имѣть законной силы до утвержденія его законодательнымъ корпусомъ. Другой примѣръ мы расскажемъ нѣсколько подробнѣе. Одинъ изъ

самых умѣренныхъ, но за то и самыхъ усердныхъ орлеанистовъ, д'Оссонвиль, напечаталъ статью, за которую было дано предостереженіе газетъ, напечатавшей статью. Воспользовавшись этимъ случаемъ, д'Оссонвиль обратился въ сословію адвокатовъ съ просьбою составить для него консультацію по четыремъ вопросамъ, ему представляющимъ. Во-первыхъ, имѣетъ ли французскій гражданинъ право, посредствомъ просьбы, требовать отъ сената переимѣнъ въ существующемъ законодательствѣ, кажущихся ему полезными? Во-вторыхъ, обращаясь къ сенату, имѣетъ ли каждый французъ право объяснять причины, по которымъ онъ требуетъ реформы? Въ-третьихъ, можетъ ли декретъ 17 февраля 1852 года (т. е. декретъ, опредѣляющій для политическихъ газетъ стѣсненія, которымъ нынѣ онѣ подлежатъ), во веѣхъ или въ нѣкоторыхъ своихъ постановленіяхъ, быть выставленнымъ въ просьбахъ къ сенату актомъ противнымъ конституціи? Въ-четвертыхъ, можетъ ли быть перепечатана въ видѣ брошюры статья, подвергнувшаяся предостереженію, когда была напечатана въ газетѣ или въ журналѣ? Цѣль вопросовъ очевидна: они хотятъ достигъ юридическаго удостовѣренія въ томъ, что декретъ, стѣсняющій свободу печатнаго слова, незаконенъ, и что сенатъ долженъ отмѣнить его по своей обязанности уничтожать законы, находящіеся въ противорѣчьи съ конституціей имперіи.

Первая консультація была составлена и подписана пятью знаменитѣйшими адвокатами Парижа; эти юридическія знаменитости: Плокъ, нынѣшній старшина (batonnier) корпораціи парижскихъ адвокатовъ; Беррье, великій ораторъ и предводитель легитимистской партіи; Мари, бывшій членомъ временнаго правительства въ 1848 году; Дюфоръ, бывшій министромъ во время республики; Бетмонъ, также бывшій министромъ республики, и Лионвиль, бывшій старшиною парижскихъ адвокатовъ подобно всѣмъ тремъ другимъ, подписавшимъ консультацію вмѣстѣ съ нынѣшнимъ старшиною.

На первый вопросъ (имѣетъ ли право каждый французскій гражданинъ требовать у сената отмѣны законовъ, кажущихся ему вредными) консультація отвѣчаетъ рѣшительнымъ подтвержденіемъ этого права. Юристы, подписавшіе ее, объявляютъ, что право просьбы простирается на всѣ законы безъ исключенія; они подтверждаютъ это мнѣніе приведеніемъ статей самой конституціи 1852 года. Точно также рѣшителенъ отвѣтъ и на второй вопросъ: въ просьбѣ сенату могутъ быть излагаемы причины, по которымъ требуется реформа. На третій вопросъ (обязанъ ли сенатъ отмѣнить декретъ 17 февраля 1852 года, если будетъ обнаружено его противорѣчіе съ конституціей) консультація отвѣчаетъ:

„Этотъ вопросъ сложенъ. Во-первыхъ, мы должны разсмотрѣть, можетъ ли сенатъ отмѣнить декретъ 17 февраля, если онъ противорѣчитъ конституціи 1852 года. На это могутъ возразить словами конституціи: „Эта конституція получаетъ законную силу съ того дня, какъ учреждаются сенатъ и законодательный корпусъ. Декреты, издаваемые президентомъ республики со 2 декабря до того времени, имѣютъ силу закона“. Сенатъ и законодательный корпусъ начали свои засѣданія 20 марта. Итакъ декретъ 17 февраля имѣлъ силу закона, когда они собрались, и слѣдовательно не нуждается въ одобреніи сената. Такое возраженіе мы находимъ неосновательнымъ. Декретъ 17 февраля имѣетъ силу закона пока не отмѣненъ, но сенатъ имѣетъ власть отмѣнять и законы, изданные до его учрежденія“.

Это доказывается ссылками на самую конституцію.

„Такимъ образомъ (продолжаетъ консультація) декретъ 17 февраля можетъ быть

подвергнуть разсмотрѣнію сената. Но существуетъ ли основаніе подвергать его такому разсмотрѣнію? Это вопросъ болѣе политическій, нежели юридическій, и характеризовать духъ и подробности декрета 17 февраля должно быть собственно дѣломъ лица подающаго просьбу. Мы доказали, что право подавать такую просьбу есть, и могли бы остановиться на этомъ. Но чтобы не оставить безъ отвѣта предлагаемый намъ спеціальнѣйшій вопросъ, мы считаемъ своею обязанностью представить слѣдующія краткія замѣчания. Согласенъ ли декретъ 17 февраля съ конституціею 1852 года? Мы не полагаемъ, чтобы кто нибудь могъ серьезно утверждать это, и потому можемъ быть кратки въ этомъ случаѣ. Для существованія согласія декрета съ конституціею было бы необходимо декрету не противорѣчить „великимъ принципамъ 1789 года, составляющимъ основаніе общественнаго права французскаго народа“, какъ говоритъ первая статья конституціи. Свобода печатнаго слова одинъ изъ важнѣйшихъ между этими принципами. Уважаетъ ли его декретъ 17 февраля? Можно ли сказать, что мы ошибаемся, принимая выраженіе „великіе принципы 1789 года“ въ ихъ абсолютномъ и историческомъ смыслѣ?“

Консультанція подробно доназываетъ, что это выраженіе должно быть понимаемо въ такомъ смыслѣ и что декретъ 17 февраля противорѣчитъ ему. Послѣ того она разсматриваетъ отношенія декрета къ праву собственности, ненарушимость котораго также провозглашена конституціей.

„Газета составляетъ не только органъ мнѣнія, но и коммерческую собственность значительной важности; итакъ запрещеніе газеты есть нарушеніе матеріальной собственности. По принципамъ французскихъ законовъ собственность священна и только судебное рѣшеніе можетъ касаться ея; никакая другая власть не имѣетъ этого права“.

Изъ этого консультанція выводитъ, что декретъ 17 февраля, дающій правительству власть запрещать газеты безъ судебного рѣшенія, противорѣчитъ основному принципу французскаго законодательства, также провозглашенному конституціею 1852 года.

На четвертый вопросъ (можетъ ли быть перепечатываема въ формѣ брошюры статья, получившая предостереженіе въ газетѣ) консультанція также отвѣчаетъ утвердительно, доказывая, что декретъ 17 февраля не простирается на брошюры.

Статья д'Оссонвиля, подвергнувшаяся предостереженію въ газетѣ, было именно то самое письмо, въ которомъ предлагались сословію адвокатовъ эти вопросы. Получивъ консультанцію, содержаніе которой мы изложили, д'Оссонвиль немедленно воспользовался отвѣтомъ на свой четвертый вопросъ и обратился къ типографщику, печатающему газету „*Sonngier de Dimanche*“, гдѣ была помѣщена статья, съ требовашемъ, чтобы онъ перепечаталъ статью въ видѣ брошюры, говоря, что въ случаѣ отказа будетъ требовать напечатанія брошюры формальнымъ судебнымъ порядкомъ. Правительство не отважилось доводить дѣло до этой крайности, и типографщику было сообщено, что онъ можетъ безопасно печатать требуемую брошюру.

Старшины адвокатской корпораціи первые подписали изложенную нами консультанцію потому, что д'Оссонвиль въ письмѣ своемъ обращался прямо къ нимъ. Вслѣдъ за ними, почти всѣ парижскіе, и знаменитѣйшіе провинціальныя адвокаты стали объявлять, что согласны съ ихъ консультанціею, или составлять особенныя консультанціи въ томъ же смыслѣ, во болѣе рѣзкія. Въ примѣръ мы приведемъ отрывокъ изъ консультанціи Одилона-Барро, предводителя прогрессивной части орлеанистовъ. Онъ говоритъ, что все сказанное старшинами адвокатовъ справедливо, но идетъ дальше, и выражаетъ, на примѣръ, слѣдующія мысли:

„Право просьбы есть право предостерегать, просвѣщать правительство, указывать, ему дурныя вещи, которыя должны быть исправлены, хорошія вещи, которыя должны быть сдѣланы. Если бы оно было даже не провозглашено конституціею, оно существовало бы по силѣ естественнаго права. Итакъ, оно существуетъ, но нижеподписавшійся не думаетъ, чтобы оно могло быть успѣшнымъ. Въ нынѣшней французской конституціи не достаётъ двухъ существенныхъ условій, необходимыхъ для того, чтобы право просьбы имѣло серьёзное значеніе. Эти условія: публичность и отвѣтственность. При нашемъ прежнемъ парламентскомъ правленіи право просьбы получало свою силу отъ публичныхъ преній. При конституціи, въ которой нравственная отвѣтственность правительства не обсуждается публичными преніями, оно останется безуспѣшнымъ. По нашей конституціи министры отвѣтственны только передъ императоромъ, — этого слишкомъ мало“.

По обыкновенію, скажемъ нѣсколько словъ о другихъ событіяхъ, занимавшихъ газеты, но не имѣвшихъ особеннаго значенія.

Въ Австріи продолжается прежнее положеніе дѣлъ; это разумѣется само собою. Въ Пруссіи ландтагъ, открывшійся 11 января, будетъ, повидимому, имѣть занятія нѣсколько болѣе серьёзные, чѣмъ въ прошломъ году, когда онъ былъ оставляемъ рѣшительно безъ всякаго дѣла. Рѣчь, произнесенная принцемъ регентомъ при началѣ засѣданій, общаетъ проекты нѣсколькихъ довольно важныхъ законовъ. Относительно движенія въ пользу германскаго единства она, разумѣется, высказывается съ тою же осторожностью, которой до сихъ поръ слѣдовала прусская политика въ этомъ дѣлѣ. Само движеніе также продолжается въ прежнее видѣ, то есть не имѣетъ еще ничего серьёзнаго, хотя нѣсколько возрастаетъ. О томъ, какъ и почему произошли министерскіе кризисы въ Дани и въ Голландіи, читатель, вѣроятно, ничего не знаетъ и даже не помнитъ, были ли въ газетахъ извѣстія о нихъ; это показываетъ, что и намъ было бы напрасно говорить объ этихъ вещахъ.

Газеты наполнены длинными разсказами объ испанской арміи въ Марокко. Но повѣ дѣло ограничивалось тѣмъ, что испанцы, воображавшіе эту войну легкою побѣдоносною прогулкою, теряли много людей отъ болѣзней и отъ партизанскихъ нападений мавровъ. Мавры такъ беспокоили ихъ, что армія очень долго не могла двинуться отъ базиса своихъ операцій, Сеуты, къ Тетуану, который хотятъ испанцы взять и который лежитъ всего верстахъ въ 20-ти отъ Сеуты. Когда она двинулась, то, разумѣется, прошла куда хотѣла, потому что дикіе партизаны, неимѣющіе никакой дисциплины, никогда не бывають въ состояніи противиться движенію сильныхъ регулярныхъ войскъ. Теперь она стоитъ около Тетуана. Переходъ былъ невеликъ, но испанцы потеряли на немъ много людей отъ партизанскихъ атакъ, изъ которыхъ одна была довольно сильна, такъ что имѣла видъ небольшого сраженія. Теперь испанцы находятъ, что лучше было бы имъ не ѣздить въ Африку за лаврами, а заниматься своими домашними дѣлами, которыя только что началъ было поправляться, и вотъ теперь замедлены и даже довольно сильно разетроены ненужной войной.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Папа и конгрегозъ.

Брошюра начинается общавіемъ разсматривать вопросъ о свѣтской власти папы „въ истинно католическомъ духѣ“, но съ безпристрастіемъ. „Между людьми, которые, проклиная свѣтскую власть папы, громко желаютъ его паденія, и тѣми, которые, смотря на эту власть, какъ на догнать вѣры, требуютъ ея неприкосновенности, есть мѣсто для мнѣнія менѣе исключительнаго. Это мнѣніе, равно уважая права народа и интересы религіи, протестуетъ противъ антагонизма, въ который они невидимому поставлены людьми исключительнаго образа мыслей, выходящими съ противоположныхъ точекъ отправленія. Мы искренно вѣримъ, что для главы церкви возможно удержать свои владѣнія, не налагая насиліемъ на его подданныхъ власть, царствующую именемъ Бога“.

„Во-первыхъ (продолжаетъ брошюра) необходима ли свѣтская власть папы для его духовной власти?“

„Католическое ученіе и политической разумъ согласны въ утвердительномъ отвѣтѣ. Съ религіозной точки зрѣнія необходимо, чтобы папа былъ государемъ. Съ политической точки зрѣнія необходимо, чтобы глава 200 милліоновъ католиковъ не былъ въ зависимости ни отъ кого, не былъ подчиненъ никакой державѣ... Если папа не будетъ независимымъ государемъ, онъ будетъ французскимъ или испанскимъ, австрійскимъ или итальянскимъ папой и характеръ его національности отниметъ характеръ всеобщности у папской власти“.

Брошюра доказываетъ это напоиннашемъ о средневѣковой борьбѣ папъ съ Римскими императорами, сущность которой, по словамъ брошюры, состояла въ стремленія папъ освободиться отъ подчиненія нѣмецкому императору. „Церковь страдала отъ этого, страдала и Европа“.

„Духовная власть, резиденція которой въ Римѣ, не можетъ быть перенесена въ другое мѣсто безъ потрясенія политической власти не только въ католическихъ, но и во всѣхъ христіанскихъ государствахъ. Для Англіи, Россіи, Пруссіи также важно, какъ для Франціи и Австріи, чтобы священный представитель католическаго единства не могъ быть подвергаемъ принужденію, униженію или подчиненію. Римъ — центръ такой всеобщей власти, что интересъ всѣхъ правительствъ и всѣхъ народовъ требуетъ, чтобы онъ не наклонялся ни на чью сторону.“

„Итакъ, очевидна необходимость свѣтской власти папы съ точки зрѣнія интересовъ религіи и политическаго Европейскаго порядка“. Но какимъ образомъ (продолжаетъ брошюра) можетъ быть примиренъ въ папѣ характеръ первосвященника съ характеромъ свѣтскаго государя? „Если искать рѣшенія этой задачи въ обыкновенныхъ правительственныхъ формахъ, мы не найдемъ ей рѣшенія. Нѣтъ въ мірѣ государственной формы, могущей примирить столь различныя требованія. Мы не достигнемъ этой цѣли ни монархіею, ни республикою, ни деспотизмомъ, ни свободою. Власть папы неизбежно должна быть властью патріархальной, его государство должно болѣе походить на семейство, тѣмъ на государство: потому не только нѣтъ надобности, чтобы его владѣнія были

очень обширно, а напротив, по нашему мнѣнію, очень прилично ему имѣть ограниченный объемъ. Чѣмъ меньше будетъ территорія, тѣмъ больше будетъ государь!

„Большое государство имѣеть извѣствыя условія, которымъ не можетъ удовлетворить папа. Большое государство захочетъ жить политически, совершенствовать свои учрежденія, участвовать въ общемъ движеніи идей, пользоваться измѣненіями временъ, завоеваніями науки, прогрессомъ человѣческаго разума. Оно не будетъ имѣть этой возможности. Его законы будутъ скованы догматами. Его дѣятельность будетъ парализована преданіемъ. Его патриотизмъ будетъ осужденъ его вѣрою! Ему нужно будетъ или самоотреченіе до неподвижности, или оппозиція до востанія. Миръ, идя впередъ, оставитъ его позади. Тогда произойдетъ одно изъ двухъ: или все угаснетъ въ этомъ народѣ и не останется въ немъ никакой благородной дѣятельности жизни; или высокія стремленія національности восторжествуютъ и тогда матеріальная сила должна будетъ, какъ уже и бывало, замѣнять недостаточность нравственнаго авторитета. При такихъ условіяхъ свѣтская власть папы будетъ держаться только опоромъ австрійскихъ или французскихъ войскъ, занимающихъ его владѣнія.

„Прискорбная крайность.... Церковь найдетъ въ этомъ не условіе независимости, а только причину недовѣрія къ ней и безсилія. Франція не можетъ хотѣть этого. Люди истинно-религіозные не хотятъ этого.

„Итакъ, свѣтская власть папы необходима и законна, но не совмѣстна съ государствомъ, хотя сколько нибудь обширнымъ. Она возможна только тогда, когда изъята отъ всѣхъ обыкновенныхъ условій власти, отъ всего составляющего дѣятельность, развитіе, прогрессъ свѣтской власти. Она должна жить безъ арміи, безъ представительныхъ собраній и, такъ сказать, безъ законовъ и правосудія. Это управленіе особеннаго рода, болѣе близкое къ семейной власти, нежели къ управленію народомъ.... Изъ этого натурально слѣдуетъ, что вопросъ, по нашему мнѣнію, не въ томъ, сколько подданныхъ будетъ у папы, какъ обширно будетъ его владѣніе. Оно должно быть достаточнымъ для того, чтобы самому папѣ не быть подданнымъ, быть государемъ въ свѣтскомъ отношеніи. Но эта свѣтская власть не должна обязывать его играть политическую роль, потому что иначе папа находилъ бы въ этой власти не гарантію независимости, а только условіе рабства для себя или необходимость порабощенія для своего народа.

„Можно согласиться, чтобы существовалъ въ Европѣ небольшой кусокъ земли, огражденный отъ страстей и интересовъ, волнующихъ другіе народы, и посвященный исключительно прославленію Бога“. Этимъ уголкомъ долженъ быть Римъ, славный своими воспоминаніями и памятниками. „Религія, воспоминанія, искусства также составляютъ національность. Жители Рима подъ властью главы церкви, конечно, подчиняются особеннымъ условіямъ общественнаго и гражданскаго быта; но если они не члены великаго отечества, за то они граждане славной метрополи, вліяніе которой простирается повсюду, гдѣ сохраняется и распространяется вѣра.

„Итакъ, Римъ принадлежитъ главѣ церкви. Если бы онъ забавился отъ этой священной власти, онъ тотчасъ же потерялъ бы весь свой блескъ...

„Итакъ исторія, религія, полтика совершенно оправдываютъ отступленіе отъ правильныхъ и нормальныхъ условій жизни народовъ. Нѣтъ ничего проще, законнѣе и вужнѣе того, чтобы папа царствовалъ въ Римѣ, владѣя небольшою территорією. Для удовлетворенія столь высокому интересу дозволительно лишить нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ участія въ жизни націй, но не принося ихъ въ жертву и обезпечивая имъ гарантію благосостоянія и общественной безопасности... Мы понимаемъ свѣтское управленіе папы по образу церковнаго управленія. Это не диктатура, а первосвященничество. При широкомъ развитіи муниципальной жизни, снимающемъ съ него отвѣтственность за административные интересы, онъ можетъ оставаться въ сферѣ, возвышающейся надъ веденіемъ дѣлъ...

„Другой очень важный вопросъ въ томъ, чтобы католическое исповѣданіе получало свои доходы не исключительно отъ подданныхъ папскаго правительства. Папа духовный государь всѣхъ вѣрующихъ; было бы несправедливо, чтобы расходы, необходимые для поддержанія блеска приличнаго величію главы церкви, лежали на жителяхъ его владѣній. Эти расходы, требуемые интересами всѣхъ католическихъ державъ, должны быть

покрываемы ими посредствомъ щедрыхъ даней, плвитимыхъ папскому престолу.... Такимъ образомъ будетъ достигнуть результатъ двояннй драгоцнннй: съ одной стороны пала найдеть новое освщнене всеобщности и единства принадлежащей ему нравственной власти въ дани католическихъ державъ; съ другой стороны онъ не будетъ принужденъ угнетать свой народъ налогами, которые, наполняя казну его, наносили бы вредъ его имени.

„Словомъ сказать, будетъ въ Европѣ народъ, имѣющій свою главою не столько государя, сколько отца,—народъ, права котораго будутъ ограждены не столько законами и учреждениями, сколько сердцемъ его владыки. Этотъ народъ не будетъ имѣть представительнаго собранія, арміи, журналистики, судилвщъ. Вся его общественная жизнь будетъ сосредоточена въ его муниципальномъ устройствѣ. Внѣ этого узкаго круга ему не будетъ другихъ занятій, кромѣ созерцанія искусства, поклоненія развалинамъ и молитвы. Онъ будетъ навсегда лишень той благородной дѣятельности, которая во всѣхъ странахъ служитъ возбужденіемъ патриотизму и законною карьерою для умственныхъ талантовъ и возвышенныхъ характеровъ. Подъ управленіемъ папы нельзя будетъ искать ни воинской, ни ораторской, ни политической славы.... Конечно, въ этомъ исключительномъ положеніи есть нѣчто тяжелое для людей, чувствующихъ въ себѣ благородное честолюбіе приносить пользу себѣ и другимъ своими достоинствами: они осуждены на бездѣйствіе. Но этой жертвы надобно требовать отъ нихъ во имя высшихъ интересовъ, передъ которыми должны исчезать частные интересы....

„Необходимость сохранить свѣтскую власть папы;

„Необходимость освободить его, по возможности, отъ всѣхъ отвѣтственности, лежащихъ на правительствѣ, и поставить главу церкви въ такой сферѣ, въ которой его духовная власть не могла бы ни стѣсняться, ни компрометироваться его политическою властью;

„Необходимость не расширять, а уменьшить его территорію для достиженія этой цѣли и уменьшить, а не увеличить число его подданныхъ;

„Необходимость дать населенію этого государства, лишенному выгодъ политической жизни, вознагражденіе за нихъ попечительною, отеческою, экономною администраціею,— вотъ въ краткихъ словахъ мысли, которыя мы хотѣли доказать на предыдущихъ страницахъ.

„Какъ слѣдствіе этихъ выводовъ, представляется другой вопросъ, щекотливый, рѣшеніе котораго облегчается однакоже, по нашему мнѣнію, помощью принциповъ, нами вложенныхъ.

„Романья фактически отложилась въ послѣднее время отъ власти папы. Она провела нѣсколько мѣсяцевъ подъ властью временнаго правительства. Ею управляетъ теперь губернаторъ, власть котораго простирается на всѣ государства центральной Италіи. Такимъ образомъ это отдѣленіе имѣетъ за себя авторитетъ совершившагося факта.

„Должно ли возвратить Романью папѣ?

„Въ разрѣшеніи этого вопроса мы будемъ руководствоваться только интересами папской власти... Полезно ли для славы церкви, для нравственной силы ея главы, чтобы Романья была возвращена въ наслѣдство папскаго престола?...“ Далѣе брошюра доказываетъ, что Романья составляетъ законное владѣніе папскаго престола. Но, продолжаетъ авторъ, „будучи законнымъ владѣніемъ папскаго престола, составляетъ ли Романья необходимое расширеніе его свѣтской власти, даетъ ли она ему силу и безопасность? Если такъ, нельзя было бы колебаться; вопросъ былъ бы рѣшенъ для всѣхъ католиковъ.

„Мы не думаемъ, чтобы отдѣленіе Романья было уменьшеніемъ для свѣтской власти папы. Правда, его территорія уменьшается, но его политическая сила, забавляясь отъ парализующаго ее сопротивленія, не ослабляется, а нравственно возрастаетъ. Повторяемъ: сила папы не въ обширности владѣній, которыя можетъ сохранять онъ только оружіемъ иностранной державы, не въ числѣ подданныхъ, надъ которыми можетъ онъ царствовать только насиліемъ... Много или мало людей въ его владѣніяхъ, не въ томъ вопросъ. Нужно то, чтобы онъ имѣлъ достаточное число подданныхъ для своей независимости, в не слишкомъ большое число ихъ, которое вовлекало бы его въ тѣ волненія страстей, интересовъ, нововведеній, которыя происходятъ повсюду, гдѣ объемъ великъ...“

Если бы Романья добровольно подчинилась папѣ, она не была бы затрудненѣе для него, продолжаетъ брошюра. Но она не хочет повиноваться ему, и потому возвратитъ Романью папѣ, значило бы вводить его въ затрудненіе.

„Церковь была бы принуждена считать невѣрными сынами непокорныхъ подданныхъ и поражать отлученіемъ возстающихъ на нее! Чтобы остаться владычицей, она, быть можетъ, должна была бы отказаться отъ своего прекраснѣйшаго имени, отъ имени матери! Она не хочетъ этого. Этому не хотятъ епископы и католики. Возвращеніе владѣнія, покупаемое такими жертвами, было бы для нея пораженіемъ, а не торжествомъ. Для возвращенія нѣсколькихъ сотъ жителей подъ свѣтскую власть папы она нанесла бы его духовной власти ударъ, отъ котораго сохранить ее покровительство Божіе и покровительство Европы.

„Но это не все. Предположимъ невозможный случай, предположимъ, что церковь не боится этого вреда и папа не отступаетъ передъ такою крайностью; предположимъ, что согласились возвратитъ Романью папскому правительству. Какъ сдѣлать это?

„Путемъ убѣжденій этого нельзя сдѣлать, какъ доказываетъ безуспѣшность подобныхъ усилій императора французовъ. Необходимо было бы употребить силу.

„Можно ли употребить ее? И если прибѣгать къ ней, кому поручить это дѣло? Поручитъ ли его Франціи? или поручитъ его Австріи?

„Вооруженное вмѣшательство для покоренія итальянцевъ было бы дѣломъ самымъ гибельнымъ для старыхъ правительствъ и особенно для папскаго правительства. Возстановленіе, совершаемое иноземною силою, никогда не было счастливо; оно всегда терпѣло наказаніе за свое происхожденіе. Когда власть наложена на страну иностранцами, воля страны никогда не принимаетъ эту власть и гнѣвъ страны почти всегда низвергаетъ ее.

„Правда, что Франція возвратила Пія IX въ Римъ. Для церкви была несчастіемъ надобность прибѣгнуть къ этой крайности; это доказывается необходимостью длить занятіе Рима нашею арміею. Надобно прибавить, что Римъ находится въ исключительномъ положеніи, указанномъ ему исторіею. По своему прошедшему величію онъ посвященъ назначенію, которое исполняетъ съ самаго начала папской власти. Онъ не можетъ уйти отъ этой судьбы—она предназначена ему. Это приговоръ цивилизаціи, исторіи и самаго Бога.

„Но необходимо ли для другихъ городовъ церковнаго государства то, что необходимо для Рима? Мы этого не думаемъ...

„Пойдемъ далѣе и спросимъ: кому было бы поручено совершить эту насильственную реставрацію? Франціи? или Австріи?

„Франціи! Но, она не можетъ. Будучи католической націей, она не согласилась бы нанести этотъ тяжелый ударъ нравственному могуществу католицизма; будучи націей либеральной, она не могла бы принуждать народы подчиняться правительствамъ, отвергаемымъ ихъ волею... Франція не привыкла принуждать народы. Когда она вмѣшивалась въ ихъ дѣла, она освобождала, а не поработала ихъ... Въ Италіи, больше чѣмъ гдѣ нибудь. Франція обязана держаться принципа своей либеральной политики. Франція заботливо удерживалась отъ того, чтобы ободрять и признавать правительства, существующія de-facto въ центральной Италіи. Она истощила всѣ дипломатическія усилія для примиренія государей и подданныхъ. Но она не можетъ забыть, что эти новыя правительства родились въ тотъ день, когда удалась Австрія. Они родились изъ законной реакціи противъ иноземнаго занятія, отъ благороднаго національнаго порыва къ Франціи, пришедшей спасти независимость Италіи.

„Въ Болоньѣ, какъ въ Моденѣ, Парижѣ и Флоренціи, пала собственно не власть прежнихъ государей, а вліяніе Австріи, подъ которымъ государи къ несчастію лишили національнаго характера свою власть.

„Безъ сомнѣнія слѣдовало бы желать, чтобы правительство, павшее отъ реакціи столь долго угнетеннаго національнаго чувства, могло возстановиться подъ гарантіею общанныхъ реформъ. Судѣяствуя этому, Франція сохраняла истину своей умѣренной политики. Но дѣлалъ больше, обращая теперь противъ итальянскаго народа побѣдоносные штыки, защищавшіе его полгода тому назадъ противъ Австріи, она поступила бы въ противность

своимъ оредашимъ, своимъ интересамъ и своимъ дѣламъ. Провозгласивъ велишій принципъ справедливости и національности, Франція не можетъ отказаться отъ своего славнаго праваши и оставить Англіи, нашей либеральной союзницѣ, исключительную привилегію требовать осуществленія послѣдствій иниціативы императора и побѣдъ нашего оружія.

„Но если Франція не можетъ рѣшиться на виѣшательство, пусть предоставитъ она его Австріи! Такъ говорятъ приверженцы иностраннаго виѣшательства въ итальянскіи дѣла. Итакъ, мы подвергались риску великой войны, одержали четыре побѣды, потеряли 50,000 человекъ, истратили 300 милліоновъ, взволновали Европу для того, чтобы Австрія тотчасъ по заключеніи мира возвратила себѣ въ Италиі владычество, которымъ пользовалась до своихъ пораженій!.. Нѣтъ, французская политика не допускаетъ такихъ противорѣчій, такихъ отступленій.

„Владычество Австріи въ Италиі кончилось... Чтобы Австрія могла возвратиться во Флоренцію, въ Парму или Болонью, нужно было бы предположить, что она побѣдила насъ“.

Итакъ, продолжаетъ брошюра, Франція не можетъ ни произвести сама, ни дозволить Австріи вооруженнаго виѣшательства въ Романьѣ. А если такъ, кому же поручить это дѣло? королю Неаполитанскому? Но войска его заняты предотвращеніемъ внутреннихъ волненій и его виѣшательство произвело бы революцію въ цѣлой Италиі.

„Только одно виѣшательство будетъ правильно, успѣшно и законно:—виѣшательство всей Европы, собравшейся на конгрессъ для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ объ измѣненіи границъ и пересмотрѣ трактатовъ.

„По принципамъ международнаго права, это дѣло подлежитъ власти конгресса“. Территориальное распредѣленіе Италиі, продолжаетъ брошюра, установлено вѣнскими конгрессомъ; другой такой же конгрессъ будетъ имѣть власть измѣнить его. Иначе, надобно признать, что вѣнскій конгрессъ не имѣлъ власти отдавать Романью папѣ. Говорятъ, что владѣнія папы нераздѣльны; это совершенная неправда: они соединялись, раздроблялись, переходили изъ рукъ въ руки.

„Основанія, приводимыя лицами, уменьшающими власть конгресса и желающими связать его свободу, не имѣютъ силы. Европа могла пожертвовать Италикою въ 1815 году; тѣмъ болѣе можетъ она въ 1860 году освободить и спасти ее. Право на это остается прежнее, требуютъ только того, чтобы оно получило лучшее примѣненіе... Что нужно сдѣлать при настоящемъ положеніи дѣлъ для примиренія интересовъ, кажущихся непримиримыми?

„Двѣ крайнія партіи стоятъ одна противъ другой. Одна хотѣла бы отнять у папы все, другая хотѣла бы все возвратить ему. Обѣ эти гипотезы, по нашему мнѣнію, одинаково не могутъ быть приняты и обѣ имѣли бы одинаковый результатъ для папской власти, хотя радикально противоположны другъ другу.

„Мы думаемъ, что надобно поступить иначе. Во-первыхъ, мы хотѣли бы, чтобы конгрессъ призналъ необходимость свѣтской власти папы за существенный принципъ европейскаго порядка. Для насъ въ этомъ сущность дѣла. Принципъ кажется намъ тутъ важнѣе, нежели бѣльшая или меньшая обширность владѣнія, натурально вытекающаго изъ него. Объ этомъ владѣніи надобно сказать, что вся его важность сосредоточивается въ городѣ Римѣ. Другія области не важны. Городъ Римъ и наслѣдіе Петра должны быть гарантированы папѣ великими державами, виѣстѣ съ значительнымъ доходомъ, который католическія державы будутъ платить папѣ, какъ дань уваженія и покровительства. Итальянская милиція, составленная изъ отборныхъ людей союзной итальянской арміи, должна ограждать спокойствіе и неприкосновенность папскаго престола...

„Произвестъ эту переиѣну, ставшую необходимой для упроченія свѣтской власти папы, долженъ конгрессъ... Какъ учрежденіе духовное, папство не можетъ бояться людей. Какъ учрежденіе политическое, оно подвержено всѣмъ испытаніямъ и несчастіямъ челоуѣческихъ дѣлъ. Для спокойствія и чести всей Европы нужно, чтобы папство не колебалось въ томъ видѣ, какой приданъ ему временемъ и исторію. Интересъ католическихъ и не католическихъ державъ тутъ одинаковъ, потому что независимость папы не только вопросъ совѣсти и религіи, но также гарантія нравственнаго равновѣсія въ мірѣ. Это великое дѣло не можетъ не быть важнымъ для каждого...

„Напрасно было бы обольщать себя: папскій престоль стоять на вулканѣ, и пер-
восвященнику, которому вручалъ Богъ охраненіе мира на землѣ, самому постоянно гро-
зить революціи... Онъ держится только покровительствомъ инстральныхъ арій, кото-
рыя, защищая, компрометируютъ его. Онѣ возбуждаютъ противъ него раздражительно-
ность національнаго чувства, онѣ свидѣлствуютъ, что онъ не можетъ вѣрить себя
любви и уваженію подданныхъ.

„Только ослѣпленіе и непредусмотрительность можетъ желать продолженія такого
печальнаго положенія; просвѣщенная и почтительная преданность желаетъ какъ можно
скорѣе измѣнить его. Это измѣненіе необходимо, безотлагательно; только явные враги
или слѣпые друзья папы могутъ отвергать его. Вопросъ не въ томъ, уменьшатся ли
владѣнія папскаго престола, а гъ томъ, чтобы спасти его.

„Когда Франція вступилась за Италію, великій интересъ спасенія папской власти
былъ однимъ изъ серьезнѣйшихъ предметовъ заботливости императора французовъ. Им-
ператоръ Наполеонъ видѣлъ, что свѣтская власть папы, восстановленная въ 1849 году
его войсками и съ той поры поддерживаемая ими, подвергается серьезнымъ опасно-
сти въ своемъ политическомъ существованіи. Онъ понялъ, что должно спасти пап-
скую власть освобожденіемъ Италіи. Богъ благословилъ его намѣренія и далъ ему по-
бѣду. Но его слава осталась бы безплодна, если бы, возвращая народу національность,
она не ограждала безопасность и независимость церкви.

„Императоръ Наполеонъ I примирилъ новое общество и вѣру конкордатомъ. Какъ
гениальный государственный человекъ и какъ благонамѣренный частный человекъ, онъ
вовстановилъ алтари и возвратилъ богослуженіе благородной Франціи, униженной скен-
тизмомъ и оскверненной анархіею, которая въ день безумства назвалась богинею разума.

„Да будетъ, въ свою очередь, его преемникъ нѣтъ славу приписать папу, какъ
свѣтскаго государя, съ его народомъ и съ его временемъ! Объ этомъ должны просить
Бога всѣ искренно католическія сердца“.

II.

Разговоръ француза съ англичаниномъ.

(изъ Times'a 23 декабря 1859).

„Послѣ нѣсколькихъ неважныхъ словъ о предметахъ незамѣчательныхъ, англича-
нинъ, съ обычною своею прямою, продолжалъ:

— Вы знаете мои чувства къ Франціи и мое искреннее желаніе видѣть полнѣй-
шее единодушіе между моею родиною и вашимъ отечествомъ. Судите же о моемъ удив-
леніи и (позвольте прибавить) о моей печали, когда я видѣлъ, что отношенія между
нашими странами постепенно и глубоко измѣнились,—по крайней мѣрѣ, сколько можно
судить по наружности. Я внимательно и добросовѣстно изучалъ расположеніе умовъ въ
Англіи. Я разспрашивалъ и прислушивался къ мнѣніямъ людей всѣхъ состояній, отъ
высшаго до низшаго, и долженъ, къ великому своему прискорбію, сказать вамъ, что
во всѣхъ сословіяхъ недовѣріе дошло до того, что мы видимъ во всѣхъ словахъ Фран-
ціи только угрозы намъ, опасеніе дошло до того, что намъ показалось необходимо
приготовляться къ оборонѣ. Потому я обращаюсь къ вамъ, чтобы вы разъяснили мнѣ
факты, вообще считаемыя въ Англіи явными уликами дурныхъ намѣреній Франціи от-
носительно насъ.

Французъ. Какъ! вы, человекъ столь пронцательный и прямодушный,—при ва-
шемъ столь здоровомъ образѣ сужденій, при вашемъ столь основательномъ и просвѣ-
щенномъ умѣ,—вы также заразились этимъ повѣтріемъ? Нѣтъ, я засмѣялся бы, если бы
не зналъ, что вы говорите серьезно; я почелъ бы васъ безразсуднымъ, если бы не
зналъ, какъ вы рассудительны. Да, скажу вамъ, что, по мнѣнію моихъ соотечественни-
ковъ и моему собственному мнѣнію, паническій страхъ, овладѣвшій Англіею, просто без-
разсудство.

Англичанинъ. Безразсудство, если хотите; но тѣмъ не менѣе фавтъ этотъ существуетъ, и стало быть заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Вы сами понимаете, какъ гибеленъ можетъ быть результатъ, когда столь многие неосновательные слухи пользуются довѣріемъ. Въ обѣихъ странахъ умы раздражаются, и ничтожнѣйшей причины будетъ довольно къ произведенію разрыва, малѣйшей искры довольно для воспламененія пожара.

Французъ. Трудно возвратити къ истинѣ тѣхъ, которые упорно уклоняются отъ нея, и вальчить такихъ слѣсныхъ, которые не хотятъ видѣть. Но я хочу представить вашему больному воображенію факты, неподлежащіе опроверженію, хочу фантаманъ, носящимся въ Англіи, противопоставити дѣйствительность, которую легко провѣрити и доказать до безспорности. Сначала пусть говорятъ факты, потомъ я представлю цифры. Ни одной изъ иностранныхъ державъ не далъ императоръ столько гарантій своего желанія жить въ доброй дружбѣ съ нею, сколько далъ Англіи. Едва достигнувъ власти, онъ, въ противность національному собранію, послалъ французскому флоту приказаніе дѣйствовать за-одно съ вашимъ на востокъ. Потомъ онъ соединился съ вами на Крымскую войну. Когда возстаніе, вспыхнувшее въ Индіи, отвлекло всѣ силы вашей арміи, воспользовался ли онъ отсутствіемъ вашихъ войскъ для заведенія ссоры съ вами? Напротивъ, онъ предложилъ англійскимъ войскамъ путь черезъ Францію. Виѣсти съ императорскою гвардіею, онъ участвовалъ въ подпискѣ для вашихъ раненыхъ, между тѣмъ какъ (скажу мимоходомъ и безъ намѣренія дѣлать упрекъ) наши раненые въ Италіи повидимому нашли васъ равнодушными. Наконецъ, сколько въ послѣднія десять лѣтъ было разными правительствами предложено мѣръ, которыя могли быть не выгодны для Англіи? Онъ отвергалъ всѣ ихъ и не выставлялъ въ заслугу себѣ передъ вами то, что отвергаетъ ихъ. Какъ можно было вдругъ забыть столь многочисленныя доказательства столь постоянной дружбы? Какъ могло произойти, что недовѣріе и заблужденіе явились результатомъ, котораго натурально должно было бы ожидать отъ нея? Какъ можно было отвѣчать страстно и ошибочно тревогою на образъ дѣйствій, столь честный? Напрасно иду я причины внезапному испугу Англіи, — я не могу понять этой причины. И,—Боже мой!—какое время было выбрано для распространенія испуга? то самое время, когда императоръ представилъ вамъ рѣдкій примѣръ угнѣренности. Именно съ того дня, какъ онъ предложилъ и заключилъ миръ, вздумали приписывать ему честолюбивые замыслы; его стали представлять идущимъ къ новымъ завоеваніямъ, когда, остановивъ стремительность своихъ войскъ, онъ такъ рѣшительно начерталъ границу, далѣе которой не хочетъ вести свою побѣду. Надобно назвать нелѣпностью, оогда обращаютъ такимъ образомъ въ любителя войны человѣка, миролюбивѣе котораго никто не можетъ представить, когда обращаютъ въ причину страха то, что должно бы служить залогомъ безопасности.

Англичанинъ. Я согласенъ, что образъ дѣйствій императора можетъ служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ для насъ и что его симпатія къ Англіи никогда не переставала внушать намъ довѣріе. Но народъ—но армія! Будемъ говорить откровенно. Скажите, развѣ народъ и армія не ненавидятъ насъ? и не принудитъ ли когда нибудь общественное мнѣніе вашего государя объявить войну намъ?

Французъ. На такіе вопросы я отвѣчаю: ошибка, жесточайшая ошибка! Нельзя не сознаться, что въ обѣихъ странахъ есть въ глубинѣ еще угнѣлѣвшій остатокъ вражды и соперничества, но онъ существуетъ болѣе въ скрытомъ, нежели въ наступательномъ состояніи. Съ одной стороны матеріальные интересы, съ другой либеральныя идеи постоянно влекутъ къ тѣснѣйшему сближенію обѣ страны. Притомъ Франція болѣе практична, тѣмъ вы полагаете. Какую матеріальную и нравственную выгоду могла бы принести намъ война съ вами? Никакой, абсолютно никакой, потому никто и не желаетъ ея. Но *есть* ли ваши мысли высказали вы? Не умалчиваете ли вы о какой-нибудь причинѣ этого столь всеобщаго недовѣрія Англіи къ императору и его правительству? Будьте искренны и я буду искрененъ.

Англичанинъ. Хорошо, я буду искрененъ. Вотъ наше рѣшительное основаніе, вотъ главная причина нашего неудовольствія: развитіе даваемое французскому флоту совершенно не пропорціонально потребностямъ и величію вашего отечества.

Французъ. Это опять предразсудокъ. Возможно-ли человѣку, подобному вамъ, раз-

дѣлать его? Кажется, если бы Англія лежала въ странахъ антиподовъ, а не въ ирѣскольшихъ часахъ отъ нашей границы, она не была бы болѣе чужда знанію о томъ, что дѣлается во Франціи. Вы говорите о нашихъ чрезвычайныхъ вооруженіяхъ, но увѣрены ли вы въ этомъ фактѣ? Нѣкоторыя газеты печатали это, и вы прочли. Нѣкоторые люди говорили объ этомъ, и вы повѣрили, — вотъ все, вотъ единственный источникъ вашего увѣжденія. Узнайте же, что такое дѣлается во Франціи; и считайте мои слова вѣрными. Ни одного сантима нельзя издержать безъ рѣшенія законодательнаго корпуса и безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ. Справьтесь съ бюджетами флота и арміи, вы не найдете въ нихъ никакого чрезвычайнаго расхода со стороны правительства.

Англичанинъ. Ваши бюджеты ничего для меня не значатъ. Я не знаю, какъ они составляются. Составлять цифры легко: онѣ способны группироваться какъ угодно; факты, напротивъ, не поддаются; вы ссылались на нихъ, и я, въ свою очередь, сошлюсь на нихъ. Въ Тулонѣ и въ Брестѣ вы строите корабли, обитые желѣзомъ. Противъ кого они могутъ назначаться, если не противъ насъ? Въ Нантѣ вы строите сотни плоскодонныхъ лодокъ, — для чего онѣ строятся, если не для того, чтобы въ минуту высадить 20,000 солдатъ на нашъ берегъ? Скажу еще о вашихъ громадныхъ заготовленіяхъ каменнаго угля, о поразительной дѣятельности вашихъ арсеналовъ. Повсюду вы строите корабли, повсюду вы лете нарѣзныя пушки, ядра и бомбы. Это факты явные, всѣмъ извѣстные. Какой отвѣтъ вы мнѣ дадите на нихъ?

Французъ. Самый категорическій. Выслушайте меня со вниманіемъ, я буду ссылаться на законы и штаты, на подлинныя отчеты, относящіяся къ періоду, котораго вы не заподозрите. По королевскому повелѣнію 22 ноября 1846 года, размѣръ морскихъ силъ на мирномъ положеніи долженъ состоять изъ 328 кораблей, въ томъ числѣ 40 линейныхъ кораблей и 50 фрегатовъ. Корабли тогда были парусные. Когда вспыхнула Крымская война, Франція имѣла очень мало паровыхъ кораблей. Легко было видѣть, что время парусныхъ судовъ прошло, что необходимо смѣлое принятіе принципа: отнынѣ всѣ линейные корабли должны быть паровыми. Потому императоръ въ 1855 году назначилъ подъ предсѣдательствомъ адмирала Гамлена комиссію для опредѣленія основаній, какія долженъ имѣть новый флотъ, необходимый для Франціи. Докладъ комиссіи говорилъ, что надобно преобразовать наши парусные корабли въ паровые и приспособить къ нимъ наши гавани, въ особенности построеніемъ верфей и доковъ, имъ требуемыхъ. Докладъ комиссіи заключался требованіемъ, чтобы ежегодный бюджетъ на матеріалы для поддержанія морскихъ силъ былъ увеличенъ ежегодно суммою въ 25 милліоновъ франковъ на 13 лѣтъ, — этотъ періодъ комиссіи считала необходимыми для совершенія переделки. Изъ этой суммы 5 милліоновъ франковъ назначались на устройство гаваней. Когда докладъ былъ предложенъ на разсмотрѣніе государственному совѣту, онъ уменьшилъ до 17 милліоновъ франковъ на 13-лѣтній періодъ размѣръ чрезвычайнаго кредита, требуемаго для флота. Не утомляйтесь этими подробностями. Вотъ еще одна, относящаяся къ послѣднему времени и совершенно достоверная. Въ 1859 году нашъ флотъ состоялъ изъ 27 паровыхъ линейныхъ кораблей, 15 паровыхъ фрегатовъ и 3 фрегатовъ одѣтыхъ желѣзомъ. Такимъ образомъ, чтобы достичь цифры, опредѣленной при Луи-Филиппѣ для флота по мирному положенію, мы должны снабдить паровыми машинами 13 линейныхъ кораблей и построить 35 фрегатовъ, — это потребуетъ по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ. Относительно одѣтыхъ желѣзомъ фрегатовъ, составляющихъ изобрѣтеніе императора, я скажу, что опытъ постройки ихъ былъ дѣломъ самымъ натуральнымъ, потому что, если онъ будетъ удаченъ, ими съ выгодой могутъ быть замѣнены линейные корабли. Но это не все. Необходимость имѣть исключительно паровой флотъ подвергла насъ издержкамъ, отъ которыхъ могла избавить себя Англія. Когда у насъ флотъ былъ парусный, мы, отправляя экспедицію, наприѣмъ въ Африку, въ Крымъ, въ Италію, легко могли находить въ торговомъ флотѣ парусные транспорты для солдатъ, лошадей и запасовъ. Но торговый нашъ флотъ теперь еще не такъ развить, чтобы можно было находить въ немъ паровые транспорты, когда они бываютъ намъ нужны. Потому мы принуждены строить ихъ, чтобы всегда имѣть въ готовности извѣстное число транспортовъ. Эта необходимость такъ настоятельна, что вотъ въ эту

минуту, когда я говорю съ вами, всё наши транспорты идугь въ Китай, и чтобы не остаться намъ рѣшительно безпомощными, морское министерство было принуждено купить въ Англіи три большіе парохода. Вы видите, я хочу убѣдить васъ, что не колеблюсь открывать вамъ самую сущность дѣлъ и мельчайшія подробности нашего положенія.

Англичанинъ. Эти категорическія объясненія начинаютъ успокоивать меня. Можете ли вы дать мнѣ такое же объясненіе о запасахъ каменнаго угля и о лодвахъ, предназначенныхъ для высадки войска?

Французъ. Продолжаю съ тою же откровенностью. Нѣсколько мѣсяцевъ тону назадъ, ваше торійское министерство такъ сильно противилось итальянской войнѣ, что во всемъ выказывалось его расположеніе стая на сторону Австріи. Оно даже хотѣло объявить каменный уголь военною контрабандою. А нашъ флотъ употребляетъ исключительно англійскій уголь. Морскому министерству надобно было тогда обратить вниманіе на полу-враждебное положеніе вашего министерства и поискать средствъ, чтобы снабжать, въ случаѣ надобности, французскій флотъ французскимъ углемъ. Его обязанность—не оставлять нашихъ средствъ къ дѣйствию въ зависимости отъ произвола вашего министерства. Для этого были произведены опыты надъ измѣненіемъ нашихъ паровиковъ и былъ привезенъ въ Нантъ уголь, предназначенный къ доставленію въ Брестъ внутренними нашими кавалами. Было построено 60 желѣзныхъ плоскодонныхъ барокъ для облегченія перевозки угля. Но эти барки совершенно не таковы, какъ лодки предназначенныя для высадки войскъ, и не заслуживали чести пробуждать ваши опасенія, тревожить вашъ сонъ.

Англичанинъ. Хорошо. Но все-таки вы закупили у насъ огромное количество каменнаго угля.

Французъ. Совершенная правда. Но важность въ томъ, чтобы знать, зачѣмъ было намъ нужно это большое количество угля, пугающее васъ. Оно исключительно назначено снабжать нашъ флотъ въ Китаѣ и въ другихъ частяхъ свѣта. Съ перваго іюля мы наняли во Франціи 51 корабль отвезти 26,000 тоннъ угля на Мартинику, во французскую Гвіану, въ Сенегаль, въ Горею, на островъ Соединенія, въ Гонгъ-Конгъ, Шанхай, Сайгонгъ, на островъ Маврикія, въ Сингапуръ. Въ Англіи мы наняли 25 кораблей отвезти 31,000 тоннъ угля въ Гонгъ-Конгъ, Вузунгъ, Сингапуръ, Эчусангъ, Лоанду, и на мысъ Доброй Надежды. Вы можете получить положительныя доказательства достовѣрности всѣхъ этихъ подробностей и должны будете согласиться со мною, что опасенія вашихъ соотечественниковъ фантастичны и не имѣютъ разумнаго основанія.

Англичанинъ. Охотно соглашаюсь, что ваши слова имѣютъ видъ истины. У меня остается еще одно возраженіе; оно относится къ вашимъ арсеналамъ. Если, какъ вы увѣряете, ваше правительство не думаетъ возобновлять войну, зачѣмъ оно показываетъ такую большую дѣятельность?

Французъ. Вижу, что напрасно я указывалъ вамъ на основной фактъ, на тотъ фактъ, что подобно другимъ державамъ мы выходимъ въ періодъ полного преобразованія: вы, кажется, не хотите понимать этого. Намъ надобно переимѣнить не только всю матеріальную часть флота, но и всю нашу сухопутную артиллерію. У императора было въ Италіи 200 парѣзныхъ пушекъ, но ему нужно будетъ еще три или четыре года для совершеннаго окончанія этого преобразованія.

Англичанинъ. Благодарю васъ за всѣ эти свѣдѣнія. Я постараюсь воспользоваться ими.

Французъ. Позвольте мнѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Вы откровенно высказали всѣ опасенія, внушаемыя вамъ мнѣ отечествомъ; но я еще не высказалъ вамъ всего моего мнѣнія о вашемъ отечествѣ. Если въ Англіи убѣждены, что Франція хочетъ объявить войну вамъ, то мы въ свою очередь убѣждены, что недовѣріе, возбужденное противъ насъ въ Англіи, произведено разчетомъ одной изъ вашихъ партій. Партіи торіи, разстроенная, какъ вы знаете, сэромъ Робертомъ Пилемъ, ищетъ средствъ возстановить свою организацію, и по ея мнѣнію лучшимъ средствомъ къ этому было бы возобновленіе ненависти къ Франціи и составленіе противъ насъ Европейской коалиціи.

какъ въ 1804 году. Государственные люди, руководящіе теперь общественнымъ мнѣніемъ, не могутъ не знать всего, что я говорилъ. Мы думаемъ, что тори, вмѣсто опроверженія этихъ ошибокъ, стараются укрѣпить ихъ и слѣдуютъ своей политикѣ съ на слѣдственнымъ упорствомъ. Но пусть они подумаютъ, чтобы, стараясь обманывать другихъ, не кончить имъ обольщеніемъ самихъ себя. Я вспоминаю анекдотъ объ одномъ марсельцѣ, которымъ можно закончить нашъ разговоръ, уже слишкомъ длинный. Этотъ марселецъ, желая подшутить надъ своими согражданами, сталъ кричать на улицѣ, что въ марсельскую гавань вошелъ китъ. Шутка удалась, и всѣ побѣжали къ гавани. Но, скоро, увлеченный примѣромъ, онъ самъ побѣжалъ по одному направленію съ другими посмотреть, не исполнилась ли на самомъ дѣлѣ его выдумка.

Этими словами окончился разговоръ“.

ПОЛИТИКА.

ФЕВРАЛЬ 1860.

Отношенія французской политики къ дѣлу итальянской независимости. — Французская программа о введеніи свободной торговли. — Неудача торіейской попытки низвергнуть министерство Пальмерстона.

Благопріятныя для итальянскаго дѣла демонстраціи, произведенныя Франціею въ концѣ прошедшаго года, такъ поразили большинство европейской публики, что оно не хотѣло обращать вниманія на обстоятельства, которыми была вызвана эта видимая перемѣна, и приписывало ее личному желанію императора французовъ. Люди, болѣе осмотрительные въ своихъ заключеніяхъ, говорили, напротивъ, что дѣло зависѣло отъ надобности избѣжать нѣкоторыхъ преждевременныхъ столкновеній, и отношенія Франціи къ Италіи, оставаясь въ сущности прежними, каковы были со времени вилафранческаго мира, были только по наружности смягчены необходимостью показать уваженіе въ Англіи, сочувствовавшей итальянскому дѣлу. Теперь это мнѣніе подтвердилось столькими фактами, что мало найдется людей, которые захотѣли бы оспаривать его.

Важнѣйшимъ основаніемъ надѣяться на исходъ дѣла, сообразный съ желаніями итальянцевъ, служило до сихъ поръ то, что преждее робкое и вялое министерство ла-Мармори и Дабормиды замѣнилось министерствомъ Кавура. Въ прошлый разъ мы говорили, что онъ получилъ управленіе дѣлами по настоянію Англіи. Тогда мы высказали это просто какъ соображеніе, вытекавшее изъ отношеній между прежнимъ министерствомъ, безусловно подчинявшимся французской политикѣ, и желаніями Англіи, чтобы Сардинія дѣйствовала самостоятельнѣе. Теперь это положительно подтверждено полуофициальными объясненіями. Общественное мнѣніе въ Сардиніи, Ломбардіи, центральной Италіи давно требовало назначенія Кавура министромъ; но Франція противилась этому, и безъ сильнаго покровительства Англіи Кавуру сардинскій король не рѣшился бы удовлетворить общественному мнѣнію. Когда же, повинувась настоянію Англіи, онъ отважился исполнить желаніе патріотовъ, Франція, чтобы не раздражать Англію, не захотѣла противиться перемѣнѣ кабинета. Но съ перваго же раза выказалось, что Франція дурно смотритъ на Кавура. Неблагорасположеніе къ нему обнаруживалось всѣми мелочами, которыми характеризуется дипломатическая вражда; кому было угодно, тотъ могъ не замѣчать этихъ признаковъ непріязни, и оставаться при мысли объ измѣненіи французской политики относительно Сардиніи; но такое заблужденіе въ самыхъ непроницательныхъ

людяхъ могло держаться лишь нѣсколько дней: раздоръ за Савойю скоро открылъ самыя довѣрчивыя истинныя отношенія Франціи къ министерству Кавура.

Еще до начала войны распространился слухъ, что помощь Наполеона III для изгнанія австрійцевъ изъ Италіи Кавуръ купилъ обѣщаеиъ уступить Франціи Савойю. Это опровергалось тогда, но никто не вѣрилъ опроверженіямъ. Теперь достоверно извѣстно, что обѣщаніе было дано. По заключенія мира, люди, которыхъ всѣ считали агентами французскаго правительства, стали хлопотать, чтобы возбудить въ Савойѣ агитацію съ цѣлью присоединенія къ Франціи. Попытки оставались совершенно неудачны, хотя догдашнее сардинское министерство не осмѣливалось мѣшать имъ. Полу-офиціальныя французскимъ газеты съ восторгомъ разеказывали о каждомъ мелочномъ фактѣ, который могъ быть выставленъ доказательствомъ желанія савойяровъ стать французами, и чрезвычайно преувеличивали важность этихъ манифестацій, совершенно ничтожныхъ и устроенныхъ искусственнымъ образомъ. Но когда Англія и другія державы спрашивали Францію, имѣеть ли она виды на Савойю, французское правительство отвѣчало, что такое подозрѣніе неосновательно. Несмотря на эти увѣренія, хлопоты французскихъ агентовъ продолжались, и савойяры, встревоженные ими, увидѣли наконецъ надобность показать, что вовсе не имѣють чувствъ, приписываемыхъ имъ полу-официальными французскими газетами. Въ январѣ собрался большой митингъ въ Шамбери и единодушно выразилъ желаніе Савойи принадлежать по прежнему къ сардинскому королевству. Это вызвало сильный гнѣвъ на савойяровъ со стороны французскихъ полу-официальныхъ газетъ, которыя въ это время уже открыто говорили, что Савойя будетъ неминуемо присоединена къ Франціи. Кавуръ отважился выразить одобреніе савойярамъ, противорѣчаеиъ увѣренію французскихъ агентовъ; французское правительство стало его упрекать за это. Оно перестало скрывать свои намѣренія и отъ ипостранныхъ дипломатовъ. Англійскіе министры въ первыхъ засѣданіяхъ парламента могли еще говорить, что не получали отъ Франціи никакихъ официальныхъ сообщеній по этому дѣлу, но при повтореніи запросовъ о немъ въ парламентъ, теперь они уже признаются, что Франція ведетъ переговоры объ исполненіи своего желанія. На сильныя возраженія, сдѣланныя Англіею, она отвѣчала только, что не приступитъ къ присоединенію Савойи, не спросивъ мнѣнія великихъ Европейскихъ державъ объ этомъ дѣлѣ. Значеніе этой фразы было тотчасъ же объяснено полу-официальными французскими газетами: онѣ объявляютъ, что спрашивать мнѣнія вовсе еще не значить принимать на себя обязанность слѣдовать ему; что если Франція будетъ совѣтоваться съ другими великими державами, это надобно считать просто формальностью. Само французское правительство говорить, что жертвы, принесенныя Франціею въ итальянской войнѣ, требуютъ вознагражденія, и что, увеличивъ силы Пюмонта, Франція нуждается въ новой, болѣе крѣпкой границѣ противъ усилившагося сосѣда. Къ этому прибавляется, что савойяры по своему языку французы, что они съ конца прошлаго вѣка постоянно желали соединиться въ одно государство съ своими единоплеменниками и что во всякомъ случаѣ присоединеніе будетъ произведено не иначе, какъ съ ихъ согласія.

Кавуръ, сколько можетъ, противится такому исходу дѣла. Когда ему напоминають о данномъ передъ войною обѣщаніи, онъ говорить, что не исполнено условіе, съ которымъ было связано обѣщаніе. Въ тайныхъ договорахъ, заключенныхъ имъ съ Франціею, Франція обязывалась совершенно изгнать австрійцевъ изъ

Италии и сделать Виктора-Эммануэля королемъ не одной Ломбардіи, но также и Венеціи. Виллафранкскій миръ не доставилъ ему Венеціи, потому и онъ не обязанъ уступать Савойю. Онъ говоритъ, что и договора объ уступкѣ Савойи не было; это фальшивая тонкость: можетъ быть, не было акта, имѣющаго обыкновенную форму договоровъ; но было дано обѣщаніе, — на бумагѣ или на словахъ, этого мы не знаемъ, да это и все равно.

Если бы французскіе граждане пользовались цѣпью такими же правами, какъ сардинскіе, можно было бы сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли савойяры хотятъ остаться сардинцами. Они дѣйствительно французы по своей національности, и при конституціонномъ устройствѣ Франція было бы очень легко пробудить въ нихъ желаніе присоединиться къ ней. Явиться ему было бы тѣмъ натуральнѣе теперь, что, приобретая Ломбардію, а можетъ быть и центральную Италію, король сардинскій становится владѣтелемъ чисто итальянскаго государства, въ которомъ Савойя теряетъ всю важность, какую имѣла при прежнему небольшомъ объемѣ королевства, имѣвшаго характеръ на-половину французскій. Но разница правительственныхъ формъ между Франціею и Сардиніею рѣшительно отнимаетъ всякую охоту присоединиться въ Франціи у савойяровъ, дорожащихъ нынѣшними своими правами, который утратились бы при переходѣ подъ власть императора. Эта сторона дѣла очень ясно изложена въ письмѣ, которое помѣщено въ Times'ѣ 8 февраля. Приводимъ извлеченіе изъ него:

„Независимо отъ важнаго вопроса о великихъ обще-европейскихъ интересахъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ присоединенія Савойи къ Франціи, я не могу (говоритъ англичанинъ) равнодушно смотрѣть на то, что свободный и довольный народъ передается противъ воли подъ власть нынѣшняго французскаго правительства. Наши предки жертвовали за свободу жизнью. Мы говоримъ, что цѣнимъ парламентское правленіе, наслѣдованное нами отъ нихъ. Мы цѣнимъ нашу свободу печатнаго слова, нашъ судъ, стоящій выше всякаго подозрѣнія или упрека, нашу безопасность отъ полицейскаго произвола, наше право думать и говорить какъ намъ угодно о нашихъ государственныхъ людяхъ и о дѣлахъ, касающихся общества. Можетъ ли человекъ, дорожащій этими учреждениями и правами, — а я подѣсь, что въ Англии мало людей не дорожащихъ ими, — равнодушно смотрѣть на опасность потерять ихъ, грозящую Савойѣ? Нѣтъ въ Европѣ народа лучше савойяровъ. Это народъ храбрый, благородный, честный, любящій порядокъ, имѣющій мягкіе нравы и замѣчательную способность пользоваться свободными учреждениями. Одиннадцать лѣтъ пользуясь ими, савойяры никогда не употребили ихъ во зло. Въ исторіи нашего столѣтія одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ тотъ непрерывный, спокойный прогрессъ просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія, какой совершается въ Савойѣ съ тѣхъ поръ, какъ она стала частью свободнаго государства. Этотъ прогрессъ замѣтевъ самому поверхностному наблюдателю; а человекъ, близко узнавшій савойяровъ, видитъ, что благотѣльные послѣдствія нынѣшняго ихъ положенія имѣютъ характеръ прочный. Печатное слово въ Сардиніи до сихъ поръ еще не было совершенно свободно. Графъ Кавуръ всегда смотрѣлъ на газеты съ нѣкоторой подозрительностью и любовью. Но, хорошо зная Савойю, я все-таки скажу, что народъ въ ней фактически также свободенъ, какъ въ Англии. Онъ постепенно, но прочно, освобождается отъ ига фанатизма. Если Сардинія была свѣтлою странкою въ мрачной южной Европѣ, то самую свѣтлую частью Сардиніи была Савойя. Не нужно изображать другую сторону картины. Довольно будетъ сказать, что, когда Савойя будетъ частью нынѣшней Франціи, она потеряетъ всѣ свои свободныя учреждения. Если англійская нація, гордая своимъ могуществомъ и своею свободою, будетъ равнодушно смотрѣть на такую опасность для Савойи и не сдѣлаетъ усилий для ея спасенія, въ Англии будетъ слишкомъ много эгоизма, слишкомъ мало благородства. Французскія газеты заботливо распространяютъ слухъ, будто бы Савойя же-

дасть праеоединиться къ Франціи. Это слухъ совершенно неосновательный. Бывали иногда мелочные случаи соперничества между Савойею и Піемонтою, но чтобы въ Савойѣ было недовольство піемонтскимъ правительствомъ, чтобы существовало въ ней хотя матѣйшее желаніе присоединиться въ Францію—это совершенная выдумка. Изъ 50 человекъ вы не найдете одного, который имѣлъ бы хотя самую слабую охоту обратить свою страну во французскую провинцію.“

Говорятъ, что Савойя не будетъ присоединена къ Франціи безъ собственнаго согласія. Но въ исторіи слишкомъ много приѣздовъ того, какъ удобно сильный можетъ производить фанты, которые выставляеть потомъ какъ доказательство тому, что слабый былъ согласенъ съ его требованіями. Полуофициальныя французскія газеты и теперь уже говорятъ о желаніи савойяровъ присоединиться къ Франціи, какъ о фактѣ безспорномъ, хотя каждому извѣстно, что савойяры думаютъ совершенно иначе.

Мы считаемъ большіиъ выигрышемъ для Италіи то, что управленіе сардинскими дѣлами перешло отъ прежнихъ робкихъ министровъ къ Кавуру, человѣку, твердому и смѣлому; но это вовсе не значить, чтобы мы измѣнили то понятіе о его политическихъ принципахъ, которое часто высказывали. Будучи министромъ маленькаго государства, онъ понималъ, что единственнымъ средствомъ доставить этому государству важное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ должно служить покровительство ваціональнымъ итальянскимъ стремленіямъ и борьба противъ Австріи. Онъ понималъ также, что только сохраненіемъ свободныхъ учреждений въ Піемонтѣ можно привлечь симпатію другихъ итальянцевъ въ этому государству, которое прежде почти не считалось итальянскимъ. Надобно отдать справедливость уму, способному понять такой расчетъ, и характеру, неуклонно державшемуся основанной на немъ системы. Онъ даровитый министръ, это не подлежить спору; но совершенно ошибаются тѣ, которые видятъ въ немъ человѣка, дорожащаго народными правами. Онъ просто дипломатъ, которому хороши всѣ средства, ведущія къ обыкновенной цѣли дипломатовъ, къ увеличенію силы того государства, которымъ онъ управляетъ. Ему случилось быть сардинскимъ министромъ, потому онъ говорить за Италію; а если бы случилось быть австрійскимъ министромъ, онъ дѣйствовалъ бы противъ нея. Нѣтъ въ исторіи нашего вѣка факта, въ которомъ министръ, управляющій извѣстною страной, выказалъ бы столько пренебреженія къ правамъ ея народа, сколько выказалъ Кавуръ въ договорѣ, по которому отдавалъ Франціи Савойю. Говорятъ о непопулярныхъ постановленіяхъ вѣнскаго конгресса. Но Меттернихъ и его товарищи, самоуправно распоряжаясь странами безъ согласія ихъ жителей, распоряжались по крайней мѣрѣ только странами завоеванными, отнятыми у противниковъ, а не коренными землями собственныхъ государствъ, не населеніемъ, которое считало ихъ своими ми-нистрами.

Европейскіе дипломаты нисколько не затруднились бы такимъ характеромъ сдѣлки но уступка Савойи непріятна имъ по соображеніямъ, которыя для нихъ гораздо выше народныхъ правъ. Савойя даетъ стратегическое владѣтельство надъ сѣвѣрною Италіею. Владѣя Альпійскими проходами, лежащими въ ней, императоръ французовъ можетъ повелѣвать съ этихъ горъ Піемонтою, какъ начальникъ цитадели командуетъ лежащимъ у ея подножія городомъ. По уступкѣ Савойи, королевство сѣвѣрной Италіи окончательно станетъ вассальнымъ владѣніемъ Наполеона III.

Такъ думаютъ дипломаты, для которыхъ стратегическая граница гораздо важнѣе племенной границы. Надобно признаться, что на этотъ разъ въ ихъ соображеніяхъ есть много справедливости. Опасеніе слишкомъ сильнаго перевѣса Франціи въ юго-западной Европѣ сходитса тутъ съ мыслями, внушаемыми желаніемъ итальянской независимости.

Конечно, одна только Англія имѣла бы теперь силу остановить французскія притязанія на Савойю вооруженною рукою. Но англійскіе министры положительно объявили, что не намѣрены жертвовать деньгами и кровью англичанъ по этому дѣлу, которое не касается прямо интересовъ Англіи. Они будутъ протестовать, выразятъ свое неудовольствіе, но больше этого не хотятъ ничего сдѣлать, если самъ Піемонтъ не имѣетъ рѣшимости мѣшать насильственному присоединенію Савойи въ Франціи. Англійскіе министры правы, когда благосостояніе собственной націи не хотятъ приносить въ жертву исправленію ошибки, до нея не относящейся. Итакъ, споръ собственно идетъ только между Сардинією и Францією.

Судя по всему, что мы читьемъ, трудно полагать, чтобы Кавуръ отважился защищать Савойю оружіемъ отъ французскихъ притязаній. Поэтому англійскіе государственные люди полагаютъ, что присоединеніе Савойи въ Франціи неизбѣжно. Газетными слухами назначевъ уже и сровъ завладѣнію: въ началѣ февраля говорили, что оно должно произойти 1 марта. Разумѣется, дѣло не кончится такъ скоро и круто; надобно полагать, что будутъ предварительно устроены какія-нибудь формальности, которыя придадутъ завладѣнію благовидную наружность и займутъ собою довольно много времени. Но если не произойдетъ чего нибудь чрезвычайнаго и неожиданнаго, Савойя нынѣшнею весною обратится въ провинцію французской имперіи.

Теперь, какъ мы уже говорили, переговоры между Сардинією и Францією состоятъ собственно въ спорѣ о томъ, обязанъ ли Кавуръ исполнить обязательство объ уступкѣ Савойи, несмотря на то, что Венеція не приобрѣтена для Виктора-Эммануэля, какъ предполагалось при составленіи этого обязательства. Французское правительство говоритъ, что неисполненіе договора объ отнятіи Венеціи у австрійцевъ произошло по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ императора французовъ: онъ сдѣлалъ все, что могъ, потому имѣетъ право получить обѣщанное вознагражденіе. Но это служитъ только дипломатическою тонкостью, придуманною для того, чтобы дать болѣе цѣны переходу въ другому средству доказывать основательность французскихъ притязаній. Положимъ, говорятъ французы, что Викторъ-Эммануэль получилъ вдвое меньше новыхъ земель и подданныхъ, нежели предполагалось дать ему; онъ и въ этомъ случаѣ обязанъ уступить Савойю. Тѣмъ меньше имѣетъ онъ права сопротивляться обѣщанному расширенію французскихъ границъ, если Франція даетъ ему на югъ то увеличеніе владѣній, какого не могла доставить на востокъ: центральная Италія должна считаться достаточнымъ вознагражденіемъ за Венецію. Такимъ образомъ, по нынѣшнему положенію переговоровъ, Франція заставляетъ Сардинію покупать ея согласіе на присоединеніе центральной Италіи уступкою Савойи. Вѣроятно для того, чтобы сильнѣе вѣншить Кавуру необходимость согласиться на все, во второй половинѣ февраля возобновлены были слухи, что дѣло герцога Тосканскаго не совсѣмъ еще потеряно: говорятъ, будто Франція выражала герцогу готовность возвратить ему прежнія владѣнія съ прибавленіемъ Романьи, если онъ совершенно откажется отъ связей съ

Австрією и даетъ императору французскому достаточныя обезпеченія въ своей искренной готовности опираться исключительно на помощь Франціи. Надобно полагать, что эти слухи распушены только съ намѣреніемъ скорѣе побѣдить упрямство Кавура, или съ мыслью перейти въ прежнему намѣренію сдѣлать изъ центральной Италіи королевство для принца Наполеона.

Итакъ, мы видимъ пока, что Кавуръ, введенный въ кабинетъ Англію и поддерживаемый ею, находится въ непріятныхъ отношеніяхъ къ Франціи. Такое положеніе дѣлъ не будетъ продолжительно. Если не произойдетъ ничего чрезвычайнаго, Франція скоро овладѣетъ Саною и тогда исчезнетъ одна изъ главныхъ причинъ нынѣшнихъ непріятностей. Какими же новыми отношеніями смѣнится къ воевѣ нынѣшній раздоръ, прикрываемый увѣреніями въ расположеніи Франціи къ дѣлу италійской независимости? Кавуръ, какъ хорошій дипломатъ, можетъ снова явиться полезнымъ помощникомъ императору французовъ при какихъ нибудь дальнѣйшихъ замыслахъ. Но при переизмѣнчивости обстоятельствъ бесполезно разсуждать о томъ, дѣйствительно ли выпухнетъ весною, какъ многіе увѣряютъ, новая война для изгнанія австрійцевъ изъ Венеціи и будутъ ли французы снова помогать въ ней итальянцамъ. Мы видимъ, что австрійцы опасаются нападенія со стороны Сардиніи; мысль о немъ навѣрное есть у Кавура и открыто господствуетъ надъ умами итальянскихъ патриотовъ. Но осуществится ли она, или вопросъ объ италійской независимости получить какой нибудь иной оборотъ, это обусловливается данными, разсчитать дѣйствіе которыхъ трудно.

Мы видимъ, напримѣръ, что со дня на день ждутъ возстанія въ Сициліи и потомъ въ Неаполѣ; того же ждутъ и въ частяхъ папской области, которыя еще не успѣли отложиться отъ папы. Невозможно предугадать, скоро ли произойдутъ эти событія, но, конечно, ими совершенно измѣнился бы ходъ дѣла въ сѣверной Италіи. Кромѣ того положеніе самой Австріи такъ незавидно, что по всѣмъ разсчетахъ слѣдовало бы ей скорѣе согласиться на добровольную уступку Венеціи съ полученіемъ денежнаго вознагражденія, нежели доводить своимъ упорствомъ дѣло до борьбы; но теперь пока она говоритъ, что не уступитъ Венецію, и полагаетъ, что будетъ въ силахъ отразить нападеніе. Австрія вѣроятно останется при своемъ упрямствѣ, но будутъ ли итальянцы къ слѣдующей веснѣ имѣть средства начать наступательныя дѣйствія? Мы пересмотримъ пышнѣе положеніе разныхъ частей Италіи, соединеніе которыхъ было бы нужно для борьбы съ Австрією, если Кавуръ не сойдется опять съ императоромъ французовъ.

Прежнее сардинское министерство боялось сзывать парламентъ, потому что не нашло бы въ немъ одобренія своей робкой политикѣ. Кавуръ, напротивъ, первымъ условіемъ своего вступленія въ кабинетъ опредѣлилъ, чтобы парламентъ былъ созданъ какъ можно скорѣе. Надѣялись, что засѣданія могутъ начаться съ первыхъ чиселъ марта; но теперь полагаютъ, что туринскія палаты не успѣютъ собраться раньше 1 апрѣля. Причиною отсрочки выставляется то, что надобно было передѣлывать списки избирателей въ Сардиніи по измѣненіямъ, сдѣланнымъ въ избирательномъ законѣ послѣ присоединенія Ломбардіи къ Сардиніи. Но существенною причиною замедленія надобно считать усилія Франціи, желающей, чтобы палаты не собирались какъ можно долѣе: Тюильрійскій кабинетъ знаетъ, что парламентъ будетъ давать туринскому правительству сильную поддержку, и потому хотѣлъ бы покончить дѣло объ уступкѣ Савойи до собранія палатъ. Притомъ, надобно ожи-

дать, что національные собрания Тосканы и Романьи, депутаты которых будут выбраны по сардинскимъ правиламъ, повторивъ рѣшеніе прежнихъ собраний о присоединеніи въ Піэмонту, сами соединятся въ одно собраніе съ туринскимъ парламентомъ, и тѣмъ фактически исполнится расширеніе королевства Ломбардо-Сардинскаго на центральную Италію. Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что если Франція и перестала съ конца прошлаго года прямо поддерживать Австрію противъ свободной половины Италиі, какъ поддерживала послѣднимъ лѣтомъ и осенью, то вовсе не сдѣлалась покровительницею Сардиніи, Тосканы и герцогствъ, а напротивъ, продолжаетъ мѣшать ихъ соединенію.

Еще яснѣе французская политика въ Римѣ. Никто никогда не сомнѣвался въ томъ, что лишь французскія войска въ Римѣ удерживаютъ населеніе остальныхъ папскихъ владѣній послѣдовать примѣру Романьи и присоединиться къ возникающей теперь сильной державѣ. Въ послѣднее время генераль Гойонъ желать даже вызвать столкновеніе между жителями Рима и своими войсками: ему справедливо казалось, что строгое наказаніе надолго заставило бы римлянъ быть совершенно смиренными, что оно было бы полезно для подавленія въ нихъ мятежныхъ мыслей. Правда, римляне и теперь смиренны; но все же лучше для папы было бы, если бы французамъ удалось найти случай перебить и арестовать тѣхъ, которые могутъ когда нибудь оказаться не смиренными и питаютъ въ глубинѣ души своевольныя мысли объ итальянской національности. Мы приведемъ разсказъ римскаго корреспондента газеты Times. Но прежде замѣтимъ, что музыканты французскаго гарнизона въ Римѣ выходятъ по четвергамъ и воскресеньямъ на Piazza Colonna развлекать гуляющихъ римлянъ военной музыкой. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, именно въ воскресенье 22 января, публика сдѣлала небольшую манифестацію, самаго скромнаго и лестнаго для французовъ характера: римляне, окружившіе музыкантовъ, прокричали нѣсколько разъ *evviva!* въ честь императору, французской арміи, Франціи и Италиі. Порядокъ ни на одну минуту не былъ нарушенъ; однакоже французское начальство почло нужнымъ произвести множество арестовъ. Но этимъ дѣло не ограничилось и мы сообщимъ его продолженіе словами римскаго корреспондента Times'a.

Генераль Гойонъ въ своей чрезмѣрной ревности въ папскому дѣлу согласился съ папскимъ министромъ полиціи, монсиньоромъ Маттеуччи, завлечь народъ гъ возобновленію манифестаціи. Противъ обыкновенія, по которому музыка играла только по четвергамъ и воскресеньямъ, музыканты были высланы на площадь въ понедѣльникъ 23 января. Дурная погода много помѣшала успѣху хитрости; однакоже, несмотря на дождь, собралось довольно много народа. Онъ держалъ себя самымъ благоразумнымъ образомъ и слушалъ музыку молча. Когда музыканты пошли назадъ въ казармы, народъ по обыкновенію провожалъ ихъ до Monte Brionzo. Тутъ нѣсколько человекъ закричали *vive Napoléon!* и папшіе жандармы бросились на толпу, стали давить ее лошадьми. Народъ и тутъ не потерялъ разсудительности. Онъ молча разошелся.

„Изъ этихъ фактовъ (говоритъ корреспондентъ) вы можете видѣть, что римскую публику стараются вовлечь въ манифестаціи совершенно противъ ея воли. Люди, пользующіеся вліяніемъ на народъ, употребляютъ всѣ свои уевлія, чтобы удержать его отъ обмана. Посылка музыкантовъ ва площадь въ понедѣльникъ имѣла всѣ признаки вызова народа на столкновеніе.“

Это мнѣніе господствуетъ въ цѣлой Италіи. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ пьесы флорентинскаго корреспондента Times'a.

„Генераль Гойонъ въ своей ревности, которую нѣкоторые римляне приписываютъ его желанію получить маршальскій жезлъ, но которое скорѣе происходитъ отъ его приверженности къ папѣ, всѣми силами хотѣлъ произвести столкновение, въ которомъ французскіе солдаты перебили бы людей, совершающихъ преступленіе своими криками vive la France. Но римляне были такъ умны, что не захотѣли исполнить его желаніе“.

Важно теперь то, успѣютъ ли итальянцы совершенно устроить свои дѣла въ тотъ промежутокъ времени, пока Франція вынуждена надобностью въ англійской дружбѣ выказывать нѣкоторую снисходительность къ національнымъ желаніямъ итальянцевъ, покровительствуемыхъ Англією. Послѣднія достовѣрныя извѣстія о дипломатическомъ положеніи дѣла состоятъ въ томъ, что Англія получила отъ Франціи уклончивый отвѣтъ на свои предложенія, составленныя съ цѣлью обезпечить независимость земель, принадлежащихъ къ королевству Виктора-Эммануэля, или готовящихся присоединиться къ нему. Читателю извѣстно, что этихъ предложеній четыре: во-первыхъ, Франція и Австрія должны отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла и могутъ заниматься ими не иначе, какъ по единодушному согласію трехъ другихъ великихъ державъ и Сардиніи; во-вторыхъ, Франція должна какъ можно скорѣе вывести свои войска изъ Рима; въ-третьихъ, австрійцы не должны быть тревожимы въ Венеціи; въ-четвертыхъ, король сардинскій можетъ послать свои войска въ центральную Италію только тогда, когда народъ этихъ областей новымъ рѣшеніемъ подтвердить избраніе его въ короли. Должно сознаться, что эти предложенія составлены съ большимъ дипломатическимъ мастерствомъ, такъ что имѣютъ видъ одинаковой благопріятности къ правамъ Австріи и Сардиніи, между тѣмъ какъ въ сущности всѣ клонятся исключительно въ пользу Сардиніи и одинаково направлены противъ Франціи. Въ особенности надобно сказать это о третьемъ предложеніи. Оно имѣетъ видъ оградженія власти австрійцевъ надъ Венецією, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ дѣйствительный смыслъ его не таковъ; несмотря на полугодичный срокъ, итальянцы еще такъ мало устроили свои дѣла, что не разчитываютъ безъ французской помощи начать войну съ Австрією за Венецію; такимъ образомъ возбуждать теперь ломбардцевъ и сардинцевъ въ наступательной войнѣ значило бы только вовлекать ихъ въ новую, еще сильнѣйшую зависимость отъ Франціи. Дѣло иное, когда они сами достаточно организуются, — тогда помощь Франціи для освобожденія Венеціи снова не будетъ имъ нужна, какъ не была нужна въ эпоху заключенія виллафранкскихъ условій. Франція не приняла ни одного изъ этихъ четырехъ предложеній, кромѣ перваго. Принять это первое условіе на словахъ она можетъ безъ опасности для своихъ цѣлей, потому что держать сильную армію въ Ломбардіи. Кто занимаетъ страну своимъ войскомъ, тотъ можетъ говорить, что не хочетъ вынуждать ее въ исполненію своихъ требованій: страна все-таки въ зависимости отъ него. Отказъ на остальные три требованія конечно данъ Францією не въ прямыхъ выраженіяхъ, а подъ оболочкою дипломатическихъ фразъ, которыя неопытному въ ихъ чтеніи человѣку могли бы казаться почти равновосильными согласію; но разъясненія, сдѣланныя англійскими государственными людьми въ парламентскихъ преніяхъ, не оставляютъ никому возможности сомнѣваться въ смыслѣ отвѣта даннаго Францією.

Въ самой Франціи очень важное значеніе имѣетъ новая промышленная политика, провозглашенная письмомъ императора французовъ къ государственному министру Фульду, явившимся въ газетахъ въ половинѣ января. При Луи-Филиппѣ въ палатѣ депутатовъ постоянно имѣли перевѣсъ протекціонисты, потому что правительство съ удовольствіемъ покупало поддержку мануфактуристовъ ревностною защитою выгодной для нихъ покровительственной системы тарифа. Пользуясь этимъ долгимъ временемъ господства, протекціонисты успѣли чрезвычайно сильно распространить во французскомъ обществѣ вражду противъ свободной торговли. Только тѣ французы, которые довольно хорошо узнали политическую экономію, понимаютъ вредъ протекціонизма; огромное большинство, слѣдующее привычнымъ мнѣніямъ, воображаетъ, что для Франціи очень полезна дороговизна желѣза, каменнаго угля и другихъ важнѣйшихъ матеріаловъ промышленной дѣятельности.

Луи-Наполеонъ всегда былъ приверженцемъ свободной торговли; но оппозиція, которую представляли протекціонисты прежнимъ его попыткамъ въ этомъ духѣ, была такъ упорна, что передъ нею отступала даже его абсолютная власть, сокрушавшая всякое другое сопротивленіе. Протекціонисты были до того увѣрены въ своемъ могуществѣ, что нѣсколько разъ открыто грозили ему произведемъ возстація, если онъ не оставитъ ихъ въ покоѣ. Теперь онъ почелъ свой престолъ настолько упроченнымъ недавними побѣдами, что отважился дѣйствовать рѣшительнѣе прежняго. Открытому провозглашенію принциповъ свободной торговли именно теперь, а не раньше и не позже, содѣйствовало совпаденіе разныхъ обстоятельствъ, возникавшихъ изъ политическаго положенія дѣль. Мы видѣли, что Наполеону III надобно было обезоружить подозрительность Англии великими доказательствами дружбы къ ней. Перемѣна тона по итальянскому вопросу дѣйствовала на людей, занятыхъ политическими соображеніями, но не могла сильно дѣйствовать на массу англійской публики, у которой есть интересы болѣе близкіе, чѣмъ независимость итальянцевъ; а на государственныхъ людей Англии эта перемена не производила никакого впечатлѣнія: они знали, что подъ измѣнившимися словами сохраняются прежнія намѣренія. Но и англійскіе министры и публика не могли остаться нечувствительны къ принятію системы, выгодной для Англии столько же, сколько и для Франціи: коммерческой трактатъ, по которому Франція обязывалась отказаться отъ протекціонизма, служилъ сильнымъ и безспорнымъ доказательствомъ желанію Наполеона III жить въ дружбѣ съ Англійей. Была въ письмѣ къ Фульду и другая цѣль, столь же важная: императоръ говорилъ, что отнынѣ развитіе промышленности будетъ главною его заботою; этимъ самымъ онъ показывалъ, что Франція не должна опасаться возобновленія войнъ, что для него становится серьезнымъ дѣломъ исполненіе знаменитой бордосской программы миролюбія; онъ успокаивалъ Францію, привлекалъ къ себѣ запуганныхъ итальянскою войною приверженцевъ мира, которые составляютъ большинство французскаго общества. Письмо и начиналось этими увѣреніями.

„Несмотря на неизвѣстность, еще царствующую въ нѣкоторыхъ подробностяхъ внѣшней политики (говоритъ императоръ французовъ), можно съ увѣренностью предвидѣть мирное рѣшеніе. Итакъ пришло время намъ заняться средствами къ придаванію сильнаго развитія различнымъ отраслямъ національнаго богатства. Съ этою мыслью я посылаю вамъ основанія программы; нѣкоторыя части ея должны быть представлены на одобреніе палаты; вы посоветуетесь о ней съ вашими товарищами, чтобы приготовить мѣры, жгущія дать живое движеніе земледѣлію, промышленности и торговлѣ.“

Первою заботою правительства должно етать, по программѣ императора, улучшение французскаго земледѣлія и уничтоженіе стѣсненій, мѣшающихъ ему. Письмо перечисляетъ мѣры, нужныя для того, и переходитъ къ промышленности.

„Для ободренія промышленнаго производства, говоритъ оно, надобно освободить отъ всякихъ пошлинъ матеріалы, обрабатываемыя промышленностью“.

Эти слова заключаютъ въ себѣ смертельный ударъ важнѣйшимъ статьямъ нынѣшняго протекціоннаго тарифа. Кромѣ того, надобно усовершенствовать кредитныя учрежденія и пути сообщенія. Затѣмъ слѣдуетъ фраза, наносящая второй ударъ протекціонизму: „необходимо будетъ постепенное пониженіе пошлинъ на товары первой необходимости“. вмѣсто запрещеній должны явиться покровительственныя пошлины, какъ вмѣсто покровительственныхъ пошлинъ предписывается, приведенными у насъ выраженіями, учрежденіе легкихъ пошлинъ не для покровительства домашнимъ фабрикамъ, а просто для доставленія доходовъ казѣ, по примѣру англійской таможенной системы. Послѣ этого письмо указываетъ финансовыя средства, которыя можно употребить на осуществленіе предлагаемой императоромъ программы, и въ заключеніе перечисляются главныя черты этой программы:

„Уничтоженіе пошлинъ на шерсть и хлопчатую бумагу; постепенное уменьшеніе пошлинъ на сахаръ и кофе; дѣятельное улучшение путей сообщенія; уменьшеніе пошлинъ за плаваніе по каналамъ, для общаго пониженія издержекъ перевозки; выдача ссудъ земледѣлю и промышленности; общепользныя работы въ обширномъ размѣрѣ; коммерческія трактаты съ иностранными державами.“

„Таковы общія основанія программы, на которую прошу васъ обратить вниманіе вашихъ товарищей для безотлагательнаго приготовленія проектовъ законовъ къ ея осуществленію. Я твердо убѣжденъ, что она встрѣтитъ патріотическую поддержку въ сенатѣ и законодательномъ корпусѣ, готовыхъ вмѣстѣ со мною водворить новую эпоху мира и упрочить пользованіе благами его для Франціи“.

Въ самомъ совѣтѣ министровъ находится много протекціонистовъ; къ нимъ принадлежитъ и Фульдъ, которому императоръ поручалъ заботу объ исполненіи своей программы. Но министры при нынѣшней системѣ должны служить простыми исполнителями даваемыхъ имъ инструкцій, и немногіе изъ нихъ расположены отказываться отъ своихъ должностей для сохраненія своихъ мвѣній. Фульдъ также не имѣетъ этой склонности, которая найдена во Франціи несогласною съ общественнымъ порядкомъ. Онъ и другіе министры дѣятельно занялись исполненіемъ программы и черезъ мѣсяць по обнародованіи письма былъ уже напечатанъ въ „Монитѣрѣ“ докладъ министра земледѣлія, промышленности и торговли, содержащій въ себѣ проектъ закона о пониженіи пошлинъ на главные привозные товары. Этимъ докладомъ предлагается установить безошлинный ввозъ шерсти, бумажнаго хлопка, поташа и разныхъ другихъ фабричныхъ матеріаловъ; конечно, скоро явятся проекты законовъ объ измѣненіи тарифа по другимъ статьямъ, особенно по каменному углю, сахару и желѣзу.

Мы обратили особенное вниманіе на ту часть программы, которая относится къ таможеннымъ преобразованіямъ, потому что она и придаетъ главнѣйшее значеніе письму императора. Эта программа и торговый договоръ съ Англіею, служащій ей осуществленіемъ, конечно, произвели сильнѣйшее негодованіе между желѣзно-

заводчиками и владельцами каменно-угольных копей, людьми очень сильными во Франції; также между мануфактуристами по тѣмъ отраслямъ фабричной промышленности, которые пользовались протекціонною системою, а къ этому разряду относится большинство французскихъ мануфактуристовъ. Раздраженіе ихъ такъ сильно, что они грозятъ манифестаціями, похожими на бунтъ, хотя императорское правительство не любитъ пропускать безнаказанными подобныхъ фразъ. Изъ департаментовъ стали являться въ Парижъ многочисленныя депутація этихъ мануфактуристовъ и заводчиковъ. Однажды набралось въ Парижѣ такихъ уполномоченныхъ до 400 человекъ; торговыя палаты, существующія во всѣхъ департаментахъ, почти всѣ прислали протесты, написанные очень рѣзкимъ языкомъ. Въ частныхъ разговорахъ съ правительственными лицами недовольные грозятъ, что закроютъ свои фабрики и заводы, объявивъ работникамъ, что правительство виновато въ нищетѣ, ожидающей десятки тысячъ емѣлыхъ людей. Было бы утомительно перечислять всѣ эти демонстраціи; довольно будетъ привести въ примѣръ ихъ адресъ, напечатанный въ органѣ протекціонистовъ, *Moniteur Industriel*, съ подписями 176 заводчиковъ и фабрикантовъ. Напомнивъ общанія, данныя имъ императорскимъ правительствомъ въ прежнія времена, адресъ продолжаетъ:

„Такимъ образомъ даны были общанія не рѣшать вопроса безъ предварительнаго изслѣдованія, въ которомъ были бы выслушаны голоса представителей отечественной промышленности; эти общанія были возобновлены всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Что же мы видимъ теперь? Ваше величество готовитесь произвести коренныя перемены въ важнѣйшихъ статьяхъ нашего таможеннаго законодательства, такъ что всѣ наши фабрики подвергаются одновременному удару. Вы хотите совершить эти громадыя перемены безъ всякаго изслѣдованія, не выслушавъ насъ, не давъ намъ возможности быть выслушанными. Узнавъ, что императоръ благоволилъ принять нѣсколькихъ выбранныхъ министромъ торговли мануфактуристовъ для принесенія ему замѣчаній, мы обратились въ министру съ требованіемъ, чтобы и намъ оказана была та же милость. (Адресъ говорить объ аудіенціи, данной тѣмъ немногимъ мануфактуристамъ, которые одобряютъ принципы свободной торговли). Мы были многочисленны,—болѣе 400 депутатовъ промышленности находилось въ Парижѣ.—потому что мы должны защищать великіе интересы. Намъ отвѣчали, что занятія вашего величества не дозволяютъ намъ принять насъ, и мы подверглась тяжелому огорченію остаться не получившими возможности объяснить императору истинное положеніе національной промышленности. Итакъ, мы спрашиваемъ, государь, что же будетъ съ полученнымъ нами общаніемъ изслѣдовать дѣло? Намъ же позволили изложить нашихъ интересовъ, насъ осудили остаться невыслушанными. И при какихъ обстоятельствахъ не допускаете вы, государь, этого изслѣдованія, обѣщаннаго столь торжественно? Въ такое время, когда необходимо всего было бы воспользоваться знаніемъ и опытностью всѣхъ специальныхъ корпорацій (то есть торговыхъ палатъ, которыя почти всѣ защищаютъ протекціонизмъ) и всѣхъ знающихъ людей. Предполагаютъ оковать насъ договоромъ съ Англіею. Мы далеки отъ мысли оспаривать власть, даваемую вашему величеству конституціею. Императоръ имѣетъ право заключать торговые трактаты, не подвергая утвержденію законодательнаго корпуса производимыя черезъ эти трактаты измѣненія въ тарифѣ. Но мы не думаемъ нарушать границъ почтительнаго повиновенія, напомнивъ слова, сказанныя президентомъ сената при защищеніи севатусконсульта 23 декабря 1852 года, объяснявшаго и измѣнявшаго конституцію“. Изъ этихъ словъ, опредѣляющихъ границу власти императора, адресъ выводитъ очень ясный намекъ, что императоръ въ настоящемъ случаѣ превышаетъ свою законную власть. Адресъ заключается словами: „мѣра, принимаемая вашимъ величествомъ, должна назваться эволюцiously и общественной революціею. По нашему мнѣнію невозможно, чтобы правительство избѣжало многочисленныхъ и важныхъ ошибокъ, производя такія перемены безъ совѣщаній съ представителями нашихъ мануфактурныхъ городовъ“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти угрозы останутся безсильными, и надобно сказать, что въ дѣлѣ введенія свободной торговли успѣхъ императора основывается не на одномъ военномъ могуществѣ, а также и на сообразности его цѣлей, въ этомъ случаѣ, съ понятіями просвѣщенныхъ людей во Франціи.

Кромѣ борьбы съ протекціонистами, шумной, но безопасной, французское правительство занято продолженіемъ борьбы съ ультрамонтанскою партією, раздраженіе которой все возрастаетъ съ той поры, какъ брошюрою „Конгрессъ и папа“ императоръ обнаружилъ намѣреніе принять въ случаѣ надобности политику, противную притязаніямъ папы на Романью. Мы уже упоминали въ прошедшемъ обзорѣни о запрещеніи главнаго органа ультрамонтанцевъ, l'Univers'a. Скоро послѣ того была запрещена сильнѣйшая изъ провинціальныхъ газетъ, поддерживавшихъ систему l'Univers'a, la Bretagne, опасная тѣмъ, что издавалась для Вандеи, гдѣ фанатизмъ силенъ. Но мы до сихъ поръ продолжаемъ думать, что Наполеонъ III не въ такой степени враждебенъ католической партіи, какъ провозглашаетъ она сама въ гнѣвѣ на него и въ сознаніи своей силы. Въ послѣдніе дни стали носиться слухи о новыхъ предложеніяхъ, едѣлапныхъ папѣ французскимъ правительствомъ съ обѣщаніемъ сохранить въ той или другой формѣ верховную власть папы надъ Романью, если онъ согласится на условія, кажуціяся необходимыми императору. Говорятъ, будто сущность предложеній состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать изъ Романьи нѣчто въ родѣ вице-королевства, правитель котораго пользовался бы значительною долею самостоятельности во внутреннихъ дѣлахъ провинціи. Очень можетъ быть, что слухъ не вѣренъ; а исполненіе предположеній, о которыхъ онъ говоритъ, во всякомъ случаѣ зависитъ отъ оборота, какой будетъ принять общимъ вопросомъ о присоединеніи центральной Италіи къ Ломбардо-Сардинскому королевству. Очень можетъ быть также, что предложенія объ условіяхъ, на которыхъ Романья будетъ возвращена подъ власть папы, сдѣланы императоромъ французомъ только въ той увѣренности, что папа упрямо отвергнетъ ихъ и черезъ это даетъ Наполеону III новое основаніе говорить, что онъ сдѣлалъ все зависѣвшее отъ него для пользы папской власти, и самъ папа, своимъ упрямымъ, лишилъ его возможности поправить дѣло. Но съ какою бы цѣлью ни были сдѣланы предложенія, если они дѣйствительно были сдѣланы, или какіе бы поводы ни произвели ошибку, если слухъ о предложеніяхъ ошибоченъ, во всякомъ случаѣ самая возможность возникновенія молвы объ этихъ предложеніяхъ уже свидѣтельствуетъ, что императоръ кажется готовымъ сдѣлать многое, лишь бы только примириться съ ультрамонтанскою партією. Всѣ дѣйствія Гойона въ Римѣ указываютъ, что, не смотря на нынѣшнюю ссору, императоръ продолжаетъ питать ту нѣжную заботливость объ интересахъ ультрамонтанства, въ которой увѣряетъ даже брошюра, возбуждавшая негодованіе Ватиканскаго двора и французскихъ епископовъ. Въ этомъ увѣреніи императора надобно признавать самую похвальную искренность.

Торговый трактатъ, заключенный Наполеономъ III съ Англією, послужилъ первымъ предметомъ для попытокъ торіійской партіи нанести поражение нынѣшнему министерству. Передъ началомъ парламентскихъ засѣданій, открывшихся, какъ мы говорили, 24 января, тори по видимому не хотѣли домогаться власти. Эта система предписывалась имъ двумя важными соображеніями. Во-первыхъ, главнымъ дѣломъ нынѣшней сессіи должна быть парламентская реформа. Вступить въ кабинетъ, съ обязанностью вести это неприятое для нихъ дѣло, значило бы подвер-

гать себя и огорченію и нравственному униженію; а отлагать реформу значило бы возбуждать въ массѣ агитацію, которая вынуждала бы болѣе радикальную реформу. Вторымъ неудобствомъ была необходимость увеличивать налоги на покрытіе громадныхъ расходовъ по сухопутнымъ и морскимъ вооруженіямъ, вызваннымъ недоброуміемъ англійскаго общества къ намѣреніямъ Франціи. Характеръ бюджета имѣетъ очень большое вліяніе на тактику парламентскихъ партій въ Англии. Когда расходы не превышаютъ обыкновенной нормы и нѣтъ надобности увеличивать налоги, оппозиція бываетъ очень рада войти въ кабинетъ; въ противномъ случаѣ она съ удовольствіемъ оставляетъ своимъ противникамъ непріятную заботу налагать новое обремененіе на націю. Надобно думать, что тори увлеклись честолюбіемъ или мстительностью д'Израэли, рѣшившись пренебречь этими расчетами и стараться о низверженіи виговъ до проведенія черезъ парламентъ бюджета и реформы. По обыкновенному порядку, первымъ изъ важнѣйшихъ занятій парламента министры поставили бюджетъ. Билль о реформѣ отнесенъ ими на вторую очередь. Чтобы понять дальнѣйшій ходъ дѣла, надобно прежде всего обратить вниманіе на характеръ бюджета, составленнаго Глэдстономъ. Налогъ на доходы, хотя уже существуетъ непрерывно много лѣтъ, все еще продолжаетъ считаться экстренною мѣрою, не входящею въ составъ обыкновенныхъ податей и налоговъ. Кромѣ того со времени войны остаются повышенныя, такъ называемыя, военныя пошлины съ чая и сахара. Та сумма, на какую повышены онѣ противъ прежнихъ пошлинъ, существовавшихъ до восточной войны, также считается чрезвычайнымъ налогомъ. Если исключить эти двѣ статьи дохода, то сумма обыкновенныхъ налоговъ, о сохраненіи которыхъ нѣтъ никакого спора, простирается бы на слѣдующій финансовый 1860 — 1861 годъ до 60,700,000 фунтовъ; а между тѣмъ расходы, требуемыя на этотъ годъ, простираются до 70,100,000 фунт., такъ что оказывается недостатокъ обыкновенныхъ доходовъ на 9,400,000 фунтовъ, которые надобно получить изъ чрезвычайныхъ средствъ. Вотъ именно такой недочетъ и составляетъ обыкновенно главный предметъ разницы между разными системами, между которыми долженъ выбирать канцлеръ казначейства (министръ финансовъ): собственно тѣ средства, какія онъ предлагаетъ для покрытія этого излишка расходовъ надъ обыкновенными доходами, служатъ вообще предметомъ преній о бюджетѣ. Въ слѣдующемъ финансовомъ году сумма эта громадна, и потому составлять бюджетъ—вещь непріятная. Но недостатокъ обыкновенныхъ доходовъ еще возросталъ вслѣдствіе торговаго трактата, заключеннаго съ Франціей и понижающаго пошлины на разные французскіе товары. Важнѣйшій убытокъ производится пониженіемъ пошлинъ на французскія вина. Безъ всякаго сомнѣнія потребленіе ихъ въ Англии довольно быстро увеличится, благодаря дешевизнѣ, производимой уменьшеніемъ пошлинъ, и скоро казна будетъ получать съ привозныхъ виноградныхъ винъ больше дохода при низкихъ пошлинахъ, чѣмъ сколько получала до сихъ поръ при высокихъ. Но въ нынѣшнемъ году уменьшеніе дохода отъ этой перемены предполагается въ 1,000,000 фунтовъ. Для покрытія излишка расходовъ надъ обыкновенными доходами Глэдстонъ предлагаетъ не отнимать на будущій годъ нынѣшнихъ повышенныхъ пошлинъ съ чая и сахара и кромѣ того не только сохранить, но и возвысить налогъ на доходы, такъ чтобы въ годъ платилось по 10 пенсовъ съ фунта, то есть нѣсколько болѣе четырехъ процентовъ. Эти предложенія составляютъ существеннѣйшую часть бюджета, требуемаго Глэдстономъ

Расчетъ его требованій основанъ, какъ мы видимъ, на предположеніи, что торговый трактатъ будетъ принятъ. Но министерство предлагало начать пренія прямо съ бюджета и потомъ уже перейти къ трактату, такъ что пренія о самомъ трактатѣ становились бы тогда уже чистою формальностью, по принятіи еущественныхъ его основаній, введенныхъ въ бюджетъ. Между тѣмъ трактатъ, первая вѣсть о которомъ была принята въ Англии съ восторгомъ, стала предметомъ несовсѣмъ благопріятныхъ отзывовъ въ значительной части англійской публики. Сообразивъ величину расходовъ на предстоящій годъ, англичане давно уже стали замѣчать, что пониженіе пошлинъ должно быть покрыто сохраненіемъ чрезвычайныхъ налоговъ въ нормѣ болѣе высокой, чѣмъ какую бы они имѣли безъ убытка на 1,000,000 фунтовъ, проивводимаго трактатомъ. Этотъ недочетъ производился въ пользу виноградныхъ вишъ, которыя составляютъ въ Англии предметъ роскоши. Многие стали говорить, что несправедливо держать въ дорогой цѣнѣ чай и сахаръ, предметы первой необходимости, для доставленія дешевизны предмету роскоши. Кромѣ того находили подозрительнымъ выборъ предметовъ, на которые понижала или отмѣняла пошлины Франція. Въ числѣ этихъ предметовъ находятся каменный уголь и желѣзо. „Мы рады принятію принципа свободной торговли нашими сосѣдями, говорили многіе англичане, но должно признаться, что они могутъ не для промышленности закупать у насъ каменный уголь и желѣзо при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Англійскимъ каменнымъ углемъ продовольствуется ихъ военный флотъ; они, допуская безъ пошлины къ себѣ нашъ уголь, могутъ имѣть тотъ расчетъ, чтобы дешевле заготовить запасы на экспедицію противъ насъ. Англійское желѣзо также можетъ пригодиться имъ теперь на одежду блиндированныхъ кораблей, приготовляемыхъ противъ насъ. Сами по себѣ уступки ими дѣлаемыя принципу свободной торговли очень хороши, но прямою цѣлью ихъ теперь можетъ служить просто запасеніе средствъ для войны съ Англією“. Эти толки пробудили въ д'Израэили мысль выбрать дѣло о торговомъ трактатѣ первымъ поводомъ къ низверженію министерства. Вопросъ былъ поставленъ предводителемъ торійской оппозиціи такъ, что, быть можетъ, нужны нѣкоторыя объясненія для русскаго читателя.

Парламентская тактика находитъ иногда выгоду придавать рѣшительный смыслъ вопросамъ, которые сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія. Такъ поступилъ при своемъ нападеніи на министерство д'Израэили. Послѣ бюджета или прежде бюджета разсматривать торговый трактатъ, это въ сущности было все равно. Если бы палата не хотѣла принять трактата, она могла бы отвергнуть ту часть бюджета, которая основана на немъ. Если бы она хотѣла принять трактатъ, не принимая бюджета, она отвергла бы бюджетъ, одобрявъ ту его часть, которая относится къ трактату. Если бы палата хотѣла низвергнуть министерство, для нея было бы также все равно, тѣмъ или другимъ дѣломъ заняться прежде: и бюджетъ и трактатъ составляютъ такую важную часть программы министерства, что неодобреніе палаты по одному или другому дѣлу одинаково низвергало бы выговъ. Словомъ сказать, съ какой стороны ни смотрѣть на предложеніе министерства о томъ, чтобы разсматривать трактатъ послѣ бюджета — спорить тутъ ровно не о чемъ. Но именно вопросы, которые можно рѣшать такъ или иначе безъ всякой разницы для существеннаго хода дѣла, представляютъ партіямъ полную свободу помѣряться силами. По вопросамъ существенной важности всегда найдутся въ

многочисленномъ собраніи нѣсколько членовъ, которые одобрять въ этомъ частномъ дѣлѣ кабинетъ, которымъ вообще недовольны, или не одобрять кабинетъ, которымъ вообще довольны. По вопросамъ, не имѣющимъ существенной важности, такого раздробленія голосовъ не бываетъ. Министерство просило, чтобы бюджетъ разснатривался прежде трактата; д'Израаили вздумалъ потребовать, чтобы трактатъ разснатривался прежде бюджета; онъ потребовалъ, этого только потому, что министерству вздумалось сказать иначе: оно точно также легко могло бы потребовать того самаго, чего требовалъ теперь д'Израаили, и тогда онъ потребовалъ бы противнаго, того, что предлагалъ теперь отвергнуть. При такомъ поставленіи вопроса, голоса должны подаваться исключительно по желанію сохранить министерство виговъ или передать власть торійской оппозиціи, — вопросъ просто служить къ тому, чтобы сосчитать, на чьей сторонѣ большинство. Результатъ оказался гораздо благопріятнѣе для министерства, чѣмъ ожидало само оно: вмѣсто 30 голосовъ большинства, какъ разсчитывали виги, они получили большинство 63 голоса (293 противъ 230). Надобно полагать, что этимъ рѣшеніемъ парламентская судьба министерства упрочена по крайней мѣрѣ до преній о реформѣ: тори едва ли возобновятъ борьбу въ совѣщаніяхъ о бюджетѣ, начавшихся для нихъ очень сильною неудачею.

Оставляемъ до слѣдующаго мѣсяца обзоръ извѣстій о внутреннихъ дѣлахъ Австріи, чтобы дождаться точнѣйшихъ объясненій о характерѣ конституціонныхъ реформъ, которыя обѣщало, по телеграфическимъ депешамъ, австрійское правительство. Судя по всему, что мы читали до сихъ поръ о системѣ нынѣшняго кабинета, надобно полагать, что либерализмъ ограничится однимъ заглавіемъ обѣщанныхъ патентовъ, а содержаніе ихъ будетъ реакціонно, такъ что подъ именемъ дарованія конституціонныхъ правъ будетъ предложено народамъ Австрійской имперіи возстановленіе какихъ нибудь феодальныхъ учреждений, соединенное съ уменьшеніемъ даже тѣхъ правъ, которыми пользовались австрійскіе подданные нынѣ. Такъ было съ обѣщаніемъ свободы протестантамъ. Имѣя эту увѣренность, мы однако же хотимъ подождать своимъ приговоромъ до полученія болѣе точныхъ свѣдѣній о содержаніи новаго обѣщанія.

Р. S. 20 февраля. Теперь получены телеграфическія депеши, самымъ поразительнымъ образомъ подтверждающія взглядъ, изложенный нами въ этой статьѣ нѣсколько дней тому назадъ. Франція уже положительно объявила, что не одобряетъ присоединенія Тосканы къ Ломбардо-Сардинскому королевству и повторяетъ ту программу своей политики, которая постоянно была нами указываема съ половины прошедшаго года. Франція никогда не измѣняла этой программѣ — теперь это очевидно для cadaго изъ ноты, отправленной Туввелемъ 12 (24) февраля къ французскому посланнику въ Туринъ, и изъ рѣчи императора Наполеона при открытіи засѣданій законодательнаго корпуса.

ПОЛИТИКА.

МАРТЪ 1860.

Соединеніе центральной Италіи съ сѣверною.—Уступка Савойи.—Отношенія Англіи къ савойскому вопросу.

23 марта (4 апрѣля) 1860.

Около 15 февраля, когда мы писали свой прошлый обзоръ, два главные вопроса итальянскаго дѣла, вопросъ о центральной Италіи и о Савойѣ, находились въ такомъ положеніи: по савойскому вопросу сдѣлался офиціально извѣстенъ фактъ, о которомъ носились слухи еще до начала прошлой войны, но который упорно отрицался дипломатами, — тотъ фактъ, что передъ началомъ итальянской войны Сардинія обязалась уступить Франціи Савойю въ обменъ за Ломбардію и Венецію и что Франція требуетъ исполненія договора, хотя Венеція еще не принадлежитъ Сардиніи. Надобно было предвидѣть, что графъ Кавуръ уступитъ въ этомъ дѣлѣ. По вопросу о присоединеніи центральной Италіи къ Пьемонту раскрывалось, что Франція никогда не измѣняла тѣмъ принципамъ, которые должны составлять основаніе ея иностранной политики при нынѣшней системѣ. Было уже видно, что манифестаціи, произведенныя въ концѣ прошлаго года для сближенія съ Англіею, напрасно истолковывались въ смыслѣ слишкомъ безусловномъ, противорѣчившемъ тому, какимъ сама Франція ограничивала ихъ. Было видно, что Франція всегда оставалась и останется вѣрна своему первоначальному стремленію сохранить Тоскану отдѣльнымъ государствомъ. Нѣкоторые полагали, что возобновленіе усилій въ этомъ направленіи служить только къ тому, чтобы Сардинія охотнѣе уступила Савойю въ обменъ за разрѣшеніе соединиться съ Тосканою. Но было очевидно, что Франція не нуждалась въ такомъ средствѣ для пріобрѣтенія Савойи, что ея сопротивленіе расширенію Сѣверо-итальянскаго государства происходитъ не изъ постороннихъ соображеній, а прямо изъ убѣжденія въ несогласіи такого факта съ потребностями французской политики, и что даже послѣ уступки Савойи она останется по прежнему расположена препятствовать соединенію центральной Италіи съ сѣверною. Теперь положительными фактами подтверждена справедливость такого взгляда, основаннаго на сущности дѣла. Савойя уже уступлена Сардиніи, а Франція все еще продолжаетъ убѣждать туринскій кабинетъ и жителей центральной Италіи, что лучше ихъ земель остаться разными государствами. Вѣрность французскаго правительства этой системѣ такъ велика, что даже и послѣ рѣшительнаго шага, сдѣланнаго итальянцами, послѣ подачи голо-

совъ 11 и 12 марта (новаго стиля), послѣ объявленія Сардиніи, что она принимаетъ результатъ этого вотированія, парижскій кабинетъ все еще продолжаетъ настаивать, чтобы Сардинія не соединялась съ Тосканюю.

Эта точка зрѣнія, которой мы постоянно держались, то есть убѣжденіе въ неизмѣнности принциповъ французскаго правительства, будетъ служить для насъ и теперь основаніемъ при связномъ изложеніи отрывочныхъ газетныхъ извѣстій.

Начиная итальянскую войну, французское правительство смотрѣло на нее, какъ на средство достигнуть однимъ разомъ нѣсколькихъ цѣлей, которыя могутъ быть пріятны или непріятны для другихъ государствъ, во которыя каждый хорошій дипломатъ континентальной Европы неусомнитса назвать дѣйствительно выгодными для французскаго правительства. Первою цѣлью было отвратить вниманіе французской націи отъ внутреннихъ вопросовъ, по которымъ разныя партіи несогласны съ нынѣшнею системою, къ вышнимъ дѣламъ, о которыхъ огромное большинство французовъ думаетъ одинаково съ своимъ императоромъ, то есть согласно съ обыкновенными военными и дипломатическими понятіями о пользѣ и чести преобладанія надъ другими странами. Это побужденіе къ веденію войны мы подробно излагали въ началѣ прошлаго года, когда война еще только готовилась. Не было тогда никакого сомнѣнія, что война принесетъ въ этомъ отношеніи пользу французскому правительству, и она дѣйствительно принесла ее. Если, какъ мы видимъ до сихъ поръ, во всѣхъ странахъ западной Европы общественное вниманіе отвлечено отъ домашнихъ дѣлъ вопросами иностранной политики, то во Франціи, которая является главною двигательною этихъ вопросовъ, иностранная политика съ начала прошлаго года до сихъ поръ, конечно, должна была занимать умы съ непреодолимою силою. Но для того, чтобы настроеніе умовъ, производимое иностранными дѣлами, служило въ пользу правительства, французскіе дипломаты должны были неуклонно веети эти дѣла сообразно принципу наиболѣе понятному и лестному для французскаго національнаго чувства. Изъ этой необходимости возникала забота французской политики о приобрѣтеніи какихъ нибудь новыхъ областей,—стремленіе натуральное, неизбѣжное при системѣ, по которой ведутся теперь французскія дѣла. Понимая эту необходимость, мы годъ тому назадъ говорили, что долженъ быть совершенно достовѣренъ слухъ о договорѣ, обязывающемъ Сардинію уступить Фравціи Савойю. Но одно приобрѣтеніе Савойи и вообще какое бы то ни было расширеніе границъ на юго-востокъ не могло удовлетворять потребностямъ французскаго правительства. Национальное чувство гордится преобладаемъ надъ чужими государствами едва ли не больше, нежели завоеваніемъ пограничныхъ областей. Дѣло шло объ итальянскомъ полуостровѣ, потому важнѣйшею задачею французскаго правительства должно было служить приобрѣтеніе рѣшительной власти надъ итальянскими государствами. Тутъ все зависѣло отъ полнаго господства надъ Сардиніею, которой было обѣщано расширеніе границъ. Подчинивъ своей волѣ Сардинію, Франція уже легко могла бы приобрѣсти безусловное влияніе на другіе итальянскіе кабинеты, которые могутъ держаться только французскою защитою противъ стремленій къ единству, представителемъ котораго служить Сѣверно-итальянское королевство. Мы нѣсколько разъ объясняли, что виллафранкскій миръ прекрасно удовлетворялъ этой задачѣ. Сардинія становилась черезъ него настолько сильна, что внушала ужасъ папѣ и неаполитанскому правительству. Но въ рукахъ австрійцевъ были оставлены крѣпос и

знаменитаго четырехугольника, такъ что сама Сардинія должна была только во французскомъ покровительствѣ видѣть спасеніе себѣ отъ австрійцевъ. Допустить присоединеніе Тосканы и другихъ земель центральной Итали въ Сѣверно-итальянскому королевству было рѣшительно несогласно съ такимъ расчетомъ. Королевство Виктора-Эмануэля, имѣя только 8 милліоновъ населенія, не должно было мечтать о политической самостоятельности. Но въ немъ должна была родиться мысль о самостоятельности, когда оно, увеличиваясь землями центральной Итали, пріобрѣтало населеніе въ 13 или 14 милліоновъ. Допустить это значило бы потерять власть надъ нимъ. Потому французское правительство съ самаго виллафранвскаго мира постоянно говорило, что присоединеніе Тосканы въ Піемонту така вещь, ва которую оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться. Мы не будемъ повторять здѣсь многочисленныхъ фактовъ, довазывавшихъ искренность этихъ словъ и многочисленныхъ плановъ, составлявшихся французскимъ правительствомъ для предотвращенія событія, несомнѣннаго съ выгодами французскаго господства надъ Италіею. Въ свое время мы говорили о посольствахъ Резе и Понятовскаго, явившихся въ центральную Италію отъ имени императора французовъ доказывать ел жителямъ, что соединеніе съ Піемонтою невозможно. Послѣ Резе и Понятовскаго было еще нѣсколько такихъ посольствъ; между прочимъ ѣздилъ въ Италію старинный другъ Наполеона III, Тафель, съ такимъ же порученіемъ. Парижскій кабинетъ посылалъ въ Туринъ безчисленное множество депешъ въ томъ же смыслѣ; онѣ были въ свое время напечатаны, а теперь напечатаны и англійскія депеши, несомнѣнно показывающія серьезность и искренность усилій Франціи не допустить расширенія піемонтскихъ границъ на югъ. Мы не будемъ говорить также о всѣхъ многочисленныхъ планахъ, имѣвшихъ цѣлью сохранить отдѣльныя государства въ центральной Итали. Читатель помнитъ, что при заключеніи мира была у Франціи мысль прямо возстановить прежнія правительства въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ и Романѣ; потомъ, по временамъ, этотъ планъ смѣнялся дѣйствіями для возведенія на тосканскій престолъ принца Наполеона, которому до войны предназначалось быть королемъ этрурскимъ: когда казалось слишкомъ труднымъ возетановить австрійскихъ эрцгерцоговъ, Франція возвращалась въ первоначальной своей мысли объ отдачѣ центральной Итали французскому принцу. Оба эти плана, — учрежденіе королевства центральной Итали для принца Наполеона или возетановленіе прежнихъ правительствъ, нѣсколько разъ смѣнялись одинъ другимъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ концѣ прошлаго года Франція останавливалась на томъ, чтобы дать Піемонту Парму и Модену, возетановить въ Тосканѣ великаго герцога, а Романью отдать папѣ. Піемонту говорилось, что если онъ не согласится на это, Франція предастъ его на волю австрійцевъ. Въ такомъ положеніи были вещи около половины прошлаго мѣсяца. Теперь расскажем факты, которыми развивалось итальянское дѣло послѣ того времени. Послѣдняя воля французскаго правительства была выражена туринскому кабинету въ вотѣ Тувнеля 24 февраля. Она послужила ближайшимъ поводомъ къ такому рѣшительному обороту дѣла, что ны, въ противность своему обыкновенію не останавливаться на дипломатическихъ документахъ, представимъ извлеченіе изъ этой депеши.

Тувнель начинаетъ словами, что пришла теперь пора „объясниться съ полною откровенностью“; потому, говорить онъ, „я хочу теперь изложить вамъ безъ вся-

кихъ умолчаній мнѣніе императорскаго правительства“. Французское правительство хочетъ отвратить отъ Италіи войну и анархію; оно приглашаетъ туринскій кабинетъ содѣйствовать ему въ этомъ стремленіи. „Туринскій кабинетъ можетъ избрать другой путь, но въ такомъ случаѣ общіе интересы Франціи не дозволить императорскому правительству сопровождать его на этомъ пути“. — „Скажемъ съ полною откровенностью, что чувство, изъ котораго возникла въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи мысль о присоединеніи къ Піэмонту и которымъ произведено выраженіе этого желанія, есть не столько обдуманное влеченіе къ Сардиніи, сколько манифестація, направленная противъ одной изъ великихъ державъ (Австріи). Если это чувство не будетъ сдержано въ самомъ началѣ, оно не замедлитъ высказаться требованіями, съ которыми будетъ долженъ туринскій кабинетъ бороться по требованію разсудительности. Онъ подвергся бы двумъ одинаково плачевнымъ шансамъ: войнѣ или революціи. Соображая все это, съ твердымъ намѣреніемъ выбрать рѣшеніе, могущее наилучшимъ образомъ согласить нынѣшнія требовательныя обстоятельства съ удобствами болѣе спокойнаго будущаго, надобно признать, что пора остановиться на комбинаціи, которую можно представить на одобреніе Европѣ съ нѣкоторымъ шансомъ успѣха и которая сохранитъ за Сардиніею все нравственное вліяніе, на какое можетъ она имѣть притязаніе въ Италіи. Эта комбинація, по зрѣлому мнѣнію императорскаго правительства, была бы такова:

„1) Полное присоединеніе герцогствъ Пармскаго и Моденскаго къ Сардиніи.

„2) Временное управленіе легатствами Романьи, Феррары и Болоньи подъ формою викаріатства, которымъ будетъ завѣдывать король сардинскій отъ имени папы.

„3) Возстановленіе политической и территоріальной независимости великаго герцогства Тосканскаго.

„Это переходное положеніе имѣло бы ту выгоду, что обезпечивало бы за Сардиніею необходимое ей политическое положеніе, удовлетворяло бы легатства съ административной точки зрѣнія, а съ католической точки зрѣнія было бы среднею мѣрою, которая успокоила бы сомнѣніе совѣсти. Этотъ послѣдній результатъ важенъ для Франціи, которая не можетъ по принципу признать кореннаго раздробленія папскихъ владѣній. Мои слова о необходимости предупредить опасности, которымъ Сардинія подверглась бы, стремясь къ большому расширенію владѣній, въ особенности прилагаются къ Тосканѣ. Мысль присоединить великое герцогство, т. е. поглотить въ другомъ государствѣ страну, имѣющую столь прекрасную и благородную исторію и столь привязанную доселѣ въ своимъ преданіямъ, не можетъ произтекать ни изъ чего, кромѣ стремленія, опасность котораго очевидна императорскому правительству. Это стремленіе обнаруживаетъ въ увлекаемыхъ имъ тайную мысль о войнѣ противъ Австріи для завоеванія Венеціи и тайную мысль, если не о революціи въ Папскихъ владѣніяхъ и Неаполитанскомъ королевствѣ, то объ угрозы спокойствію этихъ государствъ.“ — „Если туринскій кабинетъ согласится на эту комбинацію, продолжаетъ Тувнель, то французское правительство не допуститъ иностраннаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла и будетъ требовать согласія великихъ державъ на конгрессъ или конференціи.“ — „Нужны ли мнѣ теперь длинныя подробности, чтобы объяснить, какова будетъ наша система, если туринскій кабинетъ, имѣя свободу выбора, захочетъ подвергаться опасностямъ, изложеннымъ мною при указаніи средствъ избѣжать ихъ? Предположеніе, по кото-

року сардинское правительство могло бы рассчитывать только на одні свои силы, развивается, можно сказать, само собою, и мяѣ было тяжело останавливаться на немъ. По повелѣнію его величества, скажу вамъ только, что мы ни за что въ мірѣ не согласились бы принять на себя отвѣтственности въ такомъ положеніи“. Въ заключеніе, Тувнель говоритъ, что, при нынѣшнемъ увеличеніи Сардиніи, забота о собственной безопасности заставляетъ Францію требовать присоединенія Савойи и Ниццы.

Со вступленіемъ Кавура въ управленіе дѣлами политика сардинскаго кабинета стала смѣлѣе и тверже прежняго, потому надобно было ожидать, что Сардинія попытается на сопротивленіе парижскому приказанію. Но отвѣтъ Кавура отъ 1 марта былъ написанъ тономъ болѣе смѣлымъ, нежели могли надѣяться итальянцы: сардинскій министръ безусловно отвергалъ даваемые ему совѣты и говорилъ, что если Піэмонту опасно отвергать ихъ, то безславно было бы принять ихъ или даже вести какіе нибудь переговоры на ихъ основаніи.

Если бы даже Сардинія по уваженію къ Франціи могла принять предлагаемую комбинацію, говоритъ Кавуръ, это предложеніе встрѣтило бы въ Тосканѣ и въ Романѣ затрудненіе столь сильное, что Сардинія не могла бы преодолѣть его. „Въ населеніи центральной Италіи развилось сильное сознаніе права располагать своею судьбою. Это чувство было укрѣпляемо многократными формальными увѣреніями императорскаго правительства, что оно не дозволитъ подчинять центральную Италію силой какому бы то ни было управленію; оно приобрѣло непреодолимую силу черезъ обнародованіе четырехъ англійскихъ предложеній, изъ которыхъ два первыя, вполнѣ принятыя Франціею, безусловно устанавливають принципъ невмѣшательства“. Сардинія можетъ только сообщить французское предложеніе правительству центральной Италіи, которыя отдадутъ его на рѣшеніе самого населенія центральной Италіи. Но по всей вѣроятности оно будетъ отвергнуто народомъ центральной Италіи. Впрочемъ, каковы бы ни были отвѣты государствъ центральной Италіи, сардинское правительство впередъ обязывается безусловно согласиться съ ними. Если Тоскана захочетъ остаться отдѣльнымъ государствомъ, Сардинія не только не станетъ противиться, а напротивъ, будетъ помогать исполненію ея желанія; точно также она поступитъ относительно Пармы, Модены и Романьи. Но если эти области снова выразятъ желаніе присоединиться къ Піэмонту, Сардинія не можетъ болѣе отказываться отъ того. „Если бы мы и хотѣли, мы не могли бы противиться этому, говоритъ Кавуръ. При нынѣшнемъ состояніи общественнаго мнѣнія, министерство, которое отвергло бы такое желаніе, вновь выраженное, было бы низвергнуто единодушнымъ порицаніемъ“. — „Мы понимаемъ, какой опасности подвергнемся, когда согласимся на присоединеніе центральной Италіи, продолжаетъ Кавуръ; мы знаемъ, что опасность эта увеличивается тѣмъ, что Франція указываетъ на нее. Но мы должны сдѣлать это, будучи убѣждены, что иначе не только кабинетъ, но и самъ король Викторъ-Эммануэль потерялъ бы всякую популярность, всякую нравственную власть въ Италіи и, вѣроятно, не осталось бы ему никакихъ иныхъ средствъ управленія, кромѣ насилія“.

Такой языкъ не совсѣмъ обыкновененъ въ дипломатическихъ бумагахъ, посылаемыхъ отъ слабѣйшаго въ сильнѣйшему. Мы далеко не поклонники Кавура, но должны сказать, что депеша 1 марта приноситъ ему большую честь. Если мы осуждаемъ его образъ дѣйствій передъ итальянскою войною и во время войны, то

осуждаемъ именно за то, что не доставало въ немъ твердой увѣренности, которою одушевлена депеша 1 марта. Еще замѣчательнѣе было, что слова сопровождались столь же отважными дѣйствіями: вмѣстѣ съ письменнымъ отвѣтомъ Тувенлю давъ былъ фактическій отвѣтъ распоряженіемъ, чтобы 11 и 12 марта жителямъ центральной Италіи было предложено рѣшить своими голосами вопросъ о присоединеніи къ Піемонту. Это рѣшеніе было уже нѣсколько разъ выражено конституционными собраніями центрально-итальянскихъ областей; но было извѣстно, что Франція считаетъ нужнымъ подвергнуть волю центральной Италіи новому испытанію. Французское правительство придавало непосредственной подачѣ голосовъ всѣми взрослыми людьми большую важность, чѣмъ рѣшенію представителей, выбранныхъ не всѣмъ населеніемъ, а только частью его, подходившею подъ избирательный цензъ. Чтобы устранить всякій формальный предлогъ къ отрицанію соотвѣтственности рѣшенія съ волею всего населенія, назначено было допустить къ вотированію всѣхъ взрослыхъ людей, безъ всякаго ценза. Само собою разумѣется, что предпочтеніе всенароднаго вотированья вотированью съ цензомъ было со стороны Франціи основано не на отвлеченномъ уваженіи къ демократическому принципу, а просто на томъ предположеніи, что простолюдины и въ особенности поселяне центральной Италіи менѣе проникнуты стремленіемъ къ единству, чѣмъ горожане и люди образованныхъ сословій. Въ самомъ дѣлѣ, мы постоянно читали увѣренія, что въ Тосканѣ, Моденѣ и т. д. поселяне не раздѣляютъ ненависти либераловъ къ прежнему порядку дѣлъ и въ особенности къ прежнему раздробленію націи на маленькія слабыя государства. Эти увѣренія слышались не отъ однихъ противниковъ итальянскаго единства: сами итальянскіе либералы сильно сомнѣвались въ томъ, пользуются ли сочувствіемъ поселянъ. Надобно полагать, что въ послѣднее время Фарини, Риказоли и Кавуръ постарались точнѣе разузнать это, — иначе они не стали бы рисковать привѣщаніемъ всего населенія въ вотированью. Депеша Кавура, извлеченіе изъ которой мы привели, показываетъ полную увѣренность, что при всеобщемъ вотированьи большинство поселянъ будетъ на сторонѣ патріотовъ. Читателю извѣстно, что результатъ вотированья оправдалъ эту надежду съ такою полнотою, какой не ожидали даже люди наиболѣе увѣренные въ патріотизмъ простолюдиновъ. Мы приведемъ изъ „Times'a“ отрывки писемъ, въ которыхъ разсказывается, какъ происходило торжественное выраженіе національной воли.

„Флоренція 11 марта.

„Теперь пять часовъ вечера; первый день вотированія прошелъ и, — я хотѣлъ прибавить: половина судьбы герцогствъ и Романья рѣшена, — вѣтъ, я могу съ увѣренностью сказать: ихъ присоединеніе къ Піемонту рѣшено. Не умю сказать вамъ, сколько голосовъ уже подано въ Эмилию; билеты лежатъ въ запечатанныхъ урнахъ, остается для вотированія еще 24 часа, но я, не колеблясь, уже сообщаю вамъ результатъ вотированія.

„Я разскажу вамъ, что я вьдѣлъ нынѣ съ 6 часовъ утра, и я не сомнѣваюсь, что вы вмѣстѣ со мною будете впередъ увѣрены въ результатъ. Вчера поздно вечеромъ я выѣхалъ изъ Турина, чтобы утромъ можно мнѣ было выѣхать изъ Пьяченцы и, проѣзжая по всей странѣ, какъ можно больше познакомиться съ народнымъ движеніемъ.

„Мы пріѣхали въ Пьяченцу въ двѣнадцатомъ часу ночи, въ то самое время, какъ всходящій мѣсяцъ начиналъ освѣщать безобразные окопы, остатки сооружений, возведенныхъ австрійцами въ началѣ прошлаго года. Ворота въ городскіихъ стѣнахъ были уже заперты, и когда они отворились впустить поѣздъ, казалось, будто вѣзжаешь во

французскую крѣпость: куда я ни емотрѣлъ изъ окна вагона, вездѣ видѣлъ только синія французскія шинели и синія фуражки въ узкихъ улицахъ; гдѣ было какое нибудь движеніе, оно производилось только этими синими фуражками. видѣвшимися при туск-лыхъ лампахъ, зажженныхъ по древнему обычаю въ честь восходящаго мѣсяца. Это преобладаніе синяго цвѣта объясняется тѣмъ, что въ Пьяченцѣ стоитъ цѣлая французская дивизія. Вѣроятно, для сглаживания этого оттѣнка была тутъ же поставлена одна рота сардинской пѣхоты.

„Я упоминаю объ этомъ впечатлѣніи потому, что оно было довольно страннымъ введеніемъ къ поѣздкѣ, дѣлаемой съ тою цѣлю, чтобъ видѣть, какъ подаются голоса о присоединеніи центральной Италіи къ Шамонту. Мѣсяць былъ еще на половинѣ неба, когда я пришелъ опять на станцію, потому что поѣздъ отправляется въ шесть часовъ утра. Такимъ образомъ я былъ въ Пьяченцѣ только ночью, но все-таки при лунномъ свѣтѣ могъ повсюду на стѣнахъ видѣть афиши съ словами: *Appensione alla Monarchia costituzionale del Vittorio Emanuele*; это показывало, что 9,000 противниковъ присоединенія, поставленныхъ въ Пьяченцѣ, произвели мало дѣйствія на умы горожанъ.

„Начинало свѣтать, когда мы выѣхали, и на первыхъ ниляхъ покрытыя снѣгомъ поля съ одиночными фермами не показывали никакого признака жизни; все было холодно и неподвижно: и бѣлая отъ снѣга окрестность, и снѣжныя вершины Аппенинъ вдалькѣ, и даже Боловское шоссе, древняя *via Emilia*, идущее до самой Болоньи подлѣ желѣзной дороги, было также пустынно, какъ вен окрестность. Это продолжалось съ часъ. Но еще передъ нашимъ прїѣздомъ въ Кастель Гуэльфо, на послѣднюю станцію передъ Пармой, люди проснулись. Солнце взошло, колокольный звонъ слышался сквозь шумъ поѣзда. На шоссе показались экипажи и одинокіе путники; ставни и двери фермъ начали раскрываться. Свѣтъ принесъ жизнь, и великій день для центральной Италіи начался.

„Едва я замѣтилъ это дремавшему господину, сидѣвшему подлѣ меня, какъ мы съ вамъ ясно услышали сквозь стукъ желѣзныхъ колесъ и рельсовъ народный крикъ, повторявшійся безъ умолку. Мы раскрыли окно вагона, и шагахъ въ трехъ стахъ отъ большой дороги увидѣли процессію поселянъ: они шли съ трехцвѣтнымъ флагомъ впереди и привѣтствовали поѣздъ криками: „*Viva l'italia! Viva Vittorio Emanuele!*“ Это были все мужчины сосѣдней общины, одною толпою шедше вотировать въ главное село округа, ва ту самую станцію, гдѣ мы должны были остановиться. Было еще не больше 7 часовъ утра, а вотированіе начиналось въ 10 часовъ. Мы еще не проѣхали и пятой части нашего пути, и съ этой минуты до конца пути мнѣ казалось, будто я вижу все населеніе герцогства и Романьи вышедшимъ въ путь. Шоссе, вдоль котораго мы все время ѣхали, постоянно было наполнено идущимъ народомъ. Маленькими и большими отрядами, каждый съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, каждый съ пѣснями и патриотическими криками, шли поселяне въ города. На каждой станціи стояли или шли черезъ нее такія группы Чѣмъ ближе подходилъ часъ вотированья, гѣмъ сильнѣе увеличивался этотъ потокъ. Казалось, будто видишь передъ собою какой-то пикникъ всего населенія. Прекрасный свѣтлый день, конечно, много содѣйствовала общей радостной готовности.

„Впрочемъ, Парма и Реджіо всегда считались благорасположенными къ соединенію городами; но что-то будетъ въ Моденѣ, гдѣ такъ систематически старались подѣйствовать на простолюдиновъ, особенно на поселянъ, деньгами и черезъ аристократическихъ землевладѣльцевъ, чтобы отвратить народъ отъ соединенія? Мои сомнѣнія были разсѣяны самымъ блестящимъ образомъ. На самой моденской станціи большая дорога изъ округовъ по рѣкѣ По перерѣзываетъ желѣзную дорогу, и на этомъ перекресткѣ сотни поселянъ со множествомъ трехцвѣтныхъ знаменъ, украшенныхъ савойскимъ крестомъ и патриотическими девизами, предводимыя своими синдиками и священниками, стояли, ожидая пока пройдетъ поѣздъ и привѣтствуя его громкими криками.

„Вотированье шло такъ, что имѣло характеръ не борьбы, а національного торжества и праздника. Мнѣ почти не встрѣчалось на дорогѣ такого человѣка, у котораго на шляпкѣ не было бы девиза присоединенія. Люди низшихъ и высшихъ сословій были оди-

наново украшены этимъ девизомъ. Впечатлѣніе усилилось еще во сто разъ разъ, когда мы прѣехали въ Болонью. Тутъ не было дома, не было лавки безъ надписи: *Viva Vittorio Emanuele, nostro legittimo re! Viva l'annessione! Fedelta al nostro re!* Для поселянъ и для горожанъ, вотированье одинаково казалось второстепенною формою, а главнымъ дѣломъ было ходить по улицамъ процессіяи, съ флагами и музыкою, пѣснями и патриотическими криками, и радость была главною чертою этого дня. Болонья съ своими узкими улицами, по которымъ вдутъ ея неподражаемыя аркады, капризно разнообразныя, но составляющія гармоническій ансамбль, чрезвычайно удобна для такихъ проявленій энтузіазма. Окна и балконы были украшены флагами, коврами, шелковыми фестонами, часто съ вышитыми на нихъ гербами владѣльцевъ. Даже колонны аркадъ не избѣжали украшающей маши и были одѣты красными и зелеными матеріями. Площади были мѣстами встрѣтъ для процессій, изъ которыхъ многія расхаживали по городу, цѣлый день: мѣстъ вотированья было одиннадцать въ городѣ и по сосѣдству, потому довольно дѣла было ходившимъ по всѣмъ этимъ мѣстамъ процессіяи студентовъ, работниковъ, ремесленниковъ разныхъ промысловъ. Главнымъ мѣстомъ встрѣтъ для процессій была *Piazza Maggiore*, съ высокою башнею *Азинелла*, поднимающеюся надъ цѣлымъ городомъ. Крыльцо церкви, стоящей на *Piazza Maggiore*, было постоянно наполнено народомъ, наполнявшимъ и балконы на правой сторонѣ отъ церкви. Эти толпы безпрестанно обмѣнивались патриотическими криками съ проходившими черезъ площадь процессіяи: махали платками, шляпами, кричали всевозможные *evviva*.

„Я говорилъ, что само вотированье было второстепеннымъ дѣломъ. Вотировать просто казалось предъявить билетъ на участіе въ общей радости. Интересно будетъ посмотрѣть, сколько голосовъ подано противъ соединенія: судя по всему, что я видѣлъ, надобно думать, что развѣ одинъ изъ ста“.

„Болонья, 12 марта. 9 часовъ утра.“

„Вчера къ вечеру затихло движеніе, чтобы возобновиться черезъ минуту, возобновиться съ новымъ одушевленіемъ, сильнѣе прежняго. Зажженіе первой лампы на улицахъ было енгналомъ этого возобновленія. Въ одинъ мигъ на всѣхъ балконахъ явились бумажные фонари и восковые факелы. Искусственной иллюминаціи горожане не хотѣли дѣлать, они хотѣли только освѣтить чудныя улицы своего города. Эффектъ былъ магическій. Онъ придавалъ великолѣпнымъ зданіямъ совершенно новый характеръ. Особевно площадь передъ дворцомъ правительства превосходила своею эффектностію все, что когда нибудь я видѣлъ. Цѣлый городъ казался одною сценическою декорациею, и все населеніе города толпилось по улицамъ до поздней ночи. Все было оживлено; безпрестанно мѣнялись, сходились и расходились группы, съ веселыми криками. И во всемъ этомъ шумѣ и веселости, не было ничего грубаго: я не видѣлъ ни одного человѣка пьянаго.“

„Полуночи, съ половины 8-го, народъ стремился главнымъ образомъ къ театру, гдѣ поэтъ *Гьянси* долженъ былъ читать стихотворенія, соотвѣтствовавшія случаю. Тутъ происходила великая демонстрація. Зала была биткомъ набита. Каждому стихотворенію аплодировали съ фуроромъ. Первое изъ нихъ, *Pio IX e guerra*, было поэтическимъ судопъ надъ папою, второе, *Aquila d'Austria*, и третье, *Annessione*, говорили объ австрійцахъ и соединеніи Италіи. Энтузіазмъ былъ непреодолимъ, такъ что прусскій генералъ реакціонной партіи, случайно попавшій въ театръ, также увлекся, аплодировалъ и кричалъ не хуже самаго патриотичнаго итальянца“.

„Модена, 13 марта.“

„Мои впечатлѣнія о результатѣ вотированья въ Болоньѣ, посланныя къ вамъ во вчерашнемъ моемъ письмѣ, оказались вѣрны. Нѣтъ сомнѣнія, что вчера рѣшилась судьба центральной Италіи. Выѣзжая изъ Болоньи нынѣ полуночи, я справился о числѣ вотировавшихъ и узналъ, что изъ 21 тысячи человѣкъ, внесенныхъ въ списки города Болоньи и его предмѣстій, 17,000 подали вчера голоса. Я уѣхалъ еще въ 11 часовъ утра, во уже болѣе 1000 человѣкъ изъ остальныхъ пришли вотировать. Видъ городскихъ улицъ заставлялъ предугадывать такой результатъ, во даже и бывши приготовленъ къ нему,

невольно удивляешься его величію. Даже въ странахъ, гдѣ простолюдины не участвуютъ въ выборахъ, такаа большая пропорція вотирующихъ была бы чрезвычайная: еще удивительнѣе она ори всеобщемъ вотиrowанья. Простолюдины вообще не охотники вотиrowать, и потому всегда бываетъ, что множество изъ нихъ не подаютъ голосовъ. Вотиrowанье продолжается еще до 5 часовъ вечера, стало быть можно ожидать, что по крайней мѣрѣ девять десятыхъ изъ всего числа избирателей въ Романѣ подадутъ голоса. Это общее участие въ выборахъ служить самымъ поразительнымъ признакомъ интереса, который возбуждается во всемъ населеніи вопросомъ, рѣшаемымъ въ эти дни; это надобно отчасти объяснять долговременнымъ приготовленіемъ въ нему. Присоединеше вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ было единственною мыслью, занимавшею народъ, и отъ частныхъ препятствій ова только усиливалась и распространялась.

„Несмотря на столпленіе народа, нее происходило съ совершеннымъ спокойствіемъ и порядкомъ, благодаря народнымъ правамъ. Избиратели въ Волонѣ были раздѣлены для вотиrowанья на 11 отдѣловъ по алфавитному порядку фамилій, такъ что въ каждомъ изъ 11 залъ, назначенныхъ для вотиrowанья, подавали голоса люди, фамиліи которыхъ начинаются съ извѣстныхъ буквъ. Такой порядокъ представлялъ новое удобство для манифестаціи. Ремесленники в работники каждаго промысла собирались всѣ вмѣстѣ съ флагами и знаменами, съ оркестромъ, если только могли нанять его, или просто съ евоими громкими голосами, если не было у нихъ денегъ нанять музыку. Всѣ вмѣстѣ они ходили по всѣмъ отдѣламъ, начиная съ А и кончая Z. Въ каждомъ отдѣлѣ принадлежавшіе къ нему люди входили въ залу и подавали голоса, а товарищи ждали ихъ ва улицѣ съ патристическими криками. Вотиrowанье шло самымъ простымъ и правильнымъ порядкомъ. Описание того, какъ происходило оно въ одномъ отдѣлѣ, покажетъ, какъ происходило оно во всѣхъ. Возьмемъ, напримѣръ, отдѣлъ, въ которомъ были фамиліи, начинающіяся буквою Н. Мѣстомъ вотиrowанья для этого отдѣла былъ домъ Пеполи. Въ каждомъ итальявскомъ городѣ есть фамиліи, столь тѣсно связанныя съ городскою исторіею, что считаются какъ будто бы принадлежностью или собственностью цѣлаго города. Къ такимъ фамиліямъ въ Волонѣ принадлежатъ Пеполи, и нынѣшній представитель ихъ рода одинъ изъ популярнѣйшихъ людей въ цѣлой Романѣ. Естественно было выбрать мѣстомъ вотиrowанья обширную залу его старнааго дворца. Вы всходите по широкой лѣстницѣ, какія бывають только въ Италіи, по лѣстницѣ, которая одна занимаетъ пространство цѣлаго дома. На площади, вверху лѣстницы, стоять человекъ, который отбираетъ трости, зонтики и другія оружія. Вы отворяете дверь и видите себя въ огромной затѣ XVI столѣтія, со стѣнами, на которыхъ гербы разныхъ членовъ фамиліи, съ полами изъ мраморной мозаики; зала увѣшана фамильными портретами, которые какъ будто съ изумленнымъ любопытствомъ смотрять на нынѣшнія дѣла. Противъ дверей поставленъ длинный столъ, около котораго стоять человекъ десять въ пальто и шляпахъ. Столъ заваленъ списками избирателей. Передъ столомъ закрытая урна фуа въ четыре вышины, запечатанная четырьмя печатами; посредия крышки ея сдѣланъ узій прорѣзъ для опусканія билетовъ. Два человекъ безотлучно охраняють эту урну, какъ сокровище. Избиратель входитъ, осматриваясь, куда ему направиться. Ему показываютъ въ столу. Высокій человекъ вѣжливо спрашиваетъ у него фамилю. Это президентъ отдѣла, Мингетти, одинъ изъ людей, получившихъ извѣстность во время послѣднихъ событій. Раскрывается списокъ избирателей, ставится въ немъ значекъ противъ имени человекъ, подающаго голосъ, и овъ кладетъ въ ящикъ свой билетъ; такъ требуетъ форма; но да или нѣтъ въ этомъ отвѣтѣ вовсе ве тайна, потому что почти у каждаго билетъ былъ прикрѣпленъ на шляпѣ или фуражкѣ и на каждомъ билетѣ я видѣлъ рѣшеше въ пользу единства.

„Когда я прибылъ въ Модену, вотиrowанье уже кончалось, но я скажу вамъ, хоть вы не повѣрите этому: городъ былъ оживленъ; дѣйствительно, фактъ немовѣрный въ прежней столицѣ Франциска IV. И здѣсь, какъ въ Романѣ, ожидаютъ, что почти всѣ голоса безъ исключенія будутъ въ пользу присоединенія“.

Читателю извѣстенъ результатъ вотиrowанья. Можно сказать, что только больные и отсутствующіе не подали своихъ голосовъ, а каждый, кто только могъ дойти

до урны, собиравшей голоса, исполнилъ свой долгъ. Такая огромная пропорція вотировавшихъ почти безиримѣрна въ европейской исторіи. Читателю извѣстно также, что едва одна пятидесятая часть голосовъ оказалась не въ пользу соединенія и что единодушіе, съ которымъ безирное большинство населенія потребовало національнаго единства, было поразительно, превзошло всѣ надежды самыхъ жаркихъ патріотовъ. Читатель знаетъ также, что немедленно послѣ вотированья были отправлены областями центральной Италіи депутаціи въ Туринъ просить Виктора-Эммануэля принять центральную Италію въ составъ Сѣверно-итальянскаго королевства, что король безусловно согласился на просьбу, что теперь назначены въ центральной Италіи выборы депутатовъ для общаго парламента королевства, однаково обнимающаго собою Піемонтъ, Ломбардію и всю центральную Италію, что этотъ парламентъ собрался 2-го апрѣля. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ будетъ могущественнѣйшей опорой туринскому правительству въ его національныхъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ со стороны самихъ итальянцевъ дѣло рѣшено безвозвратно, и если бы туринское правительство захотѣло теперь повернуть назадъ, уступая французскимъ требованіямъ, то оно дѣйствительно было бы принуждено прибѣгнуть для этого къ мѣрамъ насилія, о которыхъ говоритъ въ своей нотѣ Кавуръ и которыми онъ едва ли захочетъ обезславить себя и лишить всякой правительственной силы своего короля. Отступить отъ сдѣланнаго было бы теперь со стороны Кавура низостью и предательствомъ.

Но преждевременаю было бы считать теперь дѣло уже совершенно поконченнымъ. Очень можетъ быть, что придуть тѣ опасности, которыми Туннель грозитъ итальянцамъ въ своей депешѣ отъ 24 февраля. Вопросъ рѣшенъ для итальянцевъ, но французское правительство до сихъ поръ не хотѣло соглашаться съ ними, не хотѣло согласиться даже и въ послѣдніе дни, ни послѣ единодушнаго вотированья въ пользу единства, ни послѣ того, какъ Викторъ-Эммануэль объявилъ центральную Италію частью своего королевства. Франція до сихъ поръ продолжаетъ настаивать, чтобы дѣло оборотили на путь, указанный ноткою 24 февраля, и чтобы отреклись отъ дѣйствій противныхъ этому указанію. Одновременно съ каждымъ новымъ шагомъ итальянцевъ къ единству, Франція повторяла требованіе, чтобы они отказались отъ своихъ намѣреній и покорились ея волѣ. Такъ, наиримѣръ, въ то самое время, какъ издавался во Флоренціи и Болоннѣ декретъ о вотированья, 1 марта, императоръ французовъ объявлялъ въ своей рѣчи при открытіи законодательнаго корпуса, что порицаетъ дѣйствія итальянцевъ, несогласныя съ его прежними совѣтами. Въ тѣ же самые дни дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ повѣренный императора французовъ Альбери, пріѣхавшій во Флоренцію изъ Парижа въ концѣ февраля. Онъ уже и прежде являлся въ центральной Италіи истолкователемъ воли Наполеона III; теперь было ему поручено возобновить прежнія настоянія. Альбери, итальянецъ и патріотъ, человекъ честный и благонамѣренный. Подобно Монтанелли онъ постоянно совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ покориться французскому требованію, не потому чтобы самъ не сочувствовалъ дѣлу единства, а только потому, что считаетъ непреоборимыми тѣ затрудненія, которыя поставляются Франціею оушествленію національныхъ стремленій. Мы приведемъ письмо флорентинскаго корреспондента Times'а о послѣднемъ посольствѣ Альбери.

„Альбери возвратился изъ Парижа, гдѣ онъ имѣлъ разговоры съ императоромъ, и теперь говорить тономъ человека, которому поручено передать мысли императора его

соотечественникамъ. Я уже нѣсколько упоминялъ объ Альбери, выражая свое твердое убѣжденіе въ честности его характера. Онъ—одинъ изъ немногихъ тосканцевъ, защищающихъ мнѣніе объ отдѣльномъ тосканскомъ королевствѣ и поддерживавшихъ притязанія принца Наполеона на тосканскій престолъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ съ точностью передаетъ слова императора.

„Императоръ Наполеонъ убѣждаетъ черезъ него итальянцевъ, что и теперь, въ послѣднія минуты дѣла, планъ присоединенія къ Піемонту не осуществимъ,—болѣе неосуществимъ, нежели когда нибудь; что каково бы ни было его собственное расположеніе согласиться съ этимъ „капризомъ народа“, онъ встрѣчаетъ въ удовлетвореніи народному желанію препятствія столь сильныя, что даже колоссальное могущество его имперіи не даетъ ему средства побороть ихъ. Образованіе итальянскаго королевства съ населеніемъ въ 12,000,000 несомнѣнно съ присутствіемъ австрійцевъ въ Венеціи. Оно противно вѣнскому кабинету въ особенности потому, что дѣлается въ пользу Сардинскаго королевства, которому Австрія приписываетъ всѣ свои бѣдствія въ Италіи, съ которымъ теперь предвидятъ борьбу за самое свое существованіе. По мнѣнію императора, этотъ планъ столь же невыносимъ для Рима, для Неаполя и для всѣхъ великихъ монархій, защищающихъ мелкія итальянскія государства и вообще принципъ легитимизма. Присоединеніе центральной Италіи къ сѣверной, по мнѣнію императора, немедленно повело бы за собою всеобщую войну. А онъ самъ не хочетъ такой войны, да и Франція не пошла бы на нее съ охотою, и Англія не стала бы его поддерживать въ ней. Если итальянцы безразумно останутся при своей мысли о соединеніи, ясно, что долженъ сдѣлать императоръ: онъ немедленно выведетъ свою армію изъ Ломбардіи, останется спокойнымъ зрителемъ борьбы, въ которой партія присоединенія будетъ имѣть противъ себя Австрію и южныя итальянскія государства. Хотя бы все, созданное имъ, разрушилось этою борьбою, онъ долженъ будетъ предоставить итальянцевъ ихъ судьбѣ, отдать ее австрійцамъ, отъ которыхъ она потомъ не избавится въ двѣсти лѣтъ. Но императоръ не желаетъ бы отдать австрійцамъ и ихъ намѣстникамъ ни одного верхка земли, которую отнялъ у нихъ, и если дѣло не будетъ доведено до новой войны, Австрія согласится на сдѣлку: она непреклонна только въ двухъ вещахъ, въ рѣшимости сохранить Венецію и не допустить увеличенія Сардиніи. Императоръ думаетъ, что постепенно могъ бы склонить Австрію, чтобы она передала ему всѣ права низложенныхъ цривцевъ ея династіи, государей моденскаго и тосканскаго; а папа, сколько бы ни сердился, находится въ рукахъ императора и кончитъ тѣмъ, что покорится ему. Главнымъ затрудненіемъ служатъ сами жители центральной Италіи, и императоръ объявляетъ, что готовъ спасти ихъ, если они послушаются внушеній разеудка. Пусть вопросъ о центральной Италіи будетъ на время отложенъ, съ сознаніемъ, что возможно будетъ со временемъ всякое рѣшеніе его, кромѣ присоединенія къ Сардиніи. Пока, пусть будетъ назначенъ регентъ для управленія Тосканю и маленькими герцогствами, пусть онъ управляетъ и легатствами, какъ вассалъ папы. Кого назначить регентомъ, императоръ не говоритъ прямо; не говоритъ и того, можетъ ли этотъ регентъ разсчитывать въ случаѣ надобности на содѣйствіе 50,000 французовъ, находящихся въ Ломбардіи, или хотя части ихъ, противъ нападенія австрійцевъ. Потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ регентства,—во время которыхъ французскія войска останутся въ этой землѣ,—можно будетъ предложить жителямъ центральной Италіи вопросъ, хотятъ ли они имѣть своего регента королемъ; отвѣчать они будутъ по испытанному французскому способу, общенароднымъ вотированіемъ и просто „да“ или „нѣтъ“; результатъ безъ сомнѣнія будетъ въ смыслѣ, котораго желаетъ императоръ“.

То же самое говоритъ патріотъ еще болѣе знаменитый, ветеранъ 1848 года, храбро сражавшійся тогда противъ австрійцевъ и получившій тяжелую рану въ несчастной борьбѣ, Монтанелли. Если такіе люди, какъ онъ и Альбери, совѣтуютъ своимъ соотечественникамъ отступить передъ опасностью, то надобно думать, что опасность дѣйствительно ужасна. Она такъ велика, что въ самой Италіи безпрестанно носились въ послѣднее время слухи, будто бы Кавуръ уступилъ или усту-

паєть требованію французкаго правительства. Вотъ что говорили, напрямѣръ, во Флоренці въ концѣ февраля, за три дня до декрета о вотровавья. Мы, по обыкновенію, переводимъ отрывокъ изъ корреспонденціи, печатаемой въ „Times'а“.

„Послѣднее извѣстіе нынѣ состоитъ въ томъ, что Франція и Піэмонть заключили новвенцію, во которой Піэмонть соглашается на учрежденіе отдѣльнаго королевства вентральной Италіи, состоящаго изъ Тосканы, Романьи и части Модены; королемъ будетъ назначенъ малолѣтній герцогъ Генуэзской Альбертъ-Викторъ, племянникъ короля (Альберту-Виктору всего теперь шесть лѣтъ); опекуномъ его и регентомъ королевства будетъ назначенъ принцъ Наполеонъ, женатый на двоюродной сестрѣ малолѣтняго короля, принцессѣ Клотильдѣ. Такимъ образомъ центральная Италія по крайней мѣрѣ на 12 лѣтъ, до совершеннолѣтія Альберта-Виктора, будетъ вассальнымъ владѣніемъ французской династіи“.

Самъ корреспондентъ „Times'а“, передающій этотъ слухъ, называетъ его сказкою. Но этой сказкѣ вѣрили, и для насъ важно не то, основательна ли она, а то, что ей вѣрили: это свидѣтельствуєтъ, какъ сильны были настоянія Франціи, если Италія могла думать, что Кавуръ уступаетъ имъ. Чрезъ нѣсколько дней разнесся слухъ о новомъ претендентѣ изъ французской династіи на престолъ центральной Италіи. Сыновья тѣхъ братьевъ Наполеона, которые были сдѣланы королями во время первой имперіи, до послѣдняго времени не имѣли близкихъ отношеній къ сыновьямъ Луціана Бонапарте, который еще во время консульства поссорился съ Наполеономъ. Подъ именемъ принцевъ Канино они живутъ въ Италіи и пользуются въ ней большою популярностію за свои демократическіе принципы. Въ февралѣ одинъ изъ членовъ фамиліи Луціана Бонапарте, Карлъ-Наполеонъ принцъ Канино, былъ вызванъ въ Парижъ; императоръ французовъ пожаловалъ ему титулъ королевскаго высочества, признавъ его принцемъ своей династіи, чего прежде не хотѣлъ, и сталъ давать ему почетное мѣсто подлѣ себя на всѣхъ торжественныхъ церемоніяхъ. Мы не имѣемъ претензіи отгадывать, справедливо ли заключаютъ изъ этого, что императоръ французовъ, увидѣвъ непопулярность принца Наполеона въ Тосканѣ, хочеть замѣнить этого прежняго кандидата новымъ кандидатомъ на престолъ центральной Италіи, принцемъ Карлошъ-Наполеономъ, семейство котораго пользовалось любовью итальянцевъ; есправедливъ или несправедливъ этотъ слухъ, мы увидимъ въ довольно скоромъ времени, а теперь приводимъ его только, какъ новое выраженіе мнѣній, господствующихъ въ Парижѣ и въ самой Италіи относительно намѣреній императора французовъ. Вотъ еще любопытный фактъ о томъ, какія усилія дѣлало въ концѣ февраля французское правительство, чтобы склонить Кавура къ согласію на проєктъ, изложенный въ нотѣ Тувнеля отъ 24 февраля. Теперь мы сообщаемъ читателю уже не предположеніе публики, а положительное свѣдѣніе объ одномъ изъ средствъ, которыми французскіе дипломаты дѣйствовали на Кавура и другихъ государственныхъ людей Италіи. Этотъ фактъ мы беремъ изъ письма туринскаго корреспондента „Times'а“ отъ 9 марта.

„28 февраля французскій посланникъ въ Туринѣ, баронъ Талейранъ, представалъ графу Кавуру ноту 24 февраля и вмѣстѣ съ нею прочелъ сардинскому министру другую депешу, присланную отъ Персивья, французскаго посланника въ Лондонѣ, къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ; Персивья въ этой депешѣ угѣждаетъ Тувнеля, что сообщилъ французскія предложенія лорду Росселю, и что Россель согласился въ

рѣшеніе, даваемое этими предложеніями. Такое извѣстіе могло озадачить даже человѣка столь твердаго, какъ Кавуръ. Итакъ, Англія, послѣ всѣхъ своихъ увѣреній, нзмѣняется въ рѣшительную минуту! Но ударъ грома былъ отпариванъ электричествомъ въ другой формѣ: прежде чѣмъ депеши, прочтенныя Кавуру Талеяраномъ, успѣли пріѣхать изъ Парижа въ Туринъ по желѣзной дорогѣ, по телеграфу уже было получено извѣстіе объ отвѣтѣ, какой былъ дѣйствительно данъ лордомъ Росселемъ на французскія предложенія: англійскій министръ сказалъ Персинья, что эти предложенія „убійственны“ для итальянской независимости. Любопытно было бы взглянуть на саркастическое выраженіе лица, съ которымъ Кавуръ отвѣчалъ, что по его мнѣнію г. Персинья ошибся, потому что онъ, Кавуръ, имѣеть основаніе думать, что англійское правительство рѣшительно противъ французскихъ предложеній“.

Какъ было не разечитать, что извѣстіе объ отвѣтѣ Росселя на депешу Тувнеля придетъ въ Туринъ по телеграфу раньше, чѣмъ доѣдетъ до Турина по желѣзной дорогѣ депеша Персинья, излагающая вмѣсто подлиннаго отвѣта Росселя тотъ отвѣтъ, какой нуженъ былъ бы для французской системы? Но во всякомъ случаѣ, отважность, съ которою хотѣли подѣйствовать на Кавура этимъ замѣчательнымъ способомъ, заслуживаетъ удивленія.

Въ то же время дѣйствовали другимъ способомъ. Тувнель въ депешѣ 24 февраля говорилъ, что если туринскій кабинетъ не покорится французскому плану, Франція должна будетъ вывести свои войска изъ Ломбардіи, такъ что Италія останется беззащитною противъ австрійцевъ.

Если бы французскія войска были всѣ выведены изъ Италіи тотчасъ послѣ вилафранкскаго мира, Сардиніи не было бы отъ этого никакой опасности. Если Франція хотѣла защищать Піемонтъ и Ломбардію отъ австрійскаго вторженія, она одними словами достигала бы этой цѣли столь же вѣрно, какъ и оставленіемъ цѣлой своей арміи въ Миланѣ: каждому извѣстно, что безъ положительнаго разрѣшенія Франціи, австрійцы никогда не думали переходить границъ, оставленныхъ имъ по вилафранкскому миру. Собственно для защиты Италіи французская армія въ Ломбардіи была не нужна; но она въ этой позиціи служила сильною поддержкою французскому вліянію на туринскій кабинетъ. Оставляя свое войско въ Ломбардіи, Франція имѣла въ виду свои собственные интересы, а не интересы итальянцевъ; это ясно. Но столь же ясно и то, что выводъ французской арміи изъ Ломбардіи долженъ теперь имѣть уже совершенно иное значеніе: если Франція говорила, что присутствіе ея арміи въ Миланѣ служить выраженіемъ ея покровительства сардинскому правительству, то удаленіе этой арміи должно было показывать австрійцамъ и цѣлой Европѣ, что Италія лишается всякой надежды на французскую поддержку въ случаѣ австрійскаго нападенія; отзывая свои войска изъ Италіи, Франція прямо приглашала австрійцевъ начать наступательную войну, для наказанія итальянцевъ за непокорность совѣтамъ парижскаго кабинета. Около цѣлаго мѣсяца продолжалась эта угроза и наконецъ она исполняется. Австрійцы теперь знаютъ, что Италія лишилась права па французскую помощь противъ нихъ. Публицисты, не раздѣляющіе того взгляда на французскую политику, котораго мы постоянно держались, не могли отрицать, что со вступленія Кавура въ управленіе дѣлами, неудовольствіе парижскаго правительства противъ Піемонта выражалось сильными признаками предъ лицомъ всей Европы. Но они все-таки хотѣли предполагать, что этотъ очевидный разрывъ долженъ считаться только наружнымъ фактомъ, скрывающимъ подъ собою

совершенно иныя отношенія; они называли холодность просто демонстращей, дипломатическимъ маневромъ, говорили, что императоръ французовъ, выказывая гнѣвъ Пьемонту, дѣйствуетъ неискренно, вводитъ, по тайному согласію съ Кавуромъ, въ обманъ Европу. Такое предположеніе, оскорбительное для императора французовъ, не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія по своей натапнутости. Факты показываютъ, что императоръ французовъ дѣйствительно имѣлъ тѣ намѣренія, которыя приказывалъ Тувнею излагать въ депешахъ, всѣмъ извѣстныхъ. Предположеніе противнаго было такъ неправдоподобно, что даже публицисты, его представлявшіе, признавались въ его невѣроятности. Но у нихъ было еще другое ожиданіе: они говорили, что холодность и угроза имѣють цѣлью только вынудить у Сардиніи уступку Савойи, что когда эта страна будетъ отдана Франціи, вотированье центральной Италіи послужитъ для парижскаго кабинета поводомъ согласиться на соединеніе центральной Италіи съ Пьемонтомъ и оставить свои прежніе планы объ отдѣльномъ королевствѣ центральной Италіи, объявивъ, что императоръ французовъ не можетъ не признать рѣшительнаго значенія за всеобщимъ вотированьемъ, на которомъ основываетъ онъ свою собственную власть во Франціи. Факты показали теперь несостоятельность такихъ ожиданій, противныхъ принципамъ и цѣлямъ французской политики. Савойя уже уступлена Пьемонтомъ, а Франція продолжаетъ оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ кабинету Кавура, и вотированью центрально-итальянскаго населенія не прядаетъ значенія, несогласнаго съ цѣлями своей политики. Парижскій кабинетъ ни мало не смутился результатами вотированья 11 и 12 марта. Онъ объявляетъ, что выраженіе чувствъ центральной Италіи надобно понимать слѣдующимъ образомъ: въ Романьѣ единодушная готовность присоединиться къ Пьемонту означаетъ только нежеланіе романьольцевъ возвратиться подъ власть папы и притомъ нежеланіе возвратиться подъ эту власть только въ томъ предположеніи, что папа не произведетъ административныхъ реформъ. Если же римское правительство согласится на реформы, предлагаемыя ему парижскимъ кабинетомъ, то возвращеніе подъ власть папы вовсе не будетъ, по мнѣнію парижскаго кабинета, несогласно съ чувствами романьольцевъ. Еще менѣе противно было бы ихъ желанію образованіе отдѣльнаго королевства, государь котораго находился бы къ папѣ въ отношеніяхъ вассала. Точно также истолковываетъ парижскій кабинетъ и вотированье Тосканы: 11 и 12 марта Тоскана сказала вовсе не то, чтобы хотѣла присоединиться къ Пьемонту, а просто только то, что не желаетъ возстановленія великаго герцога. Отдѣльное королевство будетъ совершенно удовлетворять желаніямъ тосканцевъ, лишь бы только король былъ назначенъ какой нибудь другой принцъ, а не принцъ прежней династіи. Конечно, такое объясненіе не вполне соответствуетъ тому поставленію вопроса, на которое отвѣчала центральная Италія своимъ вотированьемъ. Спрашивалось не то, хотить ли романьольцы и тосканцы возвратиться подъ власть папы и австрійскаго эрцгерцога; вопросъ былъ прямо о томъ, хотятъ ли они оставаться отдѣльными отъ Пьемонта подъ какимъ бы то ни было правительствомъ или присоединиться къ Пьемонту. Но чтожь изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ только то, что вопросъ былъ поставленъ дурно, оттого и отвѣтъ получился дурной, вовсе не выражающій желаній центральной Италіи. Парижскому правительству эти желанія извѣстны и потому оно послѣ вотированья продолжаетъ говорить, какъ говорило до вотированья, что надобно сдѣлать изъ центральной Италіи особенное королевство.

Въ такомъ положеніи находится теперь дѣло центральной Италіи. Фактически оно рѣшено: Тоскана, Романья и мелкіе герцогства присоединены къ Піэмонту и Ломбардіи; но удержится ли это соединеніе? Не сдѣлаетъ ли туринскій кабинетъ какихъ нибудь уступокъ, хотя уступать теперь было бы уже очень неловко? Или не возникнутъ ли весной военныя событія, которыя дадутъ вопросу новый оборотъ, поведутъ къ освобожденію Венеціи или къ восстановленію прежняго порядка дѣлъ въ центральной Италіи? Этихъ вещей предугадать еще нельзя, не потому, впрочемъ, чтобы онѣ облечены были дипломатическою тайною, а просто потому, что и сами дипломаты еще не знаютъ, чѣмъ разыграется дѣло. Желанія и намѣренія каждаго кабинета извѣстны всей европейской публикѣ, но неизвѣстно и самимъ кабинетамъ, возникнутъ ли случаи, нужные для осуществленія намѣреній того или другаго изъ нихъ. Точно въ такомъ же положеніи находится и другое дѣло, возникшее изъ прошлой войны. Фактически Савойя уже уступлена Франціи, но неизвѣстно, къ чему поведетъ это совершившееся расширеніе французскихъ границъ.

Дюди, не умѣющіе или не желающіе придавать дипломатическимъ объясненіямъ ихъ истинный смыслъ, находятъ, что Франція и Сардинія дѣйствовали въ савойскомъ вопросѣ неискренно. Мы должны сказать, что обвиненія подобнаго рода совершенно неприимчивы къ дипломатическимъ приемамъ въ глазахъ людей, понимающихъ характеръ дипломатическихъ объясненій. Начнемъ изложеніемъ фактовъ, на которыхъ основываются порицанія въ неискренности. Мы приведемъ ихъ по преніи англійской палаты общинъ, которая служитъ теперь, при ничтожествѣ французскаго законодательнаго корпуса и при неразвитости парламентской независимости въ прусской палатѣ депутатовъ, единственнымъ общеевропейскимъ мѣстомъ официальнаго перевода политическихъ дѣлъ съ дипломатическаго языка на обыкновенный. Кинглекъ, членъ торійской оппозиціи, который принялъ на себя обязанность слѣдить въ палатѣ общинъ за дѣйствіями министерствъ по итальянскому вопросу, слѣдующимъ образомъ излагалъ переговоры въ своей рѣчи 28 февраля объ участи Савойи:

„Когда и какъ возникъ планъ присоединить Савойю и Ниццу къ Франціи? Правда или не правда, что мысль объ этомъ присоединеніи существовала еще до начала войны? Императоръ французовъ, начиная итальянскую войну, получилъ согласіе Европы на это предпріятіе торжественнѣйшими увѣреніями, что не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, никакихъ замысловъ объ увеличеніи Франціи.—Императорское правительство, писалъ графъ Валевскій (тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ) герцогу Малаховскому (Пелисье, тогдашнему французскому посланнику въ Лондонѣ), не имѣетъ никакихъ тайныхъ замысловъ, никакихъ честолюбивыхъ видовъ, ему „не въ чести притворяться, нечего скрывать“.—27 апрѣля (при вступленіи французскихъ войскъ въ Италію) графъ Коули (англійскій посланникъ въ Парижѣ) писалъ лорду Мальсбери (тогдашнему англійскому министру иностранныхъ дѣлъ): „Графъ Валевскій сообщилъ мнѣ вчера, что послалъ герцогу Малаховскому, для передачи правительству ея величества, депешу, въ которой давалъ увѣреніе, что императорское правительство не руководится никакими завоевательными или честолюбивыми намѣреніями“. Еще ближе касаясь предмета, о которомъ теперь мы говоримъ, графъ Валевскій писалъ герцогу Малаховскому слѣдующее: „Альпійскіе проходы не въ нашихъ рукахъ, и для насъ чрезвычайно важно, чтобы ключъ къ нимъ остался въ Туринѣ,—только въ Туринѣ.—Его императорское величество, сохраняя строгую вѣрность словамъ, которыя „сказалъ онъ, когда французскій народъ возвратилъ его на тронъ главы его династіи, „не одушевленъ ни личнымъ честолюбіемъ, ни желаніемъ завоеваній“. Въ формѣ еще болѣе рѣзвой и публичной повторилъ это увѣреніе самъ императоръ 8 іюня, вступивъ

въ Миланъ, Въ прокламаціи своей къ итальянскому народу овъ говорилъ: „Ваши враги, „которые также мои враги, старались уменьшить симпатію къ вашему дѣлу, существу- „ющую въ цѣлой Европѣ, убѣждая міръ, что я веду эту войну только для личнаго че- „столюбія или для увеличенія французской территоріи. Если есть люди, непонимающіе „своего времени, я не принадлежу къ ихъ числу. При нынѣшней просвѣщенности об- „щественнаго мнѣнія, могущество людей больше зависитъ отъ нравственнаго ихъ влія- „нія, нежели отъ безплодныхъ завоеваній. Я съ гордостью стремлюсь къ этому нрав- „ственному вліянію, содѣйствуя освобожденію одной изъ прекраснѣйшихъ странъ Ев- „ропы“.—Но въ моемъ портфельѣ лежитъ бумага, доказывающая: что эти слова заслу- „живали столько же довѣрія, какъ бюллетени первой имперіи. Еще въ мартѣ прошлаго „года, до начала войны, я получилъ эту бумагу изъ источника, сообщавшаго ей полную „достоувѣрность. Она говорила: „Наканунѣ бракосочетанія принца Наполеона съ прав- „дессою Клотильдою была подписана бумага, называвшаяся „семейнымъ обязательствомъ“, — „не трактатомъ и не конвенціею, а просто семейнымъ обязательствомъ (pacte de famille); „въ ней императоръ французовъ обѣщаль Сардиніи французскую помощь, а король сар- „динскій обѣщаль отдать ему Савойю и Ниццу въ замѣнъ за пріобрѣтенія въ Лом- „бардіи“.—Лордъ Мальсбернъ поручалъ тогда лорду Коули спросить французское прав- „ительство объ этомъ, но онъ употребилъ слово трактатъ, спрашивалъ, существуетъ ли „подобный трактатъ, вмѣсто того чтобы спросить, существуетъ ли семейное обяза- „тельство, и 1 мая 1859 лордъ Коули отвѣчалъ: „Я сообщалъ графу Валевскому, что „англійское правительство получило извѣстіе о томъ, что 17 января подписанъ между „Франціею и Сардиніею трактатъ, по которому Сардинія уступаетъ Франціи Савойю „въ случаѣ пріобрѣтенія Ломбардіи. Графъ Валевскій отвѣчалъ, что овъ можетъ ска- „зать мнѣ одіо: до сихъ поръ нѣтъ никакого трактата между Франціею и Сардиніею“. „Долго не было на это никакихъ опроверженій, и секретарь (министръ) иностранныхъ „дѣлъ, объявляя палатѣ общинъ о заключеніи виллафранкскаго мира, съ удовольствіемъ „могъ прибавить, опираясь на слова графа Валевскаго, что Французское правительство „вовсе не думаетъ о присоединеніи Ниццы и Савойи. „Могу съ удовольствіемъ извѣстить „палату, говорилъ овъ, что императоръ французовъ не дѣлать никакого подобнаго тре- „бованія, и что, судя по всему, надобно думать, что онъ не имѣетъ намѣренія дѣлать „какого бы то ни было прибавленія къ французской территоріи“.—Но наконецъ 7 „февраля лордъ Гренвилль (представитель нынѣшняго министерства въ палатѣ лордовъ) „высказалъ, если не всю истину, то по крайней мѣрѣ нѣчто, указывавшее на существо- „ваніе обязательства, о которомъ я говорилъ. „Французское правительство объявило „намъ (сказалъ овъ), что въ настоящее время нѣтъ вопроса о присоединеніи Савойи, „что однимъ изъ многихъ вопросовъ, о которыхъ разсуждали передъ войною, было „присоединеніе Савойи въ случаѣ извѣстныхъ событій, но такъ какъ эти событія ве „совершились, то теперь и нѣтъ вопроса о присоединеніи. Французское правительство „прибавляетъ, что если Сардинія, черезъ присоединеніе Ломбардіи и другихъ провин- „цій, станетъ могущественнымъ итальянскимъ государствомъ, то оно почтетъ себя имѣ- „ющимъ право разсмотрѣть, на какихъ условіяхъ оно можетъ дать утвержденіе такому „устройству дѣлъ“.

Въ рѣчи 16 марта Кинглекъ дополнилъ исторію вопроса слѣдующими замѣ-
чаніями о дипломатическихъ увѣреніяхъ съ стороны Сардиніи:

„Предлогъ, подъ которымъ присоединяется къ Франціи Савойя, легко можетъ быть
примѣненъ къ присоединенію Рейнскихъ провинцій и Бельгіи. Знаетъ ли палата, что
дѣлается теперь на бельгійской границѣ? Въ сосѣднихъ съ Франціею департаментахъ
есть газеты, прямо доказывающія надобность присоединить Бельгію къ Франціи, гово-
ряція бельгійцамъ, какія огромныя промышленныя выгоды получаютъ они отъ присое-
диненія. Но я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ и о способѣ дѣйствій Сардиніи
въ этомъ дѣлѣ. Графъ Кавуръ постоянно утверждалъ, что не давалъ никакихъ обяза-
тельствъ и не имѣетъ никакого расположенія уступать Савойю. Въ своей депешѣ къ
Нитри, сардинскому посланнику въ Парижѣ, овъ говоритъ: „Сардинское правительство

„никогда, ни за наклъ пріобрѣтенія, не согласится уступить или промѣнять какую бы „то ни было часть вемля, столько вѣковъ составлявшей славное владѣніе савойскаго „дона“. То же самое оны говорилъ сэру Джемсу Гѣдсону (англійскому посланнику въ Туринѣ). „Графъ Кавуръ, пріѣхавъ ко мнѣ, пишетъ сэръ Джемсъ Гѣдсонъ, повторилъ „прежнія свои слова, что Сардинія не заключала никакого обязательства уступать, про- „давать или обмѣнивать Савойю или какую бы то ни было часть королевскякъ „владѣній“.

Факты, указываемые Кинглекомъ, совершенно достовѣрны: дѣйствительно, усло- віе объ уступкѣ Савойи было подписано Валевскія и Кавуромъ въ началѣ про- шлаго года, еще до войны. Дѣйствительно, Франція и Сардинія въ своихъ дипло- матическихъ отвѣтахъ на вопросы другихъ кабинетовъ до послѣдняго времени постоянно отвѣчали, что такого условия не существуетъ, и наконецъ всего мѣсяца два тому назадъ говорили даже, что никто не думаетъ о переходѣ Савойи подъ власть Франціи. Но Кинглекъ совершенно ошибается, и что всего хуже, самъ знаетъ, что ошибается, когда выводитъ изъ этихъ фактовъ заключеніе, будто бы Сарди- нія и Франція кого нибудь обманывали своими отвѣтами, несоотвѣтствовавшими фактамъ. Кинглекъ самъ очень хорошо понимаетъ, что отвѣты подобнаго рода со- ставляютъ чистую формальность, которой не придается никакого существеннаго значенія ни отвѣчающими, ни получающими отвѣтъ. Когда, напримѣръ, Маль- сбери или Россель спрашивали Кавура или Валевскаго, существуетъ ли обяза- тельство уступить Савойю, они были уже увѣрены, что обязательство существуетъ; они имѣли на это положительныя доказательства; они знали также, что если объ этомъ обязательствѣ французскій или сардинскій кабинетъ самъ не объявилъ ан- глійскому, то значить, что объявить было нельзя, и что отвѣтъ по необходимости будетъ отрицательный. Кавуръ или Валевскій, давая отрицательный отвѣтъ, также очень хорошо знали, что Мальсбери или Россель впередъ знаютъ невозможность придавать какую бы то ни было существенную важность этому отвѣту. Потому об- мава тутъ никакого не было, а все дѣло ограничилось исполненіемъ формально- стей, не ведущимъ ни къ чему и ничему не обязывающимъ, а требуемымъ только свѣтскою деликатностью.

Теперь уже напечатанъ актъ, которымъ король сардинскій уступаетъ Савойю и Ниццу Франціи. Но этотъ актъ нуждается въ утвержденіи парламента, который собрался въ Туринѣ 2-го апрѣля; само собою разумѣется, что парламентъ можетъ не дать своего утвержденія, и тогда все дѣло разстроивается; но само собою разу- мѣется также, что Кавуръ совершенно увѣренъ въ согласіи парламентскаго боль- шинства на уступку,—иначе оны самъ помедлилъ бы до парламентскаго рѣшенія обнародованіемъ уступки; пренія по этому дѣлу могутъ быть интересны, но если не произойдетъ до той поры какихъ нибудь неожиданныхъ перемѣнъ въ политическомъ положеніи, они будутъ просто соблюдаемъ формальности. Точно также, читатель конечно и безъ нашихъ объясненій знаетъ, что согласіе самой Савойи и Ниццы на переходъ къ Франціи—не болѣе, какъ формальность. Говорятъ, что въ Савойѣ большинство народа не останется недовольно такою перемѣною,—это очень можетъ быть, судя по соображеніямъ, которыя читатель найдетъ ниже, въ рѣчи Брайта по савойскому вопросу. Въ Парижъ уже явилась депутація муниципальныхъ властей Савойи съ принесеніемъ своего подданства императору,—впрочемъ, это еще ничего не доказываетъ, потому что читателю очень хорошо извѣстно, какимъ образомъ

составляются подобныя депутаціи. Но въ Ниццѣ не успѣли устроить даже и такой демонстраціи: напротивъ, муниципальное управленіе послало къ Виктору-Эммануэлю просьбу, что если уже невозможно Ниццѣ оставаться сардинскимъ городомъ, то пусть по крайней мѣрѣ будетъ она объявлена отдѣльнымъ маленькимъ государствомъ. Ницца городъ чисто итальянскій, потому очень натурально ея желаніе не поступать въ составъ иноплеменнаго государства. Да и сами савояры, не смотря на одноплеменность съ французами, вѣроятно стануть довольны своимъ новымъ положеніемъ только впоследствии; когда убѣдятся по опыту въ его матеріальной выгоды, а теперь едва ли еще успѣли проникнуться желаніемъ перейти подъ власть парижскаго правительства. Важность дѣла впрочемъ не въ томъ, довольно ли перемѣною населеніе, надъ которымъ она производится: на это обстоятельство никогда не обращали большаго вниманія историческія силы. Многозначительность событію придается не отношеніями его къ самимъ савоярамъ, а политическими и военными соображеніями другихъ державъ.

Савояя служить военнымъ путемъ изъ Франціи въ Италію. Особенную важность въ этомъ отношеніи имѣетъ сѣверная часть Савойи, округи Фосиньи и Шаблѣ, въ которыхъ лежатъ главные горныя проходы. Въ 1815 году, когда старались оградить Европу отъ французскихъ вторженій, было постановлено, что сѣверная часть Савойи должна быть нейтральной землею, подобно Швейцаріи; швейцарцамъ было поручено особенное наблюденіе за сохраненіемъ этого нейтралитета, драгоцѣннаго и для нихъ самихъ, потому что онъ ограждаетъ отъ Франціи самостоятельность Женевы и всей юго-западной Швейцаріи. Швейцарія еще до вачала войны тревожилась слухами объ уступкѣ Савойи, обращалась съ замѣчаніями къ Французскому двору и къ державамъ, подписавшимъ трактатъ 1815 года, особенно къ Англіи. Когда дѣло возобновилось въ концѣ прошлаго года, эти настоянія усилились, и Наполеонъ III нашель нужнымъ объявить швейцарскому посланнику въ Парижѣ, что въ случаѣ уступки Савойи сѣверная часть ея будетъ присоединена не къ Франціи, а къ Швейцаріи. Это было бы сообразно и съ желаніемъ сѣверныхъ савояровъ, имѣющихъ тѣснѣйшія промышленныя связи съ Женевою, и ограждало бы Швейцарію. Но потомъ, когда дѣло объ уступкѣ приблизилось къ развязкѣ, французское правительство нашло, что нѣтъ надобности отдавать Швейцаріи сѣверныя савойскіе округи: безопасность Женевы и другихъ юго-западныхъ кантоновъ будетъ, по словамъ парижскаго кабинета, достаточно ограждена, если сѣверная Савоя будетъ взята Франціею съ обязательствомъ считать ее нейтральною землею, какъ считалась она при сардинскомъ правительствѣ. Швейцарцы ни мало не успокоились такимъ обѣщаніемъ: они говорятъ, что могли наблюдать за сохраненіемъ нейтралитета въ сѣверной Савойѣ, когда она принадлежала Шамонту, не превосходящему Швейцарію своими военными силами, но будутъ совершенно лишены средствъ останавливать такую сильную державу, какъ Франція. Само собою разумѣется, что никому не было бы охоты слушать швейцарцевъ, если бы опасность грозила имъ однимъ; но присоединеніе Савойи къ Франціи кажется западнымъ державамъ только первою попыткою французскаго правительства расширить Францію до такъ называемыхъ естественныхъ ея предѣловъ, до Альпъ и Рейна. Расширеніе границъ на югъ до Альпъ происходитъ на счетъ Шамонта и Швейцаріи; и область, присвоиваемая тутъ Франціею, мала и бѣдна. Но если тотъ же принципъ будетъ приложенъ къ Рейну, то Франція захватитъ земли обширныя и богатыя, главную

массу которыхъ составляютъ рейненія провинціи Пруссіи и королевство Бельгійское. Это было бы, — не знаемъ, на самомъ ли дѣлѣ, или только по мнѣнію дипломатовъ, — слишкомъ большимъ увеличеніемъ французскаго могущества. Итакъ процессъ, которому теперь подвергается Савойя, представляется только предисловіемъ къ выраженію претензій Франціи на баварскія и прусскія земли по лѣвому берегу Рейна и на Бельгію. Потому дипломаты западныхъ державъ очень недовольны присоединеніемъ Савойи. Сколько переговоровъ и безпокойствъ производится этимъ событіемъ, можно видѣть изъ того, что вотъ уже нѣсколько недѣль ни одно засѣданіе верхней или нижней палаты англійскаго парламента не проходитъ безъ разсужденій о савойскомъ дѣлѣ. Но до сихъ поръ все ограничивалось разговорами и писаніемъ депешъ. Собственно изъ-за Савойи никакая держава не хочетъ начинать войну съ Франціей, а если нѣтъ рѣшимости доходить до войны, то напрасно было бы и начинать ссору. Ближе веѣхъ дѣло о расширеніи французскихъ границъ касается Англии и Пруссіи. Но Пруссія не такъ сильна, чтобы одна могла вести наступательную войну съ Франціей; потому дѣло собственно зависитъ отъ Англии, и торійская оппозиція сильно претендуетъ на нынѣшній кабинетъ за то, что онъ не вступаетъ въ ссору съ Франціей. Россель и его товарищи очень основательно отвѣчаютъ, что не могутъ начинать ссоры, которая вела бы къ войнѣ, когда видятъ, что англійская нація рѣшительно не хочетъ начинать войну изъ-за савойскаго вопроса. Почему не хочетъ этого англійская нація, читатель увидитъ изъ слѣдующаго отрывка рѣчи Брайта, сказанной 2 марта въ отвѣтъ Роберту Пилю, упрекавшему министровъ за слабость ихъ сопротивленія императору Наполеону въ савойскомъ дѣлѣ.

„Прежде чѣмъ кто нибудь изъ членовъ правительства даетъ отвѣтъ на вопросъ достопочтеннаго баронета, сказалъ Брайтъ, я предложу достопочтенному баронету самому вопросъ: чего онъ хочетъ? Если достопочтенный баронетъ не можетъ ничего посоветовать правительству, то говорить объ этомъ предметѣ значитъ просто терять время, мало того, значитъ дѣлать положеніе худшимъ прежняго. Мы не французскій парламентъ, не савойскій парламентъ, не европейскій парламентъ,—мы англійскій парламентъ; и если нельзя доказать, что вопросы иностранной политики, безпрестанно предлагаемые намъ, имѣютъ прямой и очевидный интересъ для нашего отечества, то какое нелѣпое зрѣлище представляемъ мы Европѣ и цѣлому свѣту, постоянно рассуждая о нихъ? Всмотримся въ дѣло. Оно не таково, чтобы нельзя намъ было судить о немъ гладнокровно. Вѣроятно, всѣ мы согласны въ томъ, что было бы лучше, елибѣ въ Европѣ не было никакихъ неудовольствій и если бы никто не хотѣлъ измѣнять существующія границы государствъ. Но состояніе Европы не таково и невозможно ему быть такимъ. Эти достопочтенные джентльмены (тори) полагаютъ, что если границы государствъ устроены были въ 1815 г.—устроены такъ, что это устройство было совершеннымъ разстройствомъ,—то мы, какъ нація консервативная, должны защищать это устройство и противиться всякому измѣненію въ немъ; что мы, согласившись на отдѣленіе Бельгійи отъ Голландіи, согласившись на перемиръ, произошедшія теперь въ Италіи, должны какъ нибудь выказать свои добродѣтели по савойскому дѣлу и обвинять императора французовъ въ великой измѣнѣ европейскимъ интересамъ за то, что онъ не хочетъ сохранить вѣнскаго трактата. Я вмѣстѣ съ достопочтеннымъ джентльменомъ (Робертомъ Пилемъ) жалѣю, что этотъ вопросъ поднять въ Парижѣ Я говорю притомъ, что приобрѣтеніе Савойи не принесетъ Франціи никакого увеличенія силы, не принесетъ ей никакой выгоды. Какимъ образомъ могущество Франціи увеличится отъ присоединенія гористой области съ малочисленнымъ населеніемъ, этого я не могу понять въ сообразить. Не думаю также, чтобы уступка Савойи чувствительно ослабила Сардинію или произвела въ ней важную переи́мѣну. Очень сомнѣваюсь и въ томъ, чтобы эта пе-

рейнъ была невыгодна для савойскаго народа. Не претендую на то, чтобы мои свѣдѣнія были обширнѣе свѣдѣній достопочтеннаго баронета; но я слышалъ отъ многихъ заслуживающихъ довѣрія людей, что жители Савойи не имѣютъ ничего противъ присоединенія къ Франціи, а напротивъ, считаютъ его выгоднымъ для себя. (Ропотъ въ палатѣ). Намъ веѣмъ можетъ очень прискорбно, что они такъ думаютъ, но я объясню палатѣ, почему они такъ думаютъ. Изъ достовѣрнѣйшаго источника мнѣ извѣстно, что присоединеніе къ Франціи удвоитъ цѣну поземельной собственности въ Савойѣ. Желалъ бы я знать, кто въ какой нибудь другой странѣ былъ бы недоволенъ переѣзною, отъ которой удвоилась бы цѣнность поземельной собственности въ этой странѣ? Рабочіе классы въ Савойѣ также знаютъ, что цѣнность труда въ Савойѣ увеличится отъ присоединенія къ Франціи. Лионъ отъ Шамбери всего въ двухъ или трехъ дняхъ пути, если не меньше. Лионскіе фабриканты тотчасъ же заведутъ фабрики по всей Савойѣ, перенесутъ въ нее свой капиталъ и дѣятельность, и богатство Савойи увеличится. Поэтому, если я не хочу, чтобы ваше правительство помогало этой переѣзѣ, то не хочу, чтобы оно и противилось ей. Противиться этому, вы согласитесь, было бы вздорно. Несмотря на ваше сопротивление, Савойя все-таки перешла бы къ Франціи; вы только взволновали бы Европу и ввели бы Англію въ столкновеніе съ Франціею. По моему, лучше пусть пропадетъ Савойя,—впрочемъ, тутъ она вовсе не пропадетъ, да и не пострадаетъ,—тѣмъ намъ, представителямъ англійскаго народа, вводитъ наше правительство въ ссору съ французскимъ правительствомъ и народомъ по предмету, ни мало не касающемуся нашихъ интересовъ. Къ сожалѣнію, оказывается, тѣмъ меньше касается нашихъ интересовъ какой нибудь иностранный вопросъ, тѣмъ больше онъ поглощаетъ вниманіе членовъ нашей палаты. Въ теченіе многихъ поколѣній мы старались передѣлать карту Европы. Мы расточали кровь и сокровища на установленіе разныхъ границъ, чтобы извѣстныя земли принадлежали извѣстнымъ фамиліямъ, какъ будто стоило хлопотать объ этомъ; и мы потерпѣли рѣшительную и постыдную неудачу во всѣхъ этихъ хлопотахъ. Разсудимъ же, во имя здраваго смысла и интересовъ англійскаго народа, объ этомъ вопросѣ спокойно и хладнокровно, какъ о предметѣ, касающемся только французскаго государства, сардинскаго государства и савойскаго народа. И если оба эти государства согласились на переѣздъ Савойи отъ Сардиніи къ Франціи, а самъ савойскій народъ расположенъ къ этой переѣзѣ, то я говорю, что противно интересамъ Англии и чести англійскаго правительства хлопотать объ томъ, чтобы помѣшать этой переѣзѣ, которой я никогда не сталъ бы самъ помогать, но которая, по моему убѣжденію, не стоитъ того, чтобы налагать какую нибудь подать на англійскій народъ или тратить хотя одну каплю крови на замедленіе ея хотя одною минутою“.

Какъ бы то ни было, но савойское дѣло служить для цѣлой Европы сильнымъ доказательствомъ намѣреній нынѣшняго французскаго правительства перейти въ той политикѣ, какой Франція слѣдовала при Людовикѣ XIV и Наполеонѣ I. Къ чему приведетъ такое чувство, угадать не трудно. Всякія сомнѣнія въ основательности опасеній, постоянно высказывавшихся нѣмецкими и англійскими публицистами, исчезнуть, и западная Европа будетъ готовиться къ отраженію нападений, ожидаемыхъ отъ Франціи. Общее положеніе дѣлъ становится критическимъ. Кризисъ можетъ произойти скоро, можетъ и затянуться на долгое время. Вычислить его продолжительность мѣсяцами нельзя, потому что въ вопросѣ о времени все зависитъ отъ безчисленныхъ, быстро мѣняющихся обстоятельствъ; но характеръ положенія зависитъ отъ фактовъ, которые мы уже видимъ и которые сильнѣе всякихъ мимолетныхъ дипломатическихъ отношеній. Этими фактами опредѣляется положеніе европейскихъ политическихъ дѣлъ до той поры, пока произойдетъ вооруженное столкновеніе, въ которомъ они ведутъ неизбѣжно. Но само собою разумѣется, что сущность дѣла можетъ по временамъ прикрываться разными второстепенными случайностями и развязка можетъ быть отсрочена или на нѣсколько мѣ-

снцевъ, или даже на нѣсколько лѣтъ, усиліями государственныхъ людей. Теперь говорятъ, что по савойскому вопросу и въ особенности по вопросу о нейтралитетѣ сѣверной части Савойи, соберется конгрессъ или составится конференція.

Можно было бы съ довольно твердою увѣренностью думать, что развязка довольно далека, если бы не существовало въ другихъ политическихъ вопросахъ множества поводовъ, могущихъ ускорить столкновеніе. Читатель знаетъ, напримеръ, что есть довольно сильныя основанія ожидать нынѣшнею весною возобновленія военныхъ дѣйствій въ Италіи. Австрія говоритъ, что не начнетъ войны изъ-за присоединенія центральной Италіи къ Шамонту; но почему знать, удержится ли она при нынѣшней политикѣ? Въ Вѣнѣ начинается получать перевѣсъ воинственная партія, къ которой самъ императоръ расположенъ по характеру и по любви къ военному дѣлу. Австрія твердитъ, что Кавуръ, а въ особенности демократическая партія въ Италіи, хочетъ вторгнуться въ Венецію для изгнанія австрійцевъ. Очень правдоподобно, что это желаніе есть у итальянцевъ; но они не приступятъ скоро въ его исполненію безъ вызововъ со стороны самой Австріи: имъ нужно еще организовать и укрѣпиться. Поводами къ вызовамъ на войну или даже къ прямому объявленію войны со стороны Австріи могутъ послужить дѣла Церковной области и Неаполитанскаго королевства. Въ Церковной области только присутствіе французовъ останавливало до сихъ поръ расширеніе возстанія изъ Романьи до самаго Рима. Удаленіе французскихъ войскъ изъ Рима неминуемо приведетъ къ перевороту; объ этомъ удаленіи постоянно говорятъ; пока нѣтъ еще основаній думать, чтобы желаніе папы замѣнить французскихъ своихъ тѣлохранителей неаполитанскими и угрозы Наполеона III оставить папу на произволъ судьбы исполнились надняхъ. Но почему знать, къ какому образу дѣйствій будетъ приведенъ императоръ французовъ своими разчетами? Быть можетъ онъ остановится на мысли, что революція въ Римѣ и слѣдующая за нею война австрійцевъ съ итальянцами были бы полезны для упроченія французскаго вліянія въ Италіи. Шансъ этого разчета таковъ: итальянцы будутъ разбиты австрійцами и принуждены будутъ просить французской защиты на какихъ бы то ни было условіяхъ. То же можетъ произойти еще проще, и безъ революціи въ Римѣ, отъ одного укрѣпленія австрійцевъ въ надеждѣ, что Наполеонъ III не будетъ помогать итальянцамъ: австрійцы немедленно начнутъ войну, какъ только убѣдятся въ этомъ. Мы коснулись только двухъ шансовъ, а ихъ множество. Шансъ противъ скорого возникновенія войны только одинъ: измѣненіе въ системѣ французской политики по итальянскому вопросу. Мы не будемъ повторять того, что много разъ говорили, о степени вѣроятности, какую имѣетъ ожиданіе этого шанса, несовмѣстное съ коренными потребностями нынѣшней системы. Въ послѣдніе дни стали говорить о возобновленіи искренней дружбы между Сардиіею и Франціею. Мы еще не видимъ фактовъ, на которыхъ могъ бы опитаться такой слухъ; но очень можетъ быть, что надняхъ будетъ произведена какая нибудь диверсія въ родѣ знаменитой брошюры „Папа и конгрессъ“. Мы не можемъ слѣдить за этими мимолетными манифестациями, бесѣдуя съ читателемъ одинъ разъ въ цѣлый мѣсяць, и можемъ только сказать, что нужны были бы слишкомъ сильныя и продолжительныя доказательства для внушенія намъ довѣрія къ серьезности образа дѣйствій, несогласнаго съ принципами и разчетами системы, отъ которой иные ожидаютъ искренняго желанія освободить Италію.

Около того числа, когда мы пишемъ этотъ обзоръ, положеніе итальянскаго вопроса представлялось въ слѣдующей видѣ. Австріицы усиливаютъ свою армию въ Венеціи. Туринское министерство, вступившее въ управленіе областями центральной Италиі, дѣятельно занимается усиленіемъ арміи, для организаціи которой были пропущены шесть драгоцѣнныхъ мѣсяцевъ робостью и рутинностью Дабормиды и Ла-Марморы; говорятъ, что въ веселѣ подданные Виктора-Эммануэля будутъ имѣть 300,000 солдатъ на свою защиту. Папа отлучаетъ отъ церкви всѣхъ, содѣйствовавшихъ отпаденію Роианьи; изъ этого должна возникнуть усиленная ссора между Римомъ и Туриномъ. На случай удаленія французовъ, папа уже согласился съ королемъ неаполитанскимъ, чтобы Римъ былъ занятъ неаполитанскимъ войскомъ. Это опровергается официальными увѣреніями, но это фактъ. О самомъ Неаполѣ новаго сказать нечего: таиъ по прежнему продолжаютъ аресты и тому подобныя мѣры, нужныя для поддержанія нынѣшняго порядка вещей, и вообще неудовольствіе растетъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Надобно ли ожидать въ Италиі военныхъ дѣйствій при такомъ состояніи вещей, предоставляемъ судить читателю, напоминая ему однако же, что чрезвычайно многое зависитъ отъ воли императора французовъ.

Во Франціи начинается заглушаться ропотъ протестіонистовъ, развивающимся убѣжденіемъ публики, что пониженіе тарифа будетъ выгодно для всего государства. За то начинаютъ пробуждаться вновь тѣ, впрочемъ слабыя, оппозиціонныя стремленія въ законодательномъ корпусѣ, признаки которыхъ появлялись и въ прошедшемъ году. Не надобно придавать никакой важности этимъ попыткамъ собранія, которое по своему происхожденію находится въ полнѣйшей нравственной зависимости отъ правительства: читателю извѣстно, что почти всѣ члены законодательнаго корпуса вошли въ него, какъ кандидаты правительства, исключительно благодаря административному содѣйствію, полученному ими при выборахъ. Какую цѣну могутъ имѣть покушенія на самостоятельность въ подобной корпораціи. Читатель можетъ знать и безъ нашихъ объясненій. Но страннымъ образомъ эти господа выбрали первымъ случаемъ для своей оппозиціи дѣло, по которому говорили о своей независимости. Они кассировали выборъ одного изъ депутатовъ (ла-Феррьеря) за то, что будто бы администрація тяготѣла надъ избирателями, рекомендуя этого кандидата, и потому будто бы выборы были не свободны, — претензія очень забавная. Воодушевившись сознаниемъ своей независимости, члены законодательнаго корпуса начали даже разсуждать о томъ, что несовмѣстно съ независимостью, будто бы составляющею принадлежность депутатскаго званія въ нынѣшнее время, то обстоятельство, что находятся въ числѣ депутатовъ нѣкоторые лица придворнаго штата. Насъ увѣряютъ, будто бы ропотъ силенъ. Эта оппозиція заслуживаетъ полнаго презрѣнія сама по себѣ, но она показываетъ расположеніе умовъ, и мы упоминаемъ о ней только для того, чтобы напомнить читателю, какъ необходимо для нынѣшней системы отвлекать вниманіе публики иностранными дѣлами отъ внутреннихъ вопросовъ.

Англія также совершенно развлечена военными и дипломатическими заботами и опасеніями. Билль о парламентской реформѣ, представленный лордомъ Росселемъ 1 марта, мало занимаетъ собою публику, газеты и палаты, вниманіе которыхъ поглощено опасностями, поражаемыми или предсказываемыми савойскимъ дѣломъ. Билль этотъ умѣренъ до чрезмѣрности. Почти вся переиѣна, имъ предлагаемая.

ограничивается пониженіемъ ценза въ городахъ съ 10 фунтовъ на 6, а въ графствахъ съ 50 фунтовъ на 10. Отъ этого число избирателей увеличивается на 40 процентовъ и къ прежнему милліону ихъ прибавляется тысячъ полторасти или двѣсти работниковъ изъ числа тѣхъ, которые получаютъ лучшую плату; остальные 200 или 250 тысячъ новыхъ избирателей будутъ мелкіе фермеры, мелкіе лавочники и другіе люди небогатыхъ разрядовъ средняго сословія. Само по себѣ такое маловажное расширеніе круга избирателей было бы неудовлетворительно; но еще неудовлетворительнѣе билль потому, что предлагаетъ слишкомъ ничтожную перемѣну въ распредѣленіи депутатовъ между маленькими городами и огромными городами. Въ прошломъ году, во время агитаціи Врайта и во время преній о биллѣ д'Израэли, мы говорили, что именно этотъ вопросъ самый важный; теперь Ливерпуль и Манчестеръ, имѣющіе каждый по 400,000 жителей, избираютъ каждый только по 2 депутата, и въ то же время есть цѣлыя десятки ничтожныхъ городишекъ съ какими нибудь 7 или 10 тысячъ жителей, которые также выбираютъ каждый по два депутата. Чтобы достигнуть хотя нѣкоторой пропорціональности между величиною избирательныхъ коллегій и числомъ посылаемыхъ ими депутатовъ, нужно было бы взять у маленькихъ городовъ болѣе 100 депутатскихъ мѣстъ, которыя слѣдовало бы распредѣлить между графствами и большими городами. Билль лорда Росселя предлагаетъ перемѣстить только 25 депутатовъ. При такой мизерности его, само собою разумѣется, что онъ не замѣняетъ открытую подачу голосовъ черезъ записыванье въ реестры тайною баллотировкою, которая нужна для огражденія независимости избирателей. Можно судить, соотвѣтствуетъ ли такой билль потребностямъ общества. Но что же дѣлать? Значительныя реформы могутъ быть проводимы только настоятельнымъ требованіемъ публики, только серьезный гнѣвъ ея можетъ побуждать сопротивленіе враждебныхъ общественному благу интересовъ, а англійской публикѣ не до парламентской реформы: всѣ заняты опасеніями общей европейской войны. При этомъ состояніи общественнаго вниманія, или лучше сказать невниманія ко внутреннимъ вопросамъ, прогрессисты принуждены поддерживать билль Росселя, будучи въ такое неблагоприятное для прогрессивной требовательности время довольны даже неудовлетворительною уступкою имъ со стороны аристократическаго отдѣла виговъ и отлагая до болѣе рѣшительной поры агитацію для полученія болѣе рѣшительныхъ реформъ, проведеніе которыхъ черезъ палату общинъ все-таки нѣсколько облегчается биллемъ Росселя, увеличивающимъ прогрессивный элементъ въ избирательныхъ коллегіяхъ и дающимъ нѣсколько новыхъ депутатовъ прогрессивнымъ избирательнымъ округамъ, то есть большимъ городамъ.

На континентѣ многіе ошибаются относительно причины, по которой англичане боятся войны: многіе публицисты и государственные люди другихъ націй, особенно французской, воображаютъ, будто англійская нація боится неуспѣха въ войнѣ, — вовсе нѣтъ: англичане твердо убѣждены, что единственная держава, которая могла бы успѣшно бороться съ нами, — Сѣверо-американскіе штаты; но съ Сѣверо-американскими штатами едва ли возможна у нихъ война, потому что обѣ націи считаютъ теперь себя почти одною націею, и одинаково не хотятъ никакихъ серьезныхъ ссоръ между собою. А въ войнѣ съ какими бы то ни было другими державами или хотя союзомъ державъ Англія навѣрное рассчитываетъ одержать верхъ. Она боится не неуспѣха въ войнѣ, а боится войны, хотя бы самой успѣшной, по-

тому что находить самую успѣшную войну дѣломъ разорительнымъ. Это внушеніе здраваго смысла уже настолько сильно въ Англіи, что господствуетъ надъ умами, когда они не раздражены страстями; но вспыхни война на материкѣ, страсти разгорятся, дипломаты будутъ вовлекать въ нее, и англичане чувствуютъ, что они еще не настолько овладѣли собою, чтобы долго могли устоять противъ собственныхъ страстей, чужихъ вызововъ и приглашеній,—вотъ это опасеніе за свои собственные чувства и заставляетъ ихъ заботиться о сохраненіи мира на европейскомъ материкѣ. Они чувствуютъ, что пушечные выстрѣлы еще возбуждаютъ въ нихъ марсоманію. Эти обѣ стороны дѣла очень хорошо выставляются въ ихъ дѣлахъ съ Китаемъ. Затронута ихъ національная гордость стычкой на Пей-Хо, и они не въ силахъ удержаться, снаряжаютъ экспедицію, втягиваются въ войну, хотя сами чувствуютъ, что эта война вещь дурная и разорительная. Чтобы ближе познакомиться съ понятіями англичанъ о такихъ дѣлахъ, мы прочтемъ отрывокъ изъ рѣчи, сказанной Брайтомъ 16 марта, по поводу назначеній кредита на китайскую экспедицію:

„Мы теперь запутались въ дѣло, которое даже человѣку съ самой глухой совѣстью въ этой палатѣ не можетъ представляться честнымъ дѣломъ, говоритъ Брайтъ. Посмотримъ, какъ шло это дѣло. Я не стану возвращаться къ первой китайской войнѣ (1843 г.), которая была самымъ дурнымъ дѣломъ, какое только возможно. Я ставу говорить только о второй войнѣ (1857 г.), начатой неосторожностью сэра Джона Боуринга, англійскаго уполномоченнаго. Война эта была основана на обманѣ. Такъ или иначе, она кончилась; но при переговорахъ о мирномъ трактатѣ была сдѣлана важная ошибка. У насъ, кажется, было непремѣнное желаніе ввести въ трактатъ что нибудь особенно оскорбительное для витайцевъ, но рѣшительно бесполезное для нашихъ торговыхъ или политическихъ интересовъ; мы вытребовали вещь, неслышанную въ Китаѣ, чтобы англійскій посланникъ жилъ въ Пекинѣ. Надобно еще поспорить о томъ, стояли ли держать послаивика при какомъ бы то ни было дворѣ и не лучше-ли было бы намъ отозвать назадъ всѣхъ вашихъ послаививомъ. Но, какъ бы то ни было, странное понятіе объ англійскихъ политическихъ или коммерческихъ выгодахъ должны имѣть люди, которые думаютъ, что могутъ получить Богъ-знаетъ сколько пользы, когда возьмутъ какого нибудь неопытнаго или голоднаго дипломата и пошлютъ его жить въ Пекинъ, гдѣ ему очень неудобно жить и гдѣ нѣтъ въ немъ никакой надобности. Это условіе было включено въ трактатъ, я думаю, только за тѣмъ, чтобы унизить китайцевъ и доказать безусловное торжество англійскаго оружія надъ слабымъ китайскимъ правительствомъ. Впрочемъ, это все равно; но когда посланникъ отправился въ Пекинъ и произошло столкновеніе на Пей-Хо, то мы опять были также неправы, какъ въ томъ дѣлѣ, изъ котораго начали вторую китайскую войну въ 1857 году. Всѣ доказательства, въ которыхъ опирался выпѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ, осуждая войну 1857 г., совершенно примѣняются къ дѣлу, теперь имъ какъ будто защищаемому. Онъ говоритъ, что китайцы поступили съ англичанами на Пей-Хо коварно; но капитанъ англійской службы, участвовавшій въ этомъ убійственной и несчастномъ дѣлѣ, объяснилъ намъ, что никакого коварства не было, что если бы китайцы хотѣли поступить съ нами коварно или устроивали засаду, то ни одинъ корабль не уцѣлѣлъ бы и ни одного изъ бывшихъ въ эскадрѣ англичанъ не осталось бы въ живыхъ. Это говоритъ челоивкъ, участвовавшій въ дѣлѣ. Если мы люди разсудительные, то, запутавшись въ это дурное и преступное дѣло, мы не должны прикрывать его обвиненіемъ китайцевъ въ коварствѣ. Надобно обвинять въ безразсудствѣ и бездарности нашего посланника и въ большой опрометчивости нашего адмирала, хотя этотъ адмиралъ и храбрый челоивкъ. Храбрость съ разсудительностью прекрасная пещь, но безъ разсудительности ведетъ только къ подобнымъ несчастіямъ. Это не мое собственное мнѣніе, а мнѣніе офицеровъ, служившихъ въ Китаѣ, и 99 челоивкъ изъ 100 разсудительныхъ людей въ Англіи, читавшгъ

разсказъ объ этомъ гибельномъ дѣлѣ. Тутъ нынѣшнее правительство пока еще ни въ чемъ не виновато: оно приняло власть въ ту самую недѣлю, какъ произошло это дѣло на Пей-Хо, и нельзя осуждать его въ этомъ дѣлѣ, произошедшемъ за 15,000 миль отсюда. Но потомъ кабинетъ не выказалъ разсудительности, которой слѣдовало бы ожидать отъ него. Невозможно читать разсказовъ объ этомъ дѣлѣ въ англійскихъ и индійскихъ газетахъ, не приходя къ заключенію, что нашъ посланникъ Брюсъ обнаружилъ тутъ совершенную неразумительность и что ея слѣдствіемъ была эта убійственная неудача. Что же сдѣлали съ человѣкомъ, вывазавшимъ такой недостатокъ разсудительности? Когда посланникъ, занимающій свое отвѣтственное мѣсто за 15,000 миль отъ Англій, совершаетъ такія важныя ошибки, то первымъ дѣломъ правительства должно было бы не оставлять его въ такой важной должности, а замѣстить его человѣкомъ, въ которомъ правительство и Англія могли бы найти здравый смыслъ и осмотрительность. По моему мнѣнію, совершенная нелѣпость вести переговоры съ народомъ черезъ посланника, которому не удалось первое и единственное дѣло его съ этимъ народомъ и который, конечно, раздраженъ своею неудачею: вмѣсто того, чтобы являться къ народу съ благородными чувствами и съ уваженіемъ, какое возможно при данныхъ обстоятельствахъ, съ искреннимъ желаніемъ устроить дружельюбныя отношенія между этимъ народомъ и своею націею, онъ будетъ ожесточевъ собственною неудачею. Въ цѣломъ мірѣ невозможно найти человѣка менѣе способнаго къ веденію переговоровъ или военныхъ дѣйствій въ Китаѣ, чѣмъ Брюсъ, а онъ былъ оставленъ нашимъ посланникомъ въ Китаѣ. Кто прочтаетъ его депеши, тотъ увидитъ, что онъ всегда былъ неспособенъ къ своей должности, потому что съ самаго начала дѣйствовалъ въ духѣ самой дурной подозрительности. Въ каждомъ словѣ его видно, что онъ хотѣлъ оскорблять, а не уважать чувства людей, съ которыми велъ переговоры... Если мы сильнѣе китайцевъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы должны были употребить свою силу на оскорбленія имъ. Благородный лордъ, находящійся во главѣ правительства, вѣроятно, объяснитъ намъ, какой пользы надобно ожидать отъ того, что Брюсъ или преемникъ Брюса поселится въ Пекинѣ. Если онъ покажетъ, что выгоды отъ этого будутъ гораздо больше, тѣмъ вреда, тогда вамъ можно подумать, посылать ли когонибудь въ Пекинъ; но мнѣ кажется, что, по модному нынѣшнему выраженію, мы хотимъ войну вести за „идею“, и притомъ за одну изъ самыхъ нелѣпыхъ идей, какія когда либо входили въ дипломатическія головы“.

Брайтъ въ этомъ случаѣ излагаетъ не свои личныя мысли, — то же самое говорили всѣ англичане, пока еще не рѣшена была третья китайская война. Первымъ впечатлѣніемъ, по полученіи подробныхъ извѣстій о дѣлѣ на Пей-Хо, во всѣхъ англичанахъ была мысль, что дѣло это произведено опрометчивостью и излишнею требовательностью ихъ посланника, что китайцы были правы; это говорили всѣ англичане, говорилъ Times, который собственно потому и важенъ, что не имѣетъ собственнаго мнѣнія, а только излагаетъ мнѣнія, господствующія въ публикѣ; это говорили и члены кабинета, Россель, Гледстонъ, Мильнеръ, Джибсонъ. Сомнѣвался ли ктонибудь изъ англичанъ въ успѣшности войны съ Китаемъ? Нѣтъ, англичане боялись побѣды. Но постепенно публика разгорячалась отъ разсужденій о дѣлѣ на Пей-Хо, которое уменьшить въ китайцахъ уваженіе къ аяглійской силѣ, если не будетъ она вновь доказана Китаю, — и постепенно Англія увлеклась въ войну, и теперь никто не хочетъ слушать Брайта, который имѣлъ твердость остаться при мысляхъ, бывшихъ прежде общими для всей англійской публики. Вотъ почему Англія и боится всякихъ поводовъ къ войнѣ: она знаетъ, что не удержится отъ опыанеша, производимаго ими. Въ побѣдѣ она не сомнѣвается, но знаетъ разорительность побѣды, и старается, чтобы оставался закрытъ путь, ведущій къ нимъ.

ПОЛИТИКА.

АПРѢЛЬ 1860.

Присоединеніе Савойи и Ниццы къ Франціи.—Сцена 19 марта въ Римѣ.—Апрѣльскія сцены въ Палермо и въ Мессинѣ.—Сцена 15 марта въ Пештѣ.—Кончина Брука.

23 апрѣля 1860.

Благодаря разсказамъ корреспондента газеты „Times“, отправившагося въ Савойю посмотреть, что и какъ тамъ дѣлается, мы теперь довольно хорошо знаемъ, какимъ порядкомъ производилось дѣло присоединенія, на какихъ данныхъ основывалась возможность его, какія обстоятельства давали французамъ возможность получить уступку, а Кавуру открывали путь согласиться на нее. Фактъ самъ по себѣ не важенъ, какъ мы уже говорили: Франція мало выигрываетъ отъ завладѣнія небольшою и бѣдною областью, король Викторъ-Эммануэль и его министр Кавуръ мало теряютъ матеріальныхъ средствъ военнаго и дипломатическаго могущества, отказываясь отъ власти надъ савойярами. Но великіе факты совершаются по тѣмъ же законамъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ и силъ, какъ и малые: лейпцигская битва, въ которой дралось 500,000 человѣкъ, происходила тѣмъ же способомъ и была рѣшена тѣми же причинами, по какимъ дерутся и побѣждаютъ или бѣгаютъ побѣждаемыя маленькіе отряды въ неважныхъ стычкахъ. Всмотрѣвшись въ дѣло о томъ, какъ и чѣмъ была рѣшена судьба Савойи, мы можемъ, если захотимъ, извлечь изъ него матеріалы для поясненія того, какъ происходятъ дѣла, отъ которыхъ зависитъ судьба Европы. Прежде всего прочтемъ разсказъ, знакомящій насъ съ савойскими происшествіями. Корреспондентъ „Times'a“ отправился въ эту страну, лишь только стало извѣстно, что уступка будетъ произведена съ формальнымъ участіемъ самихъ савойяровъ: ему хотѣлось удостовѣриться въ томъ, справедливы ли слухи, будто бы савойяры сами хотятъ присоединиться къ Франціи, или эти слухи, распускаемые французскими полуофициальными газетами,—чистый вздоръ, и савойяры находятся въ отчаяніи отъ предстоящей перемѣны подданства, какъ увѣрили многія изъ итальянскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ. Онъ не за французовъ, онъ не противъ французовъ: онъ поѣхалъ въ Савойю не затѣмъ, чтобы судить, хороши или дурны чувства савойяровъ, онъ занятъ только тѣмъ, чтобы узнать, въ чемъ состоятъ ихъ чувства. Предисловіемъ къ его разсказу о впечатлѣніяхъ служатъ воспоминанія о прежнемъ состояніи Савойи, въ которой онъ бывалъ нѣсколько разъ. До 1848 года савойяры не имѣли ровно никакихъ политическихъ и гражданскихъ понятій. Подъ патріар-

хальнымъ управленіемъ они не имѣли ни надобности, ни возможности думать о своихъ общественныхъ дѣлахъ. Они любили гордиться своею вѣрностью королю, слушались во всемъ своихъ правителей, слушались духовенства въ томъ, что оставалось невходящимъ въ приказашя, получаемыя ими отъ правительства. Съ 1848 года положеше дѣлъ начало измѣняться: король велѣлъ имъ выбирать депутатовъ, — такъ по ихъ понятіямъ представлялась конституціонная свобода; послушные приказанію, они выбирали депутатовъ, и сначала все такихъ людей, которые слушались во всемъ короля и католическаго духовенства. Потомъ понемногу начали они переваривать мысль, что депутаты выбираются собственно затѣмъ, чтобы защищать ихъ интересы, и начали показываться въ Савойѣ нѣкоторые зародыши либерализма. Либерализмъ этотъ былъ плоховатъ, а главное, слабоватъ: иначе и быть не могло у новичковъ; но все-таки понемногу онъ развивался, и графъ Кавуръ въ послѣдніе годы могъ надѣяться, что когда нибудь станетъ Савойя выбирать такихъ депутатовъ, которые поддерживали бы либеральное правительство; впрочемъ, нельзя было рассчитывать на скорое исполненіе такой надежды: савойяры измѣнялись — это правда, но измѣнялись медленно и двѣнадцать лѣтъ не успѣли много измѣнить ихъ. Въ такую-то страну поѣхалъ корреспондентъ „Times'a“ разузнавать, что она думаетъ, чего она желаетъ, или, по его собственному полунасмѣшливому выраженію о себѣ, поѣхалъ отыскивать предполагаемое савойское движеніе. Послушаемъ же теперь, что нашелъ онъ и какъ шло при немъ дѣло.

„Анж. 25 марта, вечеромъ.“

„Вотъ въ Анси я, новый Жеронъ Патюро, отправившійся искать савойскаго движенія. Исполненный вѣры, подобно своему первообразу, я ни мало не обезкураживаюсь тѣмъ, что мало успѣха имѣли мои поиски въ южныхъ долинахъ Савойи, и теперь направляю свой путь къ сѣверу, не останавливаясь за дождемъ, градомъ, вѣтромъ и снѣгомъ, согрѣваемый надеждою найти наконецъ предметъ моихъ исканій. Нынѣ день выборовъ и выбранные депутаты должны выразить желаніе Савойи, рѣшить будущую судьбу родины своими голосами. Какая торжественная минута! какая отвѣтственность! какой шансъ мнѣ увидѣть всѣ вародныя чувства на моемъ пути! Вотъ мысли, тѣснящіяся въ моей головѣ, высунутой въ окно вагона, везущаго меня въ Э-ле-Бенъ. Отъ этихъ мыслей я становлюсь торжественъ духомъ, какъ будто самъ я савойяръскій патриотъ, какъ будто въ моей рукѣ одинъ изъ тѣхъ избирательныхъ билетовъ, которые рѣшаютъ участь этихъ горъ и этого болотистаго озера, тянущагося налѣво, и этихъ косогорьевъ съ ихъ виноградниками и крытыми черепицей домиками, быстро мелькающихъ направо.“

„Поѣздъ останавливается; кондукторъ кричитъ: Бенъ! Бенъ! я беру свой сакъ и плащъ, рѣшаясь самъ во что бы то ни стало тащить ихъ со станціи въ городъ: я ве могу вообразить, чтобы хоть одинъ изъ свободныхъ савойскихъ гражданъ, занятыхъ мыслями о предстоящей перемѣнѣ, нашелъ время прислужить неважному человѣку, приѣхавшему въ вагонъ, и свнзошелъ отнести его сакъ въ гостиницу. Но я былъ пріятно изумленъ, услышавъ знакомый крикъ множества голосовъ, который встрѣтилъ меня по старому: „пожалуйте сюда, мсье; угодно вамъ дилижансъ? — угодно вамъ экипажъ? — угодно вамъ ѣхать въ гостиницу?“ — и множество другихъ предложеній. Я бросился въ городъ, чтобы, не жалѣя ни ушей, ни глазъ, видѣть все, слышать все, что только можно, пока отправится дилижансъ въ Анси. Разочарованіе, навѣянное на меня бессмысленною беззаботностью савойскихъ гражданъ въ такой великій день, нѣсколько затихло, когда я сквозь аллею тополей, ведущую къ городу, увидѣлъ множество людей, очень важно расхаживающихъ по главной улицѣ. Вездѣ въ другихъ городахъ жители плохіе патришты, но мало плохихъ патриотовъ въ городѣ Э-ле-Бенъ, — такъ я поду-

маль; но передумаль въ слѣдующую же минуту. Оттого-ли, что они приняли меня за своего поваго подпрсфекта и мой шотландскій плащъ за мундиръ, а мой зонтикъ за снмноль моего сана, или отчего другаго, но политическое торжество ихъ было значительно разстроено моиъ появленіемъ. Я рѣшительно былъ на ихъ глаза интереснѣе присоединенія къ Франціи или отдѣленія отъ Сардиніи. Они зорко смотрѣли на меня, стараясь угадать, есть ли у меня намѣреніе и средства истратить въ ихъ городѣ нѣскольکو пятифранковиковъ. Я былъ для нихъ даромъ небесъ въ это зимнее время, когда перѣпадаетъ имъ такъ мало денегъ: каждый забылъ отдѣленіе и присоединеніе, думая о томъ, нельзя ли отдѣлить какую нибудь монету отъ моего кармана и присоединить къ своему. Это было убійственно. Я спрашивалъ о ихъ мнѣніяхъ, они спрашивали, не закажу ли я обѣдъ. Я спрашивалъ, кто ихъ кандидатъ, они спрашивали меня, не хочу ли я посмотреть римскія развалины. Если бы вѣра моя не была тверда, я немедленно воротился бы въ Шамбери. Но я только пофилософствовалъ о деморализующемъ вліяніи иностраннаго золота на простыя неиспорченныя сердца, завернулъ въ свой плащъ и влѣзъ на дилпжавсъ, готовый везти меня въ болѣе первобытныя страны.

„Втащившись подъ дождемъ по грязной дорогѣ на Біолюскую гору, экипажъ остановился и былъ тотчасъ же окруженъ людьми, привлеченными необыкновенностью того событія, что явился путешественникъ въ такое время года. Видъ у нихъ былъ такой почтенный, что я ободрился духомъ и спросилъ, кто ихъ кандидатъ и тотъ ли кандидатъ выбрать, какового они хотѣли? Ma foi, не знаемъ, сказали они: погода была такъ дурна, что мы не ходили узнавать, что дѣлають горожане. Я своа утѣшился мыслью, что люди тутъ уже слишкомъ первобытны; лошади отдохнули и мы поѣхали по шоссе къ Альбану и Капо-дель-Мандаменто.

„Тутъ опять была чуть не цѣлая толпа у станціи и табачной лавочки; одинокій жандармъ (шэмонтскій) былъ тутъ самой видной фигурой. Я зашелъ въ трактиръ, велѣлъ подать бутылку вина и спросилъ о новостяхъ. „Вы, мсье, должны знать ихъ лучше насъ; говорятъ, что въ Шамбери французы“.—Что же, нравится вамъ эта перемѣна?— „Не намъ, простымъ людямъ, говорить, что намъ нравится, что нѣтъ“.

„Пошелъ!—было невольнымъ отвѣтомъ разочарованнаго энтузіаста, и мы поскакали въ живописную деревушку Альби, гдѣ пережѣнили лошадей. Съ неутомимостью, достойною моего первообраза Жерома, я возобновилъ штурмъ и вступилъ въ разговоръ съ людьми, которыхъ воскресеніе собрало передъ трактиромъ. Спрашивать ихъ было все равно, что спрашивать криваго безоусаго кретена, запрягавшаго лошадей: я добился отъ нихъ столько же толку.

„Я былъ порядкомъ обезкураженъ, и если бы кстаті не поднялась буря со снѣгомъ, отвлекшая мое вниманіе отъ великой мысли савойскаго движешя, я чувствовалъ бы себя разбитымъ на-голову. Но облачное движеніе оживило мою энергію и, отступившись отъ разспросовъ у бѣдныхъ ничего не знающихъ поселянъ, я рѣшился испытать счастья въ Анси, самою дѣятельномъ изъ савойскихъ городовъ, гордящемся тѣмъ, что имѣетъ хлопчато-бумажную фабрику, имѣетъ стеклянные заводы и по сосѣдству каменноугольныя копи. Передъ заходомъ солнца показались мнѣ вдалекѣ высокія трубы его заводовъ.

„Ожиданіе не обмануло меня. Въ Анси положительно было больше слѣдовъ движенія, тѣмъ въ Шамбери и другихъ городахъ, а моему цѣлью было найти какое нибудь движеніе,—французское, сардинское, швейцарское,—все равно, лишь бы движеніе. Въ Анси были заняты этимъ дѣломъ, потому не трудно было вступить въ разговоры о немъ. Первымъ, что я услышалъ, были жалобы ва піэмонтское правительство, которое въ своей итальянской политикѣ почти забыло о древнѣйшихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, вспоминая о нихъ только за тѣмъ, чтобы брать съ нихъ солдатъ и деньги. „А въ замѣнъ за то ничего оно не дѣлаетъ для насъ. Давно обѣщались провести желѣзную дорогу въ Анси, а до спхъ поръ еще и не начали ее, и провозъ нашихъ издѣлій въ Шэмонть очень убыточенъ“. Это недовольство ободряло людей, дѣйствовавшихъ въ пользу Франціи.—Стало быть вы теперь довольны, что присоединяетесь къ Франціи в что будетъ вамъ построена желѣзная дорога? сказала я.— „Насъ разоряютъ, мсье, отвѣчали мнѣ: мы сбываемъ свои стеклянные товары въ Шэмонть, гдѣ такихъ не умѣютъ

дѣлать. А съ французскими стеклянными товарами, которые теперь пойдутъ къ намъ, ваши не могутъ сравняться. Кончится, вѣроятно, тѣмъ, что намъ придется закрыть свои заводы. Кромѣ того намъ придется дороже платить за колоніальные товары, которые мы получали изъ Женевы“. Не только торговцы, но и частные люди по предусмотрительности сдѣлали большія закупки этихъ товаровъ, чтобы уйти отъ убытка хотя въ первое время.—Стало быть у васъ большая торговля съ Женевой?—„Да, Женева ввозитъ къ намъ на 7 или на 8 милліоновъ франковъ товаровъ своихъ, аяглійскихъ и вѣмецкихъ“.—Стало быть вамъ хотѣлось бы присоединиться къ Швейцаріи?—„Нѣтъ, вѣдь мы все равно лишились бы сбыта въ Шамонтъ“.—Такъ чего же вы желаете?—„Мы теперь не стали ничего желать, потому что все рѣшено и правительство отдало насъ Франціи“.—Но по крайней мѣрѣ вы постарались нынѣ выбрать депутата, который выразилъ бы ваши желанія?—„Нѣтъ, нашъ кандидатъ бросилъ насъ; онъ ухалъ съ депутаціею въ Парижъ. Знаете, всѣ эти адвокаты и наши чиновники на французской сторонѣ: они надѣются, что имъ за усердіе заплатятъ орденами и хорошими должностями. Одному обѣщали мѣсто подорефекта, другому должность префекта, третьему помощника префекта, а крестовъ раздадутъ цѣлыя сотни“.

„Ясно, мой собесѣдникъ былъ фрондеръ. Я подозреваю, что онъ имѣетъ дѣла по хлопчатобумажной фабрикѣ. Посмотримъ въ другую сторону дѣла. Оно обернется къ вамъ другой стороной, если вы поговорите съ человѣкомъ, имѣющимъ дѣла по ваменвоугольнымъ копиямъ или по лѣсной торговлѣ. Онъ скажетъ вамъ, во-первыхъ, что привыкъ не скрывать своихъ мнѣній, что онъ по сердцу и по душѣ такой же французъ, какъ по языку; что онъ не хочетъ долше подчиняться итальянской политикѣ Шамонта, не хочетъ, чтобы его руками другіе загребали жаръ, что савойская промышленность теперь связана, что ей теперь открытъ одинъ сбытъ въ Шамонтъ, куда нельзя по договоризнѣ провоза сбывать черезъ Альпы сырые продукты, составляющіе главное богатство Савойи, а Франція будетъ для нихъ готовымъ и близкимъ рынкомъ. И какъ только построютъ желѣзную дорогу, страна процвѣтетъ.“

„Вотъ вамъ обѣ стороны дѣла: ту или другую выставляють передъ вами, смотря по тому, съ кѣмъ вы заговорите. Правда, нѣкоторое движеніе есть въ Анси, но какого оно рода?—самаго низкаго. Ни та, ни другая партія ни слова не говоритъ о различіи въ учрежденіяхъ; нѣтъ ни искры чувства, мѣсто которому было бы вышо желудка, злчнаго центра нашей животной натуры.“

„Разскажу еще одинъ случай,—грустно мнѣ разсказывать его, потому что онъ предвѣщаетъ недоброе. Въ день выборовъ французская партія давала обѣдъ; въ городѣ тогда было проѣздомъ человѣкъ восемь французскихъ кушцовъ; ихъ пригласили на обѣдъ; они всѣ отказались, замѣтивъ: „добрые люди, вы сами ис знаете, чего хотите. Мы испытали эту вещь и увѣряенъ васъ, что скоро вы раскаетесь“.“

„Въ девять часовъ вечера идетъ почтовая карета въ Женеву. Объ Анси я напишаль уже довольно, въ слѣдующій разъ скажу вамъ, что говорить въ Женевѣ о Шабле и Фосиньи“.

„Женева. 26 марта.“

„Вы повѣрите моимъ словамъ, что почтовая карета, ходящая изъ Анси въ Женеву, не слишкомъ удобнй экипажъ и что на Сіонѣ чрезвычайно холодно во время вьюги. Но я невозмутимо ѣхалъ отыскивать савойскос движеніе и только на станціи въ Крюсолѣ, гдѣ мы перемѣняли лошадей, мое спокойствіе было нарушено нѣсколькими людьми, стоявшими на кругломъ крыльцѣ и громко кричавшими: „побѣда!“ Это были партизаны Франціи, торжествовавшіе удачу на выборахъ. Они громко объясняли выгоды, какія получить Савоя отъ присоединенія къ Франціи. Этотъ панегирикъ пришелся не по вкусу двумъ другимъ людямъ, бывшимъ на крыльцѣ, и начался споръ. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я вниманіе и къ политическимъ учрежденіямъ. Противники присоединенія заговорили о жандармахъ, о личной свободѣ, которая вся погибнетъ отъ присоединенія.“

„Сіонскій хребетъ совершенно отрѣзываетъ Фосиньи и Шабле отъ остальной Савойи. Я очень доволенъ тѣмъ, что переѣхоль его и могу вамъ разсказать о чувствахъ жите

лей въ этихъ пейтрализованныхъ округахъ. Я уже и прежде слышалъ отголоски швейцарскихъ опасеній и криковъ, полагалъ, что населеніе Шабле и Фосиньи не такъ раввродушно, какъ увѣряли меня въ южной Савойѣ, но я ве предполагалъ, чтобы волненіе въ Швейцаріи было такъ сильно и чтобы желанія сѣверной Савойи получили такой опредѣленный характеръ. Оба эти обстоятельства заслуживаютъ вниманія.

„Я еще не былъ въ Шабле и Фосиньи и не могу говорить о собственныхъ наблюденіяхъ; но передо мною лежитъ печатная декларация жителей сѣверной Савойи, требующая присоединенія къ Швейцаріи и посланная ко всѣмъ державамъ, подписавшимъ трактатъ 1815 года. Ка этой декларациіи пришиты 152 страницы, на которыхъ находятся 11,502 подписи, собранныя во всѣхъ кантонахъ нейтрализованныхъ округовъ. Эти подписи были собраны менѣе чѣмъ въ восемь дней, съ 8 до 16 марта. Можетъ показаться странно, что не позаботились объ этомъ раньше; но вспомните, что до появленія ноты 24 февраля Франція не заводила формальной рѣчи объ уступкѣ, а когда Швейцарскій союзный совѣтъ поручилъ своимъ дипломатическимъ агентамъ сдѣлать представленіе по этому дѣлу, то Франція даже отвѣчала, что о савойскомъ вопросѣ въ настоящее время нѣтъ рѣчи и что если бы онъ возникъ, то Шабле и Фосиньи были бы уступлены Швейцаріи. Введенные въ обманчивую безпечность, нейтрализованные округи и Швейцарія не думали, что имъ грозитъ опасность. Они были пробуждены только объявленіемъ, сдѣланнымъ въ Анси и Шамбери 8 и 10 марта, говорившимъ савойскому народу, что онъ приглашается выразить свое желаніе или нежеланіе присоединиться къ Франціи, и ни слова не упоминавшимъ о Швейцаріи и объ ея правахъ на нейтрализованные округи. Только тогда стали устраивать манифестацию въ сѣверной Савойѣ, собирать подписи къ объявленію о томъ, что сѣверная Савойя желаетъ присоединиться въ Швейцаріи, если не можетъ остаться соединена съ Шамонтомъ. Послѣ того какъ эта декларация была напечатана, собрали къ ней еще болѣе тысячи подписей, такъ что свое согласіе съ ней выразили 12,600 человекъ въ округахъ, имѣющихъ всего населенія около 1600 человекъ. Я самъ поѣду въ эти округи и не ставу теперь тратить время на отгадываніе того, до какой степени сильно въ жителлхъ желаніе, свидѣтельствуемое этою декларациею“.

„Бонвиль. 27 марта.

„Дѣльный день я провелъ въ разъѣздахъ по всѣмъ сколько нибудь важнымъ мѣстамъ нейтрализованныхъ округовъ, былъ въ Тононѣ, Дувелѣ, Анмасѣ, Боввилѣ и т. д., и у меня не осталось сомнѣнія въ томъ, что здѣсь имѣетъ дѣйствительную силу савойское движеніе, котораго почти не существуетъ въ остальной Савойѣ. Въ сѣверной Савойѣ жители гораздо живѣе, чѣмъ въ южной, они, кажется, готовы встрепенуться изъ своей дремоты; это надобно приписывать тѣснымъ ихъ связямъ съ Женевею, оставшимся ве вовсе безъ вліянія на характеръ народа и пробуждавшимъ въ здѣшнихъ савойярахъ чувство независимости. Но все-таки не думайте, чтобы политическія соображенія говорили въ нихъ сильнѣе по этому дѣлу, чѣмъ у южныхъ савойяровъ. И здѣсь матеріальныя выгоды единственный рычагъ, движущій народными желаніями; но матеріальный интересъ влечетъ эти округи къ Женевѣ и къ Швейцаріи. Въ Швейцарію текутъ рѣки сѣверной Савойи, въ Швейцарію вдутъ и продукты ея. Отъ остальной Савойи и отъ Франціи она отдѣлена цѣпью горъ, проѣздъ по которымъ всегда труденъ, а зимою часто и невозможенъ. Сообщеніе съ свѣтомъ здѣшнія долины имѣютъ черезъ Женевское озеро: по немъ получаютъ онѣ немногіе товары, ими потребляемые, по немъ пріѣзжаютъ къ нимъ и путешественники, служащіе для нихъ главнымъ источникомъ дохода.

„Потому, если бы принимать за основаніе сужденій матеріальный интересъ, то жители здѣсь всѣ до одного были бы расположены присоединиться къ Швейцаріи. Но отъ сотворенія міра всегда существовало противорѣчіе между интересами страны и выгодами кѣкоторыхъ ея жителей. Оно существуетъ и въ нейтрализованныхъ округахъ. Я имѣлъ случай говорить съ людьми всѣхъ сословій и во всѣхъ своихъ поискахъ не нашель землевладѣльца или фермера, который желалъ бы присоединенія къ Франціи. Если нѣкоторые изъ нихъ не такъ сильно, какъ другіе, высказывали свое желаніе присоеди-

виться къ Швейцаріи, это происходило только отъ робкой осторожности, которая стала совершенно понятна для меня изъ разговоровъ съ людьми французской партіи. Эта партія сосредоточена въ городахъ и центромъ ея служить Тононъ, а главною поддержкою личный расчетъ чиновниковъ, адвокатовъ и духовныхъ. Приверженность этихъ трехъ сословій къ Франціи натуральна, потому что они проиграли бы отъ присоединенія северной Савойи къ Швейцаріи, между тѣмъ какъ всѣ остальные классы проигрываютъ отъ присоединенія къ Франціи. Въ республиканской странѣ съ простыми и свободными учреждениями, въ странѣ, сохранившей самоуправленіе почти во всей первобытной чистотѣ, чиновники не могутъ ждать себѣ завиднаго положенія. Почти всѣ мѣста раздаются по выборамъ, а не по рутинѣ и не по связямъ. Надежда на повышеніе очень мала; небогато и жазованье въ странѣ, гдѣ должность считается почетомъ, а не источникомъ выгоды. Жизнь чиновника, зависящего отъ народа, трудна: отъ него требуютъ не такой дѣятельности, какая въ бюрократической машинѣ достаточна ему, чтобы не отстать отъ другихъ. Гораздо привлекательнѣе карьера его въ могущественной, многосложной администраціи, какова французская. Сколько почестей ждеть тутъ честолюбивыхъ мэровъ и ихъ помощниковъ! Каждый изъ нихъ надѣется быть подпрефектомъ или даже префектомъ. Шансы выгоды для чиновничества слишкомъ неравны, не говоря уже о томъ, что въ Швейцаріи нѣтъ крестовъ и денежныхъ пожалованій.

„Такъ же плохи шансы въ простой и практичной Швейцарской республикѣ для адвокатовъ. Въ Швейцаріи почти нѣтъ процессовъ, потому что почти всѣ дѣла кончаются примирительными судами; а если и дойдетъ до процесса, сами тяжущіеся ведутъ его безъ адвоката по простотѣ судопроизводства. Сравните же съ этимъ величественную роль французскихъ адвокатовъ, съ гордостью говорящихъ о себѣ, что всегда были лучшею славою великой націи. Адвокатство тамъ карьера чрезвычайно выгодная и кромѣ того ведущая къ первымъ государственнымъ должностямъ. Присоединеніе къ Швейцаріи тотчасъ лишило бы адвокатовъ почти всѣхъ ихъ нынѣшнихъ доходовъ, которыми кормится множество этихъ людей теперь, благодаря сутяжничеству савойяровъ: каждый савойяръ имѣетъ теперь процессы со всѣми своими сосѣдями. Женева, городъ многолюдный, не имѣетъ столькожъ адвокатовъ, сколько ихъ въ каждомъ маленькомъ савойевомъ городкѣ. Швейцарскія учрежденія разорили бы ихъ, а присоединеніе къ Франціи открываетъ имъ блестящую карьеру. Духовенство, разумѣется, ужасается всякаго сближенія съ протестантскою Женевою. Женева вѣстѣ съ Берномъ стояла во главѣ движенія 1847 года, изгнавшаго іезуитовъ изъ Швейцаріи. Получивъ тутъ успѣхъ, она можетъ пойти и дальше: кто знаетъ, на чемъ она остановится? А императоръ, не смотря на свои нынѣшнія непріятности съ папой, все-таки служитъ ревностнѣйшимъ защитникомъ католичества.

„Если взять всѣ эти три класса по счету, они конечно составляютъ ничтожное меньшинство. Но вліяніемъ они гораздо сильнѣе, чѣмъ числомъ. Каждый чиновникъ, адвокатъ и священникъ господствуетъ надъ невѣжественнымъ и слабымъ простолюдиномъ, привыкшимъ къ слѣпому повиновенію. И если подумать о силѣ, находящейся въ рукахъ этихъ трехъ сословій, то надобно назвать чрезвычайно сильными естественное тяготѣніе нейтрализованныхъ округовъ къ Швейцаріи, выразившееся 12-ю тысячь подписей“.

„Шамбери. 28 марта, вечеромъ.

„Кончено.

„Нынѣ, въ половинѣ девятаго поутру, первый отрядъ французской арміи, четыре роты 80-го линейнаго полка, вступилъ въ городъ. Завтра ждутъ еще такого же отряда и постепенно соберется сюда весь полкъ. Шамбери, столица Савойи, занята войсками его величества императора французовъ.

„Во всемъ этомъ савойскомъ вопросѣ, съ самаго начала до конца, была одна постоянная черта, которая дѣлаетъ его очень курьезнымъ: всѣ стороны, участвовавшія въ этомъ дѣлѣ, какъ будто стыдились своей роли и старались тонкими изворотами прикрасить свои поступки передъ самими собою. Встрѣча французскихъ войскъ нынѣшнимъ утромъ имѣла точно такой же характеръ. Ихъ ожидали со дня на день и довольно было

времени приготовиться къ приему. Фабриканты, изготовляющіе разныя принадлежности къ иллюминаціямъ (эти господа жарчайшіе партизаны присоединенія къ Франціи), принялись дѣлать французскіе флаги, разные транспаранты и шкалики, но никто не покупалъ ихъ: самыя пламенные партизаны Франціи совѣстились выступить впередъ и все покупали французскихъ флаговъ, подобно людямъ, мрачно смотрящимъ на готовившееся дѣло. Потому фабриканты, обманутые въ надеждахъ, бросили дѣлать шкалики и флаги, и когда было официально объявлено о прибытіи французскихъ войскъ, то не оказалось нужнаго запаса французскихъ украшеній.

„Прокламація городского управления, говорившая о томъ, что Викторъ-Эммануэль снизошелъ на желаніе савойяровъ присоединиться къ великой французской имперіи, также носила на себѣ печать смищенія. На ея заголовкѣ былъ гербъ савойскаго дона, а въ концѣ ея восклицанія: да здравствуетъ Наполеонъ III! да здравствуетъ Франція! Смищеніе было видно и въ прокламаціи, созывавшей національную гвардію встрѣтить гостей на станціи. На станціонномъ домѣ были поставлены флаги, сдѣланные наполовину изъ савойскихъ, наполовину изъ французскихъ цвѣтовъ, съ везелемъ императора на одной сторонѣ, съ везелемъ короля на другой. Такой же видъ имѣли украшенія на городской ратушѣ: старому государю удѣлялась половина ихъ; но императорскій гербъ надъ балкономъ давалъ рѣшительный перевѣсъ новому владыкѣ. Изъ частныхъ домовъ только очень немногіе были украшены флагами и почти все они также имѣли такой двойной характеръ.

„Побѣздъ прибылъ въ назначенное время, оркестръ заигралъ *Partant pour la Syrie*, собравшуюся толпу убѣждали привѣтствовать французовъ, французы отвѣчали на эту попытку привѣтствія, женщины махали платками, синдикъ произнесъ поздравительную рѣчь полковнику, французы пошли въ казармы, сопровождаемые національной гвардіей; за ними шла толпа, передъ ними шли музыканты. Было потомъ сдѣлано нѣсколько попытокъ устроить демонстраціи въ честь французовъ, но малочисленные энтузіасты не находили поддержки въ народѣ. Эти сцены были живою картиною савойскаго движенія: небольшое число хлопотливыхъ агитаторовъ среди мертвой и равнодушной массы. Украшенія, выставленныя на домахъ энтузіастовъ, производили то же впечатлѣніе: домовъ этихъ было очень мало.

„Вечеромъ оркестръ національной гвардіи игралъ на широкой улицѣ, ведущей къ замку. Въ девять часовъ вечера не было уже народа на улицахъ. Великій актъ занятія Савойи французами совершился.

„Теперь многіе, даже изъ людей желавшихъ переменъ, чувствуютъ боязнь будущаго. Народъ жалуетъ о прежнемъ положеніи. Яснымъ доказательствомъ тому служатъ всеобщее неудовольствіе противъ савойяровъ, отправлявшихся депутатами въ Парижъ. Они вчера воротились обремененные обѣдами, любезностями и обѣщаніями. Даже здѣсь, въ южной Савойѣ, порицаютъ ихъ за то, что они предложили императору свою родину и говорили отъ ея имени. Савойяры по всегдашней своей привычкѣ повинуются своему королю, но не желаютъ принадлежать Франціи“.

„Шамбери. 29 марта.

„Небольшое и неудачное одушевленіе, поднятое вчера, теперь совершенно утихло. По разчетливости или изъ стыда, ббольшая часть флаговъ исчезла съ домовъ. Кромя тѣхъ, которые развѣваются на станціи желѣзной дороги, на публичныхъ зданіяхъ и на башнѣ замка, не осталось въ цѣломъ городѣ пятидесяти флаговъ. Изъ нихъ значительная часть виситъ въ окнахъ французскаго консульства. Французскіе солдаты ходятъ по улицамъ незамѣчаемые никѣмъ.

„Въ результатѣ происходящихъ теперь выборовъ нѣтъ уже никакого сомнѣнія. Избиратели явились въ маломъ числѣ, считалъ дѣло конченнымъ безъ ихъ волн. Невдугѣмъ на всякій случай составлялъ адресъ, говорящій противное адресу, подписанному жителями сѣверной Савойи: онъ разсылается по всей странѣ, чтобы его подписывала. Савойяры станутъ подписывать: какъ же имъ во выразить своего согласія на распоряженіе, сдѣланное ихъ королемъ?“

Это спокойное изложеше фактовъ представляетъ намъ въ маломъ видѣ образецъ того, какъ дѣлаются почти всѣ государственныя перемѣны и къ лучшему и къ худшему: масса населешя ничего не знаетъ, ни о чемъ не думаетъ, кромѣ своихъ матеріальныхъ выгодъ, и рѣдки случаи, въ которыхъ она хотя замѣчаетъ отношенія своихъ матеріальныхъ интересовъ къ политической перемѣнѣ, какъ замѣчали въ Савойѣ. На этомъ равнодушіи массы основана возможность даже самыхъ замысловъ о большей части совершаемыхъ въ политической жизни перемѣнъ. Низлагается Наполеонъ I и призываются на его мѣсто Бурбоны: не думайте, чтобы это было дѣломъ французской націи; что призваніе Бурбоновъ не было дѣломъ союзныхъ монарховъ — вещь давно извѣстная. Кто же устроилъ эту перемѣну? Два-три союзныхъ министра съ Талейраномъ и нѣсколькими его кліентами. Они сказали союзнымъ монархамъ, что французы желаютъ возстановить Бурбоновъ, и Бурбоновъ призвали въ удовлетвореніе желанію французовъ, которые вовсе и не думали желать того. Но если такъ, почему же французы не сказали, что не хотятъ Бурбоновъ? Союзные монархи не стали бы дѣлать противъ ихъ желанія. Французы не сказали, что не желаютъ, потому что въ самомъ дѣлѣ нельзя было сказать, что они желаютъ или не желаютъ: имъ было все равно; имъ объявили, что Бурбоны не станутъ нарушать ихъ матеріальныхъ интересовъ, и они подумали: если такъ, мы ничего не проигрываемъ; пусть дипломаты дѣлаютъ, какъ знаютъ. Точно то же было при замѣненіи Бурбоновъ Орлеанской династіей. Изъ тысячи человекъ одинъ пожалѣлъ о Бурбонахъ, изъ тысячи человекъ одинъ порадовался передачѣ власти Луи-Филиппу, остальные 998 подумали: намъ все равно; пусть тѣ, кто лучше насъ знаетъ эти дѣла, дѣлаютъ какъ знаютъ. Точно также провозглашена была республика, точно также была потомъ провозглашена вмѣсто республики имперія. „Вы за кого? за Францію или за Піэмонтъ?“ спрашивалъ савойяровъ корреспондентъ „Times'a“. — „Мы? да насъ нечего объ этомъ спрашивать; а впрочемъ мы слышали, будто насъ отдаютъ французамъ“. — „Ну, чтожь? это пріятно вамъ или непріятно?“ — „Да намъ-то что? — это не наше дѣло. А вотъ, говорятъ, будто французы построятъ намъ желѣзную дорогу, которой сардинцы не строили, — это будетъ хорошо“. — „Значить, вы рады перемѣнѣ?“ — „Да нечему радоваться: еще неизвѣстно, хуже или лучше намъ будетъ; вотъ посмотримъ, такъ увидимъ“. — „Чтожь это значитъ? Значить, лучше бы вамъ оставаться подъ властью Піэмонта?“ — „Что же тутъ хорошаго? Хорошаго мы ничего не испытали отъ Піэмонта“. Какъ прикажете толковать съ людьми, разсуждающими такимъ образомъ? У васъ остается одно убѣжденіе отъ подобныхъ разговоровъ и случаевъ: масса просто матерія для производства дипломатическихъ и политическихъ опытовъ. Кто взялъ надъ нею власть, тотъ и говоритъ ей, что она должна дѣлать — то она и дѣлаетъ. Такого взгляда постоянно держатся практическіе государственные люди. На этомъ основаніи управляли народомъ Ришельё и Питтъ, Меттернихъ и Луи-Филиппъ: дѣлали, что хотѣли, а народы слушались. Нельзя не признаться, что этотъ взглядъ очень близокъ къ истинѣ. Напрасно говорятъ въ его опроверженіе, что политика Меттерниха оказалась наконецъ несостоятельной, да и система Луи-Филиппа тоже. Напрасно ссылаются на то, что подъ конецъ они были низвергнуты и изгнаны: чтожь тутъ за опроверженіе? вѣдь нельзя же вѣчно пользоваться удачей; разумѣется, когда нибудь настанутъ и несчастныя обстоятельства. Нынѣшній годъ пашетъ мужикъ землю — урожай хо-

рошь, и на слѣдующій годъ тоже, и дальше тоже. Наконецъ на 29 или на 30-й годъ случился неурожай, — чтожь изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, что мужикъ плохо пахаль землю? Нѣтъ, слишкомъ 20 лѣтъ хорошаго урожая показываютъ, что пахаль онъ ее хорошо, а неудача послѣдняго года просто капризъ природы, просто дѣло случая, и система хозяйства, которой держался мужикъ, не компрометируется этимъ несчастіемъ. Да и посмотримъ, что дальше послѣ этого неурожайнаго года? — опять пошли хорошіе урожаи при прежней обработкѣ земли. Не оправдываютъ ли они систему мужика? Такъ и въ исторіи: послѣ Луи-Филиппа продолжалась года полтора такъ называемая анархія, и французскимъ правителямъ трудно было ладить съ расхолодившеюся націею, или собственно даже не съ націею, а съ нѣсколькими десятками тысячъ энергическихъ работниковъ Парижа: остальные сотни тысячъ работниковъ Парижа и другихъ городовъ были уже и тогда расположены держать себя смиренно и послушно, а прочимъ девяти милліонамъ взрослыхъ мужчинъ Франціи никогда и не приходило въ голову буйствовать и непокорствовать. Такъ или иначе, дурно или хорошо, прошли эти недолгіе полтора года, тяжелые для французскихъ правителей, — и дѣла пошли прежнимъ порядкомъ: правители приказываютъ, а вся Франція слушается, — то же самое, что было при Луи-Филиппѣ, только формы приказашій нѣсколько измѣнились: при Луи-Филиппѣ въ заголовкѣ писалось „приказы по парламентскому вѣдомству“, а при Луи-Наполеонѣ пишется: „приказы по армейскому вѣдомству“. Спору нѣтъ, заголовокъ дѣло важное, но вѣдь не въ немъ вся важность; гораздо больше ее въ самомъ содержаніи бумаги, а содержаніе бумаги то же самое: „исправно платите подати и платите ихъ какъ можно больше; слушайтесь прелатовъ, если вы католики, пасторовъ, если вы протестанты; въ томъ и въ другомъ случаѣ слушайтесь префектовъ, которые будутъ слушаться министровъ, а министры будутъ слушаться кого сами знаютъ“. Въ Австріи даже и въ заголовкѣ перемѣны не произошло: черезъ годъ по изгнаніи Меттерниха, Шварценбергъ вель дѣла по тѣмъ же самымъ формамъ, какъ вель Меттернихъ: не явное ли дѣло, что чистый вздоръ говорили люди, утверждавшіе, будто бы Луи-Филиппъ и Меттернихъ ошибались въ своей системѣ? Система ихъ такъ вѣрво соотвѣтствовала вадобностямъ французскаго и австрійскаго правительствъ, что сама собою воскресла изъ пепла, какъ вѣчно юный и прекрасный фениксъ. Отбросимъ вздорныя фантазіи, обсудимъ дѣло хладнокровно и скажемъ: какъ держали себя Луи-Филиппъ и Меттернихъ, такъ и слѣдовало имъ держать себя, такъ и всегда будутъ держать себя люди, которые будутъ становиться на ихъ мѣстѣ. Разсудительный человекъ могъ бы желать развѣ только одного: хорошо было бы, если бы политическое правило, столь пригодное для долгихъ періодовъ внутренняго спокойствія, было дополнено какимъ нибудь соображеніемъ, пригоднымъ для предотвращенія кратковременныхъ безпокойствъ, которыми перерываются долгіе спокойные періоды. Разумѣется, Луи-Филиппу и Меттерниху было бы гораздо лучше избѣжать неприятностей, которымъ подверглись они въ 1848 году. Система ихъ, какъ видимъ, не пострадала отъ народнаго буйства; но сами они пострадали — это жаль. Почтенные старцы, привыкшіе къ комфорту, привыкшіе къ власти, были принуждены бѣжать безъ всякаго комфорта. Сколько страха, сколько матеріальныхъ неудобствъ потерпѣли они въ ту недѣлю, пока пробирались въ безопасное убѣжище изъ возмущившихся своихъ столицъ черезъ раздраженныя провинціи! На новомъ мѣстѣ жительства комфортъ къ

нимъ возвратился; но власть уже не возвратилась. Благонамѣренные люди уважали ихъ, но уже никто не спрашивать ихъ приказаній, никто не исполнялъ ихъ повелѣній: развѣ легко было имъ такое положеніе? Да и французамъ или австрійцамъ развѣ лучше стало при новыхъ правителяхъ? Говоря по совѣста, мы далеко предпочитаемъ Меттерниха Шварценбергу, Баху, Буолу и Рехбергу: они умны и добры, — это такъ, но онъ былъ и гораздо умнѣе, и добрѣе ихъ. Величіе Наполеона III цѣнится нами по достоинству; но безпристрастная исторія скажетъ, что Луи-Филиппъ былъ выше его въ государственномъ искусствѣ. Итакъ и для народовъ, и для Луи-Филиппа съ Меттернихомъ было бы гораздо лучше, если бы эти мудрые правители (то есть Луи-Филиппъ и Меттернихъ) спокойно скончались съ властью въ рукахъ и безъ всякихъ непріятностей передали эту власть тѣмъ, кого сами почли бы достойными ея. Вотъ только заботы объ этомъ могъ бы еще желать въ правителяхъ разсудительный человѣкъ, потому что эта забота соотвѣтствуетъ выгодамъ самихъ правителей: онъ могъ бы желать, чтобы въ долгіе періоды внутренняго спокойствія правители обращали нѣкоторое вниманіе на средства предотвратить всякія непріятности для себя въ будущемъ, застраховать себя отъ внутреннихъ смуть. Прочтенный нами рассказъ о савойскихъ дѣлахъ наводитъ на это средство: масса думаетъ только о своемъ матеріальномъ благосостояніи и если не будетъ доведена до большаго неудовольствія въ этомъ отношеніи, то всегда останется смирна и послушна; потому забота о народномъ благосостояніи по видимому выгодна для правителей. Такъ можетъ думать разсудительный человѣкъ; но если найдется другой человѣкъ, еще болѣе разсудительный, то замѣтитъ ему: „Другъ мой, вы слишкомъ требовательны. Вы хотите отъ людей нечеловѣческаго совершенства. Посмотрите на самихъ себя, посмотрите на всѣхъ вашихъ знакомыхъ: у кого изъ васъ, друзья мои, достаетъ времени, средствъ, твердости и безстрастія, чтобы отказывать себѣ въ настоящихъ желаніяхъ и удовольствіяхъ для отдаленныхъ шансовъ неизвѣстнаго будущаго, до котораго можетъ быть вы и не доживете? Правители, конечно, умнѣе большей части изъ насъ, или даже всѣхъ насъ; но вѣдь и они люди. У нихъ столько дѣла въ настоящемъ, столько дипломатическихъ отношеній, столько политическихъ заботъ, столько финансовыхъ надобностей, нетерпящихъ отлагательства, что нѣтъ имъ физической возможности дѣлать вышѣ то, отъ чего пользы могутъ ожидать они развѣ черезъ 15 или 20 лѣтъ. Войдите въ ихъ положеніе. Посмотрите, напримѣръ, сколько было хлопотъ Луи-Филиппу въ какомъ нибудь 1832 году: тутъ надобно биться съ Казиміромъ Перье, министромъ благонамѣреннымъ, но человѣкомъ вздорнаго характера; тутъ палата хочетъ сократить бюджетъ личныхъ расходовъ Луи-Филиппа; тутъ пятеро сумасшедшихъ бьютъ въ набатъ на Нотрдамской колокольнѣ, выдавая себя за республиканцевъ, потомъ оказывается, что полицейскій агентъ подвелъ ихъ на эту глупую выходку, и возникаетъ непріятнѣйшій скандалъ: тутъ холера; тутъ умираетъ Казиміръ Перье и начинаются интриги за министерскія должности; тутъ новые министры такъ бездарны, что хлопотъ съ ними больше, чѣмъ съ Казиміромъ Перье, а смѣнять ихъ невыгодно, потому что они послушны; тутъ начинаются дразги по случаю возстанія и потомъ ареста герцогини Беррійской; тутъ подрастаютъ сыновья, надобно прискивать имъ невѣсть; тутъ Голландія ссорится съ Бельгіей; тутъ Мегметъ-Али ссорится съ Мухаммедомъ II; тутъ сотни другихъ дипломатическихъ столкновеній, — словомъ сказать, заботъ и хлопотъ столько,

что голова идетъ крутомъ у Луи-Филиппа. Такъ проходитъ весь 1832 годъ, — досугъ ли тутъ подумать о предупрежденіи нсиршностей, которыя, можетъ быть, настануть когда нибудь лѣтъ черезъ шестнадцать — 1848 году, а можетъ быть вовсе не настануть? — Такъ проходятъ и 1833 и 1834 и всѣ слѣдующіе года. При такомъ множествѣ всякихъ другихъ хлопотъ и заботъ, можно ли винить Луи-Филиппа за то, что недостало у него ни времени, ни средствъ похлопотать о народномъ благосостояніи? Нельзя винить его, — некогда ему было, не до того ему было; и неприятели 1848 г., произведенныя крайностью народнаго бѣдствія, не могутъ во мнѣніи благоразумнаго человѣка считаться справедливымъ наказаніемъ Луи-Филиппу: онѣ просто были ударомъ судьбы, постигнувшей человѣка невиннаго. Или, чтобы перейти къ нынѣшнимъ дѣламъ, когда, напримѣръ, было Кавуру позаботиться о благосостояніи савойяровъ? Войдите въ его положеніе. Онъ, по своему искреннему убѣжденію, гениальный министръ; какъ же такому министру управлять такимъ маленькимъ государствомъ, какъ прежній Піэмонть? Надобно увеличить его. Вотъ бѣдный Кавуръ прибѣгаетъ къ англійскимъ министрамъ: помогите мнѣ увеличить управляемое мною государство! Боже милостивый! сколько ему возни было съ этими проклятыми англичанами: не хотятъ ввязываться въ чужія дѣла, да и кончено. Много перепортилось у него крови отъ такой англійской безеовѣстности. Года полтора или два ушло на напрасныя хлопоты. Приходится ему отъ англичанъ обратиться къ императору французовъ: новыя хлопоты, едва ль не больше прежнихъ. Тутъ начинается восточная война: надобно показать себя, что и мы, піэмонтцы, дескать, можемъ играть роль въ европейскихъ дѣлахъ, надобно приобрести право на благодарность Франціи, надобно „пріучить армию къ побѣдамъ“; кстати „армія“: Кавуръ хочетъ дѣлать завоеванія, а для завоеваній нужна сильная армія, а сильная армія не по средствамъ бѣднаго Піэмонта; такъ, но что же дѣлать? Сильная армія нужна и Кавуръ держитъ ее, хотя она не по средствамъ Піэмонта, а денегъ мало: сколько хлопотъ придумывать средства къ полученію денегъ! — до савойяровъ ли тутъ? Съ савойяровъ не много возьмешь деньгами; хорошо хоть то, что изъ нихъ выходятъ недурные солдаты; набираше солдаты, вотъ почти единственное отношеніе между Кавуромъ и савойярами, допускаемое множествомъ хлопотъ, поглощающихъ всѣ мысли и силы Кавура. Если теперь оказывается, что онъ ничего не сдѣлалъ для савойяровъ, можно ли его винить за то? Такъ, онъ совершенно правъ. Но что же изъ того вышло? Вышло то, что Наполеонъ III могъ сказать: отдайте мнѣ Савойю; для савойяровъ рѣшительно все равно, принадлежать ли вамъ или мнѣ; стало быть, дѣло зависитъ только отъ вашего желанія. Я вашъ союзникъ, я вамъ дѣлаю пользу — увеличиваю ваше государство, будьте же и вы полезны мнѣ — увеличьте мое государство; если вы не согласитесь, это значитъ, что вы не расположены ко мнѣ; другихъ причинъ къ отказу нѣтъ: савойяры не будутъ противиться. И вотъ Кавуръ, хотя вовсе невиненъ въ томъ, что не возбудилъ въ савойярахъ приверженности къ піэмонтскому правительству возвышеніемъ ихъ благосостоянія, терпитъ убытокъ. Будь савойяры противъ отдѣленія отъ Піэмонта, Наполеонъ не могъ бы и требовать уступки Савойи, а теперь требуетъ, и у Кавура нѣтъ никакихъ отговорокъ и онъ долженъ уступить.

Каждый человѣкъ, прилекаяющій на себя общее вниманіе, подвергается пересудамъ, въ которыхъ всегда бываетъ много вздора. Императоръ французовъ »

избѣжаль этой участи: объ немъ говорятъ много ложнаго. Напримѣръ, утверждаютъ, будто бы, присоединяя Савойю къ Франціи, онъ слѣдуетъ принципу національности, принципу, несогласному съ преданіями господствующей политики, революціонному принципу: это клевета, гнусная клевета. Императоръ Наполеонъ въ этомъ дѣлѣ вѣренъ принципу, составляющему основаніе всякой дипломатики, согласной съ преданіями и признаваемой въ дипломатическомъ мірѣ за истинную политику. Онъ только хочетъ расширить предѣлы своего государства и увеличить его могущество. Какой хорошей дипломатъ не старается о томъ же для своего государства? Конечно, выгоды разныхъ государствъ сталкиваются въ этомъ случаѣ: то, что выгодно для одного, бываетъ вредно для другого; австрійскіе и прусскіе дипломаты совершенно правы, чувствуя недовольство отъ присоединенія Савойи къ Франціи; но они не могутъ сказать, чтобы императоръ французскій не дѣйствовалъ тутъ по тѣмъ же самымъ принципамъ, какихъ держатся они. Обвинять его въ системѣ, основанной на принципѣ національности, совершенно несправедливо. Непричастность его революціоннымъ идеямъ, къ какимъ принадлежитъ принципъ національности, доказывается всѣмъ его правленіемъ. Кому мало этого доказательства, можетъ найти новое подтвержденіе невинности императора французскаго въ томъ, что вмѣстѣ съ Савойею онъ присоединяетъ къ Франціи Ниццу, городъ чисто итальянскій, съ округомъ чисто итальянскимъ. Тутъ уже явно, что политика Наполеона III основана на принципахъ чисто-дипломатическихъ, а не на какихъ либо революціонныхъ идеяхъ, въ родѣ принятія границъ національности за границы государства.

Дѣло присоединенія Ниццы представляетъ мыслящему человѣку одну черту, достойную великаго вниманія. Но чтобы дойти до факта, выставляющаго эту черту историческихъ дѣлъ, мы должны дополнить рассказъ, переведенный нами изъ писемъ, помѣщенныхъ въ Times'ѣ, очеркомъ событій, слѣдовавшихъ за тѣмъ временемъ, на которомъ остановился нашъ переводъ. Еще до вступленія французскихъ войскъ въ Савойю и Ниццу швейцарское правительство стало постепенно отзывать изъ этихъ земель своихъ чиновниковъ, замѣняя ихъ людьми, которые подготовляли бы переходъ уступаемыхъ земель подъ новую власть. По вступленіи французскихъ войскъ, эта исторія продолжалась, и наконецъ временное управленіе все перешло въ руки приверженцевъ присоединенія. Главною ихъ заботою было, разумѣется, то, чтобы народъ вотировалъ за присоединеніе, когда будетъ предложено жителямъ вопросъ, хотятъ ли они перейти подъ власть Наполеона III. Какимъ порядкомъ велось это дѣло, можно видѣть по слѣдующему отрывку, который мы опять беремъ изъ той же корреспонденціи Times'a.

„Швейцарскіе чиновники отозваны изъ Шамбери и Ниццы, но Викторъ-Эммануэль, неизвѣстно по какой надобности, соглашается, чтобы все дѣлалось отъ его имени. Онъ назначаетъ новыхъ правителей: савойяровъ въ Савойѣ, уроженцевъ Ниццы въ Ниццѣ, „чтобы нельзя было сказать, что выраженіе народныхъ чувствъ стѣснялось какимъ либо постороннимъ вліяніемъ“. Правителемъ Ниццы назначенъ Любонисъ, „человѣкъ нейтральнаго образа мыслей“; онъ издалъ слѣдующую прокламацію:

„Всякое сомнѣніе относительно нашей судьбы кончено. Трактатомъ 24 марта король Викторъ-Эммануэль передалъ Савойю и Ниццу Франціи; но судьба народа должна зависѣть не исключительно отъ воли короля. Великодушный императоръ Наполеонъ и благородный Викторъ-Эммануэль выразили желаніе, чтобы трактатъ былъ утвержденъ народами съ согласіемъ. Передъ священнымъ словомъ короля исчезаетъ всякая неизвѣстность

относительно нашего будущаго. Всякая оппозиція должна сокрушиться и стать безвильной противъ интересовъ страны и чувствъ долга. Притомъ же она встрѣтила бы непреодолимое препятствіе въ желаніяхъ Виктора - Эммануэля. Поспѣшимъ же утвердить нашими голосами присоединеніе нашей страны къ Франціи; будемъ отголоскомъ желаній короля; соединимся подъ знаменемъ великой и благородной націи, всегда пользовавшейся нашимъ сочувствіемъ; окружимъ престолъ славнаго императора Наполеона III съ вѣрностью, отличающею нашу страну, съ вѣрностью, которую до сихъ поръ мы такъ блистательно показывали династїи Виктора Эммануэля. Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ императоръ Наполеонъ III!"

Эти увѣренія официальныхъ лицъ, назначенныхъ самимъ королемъ сардинскимъ, что король не желаетъ выраженія вѣрности къ нему, что уступленныя области уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ не перейти подъ власть Франціи, были впрочемъ не главнымъ средствомъ заставить народъ подавать голоса противъ Сардиніи. Гораздо дѣйствительнѣе былъ другой способъ: каждому синдикату (мэру) было объявлено, что онъ будетъ отвѣчать передъ императоромъ за вотированье той общины, которой управляетъ; кромѣ того, на него возлагалась обязанность переписать людей, которые стали бы подавать голоса противъ Франціи, чтобы представить эти списки будущему французскому начальству, а жителямъ общины объявить объ этомъ, чтобы они знали опасность сопротивленія. Многіе находятъ такой способъ дѣйствія дурнымъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что онъ имѣетъ достоинство благородной откровенности: дѣйствительно, гораздо лучше впередъ сказать людямъ, чего отъ нихъ хотятъ и чему подвергаютъ они себя въ случаѣ несогласія, нежели молчать и подвергать неприятностямъ, не предувѣдомивъ о нихъ. Само собою разумѣется, что почти всѣ поданные голоса были въ пользу Франціи, не только въ южной Савойѣ, которая была равнодушна, но и въ нейтрализованныхъ округахъ, желавшихъ присоединиться къ Швейцаріи, и даже въ Ниццѣ, для которой отделиться отъ Піемонта и стать французскимъ городомъ то же самое, что для Милана возвратиться подъ власть австрійцевъ. Въ результатѣ савойскаго вотированья Франція была увѣрена, но относительно Ниццы были нѣкоторыя сомнѣнія, потому вотированье въ Ниццѣ было назначено раньше, чѣмъ въ Савойѣ, чтобы жители не имѣли времени разубѣдиться въ своемъ мнѣніи, будто бы ихъ вотированье не будетъ имѣть вліянія на ходъ дѣла. Вотированье въ Савойѣ было назначено 22 апрѣля (новаго стиля), а въ Ниццѣ недѣлю раньше, 15 апрѣля. Остановимся теперь на этомъ фактѣ вотированья.

Чѣмъ окончательно рѣшена была судьба Ниццы и Савойи? Былъ уже давно заключенъ договоръ объ уступкѣ этихъ земель. Сардинія уже передала управленіе ими французскимъ агентамъ. Дѣло повидимому было кончено; но дѣйствительно ли было кончено оно? Спросимъ себя: что стали бы дѣлать Сардинія и Франція, если бы жители Ниццы и нейтральныхъ округовъ остались тверды въ своихъ желаніяхъ, если бы въ нейтральныхъ округахъ почти на всѣхъ билетахъ оказались слова: „присоединиться къ Швейцаріи“, а въ Ниццѣ на всѣхъ билетахъ: „остаться въ піемонтскомъ государствѣ“, — что было бы тогда дѣлать? По всей вѣроятности нечего было бы дѣлать. Надобно было бы оставить Ниццу въ піемонтскомъ государствѣ, а нейтральные округа присоединить къ Швейцаріи. Изъ этого мы видимъ, что какъ бы трудно ни было повидимому положеніе, но исходъ дѣла всегда можетъ быть измѣненъ твердостью людей, до которыхъ оно касается. Правда, вся трудность и состоитъ въ томъ и происходитъ отъ того, что съ самаго начала дѣла

оазывались они не способны къ твердости. Конечно, если бы жители Ниццы держали себя героями, которыхъ можно истребить, но не отдѣлить отъ Италіи, никто и не подумалъ бы требовать, чтобы Ницца была отдѣлена отъ Италіи, никто не подумалъ бы и соглашаться на такое требованіе. Все дѣло было основано на томъ, что не предполагалось въ нихъ геройства. Они слишкомъ хорошо подтвердили такое мнѣніе о себѣ своимъ вотированьемъ. Но не осудимъ ихъ за слабость: недостатокъ непоколебимости въ подобныхъ вещахъ и не называется слабостью, потому что мужество въ нихъ еще не въ нравахъ. Нашему вѣку не меньше или даже больше, чѣмъ прежнимъ вѣкамъ, свойственна военная храбрость; но до гражданскаго мужества ему еще далеко, потому что вездѣ на сто человѣкъ найдется развѣ одинъ гражданинъ. Впрочемъ, и то уже большой прогрессъ. Прежде гражданъ было еще меньше. Не прогрессъ это или нѣтъ, все-таки не слишкомъ еще скоро мы дождемся, чтобы каждый честный и храбрый человѣкъ сталъ гражданиномъ; а до той поры обыкновенный ходъ дѣлъ повсюду будетъ таковъ же какъ въ Ниццѣ, и постоянно будетъ утрачиваться въ долгіе періоды общественной апатіи большая часть тѣхъ пріобрѣтеній, какія дѣлаются въ мимолетныя эпохи общественнаго одушевленія.

Уступка Савойи мало огорчаетъ итальянскихъ патріотовъ: страна эта населена французами, а не итальянцами; до ея потери нѣтъ дѣла національному чувству, подъ вліяніемъ котораго находятся теперь всѣ мысли итальянцевъ. Значительная часть либеральной партіи въ новомъ государствѣ Виктора-Эммануэля даже довольна тѣмъ, что отдѣлилась отъ него провинція, далеко отставшая по образованности даже отъ Пьемонта, не говоря уже о Ломбардіи и центральной Италіи, и посылавшая въ туринскій парламентъ депутатовъ клерикальнаго направленія, подававшихъ голоса противъ всякой прогрессивной мѣры. Но не таково чувство, производимое въ итальянцахъ уступкою Ниццы, города чисто итальянскаго: патріоты почти также скорбятъ о ней, какъ скорбѣли бы о возвращеніи Милана подъ австрійское господство. Вопросъ о Ниццѣ представлялъ единственную затруднительную часть дѣла при проведеніи трактата объ уступкѣ черезъ парламентъ. Дѣйствительно, вопросъ этотъ былъ поднятъ раньше всѣхъ другихъ въ парламентѣ, собравшемся 2 апрѣля. Мы приведемъ извѣстія объ этомъ изъ писемъ туринскаго корреспондента Times'а сдѣлавъ два—три замѣчанія для объясненія парламентскихъ формъ о которыхъ онъ упоминаетъ. Засѣданія новаго парламента въ королевствѣ сѣверной Италіи начинаются по прежней сардинской конституціи повѣркою выборовъ. Это дѣло занимаетъ нѣсколько засѣданій. Только по его окончаніи депутаты признаютъ себя окончательно утвердившимися въ своемъ званіи, получившими право исполнять свои конституціонныя обязанности. Тогда имъ прежде всего бываетъ надобно выбрать себѣ президента, вице-президентовъ и другихъ парламентскихъ сановниковъ. Только по выборѣ президента палата депутатовъ считаетъ себя конституировавшеюся, открывшею форіальныя засѣданія. Только съ этого времени начинается она совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ, а до той поры занимается лишь собственнымъ своимъ устройствомъ, вонституированьемъ, подъ временнымъ предсѣдательствомъ старшаго по лѣтамъ изъ своихъ сочленовъ. Теперь сѣверно-итальянскій парламентъ по важности обстоятельствъ спѣшилъ кончить эти внутреннія формальности, чтобы скорѣе приступить къ совѣщаніямъ о государственныхъ дѣлахъ. Но все-таки онѣ должны были занять нѣсколько засѣ-

даній. Гарибальди, уроженецъ Ниццы, нравственно обязанный быть ея защитникомъ въ парламентѣ, не хотѣлъ терять времени, когда каждый часъ дорогъ, и въ засѣданіи 4 апрѣля, какъ только Кавуръ явился въ палату, сказалъ, что долженъ потребовать объясненій объ участи своего роднаго города. Теперь мы предоставляемъ рассказъ корреспонденту Times'a.

„Генераль Гарибальди выбралъ мѣсто на одной изъ верхнихъ скамей крайней лѣвой стороны, — впрочемъ, политическія убѣжденія не всегда въ точности выражаютъ мѣстомъ, какое выбираетъ депутатъ въ Сардинскомъ парламентѣ. По правую сторону его сидятъ Лавренти Робанди, депутатъ Ниццы, человекъ крайнихъ политическихъ мнѣній и горячаго характера. Храбрый генераль много часовъ сидѣлъ неподвижно, выказывая рѣдкую терпѣливость и холодность среди безконечной болтовни своихъ товарищей. Въ половинѣ пятаго неожиданно вошелъ въ залу президентъ совѣта министровъ графъ Кавуръ; только что сѣлъ онъ на свое министерское мѣсто, сильный и твердый голосъ произнесъ обычную фразу: „требую слова“. Это говорилъ Гарибальди. Водворилось глубокое молчаніе. Генераль въ немногихъ словахъ попросилъ разрѣшенія сдѣлать вопросъ министру иностранныхъ дѣлъ. Графъ Кавуръ съ большою горячностью всталъ и съ видимымъ раздраженіемъ сказалъ, что совѣщаній нельзя еще начинать, потому что палата еще не открыла формальныхъ засѣданій; онъ запальчиво и даже нѣсколько грубо прибавилъ, что если бы даже вопросъ былъ предложенъ, онъ не сталъ бы оштрафовать. Гарибальди настаивалъ. Кавуръ обратился къ президенту, чтобы онъ предложилъ палатѣ вотировать „предварительный вопросъ“, то есть объявить, что Гарибальди и можетъ дѣлать никакого предложенія или вопроса до формальнаго открытія совѣщаній. Другъ Гарибальди Лавренти Робанди обратился къ палатѣ съ очень горячею рѣчью; онъ говорилъ о нетерпящихъ отсрочки обстоятельствахъ; другіе бурно требовали „предварительнаго вопроса“. Меллана, членъ крайней лѣвой стороны, сидящій по правую руку Гарибальди, доказывалъ, что нѣтъ никакихъ даже и формальныхъ основаній не допускать требованіе Гарибальди. Палата вотировала, и значительнымъ большинствомъ голосовъ былъ принятъ „предварительный вопросъ“. Такимъ образомъ была разрушена первая попытка Гарибальди защищать городъ, въ которомъ онъ родился. Кавуръ очевидно хочетъ выиграть время. Нынѣ Opinione объявляетъ, что черезъ недѣлю Ницца будетъ приглашена выразить свои желанія посредствомъ всеобщаго вотирования; если какими бы то ни было средствами она будетъ принуждена вотировать въ пользу при соединеніи къ Франціи, парламентская оппозиція Гарибальди будетъ навсегда устранена. Но Кавуру все-таки придется провести нѣсколько дурныхъ минутъ при совѣщаніяхъ и савойскому дѣлу. Гарибальди, выходя изъ залы, сказалъ съ досадою: „пусть же вамъ видать, какой у насъ парламентъ“.

Цѣль Кавура была очевидна: ему хотѣлось отсрочить совѣщанія объ уступкѣ Ниццы до той поры, когда дѣло это уже окончится фактически. Но теперь онъ выигралъ отсрочку лишь на одну недѣлю, до окончанія повѣрки выборовъ. Лишь только палата конституировалась, Гарибальди возобновилъ свой вопросъ (въ засѣданіи 12 апрѣля). Мы опять переводимъ корреспонденцію Times'a.

„Туринъ. 12 апрѣля.

„Я надѣюсь, что въ Англіи не безъ интереса будутъ прочтены слѣдующія подробности, которыя могутъ служить предисловіемъ къ нынѣшнимъ преніямъ въ палатѣ ш вопросу Гарибальди объ уступкѣ Ниццы.

„Новый губернаторъ Ниццы Любовиасъ, авторъ знаменитой прокламаціи, смутившей даже министровъ, вазначившихъ этого достойнаго савоиника, терроризируетъ жителей Ниццы, чтобы они покорились желаніямъ императора французовъ. Газета N Nizzardo, прекратившаяся по занятіи города французскими войсками, ободрилась и напечатала

еще нѣсколько нумеровъ, когда было объявлено, что привываютъ народъ свободно выразить свои чувства; Любонисъ вонфисковаль газету и угрожалъ тюремнымъ заключеніемъ ея редактору. Всѣ синдикки (мэры) получили увѣдомленіе, что каждый изъ нихъ будетъ отвѣтствовать передъ французскимъ правительствомъ за подачу голосовъ въ округѣ ему подвѣдомственномъ. Синдиккамъ приказано составить списки людей, которые будутъ говорить противъ присоединенія къ Франціи; эти списки будутъ переданы французскому правительству. Епископъ надалъ циркуляръ, въ которомъ объявляетъ, что подать голосъ въ пользу Франціи есть долгъ совѣсти. Губернаторъ разослалъ своихъ агентовъ по всѣмъ сельскимъ овругамъ, чтобы „организовать“ вотированье; эти агентамъ дано полномочіе распускать муниципальные совѣты, которые не раздѣляли бы чувствъ губернатора Ниццы, жаждущаго быть префектомъ. Здѣсь, въ Туринѣ, и во всей Италіи, уступка Ниццы печалитъ и раздражаетъ каждого. Самые упорные приверженцы графа Кавура признаются, что отъ послѣднихъ его дѣлъ популярность его упала на сто процентовъ. Даже Павія, одинъ изъ городовъ недавно освобожденныхъ отъ австрійскаго ига, говоритъ въ адресѣ, присланномъ къ Гарibaldi, что не можетъ радоваться своему освобожденію, видя участь Ниццы, и проинтъ Гарibaldi, чтобы онъ ободрялъ жителей своего роднаго города противиться до послѣдней крайности.

„Палата собралась въ началѣ втораго часа. Галлерей были переполнены зрителями, проникнутыми напряженнымъ ожиданіемъ. Новый президентъ, Ланца, прочелъ длинную рѣчь, потомъ всталъ графъ Кавуръ и положилъ на президентскій столъ два проекта законовъ: одинъ изъ нихъ относился къ договору съ Франціей, другой въ декрету о присоединеніи центрально-итальянскихъ провинцій. Вслѣдъ за нимъ всталъ Гарibaldi. Сильнымъ, яснымъ голосомъ онъ прочелъ пятую статью конституціи, говорящую, что никакая часть государства не можетъ быть уступлена или обмѣнена безъ согласія парламента, и сказалъ:

„Вотированье, требуемое теперь отъ жителей Савойи и Ниццы, не имѣетъ законности и дѣйствительности безъ утвержденія парламента. Трактатъ 24 марта, уступающій Ниццу Франціи, нарушаетъ право національности. Намъ говорятъ, что обмѣнъ двухъ маленькихъ за-альпійскихъ областей за Эмилию и Тоскану—выгодный обмѣнъ; но продавать народъ во всякомъ случаѣ жалкое дѣло. При етѣсневш, которому подвергаетъ Ниццу французская полиція, вотированье чистая насмѣшка надъ народомъ“.

„Онъ наложилъ интриги французской полиціи, подкупы и угрозы, указалъ на объявленіе изданное Любонисомъ, говорилъ о томъ, что сардинское правительство тайно покровительствовало всѣмъ французскимъ проискамъ, и предложилъ, чтобы вотированье въ Ниццѣ было отложено до того времени, когда парламентъ вполне разсмотритъ этотъ вопросъ.

„Кавуръ отвѣчалъ, что трактатъ 24 марта не изолированный фактъ, а принадлежатъ въ ряду великихъ политическихъ переворотовъ и событій, изъ которыхъ нѣкоторые совершились, другія совершаются; чтобы дать генералу удовлетворительный отвѣтъ, сказалъ онъ, надобно было бы войти въ объясненіе всей нашей политической системы, но я прошу отсрочить это до того времени, когда парламентъ будетъ разсматривать трактатъ съ Франціей: тогда я изложу передъ комитетомъ палаты положеніе дѣлъ и дамъ удовлетворительный отвѣтъ. Теперь я только скажу, что вопросъ о Савойѣ и Ниццѣ просто продолженіе той политики, которая привела насъ въ Миланъ, Волонью и Флоренцію. Если бы мы отвергли этотъ трактатъ, мы подвергли бы опасности всѣ наши славныя пріобрѣтенія. Теперь еще не время совѣщаться объ этомъ въ парламентѣ; но вотированіе Савойи и Ниццы не имѣетъ въ себѣ ничего противнаго конституціи. Это вотированіе всегда можетъ быть уничтожено парламентомъ, который вовсе не будетъ связанъ мнѣніемъ жителей этихъ областей. Утвержденіе палаты составляетъ условіе уступки, выраженное въ самомъ трактатѣ. Что же касается до интригъ, веденныхъ агентами разныхъ партій, то правительство не отвѣчаетъ за нихъ; оно озабочится, чтобы голоса подавались въ Савойѣ и въ Ниццѣ совершенно свободно. Правда, что нѣкоторые дѣйствія временныхъ начальствъ въ Ниццѣ заслуживаютъ порицанія: Любонисъ не только превысилъ власть, дававшуюся ему инструкціями, онъ совершенно отступилъ отъ нихъ. Но онъ пользовался репутаціей честнаго и безпристрастнаго че-

ловѣка и все его прежнее поведеніе оправдывало выборъ, по которому онъ былъ назначенъ правителемъ Ниццы; а за свое отступленіе отъ инструкцій онъ подвергнутъ строгому выговору.

„Кавуръ заключалъ требованіемъ, чтобы совѣщанія по вопросу о Ниццѣ были отложены. Противъ него говорилъ Лавренти Робанди, депутатъ Ниццы, и другіе члены лѣвой стороны; въ защиту графа Кавура—другіе министры и нѣкоторые изъ депутатовъ министерской партіи. Маміани, министръ народнаго просвѣщенія, знаменитый публицистъ умѣренной либеральной партіи но вренева предшествованія 1848 году, сказалъ рѣчь очень неловкую и показывавшую, что онъ уже не умѣетъ держать себя съ тактомъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Овъ неловкими образомъ сосредоточилъ защиту министерству на аргументѣ, въ которомъ дѣйствительно заключается сущность дѣла по мнѣнію Кавура и большинства итальянцевъ, но который не очень дѣстеленъ для національнаго чувства. Теперь не время, сказалъ Маміани, разсуждать о законности. Трактатъ продиктованъ необходимою; мы должны покориться. Впрочемъ, жители Ниццы имѣютъ большую симпатію къ Франціи. Французская нація могущественная амазонка, прелести которой неодолимы. Италія имѣетъ безчисленныхъ враговъ. Должна ли она поссориться съ единственнымъ своимъ союзникомъ и остаться безпомощной? Прочтите приказъ Ламорисьера. Неужели вы захотите разрушить все сдѣланное нами? Неужели мы захотимъ видѣть возстановленіе власти папы, австрійцевъ и неаполитанцевъ въ центральной Италіи, захотимъ видѣть тюрьмы, наполненные патриотами, знафоты, залитые кровью? Нѣтъ, лучше отдадимъ Ниццу на волю судьбы, которая пріятна многимъ изъ ея жителей“.

Пренія были заключены вторичною рѣчью Кавура. Повторивъ пренія свои мысли, онъ сказалъ: „Я пользовался большою популярностью и чувствую, что это дѣло губить ее“. Большинство голосовъ было принято требованіе Кавура отсрочить совѣщанія по вопросу о Ниццѣ, но впечатлѣніе было не въ пользу министерства. При выходѣ изъ залы Гарибальди былъ съ триумфомъ принятъ толпою, собравшеюся передъ дворцомъ, а популярность Кавура дѣйствительно подверглась сильному колебанію. Вотъ что писалъ туринскій корреспондентъ Times'a.

„Туринъ. 13 апрѣля.

„Вчерашнее засѣданіе палаты депутатовъ произвело на всѣхъ тяжелое, печальное впечатлѣніе, отъ котораго до сихъ поръ люди еще не оправились. Правительство слишкомъ легко одержало побѣду, но такую побѣду, которая не приноситъ ему радости. Графъ Кавуръ принужденъ насильственно тяготѣть надъ рѣшеніями парламента, надъ вотированіемъ жителей Савойи и Ниццы; но это насиліе ему самому тяжело всѣмъ. Если бы по крайней мѣрѣ онъ могъ высказаться, могъ сознаться, какъ отнята у него всякая свобода рѣшенія волею Франціи, онъ легко обратилъ бы самыхъ закоренѣлыхъ своихъ противниковъ отъ оппозиціи въ искреннему сочувствію; но онъ не можетъ высказать этого ни въ палатѣ, ни даже на страницахъ официальной газеты и изливаетъ свои чувства, укрощаетъ гнѣвъ своихъ соотечественниковъ только въ краткой статьѣ полуофициальнаго *Opinione*. Я выпишу нѣсколько строкъ изъ этой статьи.

„Пренія, возбужденныя вопросомъ Гарибальди (говоритъ *Opinione*), были продолжительнымъ гнѣвнымъ стономъ депутатовъ Ниццы, отзывавшимся въ дунѣ всѣхъ представителей націи. Не будемъ прикрывать этого дѣла нейдущими къ нему именами, назовемъ его настоящимъ именемъ: это великое, прискорбное пожертвованіе, приносимое націею для общаго блага. Этимъ объясняется огромное большинство голосовъ, поданныхъ вчера за правительство. Большинство палаты исполнило тяжкую, но неизбѣжную обязанность, и пусть не хвалится оппозиція своею ролью. Оппозиція могла безопасно высказать свои чувства, но только потому, что знала, что останется въ меньшинствѣ, и ова сама была рада, что остается въ меньшинствѣ“.

„Дѣйствительно, это такъ. Правительство скорбитъ въ своей побѣдѣ надъ оппозиціею. Оппозиція была бы уничтожена, если бы могла имѣть большинство. Маміани и

недогадливости сказал правду съ аркадскою наивностью: „Франція амазонка, ужасная амазонка, внушающая страх даже своими обольстительными улыбками.“ Пожалѣемъ о Кавурѣ, принужденномъ любезничать съ этою страшною амазонкою! Елибѣ онъ могъ предугадывать, что ве только должевъ будетъ уступить Савойю и Ниццу, но что это пожертвованіе будетъ сопровождаться нарушеніемъ всѣхъ государственныхъ законовъ, нарушеніемъ всякихъ правилъ справедливости, истины и чести, елибѣ онъ зналъ это и обдуманно довелъ себя до нынѣшняго положенія, онъ былъ бы недостойнъ называться человекомъ. Но онъ по натурѣ расположенъ къ рискованной игрѣ. Ставка была велика, выигрышъ соблазнительнъ, а онъ привыкъ надѣяться на свое счастье. Его удачи въ Ломбардіи и въ центральной Италіи оправдывали его увѣренность въ своемъ счастье, во теперъ пришло ему время расплаты.

„Елибѣ онъ могъ хотя надѣяться, что этою уступкою оградился отъ дальнѣйшихъ требованій! Никто не могъ безъ содроганія слышать слова Маміани: „Италія должна выбирать между Франціею и совершенной безпомощностью.“ Меллана, членъ лѣвой стороны, справедливо спросилъ: „гдѣ же будетъ конецъ французской сторонѣ Альпъ? При Наполеонѣ I она простиралась на всю Лигурію и даже на эту священную Піэмонтскую землю, въ которой мы теперъ еще можемъ говорить свободно.“ Маміани сдѣлалъ намекъ, что Италіи нужна французская помощь для освобожденія Венеціи, Рима и Неаполя. Но можно-ли ручаться за то, что Наполеонъ III никогда не вздумаетъ соединиться съ Австріею, папою и Вурбонами противъ Италіи?

„Оппозиція легко пріобрѣла всю нравственную честь въ преніяхъ по вопросу Гарибальди. Она говорила то, что дѣйствительно думаетъ, и сердца слушателей, сердца самихъ противниковъ были на ея сторонѣ. Мужественная неловкость Гарибальди, страстный тонъ Лавренти Робавды, трибунское краснорѣчіе Мелланы, суровая правдивость Манчини, все содѣйствовало усиленію впечатлѣнія“.

„Груди cadaго благороднаго итальянца нанесена кровавая рана результатомъ преній по вопросу Гарибальди (продолжаетъ корреспондентъ Times'a въ письмѣ 14 апрѣля). Я постоянно вижу съ людьми всѣхъ партій, и могу увѣрить васъ, что отъ cadaго слышу я одно и то же горькое замѣчаніе: „неужели таково должно было быть первое рѣшеніе *перваго* итальянскаго парламента?“ Гарибальди увѣхалъ вчера въ Ниццу; онъ не имѣлъ никакой надежды разрушить интригу, которыми агенты сардинскаго правительства отдають французамъ Ниццу, связанную по рукамъ и по ногамъ. Гарибальди говорилъ, что покинетъ не только Ниццу, но и самую Италію, уѣдетъ назадъ въ Монтевидео, въ Южную Америку. Теперъ судьба Ниццы уже рѣшена безвозвратно. Но итальянцы все еще не имѣють силы примириться съ этимъ фактомъ и неудовольствіе владычествуетъ во всѣхъ умахъ.

„Графъ Кавуръ, говорить Diritto, могъ бы по крайней мѣрѣ созвать палату въ тайный комитетъ и сказать: господа! тяжкая необходимость, но неотвратимая необходимость принуждаетъ насъ уступить Ниццу Франціи. Можете ли вы указать мнѣ средство побѣдять эту необходимость? Я готовъ послушаться всякаго разуудительнаго совѣта. Но если вы подобно мнѣ думаете, что отъ этой неизбежной жертвы зависить безопасность нашей страны, то принесемъ эту жертву молча, принесемъ ее такъ, чтобы видво было, что мы только уступаемъ насилію, которому не въ силахъ противиться; отдадимъ то, чего у насъ требуютъ, но по крайней мѣрѣ безъ постыдныхъ прикрытій парламентскими совѣщаніями и народными вотированіемъ“.

„Я такъ уважаю графа Кавура, что не хочу говорить съ его противниками, будто бы онъ „не жертва, а соучастникъ насилія“. Если онъ и участвуетъ въ немъ, то по крайней мѣрѣ не добровольно. Разсчетъ французской политики въ томъ, чтобы не только отнять заальпійскія провинціи у Піэмонты, но и компрометировать въ общественномъ мнѣніи Сардинскаго короля, его министровъ и либеральныя сардинскія учрежденія. Тутъ разсчетъ вѣрный: дѣло свободы должно пострадать оттого, что либеральный министръ принужденъ лгать, а парламентъ играть глупую роль. Притомъ же французы будутъ гордиться, видя какъ господствуетъ ихъ правительство надъ иноземными державами, а это полезно для популярности императора. Франція хочетъ имѣть Савойю и Ниццу и будемъ имѣть ихъ, потому что можетъ по своей волѣ создавать и низлагать

итальянских государей,—это льстит национальному тщеславию. Не за графа Кавура должно падать порицание за уступку Савойи и Ниццы и за множество неблагоприятных вещей, которые принуждено дѣлать сардинское правительство“.

Мы не будемъ разсуждать о томъ, хорошо или дурно сдѣлалъ Кавуръ, рѣшившись купить расширеніе государства на югъ и востокъ продажей савойяровъ, которые не имѣли никакой охоты переходить подъ власть императора французскіе; мы уже нѣсколько разъ говорили объ этомъ. Уступка Ниццы не требуетъ никакихъ разсужденій: тутъ характеръ дѣла совершенно ясенъ. Читатель знаетъ, что Кавуръ не достигъ этою продажей той цѣли, какую предполагалъ, не приобрѣлъ дружбы императора Наполеона, который по прежнему не одобряетъ даннаго противъ его воли сардинскимъ правительствомъ согласія на соединеніе центральной Италіи съ сѣверою. Когда трактатъ объ уступкѣ Савойи и Ниццы былъ уже напечатанъ, французское правительство объявило, что гарантируетъ только соединеніе Ломбардіи съ Шамонтомъ, совершившееся по волѣ Наполеона III, но не гарантируетъ присоединенія Тосканы и Романьи,—это служитъ довольно яснымъ приглашеніемъ папѣ и австрійцамъ стараться о возстановленіи прежняго порядка дѣлъ въ центральной Италіи. До самаго послѣдняго времени мы читали извѣстія въ томъ же смыслѣ.

Какая судьба ожидаетъ Швейцарію, югозападная граница которой отеривается вторженію французскихъ войскъ черезъ уступку нейтрализованныхъ савойскихъ округовъ? Говорятъ, что соберется конференція для разсмотрѣнія жалобъ швейцарцевъ и для присканія средствъ оградить ихъ безопасность. Когда будетъ опредѣлительнѣе извѣстно, что конференція дѣйствительно соберется, мы еще будемъ имѣть время посмотреть, чего можно ожидать отъ нея. Теперь еще нельзя ручаться и за то, что конференція соберется,—мы уже видѣли два или три раза въ прошедшемъ году, что предполагавшіеся конгрессы или конференціи подобнаго рода разстраивались. Но если бы конференція и дѣйствительно собралась, то, судя по нынѣшнимъ предложеніямъ о ней, нельзя ожидать, чтобы она успѣла что нибудь сдѣлать для огражденія Швейцаріи отъ опасности, представляемой новымъ сильнымъ могущественнымъ сосѣдствомъ.

Теперь положительно извѣстно, что Австрія, ободряемая нерасположеніемъ императора французскіе къ новому итальянскому королевству, готовится начать войну для возстановленія прежнихъ властей въ центральной Италіи. Удается ли ей начать войну, или она будетъ удержана отъ нея внутренними своими затрудненіями,—этого не знаютъ и австрійскіе министры; но что ихъ правительство хочетъ войны, вто дѣло явное для всѣхъ. Поводы къ войнѣ возникаютъ уже и теперь въ достаточномъ количествѣ, мы перечисляли ихъ нѣсколько разъ,—а скоро они должны явиться еще въ большемъ числѣ. Ламорисьеръ организуетъ теперь армію для папы, а дѣла въ Римѣ и въ Неаполѣ имѣютъ видъ, предвѣщающій сильныя вспышки. Мы на этотъ разъ ограничимся приведемъ газетныхъ извѣстій безъ всякихъ комментарій.

Читателю извѣстно, что въ Римѣ 19 марта былъ устроенъ папскою полиціею для недовольныхъ вечеръ, нѣсколько напоминающій Вареломеевскую ночь. Вотъ подробный разсказъ о немъ, сообщаемый корреспондентомъ Times'a.

„Римъ. 20 марта.

„Вчера Римъ былъ театромъ кровавой драмы. Я былъ зрителемъ всей этой сцены и, подвергаясь большой опасности, находился въ тавонъ положеніи, что могу сообщить вамъ подробный и вѣрный рассказъ.

„16 марта предводители патриотической партіи издали слѣдующую прокламацію:

„Римляне! Генераль Гарibaldi устроилъ подвигъ для покупки милліона ружей на оріобрѣтеніе національной независимости. Принесемъ наши жертвовавія на алтарь отечества и будемъ понинть, что теперь мы можемъ только давать доказательства самоотверженности и терпѣнія. Стремясь къ своей великой цѣли, къ созданію итальянской независимости и свободы, мы должны хранить благородное и величественное спокойствіе, которое приобрѣло намъ благодарность другихъ родныхъ нашихъ городовъ и симпатію всѣхъ образованныхъ націй. Надѣясь на справедливость нашего дѣла и на патриотическое усердіе людей, ведущихъ его къ торжеству, будемъ въ единодушій и тишинѣ ждать того приближающагося дня, который соединитъ насъ съ остальными членами итальянской семьи“.

„Правительство, раздраженное появленіемъ этой печатной прокламаціи, которая была прията на всѣхъ улицахъ, прибѣгло къ арестамъ и обыскамъ. Обыски доставили ему свѣдѣнія о томъ, что готовится большая демонстрація на тотъ день, когда придетъ навѣстіе о результатѣ подачи голосовъ въ центральной Италіи. Дѣйствительно, патриоты рѣшили произвести вчера, въ понедѣльникъ, торжественное, но спокойное шествіе по Корсо въ честь соединенія центральной Италіи съ сѣверною. Они положили начать эту процессію въ пять часовъ вечера и кончить въ семь. Они сдѣлали распоряженіе, чтобы демонстрація происходила „съ обыкновеннымъ опоккойствіемъ и совершенною умѣренностью, съ избѣжаніемъ всякихъ даже малѣйшихъ поводовъ къ беспорядку“. Утромъ студенты, бывшіе по обыкновевію въ церкви, по окончаніи обѣдни стали служить благодарственный молебенъ по поводу присоединенія центральной Италіи. Прелать, управляющій церковью, прибѣжалъ въ бшенствѣ, вскочилъ на скамьи и бѣгая по нимъ кричалъ: „прочь, прочь отсюда, осквернители храма! Вы богохульствуете въ домѣ божіекъ!“ То, что называлъ онъ богохульствомъ, было пѣніе церковнаго гимна „Тебѣ Бога хвалимъ“. Обѣжавъ по скамьямъ, прелать бросился изъ церкви, кричалъ, чтобы призвали полицію; когда студенты вышли изъ церкви и увидѣли его въ такомъ бшенствѣ на улицѣ, они освистали его.

„Настало пять часовъ вечера. Правительство, звавшее о предположенной демонстраціи, распустило слухъ, что она будетъ происходить не на Корсо, а за Porta Pia; оно хотѣло этимъ ослабить собиравшихся на Корсо патриотовъ, чтобы они были беззащитны.

„Итакъ, настало пять часовъ и Корсо, по обыкновенію, былъ уже наполненъ экипажами прогуливающихся; экипажи по обыкновенію ѣхали шагомъ въ два ряда: одинъ рядъ вверхъ, другой рядъ внизъ по улицѣ. Тротуары были наполнены гуляющими горожанами съ женами и дѣтми; число прогуливавшихся женщинъ было, по обыкновенію, гораздо больше числа мужчинъ. Не было нигдѣ видно ни одного папскаго жандарма, ни одного сбирра. Французскіе патрули стояли на обыкновенныхъ своихъ мѣстахъ, прогуливавшіеся совершенно ничего не предчувствовали. Вдругъ, въ концѣ шестаго часа, изъ всѣхъ сосѣднихъ улицъ, изъ всѣхъ переулковъ ринулись на Корсо толпы папскихъ жандармовъ, нестово гова встрѣчавшихся имъ гуляющихъ и всячески стараясь поднять драку съ ними. Но толпа чрезвычайно терпѣливо сторонилась отъ нихъ, избѣгая всякаго столкновенія.

„Близъ Piazza Colonna стояла группа извѣстныхъ жандармскихъ сыщковъ, передѣтыхъ въ статское платье. Тутъ былъ Нордони, слишкомъ хорошо извѣстный во всякомъ костюмѣ; съ нимъ были Стрнати, Джанелли, Валентини и Галанти; за ними стоялъ отрядъ карабинеровъ и безчисленная толпа сбирровъ. Нѣсколько молодыхъ людей проходили передъ группою передѣтыхъ сыщковъ. Нордони закричалъ имъ, чтобы они разошлись. Но они и безъ того шли не вмѣстѣ, а каждый порознь, потому не поняли, да и никакъ не могли исполнить этого приказанія. Нордони велѣлъ своимъ сбиррамъ

арестовать их. Жандармы схватили за воротъ десять человекъ изъ молодежи. Народъ столпился около этой сцены, поднялся крикъ, шумъ; жандармы вынули свои палаши, народъ бросился на нихъ, стѣснилъ ихъ, прижалъ къ стѣнѣ; восемь человекъ изъ арестованныхъ были освобождены, но двое уведены солдатами въ полицейскую казарму, находящуюся на Monte Citorio. Между тѣмъ пробудился ропотъ въ народѣ, образовались большія толпы. Нордони съ своею командою исчезаетъ. Французскіе патрули также уходятъ. У Monte Citorio нѣсколько французскихъ офицеровъ стараются успокоить толпу обѣщаніемъ, что папскіе жандармы будутъ отведены изъ этихъ мѣстъ. Это обѣщаніе было исполнено: папскіе жандармы исчезли; полицейскую казарму заняли французскіе солдаты, народъ апплодировалъ французамъ. Смятеніе около полицейской казармы прекращалось.

„Между тѣмъ, по сосѣдству, на Piazza Colonna появились новые отряды папскихъ жандармовъ и бросились на народъ, гоня его съ площади на Корсо. Они прокладывали себѣ путь черезъ толпу и черезъ ряды экипажей, рубя своими палашами, а за ними бѣжали переодѣтые сбирры съ кинжалами и кололи людей. Не умѣю сказать вамъ, сколько человекъ ранено, но должно быть очень много. Кровь кипитъ во мнѣ отъ мысли о томъ, что я видѣлъ. Повсюду текла кровь, на землѣ лежали раненыя женщины и дѣти. Я самъ видѣлъ, что также ранено было трое французскихъ офицеровъ. Они бросались между народомъ и жандармами, стараясь остановить рѣзню. Благодаря ихъ усиліямъ, возстановился наконецъ порядокъ. Они показывали сочувствіе народу, обѣщали требовать наказанія убійцамъ, говорили, что будутъ свидѣтельствовать о тишинѣ, съ какою держалъ себя народъ, о томъ, что рѣзня начата была полиціею безъ всякаго повода. Ночью произведены новые аресты. Многіе уважаемые люди получили приказаніе выѣхать изъ Рима. Говорятъ, что ранено отъ 50 до 60 человекъ, въ томъ числѣ женщины, дѣти и нѣсколько французскихъ офицеровъ. Фамилія двухъ молодыхъ людей, арестованныхъ на Piazza Colonna—Барбери“.

„Римъ. 23 марта.

„По донесеніямъ докторовъ, представленнымъ правительству, число лицъ, раненыхъ въ рѣзнь 19 марта, показывалось вчера въ 128 человекъ; нынѣ, какъ говорить, насчитываютъ уже 147 человекъ.

„Теперь достоверно извѣстно, что это столкновеніе было преднамѣренно вызвано папскою полиціею и что римское правительство хладнокровно придумало безчеловѣчную хитрость, чтобы поразить ужасомъ недовольное населеніе. Жандармы и сбирры все-таки имѣютъ человѣческую душу, у нихъ есть родственники или знакомые и они поутру предупреждали ихъ о томъ, что должно произойти вечеромъ.

„На Piazza Colonna стоитъ французскій караулъ. Видя множество людей, устремившихся на эту площадь изъ переулка, ведущаго отъ Monte Citorio, капитанъ Гордъ, начальствовавшій карауломъ, велѣлъ своимъ солдатамъ очистить площадь отъ народа, двинувшись на него со штыками. Отступая передъ войсками съ площади, толпа искала спасенія въ узкой улицѣ Корсо, которая была уже переполнена людьми, лошадьми и экипажами; отъ того произошло смятеніе, имѣвшее гибельныя слѣдствія: въ эту самую минуту конные и пѣшие папскіе жандармы ринулись на Корсо отъ Monte Citorio, гоня передъ собою толпу. Они рубили направо и налево съ криками: „по домамъ, каналы! по домамъ, бездѣльники!“ Бѣжавшіе съ Monte Citorio втиснулись въ ряды бѣжавшихъ съ Piazza Colonna и этотъ удвоенный потокъ испуганныхъ, безпомощныхъ людей бѣжалъ по Корсо, сбивая съ ногъ встрѣчавшихся ему ничего не знавшихъ гражданъ, прогуливавшихся по улицѣ. Множество народа искало убѣжища въ обширныхъ залахъ дворцовъ Киджи, Піомбино и Феррайоли, нѣкоторые скрывались въ кофейныхъ и табачныхъ лавочкахъ, которыя однѣ были открыты въ этотъ день (19 марта у католиковъ праздникъ св. Іосифа). На Корсо была страшная давка. Лошади бѣсились, били и топтали людей; трескъ экипажей, стукъ ломающихся колесъ смѣшивался съ визгомъ дѣтей, съ криками женщинъ, а жандармы скакали среди этой давки, кололи и рубили кого попало. Въ кофейной Giglio d'Oro было шестеро французскихъ солдатъ. „Дайте

намъ ваши сабли, или ващичайте насъ“, сказали рижяне, сидѣвшіе также въ кофейной. Солдаты стали передъ дверями и она осталась неприкосновенной. Когда разнесся крикъ по всей улицѣ среди людей, ничего не знавшихъ о причинѣ смятенія, молодежь повсюду кричала: „дайте намъ ружья!“ Въ нѣкоторыхъ кофейныхъ двери были загорожены стульями и столами. Я самъ былъ на Piazza Colonna. Толпа увлекла меня я самъ не зналъ куда. Я хотѣлъ укрыться подъ воротами палацца Феррайоли. Подлѣ меня былъ молодой человекъ, толкавшій меня впередъ съ крикомъ: „идите скорѣе, чтобы спастись мнѣ“. Мимо насъ проскакалъ конный жандармъ; я оглянулся: молодой человекъ лежалъ на землѣ съ разрубленнымъ лицомъ. Я бросился на убійцу, но этотъ негодяй повернулъ лошадь, а передо мной уже стояли два сбѣрра, переодѣтые въ статское платье, со шпагами, вынутыми изъ палокъ, въ которыхъ прлчуть они свое оружіе. Они бросились на меня, но между нами бѣшено проскакала коляска съ дамами, лишившимися чувствъ. Я вскочилъ на подножку коляски, она унесла меня отъ непріятелей и я нашелъ убѣвшіе въ той кофейной, которую охраняли шеотеро французскихъ солдатъ.

„Кромѣ главной атаки, которую сдѣлали жандармы отъ Monte Citorio на Piazza Colonna, другіе отряды жандармовъ произвели еще множество атакъ, бросаясь со всѣхъ сторонъ на Корсо. За жандармами бѣжали и бросались на народъ полицейскіе съ кинжалами. Выбѣгалъ изъ своихъ засадъ съ крикомъ: „прочь, канальи! прочь, негодяи!“ они бросались между экипажами и кололи мужчинъ и женщинъ, дѣтей и стариковъ безъ всякаго разбора. Одинъ изъ жандармовъ врывался въ кофейную Ваньоли, другой нѣсколько разъ тыкалъ своимъ палашемъ въ окно кофейной de Scacchi, третій врывался въ табачную лавочку Пиччони. По всему Корсо носился одинъ крикъ: „попадите женщинъ!“ Но взадъ и впередъ по улицѣ бѣгали полицейскіе чиновники и кричали: „надо покончить съ ними: рѣжьте всѣхъ!“ Смятеніе и рѣзня перешли съ Корсо на сосѣднія улицы и повсюду повторялись тѣ же ворованыя сцены.

„Очищенный палашами и кинжалами, Корсо оставался пустъ лишь нѣсколько минутъ. Черезъ четверть часа онъ снова наполнился людьми, которые вооружились палками и ножами; глаза ихъ горѣли мщеніемъ. Они разспрашивали другъ у друга, что такое случилось, и проклинали себя за то, что дались въ обманъ, не приготовившись къ защитѣ.

„Между тѣмъ носили раненныхъ въ госпитали и въ аптеки. Я видѣлъ нѣсколько каретъ, наполненныхъ ранеными женщинами. Я видѣлъ, какъ подняли у одной двери женщину съ разрубленной лѣвой грудью; подлѣ нея лежалъ ребенокъ съ разрубленнымъ затылкомъ; оба они были, кажется, уже мертвы. Студентъ Чераша получилъ два сабельные удара и рану кинжаломъ въ лѣвую руку. Другой студентъ, Цаккалеони, былъ убитъ, когда уже лежалъ на землѣ. Одинъ священникъ былъ раненъ саблей и сбитъ съ ногъ ударами приклада. Американскій вице-консулъ получилъ тяжелую рану въ бокъ. Кормилица съ младенцемъ, ѣхавшая въ коляскѣ, была шгѣста съ ребенкомъ убита однимъ ударомъ; дама, ѣхавшая въ другой коляскѣ, получила по ногамъ сабельный ударъ, нанесшій тяжелыя раны обѣимъ ногамъ ея. Другую даму везли по улицѣ въ обморокъ, — въ этомъ состояніи, она получила въ грудь рану отъ палаша одного жандарма. Былъ убитъ ребенокъ на рукахъ матери. Два старика сидѣли въ кофейной близъ церкви Іисуса и Марш, играя въ шашки. Вдругъ ворвался жандармъ, убѣлъ ихъ обомъ своимъ палашомъ, и продолжалъ рубить ихъ гѣла съ такимъ бѣшевымъ, что разбилъ въ куски мраморную шашечницу, на которой они играли.

„Замѣчательно было, какъ вели себя французскія войска во время всѣхъ этихъ часовъ. При самомъ началѣ, когда два молодые человека, Верберн, были схвачены жандармами у Monte Citorio, французскій капитанъ Ренаръ бросился въ толпу, убѣждая народъ быть благоразумнымъ и увѣряя его, что арестованные будутъ освобождены. Увидѣвъ проходившій сильный французскій патруль, Ренаръ обратился къ солдатамъ съ словами: „будьте осмотрительны, потому что папскіе жандармы хотятъ поднять возсташе“. Когда началось смятеніе, французскіе патрули проходившіе по Корсо или оставались бездѣйственными или скрывались, не помогая и не мѣшая жандармамъ. Черезъ нѣсколько времени французскій отрядъ явился на Monte Citorio, прогнавъ оттуда

папскихъ жандармовъ и кроткими средствами убѣдилъ разойтись народъ, явившійся отмытить жандармамъ. Нѣсколько человѣкъ прогуливавшихся французскихъ солдатъ и офицеровъ были ранены папскими жандармами. Одинъ французскій майоръ былъ раненъ въ голову сабельнымъ ударомъ; другой офицеръ, племянникъ дивизионнаго генерала, раненъ въ лѣвую руку. Весь корпусъ французскихъ офицеровъ выказываетъ сильнѣйшее негодованіе и сильно порицаетъ Гойона, который не принялъ, по словамъ офицеровъ, нужныхъ мѣръ для предупрежденія такого беззаконнаго дѣла. Камитатъ Гордъ, обратившій французскіе штыки противъ народа при началѣ возстанія, получилъ 16 вызововъ на дуэль отъ своихъ товарищей, исключенъ изъ офцерскаго клуба в отъ общаго офцерскаго стола. Офицеры написали протестъ противъ дѣйствій дивизионнаго генерала, всѣ подписались подъ нимъ и онъ передаетъ генералу командармъ 40-го полка. Гойонъ издалъ приказъ, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе „о происшедшихъ неистовствахъ“, но его выраженія двусмысленны и онъ въ сущности хвалитъ жандармовъ. Тотчасъ по совершеніи рѣши, вечеромъ 19 числа, онъ ѣздилъ въ жандармскую казарму и выразилъ свое одобреніе ихъ поступку; они получили также благодарность отъ папы и по пяти скуди на человѣка въ награду за свой подвигъ“.

„Римъ. 27 марта.

„Мало здѣсь людей, которые сомнѣвались бы въ томъ, отъ какой причины произошло кровавое дѣло 19 марта. Папское правительство думаетъ, что французскія войска могутъ въ самомъ дѣлѣ быть выведены изъ Рима, и вздумало воспользоваться ихъ присутствіемъ, чтобы навести на городъ ужасъ, который помогаль бы держать римлянъ въ страхѣ и по удаленіи французовъ. Папское правительство еще не насытилось кровью пролитою 19 марта и усиливалось устроить новую рѣзню послѣ того. Особенно старалось оно объ этомъ въ субботу 24 марта, чтобы поймать народъ въ ловушку на другой день, въ воскресенье. Въ субботу по улицамъ были прибиты печатныя афиши, говорившія: „Римляне! не берите завтра съ собою гулять женщинъ и дѣтей, потому что мы должны отмытить. Жандармы, завтра мы ждемъ васъ на Корсо“. Эти афиши спокойно висѣли на стѣнахъ, полиція не срывала ихъ; я самъ своими глазами видѣть ихъ еще въ воскресенье. А надобно замѣтить, что всю предыдущую ночь Корсо было все наполнено войсками. Въ пять часовъ утра, въ воскресенье, привезены были въ казармы на Piazza de Popolo двѣ пушки,—ясный признакъ намѣреній правительства. Транстевринцы и другіе простолюдины, думалъ, что афиши дѣйствительно прибиты комитетомъ либеральной партіи, готовились къ мщенію. Афиши эти были разсыяны и во окрестностяхъ Рима, такъ что изъ многихъ деревень пришли въ городъ вооруженные люди. Но либеральный комитетъ, понявъ цѣль, съ которой строится это дѣло и зная кто его строитъ, поспѣшилъ напечатать и раздалъ слѣдующую прокламацію:

„Римляне! Было совершенно свирѣпое и кровавое беззаконіе. Вы желаете мщенія и должны получить его. Тяжело намъ укрощать страсти народа, выываемаго къ насилію самимъ правительствомъ; но въ общественной жизни, такъ же какъ въ частной, мы должны умѣть терпѣть и ждать, обуздывать наши чувства и предаваться имъ только тогда, когда является надежда на успѣхъ. Если бы цѣлю нашей было только показать кардиналамъ, что мы не боимся ихъ головорѣзовъ, этихъ сборровъ, которыхъ они съ жестокостью, незнакомою даже австрійцамъ, вооружили кинжалами,—еслибъ только это было нашей цѣлю, то, вы знаете, дѣло было бы коротко и легко. Но ны хотимъ того, чтобы освободить Римъ отъ ихъ ига. Время это уже недалеко, но оно еще не пришло. Теперь движеніе было бы несвоевременно; оно могло бы даже увеличить затрудненія, съ которыми должны бороться благородные защитники національнаго дѣла, могло бы ввести насъ въ столкновеніе съ французами. Покажите же теперь свое благоразуміе. Люди, вызывающіе васъ теперь на битву, увидятъ въ свое время, есть-ли у васъ недостатокъ въ мужествѣ; эти люди, вызывающіе васъ къ мщенію, дѣйствуютъ по встрюкѣямъ правительства; они хотѣли бы снова пролить благородную римскую кровь, пролить ее не на благо родины, а во зло ей. Эти вызовы идутъ отъ клерикальной и австрійской партіи, отъ враговъ нашего возрожденія. Остерегайтесь ихъ“.

„Эта проклятія имѣла поразительное дѣйствіе. Вечеромъ Корсо былъ почти пустъ. Такимъ образомъ заныселъ папскаго правительства разстроился“.

Совершенно такимъ же образомъ было устроено неаполитанскою полиціею дѣло, называемое сицилійскимъ возстаніемъ. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ извѣстій о всемъ ходѣ его и даже не знаемъ достовѣрно, въ какомъ положеніи находятся инсургенты теперь, — но вотъ лучшія изъ тѣхъ извѣстій, которыя дошли до газетъ въ то время, когда мы писали эти строки. Возстаніе началось въ Палермо, — мы имѣемъ объ этой начальной части его слѣдующее письмо, напечатанное въ *Indépendance Belge*.

„Палермо. 21 апрѣля.

„Попытка востанія, произведенная 4 апрѣля въ Палермо, можетъ по послѣднимъ извѣстіямъ считаться рѣшительно неудавшеюся, хотя возстаніе распространялось по окрестностямъ Палермо и по другимъ частямъ острова и хотя неаполитанское правительство было принуждено въ послѣдніе дни посылать много подкрѣпленій въ Сицилію. Въ Мессинѣ сформирована летучая колонна для преслѣдованія инсургентовъ, удалившихся за городъ и ведущихъ партизанскую войну.

„Я провелъ въ Палермо три мѣсяца и былъ зрителемъ первыхъ двухъ дней этой неудачной попытки, потому могу войти въ нѣкоторыя подробности объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ возстанію и сопровождавшихъ его. Если бы хорошее правительство помогало развитію естественныхъ богатствъ Сициліи, она снова стала бы житницею Европы, какъ была въ древности. Трудно представить себѣ, какъ роскошна и прекрасна здѣсь растительность, какъ плодородна почва, какъ богаты рудники; но чело-вѣкъ, пріѣхавшій въ Сицилію, бываетъ пораженъ отвратительнымъ состояніемъ дорогъ, постоянными правительственными стѣсненіями, грабительствомъ чиновниковъ, притѣснительными законами, мѣшающими всякому развитію. Сициліецъ, очень умѣренный по природѣ, еще могъ бы выносить это положеніе вещей, елибъ не подвергалась постоянныя опасности его личная свобода, если бы не преслѣдовались онъ самъ и его родные и не возмущался его патриотизмъ. Сицилійцами легко было бы управлять, потому что нравы у нихъ патріархальныя, а характеръ вовсе не требователенъ. Но неаполитанское правительство умѣло стать ненавистнымъ всему народу. Оно само причиною тому; оно какъ будто бы поражено совершенною слѣпотой; оно поступаетъ съ Сициліею не какъ съ родною провинціею, а какъ съ завоеванною страной. Полиція произвольно преслѣдуетъ всякаго честнаго чело-вѣка, арестуетъ и мучитъ людей безъ всякаго повода, не допросивъ ихъ, не только не подвергнувъ суду. Причина преслѣдованій одна: подозрѣніе въ патриотизмѣ. Гоненія особенно усилились послѣ пораженія австрійцевъ въ Ломбардіи, потому что сицилійцы радовались побѣдамъ надъ ними. Трудно сказать, сколько тысячъ людей брошено за это въ тюрьмы: въ концѣ марта въ одномъ Палермо содержалось полторы тысячи политическихъ преступниковъ. Я самъ видѣлъ, какъ арестовали самыхъ скромныхъ людей безъ всякаго суда, какъ мѣсяца по три держали чело-вѣка въ тюрьмѣ просто за то, что его братъ успѣлъ бѣжать изъ Сициліи отъ полиційскаго преслѣдованія. Расскажу вамъ одинъ фактъ.

„Въ началѣ марта былъ арестованъ г. Мальйоко; въ тюрьму къ нему не допустили никого. Братъ его, адвокатъ, отправился къ Манискалько, директору полиціи, съ просьбою быть допущену къ брату передъ началомъ суда о немъ, чтобы онъ могъ приготовить къ защитѣ противъ обвиненія, оставшагося неизвѣстнымъ ему. „Кто же вамъ сказалъ, что вашъ братъ будетъ судиться?“ спросилъ у него директоръ полиціи. — „Я полагаю, что такъ слѣдуетъ по закону“. — „Полиція выше закона“, отвѣчалъ Манискалько. Этотъ чело-вѣкъ пользовался неограниченною властью.

„Въ концѣ марта жители Палермо были встревожены многочисленными арестами, обысками и тѣмъ, что люди, имѣвшіе средства, уѣжали изъ города. Вице-король сицилійскій, герцогъ Кастельчикала, уѣхалъ въ Неаполь и городъ остался въ полной власти

Манискалько и его сбировъ, набранныхъ изъ гнуснѣйшихъ разбойниковъ и контрабандистовъ. Отчаяніе заставляло думать о шансахъ революціи, но всѣ разсудительные люди доказывали явную невозможность успѣха и потому никто не ждалъ близкаго взрыва. Но въ деревняхъ было такое же недовольство какъ въ городахъ и поселяне не хотѣли слушать совѣтовъ объ отсрочкѣ возстаія; стали говорить, что будетъ возстаніе 3 апрѣля, но всѣ въ Палермо были убѣждены, что попытка будетъ неудачна. Жители города заперлись въ своихъ домахъ, впередъ закупивъ себѣ провіантъ на этотъ гибельный день.

„Полиція, зная обо всемъ, умѣла разстроить планъ заговорщиковъ: они хотѣли начать возстаніе въ деревняхъ, она произвела рѣзню въ еакомъ городѣ, начавъ стрѣлять по монастырю, въ которомъ спряталось человѣкъ 60 заговорщиковъ, дунавшихъ начать дѣло тогда, когда войска уйдутъ изъ города усмирять возстаніе въ деревняхъ. Послѣ ожесточеннаго боя, длившегоса два съ половиною часа, монастырь этотъ (Гуанчскій монастырь) былъ взятъ и всѣ инсургенты, которые не были убиты, были захвачены въ плѣнъ и отведены въ цитадель; въ числѣ ихъ было нѣсколько монаховъ. Тотчасъ же было провозглашено въ городѣ осадное положеніе и черезъ нѣсколько времени 13 человѣкъ изъ взятыхъ въ плѣнъ инсургентовъ были разстрѣляны.

„На другой день, 4 апрѣля въ полдень, поселяне начали нападать на городской гарнизонъ. Они въ разныхъ частяхъ острова продолжаютъ до сихъ поръ бороться съ войсками, но нельзя надѣяться на ихъ успѣхъ, если не получатъ они помощи изъ Италіи; а едва ли они получаютъ ее. Большая часть этихъ партизанскихъ отрядовъ держится между Палермо и Джирдженти.

„Я не буду говорить о дняхъ свирѣпостяхъ, совершавшихся солдатами. Горничная, служившая въ одномъ бельгійскомъ семействѣ, была тяжело ранена въ своей комнатѣ и на другой день умерла; другая горничная, родомъ изъ Баваріи, служившая у княгини Петрульи, была также убита въ своей комнатѣ. Солдаты постоянно стрѣляли по всѣмъ улицамъ, хотя не было на улицахъ и тѣни возстаія: они думали только о грабежѣ. Я былъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, которыя вамъ покажутся рѣшительно невѣроятными.

„Нынѣшнее возстаніе происходитъ не съ прежнихъ лозунгомъ „да здравствуетъ Сицилія!“ а съ лозунгомъ „да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ итальянское единство!“; знаменемъ инсургентовъ было трехцвѣтное шэмонтовское знамя“.

О томъ, что происходило въ Мессинѣ, мы имѣемъ свѣдѣнія гораздо полнѣйшія, — они доставлены двумя письмами, помѣщенными въ Times'ѣ.

«Мессина. 16 апрѣля.»

„Спѣшу сообщить вамъ подробности о невѣроятныхъ сценахъ, происходившихъ въ послѣдніе восемь дней, и ручаюсь вамъ за достовѣрность своихъ извѣстій. Прежде всего я долженъ засвидѣтельствовать, что жители Мессины, хотя, разумѣется, и были очень встревожены извѣстіями изъ Палермо, продолжали постоянно выказывать самое миролюбивое расположеніе, видя у себя гарнизонъ, съ которымъ не могли бороться. Всякому извѣстно, что одинъ огонь орудій цитадели и двухъ фортовъ, занимающихъ высоты, могъ бы усмирить городъ, еслибъ и не было сильнаго гарнизона. Потому всѣ усилія жителей были направлены въ одной цѣли, къ сохраненію тишины, и она казалась обезпеченною, когда полиція, несслышаннымъ образомъ дѣйствій, внесла безпорядокъ и кровопролитіе въ мирный городъ.

„По данному знаку были отперты всѣ тюрьмы, и уголовные преступники, наполнявшіе ихъ, наводнили городъ. Это несслышанное дѣло не замедлило принести плоды, и вечеромъ 8 числа патрули королевскихъ войскъ были освистаны, офицеры оскорблены и, говорятъ, двое изъ солдатъ убиты разбойниками, выпущенными на нашъ несчастный городъ по распоряженію полиціи. У солдатъ не доставало терпѣнія переносить эти обиды, войска начали стрѣлять по безоружной толпѣ, не хотѣвшей принимать битвы. Правда, солдаты направляли свои выстрѣлы такъ, чтобы пули не дѣлали вреда, но полицейскіе служители поступали иначе, и отъ ихъ выстрѣловъ упало человѣкъ восемь или десять.

„Полиція одержала первый свой успѣхъ: тотчасъ же городъ былъ объявленъ находящимся на всеобщее положеніе, учредились военно-судныя комиссіи и распространили такой ужасъ, что около третьей части жителей бѣжали изъ города въ поле, раская умереть тамъ съ голода. Въ довершеніе бѣдствій, гражданскій губернаторъ Мессины, маркизъ Артале, человекъ честнаго характера, былъ неожиданно отозванъ въ Неаполь и Мессина осталась беззащитною во власти военной диктатуры, руководимой полиціею. Такое положеніе дѣлъ и поступки солдатъ увеличивали опасеніе жителей, и видъ города становился все мрачнѣе и мрачнѣе.

„Такъ длилось до 10 числа. Вечеромъ въ этотъ день горожане узнали, что англійскій и французскій консулы, опасаясь за своихъ соотечественниковъ, отправились къ генералу Руссо, командующему войсками, и получили отъ него обѣщаніе, что ни цитадель, ни форты не будутъ стрѣлять по Мессинѣ и что солдаты не будутъ врывать въ дома. Такое извѣстіе совершенно успокоило жителей, занимавшихся обыкновенными своими работами и промыслами, какъ вдругъ въ девять часовъ вечера страшный ружейный огонь, сопровождаемый пушечными выстрѣлами, ужаснулъ городъ. Огонь этотъ продолжался до двухъ часовъ утра. Нули влетали во многіе дома черезъ окна; люди, лежавшіе въ постели, были убиваемы картечью; другіе были застрѣлены, когда возвращались домой.

„Такимъ образомъ дѣлую ночь подвергали всѣмъ ужасамъ битвы жителей совершенно мирнаго города. Было объявлено, что войска стрѣляютъ по инсургентамъ; но эти инсургенты существовали, кажется, только въ воображеніи полицейскаго начальства: по крайней мѣрѣ не было ни одного изъ нихъ убитаго, раненнаго или взятаго въ плѣнъ. Эта страшная битва, эти ужасные пушечные залпы, этотъ ружейный огонь,—всѣ эти ужасы, происходившіе дѣлныхъ пять часовъ въ городѣ, были просто полицейскимъ фокусомъ; дѣло невѣроятное, но оно было именно такъ. За чѣмъ же все это дѣлалось? За тѣмъ ли только, чтобы написать торжествующее донесеніе, или для устрашенія?

„Скоро жители узнали, что утромъ 11 числа генералъ Руссо выаялъ назадъ обѣщаніе, которое накануне далъ французскому и англійскому консуламъ. Такое извѣстіе довершило ужасъ и всѣ спѣшили покинуть городъ; онъ почти опустѣлъ. Иностранцы пошли искать себѣ защиты на гавани подъ пушками англійскаго корвета. Всѣ консулы, находящіеся въ Мессинѣ, отправились къ генералу Руссо. Онъ возобновилъ передъ ними свои прежнія обѣщанія, но это не помѣшало въ ночь съ 11 на 12 возобновиться сценамъ предыдущей ночи. Слѣдующія ночи были спокойны: полиція рѣшилась, по видимому, оставить въ покоѣ гражданъ, не хотящихъ возмущаться.

„За городъ послано нѣсколько летучихъ колоннъ противъ виновныхъ инсургентовъ и безпрестанно приходитъ новыя войска на подкрѣпленіе гарнизона. Полиція торжествуетъ“.

„Мессина. 16 апрѣля.

„Не знаю, какъ и когда дойдетъ къ вамъ это письмо; но если нѣтъ у васъ болѣе свѣжихъ извѣстій, вотъ вамъ подробности о Мессинскихъ происшествіяхъ. Жалѣю, что не могу также сообщить вамъ свѣдѣній о событіяхъ въ Палермо, потому что съ 6 апрѣля прерваны всякія сообщенія между нами и столицею острова. 5 числа мы знали только, что началось въ Палермо возстаніе, что королевскія войска штурмовали монастырь Гуапчу, что послѣ упорнаго боя инсургенты ушли изъ городе, что въ поляхъ борьба между солдатами и инсургентами продолжается, что инсургенты одерживаютъ въ стычкахъ верхъ и взяли до 200 солдатъ въ плѣнъ.

„Вы можете понять, какое глубокое впечатлѣніе было произведено этими извѣстіями, съ какими нетерпѣніемъ ждали новыхъ извѣстій. Думали было начать возстаніе у насъ, чтобы помочь столицѣ, но легко было предвидѣть, чѣмъ кончится наше возстаніе: у насъ не было ни оружія, ни предводителей, ни плана; за нами вѣблюдаль многочисленный гарнизонъ и пушки цитадели могли не выпускать насъ на улицу изъ домовъ, могли обратять въ пепель весь городъ; потому надобно было ждать. Самые пламенные патриоты проповѣдывали спокойствіе и порядокъ.

„Но не того хотѣла полиція, выпустившая воровъ изъ тюремъ, чтобы поднять возстаніе, которое послужило бы предлогомъ для рѣзни. Когда выпустили воровъ, безпорядокъ сталъ неизбѣженъ: негодяи, жаждавшіе крови и грабежа, начали напа-

дать на мирныхъ гражданъ, а полиція пользовалась этимъ. Городское начальство въ сопровожденій почетнѣйшихъ гражданъ явилось къ Руссо, коменданту крѣпости, просѣ арестовать разбойниковъ, которые съ ножами въ рукахъ безнаказанно нападали на людей по улицамъ и грабили ихъ. Но комендантъ сказалъ явившейся къ нему депутаціи, чтобы она обратилась къ полиціи, прибавивъ: „не воровъ надобно арестовать, а либераловъ“. У коменданта, очевидно, была своя цѣль.

„А между тѣмъ еще въ страстную субботу либеральный комитетъ отправилъ изъ Мессины въ Катану нѣсколько человѣкъ волонтеровъ, имѣвшихъ оружіе. Это служатъ ясныя доказательства, что никто не хотѣлъ поднимать возстаніе въ Мессинѣ.

„Въ день Пасхи пришла изъ Неаполя депеша, увѣдомлявшая полицію и военное начальство, что инсургенты въ Палермо разбиты и разсѣяны. Вечеромъ въ этотъ день полиція и вооруженные преступники, выпущенные изъ тюрьмъ, стали по общему плану вызывать жителей на битву. Честные граждане не жалѣли денегъ, ни убѣжденій, чтобы избѣжать столкновенія. Наконецъ во время спектакля положеніе приняло грозный видъ: у театра собралась огромная толпа, хотѣвшая положить вонецъ оскорбленіямъ отъ полицейскихъ и выпущенныхъ преступниковъ. Офицеръ, командовавшій сильнымъ патрулемъ на театральной площади, велѣлъ толпѣ разойтись, грозя стрѣлять по ней въ случаѣ сопротивленія. Нѣкоторые изъ бывшихъ въ толпѣ вынули оружіе, послышалось нѣсколько криковъ, солдаты приложились и стали стрѣлять. Толпа обратилась въ бѣгство. Тогда сбирры и освобожденные разбойники начали рѣзать народъ.

„Городъ тотчасъ же наполнился войсками. Жители, возвращавшіеся домой, искали спасенія въ первой двери, куда можно было бѣжать. Патрули стрѣляли по улицамъ до восьми часовъ вечера, хотя никто не оказывалъ сопротивленія.

„Вотъ исторія перваго дня Пасхи; теперь вы видите, какимъ именемъ надобно называть мнимое Мессинское возстаніе.

„На другой день прокламація коменданта Руссо объявила городъ находящіяся въ осадномъ положеніи. Другою прокламаціею онъ привязывалъ войскамъ обезоружить жителей города и предмѣстій. Третья прокламація отъ 10 числа приглашала бѣжавшихъ жителей возвратиться въ городъ къ прежнимъ занятіямъ. Но положеніе было опасно. Мессина была пустынею, въ которой находились только солдаты и пушки. Производились обыски и аресты. Въ девять часовъ вечера возобновилась стрѣльба по улицамъ, форты также стрѣляли.

„Эта тревога продолжалась всю ночь. Солдаты говорятъ, что на нихъ нападали инсургенты; но куда же дѣлись эти инсургенты? Не нашлось ни одного раненого изъ нихъ, ни одинъ не былъ взятъ въ плѣнъ. Впрочемъ, это не помѣшало коменданту обнародовать утромъ 11 числа новый приказъ, говорившій, что ночью королевскія войска подвергались нападенію и что при налѣженъ возобновленія такого случая Мессина будетъ бомбардирована.

„При этой угрозѣ, напоминавшей страшныя событія 1848 года, ужасъ жителей достигъ крайняго предѣла. Всѣ жители эмигрировали; каждый искалъ спасенія въ портъ или на иностранныхъ корабляхъ, бывшихъ въ гавани.

„Русскій и австрійскій консулы переѣхали изъ города на фрегаты. Другіе собрались у французскаго консула г. Булара и подписали торжественную протестацію противъ образа дѣйствій генерала Руссо и его войскъ; они возлагали на генерала отвѣтственность за безчисленные произвольные и незаконные поступки противъ ихъ соотечественниковъ и мирныхъ горожанъ, приведенныхъ въ ужасъ и отчаяніе. Эта протестація имѣла результатомъ обнародованіе слѣдующей прокламаціи:

„Квартира военного коменданта крѣпости Мессины и Мессинскаго округа. Объявленіе. Мы, генераль-маіоръ Паскуале Руссо, военный комендантъ Мессинской крѣпости и ея округа, будучи увѣрены въ благонамѣренности жителей Мессины, объявляемъ, что крайнія мѣры строгости будутъ приняты только противъ злодѣевъ, бродящихъ по окрестнымъ полямъ и дошедшихъ въ своей дерзости до нападенія на вѣрныя волевоки войска. Потому мы приглашаемъ жителей успокоиться и возвратиться къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ, потому что они не должны имѣть никакихъ опасеній. Мессина, 11 апрѣля 1860, четыре часа вечера. Генераль-маіоръ, комендантъ Паскуале Руссо“.

„12 апрѣля и всѣ три слѣдующіе дня прошли удовлетворительно. Не было сдѣлано ни одного выстрѣла и жители начинаютъ успокоиваться“.

Вотъ переводъ протеста, представленнаго мессинскому коменданту консулами:

„Мессина, 12 апрѣля 1860. Генераль, въ нынѣшнюю ночь въ городѣ Мессинѣ повторились большія насилія въ противность надежданъ, возбужденнымъ въ насъ вашими увѣреніями, что миръ и спокойствіе восстанавлиются и что могутъ воротиться въ городъ бѣжавшіе изъ него, составляющіе почти все его населеніе. Люди, державшіе себя спокойно, и въ томъ числѣ одинъ старикъ, пали жертвами нападений, къ которымъ не подавали никакого повода. Иностранные подданные, англичане и люди другихъ націй, подвергались величайшимъ оскорбленіямъ и самая жизнь ихъ была въ опасности. Все населеніе Мессины ведетъ себя мврио и до сихъ поръ не совершило ничего похожаго на возстаніе; потому оно въ правѣ требовать, чтобы сохранилось уваженіе къ его спокойствію, къ женщинамъ, къ дѣтямъ и къ собственности. А между тѣмъ господствуетъ величайшій ужасъ и, чтобы успокоить нашихъ соотечественниковъ, мы должны точнымъ образомъ объявить, какія увѣренія были намъ даны вами. Вы обѣщали намъ вашимъ честнымъ словомъ, которому мы вѣрили и не хотимъ не вѣрить, что цитадель и форты не будутъ стрѣлять по городу, что ни въ какомъ случаѣ солдаты не будутъ врыватья въ дома, что городъ не будетъ больше тревожимъ пушечными и ружейными выстрѣлами по домамъ, уже нѣсколько дней не дающими ни одной спокойной минуты жителямъ города. Вы обѣщали также, что если будутъ происходить нападенія на заставы (нападенія внутри города невозможны), то не будутъ отвѣчать на нихъ ружейными и пушечными выстрѣлами, а будутъ отражать нападающихъ другими средствами, найти которыхъ легко вамъ по многочисленности вашихъ войскъ. Таковы были, генераль, обѣщанія, данныя вами намъ, и вы намъ позволите вамъ ихъ напомнить теперь, чтобы они получили характеръ достовѣрности. Они даютъ намъ возможность содѣйствовать вашимъ намѣреніямъ успокоить нашихъ соотечественниковъ и все городское населеніе. Просимъ васъ увѣдомить насъ о полученіи вами этого документа“.

Послѣднія четыре недѣли вообще были богаты случаями подобнаго рода; вотъ подробнѣйшій изъ прочитанныхъ нами рассказовъ о Пештскомъ дѣлѣ 15 марта; онъ напечатанъ въ Times'ѣ.

„Пештъ. 15 марта, 10 часовъ вечера.“

„Пишу среди сильнаго волненія, чтобы рассказать вамъ, что сейчасъ здѣсь случилось. Была сдѣлана демонстрація и пролилась кровь. Венгерская революція 1848 года началась 15 марта, и университетская молодежь рѣшилась воспользоваться годовщиною, чтобы сдѣлать національную демонстрацію. Они дѣйствовали въ этомъ случаѣ совершенно по собственнымъ мыслямъ, безъ одобренія предводителей національнаго движенія и даже не посоветовавшись съ ними. Но они хотѣли, чтобы демонстрація имѣла совершенно мирный характеръ: они хотѣли только отслужить въ католическихъ церквяхъ нѣсколько панихидъ въ память патріотовъ, вазненныхъ въ Арадѣ и Пештѣ и убитыхъ на войнѣ. Полиція встревожилась, зная, что одна искра можетъ воспламенить всю страну. Потому со вчерашняго дня были сдѣланы страшныя приготовления. Нынѣ въ восемь часовъ утра собрались группы студентовъ, состоящія не изъ однихъ мадяровъ, но также валаховъ, вѣнцевъ и словаковъ, и пошли по разнымъ католическимъ церквамъ отслужить панихиду. Но полиція не пустила ихъ ни въ одну изъ церквей, къ которымъ они подходили. Въ десять часовъ утра собралось ихъ человекъ до 200, они стали совѣщаться, что имъ дѣлать, и рѣшили всѣ вмѣстѣ отправиться въ сосѣдную церковь; по дорогѣ присоединилось къ нимъ много горожанъ. Надобно прибавить, что по торжественности этого дѣла, большая часть студентовъ были въ траурѣ. У ближайшей церкви, къ которой отправились они, нашли они сильный отрядъ полиціи, встрѣтившій ихъ криками: „убирайтесь, гнѣтъ вамъ здѣсь мѣста!“ Тогда одинъ изъ студентовъ, руководившихъ товарищами сказалъ: „Друзья, пойдемъ отсюда, не начиная спора съ этими людьми“. Молодые люди и горожане мирно пошли въ другую церковь, но и

такъ ихъ ве пустили, потому еще въ двѣ церкви, куда ихъ также не пустила полиція, наконецъ въ кафедральную церковь, но и туда не были впущены. „Друзья, сказалъ одинъ изъ предводителей, пойдемъ на кладбище: по крайней мѣрѣ хотя тамъ намъ не повѣшаютъ молиться за умершихъ“. Они пошли на Францово кладбище, и по дорогѣ ихъ процессія съ каждою минутою возрастала отъ присоединенія къ ней горожанъ; но вся она соблюдала совершеннѣйшій порядокъ и студенты постоянно говорили народу, чтобы онъ не прибѣгалъ къ силѣ, что бы ни случилось. Войска гарнизона были между тѣмъ выведены изъ казармъ и занимали разные посты. Дошедши до кладбища, процессія съ удивленіемъ увидѣла, что оно занято сильными отрядами полиціи и войскъ. Одинъ изъ офицеровъ закричалъ: „уходите прочь сейчасъ же, или мы станемъ стрѣлять въ васъ“. — „Нѣтъ, сказалъ одинъ изъ студентовъ, вы не будете стрѣлять, потому что дурно было бы нападать на людей совершенно мирныхъ“. Единственнымъ отвѣтомъ на то было арестованіе нѣсколькихъ студентовъ. Другіе студенты бросились было выручать товарищей, но арестованные кричали: „не связывайтесь съ полиціей; оставьте насъ, идите на другое кладбище“. Процессія рѣшила идти на Керепашское кладбище и отправилась туда въ совершенномъ порядкѣ. Пришедши въ Керепашское кладбище, студенты и горожане увидѣли передъ собою сильныя отряды войскъ, которые, не говоря ни слова, бросились на массу въ штыки. Нѣсколько студентовъ было ранено и еще нѣсколько человекъ арестовано. Тогда раздраженные студенты бросились на одинъ изъ отрядовъ, онъ далъ по нимъ залпъ. Случайно или преднамѣренно солдаты выстрѣлили выше головъ, такъ что пули пролетѣли надъ народомъ. Но все-таки и тутъ былъ раненъ одинъ изъ бывшихъ въ толпѣ. Люди составлявшіе процессію двинулись назадъ и, какъ говорятъ, жандармы сдѣлали еще залпъ вслѣдъ имъ. Всѣ жители Пешта, услышавъ объ этомъ дѣлѣ, выразили сильное негодованіе на австрійское начальство, но къ счастью удержались отъ насильственныхъ дѣйствій. Впрочемъ, вечеромъ собралась большая толпа у ваціовальваго театра и, когда проѣзжали мимо нея въ театръ австрійскіе чиновники съ семействами, горожане кричали: „вы думаете о вабавахъ въ такой день, когда пролита кровь патриотовъ... Стыдитесь! воротитесь назадъ.“ Австрійцы вернулись. Но черезъ нѣсколько времени пришли къ театру двѣ роты жандармовъ и съ большими грубостями разогнали толпу. Всѣ находятъ что австрійское начальство поступило очень дурно, велѣвъ стрѣлять по безоружнымъ людямъ и колоть ихъ штыками. Оно очевидно желало раздражить народъ, чтобы довести его до возстаія и получить предлогъ къ подавленію его военными средствами. Вѣнское правительство думаетъ, что валивъ кровью возстаіе въ Пештѣ значило бы задуть національное чувство по всей Венгріи“.

Читатель знаетъ, что послѣ этого было введено въ Венгріи уже чисто и открыто военное управленіе вмѣсто прежняго, имѣвшаго хотя по наружности мирныя гражданскія формы. Безграничная власть надъ Венгріею поручена генералу Бенедеку. — Въ самой Вѣнѣ страшно разыгрывается дѣло о покражахъ по коммиссаріатскому и провіантскому вѣдомству въ послѣднюю войну. Мы не упоминали о самоубійствѣ Эйнаттена, потому что для насъ прискорбны подобныя факты, раскрывающіе слабыя стороны правительства, пользующагося глубокимъ нашимъ уваженіемъ за свою послѣдовательность, за опредѣлительность и твердость своей системы. Но мы противъ воли должны упомянуть о самоубійствѣ барона Брука, министра финансовъ, столь славившагося своею мудростью: читатель не простилъ бы намъ совершеннаго молчанія о происшествіи, надѣлавшемъ такого шума. Мы еще не находимъ въ газетахъ подробныхъ извѣстій о прискорбной кончинѣ человека, оказавшаго столь важныя услуги австрійской политикѣ своими талантами, — мы знаемъ только, что онъ оказался прикосновеннымъ къ дѣлу о коммиссаріатскихъ злоупотребленіяхъ, получивъ отставку и не перенесъ стыда. Но вотъ письмо, помѣщенное въ Times'ѣ и нѣсколько поясняющее характеръ дѣла, раскрытие которыхъ было причиною столь грустнаго событія.

„Триэстъ. 29 марта.

„Главнымъ предметомъ разговора служитъ гигантское воровство, открытое въ комиссаріатскомъ управленіи. Оно безъ сомнѣнія сильно содѣйствовало внезапному окончанію итальянскаго похода. Теперь, не смотря на старанія чрезвычайно сильныхъ людей замѣть дѣло, обнаруживаются позорнѣйшіе факты, въ которыхъ замѣшано множество лицъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ занимаютъ такія высокія положенія, что опасно и упомянуть о нихъ. Австрійскія газеты очень скудны извѣстіями объ этихъ дѣлахъ и вѣроятно вовсе не заговорили бы объ нихъ, елибѣ не самоубійство генерала Эйнатена,—пронсшествіе, котораго нельзя было скрыть. Недочетъ простирается до изумительной цифры 17,000,000 гульденовъ (болѣе 10 милліоновъ рублей серебромъ). Но вотъ самая поразительная и малозвѣстная часть этой исторіи. Изъ источниковъ, заслуживающихъ полной вѣры, я слышалъ, что на знаменитомъ свиданіи двухъ воевавшихъ императоровъ,—на этомъ свиданіи, результатомъ котораго былъ Виллафранкскій миръ, императоръ Наполеонъ сказалъ Францу Іосифу: „ваше величество не ошибетесь, если выслушаете дружескіе и благонамѣренные совѣты. Вы окружены предателями. Ваше величество думаете, что у васъ въ крѣпости Мантуѣ запасено провіанта на шесть мѣсяцевъ; я скажу вамъ,—тутъ императоръ Наполеонъ выразительно поднялъ палецъ,— я скажу вамъ, что въ Мантуѣ нѣтъ провіанта и на шесть дней. Удостоверьтесь въ истинѣ моихъ словъ и поступите сообразно съ ними“. По изслѣдованіи дѣла слова императора французовъ оказались справедливыми.

„Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о наглomъ безстыдствѣ воровства и томъ, сколько лицъ участвовали въ немъ, расскажу вамъ одинъ случай изъ множества подобныхъ. Быки, которыхъ вгоняли въ Мантую одними воротами, выходили изъ города черезъ противоположныя ворота и, сдѣлавъ полукругъ около стѣнъ, опять входили въ первыя ворота, такъ что каждый быкъ проходилъ и считался пять разъ. Но, послушайте, дальше будетъ еще лучше. Одинъ изъ Триэстскихъ вупцовъ заключилъ съ австрійскимъ правительствомъ контрактъ, по которому покупалъ шкуры быковъ, убитыхъ для продовольствія войскъ. Будучи въ живыхъ, каждый быкъ исполнялъ дѣло за пятьтерыхъ быковъ, но убить его можно было только одинъ разъ и больше одной шкуры содрать съ него было нельзя. Купеческая фирма, не получивъ условленнаго числа шкуръ, потребовала отъ правительства неустойки, которая контрактомъ полагалась по гульдену за каждую недоданную шкуру; неустойка была выдана и купецъ получилъ 30,000 гульденовъ за невыдачу шкуръ съ быковъ, которые не существовали на свѣгѣ. Солферинская и Маджентская битвы могли бы кончиться не тѣмъ, если бы голодъ не ослабилъ мужество австрійскихъ солдатъ; но довольно объ этомъ.

„Очень распространенъ слухъ, которому нынѣ вѣрять. Я не причислю себя къ вѣрящимъ, но рассказъ любопытенъ и быть можетъ лучше не слишкомъ точно наслѣдовать его справедливость. Говорятъ, что императоръ Францъ Іосифъ, встревоженный своимъ, который видѣлъ три ночи сряду, обратился къ совѣтамъ своей матери, эрцгерцогини Софій; она призвала гадалщицу, таинственной способности которой сама вѣрять. Старуха спросила, чтѣ императоръ видѣлъ во снѣ. Императоръ сказалъ, что видѣлъ во егѣ трехъ мышей: одна была совершенно слѣпая, другая такал жирная и надутая, что едва могла ходить, а третья слабая, жалкая, почти умирающая съ голоду. Старуха сконфузилась и стала говорить, что не умѣетъ разгадать сонъ; но ее успокоили, увѣрили, что опасаться ей нечего, а напротивъ, она будетъ награждена, чтѣ бы ни сказала; тогда, ободравшись, она дала такое истолкованіе: „слѣпая мышь—ваше величество; жирная мышь—ваши министры; а исхудавшая, умирающая, измученная мышь—валъ народъ“. Справедливъ или несправедливъ этотъ рассказъ, но онъ подходитъ къ нынѣшнему положенію Австріи; а самая дурная вещь то, что слѣпая мышь до сихъ поръ остается слѣпой. Если дѣла пойдутъ по прежнему, то не трудно будетъ исполниться предреченію эрцгерцога Фердинанда Максимилиана, который въ іюль прошлаго года говорилъ Францу Іосифу: „если ваше величество будете продолжать идти этимъ путемъ, вы погубите и себя и государство“.

ПОЛИТИКА.

МАЙ. 1860.

Сицилійскія дѣла.—Конституція, полученная Австріею.—Либерализмъ французскаго сената.—
Парламентская реформа въ Англіи.

„16 мая 1860 года.

Одинъ изъ унѣйшихъ людей своего вѣва, Гоббзъ, удивлялъ людей тѣмъ, что съ пренебреженіемъ откладывалъ въ сторону книги по ихъ мнѣнію очень интересныя; наконецъ онъ удостоилъ отвѣта пріятелей, порицавшихъ его за отсутствие любознательности, странное въ такомъ глубокомысленномъ и великомъ ученомъ: „если бы я читалъ такъ много книгъ, какъ другіе, я сталъ бы такъ же глухъ, какъ другіе“. До того, до чего дошелъ онъ по принципу, безъ намѣренія доходишь просто по досадѣ: противно читать бѣольшую часть книгъ, потому что на каждой страницѣ въ нихъ встрѣчаешь неизвѣстно съ чего взятая мнѣшія, которыми авторъ угощаетъ васъ будто аксіомами, на которыхъ основывается всѣ своя соображенія, прикрашиваеиъ подъ цвѣтъ которыхъ иважаетъ всѣ факты. Вотъ, наиримѣръ, хотя бы мнѣніе о нынѣшнемъ итальянскомъ народѣ. Попробуйте взглянуть въ какую угодно книгу или статью объ итальянцахъ, писанную до очень недавняго времени: повсюду вы найдете одно и то же: „итальянцы, за исключеніеиъ однихъ сардинцевъ, народъ отжившій или по крайней мѣрѣ надолго утратившій способность дѣйствовать энергически или настойчиво; они облѣнились, изнѣжились, испортились; какое сравненіе съ англичанами или хотя бы французами, нѣмцами. Французъ, нѣмецъ, англичанинъ мужчина въ полномъ смыслѣ слова; итальянецъ—существо женоподобное, быть можетъ доступное горячимъ минутнымъ порывамъ, но лишенное всякой инициативы, всякой способности къ настойчивому труду, всякаго довѣрія къ своимъ силамъ; онъ годенъ быть только опернымъ пѣвцомъ, кардиналомъ или лацарони, онъ не въ силахъ быть гражданиномъ“. Каждый, разсуждавшій объ итальянцахъ, толковалъ на основаніи этой мнимой аксіомы, и человекъ, требующему доказательствъ на предлагаемыя ему мысли, несносно было читать пошлыя разсужденія, основанныя на этомъ мнѣніи, которое само неизвѣстно на чемъ было основано. Теперь вѣроятно ни одинъ изъ писавшихъ или говорившихъ подобныя вещи не можетъ безъ стыда вспомнить, какую чепуху писалъ или говорилъ онъ. Итальянцы изумляютъ своею гражданскою дѣятельностью всю либеральную Европу, печалить всѣхъ консерваторевъ. Обстоятельства сложились такъ, что самымъ яркимъ образомъ выставилась въ итальянскомъ характерѣ именно та самая черта, которую въ немъ отрицали, вы-

казалась съ такою силою и настойчивостью, каковой могли бы позавидовать и англичане, не говоря уже о французахъ и нѣмцахъ, и выказалась именно какъ черта всего народа, цѣлой массы населенія, а не какихъ нибудь немногихъ руководителей. Нѣтъ, руководителей не было у итальянцевъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыми удивляли они Европу, — напротивъ, люди поставленные такъ, чтобы служить имъ руководителями, дѣлали все для подавленія національной энергіи. Вспомнимъ центральную Италію и Кавура. Ободрялъ ли Кавуръ тосканцевъ и романьоловъ стать подъ національное трехцвѣтное знамя? Нѣтъ, онъ говорилъ имъ въ апрѣлѣ, въ маѣ, въ юнѣ прошлаго года: „будьте смирны, не компрометируйте насъ; вы можете повредить нашему общему дѣлу своимъ возстаніемъ, которое прогнѣвить нашего союзника; а помощи мы вамъ дать нивакой не можемъ, наизъ это не позволено“. Лишенные всякой помощи, всякой надежды на помощь, тосканцы и романьолы все-таки сдѣлали то, чего хотѣли. Вотъ они могутъ располагать собой и просятъ уже не помощи, а только того, чтобы Сардинія взяла на себя распоряженіе ихъ войскомъ, ихъ деньгами, ихъ усердіемъ въ національному дѣлу. Кавуръ не согласенъ и на это; ему говорятъ; „вы не хотѣли помочь намъ, теперь мы готовы помогать вамъ“; онъ отвѣчаетъ: „мы не можемъ принять вашей помощи; она вопрометрируетъ насъ; она прогнѣвить нашего союзника. Лучше мы останемся сами по себѣ, а вы оставайтесь сами по себѣ. Прежде я не могъ помочь вамъ, но теперь дамъ вамъ полезный совѣтъ: нашъ союзникъ желалъ бы составить изъ васъ королевство для принца Наполеона; онъ посылается къ вамъ во Флоренцію, чтобы познакомиться съ нимъ, полюбили его, попросили его быть вашимъ королемъ: вы такъ и сдѣлайте; иначе вы погибнете, можетъ быть погубите и насъ“. Опять-таки народъ центральной Италіи сдѣлалъ по своему: сказалъ, что хочетъ присоединиться къ Сардиніи, а другаго ничего не хочетъ. Сколько времени отталкивала отъ себя Сардинія центральную Италію, сколько разъ объявляла, что не можетъ согласиться на ея присоединеніе, — все напрасно, народъ центральной Италіи настоялъ таки на своемъ. Мы не порицаемъ Кавура: если мы указываемъ именно на него, а не на какихъ нибудь Ламармору и Дабормиду, это потому, что онъ все-таки гораздо рѣшительнѣе и тверже ихъ. И не въ тому мы припоминаемъ событія, относящіяся къ центральной Италіи, чтобы хвалить поступки ея населенія: напротивъ, мы очень хорошо знаемъ, какъ намъ слѣдуетъ судить о нихъ, — мы знаемъ, что должны судить слѣдующимъ образомъ: вѣрность составляетъ первую обязанность подданнаго; тосканцы не соблюли ее; ихъ возстаніе должно считаться нами за дѣло непростительное. Нѣсколько извинительнѣе отложеніе Романьи отъ папы, потому что папское правительство уже слишкомъ дурно. Но если о романьолахъ можно судить снисходительнѣе, нежели о тосканцахъ, то все-таки оправдывать ихъ никакъ нельзя намъ: измѣна все-таки измѣна, бунтъ все-таки бунтъ, то есть великое преступленіе и тяжкій грѣхъ. Подданные папы должны были съ терпѣніемъ ждать, пока законное ихъ правительство увидитъ надобность облегчить ихъ судьбу и найдетъ способы сдѣлать это безъ нарушенія своей системы, основанной на принципахъ самыхъ благотворныхъ, хотя въ сожалѣніи мнѣющихся нѣкоторыя тяжелыя стороны, какъ, наприимѣръ, враждебность къ просвѣщенію, къ правосудію и ко всякой законности. Надобно было переносить неудобства этой системы съ надеждою, что когда нибудь она смягчится волею самого папы. Мы знаемъ, что нельзя намъ сказать, будто бы поступки жителей

центральной Италиі были хороши; напротивъ, они были очень дурны,—такъ мы должны сказать. Мы только хотѣли замѣтить, что народъ центральной Италиі высказалъ тутъ всѣ качества, которыя отрицались въ немъ: смѣлую и настойчивую инициативу, непреклонную энергію, гражданское мужество; пусть мы обязаны сказать, что эти качества выказались въ дурномъ направленіи: мы обращаемъ вниманіе не на то, въ какомъ направленіи, а только на то, въ какомъ размѣрѣ они выказались. Будучи, какъ читатель знаетъ, порицателями итальянскаго движенія, мы не должны однако же скрывать отъ себя практическихъ способностей въ людяхъ, поступки которыхъ порицаемъ. Точно то же самое теперь мы видимъ въ сицилійскомъ возстаніи. Не боюсь прослыть реакціонерами, мы прямо должны сказать, что громко порицаемъ его, и никакіе либеральные толки не даютъ намъ возможности выразить иного сужденія о немъ. Будемъ прямо говорить такъ, какъ принуждены, къ сожалѣнію, говорить. Толкуютъ о несносныхъ будто бы притѣсненіяхъ, которымъ подвергались сицилійцы. Какой вздоръ! Гдѣ же тутъ несносность, когда переносилась эта несносность въ теченіи цѣлыхъ одиннадцати лѣтъ, почти цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ, съ лѣта 1848 года, когда была усмирена сицилійская революція? Къ чему употреблять риторическія фразы? Того, что переносится, нельзя называть несноснымъ. Будемъ же говорить скромнѣе: „положеніе сицилійцевъ было тяжело“; это можно сказать; это правда, потому что они постоянно жаловались, а если люди жалуются, значить они недовольны, а если недовольны, значить имъ дурно. Итакъ, имъ согласны, что положеніе сицилійцевъ было тяжело. Но, что за эгоизмъ, что за низость чувства нарушать свои обязанности къ правительству изъ-за неприяности своего положенія! Развѣ того требуетъ правительство? Развѣ неаполитанское правительство само не знало, хорошо или дурно сицилійцамъ? Нѣтъ, оно знало, что имъ дурно. Почему же оно дѣйствовало такъ, что имъ было дурно? Развѣ кто нибудь дѣлаетъ безъ надобности что бы то ни было, дурное или хорошее, все равно? Значить, неаполитанскому правительству была надобность дѣлать тѣ распоряженія, которыми были недовольны сицилійцы. Теперь: не признакъ ли безразсудства порицать кого нибудь за то, что онъ поступаетъ, какъ требуетъ его надобность? Сицилійцы были очень безразсудны, порицал неаполитанское правительство. Оно поступало, какъ ему слѣдовало поступать. Они должны были порицать самихъ себя за то, что не поступали такъ, какъ имъ слѣдовало поступать. Какъ же слѣдовало поступать имъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ трудно, потому что каждому извѣстна пословица: „чужую бѣду по пальцамъ разведу, а въ своей ума не приложу“. Давать совѣты легко, но каково исполнять ихъ? Исполнять такъ трудно, что обыкновенно я сами мудрые совѣтники не дѣлаютъ того, чего требуютъ отъ другихъ. Впрочемъ теперь уже и нѣсколько поздно давать сициліанцамъ совѣты о томъ, какъ они должны были поступать въ 1859 году, или въ 1849, или въ 1839. Можно только сказать одно: если бы прежде поступали они, какъ имъ слѣдуетъ, то не находились бы они въ началѣ нынѣшняго года въ такомъ положеніи, въ какомъ находились, не имѣли бы причинъ быть недовольными. Мы порицаемъ сицилійцевъ за то, что они возстали весною 1860 года, потому что люди должны быть послѣдовательны въ своихъ поступкахъ: развѣ въ мартѣ нынѣшняго года стало имъ хуже, нежели было прежде? Нѣтъ, этого никто не говоритъ; самые горячіе партизаны сицилійскаго возстанія говорятъ, что и въ мартѣ, и въ февралѣ, и въ

январь нынѣшняго года сицилійцамъ было вовсе не тяжело, чѣмъ въ мартѣ, февралѣ, январѣ 1859, и 1858, и 1857 и т. д. Тогда они находили, что имъ можно терпѣть и мирно ждать улучшеній въ своей судьбѣ отъ своего законнаго правительства: почему же не продолжали они терпѣливо ждать ихъ и теперь? Отношеніи правительства къ нимъ не переѣнились. Ясно, что они или дурно поступали во все предшествовавшее время, или дурно поступаютъ теперь. Эту дилемму нельзя устранить никакими софизмами. Пусть каждый рѣшаетъ ее какъ хочетъ, а мы знаемъ, что должны сказать: съ одной стороны мы видимъ матеріальныя потребности, мечты о свободѣ, о національномъ единствѣ, съ другой стороны видимъ обязанность вѣрности, обязанность уваженія къ существующимъ законамъ, обязанность хранить общественное спокойствіе; каждый можетъ дѣлать выборъ по собственному разсудку, а вамъ кажется, что выборъ ясенъ. Мы не можемъ не сказать, что обязанность должна быть для хорошаго гражданина выше всего. Итакъ, мы должны сказать, что сицилійцы дурные граждане.

Очень можетъ быть, что это разсужденіе навлечетъ на насъ такія же укоризны, какъ наше разсужденіе о Поэріо. Что дѣлать, надобно имѣть нѣкоторое мужество или по крайней мѣрѣ нѣкоторое равнодушіе къ чужимъ отзывамъ о себѣ тому, кто хочетъ по мѣрѣ своего умѣнья и своей возможности говорить правду. Мы оставались равнодушны даже тогда, когда слышали укоризны себѣ отъ людей, которыхъ уважаемъ болѣе, чѣмъ кого нибудь; надѣемся остаться равнодушными къ порицаніямъ противъ насъ и впередъ, пока будемъ сами чувствовать, что хотѣли говорить правду и можетъ быть успѣли достигъ того, чтобы въ нашихъ словахъ была хоть тѣнь ея, хотя какое нибудь самое неполное и слабое указаніе на нее, которое будетъ понятно хотя однимъ изъ десяти между нашими читателями, понятно хотя не въ ту минуту, когда онъ читаетъ наши попытки говорить ея, а хотя когда нибудь: этого для насъ уже довольно, чтобы чувствовать, что мы исполняемъ свой долгъ лучше, чѣмъ, на примѣръ, хотя бы сицилійцы, которыхъ почти всѣ хвалятъ, а мы порицаемъ, какъ людей, не имѣвшихъ твердости исполнять свой долгъ такъ, какъ слѣдовало. Но каковы бы ни были наши сужденія о фактахъ, мы не станемъ скрывать фактовъ, какова бы ни была ихъ наружность, обольщающая поверхностнаго наблюдателя. Впрочемъ мы не будемъ съ ложнымъ самохвальствомъ утверждать, будто бы вовсе и не хотѣли скрывать фактовъ, неприятныхъ для насъ или компрометирующихъ защищаемые нами принципы: нѣтъ, мы очень желали бы утаить ихъ, мы даже всячески утаиваемъ ихъ, пока можемъ. Но эта возможность, къ сожалѣнію, непрочно, обманчива, измѣнчива: знаніе о фактахъ распространяется противъ нашей воли и мы съ досадою видимъ себя поставленными въ необходимость упоминать о нихъ: молчаніе, столь любимое нами, уже бесполезно. Читатель отдастъ намъ ту справедливость, что до прошлаго мѣсяца мы рѣшительно не хотѣли знакомить его съ положеніемъ дѣлъ въ Неаполѣ и Сициліи. Мы всегда отдѣлывались отъ этого предмета самыми неопредѣленными и краткими фразами; но теперь всѣ говорятъ о немъ и наше молчаніе не скрыло бы ничего ни отъ кого. Впрочемъ, и теперь мы стараемся не распространяться объ этой вещи, о которой говорить намъ очень тяжело. Французскія, нѣмецкія, верхне-итальянскія газеты наполнены описаніями примѣровъ дурнаго управленія, существующаго въ Неаполѣ, и обыкновенно сопровождаютъ эти рассказы, уже и сами по себѣ слишкомъ поразительные, громкими фразами, которыя скорѣе ослабляютъ,

нежели усиливают впечатлѣніе, когда один голые факты говорятъ уже довольно ясно. Но мы не читали обвиненій болѣе сильныхъ, чѣмъ канія находятся въ слѣдующихъ очень уиѣренныхъ словахъ неаполитанскаго корреспондента „Times'а“.

„Неаполь, 24 апреля.

„По временамъ очень сурово говорилъ я о неаполитанцахъ, какъ о людяхъ почти недостойныхъ свободы, для полученія которой не дѣлаютъ они никакихъ усилій; но должно принять въ соображеніе и затруднительность ихъ обстоятельствъ. Безчисленное множество препятствій поставлено ихъ соединенію не только для политическихъ, но даже для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей; а при невозможности соединенія, какъ имъ составить или выполнить какое нибудь предпріятіе для освобожденія своей страны? Правительство такъ убѣждено въ выгодности этого, что вотъ цѣлыя пятнадцать лѣтъ его энергія направлялась на расслабіе и разъединеніе. Еще на моей памяти время, когда 30,000 учащихся съѣзжались въ Неаполь для своего образованія; законъ или полицейскій приказъ прогналъ ихъ назадъ въ ихъ провинцію, осудилъ ихъ на скудное ученіе, даваемое провинціальными лицеями и коллегіумами, а многіе столичные профессора были лишены должностей или посланы въ ссылку. Этими были достигнуты двѣ важныя цѣли: уничтоженъ центръ политическихъ прешій и согласія и сдѣланъ большой шагъ къ состолянію, которое очень нравится здѣсь, къ обращенію общественнаго мнѣнія въ невѣжество. Не одни учащіеся, но и люди всѣхъ сословій поставлены въ фактическую невозможность покидать свои провинціи и посѣщать столицу: общественныя сношенія подавлены, такъ что знакомые, живущіе въ нѣсколькихъ милляхъ другъ отъ друга, раздѣлены между собою будто десятками тысячъ миль; купцы, лишеныя возможности сношеній съ центрами оптовой торговли, принуждены думать только о поддержаніи своего существованія и часто разоряются. Неаполитанскіе негодіанты говорятъ мнѣ, что результатъ разъединенія провинцій одна отъ другой и отъ столицы обнаруживается упадокъ торговли и въ столицѣ. Гдѣ запрещены всякія сношенія, тамъ разумѣется не нужно желѣзныхъ дорогъ; и дѣйствительно, постройка ихъ затрудняется всѣми способами: онѣ противны здѣшней системѣ. Разъединеніе, преднамѣренно здѣсь производимое, совершенно задерживаетъ матеріальное развитіе страны. При подавленіи всякихъ сношеній между людьми, подъ предлогомъ охраненія интересовъ порядка, установлена такая свирѣпая и зоркая полицейская система, что человекъ опасается вѣрить своему брату и трепещетъ собственной тѣни. Мнѣ показались интересны слѣдующія слова въ письмѣ одного изъ тѣхъ людей, которые въ началѣ марта были изгнаны во Флоренцію: „Я все еще не могу привыкнуть къ моему новому положенію, писать онъ. Я все еще боязливо оглядываюсь, какъ оглядываемся мы въ Неаполѣ, лишь только услышу съ собой чей нибудь голосъ“. Не называйте этихъ людей трусами: страшная вещь, когда васъ безъ всякаго повода арестуютъ въ вашемъ домѣ и ва два, на три, на четыре года и больше бросаютъ въ тюрьму. Англичане храбрые люди, но я не поручусь за то, какое дѣйствіе произвела бы на нихъ долговременная система такого рода. Къ этой нравственной пыткѣ прибавьте легіоны вооруженныхъ сборровъ, армію, имѣющую болѣе 100,000 человекъ, форты и стѣны, изъ которыхъ зіяютъ пушки, и вы увидите, что нельзя сурово говорить о трусости неаполитанцевъ. Да, они разъединены, но имъ нѣтъ ни нравственной, ни физической возможности соединиться; да, они испорчены, но Бурбоны испортили ихъ, и если нынѣшняя система продолжится, нація возвратится къ варварству“.

Такая вещь, какъ систематическое устраненіе всякихъ улучшеній, даже въ чисто матеріальномъ бытѣ населенія, свидѣтельствуетъ о ненормальности господствующей системы еще гораздо сильнѣе, чѣмъ всякій полицейскій произволъ, вражда къ просвѣщенію, стѣсненіе политическихъ правъ. Безъ сомнѣнія, не въ хорошихъ положеніяхъ находятся люди, опасющіеся просвѣщенія или свободы; но когда люди находятъ, что даже постройка желѣзныхъ дорогъ, даже развитіе промышленности, даже процвѣтаніе торговли было бы вредно для нихъ, то нечего уже и разеуж-

дать. Дѣйствительно, неаполитанскія отношенія были такъ ненормальны, что даже дядя короля, графъ Сиракузскій, впрочемъ давно извѣстный за приверженца либеральныхъ учреждений, почелъ своею обязанностью официально, публично предостеречь своего племянника. Вынужденный крайностью забыть и почтительность къ главѣ своей фамилии, и условія придворныхъ отношеній, и уваженіе къ ироничности правительствующаго лица, онъ 3 апрѣля послалъ ему письмо, безъ сомнѣнія извѣстное нашимъ читателямъ изъ газетъ. Мы просимъ читателя еще разъ просмотрѣть этотъ документъ, надѣлавшій такого шума, чтобы имѣть новый примѣръ того, какъ неосновательны и неумѣстны бываютъ вообще совѣты, даваемые людямъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи, людьми, положеніе которыхъ хорошо.

„Государь! Моя привязанность въ ванъ, ставшему нынѣ главою нашего семейства, долгій мой опытъ въ людяхъ и людскихъ дѣлахъ, любовь къ отечеству даютъ мнѣ достаточное право въ нынѣшнія кривическія минуты повергнуть къ подножію престола осторожныя мнѣнія о будущихъ судьбахъ королевства,—ивѣія, внушаемая мнѣ тѣмъ же чувствомъ, какое связываетъ васъ, государь, съ счастьемъ вашихъ народовъ.

„Принципъ итальянской національности, въ теченіе вѣковъ оставшійся въ области идей, энергически вступилъ теперь въ область дѣйствій. Было бы безумнымъ ослѣпленіемъ памъ однимъ не признавать такого факта, когда мы видимъ, что всѣ въ Европѣ или могущественно повогаютъ ему, или принимаютъ его, или, наконецъ, покоряются ему, какъ неборимой необходимости вѣка.

„Піэмонть, по своему географическому положенію и своимъ династическимъ преданіямъ держащій въ своихъ рукахъ судьбу при-альпійскихъ народовъ, пользуется теперь этииъ политическимъ средствомъ, становясь защитникомъ новаго принципа, отвергнувъ старинныя муниципальныя идеи, и расширяетъ свои границы до долины По. Но этотъ національнй принципъ, развиваясь, дѣйствуетъ теперь по всей Европѣ, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу того, что благоприятствуетъ ему, въ пользу того, кто принимаетъ его, и на того, кто подчиняется ему.

„Франція должна хотѣть, чтобы ея покровительственное дѣло не погибло; она будетъ отнынѣ заботиться, чтобы увеличивать свое вліяніе въ Италіи и во что бы то ни стало не потерять плодовъ пролитой крови, потраченнаго золота и важности, давной сосѣду ея Піэмонту. Ницца и Савоя достаточно свидѣтельствуютъ о томъ. Англія, которая, принявая національное развитіе Италіи, должна однако же противиться французскому вліянію, также будетъ стараться дипломатическими средствами расширить свое вліяніе на полуостровъ и пробуждать усыпленные страсти партій въ пользу своихъ матеріальныхъ и политическихъ интересовъ. Уже англійская трибуна и пресса говорятъ, что должно противопоставить Франціи въ Средиземномъ морѣ вліяніе гораздо болѣе важное, чѣмъ вліяніе Ниццы и Савойи у подножія Альпъ.

„Австрія, отброшенная судьбою войны въ границы Венеціанской Области, ежечасно чувствуетъ колеблющуюся свою непрочную власть и хотя, быть можетъ, понимаетъ, что только отреченіе отъ этой провинціи могло бы возвратить ей потерянную силу, но не имѣетъ мужества отказаться отъ надежды со временемъ возвратитъ себѣ господство въ Италіи. Напрасно было бы говорить вашему величеству объ интересѣ, нынѣ принимаемомъ сѣверными державами въ произошедшихъ на нашемъ полуостровѣ перемѣнахъ, и созданіе могущественнаго государства въ сердцѣ Европы для нихъ болѣе полезно, нежели неприятно, потому что оно будетъ имъ гарантіею противъ могущихъ образоваться западныхъ коалицій.

„Каковъ истинный интересъ вашего народа и вашей династіи, государь, при этомъ столкновеніи политическихъ вліяній?

„Франція и Англія, стараясь уравниваться другъ друга, кончатъ тѣмъ, что приобретутъ здѣсь вліяніе столь могущественное, что спокойствіе страны и права престола будутъ сильно потрясены ими. Австрія, не имѣющая силъ возстановитъ потерянный пере-

вѣсь и желающая вовлечь ваше правительство въ солидарность съ собою, была бы намъ еще гибельнѣе, тѣмъ Англія и Франція, потому что ей пришлось бы бороться съ національнымъ отвращеніемъ, съ арміями Наполеона III и Піемонта и съ британскимъ равнодушіемъ. Какое же средство остается намъ, чтобы спасти страну и династію, которымъ грозятъ столь великія опасности?

„Средство одно: національная политика, которая, оновываясь на истинныя интересы государства, естественно влечетъ королевство Южной Италіи къ союзу съ королевствомъ Сѣверной Италіи, которому не можетъ воспротивиться Европа, потому что онъ совершился бы между двумя частями одной страны, равно свободными и независимыми другъ отъ друга. Только этимъ путемъ, ваше величество, освобождаясь отъ всякаго иностраннаго тяготѣнія, вы можете, въ политическомъ соединеніи съ Піемонтомъ, быть благороднымъ направителемъ развитія тѣхъ гражданскихъ учреждений, которыя давалъ намъ обновитель нашей монархіи, когда, оовободивъ королевство отъ австрійскаго вассальства, основывалъ на поляхъ Веллетрійской битвы могущественнѣйшее изъ итальянскихъ государствъ.

„Неужели мы предпочтемъ роковое муниципальное разъединеніе національной политикѣ?

„Муниципальное разъединеніе не только подвергаетъ насъ иностранному тяготѣнію, но, что еще хуже, оно, предавая страну внутреннимъ раздорамъ, сдѣлаетъ ее легкою добычею партій. Тогда насиліе будетъ верховнымъ закономъ; но сердце вашего величества несомнѣнно отвергаетъ мысль сдерживать только силою оружія страсти, которыя можетъ смягчить и обратить на добро благонамѣренность молодого короля, дѣйствуя на вражду забвеніемъ, протягивая дружескую руку королю другой части Италіи и утверждая тронъ Карла III на основаніяхъ, которыми владѣть или которыхъ требуетъ цивилизованная Европа.

„Да благоволитъ ваше величество принять эти искреннія слова съ такимъ же благоволеніемъ, съ какою искреннею привязанностью я снова увѣрю ваше величество, что остаюсь любящимъ васъ дядею. Леопольдъ, графъ Сиракузскій. Неаполь. 3 апрѣля 1860“.

Хорошо графу Сиракузскому говорить такія вещи: онъ смотритъ на дѣло со стороны; не на его плечахъ лежитъ тяжесть управленія государствомъ, его слова не ведутъ ни къ чему и потому онъ безопасно можетъ говорить, что хочетъ. Дѣйствительно, повидимому онъ самъ не знаетъ, что говорить, и заботится только о звучности фразъ, а не о томъ, можетъ ли король исполнить его совѣты, и что было бы, если бы король сталъ исполнять ихъ. Письмо краснорѣчиво, но съ первыхъ же строкъ видно, что совѣтникъ едва ли не хуже того, кому совѣтуетъ, понимаетъ положеніе дѣлъ. Разберемъ всѣ его мысли одну за другою. Начать съ того, что онъ воображаетъ, будто бы неаполитанское правительство не понимаетъ, что итальянцы хотятъ національнаго единства. Оно очень хорошо знаетъ это, но видитъ, что стремленіе къ единству противно его интересамъ. Графъ Сиракузскій воображаетъ, что говорить съ младенцами; но люди, въ которымъ онъ обращается, гораздо опытнѣе и практичнѣе его самого. Король неаполитанскій молодъ, быть можетъ неопытенъ; но онъ окруженъ очень опытными сановниками, интересы которыхъ одинаковы съ его интересами и которыхъ поэтому онъ никакъ не захочетъ удалить отъ себя. Да елибъ и не было ихъ, то наслѣдственныя преданія, примѣръ покойнаго родителя и руководство матери, женщины очень практичной, замѣняютъ ему опытность. Вся обстановка его такова, что очень удобно ему идти по пути, проложенному отцомъ, лишь бы хотѣлъ онъ, и невозможно сойти съ этого пути, елибъ онъ и захотѣлъ сойти, а сойти онъ не захочетъ, потому что это было бы, какъ мы увидимъ, вовсе не разчетливо для него. Всѣ европейскія державы принимаютъ фактъ итальянскаго національнаго единства, продолжаетъ графъ Си-

ракузекій и нѣсколькими строками ниже самъ опровергаетъ себя, говоря, что Австрія вовсе не принимаетъ его, а только не имѣетъ силъ въ настоящую минуту подавить его военною силою и выжидаетъ времени, когда это можно будетъ сдѣлать. Какъ же графъ Сиракузскій не замѣчаетъ, что этимъ обстоятельствомъ отнимается всякое основаніе у его совѣтовъ? Племянникъ, если бы захотѣлъ отвѣчать ему, сказалъ бы: „Австрія выжидаетъ времени, и я выжидая времени; теперь для Австріи тяжелая минута, но австрійскіе дипломаты очень практичны; они полагаютъ, что скоро возвратятъ себѣ перевѣсъ въ Италіи; я вѣрю имъ и не нахожу нужнымъ отступаться отъ этихъ вѣрныхъ моихъ союзниковъ, интересы которыхъ одинаковы съ моими, чтобы заискривать дружбу державы, которая никакъ не будетъ вѣрить имъ и выгоды которой прямо противны моимъ выгодамъ. Вы хотите, чтобы я былъ малодушенъ, чтобы измѣнялъ своимъ принципамъ при видѣ минутной опасности. Я не хочу быть такимъ трусомъ“. Король былъ бы совершенно правъ, и какъ же графъ Сиракузскій не понимаетъ этого? Впрочемъ, если онъ далеко уступаетъ совѣтникамъ своего племянника практичностью и опытностью, то ни мало не уступаетъ имъ привязанностью въ династическимъ интересамъ: въ этомъ отношеніи онъ достойный братъ повойнаго короля, достойный дядя нынѣшняго. Читатель замѣтитъ, съ какой точки зрѣнія смотритъ на все графъ Сиракузскій. Онъ тревожится не какими нибудь иными мыслями и страданіями, а собственно только опасностями, угрожающими по его мнѣнію королевской власти и личному положенію его племянника. Даже эти опасности онъ понимаетъ самымъ оригинальнымъ образомъ: видитъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, и едва вскользь упоминаетъ о дѣйствительныхъ опасностяхъ, да и то лишь какъ о препятствіяхъ къ отвращенію мнимыхъ, созданныхъ его наивными догадками. Первою опасностью для неаполитанскаго короля онъ воображаетъ стремленіе императора французовъ утвердить свой перевѣсъ въ Италіи, тогда какъ именно только французскій императоръ и держалъ до сихъ поръ неаполитанскаго короля на престолѣ: еелибъ не было извѣстно каждому итальянцу, что Наполеонъ III запрещаетъ думать о низверженіи неаполитанскаго короля и если бы французскій корпусъ въ Римѣ не отрѣзывалъ южную Италію отъ сѣверной, Неаполь еще лѣтомъ проилаго года послѣдовалъ бы примѣру Тосканы. Защитника отдѣльности Неаполитанскаго королевства отъ остальной Италіи графъ Сиракузскій воображаетъ врагомъ неаполитанской отдѣльности. Столь же странна его мысль о второй опасности, угрожающей неаполитанскому королю: графъ Сиракузскій мучится увѣренностью, что англичане хотятъ завоевать Неаполь. Его больному воображенію кажется, что Англія и Франція собираются раздѣлить между собою итальянскій полуостровъ: сѣверную половину возьметъ себѣ Франція, южную Англія, — мечты необыкновенно мрачны, но достойныя развѣ пятилѣтняго ребенка. Вотъ эти-то двѣ страшныя опасности, особенно опасность отъ англичанъ, которые уже совѣмъ собрались назначить въ Неаполь какого нибудь лорда намѣстникомъ королевы Викторіи, вынуждаютъ графа Сиракузскаго предложить племяннику свои спасительныя совѣты. Онъ, бѣдняжка, напоминаетъ собою того несчастнаго у Гоголя, который убѣждаетъ всѣхъ лѣзть вверхъ по стѣнѣ спасать луну, думая, что хочетъ упасть на землю и разбить наши носы. Но племянникъ и его совѣтники находятся, по нашему документальному выраженію, въ полномъ умѣ и здравой памяти: они видятъ, что благонамѣренный совѣтникъ трепещетъ вздора и говоритъ пустяки; они очень хорошо знаютъ,

что ни Франція, ни Англія не думаютъ отнимать власти у неаполитанскаго короля. Мы видѣли, какими тревогами страдаетъ графъ Сиракузскій; посмотримъ теперь, чѣмъ отъ нихъ можно избавиться племяннику по его мнѣнію. „Покиньте наслѣдственную политику вашей династіи, вступите въ союзъ съ Піэмонтомъ, говорите племяннику дядя, и вы будете занимать такое же завидное положеніе, какъ Викторъ-Эммануэль“. Тутъ, что ни слово, то несообразность. Во-первыхъ, покинуть наслѣдственную политику, — да развѣ это возможно? Никакая важная переиѣна не происходитъ въ человѣкѣ безъ причинъ. А какая же произошла въ обстоятельствахъ переиѣна, которая могла бы обратить короля неаполитанскаго къ новой политикѣ? Измѣнилось только одно: Піэмонтъ, сдѣлавшись представителемъ національнаго единства, имѣетъ намѣреніе присоединить къ себѣ всю Италію; но вѣдь эта надежда его относится имъ самимъ только въ будущему: самъ Кавуръ считаетъ безуиствомъ въ нынѣшнее время думать о завладѣніи не только Неаполемъ, но даже Римомъ, даже Перуджіею, которая еще ближе Рима; колеблется даже, не оставить ли слѣды отдѣльности въ Тосканѣ, которая энергіею своихъ жителей насильно заставила піэмонтскаго короля принять ее подъ свое управленіе. До Неаполя еще далеко Кавуру, думаютъ совѣтники Франческо, раздѣляя въ этомъ случаѣ мысли всѣхъ такъ называемыхъ благородныхъ людей; объ иномъ думаютъ теперь лишь Маццини и Гарибальди, но Маццини — коварный безумецъ, который своими интригами только помогаетъ реакціонерамъ, а Гарибальди — отважный партизанъ, ничего не понимающій въ политикѣ и слѣпое орудіе мащивистовъ, — такъ думаютъ о Мащиви и Гарибальди не одни совѣтники Гарибальди, такъ думаютъ о нихъ и Кавуръ и *Journal des Débats*: такое мнѣніе объ этихъ злодѣяхъ и безумцахъ, то есть, о Маццини и Гарибальди, только укрѣпляетъ короля неаполитанскаго въ его системѣ и въ надеждахъ на скорую благоприятную для него будущность. Если бы они взяли временно верхъ, думаетъ онъ, это повело бы только къ полнѣйшей реакціи: тогда не удержался бы Кавуръ и австрійцы снова были бы въ Анконѣ. А если Кавуръ останется правителемъ сѣверной Италіи, моя будущность благонадежна: Франція никакъ не позволитъ Кавуру думать о Неаполѣ, а Кавуръ не посмѣетъ думать о немъ безъ позволенія Франціи. Итакъ, неаполитанскому правительству нѣтъ основанія отступаться отъ прежней системы; да и къ чему было бы отступаться? Графъ Сиракузскій предсказываетъ отъ этого пользу для короля: какая тутъ можетъ быть польза для него, тутъ явный вредъ. Повѣрятъ ли итальянцы, чтобы политика неаполитанскихъ Бурбоновъ въ самомъ дѣлѣ измѣнилась? Нѣтъ, національная партія по прежнему стала бы недоувѣрять имъ и стремиться къ ихъ изгнанію изъ Неаполя. Всею своею исторіею, всѣми своими династическими преданіями и привычками они такъ неразрывно связаны съ своею нынѣшнею системою, что искренность возможно предполагать въ нихъ только тогда, когда они держатся этой системы. Покинувъ ее, они только оттолкнули бы отъ себя своихъ друзей и не привлекли бы къ себѣ ни одного изъ нынѣшнихъ враговъ. Такое дѣло было бы очень нерасчетливо. Если національная партія непоколебима въ своей враждѣ къ неаполитанскимъ Бурбонамъ, то могутъ ли они получить хотя дружбу Піэмонта, которую рекомендуетъ графъ Сиракузскій? Неужели піэмонтское правительство будетъ такъ непроницательно, что станетъ полагаться на союзника, бывшаго врагомъ, пока могъ, и начавшаго искать дружбы только въ крайности? Неужели оно

не сообразить, что этот союзник при первомъ улучшеніи дѣлъ снова станетъ врагомъ? Неужели оно не сообразить, что надобно пользоваться врененемъ, пока его обстоятельства стѣснены, чтобы уничтожить его или ослабить? Вступить въ союзъ съ Піэмонтомъ неаполитанскому королю значило бы отдаться въ руки державы, которая не можетъ желать ему ничего хорошаго. Но если бы Піэмонтъ и повѣрилъ искренности союза, чему никогда не повѣритъ, союзъ этотъ былъ бы столь же пагубенъ неаполитанскому королю: неаполитанскій король, ставшій искреннимъ приверженцемъ національныхъ интересовъ, сдѣлался бы опаснѣйшимъ соперникомъ піэмонтской династіи; онъ этою переменною лишалъ бы ее надежды царствовать надъ всѣмъ полуостровомъ. Дѣло ясное, что піэмонтская династія постаралась бы столкнуть этого соперника, отдавагоса ей въ руки, пока онъ еще не успѣлъ упрочить въ націи довѣрія къ себѣ. Викторъ-Эммануэль и Франческо не могутъ быть союзниками, потому что династія Виктора-Эммануэля считаетъ себя призванною царствовать надъ цѣлымъ полуостровомъ. Графъ Сиракузскій ребячествуетъ, воображая, что союзъ съ Піэмонтомъ былъ бы выгоденъ для его племянника: союзъ этотъ губилъ бы Франческо. Но все равно, наконецъ, хотя бы и возможно было доброжелательство Піэмонта къ Неаполю: допустимъ всѣ мечты графа Сиракузскаго, посмотримъ, можетъ ли Франческо желать исполненія даже мечтаній, кажущихся его дядѣ столь полезными для племянника; посмотримъ, что дядя обѣщаетъ за переѣну системы? Онъ обѣщаетъ племяннику такое же положеніе, какое занимаетъ Викторъ-Эммануэль. Можетъ ли это положеніе быть привлекательно для Франческо? Не унизился ли бы онъ въ своемъ мнѣніи, принявъ его? Не лишился ли бы онъ благъ, кажущихся ему самыми драгоценными? Франческо очень набоженъ, онъ не можетъ жить безъ благословенія папы, ему пріятно слушаться духовенства; Викторъ-Эммануэль подвергается проклятію папы, духовенство въ непримиримой враждѣ съ нимъ. Такія отношенія были бы Франческо столь же тяжелы, какъ тяжело было бы Виктору-Эммануэлю дурное состояніе піэмонтской арміи. Посмотримъ, какую власть имѣетъ Викторъ-Эммануэль. Можетъ ли онъ заключить въ тюрьму кого почтетъ нужнымъ? Можетъ ли онъ издать законъ; какой захочетъ? Нѣтъ, не только посадить въ тюрьму, даже удалить изъ палаты депутатовъ не можетъ онъ людей ему непріятныхъ. Онъ не можетъ дѣлать ничего кромѣ того, что считаютъ нужнымъ министры, которыхъ назначаетъ онъ не по своему выбору, которые даются ему волею націи. Онъ былъ во враждѣ съ Кавуромъ, Кавуръ ваговорилъ ему оскорбительныхъ вещей при заключеніи Виллафранкскаго перемирія, а вотъ Кавуръ первымъ министромъ, и управляетъ королевствомъ не Викторъ-Эммануэль, а Кавуръ. Исполнять волю націи, а не свою волю, выслушивать всякія мнѣнія о своихъ дѣйствіяхъ, не имѣть произвольной власти ни надъ кѣмъ, ни надъ чѣмъ въ своемъ государствѣ,—нѣтъ, такое положеніе было бы мучительно и унижительно для Фердинанда. Викторъ-Эммануэль можетъ находить это положеніе сноснымъ, даже пріятнымъ, даже гораздо почетнѣйшимъ, чѣмъ положеніе Франческо; но Викторъ-Эммануэль воспитанъ въ другихъ понятіяхъ, у него не тотъ характеръ, не тѣ мысли: его честь—безчестье для Франческо, его совѣсть—безбожіе для Франческо, его удовольствіе противно Франческо, каждый изъ нихъ гнушается тѣмъ, чѣмъ хвалится и наслаждается другой.

Но графъ Сиракузскій далекъ отъ мыслей своего племянника только потому,

что увлекается пустыми фантазиями, неосуществимость которых понятна королю неаполитанскому и его совѣтникамъ; въ сущности, по основанію своихъ мыслей, только спутываемыхъ этими мечтами, графъ Сиракузскій не даромъ носитъ имя Бурбона: онъ можетъ считать себя либераломъ, но это невинная шутка, которую не слѣдуетъ ставить ему въ преступленіе, потому что въ глубинѣ души онъ остался человѣкомъ благомыслящимъ, проникнутымъ тѣми идеями, которыхъ держится неаполитанское правительство. Первая и главная мысль его объ интересахъ династіи; все остальное цѣнить онъ только по отношенію въ этимъ интересамъ. Если онъ рекомендуетъ союзъ съ Пизмонтомъ, онъ рекомендуетъ его только потому, что находить его выгоднымъ династіи; если въ концѣ письма онъ двумя-тремя очень неопределенными словами рекомендуетъ какія-то „гражданскія учрежденія“, намекая вѣроятно на чтонибудь либеральное, но не рѣшаясь даже употребить слово „либеральный“; если онъ рекомендуетъ прекращеніе произвольныхъ преслѣдованій, онъ рекомендуетъ все это только потому, что воображаетъ нужнымъ для выгоды династіи. Онъ человѣкъ оболоченный, но въ глубинѣ души сохранившій святыни наслѣдственныхъ убѣжденій: докажите ему, что онъ ослѣпленъ, и онъ исправится; объясните ему, что его племянникъ хорошо понимаетъ и соблюдаетъ династическіе интересы, и онъ одобритъ племянника. Мы попробуемъ сдѣлать это, конечно не для образумленія графа Сиракузскаго, который едва-ли читаетъ русскіе журналы, а для оправданія короля Неаполитанскаго, совершенно напрасно порицаемаго за притѣснительность его правительства.

Короля Неаполитанскаго называютъ жестокимъ. Но все, что мы знаемъ о личныхъ свойствахъ Франческо, вовсе не ведетъ къ предположенію, чтобы онъ имѣлъ одну изъ тѣхъ особенно энергическихъ натуръ, которыя любятъ излишекъ въ добрѣ или въ злѣ, смотря по тому на что направляются. Его представляють человѣкомъ очень обыкновеннымъ, съ очень умѣренными или, вѣрнѣе сказать, слабыми страстями; скорѣе слѣдуетъ назвать его апатичнымъ, нежели увлекающимся. Онъ флегматикъ, личный его характеръ скорѣе можно порицать за вялость, чѣмъ за склонность къ чемунибудь сильному. Такіе люди безъ крайней необходимости не дѣлаютъ ничего особенно дурнаго и даже не любятъ крутыхъ мѣръ, къ которымъ можетъ вынуждать ихъ только необходимость, тяжелая для нихъ самихъ. Если такой человѣкъ сохраняетъ стѣснительную систему, можно навѣрное предположить, что она неизбѣжна по его обстоятельствамъ. Дѣйствительно, это такъ. Извѣстно, какими мыслями издавна проникнута образованная часть подданныхъ короля Неаполитанскаго. Эта исторія начинается съ самаго 1814 г. Они не хотѣли допустить восстановленія законной своей династіи иначе, какъ съ наложеніемъ на нее конституціонныхъ оковъ, несносныхъ для государя не воспитаннаго въ нихъ. Надобно было прибѣгнуть въ извѣстнымъ мѣрамъ, для обузданія такой злонамѣренности. Съ той поры дѣло такъ и тянется до сихъ поръ: нѣсколько разъ образованныя сословія неаполитанскаго королевства возставали для стѣсненія короля конституціею, и всегда ждали только первой удобной минуты, чтобы возобновить такія попытки. Въ такомъ положеніи строгая система истребленія злоумышленниковъ составляетъ не капризъ короля, не слѣдетвіе его природной суровости, — вѣтъ, она составляетъ необходимость для него, быть можетъ тяжелую, приеорбнутую, но неизбѣжную. Кто откажется отъ своихъ правъ, особенно, когда воспитанъ такъ, что считаетъ ихъ благотворными не для себя одного, а для всего общества!

Кто не считает своею обязанностію защищать свои права? Кого можно порицать за это? Именно это дѣлаетъ, и только это дѣлаетъ Неаполитанскій король, держась своей системы. Или его права, или либералы должны погибнуть. Кто же усомнится въ благотворности его правъ для общества? Его совѣсть совершенно чиста; онъ подавляетъ идеи, которыя считаетъ гибельными. Онъ преслѣдуетъ людей, которыхъ считаетъ злодѣями, ослѣпленными или кровожадными и корыстолюбивыми, но во всякой случаѣ злодѣями. Ослѣплению или заразѣ злоумышленности подвергаются въ Неаполѣ люди черезъ просвѣщеніе; натурально, просвѣщеніе должно быть удерживаемо въ самыхъ тѣсныхъ границахъ. Опытомъ вѣковъ дознано, что развитіе торговли, промышленности, усиленіе сношеній между людьми ведетъ къ просвѣщенію; потому прискорбная необходимость заставляетъ неаполитанскую систему принимать мѣры, препятствующія этимъ вреднымъ для нея вещамъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно предпологать, что неаполитанскимъ правителямъ весело принимать эти мѣры, что они по влеченію сердца держатся своей системы? Положимъ, просвѣщеніе можетъ еще казаться само по себѣ вещью непріятною; но кому радостъ преслѣдовать торговлю, промышленность, что за пріятность управлять государствомъ бѣднымъ и слабымъ? Конечно, правителямъ было бы пріятно имѣть обильнымъ финансовы средства; но что же дѣлать? необходимость заставляетъ человѣка отказываться и отъ увеличенія своего богатства. Никто не можетъ сомнѣваться, что такая необходимость для всякаго тяжела и прискорбна, что бѣдности и нужды никто не любитъ; и тотъ фактъ, что неаполитанская система находитъ нужнымъ препятствовать развитію торговли и промышленности, служить убѣдительноѣйшимъ доказательствомъ, что неаполитанскіе правители дѣйствуютъ по закону необходимости, неизбѣжному для нихъ. А кто можетъ оуждать человѣка, когда онъ оправдывается необходимостью?

Конечно, разъясняя необходимость возникновенія извѣстныхъ послѣдствій изъ извѣстнаго положенія, мы ни мало не думаемъ произносить свое сужденіе о томъ, хорошо или дурно это положеніе. Такой вопросъ каждымъ рѣшается по своему; можно вообще сказать только одно: если извѣстный человѣкъ старается удержаться въ извѣстномъ положеніи, если не щадитъ для того никакихъ усилій, то это значитъ, что онъ находитъ свое положеніе хорошимъ для себя; а если бы нашлись люди, которые стали бы думать иначе, это просто значитъ, что ихъ выгоды несогласны съ самымъ фактомъ положенія, изъ котораго возникаютъ невыгодныя для нихъ послѣдствія. Конечно, неаполитанскій торговый и промышленный классъ, конечно, неаполитанское образованное сословіе жалуются; но что слѣдуетъ изъ этихъ жалобъ, что ими доказывается? Ими доказывается только, что существующая въ Неаполѣ система стѣснительна для торговли, промышленности и просвѣщенія. Но вѣдь этого никто и не оспариваетъ. Само неаполитанское правительство не выдаетъ свою систему за какую нибудь республиканскую или конституціонную; оно не двоедушничаетъ, не обольщаетъ пустыми призраками; оно поступаетъ, какъ ему слѣдуетъ поступать, и не думаетъ скрывать своихъ качествъ или дѣйствій: напротивъ, оно гордится ими и гордится справедливо съ своей точки зрѣнія, потому что дѣйствуетъ логически, послѣдовательно и живетъ въ совершенной мирѣ съ своею совѣстью. Безуміемъ было бы требовать или ожидать, чтобы люди стали дѣйствовать противъ своей выгоды и противъ совѣсти, когда ихъ выгода и совѣсть согласны между собой.

Къ чему всё эти разсужденія? Они были бы напрасны, если бы каждый имѣлъ привычку прямо смотрѣть на вещи. Но большинство людей привыкло прикрывать отъ себя непріятныя истины пустыни фразами, отворачиваться отъ сущности дѣла, прикрашивать ее риторикой. Мы всѣми силами только и стараемся содѣйствовать утратѣ этой дурной привычки къ пустынь риторическимъ мечтамъ. Что хорошо и что дурно, пусть судитъ самъ читатель, — мы полагаемъ, что у каждаго не меньше разсудка, чѣмъ у насъ; но не каждый имѣетъ случай заниматься собираніемъ тѣхъ извѣстій, которыя мы перечитываемъ по своей обязанности и извлеченія изъ которыхъ стараемся передавать читателю, какъ умѣемъ и какъ можемъ. Мы беремъ на себя только одно: сказать читателю, въ чемъ сущность дѣла и сообщить ему тѣ выписки изъ газетъ, въ которыхъ есть интересныя подробности; а разсуждать о томъ, чему сочувствовать и что ненавидѣть, мы предоставляемъ самому читателю.

Переходя теперь къ выпискамъ изъ газетъ о сицилійскихъ дѣлахъ, мы должны три раза повторить „къ сожалѣнію“. Къ сожалѣнію, мы не можемъ уклониться отъ ознакомленія читателя съ этими дѣлами, очень непріятными для насъ. Къ сожалѣнію, представляемыя нами выписки изъ газетъ всё принадлежатъ направленію несогласному съ тѣмъ взглядомъ, какой мы изложили: они писаны людьми, находящими, что неаполитанское правительство поступаетъ не такъ, какъ и слѣдуетъ поступать ему. Къ сожалѣнію, наконецъ, эти извѣстія до сихъ поръ очень не полны и до сихъ поръ мы остаемся почти безъ всякихъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ Сициліи послѣ прибытія волонтеровъ Гарибальди: разсказы газетъ, которые мы имѣемъ, когда пишемъ это, останавливаются, какъ увидитъ читатель, на той минутѣ, когда волонтеры только-что вступили въ Марсалу, оставивъ свои пустые пароходы во власть неаполитанскимъ крейсерамъ. Дѣлать нечего, удовольствуемся тѣмъ, что имѣемъ.

Начнемъ пополняемъ извѣстій о томъ времени, котораго уже касались въ прошлый разъ. Тогда мы находили только отрывочныя извѣстія объ отдѣльныхъ чертахъ начала борьбы между инсургентами и королевскими войсками около Палермо. Теперь мы нашли въ Times'ѣ связныя дневникъ о первыхъ дняхъ возстанія. Его сообщаетъ флорентійскій корреспондентъ Times'а. Читатель знаетъ, что Палермо служитъ центромъ заговора; что инсургенты съ самаго начала думали не начинать битвы въ столицѣ, гдѣ сила гарнизона и господство крѣпостныхъ баттарей надъ всѣмъ городомъ отнимали у нихъ всякую надежду на успѣхъ, а хотѣли вести партизанскую войну, для которой гористый характеръ острова представляетъ большое удобство; но что въ самомъ Палермо были у нихъ собраны нѣкоторые военные запасы въ Гуанчскомъ монастырѣ; что полиція узнала объ этомъ и внезапно нападешемъ на монастырь помѣшала заговорщикамъ вывезти въ поля хранившееся въ монастырѣ оружіе. Лишенные этимъ части своихъ оборонительныхъ средствъ, инсургенты начали однакоже войну по самому тому плану, какой имѣли до этой потери. Вотъ свѣдѣнія о первыхъ дняхъ борьбы, полученныя флорентійскимъ корреспондентомъ Times'а.

„Флоренція, 27 апреля.“

„Нѣкоторые изъ моихъ сицилійскихъ друзей, живущихъ здѣсь, люди, въ правдивости которыхъ я безусловно увѣренъ, сообщили мнѣ нѣсколько частныхъ писемъ, содержащихъ подробныя разсказы о страшныхъ событіяхъ, совершавшихся въ послѣднее время

на них несчастномъ остроѣ. ~~Риску~~ дать только повтореніе свѣдѣній, уже извѣстныхъ вамъ, а вѣв-таки ~~считаю~~ полезнымъ представить эти подробности англійской публикѣ, во-первыхъ потому, что сицилійское возстаніе было предметомъ безчисленнаго множества ~~фальшивыхъ~~ увѣрній, а во-вторыхъ потому, что Сицилія вовсе не успокоена, какъ насъ увѣряютъ, и въ ней должны еще произойти новыя катастрофы, когда прибудетъ туда Гарібальди, на дняхъ отправившійся изъ Генуи.

„Но дневнику, который я буквально перевожу вамъ, возстаніе въ Палермо вспыхнуло 4 апрѣля. Оно было возмѣщено народу громкимъ ружейнымъ объявленіемъ. Полиція, зная, что собрались люди и собраны запасы оружія и боевыхъ снарядовъ въ Гуанчскомъ монастырѣ, окружила монастырь и штурмовала его. На берегу противъ монастыря были поставлены пушки для разбитія воротъ. Ворота были събиты первымъ залпомъ и штурмовавшія войска вмѣстѣ съ полиціею бросились во дворъ монастыря; они были встрѣчены ружейными выстрѣлами, но число всѣхъ защищавшихъ монастырь было только сорокъ человекъ; нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе переранены; нѣкоторымъ удалось убѣжать черезъ кровлю; другіе искали спасенія себѣ въ могильныхъ склепахъ подъ церковью. 13 человекъ были взяты въ плѣнъ и, обремененные цѣпами, отведены въ тюрьму вмѣстѣ съ монахами, которыхъ арестовали человекъ 30. Въ церкви и въ кладовыхъ были найдены боевые снаряды, ружья и деревянная пушка, обитая желѣзными обручами. Овладевъ монастыремъ, солдаты разграбили и зажгли его. Эти усердные католики разломали въ куски серебряное распятіе, дѣля его между собою. Они выали золотой ковчежецъ изъ дарохранительницы, стоявшей на престолѣ, и выбросили на полъ находившіеся въ немъ святыя дары. Въ кварталѣ Пуррацци инсургенты сражались еще нѣсколько времени и выстрѣлы слышались по улицамъ этой части города до самыхъ воротъ св. Антонина. Черезъ нѣсколько часовъ огонь прекратился и крики „да здравствуетъ король!“ возмѣстали полную побѣду войскъ. Солдаты, прогнавъ малочисленныхъ инсургентовъ, стрѣляли потомъ безъ всякой нужды по всѣмъ домамъ улицъ этой части города, или изъ собственной трусости, или для того, чтобы навести страхъ на жителей, вовсе не варушавшихъ спокойствій. Аббатисса женскаго монастыря Basta del Monte была схвачена и отведена въ тюрьму за то, что во время драки былъ въ ея монастырѣ обыкновенный благовѣсгъ къ обѣднѣ; за то же самое схватили священника въ полномъ облаченіи и также бросили въ тюрьму.

„5 апрѣля войска снова стрѣляли по Пуррацци, гдѣ не оставалось уже ни одной живой души; также стрѣляли изъ пушекъ по валамъ Фурно и Монтеья, предварительно ограбивъ ихъ, потомъ зажгли эти виллы и пожаръ продолжался цѣлыхъ три дня. Тутъ солдаты между прочимъ нагнали женщину, бѣжавшую отъ нихъ съ ребенкомъ: они убили и мать и младенца, бывшаго у нея на рукахъ. Кромѣ того они убили семь женщинъ въ ихъ собственныхъ домахъ, стрѣляя въ овна, хотя уже давно не было нигдѣ передъ ними противниковъ.

„6 апрѣля человекъ пятьдесятъ инсургентовъ подняли трехцвѣтное знамя надъ селомъ Вандою, миляхъ въ двухъ къ западу отъ Палермо, на горѣ у Вандсваго монастыря; на нихъ пошелъ стрѣлковый батальонъ. Перестрѣлка продолжалась четыре часа, но убитыхъ не было ни съ той, ни съ другой стороны, потому что солдаты, несмотря на свою многочисленность, держались дальше ружейнаго выстрѣла отъ инсургентовъ. Наконецъ инсургенты сняли свое знамя и въ стройномъ порядкѣ отступили на вершину Монте Суссіо, очень крутую гору болѣе тысячъ метровъ вышиною, стоящую надъ Монреале. Солдаты выместили свою злобу на несчастномъ Вандскомъ монастырѣ и на больницѣ, принадлежащей къ нему, говоря, что монахи дали переночевать у себя инсургентамъ и подавали имъ пить. Двое изъ монаховъ были убиты; въ госпиталѣ больные были сброшены съ кроватей и кровати были опрокинуты на нихъ. Побѣдоносное войско расположилось лагеремъ въ Восса di Falco.

„8 апрѣля было нападеніе на Фавориту, въ двухъ миляхъ къ сѣверу отъ Палермо. Довольно много солдатъ упало отъ выстрѣловъ инсургентовъ. Войска въ беспорядкѣ побѣжали, преслѣдуемые инсургентами до Леони, гдѣ получили большое подкрѣпленіе и тогда отгѣснили инсургентовъ.

„9 числа отрядъ инсургентовъ изъ Милисмерн и Багерин (мѣста въ горахъ на югѣ

и юго-востокъ отъ Палермо) напали на войска въ Колоннельѣ и Villa Giulia. Усѣхъ была на сторонѣ инсургентовъ; во паровой фрегатѣ, посланный на выручку войскъ, заставилъ инсургентовъ удалиться отъ берега, начавъ стрѣлять картечью. Впрочемъ, инсургенты не потерпѣли большой потери.

„10 числа были посланы двѣ сильныя колонны въ молмы, которыми владѣли инсургенты. Одна изъ нихъ пошла сушию путемъ, другая послана моремъ въ Монделло (коса на сѣверномъ берегу, милья въ 12 отъ города). Колонны эти не встрѣтили никакого еопротивленія, но фальшиво говоря, будто бы стрѣляли по нимъ изъ разныхъ виллъ и дорогъ, начали свое дѣло разрушенія, грабили и жгли донны, разрушали деревни пушками. Такъ было сожжено семь деревень: Верона, Парети, Велліа, Бордонаро, и еще три, именъ которыхъ я не узналъ. Пожарный дымъ былъ виденъ изъ Палермо,—видъ былъ такой, какъ будто выжигаюгъ всю окрестную страну. Санъ-Лоренцо совершенно истребленъ, не осталось въ немъ камня на камнѣ.

„11 апрѣля было вторичное нападеніе на Банду; на горахъ надъ нею развѣвались три итальянскія трехцвѣтныя знамени. Битва продолжалась два съ половиною часа. Инсургенты, одолѣваемые многочисленностью солдатъ, отступили.

„12 числа было нападеніе на Монреале; стычка происходила близъ этого города, на мѣстности, называемой il Piorro. Мы слышали жаркую перестрѣлку, съ пушечными залпами, и стали думать, что наконецъ пришли тѣ тысячи инсургентовъ, о которыхъ намъ такъ долго говорили. Въ Палермо господствовало сильное волненіе. Но вдругъ, въ половинѣ 5-го, огонь прекратился, а мы не видѣли бѣгущихъ солдатъ. Инсургенты были побѣждены. 25 человекъ изъ нихъ было взято въ плѣнъ, нѣсколько человекъ ранено, убитъ не былъ ни одинъ. Солдатъ было убито, говорятъ, до 30 человекъ. Палермцы стали думать, что возстаніе не удалось, что, придется отказаться отъ борьбы. Полиція отвязала языки у всѣхъ колоколовъ на церквахъ, боясь набата.

„13 у горожанъ еще достало мужества, чтобы сдѣлать всеобщую мирную демонстрацію. Генераль Сальцано, въ своемъ приказѣ этого числа, говорилъ, что жители Палермо враждебны инсургентамъ. Въ отвѣтъ на это, все мужское населеніе города въ 5 часовъ вечера вышло на улицы, а всѣ женщины стояли въ оквахъ и махали плетками, и всѣ кричали: „Viva l'Italia! Viva Vittorio Emanuele Viva la libeeta! Эта демонстрація удивила тѣхъ самыхъ, которые участвовали въ ней, потому что никто не готовилъ ее, она составила сама собою, неизвѣстно какъ. Полицію также застала она врасплохъ: полицейскіе думали, какъ бы имъ напасть на народъ, но не знали, какъ это начать. Въ 6 часовъ все кончилось; народъ безопасно разошелся по домамъ.

„14 апрѣля. Аресты продолжаютя. Солдаты и полицейскіе необузданны въ своей наглости. Они всячески стараются вовлечь народъ въ драку“.

Вотъ еще нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о томъ же времени и о слѣдующихъ дняхъ до прибытія волонтеровъ Гарибальди, переводимыя вами изъ неаполитанской корреспонденціи Times'a и изъ письма одного палермскаго купца, которое было помѣщено въ Indépendance Belge.

„Неаполь, 24 апрѣля.

„Вотъ уже много дней мы не имѣемъ изъ Сициліи никакихъ извѣстій кроиъ тѣхъ, какими благоволятъ жаловать насъ официальная газета. Въ ней мы, разумѣется, читаемъ, что всѣ смуты кончились, что голубиный миръ царствуетъ въ всемъ островѣ кажется, будто добрая бабushка говорить съ своими внучатками. Но отъ времени до времени эти милыя иллюзіи разлетаются, и до насъ доходятъ проблески истины“.

Корреспондентъ тутъ сообщаетъ нѣкоторыя извѣстія о стычкѣ 18 апрѣля близъ Карини и о свирѣпостяхъ при занятіи этого города, и возвращаясь къ тому же предмету въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 25 апрѣля, онъ, сказавъ, какъ солдаты въ Сициліи и въ самомъ Неаполѣ поощряются въ рѣзбѣ и къ гра-

бежу пирушками, денежными наградами, виномъ и другими милостями, продолжаться:

„Разскажу вамъ одивъ фактъ, переданный мнѣ человѣкомъ, въ словахъ котораго я не могу сомнѣваться: вы увидите, какія услуги оказываются этими достославными героями. Каждый шагъ войскъ былъ ознаменованъ грабежемъ, — грабежемъ, который былъ имъ обшанъ, въ которомъ они поощрялись своими начальниками, въ которомъ участвовали сами начальники, — это прямо говорится въ официальныхъ депешахъ. Монотонность ихъ разсказовъ разнообразится нѣкоторыми случаями, произошедшими при ваятїи Карини. Солдаты тутъ перепились и вотъ одна изъ сценъ ими произведенныхъ. Армейскій докторъ увидѣлъ солдата, который заноситъ штыкъ на женщину, бывшую въ шестомъ или седьмомъ мѣсяцѣ беременности; онъ бросился остановить солдата, но солдатъ оборотился на него, ударилъ его штыкомъ въ грудь, потомъ ваялая снова женщиной, убилъ ее штыкомъ и обобралъ ея тѣло. Офицеры генеральнаго штаба встрѣтили солдатъ, уносившихъ награбленные вещи изъ одного дома; они хотѣли остановить ихъ: „это вещи не наши, сказали солдаты: онѣ взяты капитаномъ NN“. Я передаю вамъ эти факты, какъ слышалъ ихъ отъ людей достовѣрныхъ, и судя по тому, что вообще дѣлается здѣсь, я совершенно вѣрю имъ: въ нихъ нѣтъ ничего новаго, чрезвычайнаго; это случай, безпрестанно здѣсь повторяющіеся, служащіе необходимымъ елвдствіемъ дѣйствующей системы“.

Въ другомъ мѣстѣ письма, отъ 24 апрѣля, корреспондентъ, „Times'a“ сообщаетъ имена 13 человѣкъ, разстрѣлянныхъ въ Палермо 14 апрѣля. Вотъ они: Себастьяно Камавроне, Доменико Кушинотте, Коріо Каньяни, Николо Лоренцо, Гавтайо Галадро, Джованни Рисо, Піетро Вассало, Микеле Фавара, Андреа Кафераро, Джузеппе Феррери, Микеле Анджело Бріоне, Франческо Вентимилья, Витторіо Ваттоне. Въ прибавленіе въ этому приводитъ онъ отрывокъ изъ письма, говорящаго слѣдующее: „имена 13 лицъ, разстрѣлянныхъ 14 апрѣля, напечатаны въ Палермской газетѣ въ списокѣ людей, умершихъ естественною смертью. — Газета говоритъ правду, замѣчаетъ корреспондентъ „Times'a“, смерть, которою они умерли, совершенно естественна при нынѣшней системѣ“.

„Неаполь, 28 апрѣля.

„Нѣсколько дней правительство не печатало никакихъ извѣстій о положеніи дѣлъ въ Сициліи и агенты его увѣряли насъ, что „островъ спокоенъ и на немъ господствуетъ совершенный порядокъ“, какъ и говорило послѣднее изъ предшествовавшихъ официальныхъ извѣстій. Но всю эту недѣлю ходили въ Неаполѣ слухи противоположнаго характера и съ большою точностью сообщались имена мѣстъ, въ которыхъ происходили стычки. Говорятъ, что инсургенты раздѣлены на три отряда; одинъ изъ нихъ, подъ командою барона Сантанны, тревожитъ окрестности Палермо, другой, подъ командою Монгано, держится въ окрестностяхъ Чефалу *). Главная квартира третьяго отряда въ центрѣ острова близъ Кастроджованна **). Говорятъ, что въ этомъ мѣстѣ была упорная стычка, въ которой королевскія войска были разбиты. Но все это только слухи, за достовѣрность которыхъ я не ручаюсь. — „Видно однакоже, продолжаетъ переводимое нами письмо, что инсургенты довольно сильны, потому что безпрестанно отправляются изъ Неаполя новыя войска въ Сицилію“. Продолжая свое письмо черезъ нѣсколько часовъ, корреспондентъ Times'a говорить:

*) Чефалу лежитъ на сѣверномъ берегу Сициліи, въ Палермскомъ округѣ близъ границы Мессинскаго округа, верстахъ въ ста отъ Палермо и верстахъ въ двухстахъ отъ Мессины.

**) Кастроджованна находится въ самомъ центрѣ Сициліи, на лоловинѣ большой дороги изъ Мессины въ Палермо, которая входитъ въ глубь острова вмѣсто того, чтобы идти вдоль сѣвернаго берега.

„Вчера Eletttrico привезъ письма, которыми въ значительной степени подтверждаются ходившіе въ городѣ слухи и выводимыя изъ явныхъ опасеній правительства догадки. Писемъ было привезено очень много, но только 60 изъ нихъ роздано; другія 5 взяты на разсмотрѣніе въ полицію, а остальные сожжены. Сообщаю вамъ слѣдующія извѣстія изъ тѣхъ, которыя дошли до меня. Первое написано купцомъ, давно живущимъ въ Палермо; на немъ выставлено 23 апрѣля. Вотъ оно:

„Отсюда посланы войска на востокъ и на западъ, но больше на востокъ, потому что курьеръ, пріѣхавшій изъ Мессины по береговой дорогѣ, сказываетъ, что высадились на берегу волонтеры. N N., пріѣхавъ сюда, говорилъ, что повсюду на дорогѣ онъ видѣлъ трехцвѣтное знамя и что всѣ города и деревни возстали, хотя правительствомъ увѣряютъ въ противномъ. Дѣйствительно, съ народомъ здѣсь издавна поступають хуже, чѣмъ со скотами. Солдаты грабятъ и жгутъ повсюду, куда ни являются, истребляютъ все, что только можно истребить, и безъ всякихъ околичностей разстрѣливаютъ каждаго, кого поймають, не щадя даже дѣтей и женщинъ. Въ Палермо по улицамъ безпрестанно раздаются крики „бѣги, бѣги!“ Къ берегу подошелъ фрегатъ съ итальянскимъ флагомъ“.

„24 апрѣля.

„У насъ продолжается прежнее безпокойство. Если не всякій день приходится къ намъ извѣстія о стычкахъ, то всякій день бываютъ демонстраціи и часто раздаются крики „бѣги, бѣги!“ Неаполитанское правительство можетъ говорить вамъ, что Сицилія спокойна, но будьте увѣрены, что дѣла здѣсь для него очень трудны, тѣмъ болѣе, что народъ повсюду пересталъ платить налоги, а изъ наличныхъ денегъ, бывшихъ въ казнѣ, много украдено начальствующими лицами. Тюрьмы такъ наполнены, что я не знаю, куда будутъ дѣвать вновь арестуемыхъ людей. Наше имущество во власти буйныхъ солдатъ. Появленіе сардинскаго флага безпокоитъ правительство“.

„25 апрѣля.

„Все продолжается по прежнему.

„Прибавляю (продолжаетъ корреспондентъ Times'a) извѣстія, сообщенныя мнѣ живущими въ Неаполѣ иностранными консулами и придаю тѣмъ болѣе важности слѣдующему письму, что человекъ, писавшій его, вообще старается изложить дѣло въ видѣ благопріятномъ правительству. Вотъ отрывокъ изъ его письма:

„25 апрѣля. Дѣла находятся теперь въ положеніи худшемъ прежняго. Ужасъ, господствующій здѣсь (въ Палермо), можно сравнить только съ тѣмъ, что было въ 1837 году, когда свирѣпствовала холера и умирало по тысячѣ человекъ въ день. Всѣ лавки въ городѣ заперты. Мы отрѣзаны войсками отъ всякихъ сообщеній съ остальнымъ островомъ и не знаемъ, что тамъ дѣлается“.

„Событія плдутъ такъ быстро (продолжаетъ корреспондентъ), что скоро и въ самомъ Неаполѣ силы войскъ могутъ оказаться недостаточными. „Неаполь останется спокоенъ“, говорятъ люди, для которыхъ тишина всего дороже, но я вспоминаю при этомъ, что тѣ же самые люди два мѣсяца тому назадъ говорили, что въ Сициліи не будетъ волненія. Необходимо было бы присутствіе англійскихъ и французскихъ военныхъ силъ, чтобы охранить насъ отъ тѣхъ сценъ, которымъ вотъ ужъ цѣлый мѣсяць подвергается Палермо. Что такое дѣлается въ Палермо, вы можете судить по слѣдующему факту. Секретарь французскаго посольства въ Палермо живетъ на датѣ подлѣ самаго города. Однажды, когда онъ былъ въ городѣ, солдаты пришли обыскивать его домъ; но садовникъ сказалъ имъ, что тутъ ничего спрятаннаго нѣтъ, и не нашедши ничего они ушли со двора, какъ вдругъ изъ сосѣднихъ домовъ брошено было въ нихъ нѣсколько камней. Они ворвались въ домъ секретаря, убили двухъ мужчинъ, трои хъ дѣтей и одну женщину, ограбили и зажгли домъ. Другую женщину, спрятавшуюся въ постель, они сожгли. Воротившись черезъ нѣсколько времени, секретарь нашелъ обгорѣлое тѣло женщины на полусгорѣвшей кровати, а тѣла другихъ убитыхъ были зарыты солдатами въ садъ. Всѣми извѣстіями получаемыми июю, официально подтверждается то, что я писалъ вамъ о звѣрскихъ убійствахъ, совершенныхъ въ Карини. Городъ былъ сожженъ

я ограбленъ; женщины и дѣти были перерѣзаны солдатами, которымъ предварительно было дано разрѣшеніе грабить и которые официально поощряются ко всѣмъ звѣрствамъ. Посылаю вамъ слѣдующій официальный документъ, писанный чиновникомъ неаполитанскаго правительства: выраженія этого рапорта, посылаемаго правительству, достаточно подтверждаютъ то, что рассказывается о свирѣпостяхъ произведенныхъ въ Карини. Вотъ этотъ рапортъ:

„19 апрѣля. Посылаю отчетъ о дѣйствіяхъ летучей колонны, состоящей изъ одного дивизиона 14-й батареи, 4-хъ ротъ 4-го линейнаго полка и 2-хъ ротъ 2-го стрѣлковаго батальона. Колонна вышла изъ Куатровенти 17 апрѣля въ два часа пополудни, по горной дорогѣ, направляясь къ Карини, по полученному извѣстію, что тамъ собрались зачинщики возстанія съ обольщенными своими людьми. Ночью одинъ батальонъ 5-го линейнаго полка былъ посланъ моремъ, чтобы высадиться на берегу близъ Карини. Было также сдѣлано распоряженіе, чтобы колонна генерала Кательдо, находившаяся въ Партенико, заняла вершины сосѣднихъ горъ. Вчера рано поутру первая колонна была уже передъ Карини, а батальонъ 6-го линейнаго полка высадился на берегъ. Сдѣлавъ рекогносцировку, первая колонна одна штурмовала Карини, что было очень затруднительно по характеру мѣстности и способу постройки домовъ. Сначала была употреблена въ дѣло артиллерія; сопротивленіе очень было упорно, но пѣхота, послѣ долгой перестрѣлки, ударила въ штыки и послѣдовало чрезвычайно значительное истребленіе (*eccidio considerevolissimo*). Городъ Карини былъ преданъ пламени и остатки мятежниковъ бѣжали въ горы. Артиллерія хорошо исполняла свой долгъ и особенно отличился старшій сержантъ Джуліе Базиліо“.

„21, 22 и 23 апрѣля происходили стычки въ окрестностяхъ Палермо.

„Королевская армія владѣеть городами, но какъ только выходитъ изъ своихъ крѣпостей и укрѣпленныхъ лагерей, имѣеть дѣло съ сильными вооруженными отрядами партизановъ. Неаполитанская оффиціальная газета и прокламаціи палермскаго губернатора напрасно объявляли, что жители Палермо остались чужды борьбѣ. Каждый, кто имѣлъ оружіе, дѣйствовалъ имъ. Инсургенты, вытѣсненные изъ Гуанчскаго монастыря числительнымъ превосходствомъ войскъ, отступили въ стройномъ порядкѣ черезъ Терминскія ворота и ушли въ Багарію; находившіеся въ Багаріи два эскадрона заперлись отъ нихъ въ казармы и послали за помощью въ Палермо. На слѣдующій день генералъ Суриксъ съ батальономъ пѣхоты долженъ былъ штурмовать каждый домъ въ Багаріи, идя освободить запертые гарнизоны. Освободивъ ихъ, пѣхота съ сильною потерю отступила въ Палермо. 7 числа войска снова напали на эту деревню, но были отбиты инсургентами: первый выстрѣлъ по войскамъ былъ сдѣланъ женщиною, которая потомъ бросилась на непріятеля и черезъ нѣсколько минутъ была убита. Инсургенты не ослабѣвають мужествомъ, но не достаетъ у нихъ ружей: они ниютъ ихъ не больше восьмисотъ; впрочемъ, за каждымъ имѣющимъ ружье стоитъ нѣсколько товарищей, готовыхъ смѣнить его, когда онъ упадетъ. 8 апрѣля нѣсколько сотъ инсургентовъ разбили у Колия (на западъ отъ Палермо) цѣлый батальонъ съ четырьмя орудіями: солдаты бѣжали и офицеры напрасно кололи ихъ шпагами, чтобы остановить. Отвага инсургентовъ такъ велика, что, наприжѣръ, 5 апрѣля у Макетскихъ воротъ четыре челоуѣка бросились на двѣ роты и дрались, пока были изрублены въ куски. Битва въ Палермо и его окрестностяхъ кончилась 9 апрѣля тѣмъ, что инсургенты израсходовали весь свой порохъ и только поэтому отступили“.

Читатель понимаетъ, что мы не можемъ оставить эти отзывы безъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Факты изложены вѣрно, добросовѣстно, но сужденія о нихъ неудовлетворительны. Корреспонденты страннымъ образомъ дивятся крутости мѣръ, принимаемыхъ военными и полицейскими начальствами противъ людей, не только сдѣлавшихся инсургентами, но только думающихъ когда нибудь перейти на сторону инсургентовъ, или даже и не думающихъ это, а только сочувствующихъ этому, или только не выражающихъ ненависти къ сочувствующимъ. Корреспонденты удивляются рѣзнѣ стариковъ, дѣтей, женщинъ, какъ будто тутъ что нибудь чрезвы-

чайное, какъ будто подобныя отношенія не всегда сопровождаются точно такими же фактами. Это авная ошибка. Ничего иного и не слѣдуетъ ожидать отъ неаполитанскихъ начальствъ, поступать иначе они не могутъ. Возьмемъ хотя мессинскія дѣла, подробности о которыхъ помѣстили въ прошедшемъ обзорѣ. Городъ совершенно спокоенъ, жители совершенно покорны; генералу Руссо извѣстно, что самыя горячія головы изъ горожанъ не думаютъ поднимать смуть въ Мессинѣ; а Руссо нѣсколько ночей сряду стрѣляетъ по улицамъ, пули бьютъ больныхъ женщинъ, лежащихъ въ постели, солдаты врываются въ мирные дома, грабятъ и рѣжутъ. На поверхностный взглядъ это можетъ казаться очень странно; но разберемъ хорошенько, и мы найдемъ, что все происходитъ тутъ совершенно какъ слѣдуетъ. Мессинцы спокойны, но они тайкомъ посылаютъ помощь инсургентамъ; и такъ они враги, а враговъ по правиламъ военнаго искусства слѣдуетъ истреблять, или по крайней мѣрѣ запугивать страшными примѣрами, чтобы они не смѣли шевельнуться. Руссо вѣроятно находилъ даже въ своемъ образѣ дѣйствій чрезвычайную кротость и снисходительность: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ не истребилъ всѣхъ жителей, какъ могъ истребить и какъ они того заслуживали по его мнѣнію, а только поугалъ ихъ. Быть можетъ совѣсть упрекаетъ его за то, что онъ не вполне совершилъ свою обязанность уничтожать враговъ, а навѣрное онъ и его начальники будутъ жалѣть объ этомъ, если инсургенты успѣютъ овладѣть Мессиною. Но ни въ какомъ случаѣ онъ не будетъ мучиться совѣстью за то, что стрѣлялъ по мирнымъ домамъ. Конечно, судя по человѣчеству жаль нѣвольныхъ несчастныхъ и невинныхъ, погибшихъ тутъ. Да вѣдь и онъ самъ навѣрное жалѣетъ о ихъ судьбѣ. Но что же дѣлать? Примѣръ былъ нуженъ. Развѣ полководецъ не жалѣетъ о непріятельскихъ солдатахъ, истребляемыхъ на полѣ битвы его картечью; но что же ему дѣлать?—и онъ съ спокойной совѣстью приказываетъ усилить огонь. Правда, передъ Руссо были не воины, а безоружные мирные граждане; но вѣдь они хуже всякихъ непріятельскихъ солдатъ для него: съ непріателемъ можно и примириться, и подружиться, а между людьми неаполитанской системы и сицилійцами невозможно примиреніе. Ихъ отношенія нѣтъ другаго исхода, кромѣ истребленія той или другой стороны.

Точно то же надобно сказать и объ истребленіи деревень около Палермо, и о взятіи Корини, и о всѣхъ эпизодахъ этихъ торжествъ неаполитанской системы. Правда, въ дѣлѣ о судьбѣ города Карини оказывается даже, что городъ не былъ занятъ войсками послѣ упорной битвы, какъ объявляли неаполитанскія начальства, чтобы нѣсколько сгладить впечатлѣніе: войска вошли въ городъ безъ сопротивленія, спокойно стали рѣзать и жечь по обдуманному холодному расчету. Но можно понять и этотъ расчетъ, можно понять и надобность скрыть его выдумкою небывалаго штурма: къ сожалѣнію, люди вообще слабонервны; надобно щадить ихъ неразборчивую чувствительность и ложь была тутъ филантропіею, вознаграждавшею за нѣкоторую суровость распоряженій относительно Карини. О, если бы люди не были слабонервны! Тогда, конечно, не дѣлалось бы на свѣтѣ такихъ вещей, какія видимъ теперь.

Но какъ бы то ни было, хорошо или дурно поступали неаполитанскія начальства съ сицилійцами, дѣло состоитъ въ томъ, что болѣе мѣсяца сицилійцы оставались безъ всякой помощи. Королевскія войска и въ началѣ апрѣля были уже многочисленны въ Сициліи, такъ что сицилійцамъ нужна была чрезвычайная отвага

на возстаіе. Потомъ эти войска получали ежедневныя сильныя подкрѣпленія. А у инсургентовъ не только не было артиллеріи, не только не было конницы, у нихъ было очень мало пороха и всего нѣсколько сотенъ ружей. Однако же они безъ всякой надежды на чью набудь помощь начали свое дѣло и, что еще важнѣе, слишкомъ мѣсяць держались, не ослабѣвая духомъ. Какой настойчивости, какой отваги требовала эта долгая борьба, можно понять только изъ того, какимъ отчаяннымъ подвигомъ показалаь Европѣ даже экспедиція Гарибальди, которая была изобильно снабжена оружіемъ и состояла изъ отборныхъ людей, гораздо лучшихъ самаго лучшаго корпуса какой бы то ни было западно-европейской арміи. Гарибальди кажется довольно извѣстенъ за человѣка очень смѣлаго; но всѣ говорили, что самыя отважныя изъ прежнихъ его экспедицій далеко не были такъ рискованны, безнадежны, какъ эта. Если корпусъ хорошо вооруженныхъ, закаленныхъ въ бою солдатъ выказывалъ слишкомъ рѣдкую даже въ немъ храбрость, иди на эту войну, то что же надобно сказать о рѣшимости рекрутъ волонтеровъ, почти безоружныхъ, начавшихъ и цѣлый мѣсяць продолжавшихъ ее въ оверестностяхъ Палермо и Мессины?

Объ отправленіи экспедиціи Гарибальди изъ Генуи мы имѣемъ уже довольно удовлетворительныя свѣдѣнія. Теперь положительно извѣстно, что всѣ сборы производилась не только безъ содѣйствія сардинскаго правительства, а противъ его воли, наперекоръ всевозможнымъ препятствіямъ, какія только могъ поставить этому дѣлу Кавуръ. Въ самомъ дѣлѣ, экспедиція ставила его въ самое непріятное положеніе къ французскимъ и другимъ дипломатамъ, расположеніемъ которыхъ онъ такъ дорожилъ. Она компрометировала его подозрѣніемъ въ потачкѣ революціонеровъ, съ которыми онъ не хочетъ имѣть ничего общаго. Читатель знаетъ, что Гарибальди прошлою осенью возбудилъ въ Италіи подписку для вооруженія волонтеровъ, или такъ называемую подписку на миллионъ ружей. Она доставила очень большія суммы, которыми распоряжается особый комитетъ, находящійся въ Миланѣ. Гарибальди потребовалъ, чтобы комитетъ выдалъ ему деньги для снаряженія экспедиціи. Комитетъ отвѣчалъ, что не можетъ сдѣлать этого безъ разрѣшенія правительства, и обратился съ вопросомъ къ Кавуру. Кавуръ запретилъ выдавать Гарибальди деньги, пожертвованныя итальянцами по довѣрію къ тому же самому Гарибальди для предпріятій, которыя захочетъ вести все-таки тотъ же Гарибальди. Заботливость Кавура сохранить свою чистоту передъ европейскими дипломатами была такъ велика, что онъ не поколебался нарушить, — не какіе нибудь политическіе законы, нѣтъ, гражданскіе законы объ имуществахъ: по гражданскимъ законамъ Гарибальди имѣлъ полное право считать собранныя подпискою деньги находящимися въ его безусловномъ распоряженіи. Были употреблены всѣ возможныя полицейскія мѣры, чтобы помѣшать переѣзду волонтеровъ Гарибальди съ Генуэзскаго берега на корабли, чтобы задержать эти корабли, даже силою оружія, если понадобится. Волонтеры должны были отправиться ночью, тайвомъ, чтобы укрыться отъ сардинскаго правительства, и Кавуръ не поколебался сказать: „корабли не были задержаны только потому, что волонтеры овладѣли ими тогда, когда они стояли очень далеко отъ берега, вѣ выстрѣловъ береговыхъ баттарей“. Итакъ, онъ хотѣлъ стрѣлять по Гарибальди и его волонтерамъ, но, къ сожалѣнію, ядра не долетали бы до ослушниковъ. Увидѣвъ, что корабли волонтеровъ ушли въ-подъ ихъ пушекъ, сардинскія начальства тотчасъ же послали за ними два

военные парохода, которые впрочемъ уже не могли нагнать ихъ. Да и прежде того, генуэзскому губернатору было приказано вывести войска, чтобы арестовать по дорогамъ къ берегу людей, которые показались бы волонтерами. Но губернаторъ не былъ такъ рѣшителенъ, какъ министръ, и написалъ Кавуру, что атака войскъ на волонтеровъ произвела бы народное возмущеніе, да я войска вѣроятно возмутились бы. Именно только это ожиданіе народнаго возстанія въ случаѣ арестованія Гарибальди и помѣшало Кавуру посадить Гарибальди въ тюрьму или съ полицейскимъ конвоемъ выслать изъ сардинскихъ владѣній. Не успѣвъ, къ великому своему прискорбію, задержать корабли, на которыхъ отправился Гарибальди съ первымъ отрядомъ, Кавуръ былъ счастливѣе въ слѣдующіе дни: онъ успѣлъ недопустить отправленіе втораго корпуса волонтеровъ, готовившихся ѣхать на подкрѣпленіе Гарибальди, и справедливо ставить себѣ это въ большую заслугу передъ дипломатами. Да и первый корпусъ, при которомъ находился самъ Гарибальди, успѣлъ перебраться съ берега на корабли только при соблюденіи величайшихъ осторожностей противъ сардинской полиціи. Предосторожность надобно было довести до того, что волонтеры собирались не въ Генуѣ и не всѣ вмѣстѣ, а небольшими отрядами по нѣскольку десятковъ человекъ въ разныхъ деревушкахъ около Генуи: они приходили къ берегу, какъ будто по непріятельской странѣ, и ночь своего отъѣзда провели въ какихъ-то избушкахъ, шалашахъ и сараяхъ, какъ будто собирались не на помощь соотечественникамъ, а на какое нибудь преступное дѣло.

Гарибальди извѣстенъ искусствомъ хранить свои планы и движенія въ непроницаемой для враговъ тайнѣ. Въ послѣднюю войну, когда онъ дѣйствовалъ въ сѣверо-западной Ломбардіи, ни австрійцы, ни французы по нѣскольку дней не знали, гдѣ онъ; такъ онъ дѣйствовалъ и теперь. До той самой минуты, когда онъ высадился въ Марсель, никто не зналъ, куда именно отправился онъ: въ Абрुццо, Калабрию, въ Сицилію или куда нибудь въ Папскую Область. Догадки были различны, и если передъ отправленіемъ экспедиціи преобладало мнѣніе, что она пойдетъ въ Сицилію, то по ея отъѣздѣ изъ Генуи получили два на два перевѣсы другіе слухи: стали говорить, что Гарибальди хочетъ проникнуть въ Абрुццо черезъ Папскую Область. Это возникло изъ того, что эскадра приставала къ берегу въ Таламоне, на южной части тосканскаго берега, верстахъ въ двадцати-пяти отъ границы папскихъ владѣній. Но это было сдѣлано только затѣмъ, чтобы купить на берегу съѣстныхъ припасовъ. Жители Таламоне приняли волонтеровъ съ патріотическимъ сочувствіемъ и устроили для нихъ праздникъ. Строгость Кавура въ желаніи сохранить чистоту передъ дипломатами простиралась до того, что таламонскій синдикъ долженъ былъ оправдываться передъ начальствомъ за свои дѣйствія въ этомъ случаѣ. Отправившись изъ Генуи въ ночь съ 5 на 6 мая, Гарибальди 11 мая въ 2 часа дня высадился въ Марсель, довольно большомъ городѣ, лежащемъ на самой западной оконечности сѣвернаго берега Сициліи, верстахъ въ полтораста на западъ отъ Палермо. Объ этой высадкѣ мы имѣемъ слѣдующее письмо, присланное въ „Globe“ англійскими купцами О'Бирнами, которымъ случилось въ это самое время заходить на нѣсколько часовъ въ марсельскую гавань по своимъ торговымъ дѣламъ:

„Мы вышли на берегъ и часа въ три по полудни сѣдѣли въ кофейной; вдругъ вошли нѣсколько человекъ, изъ которыхъ одни были въ красныхъ нундирахъ, другіе въ статскомъ платьѣ, но всѣ вооруженные ружьями со штыками. Посѣтители, бывшіе въ

кофейной, встрѣтили ихъ съ радостью. Мы спросили, что это за люди; намъ отвѣчали, что Гарибальди высадились на берегъ. Мы тотчасъ же пошли изъ кофейной въ городъ и нашли, что онъ уже въ рукахъ отряда Гарибальди. Мы хотѣли отправиться на прогулку въ поле, но командовавшій офицеръ, очень красивый мужчина, сказалъ намъ, что выйти изъ города нельзя безъ приказа Гарибальди. Потому мы воротились на пристань, чтобы ѣхать назадъ на нашъ корабль, и встрѣчали по дорогѣ много солдатъ Гарибальди. При входѣ на гавань насъ остановили и послали спросить, разрѣшить ли генералъ пропустить насъ; получивъ разрѣшеніе, насъ пропустили. Въ гавани мы видѣли солдатъ, продолжающихъ высаживаться на берегъ съ оружіемъ и военными запасами. Намъ говорили, что въ городъ уже отправлены 2000 человекъ и что придутъ еще новые экспедиціонные отряды. Приѣхавшіе волонтеры желали поскорѣе встрѣтиться съ неаполитанскими войсками. Почти всѣ они имѣли атлетическую наружность. Они высаживались изъ двухъ пароходовъ въ виду двухъ неаполитанскихъ пароходовъ и одного неаполитанскаго паруснаго корвета, крейсировавшихъ у берега. Самый малый изъ этихъ неаполитанскихъ кораблей одинъ могъ бы легко помѣшать высадкѣ, но неаполитанцы боялись нападать на волонтеровъ. Когда волонтеры высадились на берегъ и уже были ввѣ выстрѣловъ съ моря, неаполитанцы приблизились и начали стрѣлять по нѣсколькимъ волонтерамъ, оставшимся позади товарищей на пристани. Это была напрасная трата пороха, потому что рѣдкое ядро долетало до берега. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что неаполитанцы могли бы захватить еще до высадки, если не оба парохода Гарибальди, то по крайней мѣрѣ одинъ, шедшій сзади; но они не осмѣлились подойти къ нимъ. Они взяли брошенные волонтерами пароходы уже въ половинѣ седьмого, да и то послѣ долгихъ колебаній.

„Мы отправляемся въ Мальту. Одинъ изъ неаполитанскихъ пароходовъ и парусный фрегатъ стрѣляютъ по городу, который не отвѣчаетъ. Не умѣемъ сказать, есть ли у Гарибальди пушки; мы не видѣли у нихъ пушекъ. Неаполитанскихъ войскъ въ городѣ не было. Неаполитанскія большія суда не могли подойти близко къ берегу, потому что былъ отливъ“.

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ высадившагося отряда мы имѣемъ кромѣ телеграфическихъ депешъ только немногія отрывочныя извѣстія. Вотъ важнѣйшія изъ нихъ; они были сообщены въ „Patrie“:

„Высадившись въ Марсалѣ, волонтеры Гарибальди разставили аванпосты на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ. Вечеромъ отрядъ отборныхъ людей сдѣлалъ сильную рекогносцировку по направлеши къ Трапани и возвратился въ лагерь, узнавъ, гдѣ расположены королевскія войска.

„Мѣсто высадки было опредѣлено заравѣ, но выборъ этотъ хранился въ тайнѣ; однако же о немъ было сообщено всѣмъ предводителямъ сицилійскихъ инсургентовъ, и ночью они прибыли въ лагерь, чтобы условиться о планѣ дѣйствій. На другой день отряды сицилійскихъ инсургентовъ присоединились къ экспедиціонному корпусу и было рѣшено двинуться впередъ на разсвѣтъ 13 мая. Съ той поры возсташе начало усиливаться.

„Командиръ королевскихъ войскъ, узнавъ о происходящемъ, увидѣлъ невозможность войскамъ держаться въ Трапани и другихъ второстепенныхъ пунктахъ и сосредоточилъ всѣ свои силы въ Палермо.

„Экспедиціонный корпусъ находится уже въ Монреале, въ пяти километрахъ (верстахъ) отъ Палермо, и можно сказать, что инсургенты владѣютъ всѣмъ островомъ, кромѣ Палермо и Мессины, въ которыхъ держатся королевскія войска. Обѣ эти крѣпости очень сильны, но положеніе королевскихъ войскъ очень затруднительно, потому что Сицилія имѣетъ около 2,000,000 населенія и предводители возставія оргавизуютъ его очень энергически“.

Въ другомъ письмѣ (напечатанномъ также газетою Patrie) говорится:

„Извѣстія, полученныя нами изъ южной Италіи, идуть до 15 мая.

„Въ Сициліи положеніе дѣлъ мало измѣнилось. Корпусъ волонтеровъ Гарибальди,

по послѣднимъ извѣстіямъ, кажется, хотѣлъ оставить Алькано въ лѣвой рукѣ и приблизиться къ Черрарѣ, чтобы соединиться съ отрядомъ въ 1,200 человекъ, организованнымъ въ Мессинской провинціи *). Съ другой стороны, по словамъ капитановъ купеческихъ судовъ, пришедшихъ изъ Сициліи, крѣпость Трапани не оставлена королевскими войсками, напротивъ, ея гарнизонъ получаетъ подкрѣпленія съ моря. Этотъ фактъ важенъ, потому что волонтеры не могутъ пренебречь непріятелемъ, который, опираясь на столь сильную крѣпость, какъ Трапани, сталъ бы угрожать нхъ тылу, держась между Трапани и Калатафими **).

„Возстаніе, развившееся отъ появленія волонтеровъ Гарибальди, располагаетъ по видимому большими средствами. Жалованье и продовольствіе солдатамъ выдаются исправно. Въ послѣдніе дни стали полагать, что самъ Гарибальди не высаждался на берегъ и что онъ скоро пріѣдетъ съ подкрѣпленіями. Достоверно то, что въ Марсель, гдѣ много англичанъ и иностранныхъ купцовъ, никто изъ нихъ его не видалъ и всѣ приказы отдаются начальникомъ его штаба, который подписываетъ ихъ „за генерала, по его порученію“. Какъ бы то ни было, но имя Гарибальди сильно дѣйствуетъ на островѣ“.

По телеграфическимъ извѣстіямъ мы знаемъ, что 15 мая была стычка у Калатафими на половинѣ пути изъ Марсалы въ Палермо, что неаполитанцы были тутъ разбиты, хотя сначала неаполитанское правительство и объявляло о побѣдѣ. Послѣ этого волонтеры Гарибальди подошли къ самому Палермо и неаполитанскія оффиціальныя депеши опять объявляютъ, что королевскія войска разбили ихъ. На сколько справедливо это вторичное увѣреніе, читатель будетъ уже знать, когда выйдетъ книжка. Онъ знаетъ также, что король неаполитанскій предлагаетъ сицилійцамъ амнистію, отдѣльное управленіе и, что всего любопытнѣе, обѣщаетъ разрѣшать построеніе желѣзныхъ дорогъ на островѣ, какъ будто это такъ же составляетъ для него важную жертву. Это объявленіе не произвело никакого дѣйствія на инсургентовъ, какъ и слѣдовало ожидать. Въ слѣдующій разъ мы вѣроятно будемъ уже имѣть положительныя извѣстія о томъ, гдѣ находится Гарибальди и каковаго успѣха надобно ожидать сицилійскому возстанію. Теперь мы знаемъ только, что весь островъ возсталъ противъ Франческо, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, находящихся подъ пушками крѣпостей съ сильнымъ гарнизономъ; главные изъ этихъ пунктовъ Мессина, Палермо, Трапани; инсургентамъ не легко будетъ овладѣть ими, пока неаполитанское правительство сохраняетъ господство на морѣ и можетъ присылать подкрѣпленія своимъ войскамъ, число которыхъ въ Сициліи простирается теперь, вѣроятно, до 45 или 50 тысячъ. Несмотря на невозможность возстать, жители Палермо выражаютъ свое сочувствіе инсургентамъ демонстраціями, которыхъ не можетъ остановить полиція. Особенно замѣчательна была демонстрація 9 мая, служившая отвѣтомъ на слова коменданта крѣпости генерала Сальцано, что жители Палермо не сочувствуютъ инсургентамъ. Въ тотъ день, когда явился приказъ говорившій это, все мужское населеніе Палермо было въ пять часовъ вечера на улицахъ съ криками „да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ Викторъ-Эммануэль!“ Эта манифестація произошла сама собою, безъ всякаго предварительнаго условія, такъ что сами участвовавшіе въ ней удивлялись, увидѣвъ себя не одинокими, а составляющими одну сплошную массу по всѣмъ улицамъ.

*) Алькано лежатъ на большой дорогѣ изъ Марсалы въ Палермо въ одномъ переходѣ отъ Калатафими, гдѣ была битва, ближе къ Палермо. Слова о движеніи въ Черрарѣ на соединеніе съ мессинскимъ отрядомъ вѣроятно основаны на какой нибудь ошибкѣ, потому что это было бы слишкомъ большимъ кровопролитіемъ.

**) Трапани лежитъ къ северу отъ Марсалы, верстахъ въ двадцати пяти по прямой линіи. Въ Калатафими сходятся дороги, идущія въ Палермо изъ Марсалы и изъ Трапани.

Въ самомъ Неаполѣ происходятъ подобныя манифестаціи и ежедневно возникаютъ слухи о возстаніи въ Абрुццо или въ Калабріи. Раза два случалось, что слухъ этотъ разносился по всей Европѣ, но до сихъ поръ онъ оказывался преждевременнымъ. Нечего говорить о томъ, какъ легко можетъ возникнуть новая война между сильнѣйшими европейскими державами, подобная прошлогодней войнѣ, изъ неаполитанскихъ дѣлъ. По общему мнѣнію, готовится столкновение и въ центральной Италиі: Ламорьсьеръ желаетъ увѣнчать себя лаврами и стяжать благословеніе папы, а папа исполненъ надеждъ на своего рыцаря. Папскія войска, перестроенный Ламорьсьеромъ, собираются на границахъ Романьи и съ каждымъ днемъ можно ожидать, что они пойдутъ возвращать заблудшихъ овецъ подъ управленіе добраго пастыря. Въ надеждѣ на успѣхъ, римское правительство возвышаетъ голосъ; мы на пробу переведемъ статейку официальной римской газеты о путешествіи Виктора - Эммануэля по Романьи. Королю пришлось объѣзжать свои новыя владѣнія въ такое время года, когда въ сѣверной и центральной Италиі бываютъ проливные дожди. Тоскану онъ успѣлъ объѣхать еще до начала или при началѣ ихъ, но въ Романьи они встрѣтили его со всею своею силою и непрерывностью, такъ что пришлось ему сократить поѣздку и отложить до другаго времени посѣщеніе многихъ городовъ. Тонъ переводимой нами статейки вообще восхищаетъ насъ; жаль только, что она вдается въ нѣкоторую фантазію, называя роковымъ знаменіемъ гнѣва небснаго на Виктора-Эммануэля эти дожди, которые бываютъ въ такое время каждый годъ съ той поры, когда еще не было на свѣтѣ ни Виктора-Эммануэля, ни Болоньи, ни самаго Рима. Напрасно также называетъ она оскверненіемъ храма св. Петронія очень благочестивое молебствіе, выслушанное въ земѣ королеми: храмъ, конечно, не оскверняется молитвами.

„Замолви крики газетъ Центральной Италиі о приѣмѣ, дѣлаемомъ королю Виктору-Эммануэлю въ Романьи. Поѣздка этого монарха была явленіемъ метеора, вспыхивающего и исчезающаго, и едва могла своею ослѣпительностью поразить взоры, отуманенные страстью или вѣроломствомъ.

„Въ Тосканѣ король былъ долго: онъ посѣтилъ много городовъ. Романья имѣла новую судьбу. Болонья, городъ великихъ воспоминаній, едва привлекла взглядъ, измѣрившій всю ее съ окружающихъ выестъ.

„Вступивъ въ Болонью, король не нашелъ обѣщаннаго ему приѣма. Люди, имѣвшие выгоду поднимать и поддерживать шумъ, были прогнаны яростью непогодъ, разрушившихъ декораціи, перемочившихъ знамена, изорвавшихъ драпировку, и рады были найти убѣжище въ храмѣ Св. Петронія. Тутъ многочисленная шайка эмигрантовъ, студентовъ и горсть космополитныхъ священниковъ произвела богохульственное святотатство и осквернила, огласивъ своими криками и воплями священные своды величественнаго храма.

„Но изъ всѣхъ бывшихъ тутъ духовныхъ только семь человекъ были болонцы. Они одинъ измѣнили своему долгу въ многоясленномъ духовенствѣ впархіи, имѣющей болѣе 400,000 жителей, и города, считающаго до 80,000 жителей. Но никто не удивился тому: эти священники уже и прежде были людьми погибшими въ общественномъ мнѣніи, одни по явному своему слабоумію, другіе по дурному образу жизни. Въ теченіе двухъ дней, проведенныхъ въ Болоньи, Викторъ-Эммануэль оставался углубленъ въ самого себя, занятый глубокими и почти разстроенными мыслями.

„Земля Романья какъ будто жгла ноги этого государя на каждомъ шагѣ его по ней. Онъ не захотѣлъ быть въ богатой Феррарѣ и бросить взглядъ въ дворецъ Эсте, на виллу, бывшую Аеннани Италиі, сохраняющую столько славныхъ воспоминаній объ Арюсто, Гуарини, Тассо и Бембо. Воинственный король не захотѣлъ доѣхать и до Равенны, историческаго города, бывшаго резиденціею послѣднихъ западныхъ императоровъ, гдѣ онъ увидѣлъ бы гробъ Теодорика, перваго задунавшаго основать Итальяно-Готское

государство, в трофеи храбрости Велзария и Нарзеса, знаменитых воителей Византийского законодателя, и гробницу Данте, в сердце которого было столько любви к Италии. Быть может, вписывая свое имя в книгу, в которую с почтением вписали свои имена сотни других монархов, он увидит бы, что священная и святая рука, принося дань уважения великому поэту, написала в этой книге три года тому назад пророческий терцет:

„Шумъ свѣта—дуновение вѣтра, несущагося то отсюда, то оттуда, и перемѣняющаго имена по перемѣнѣмъ направленія“.

Этотъ азартъ слишкомъ ясно свидѣтельствуетъ о намѣреніи начать войну. Сѣверно-итальянское правительство сосредоточиваетъ для своей обороны войска на южной границѣ своихъ провинцій. Этою арміею командуетъ Чальдини, который приобрѣлъ себѣ хорошую военную извѣстность въ прошломъ году.

Австрія помогаетъ папѣ вербовать солдатъ въ нѣмецкой части имперіи и даетъ солдатъ герцогамъ Моденскому и Тосканскому, которые собираются сдѣлать вторженіе въ свои бывшія владѣнія; удастся ли имъ исполнить эту мечту, неизвѣстно; но охота у нихъ есть и австрійцы думаютъ воспользоваться этими столкновеніями, чтобы двинуться на подавленіе и обобраніе Сѣверно-итальянскаго королевства, какъ только позволитъ императоръ французамъ. Съ цѣлью привести свои внутреннія дѣла въ порядокъ, допускающій внѣшнюю войну, австрійское правительство дѣлаетъ недовольнымъ подданнымъ своимъ уступки, поражающія неслыханнымъ либерализмомъ: надобно полагать, что скоро оно по любви къ свободѣ заткнетъ за поясъ и Бельгію, и Англию, и самую Швейцарію. Мѣсяца два или три тому назадъ Европа была сконфужена изумительнымъ извѣстіемъ, что въ Австріи, вотъ на дняхъ, будетъ введена конституція. Европа не вѣрила своимъ ушамъ, а между тѣмъ обѣщаніе исполнено теперь самымъ блистательнымъ образомъ. Надобно звать то, чего никто не зналъ доселѣ, именно то, что въ Австріи существуетъ родъ шутаго колеса въ скрипучей телѣгѣ, но колеса самаго маленькаго, совершенно незамѣтнаго. Это пятое колесо называется государственнымъ совѣтомъ. Вотъ этотъ самый государственный совѣтъ и есть конституція. До сихъ поръ въ немъ было человѣкъ пятнадцать и назначались они императоромъ безъ разбора того, кто откуда родомъ; когда было такъ, то разумѣется конституціи не было. Теперь вздумали назначить еще человѣкъ сорокъ пять членовъ, принимая въ уваженіе, чтобы тутъ были знатные люди изъ всѣхъ провинцій. Дурнаго тутъ нѣтъ ничего: государственный совѣтъ собирается въ помѣстительной залѣ, почему же не сидѣть въ ней вмѣсто пятнадцати особъ шестидесяти особамъ?—а если такъ, то конечно Австрія стала конституціоннымъ государствомъ: въ ея государственнымъ совѣтѣ, какъ можетъ видѣть каждый изъ списка членовъ, находятся представители всѣхъ провинцій. Въ одномя нѣсколько ошиблись австрійскіе конституціонисты, то есть придворные іезуиты и духовные потомки Меттерниха: они не почли нужнымъ предварительно спросить у назначаемыхъ лицъ, захотятъ ли они носить даваемый имъ титулъ, захотятъ ли принадлежать къ почтенной компаніи, называемой государственнымъ совѣтомъ. Кабинетъ рассчитывалъ, что такъ какъ вводится конституція и назначаемыя лица должны совершенно замѣнить собою всякихъ депутатовъ, то не посмѣютъ не быть совершенно независимыми отъ правительства представителями своихъ областей, чтобы не попасть въ тюрьму за ослушаніе, и будутъ заниматься въ государственнымъ совѣтѣ отважною оппозиціею по приказанію министерства, которому нужна и оппозиція въ числѣ другихъ принадлежностей сво-

боды. Вышло не такъ: венгерскіе магнаты, назначенные въ государственный совѣтъ, отказались идти, хотя были выбраны изъ самыхъ благонадѣжныхъ людей. Ихъ примѣру послѣдовали многія значительныя лица изъ другихъ частей имперіи. Увы! безъ нихъ въ государственномъ совѣтѣ не будетъ оппозиціи, — то есть оппозиція будетъ, потому что найдутся послушные люди, чтобы спорить противъ правительства по его приказанію и указанію, но эта оппозиція, столь серьезная и благотворная, не будетъ получать надлежащаго вліянія на общественное мнѣніе, лишившись громкихъ именъ. Впрочемъ, усердіе не нуждается ни въ какихъ именахъ: говорятъ, что новый государственшій совѣтъ на дняхъ начнетъ свои засѣданія, не смущаясь тѣмъ, что члены его не пойдутъ въ эти засѣданія и уже отказались отъ званія членовъ. Можно даже видѣть въ этомъ хорошую сторону: такимъ образомъ новый государственный совѣтъ будетъ чисто идеальнымъ совѣтомъ, безъ всякихъ слѣдовъ матеріальнаго существованія, будетъ идеаломъ государственнаго совѣта, а идеаль — это уже непремѣнно что нибудь очень хорошее. Что уже дано цѣлой имперіи въ видѣ государственнаго совѣта, то обѣщано Венгріи подъ именемъ сейма. Читатель знаетъ, что венгры проникнуты живѣйшею любовью къ императору, и въ награду за это данъ имъ правителемъ Бенедекъ, извѣстный генераль, родомъ венгерець, въ родѣ того, какъ Евгенийъ Савойскій, такъ отлично бывшій французовъ, былъ родомъ французъ. Онъ тѣмъ и началъ, какъ только пріѣхалъ въ Пештъ, что объявилъ собравшимся венгерцамъ: „я вашъ соотечественникъ и очень люблю Венгрію; но у меня люди дѣлятся на два разряда: покорные и непокорные. Итакъ я прошу васъ не быть непокорными, которымъ я спускать не люблю“. Впрочемъ, онъ говорилъ это на нѣмецкомъ языкѣ, вѣроятно изъ венгерскаго патриотизма, чтобы не осквернять благородную мадыарскую рѣчь произнесемъ на ней такихъ словъ. По настоящему было бы за-глаза довольно и такой милости, какъ назначеніе безграничнымъ властителемъ Венгріи столь пламеннаго мадыара, тѣмъ болѣе, что подъ команду его прислано нѣсколько корпусовъ войска. Но кто можетъ море удержатъ брегами, пучинѣ положить предѣлъ? — кто можетъ положить предѣлъ расходившемуся либерализму австрійскаго правительства? Король неаполитанскій обѣщаетъ сицилійцамъ самоуправленіе, чуть не республиканскую свободу, и даже разрѣшеніе строить желѣзныя дороги: неужели австрійскій императоръ отстанетъ отъ него на пути столь искреннихъ уступокъ? Итакъ явилось императорское письмо, обѣщающее возетановить въ Венгріи комитатскіе сеймы и даже общій венгерскій сеймъ. Мадыары пришли въ такой восторгъ, что не выразили его ни однимъ словомъ: чтожъ, слишкомъ сильное чувство, какъ извѣстно, не находитъ словъ для своего выраженія. Но редакторъ оффиціальной пештской газеты *Buda-Pesthi Hirlap* не понималъ этого и сталъ выпрашивать, чтобы какой нибудь мадыаръ выразилъ свое мнѣніе о данныхъ обѣщаніяхъ. Нашелся наконецъ и такой мадыаръ, человекъ очень преданный Габсбургскому дому, только, вѣроятно, не проникнутый такимъ энтузіазмомъ къ мадыарской народности, какъ Бенедекъ, потому что отвѣтъ его, помѣщенный въ газетѣ, не имѣетъ того букета, какъ рѣчь патриотическаго намѣстника. Вотъ что онъ пишетъ:

„Вы просите, чтобы я, какъ честный и прямодушный мадыаръ, откровенно сказалъ вамъ, какое впечатлѣніе въ меня и на другихъ жителей нашей страны произведено императорскіимъ письмомъ, обѣщающимъ самоуправленіе, комитатскіе сеймы и общій сеймъ королевства. Сначала я хотѣлъ отвѣчать на ваше письмо уклончиво, во, пораа-

мыслвѣ, скажу вамъ, каковы мои мысли, и по всей вѣроятности, мысли огромнаго большинства моихъ соотечественниковъ.

„Вы спрашиваете моего мнѣнія объ общаніяхъ, данныхъ намъ 19 апрѣля. Мы согласно съ его величествомъ думаемъ, что необходимо восстановление подитическихъ учреждений, существовавшихъ въ Венгріи до 1848 года. Мы думаемъ, что конституціонная монархія единственное спасеніе для насъ. Мы готовы умереть за нее и радостно пожертвуемъ своею кровью в своиѣ имуществѣ за короля, который будетъ сохранять и защищать конституцію. Но императорское письмо 19 апрѣля не произвело энтузіазма. Нація осталась холодна и молчалива; причину холодности было не то, что написано въ письмѣ, а то, чего въ немъ не написано. Соловья баснями не кормятъ. Намъ нужно знать, что такое разумѣтъ письмо подъ иенемъ сейма и когда будутъ восстановлены прежнія учрежденія Слово „конституція“ различно истолковывается разными людьми въ разныхъ странахъ. Мы знаемъ, что Франція имѣетъ конституцію, но не имѣетъ конституціонной свободы. Мы не хотимъ одну скорлупу безъ зерна. Скорлупа намъ показана, но не сдѣлано въ ней прорѣзовъ, чтобы видно было, есть ли подъ ней зерно. Мы хотимъ знать, какъ будутъ приведены въ согласіе съ нынѣшнимъ положеніемъ дѣла комитатскіе сеймы; спрашиваемъ другъ у друга, какіе законы будемъ имѣть для огражденія нашего самоуправленія? Но я твердо убѣжденъ, что всѣ препятствія можно устранить, если только серьезно захотятъ устранить ихъ. Газетамъ не дозволяютъ свободно высказывать мнѣніе объ общаніяхъ, находящихся въ императорскомъ письмѣ, и мы не можемъ особенно вѣрить въ конституцію, которая не въ состояніи выдержать критики. Тотъ способъ, по какому поступаютъ съ газетами, показываетъ вамъ, что дѣла останутся почти въ такомъ же, или даже совершенно въ такомъ положеніи, какъ теперь. Въ послѣднемъ вашемъ номерѣ вы говорите „о дружественныхъ уступкахъ, сдѣланныхъ Венгріи“. Убѣдите насъ, что правительство дѣйствительно и искренно намѣрено сдержатъ свои общанія, и мы будемъ душою и сердцемъ принадлежать вамъ“.

Мы привели вто письмо вовсе не потому, чтобы соглашались съ авторомъ: онъ очевидно заблуждается. Францъ Іосифъ любитъ Венгрію, Венгрія любитъ Франца Іосифа, — что уже тутъ толковать, какое тутъ возможно недовѣріе съ той или другой стороны? Вотъ, если сицилійцы не вѣрятъ Франческо, это иное дѣло: сицилійцы мятежники; а когда не были мятежниками, и они вѣрили. Стало быть и венгерцы должны вѣрить, если не хотятъ быть мятежниками. — Все бы хорошо въ Австріи, елибъ только не было въ ней одного: привычки воровать казенныя деньги. Газеты до сихъ поръ занимаютъ процессомъ о покражѣ суммъ коммисаріатскаго вѣдомства и смертью барона Брука, бывшему однимъ изъ послѣдствій этого процесса. По поводу самоубійства барона Брука была помѣщена въ Times'ѣ не совсѣмъ дурная статья, которую мы переведемъ:

„Есть для государствъ предзнаменованія гораздо страшнѣйшія кометъ и затменій. Есть признаки слабости и приближающагося паденія еще достовѣрнѣйшіе, чѣмъ потери сраженій и отпаденіе областей. Передъ взрывомъ 1848 года во Франція собирались тучи и какая-то особенная духота наполняла атмосферу нѣсколько мѣсяцевъ. Въ обществѣ было смутное и душевное ожиданіе грозющаго бѣдствія, возбуждавшее чувство, что правители поражены умственною слѣпотю, что высокіе сановники деморализованы и нечестны. Несчастная Австрійская имперія имѣетъ теперь предзнаменованія такого же рода. Для людей мыслящихъ открытое теперь гигантское воровство ужаснѣе потери Милана и грозящаго венгерскаго возстанія. Не въ томъ дѣло, что вѣтви государства отрываются бурей народной страсти, а въ томъ, что медленная болѣзнь сушитъ корень и все дерево становится безжизненнымъ, гнилымъ. Извѣстіе, нынѣ печатаемое нами омрачаетъ эту и безъ того уже мрачную исторію. Мы знаемъ теперь печальныя обстоятельства смерти барона Брука. Этотъ государственный человекъ, справедливо считающийся однимъ изъ даровитѣйшихъ австрійскихъ министровъ, единственнымъ министромъ

способныъ поправить государственные финансы, прекратилъ свою жизнь въ тоскѣ отчаянія и стыда. Читатель поймнть, что нѣсколько дней тому назадъ было объявлено объ отставкѣ барона Врука; вслѣдъ за тѣмъ пришла вѣсть о его смерти. Таинственная связь этихъ извѣстій, возбуждавшая столько подозрѣній, теперь совершенно объяснена и уже бзплезно молчать о ней. Министръ былъ отставленъ за участія въ системѣ покражъ, простиравшейся отъ Богемш до Триеста, и заплатилъ за свою вину тѣмъ, что варъзался, принявъ ядъ.

„Судьба этого замѣчательнаго сановника—одно изъ страшныхъ происшествій, осталяющихъ слѣдъ въ исторіи. Министръ финансовъ великаго государства, довѣренный совѣтникъ древняго престола, другъ европейскихъ государственныхъ людей, чтимый гость государей во всѣхъ столицахъ, покровитель промышленности и торговли, извѣнилъ своему долгу, обокралъ свою страну и только самоубійствомъ избѣжалъ воздаянія за преступленіе,—это такое событіе, которое не забудется. Его дипломатическая и министерская карьера была чрезвычайно успѣшна, и когда, пять лѣтъ тому назадъ, онъ оставилъ мѣсто посланника въ Константинополь, принявъ управление финансами Австрійской имперіи, онъ вошелъ на высочайшую степень почестей. Къ несчастію въ то же время началась и система воровства, нынѣ обнаружившаяся. Мы не уиѣемъ сказать, насколько Врукъ участвовалъ въ немъ: былъ-ли онъ руководителемъ въ этомъ плутовствѣ, или только смотрѣлъ сквозъ пальцы на беззаконныя выгоды другихъ. Но теперь не остается сомнѣнія въ томъ, что дѣло, наслѣдуемое нынѣ, длалось нѣсколько лѣтъ. Вѣнскіе и Триѣстскіе милліонеры роскошествовали на деньги, украденныя у государства, это теперь извѣстно.

„Мы читаемъ, что императоръ австрійскій ведетъ наслѣдованіе и наказаніе преступленій съ строгостью, переходящею въ жестокость. Ривольтеля, близкій другъ Врука и одинъ изъ главныхъ триѣстскихъ негоціантовъ, схваченъ, брошенъ въ тюрьму и съ нимъ обращаются какъ съ самымъ низкимъ преступникомъ. Два другіе магната коммерческаго міра, Грамбилля и Мандоьеро, подверглись такой же бѣдѣ. Но не въ одномъ Триѣстѣ велось воровство. Производятся аресты въ разныхъ частяхъ имперіи и съ обвиняемыми повсюду поступаютъ столь же сурово. Въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, въ Триѣстѣ учреждены коммисіи для наслѣдованія этого дѣла. Можно сказать, что терроризмъ владычествуетъ въ австрійскомъ обществѣ. Человѣкъ съ чистой совѣстью можетъ не бояться за себя; но онъ не знаетъ, чистъ ли его сосѣдъ отъ заразы воровства, наказывать которую принялось правительство такъ неохотно. Подробности грабежа еще удерживаются правительствомъ въ глубокой тайнѣ; но извѣстно, что разгѣръ его громаденъ, что онъ обнималъ собою почти всю имперію, что замѣшано въ немъ множество людей, что эти люди занимали высокія положенія. Мы въ Англии ниѣемъ также тяжкія преступленія, но одною вещью мы можемъ гордиться: какъ ни искусительно богатство, но высокой правительственный міръ давно уже не подвергается у васъ ни удикамъ, ни даже подозрѣнію въ грабежѣ казны. Высшіе гражданскіе и военные сановники одинаково чисты отъ этого стыда“.

Читатель помнитъ, какими неистовыми похвалами превозносили несчастнаго министра годъ или два тому назадъ. Теперь по обыкновенію вдругъ нашли, что онъ былъ министръ опрометчивый, легкомысленный, чуть-чуть не бездарный: всѣ газеты наполнены такими отзывами объ немъ. Мы не дивились его мудрости, когда всѣ превозносили ее; за то не будемъ и теперь повторять пошлыя порицанія, которыми всегда награждается несчастный оборотъ въ дѣлахъ человѣка, бывшаго кумиромъ во время своего счастья. Врукъ былъ человѣкъ даровитый—это остается безспорно, хотя и каждый видитъ теперь, что онъ ни мало не поправилъ австрійскихъ финансовъ. Дѣло въ томъ, что свои таланты обратилъ онъ на служеніе врагу рода человѣческаго: человѣкъ, продавшій душу сатанѣ, не можетъ сдѣлать ничего хорошаго. При томъ порядкѣ, какой существуетъ въ Австріи, не только Врукъ, а и самъ Робертъ Пиль, самъ Сюдли не могли бы поправить финансовъ.

Правда, они бы и не взялись поправлять ихъ, потому что не могли бы принять на себя званіе министровъ такой системы. Онъ долженъ былъ давать финансовымъ средства для угнетенія, для оффиціального разбоя, для истребленія всего честнаго и добраго, для мотовства, ханжества, мравобѣсія. Для такой системы не достанетъ никакихъ финансовыхъ средствъ и при ней изсякаютъ всѣ источники финансовыхъ средствъ, потому что убивается энергія народа и раззоряется страна. Тутъ не поможешь ни сдѣлками съ французскимъ *Crédit Mobilier*, ни банкирскими оборотами, ни продажею государственныхъ имуществъ, ни возвышеніемъ налоговъ, — ни чѣмъ не поможешь. Но самъ по себѣ Брукъ былъ даже — чему теперь никто не хочетъ вѣрить — человекъ честный. Онъ вошелъ богатымъ купцомъ въ министерство, жилъ такъ скромно, что не имѣлъ ни собственныхъ лошадей, ни серебряныхъ сервизовъ, ни даже такого платья, какое носятъ самые небогатые свѣтскіе люди; всей серебряной посуды въ его домъ не было и пятнадцати фунтовъ, ни одной бутылки вина не нашлось въ его погребѣ, не было у него и любовницъ. Стало быть онъ не моталъ деньги, а все его имущество оказалось непростирающимся и до 375,000 рублей: навѣрное онъ былъ богаче, когда вступалъ въ министерство. Отчего же его смерть, откуда этотъ скандалъ, эта постыдная отставка, эти приготовления тащить его въ тюрьму, какъ вора, весь этотъ позоръ, котораго онъ не вынесъ? Все оттого, что онъ былъ, каковъ бы онъ ни былъ, гораздо лучше другихъ австрійскихъ министровъ. Онъ сколько могъ противился слишкомъ крайнимъ реакционнымъ мѣрамъ, не любилъ іезуитовъ, не шелъ къ возстановленію средневѣковаго порядка, потому всѣ остальные министры ненавидѣли его: онъ былъ помѣхою ихъ благимъ намѣреніямъ. Да, его несчастная кончина — событіе примиряющее насъ съ нимъ: жизнь свою онъ употребилъ на служеніе злодѣямъ, но умеръ за то, что самъ не былъ злодѣемъ. А громадное систематическое воровство? Не при немъ оно началось, не ему было остановить: такъ было въ Австрійскомъ вѣковъ, такъ будетъ продолжаться, пока будетъ держаться нынѣшняя система. Теперь въ Австрійскомъ честиѣшій сановникъ можетъ только не воровать самъ (Брукъ самъ и не воровалъ), но не можетъ помѣшать воровству другихъ, какое бы высокое мѣсто ни занималъ. Брука обвинили за то, что по его вѣдомству дѣлалось при немъ то, что всегда дѣлалось и дѣлается въ Австрійскомъ вѣдомствѣ: подрядчики и поставщики давали взятки, чтожъ тутъ особеннаго? Каждому въ Австрійскомъ вѣдомствѣ всегда было извѣстно, что безъ этого не бываетъ въ Австрійскомъ вѣдомствѣ ни подрядовъ и поставовъ.

Кому теперь была бы охота слушать рассказы о внутреннихъ дѣлахъ какого нибудь государства, если эти дѣла не служатъ еще слишкомъ явнымъ указаніемъ на близость потрясеній, подобныхъ итальянскимъ? Потому мы только двумя словами упомянемъ, что во Франціи все чаще и чаще повторяются факты, сами по себѣ не важные, но показывающіе, что пробужденіе національной жизни, начавшееся года три тому назадъ, продолжается, не задерживаясь даже такими крайними средствами къ развлеченію отъ внутреннихъ дѣлъ, каковымъ была прошлогодняя война и каковымъ вѣроятно будетъ скоро какая нибудь другая война, на Рейнѣ или въ Италіи, на востокъ или на западныхъ моряхъ. Потребность возратить утраченныя политическія права постоянно усиливается. Представить новое доказательство тому недавно потрудился, — кто бы вы думали? — французскій сенатъ. Читателю извѣстно, что Франція недовольна тою гласностью, которою теперь пол-

зуются, и хочеть какого-то иного простора для совѣщаній о національныхъ дѣлахъ. Въ прошломъ году мы нѣсколько разъ приводили факты, относящіеся къ этому стремленію, и помѣстили объ одномъ изъ нихъ отдѣльную довольно большую статью. Если мы не каждый мѣсяць упоминаемъ о подобныхъ новыхъ фактахъ, то лишь потому, что было бы утомительно каждый разъ возвращаться къ одному предмету; а стремленіе это каждый мѣсяць выражается нѣсколькими признаками, постоянно усиливающимися, хотя я до сихъ поръ все еще не очень сильными. За-раза дурнаго желанія распространилась до того, что коснулась даже императорскаго сената: онъ рѣшилъ, что будетъ, когда ему покажется нужно, печатать произносимыя въ немъ рѣчи вполнѣ и въ подлинномъ видѣ, а не въ сухихъ и невѣрныхъ извлеченіяхъ, какія исключительно печатались до сихъ поръ. Отъ французскаго сената нельзя ждать рѣчей, которыя стоили бы быть напечатанными; но важность не въ томъ, что кому нибудь любопытно или полезно читать рѣчи французскихъ сенаторовъ, а въ томъ, что даже эти сенаторы обнаруживаютъ претензію вести совѣщанія способомъ достойнымъ парламента, а не тѣмъ, каковымъ ведутъ ихъ теперь.

По всему видно, что пора было бы во Франціи приступить къ удовлетворенію требовацій подобнаго рода. Быть можетъ, общество желаетъ вещей вредныхъ для государства, или по крайней мѣрѣ губительныхъ для существующаго порядка; быть можетъ, для государства, или по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ находящихся въ странѣ людей, было бы гораздо полезнѣе, если бы нація довольствовалась гласностью; но что дѣлать? удовлетворить усиливающемуся требованію все-таки было бы лучше даже и для этихъ людей, считающихъ подобныя требованія неосновательными, потому что черезъ это они избавились бы отъ неприятностей, гораздо чувствительнѣйшихъ, какими обыкновенно сопровождается для упорствующаго процессъ взятія у него безъ его согласія тѣхъ вещей, которыхъ онъ не уступаетъ добровольно, когда обязанъ уступить. Объ этомъ довольно справедливо разсуждаетъ Times по поводу рѣчи, произнесенной Бульверомъ, изъ плохихъ романистовъ обратившимся въ плохаго, но очень краснорѣчиваго государственнаго человѣка. Читатель знаетъ, что военныя опасенія отвлекли вниманіе англійской націи отъ внутреннихъ дѣлъ, и что поэтому дѣло о парламентской реформѣ идетъ очень вяло: тори надѣются даже замять его, думая, что нація недосугъ будетъ спрашивать у нихъ отчета за то. Въ числѣ другихъ поднялся и Бульверъ, одинъ изъ упорныхъ тори. Вотъ что замѣчаетъ на его слова Times, который самъ тоже не желаетъ парламентской реформы, потому что пишется людьми изъ тѣхъ сословій и для людей тѣхъ сословій, которымъ хорошо при нынѣшнемъ порядкѣ дѣлъ.

„Сэръ Эдуардъ Бульверъ Литтогъ предсказываетъ, что новые избиратели будутъ злоумышлять противъ свободы Англии, продавать свои голоса врагамъ ея, захватить власть, уничтожать налоги, обанкротить казну, размножать число должностей и унижать политику до ремесла самыхъ пошлыхъ людей въ обществѣ. Предсказанія страшныя; но если и совершенно принять ихъ справедливость, все-таки остается вопросъ о томъ, не представляется ли необходимость сдѣлать значительный шагъ по демократическому направленію? Развѣ парламентская реформа предметъ отвѣченныхъ соображеній? Нынѣшнее положеніе вещей, требующее реформы, составляетъ послѣдствіе реформы 1832 года. Тогдашніе противники ея говорили то же, что говорилъ вчера сэръ Эдуардъ; они предсказывали отъ нея шаткость правительства, затруднительность парламентской дѣятельности, увеличеніе избирательныхъ подкуповъ, неизбежность дальнѣйшихъ уступокъ и

множество подобных вещей. Положимъ, что все это такъ, а все-таки безспорно, что мы должны сдѣлать парламентскую реформу. У насъ нѣтъ свободы выбора въ этомъ случаѣ.

„Да весь вопросъ между людьми имѣющими власть и людьми требующими ея проводится къ вопросу о силѣ. Католики, диссиденты, евреи получили политическія права не потому, чтобы люди, имѣвшіе тогда власть, считали ихъ требованія справедливыми, не потому, чтобы находили, что парламенту и администраціи полезно будетъ допущеніе католиковъ, диссидентовъ и евреевъ къ должностямъ, а просто потому, что нельзя было не сдѣлать этого. Опытъ послѣднихъ пяти или шести лѣтъ убѣдилъ всѣхъ разсудительныхъ людей, — не въ томъ, что выборы улучшатся отъ увеличенія числа избирателей, не въ томъ, что улучшится отъ этой реформы составъ парламента, а въ томъ, что надобно согласиться на эту реформу, хотя бы она и не общала пользы, хотя бы даже она была вредна. Теперь національныя дѣла затруднены. Теперь во власти радикаловъ поднять знамя реформы и собрать вокругъ себя столько недовольныхъ, что парламентское большинство разрушается и разстроивается парламентская дѣятельность. Нынѣшнее положеніе дѣлъ, мало того, что дурно, оно невыносимо, потому что оно не допускаетъ ничего дѣлать. Самъ сэръ Эдуардъ со всею консервативною партіею помогаетъ дѣлу парламентской реформы, — разумѣется, не по любви къ нему, а все-таки помогаетъ. Пусть мистеръ Брайтъ или какой нибудь другой реформаторъ, имѣющій въ парламентѣ значеніе только потому, что требуетъ реформы, — пусть онъ захочетъ низвергнуть министерство виговъ, — онъ всегда можетъ рассчитывать на поддержку со стороны торіи, и такимъ образомъ торія постоянно придаетъ вѣсъ его требованію, чтобы дана была реформа. Да, тутъ вопросъ состоитъ только въ силѣ, и мы должны принимать ее въ расчетъ, какъ мореходъ принимаетъ въ расчетъ силу вѣтра и теченій. Мы должны рассчитать, какую уступку должны мы сдѣлать, какая уступка будетъ достаточна чтобы отдѣлаться навѣ отъ этого вопроса и обезоружить реформаторовъ. Сила мистера Брайта въ томъ, что онъ требуетъ реформы, въ томъ, что онъ, какъ только захочетъ, можетъ вынудить министровъ внести въ парламентъ билль о реформѣ. Сдѣлайте умѣренную реформу, и онъ потеряетъ силу въ парламентѣ.

„Все краснорѣчіе сэра Эдуарда ведетъ только къ тому, что значительное увеличеніе числа избирателей имѣетъ свою дурную сторону, — въ этомъ мы совершенно согласны съ нимъ. Онъ говоритъ, что опасность находится въ легковѣрія, невѣжествѣ и опрометчивости рабочихъ классовъ; въ томъ, что жизнь ихъ тяжела, что работа не даетъ имъ времени на умственное развитіе, на приобрѣтеніе здравыхъ понятій; въ томъ, что они находятся въ зависящемъ положеніи, что единственный выгодный шансъ для нихъ потрясеніе общественныхъ отношеній. Правда. Мы видимъ, мы чувствуемъ теперь, что это правда: рабочіе классы остановили законодательную дѣятельную дѣятельность, поочередно низвергаютъ лорда Пальмерстона и лорда Дерби. Что же намъ дѣлать? Сиръ Эдуардъ не говоритъ намъ этого. Но качества, по мнѣнію сэра Эдуарда вреднымъ въ избирателяхъ, не менѣе вредны и въ людяхъ, неимѣющихъ голоса на выборахъ. Рабочіе классы хотятъ политическихъ правъ; это не доказательство ихъ достоинства пользователемъ правами, но это причина тому, что мы должны дать имъ права, достойны ли они или недостойны. Если поднимать отвлеченный вопросъ о достоинствѣ, то кто изъ насъ достоинъ? Король Неаполитанскій думаетъ, что всѣ его подданные недостойны политическихъ правъ, но они, какъ видимъ, неспособны и жить безъ нихъ“.

Очень умно. Вотъ хорошо было бы, если бы всѣ такъ разсуждали. Но въ томъ и штука, что не всѣмъ возможно имѣть такой разсудительный взглядъ на вещи. Почему Times имѣетъ силу хладнокровно понимать необходимость уступки, которой самъ не желаетъ, выгоду скорѣе исполнить дѣло, которое ему непріятно, но отъ исполненія котораго не уйдетъ никакими отвливаніями, и отвливаніи отъ котораго приведутъ только къ чувствительнѣйшимъ непріятностямъ? Потому, что для самаго Times'a, для газеты и для публицистовъ, пишущихъ въ ней, прямого вреда отъ парламентской реформы не будетъ: вліяніе журналистики на общественное мнѣніе не уменьшится, число подписчиковъ не уменьшится, полъ-

женіе публицистовъ не станетъ хуже. А кому дѣло приносить личный вредъ, тѣ никогда и никакъ не съумѣютъ во-время понять его неизбѣжность и непременно затянуть его до того, что подвергнутся изъ-за него непріятностямъ, еще гораздо худшимъ для нихъ, чѣмъ само это дѣло. Это уже такъ водится на свѣтѣ.

Р. S. 19 мая. Прочитавъ депешу, говорящую, что Гарибальди вступилъ въ Палермо, мы разумѣется совершенно измѣняемъ свое понятіе о сицилійцахъ, и отречаемся отъ всего, что говорили о нихъ въ предыдущей статьѣ, кромѣ словъ, которыми отдавали справедливость ихъ мужеству. Мы могли порицать ихъ, пока они не достигли успѣха. Но успѣхъ дѣла измѣняетъ я названіе его. Если бы Козьма Миничъ Сухорусій не имѣлъ успѣха, мы называли бы его безпокойнымъ, безумнымъ, а теперь каждый изъ насъ знаетъ, что онъ былъ спаситель отечества. Точно также, мы теперь совершенно отречаемся отъ столь основательно изложеннаго нами мнѣнія въ защиту неаполитанской системы. Мы теперь прозрѣли и увидѣли, что она несостоятельна.

Мы полагали, что это отреченіе прійдется намъ сдѣлать въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Читатель видитъ, что развязка пришла быстрѣе, чѣмъ ожидали мы.

Р. P. S. *Черезъ два часа поелъ предыдущей приписки.* Справившись духомъ отъ перваго потрясенія, произведеннаго въ насъ извѣстіемъ о взятіи Палермо, мы возвращаемся къ прежнимъ нашимъ принципамъ, отъ которыхъ легкомысленно отrekliсь-было на минуту. Неаполитанская система хороша. Сицилійцы—ослѣпленные безумцы. Гарибальди—разбойникъ. Беззаконіе торжествуетъ въ Сициліи, можетъ восторжествовать и въ Неаполѣ, какъ восторжествовало въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ, Романѣ, можетъ восторжествовать на всемъ Западѣ. Но мы стоимъ на свалѣ, которой не коснутся волны его.

ПОЛИТИКА.

ИЮНЬ 1860.

Письма изъ Палермо въ газету „Times“.

Въ Times'ѣ появились наконецъ письма корреспондента ея, отправившагося въ Сицилію. По обыкновенію, эта корреспонденція далеко превосходитъ полнотою своею всѣ тѣ свѣдѣнія, какія получала публика изъ другихъ источниковъ. Объемъ корреспонденціи довольно великъ, потому мы только въ нѣсколькихъ словахъ перескажемъ содержащіе двухъ первыхъ ея писемъ; за то будемъ вполне переводить слѣдующія письма, начиная съ того, которое было писано 27 мая, подъ грохотомъ бомбардированія, — въ немъ излагается и ходъ предъидущихъ событій, отъ высадки Гарибальди до того дня, когда корреспондентъ проѣхалъ въ лагерь инсургентовъ, вмѣстѣ съ которыми вступилъ въ Палермо. О своемъ участіи въ дѣлахъ исторіи ничего не говоритъ; но видно, что если онъ не сражался самъ, то водилъ въ бой другихъ.

Очень живо описавъ видъ Мессины въ послѣднихъ числахъ мая и рассказавъ извѣстныя нашимъ читателямъ дѣйствія, которыми отпраздновали въ мирномъ городѣ пасху неаполитанцы (первое письмо), корреспондентъ во второмъ письмѣ рассказываетъ о своемъ пріѣздѣ изъ Мессины въ Палермо. Городъ былъ, подобно Мессинѣ, покинутъ почти половиною жителей, ждавшихъ отъ неаполитанцевъ именно того образа дѣйствій, какой они и дѣйствительно употребили. Но полицейскіе, предвидѣвшіе, что скоро власть ихъ кончится, стали уже любезными кроткими. Превосходно описываетъ корреспондентъ тревожное состояніе жителей, не имѣвшихъ средствъ удалиться за своими болѣе счастливыми согражданами, ночные огни Гарибальдѣвскихъ отрядовъ по горамъ, картину сраженія, которое онъ видѣлъ еще съ корабля и къ которому возвращается въ первомъ изъ переводимыхъ нами писемъ. Не останавливаясь на всемъ этомъ, беремся прямо за переводъ письма, съ котораго начинается настоящее изложеніе хода событій.

Палермо. 27 мая.

Теперь 2 часа по полудни, и я пишу вамъ подъ бомбами, летающими надъ моею головою. Когда высадка Гарибальди произвела первый припадокъ ужаса въ Неаполь, юный Бурбонъ послалъ своему храброму флоту, сосредоточенному въ палермской гавани, приказаніе бомбардировать его вѣрныхъ палермцевъ и обратить городъ ихъ въ пепелъ, если они осмѣлятся возстать противъ его отеческой власти. Съ палермцаи разъ уже было поступлено этимъ отеческимъ способомъ, по распоряженію достоправнаго родителя нынѣшняго короля, — родитель, если вы припомните, прозывается въ исторіи *Re Bomba* —

„король бомба“ за то, что далъ эта сувениры своей любви каждому большому городу своего королевства. Каждый бывавшій въ бомбардируемомъ городѣ скажетъ вамъ, что это вещь очень неприятная, особенно если вы не имѣете средствъ отвѣчать на нее сообразнымъ нанеромъ,—однакожъ Палермо возсталъ нынѣ утромъ. Вчера официальный бюллетенъ правительства объявлялъ палермцамъ, что разбитыя шайки Гарибальди бѣгутъ по направлению къ Корлеоне, пресѣдуемая побѣдоносными войсками короля, что шайки, присоединившіяся къ Гарибальди, постепенно и спокойно расходятся по домамъ, в то въ скоромъ времени все это дѣло покончится. Нынѣ на разевѣтѣ Гарибальди явился передъ восточными воротами Палермо и поелъ борьбы, не слишкомъ кровопролитной, вошелъ въ нихъ. Къ 10 часамъ утра большая часть города была въ его рукахъ. Неаполитанцы были оттѣнены въ нѣсколько крѣпкихъ пунктовъ около королевскаго дворца, на юго-западный конецъ города, и на сѣверо-западный конецъ его, къ молу на пристани; а корабли, не находя себѣ возможности сдѣлать ничего полезнаго, открыли по городу огонь—это всегдашнее послѣднее лекарство. Флоты почти всѣхъ цивилизованныхъ націй имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Въ лагерѣ Гарибальди говорили вчера вечеромъ, что Британскій адмиралъ протестовать противъ такого дѣйствія. Бомбы, летающія по воздуху во всѣхъ направлешяхъ, ясно доказываютъ одно изъ двухъ: или нашъ адмиралъ не протестовалъ, или неаполитанцы не послушали его протеста.

Но я долженъ слѣпшить къ фактамъ, потому что рассказывать мнѣ будетъ много. Въ своемъ прежнемъ письмѣ отсюда, 25 мая, я старался дать очеркъ дѣйствяго положенія, но не могъ сообщить вамъ ничего, кромѣ догадокъ о томъ, что происходило за стѣнами Палермо. Теперь могу пополнить этотъ пробѣлъ, и изъ самаго лучшаго источника сообщить вамъ обо всемъ, что случилось со времени высадки до вчерашняго дня; о событїяхъ со вчерашняго дня могу рассказать какъ очевидецъ. Они покажутъ вамъ, что звѣзда Гарибальди не меркнетъ, и что если Сицилія освободится, то освобожденіемъ будетъ обязана ему.

Онъ, какъ вы припомните, отплылъ изъ окрестностей Генуи въ ночь съ 5 на 6 мая. Онъ хотѣлъ отплыть наканунѣ, но одинъ изъ пароходовъ, выбранныхъ для экспедиціи, не пришелъ въ тотъ день, потому надобно было на сутки отложить отбѣздъ. Нечего и говорить, что щекотливая часть дѣла была заранѣе улажена съ владѣльцами пароходовъ, в что Гарибальди только согласился принять на себя отвѣтственность за то, чтобы увести эти пароходы *). Капитаны, машинисты и матросы заблаговременно получили приказаніе сойти съ пароходовъ,—храбрый генералъ самъ хорошій морякъ, и у него было довольно своихъ людей для управлешя пароходами. 7 числа онъ выходилъ на берегъ у Таламоне въ Тоскавѣ **), а 8 въ Орбителло ***), гдѣ экспедиція провела слѣдующій день. Вечеромъ 9 мая экспедиція пошла прямо къ сицилійскому берегу. Неаполитанское правительство очень хорошо знало о ней, и флотъ его крейсиро-

*) Читатель конечно знаетъ, что дѣлу приданъ былъ такой видъ, какъ будто Гарибальди, внезапно подѣхавъ на лодкахъ къ двумъ пароходамъ одного итальянскаго акціонернаго общества, столпившій на взморьѣ около Генуи, насильно овладѣлъ ими; онъ написалъ потомъ и директоравъ этой компанїи письмо, въ которомъ извннилъ свое мнїе насиліе необходимости.

**) Тутъ между прочимъ его помощникъ, венгерецъ полковникъ Турръ, явился, говорить, въ мѣстному военному начальнику, Джорджини, и потребовалъ именемъ Виктора-Эммануэла, чтобы онъ далъ ему боевыхъ снарядовъ и оружія изъ запасныхъ магазиновъ. Джорджини не рѣшился; Турръ сказалъ: „если вы не вѣрите, что такова воля короля, пойдемте со мною къ генералу“.—Гарибальди повазалъ Джорджини дневникъ своей экспедиціи и сказалъ: „я посылаю этотъ журналъ похода къ королю; я сношусь не съ министерствомъ, а прямо съ нимъ; хотите вы, чтобы въ моей депешѣ было написано, что вы не исполняете приказанїи, даваемихъ вамъ именемъ короля?“ Джорджини убѣдился и далъ все, чего у него требовали. Теперь онъ арестованъ и преданъ суду за это.

***) Таламоне лежатъ верстахъ въ 20 отъ границы папскихъ владѣній, Орбителло верстахъ въ 10, такъ что цѣлыхъ двое сутокъ маленькая эскадра Гарибальди простояла почти неподвижно у южной оконечности Тосканскаго берега,—это между прочимъ развлекло мысли неаполитанскаго правительства: нѣсколько времени оно думало, какъ мы говорили въ прошлый разъ, что Гарибальди переимннлъ плавать дѣйствїи и хотеть уже не плыть въ Сицилію, а идти черезъ папскїя земли въ Абрудцо.

валъ во всѣхъ направлевіяхъ, кромѣ того, по которому пошелъ Гарибальди. Маленькія эскадры изъ двухъ или больше пароходовъ были разставлены по главнымъ пристаямъ острова и старались крейсировать такъ, чтобы содержать кордонъ вокругъ острова. Особенными предметами ихъ вниманія были южный и юго-западный берега потому, что нѣкоторые неаполитанскіе пароходы доносили, что видѣли экспедицію, направляющуюся къ Тунису *). Два парохода, „Капри“ и „Стромболи“ стояли въ Марсалѣ; они всего часа за два или меньше до прибытія экспедиціи ушли на крейсеровку. Мѣсто высадки не было опредѣлено заранѣе: вдохновеніе минуты внушило Гарибальди выбрать наибольше посѣщаемую кораблями часть острова, а звѣзда его привела его къ гавани именно въ промежутокъ между отходомъ и возвращеніемъ крейсеровъ **). Если бы не это, высадка могла бы кончиться неудачно. Одинъ изъ пароходовъ Гарибальди натолкнулся на скалу у входа въ гавань, а другой подошелъ какъ можно ближе къ берегу. По принятымъ свѣдѣніямъ, Гарибальди зналъ, что въ Марсалѣ находится гарнизонъ изъ 600 человѣкъ; онъ уже дѣлалъ распоряженіе, чтобы высадить небольшой отрядъ, который прогналъ бы гарнизонъ, и уже тогда начать настоящую высадку,—но лодки, пришедшія отъ берега, привезли извѣстіе, что въ Марсалѣ нѣтъ ни одного солдата. Потому высадка стала дѣлать довольно легкимъ. Въ пароходахъ были подведены баржи и перевезли все на берегъ; а когда все уже было перевезено, явились неаполитанцы и начали стрѣлять въ душевное свое наслажденіе, не сдѣлавъ никакого вреда, кромѣ того, что нанесли легкія раны двоимъ людямъ **). Первою заботою Гарибальди было перервать телеграфическую проволоку; но она уже успѣла сообщить въ Палермо извѣстіе о высадкѣ. Послѣднія двѣ депеши, ею посланныя, были: „Показалась два парохода, идущіе въ гавань. Подозрительно, потому что нѣтъ на нихъ никакого флага“. Черезъ нѣсколько времени: „Два парохода, поднявъ сардинскій флагъ, вошли въ гавань и высаживаютъ солдатъ“.

Прибытіе Гарибальди совершенно измѣнило характеръ сицилійскаго возстанія. До той поры разныя *squadre dei picciotti* (шайки молодежи) вели партизанскую войну, почти не имѣя связи между собою. Какойнибудь землевладѣлецъ, пользующійся вліяніемъ, или какойнибудь простолюдинъ, особенно энергическій, собиралъ всѣхъ, кто хотѣлъ при-

*) Кромѣ причины, указываемой корреспондентомъ Times'a, еще и по тому, что эти берега, лишенные большихъ гаваней, имѣютъ множество маленькихъ пристаней, которыя такъ уединены, что представляютъ большія удобства для тайныхъ высадокъ (потому черезъ нихъ ведется и контрабанда); а главное, въ этихъ частяхъ острова было мало войскъ, потому и предполагалось, что Гарибальди предпочтетъ какойнибудь пунктъ на нихъ, боясь скорой встрѣчи съ сильными неаполитанскими отрядами, занимавшими сѣверную часть острова и въ особенности сѣверо-западную оконечность его, гдѣ Палермо, Трапани, Марсала. Читатель знаетъ, что послѣ Палермо и Мессины, городъ Трапани, лежащій очень близко отъ Марсалы, служилъ стоянкою сильнѣйшаго неаполитанскаго отряда. Предугадавъ, что непріятель будетъ руководиться этими соображеніями о невѣроятности высадки на сѣверо-западномъ берегу, Гарибальди направился къ нему, и опаснѣйшее мѣсто оказалось безопаснѣйшимъ, потому что непріятель слишкомъ полагался на его недоступность.

**) По другимъ извѣстіямъ, предводителямъ сицилійскихъ инсургентовъ было заранѣе сообщено, гдѣ будетъ высадка,—эти разныя свѣдѣнія можно согласить такимъ образомъ: Гарибальди заранѣе опредѣлилъ сдѣлать высадку на сѣверо-западномъ концѣ острова, но не опредѣлилъ, въ какомъ именно пунктѣ берега, протягивающагося отъ Трапани до Шьякки верстъ на 150. Марсала лежитъ въ срединѣ этого берега, предоставлявшаго на выборъ ему нѣсколько пристаней.

***) Читатель конечно помнитъ, что неаполитанскіе крейсера (два парохода и одинъ парусный фрегатъ) настигли экспедицію еще до начала высадки, но держались въ отдаленіи, пока всѣ волонтеры сошли на берегъ,—крейсера побоялись напасть, хотя каждый изъ ихъ трехъ кораблей могъ бы легко одинъ сладить съ обоими пароходами Гарибальди. Читатель знаетъ также, что въ извѣщеніе, неаполитанскій командаръ написалъ, будто-бы англійскіе военныя пароходы помѣшали ему стрѣлять, ставъ между нимъ и пароходами Гарибальди; что потому была доказана живость этой отговорки и неаполитанское правительство принуждено было формально принести извиненіе англійскому за клевету. Но еще любопытно вотъ что: неаполитанскій флотскій командиръ, не отваживаясь самъ приблизиться на пушечный выстрѣлъ къ пароходамъ Гарибальди, не имѣвшимъ и вооруженія (это были торговые пароходы, безъ пушечныхъ люковъ), просилъ англійскаго капитана, чтобы онъ напалъ на эти пароходы; англійскій капитанъ отвѣчалъ, что это не его дѣло, а пусть нападаютъ на нихъ сами неаполитанцы, если хотятъ.

стать къ нему и имѣлъ какое анбуду оружіе. Тактика ихъ была въ томъ, чтобы являться и исчезать по разнымъ мѣстамъ и тревожить, бросаясь изъ безопасныхъ убѣжищъ, королевскія войска, проходившія внутрь острова; но никто не имѣлъ ни мысли, ни мечты составить общій планъ или сразиться съ королевскими войсками въ открытой полѣ. Гористая мѣстность и отсутствіе большихъ дорогъ очень облегчали такой родъ войны, а отсутствіе опасности и изнурительности привлекало къ ней и тѣхъ, которыхъ не привлекала бы одна ненависть противъ неаполитанцевъ. Страна между Палермо, Трапани, Марсалою и Корлеоне *) была главнымъ мѣстомъ этихъ squadre, изъ которыхъ многія тогда находились въ цѣпи горъ, возвышающихся надъ Палермо.

Имя и авторитетъ Гарибальди и привезенное имъ подкрѣпленіе стали связью между этими разными толпами, сошедшимися подъ его начальство. Лишь только разнеслась вѣсть о его высадкѣ: толпы инсургентовъ изъ окрестностей Трапани, Корлеоне и еще двухъ-трехъ городовъ присоединились къ нему. Противъ этихъ силъ, увеличивавшихся съ каждымъ днемъ, былъ посланъ по направленію къ Марсалѣ и Трапани бригадный генералъ Ланди. Дорога въ эти города одна и та же до Калата-Фини, лежащего на вершинѣ высокой террасы, а далѣе она раздѣляется на двѣ вѣтви; потому корпусъ, ставшій въ этомъ узлу, отрѣзываетъ сообщеніе по всѣмъ настоящимъ путямъ изъ Палермо въ Трапани и Марсалу. Генералъ Ланди занялъ позицію на нижнихъ уступахъ этой террасы; у него было 4 батальона, въ томъ числѣ одинъ стрѣлковый, и 4 горныя орудія. Дорога изъ Марсалы, прошедши черезъ Салеми, спускается одной изъ тѣхъ длинныхъ террасъ, которыя составляютъ характеристическую черту мѣстности въ этой части Сициліи, и, перерѣзавъ небольшую долину, поднимается на другую террасу, на которой стоитъ Калата-Фини. Такимъ образомъ это позиція, которую взять чрезвычайно трудно. Подобно всѣмъ солдатамъ подобныхъ имъ армій, неаполитанцы, имѣя превосходные штуцера, полагаются всего больше на свой огонь, особенно если перестрѣлку можно вести съ дальняго разстоянія. Потому они встрѣтили Гарибальди и его вонновъ такъ жарко, что сицилійскіе инсургенты скоро стали искать убѣжища, гдѣ только могли, оставивъ все дѣло на плечахъ однихъ тѣхъ волонтеровъ, которыхъ привезъ съ собою Гарибальди. Альпійскіе стрѣлки оправдали свою репутацію, и несмотря на знойность дня, на выгоду позиціи, на превосходство числа, штыками погнали неаполитанцевъ съ одной позиціи на другую. Одинъ студентъ изъ Панін, юноша, имѣющій никакъ не больше 18 лѣтъ, первый ворвался въ ряды непріятеля. Меньше чѣмъ въ два часа неаполитанцы были прогнаны со всѣхъ своихъ позицій и бѣжали по пути къ Палермо. Въ деревнѣ было найдено письмо, написанное генераломъ Ланди. Онъ проситъ палермскаго коменданта прислать ему подкрѣпленіе, говоря, что не можетъ держаться противъ Гарибальди. Онъ также извѣщаетъ въ томъ, что потерялъ одно орудіе, говоря, что муть, ва которомъ оно было навьючено, былъ убитъ, — ложь, потому что орудіе взято съ лафетомъ и двумя запряженными мулами, которые остались въ добромъ здоровьѣ.

Бригада, потерпѣвшая значительныя потери, сначала не была тревожима на своемъ отступленіи и прошла черезъ Алькамо **, не подвергаясь нападенію. Но въ Партенико ***), гдѣ неаполитанцы принялись грабить, жечь и рѣзать жителей безъ всякаго разбора, бросая женщинъ и дѣтей въ огонь, народъ возсталъ, засѣлъ въ домахъ и началъ стрѣлять изъ нихъ по солдатамъ, которые тутъ уже совершенно разстроились въ своемъ бѣгствѣ. Гарибальди не такой человѣкъ, чтобы терять время. Но необходимость согласить свой плавъ дѣйствіи съ толпами инсургентовъ, бывшими около Палермо, не допустила его занять монреальскую позицію въ расплохъ.

Чтобы дать вамъ понятъ важность этой позиціи и дальнѣйшій ходъ дѣйствій, я долженъ сказать нѣсколько словъ о топографіи Палермскаго бассейна. Подъѣзжая къ

*) Относительное положеніе Палермо, Трапани, Марсалы извѣстно читателю. Корлеоне лежатъ въ глубинѣ острова, верстахъ въ 35 почти прямо на востокъ отъ Палермо, образуя четвертый уголъ параллелограмма, ширена котораго 30—35 верстъ, длина — 100—110 и который завиваетъ сѣверозападную часть Сициліи.

***) Верстахъ въ 10 ва Калата-Фини, по дорогѣ въ Палермо.

***) Верстахъ въ 20 далѣе за Алькамо, уже на половинѣ разстоянія отъ Калата-Фини до Палермо.

Палермо съ моря, вы очень издалека уже видите крутую глинистую гору, которая стоит особо в нѣсколько напоминаетъ гibraltarскую скалу, только не такъ высока. Эта масса составляетъ сѣверный край Палермскаго залива и Золотой раковины (Coppa d'Oro), плодородной равнины, на которой лежитъ городъ. Равнина идетъ въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, въ томъ же направленіи тянется полукругомъ и горная цѣпь. Сколько я могу сообразить, равнина имѣетъ всей длины миль 12 (версть 20), а всей ширины мили 4 или миль 5 (версть 7 или 8). Въ промежуткѣ этой одинокой горы (Monte Pellegrino) и остальной цѣпи, равнина проходитъ къ ла-Фаворитѣ, черезъ которую идетъ дорога въ Карини *); въ противоположной **) сторонѣ равнины, вдоль по морскому берегу, идетъ шоссе въ Мессину, черезъ Бацарию, мимо развалинъ Соленто. Эти два мѣста легчайшіе выходы изъ равнины, — во всѣхъ другихъ пунктахъ непрерывная цѣпь горъ отрѣзываетъ, повидимому, всякое сообщеніе съ нею. Подлѣ самой ла-Фавориты плохая горная дорога идетъ прямою лнвіею черезъ Санъ-Мартиню на Карини. Влѣво отъ этой дороги поднимается утесистая великолѣпная гора, похожая на погасшій кратеръ; она нѣсколько выступаетъ впередъ въ равнину и отъ нея тянется высокой отрогъ по одному направленію съ главнымъ хребтомъ. Этотъ отрогъ — Монреале; изъ Палермо виденъ знаменитый монреальскій монастырь, видна и большая часть села. Черезъ эту террасу идетъ шоссе въ Трапани. Позади отрога и террасы, гдѣ стоитъ Монреале, гора образуетъ родъ амфитеатра волоссалыныхъ размѣровъ; гора вспахана уступами, которые, возвышаясь одинъ надъ другимъ, содѣйствуютъ ей походить на амфитеатръ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ амфитеатръ кончается и гора начинается снова выступать впередъ въ равнину, видны на спускахъ ея два бѣлыя села, Парко и Madonna delle Grazie; черезъ нихъ проселочная дорога ведетъ въ Piana dei Greci и въ Корлеоне ***) , двѣ древнія альбанскія колоніи, основанныя, подобно многимъ поселеніямъ въ этой части Сициліи, альбанцами, эмигрировавшими послѣ смерти Скандербега. Другой отрогъ идетъ въ равнину, образуя другой амфитеатръ, еще обрывистѣе и живописнѣе монреальскаго; надъ нимъ возвышается Джебель-Россо. Тутъ по глубокому ущелью идетъ тропинка, по которой можно ѣхать только верхомъ: это Piazza della Mazzagna, Мацпанскій проходъ, ведущій въ деревню Мисильмери ****), лежащую на единственномъ шоссе, ведущемъ въ глубину острова и доводящемъ до Катанія. Джебель-Россо имѣетъ пологость къ морю и къ Цаффаранскому мысу *****), и по нижней части его спуска ведетъ шоссе изъ Палермо въ Катанію; оно идетъ почти параллельно съ приморскою *****) дорогою до Абате, а потомъ сворачиваетъ къ югу. — Изъ этого описанія вы видите, что неаполитанцы, владѣя моремъ, имѣли всѣ выгоды центрическаго положенія, особенно важныя въ дѣлѣ съ врагомъ, слабымъ артиллеріею и страшнымъ преимущественно только въ горахъ. Мѣстность явно указывала имъ, что надобно сосредоточить всѣ ихъ силы въ равнинѣ, и кромѣ равнины занимать монреальскую террасу, которая сама по себѣ сильная позиція, господствующая на довольно далекое пространство надъ дорогами, ведущими къ Палермо изъ глубины острова. Неудача атакующаго значительно увеличивалась трудною гористою мѣстностью, — горы уяичтожаютъ почти всякую возможность боковаго сообщенія между расходящимися отъ Палермо дорогами, такъ что всякая перемѣна пункта атаки требуетъ длиннаго обхода. Неаполитанцы, много лѣтъ изучавшіе мѣстность, хорошо ввали всѣ эти выгоды и сосредоточили всѣ свои силы въ равнинѣ, еще занявъ только монреальскую террасу. :

Гарибальди не могъ соединить своихъ силъ къ такому времени, чтобы прийти въ Монреале прежде, чѣмъ неаполитанцы заняли его большими силами, и когда овъ, че-

*) Городъ верстахъ въ 15 на западъ отъ Палермо, бывшій театромъ неаполитанскихъ неистовствъ, о которыхъ мы говорили въ прошедшемъ обзорѣннй.

**) Юго-восточной.

***) Piana dei Greci лежитъ почти на половинѣ пути изъ Палермо въ Корлеоне.

****) Дорога въ Piana dei greci и въ Корлеоне идетъ изъ Палермо почти прямо на югъ, а дорога въ Мисильмери на юго-востокъ, почти въ одинакомъ разстояніи отъ корлеонской и отъ мессинской (прибрежной) дороги. Мисильмери лежитъ верстахъ въ 15 отъ Палермо.

*****) Цаффаранскій мысъ—юго-западная оконечность Палермскаго залива и равнины сѣверо-западную оконечность которыхъ образуетъ Monte Pellegrino.

*****) Мессинскомъ.

резь четыре дня послѣ калата-фимской побѣды, подошелъ въ этой позиціи, онъ увидѣлъ, что нельзя было бы взять Монреале безъ большихъ потерь. Потону онъ рѣшился измѣнить свои планы. Первымъ его дѣломъ было окружить Палермо и занять всѣ выходы изъ него; для этого разные отряды инсургентовъ заняли позиціи вдоль всей цѣпи горъ, опоясывающихъ заливъ. Когда ночью они разложили огни, красное варево которыхъ сливалось съ блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца, картина была великолѣпная. Палермцы наблюдали за ними съ такою внимательностью, какъ персы за своимъ священнымъ огнемъ; какъ будто единственнымъ ихъ занятіемъ въ послѣднюю недѣлю было наблюдать ихъ и истолковывать ихъ значеніе. Вотъ огни кажется становятся ярче на одномъ пикѣ, вотъ они растягиваются длиннѣе, какъ будто непрерывнымъ рядомъ по спуску другой горы, и горожане, непосвященные въ тайну, жили надеждами, разгоровшимися отъ этихъ огней. Палермо былъ въ невыразимомъ волненіи, въ такомъ сильной волненіи, что не удерживалось оно и осаднымъ положешемъ, объявленнымъ въ городѣ. Тайный комитетъ, сохранявшійся невредимымъ, несмотря на бдительность и подозрительность полиціи, постоянно находилъ средства сноситься съ Гарибальди, какъ ни старалось перервать ихъ военное начальство. Было извѣстно, что тайный комитетъ существуетъ; почти ежедневно онъ распускалъ по городу печатныя прокламаціи; но онъ былъ такъ организованъ, что полиція, хотя и знала о его существованіи, никакъ не могла открыть его членовъ. Это было нѣчто въ родѣ масонской организаціи, съ разными степенями посвященія. Никто изъ людей, не бывшихъ его членами, не зналъ больше, какъ только одного изъ его членовъ. Мѣсто засѣданій безпрестанно измѣнялось, переносилось изъ одного дома въ другой. Но всѣ безусловно повиновались комитету.

Онъ увѣдомилъ Гарибальди, что Палермо готовъ возстать, но требовалъ того условія, чтобы Гарибальди явился передъ воротами города. Гарибальди принялъ условіе, и составилъ свой планъ сообразно съ нимъ. Видя, что опоздалъ занять Монреале, онъ оставилъ часть сицилійскихъ инсургентовъ поддерживать огни и затрогивать неаполитанцевъ, а оамъ съ главными силами ушелъ, и сдѣлавъ почти немовѣрный переходъ по горному хребту, гдѣ пушки надобно было нести людямъ на плечахъ, онъ вдругъ 23 малъ явился въ Парко, лежащемъ по дорогѣ въ *Piana dei Greci* *). Какъ только неаполитанцы замѣтили свою ошибку, они съ торопливою горячностью послали за нимъ всѣ свои силы, какія только могли отправить въ погоню, не подвергая опасности своихъ городскихъ позицій. Но имъ показалось, что у нихъ все-таки силы недостаточны, и послѣ нѣсколькихъ стычекъ, бывшихъ въ этотъ день, они опять вернулись на свои позиціи на двухъ нижнихъ террасахъ, *Piana Borazzo* и *Santa Teresa*. На слѣдующій день они привели нѣсколько войскъ изъ Монреале и, усилившись ими, произвели вторую атаку, — ту самую, которую видѣлъ я съ корабля. Цѣль была достигнута; они дали во второй обманъ. Гарибальди ушелъ отъ нихъ, оставивъ за собою противъ нихъ лишь нѣсколько сицилійскихъ отрядовъ, которые скоро также пошли за нимъ. *Regii*, какъ называютъ неаполитанскихъ солдатъ, вошли въ тотъ же вечеръ въ *Madonna delle Grazie* и въ Парко, разграбили и сожгли эти селенія, убили нѣсколько мирныхъ жителей и обнародовали на другой день блестящій бюллетень, объявляя о разбитіи шаекъ Гарибальди и о скорости возвращенія бунтовщиковъ къ покорности Неаполитанскимъ бюллетенямъ вообще не очень вѣрили, но у многихъ палермцевъ похолодѣла кровь въ жилахъ, когда они увидѣли, что Гарибальди отступаетъ во второй разъ.

Мало знали они, мало знали и неаполитанцы челоука, съ которымъ имѣли дѣло, хотя слѣдовало бы имъ помнить Веллетри. Онъ *reculait pour mienx santer*. Чтобы лучше обмануть неаполитанцевъ, онъ отступилъ до *Piana dei Greci*, свою артиллерию услалъ еще дальше назадъ, а самъ съ отборнымъ отрядомъ снова пошелъ по горамъ, и пока неаполитанцы шли за нимъ къ *Piana*, онъ вчера утромъ вышелъ на Катанійское шоссе въ *Мисильнери*, гдѣ былъ имъ назначенъ сборный пунктъ всѣмъ капитанамъ (какъ они называются) инсургентовъ въ той сторонѣ горъ.

*) То есть, онъ, подступивъ къ Палермо сначала съ западной стороны, перешелъ теперь на южную сторону, а потомъ, какъ увидимъ, перешелъ на восточную, когда неаполитанцы двинулась на югъ на югъ.

Я измучился невѣрными слухами, которые одни только можно было имѣть въ городѣ и которые оставляли бы вашихъ читателей во мракѣ относительно истиннаго положенія дѣлъ. Я мало зналъ тактику храбраго генерала; кромѣ того, я чувствовалъ, что готовятся такия вещи, которыя лучше увидишь, выѣхавъ изъ города, тѣмъ оставаясь въ немъ; потому рѣшился попробовать, не удастся ли мнѣ пробраться за городъ. Нѣкоторые англійскіе и американскіе офицеры ѣздили въ этомъ направленіи и видѣли одного капитана инсургентовъ, простолудина изъ здѣшнихъ мѣстъ, ла-Маццу. Я рѣшился попытать своего счастья. Нѣкоторые изъ городскихъ друзей показали мнѣ дорогу и я поѣхалъ въ экипажѣ одного изъ нихъ. Дорога въ Мессину, выходя съ приморья изъ Villa Giulia, идетъ по берегу до Абате, гдѣ пересѣкается шоссе, ведущимъ въ Мисильмери и Катанію. Мнѣ цесовѣтовали ѣхать по этому шоссе, которое меньше тревожатъ солдаты. Отчасти отъ надежды на свой флотъ, отчасти отъ обмана, въ какой ввела ихъ стратегема Гарибальди, неаполитанцы обращали мало вниманія на эту дорогу и вообще на юго-восточную сторону. Двое часовыхъ при выѣздѣ изъ Villa Giulia, и пикетъ изъ двухъ десятковъ человекъ нѣсколько подалеже, въ сторожевомъ домѣ городской таможни—вотъ единственные солдаты, которыхъ я встрѣтилъ въ окрестностяхъ города. Одинокіе домики тянутся, съ промежутками одинъ отъ другаго, до моста черезъ рѣчку или горный потокъ Орвето, впадающій въ море, отъ котораго дорога въ одной четверти мили (200 сажень). По всему этому ряду домовъ была цѣпа часовыхъ, а у моста пикетъ человекъ изъ 80, изъ котораго и посылались эти часовые.

Я проѣхалъ мимо нихъ безъ допросовъ, и очутился на свободѣ. Неаполитанскіе пароходы ежедневно крейсировали вдоль этого берега, потому неаполитанцы и не находили надобности въ другихъ предосторожностяхъ. Пара калабрійскихъ лошадей везли меня довольно быстро; я проѣхалъ мимо нѣсколькихъ американскихъ офицеровъ, вѣроятно ѣхавшихъ въ Саленто. У самыхъ воротъ города жители присоединялись къ инсургентамъ. Между ними и королевскими войсками было что-то въ родѣ нейтральной палосы, кончавшейся въ деревнѣ за Абате, имени которой я не могу припомнить. Если были безпечны Regii, то не были инсургенты. У входа въ эту деревню одинъ изъ ихъ вооруженныхъ людей попросилъ позволенія быть моимъ проводникомъ,—въ чемъ я и нуждался. Когда мы ѣхали по деревнѣ, народъ подбѣжалъ къ намъ в ловилъ нон руки, чтобы паловать ихъ, прося у меня оружія. Всѣ жители готовы были пристать къ инсургентамъ, но не имѣли оружія, что однако не мѣшало имъ кричать виваты Италия, Виктору-Эммануэлю и Гарибальди. Намъ должно было пустить лошадей въ-скачь, чтобы не быть останавливаемыми на каждомъ шагу. Проскакавъ полчаса по легкому спуску въ очень красивую долину, опоясываемую великолѣпными горными видами, мы пріѣхали въ Мисильмери, маленький и плохой городокъ безхарактерной архитектуры. На одной сторонѣ небольшой площади засѣдалъ комитетъ, образовавшій родъ временнаго правительства; на другой сторонѣ, на деревянномъ крыльцѣ, выступавшемъ на площадь, возсѣдалъ въ обстановкѣ первобытной простоты начальникъ штаба гарибальдѣвской экспедиціи, полковникъ Сиртори. Онъ въ эту минуту выдавалъ двумъ молодымъ омериканскимъ офицерамъ съ военнаго парохода „Ирокезецъ“ паспортъ, безъ котораго никою не выпускаютъ въ лагерь. Онъ кромѣ того далъ имъ въ проводники офицера; я присоединился къ нимъ и мы поѣхали къ высотамъ, ведущимъ на Джебель-Россо и въ Маддавейшій проходъ. Скоро остались налѣво позади насъ послѣдніе домики города и феодальнаго замка, бѣлая глиняная стѣна котораго имѣла въ себѣ что-то напоминавшее скелеть. Вся окрестность засажена оливковыми деревьями, виноградниками, разными хлѣбами, и все росло роскошно, несмотря на каменистую почву. Генералъ переложился лагеремъ на довольно обширной террасѣ, прямо надъ развалинами; она съ одной стороны нависла надъ равниною и холмами, града которыхъ кончается Цаффарансвишій мысокъ; а съ другой стороны, видѣлись скалы Джебель-Россо и Маццансшій проходъ, отдѣляясь отъ лагерной террасы ложбиною, которая походила на угасшій кратеръ, и теперь отчасти была подъ водою, собравшеюся отъ сильныхъ дождей, бывшихъ въ послѣдніе дни. Панорама эта была одна изъ тѣхъ, которыя невольно внушаютъ вамъ мысль раскинуть тутъ вашу палатку, если у васъ есть, палатка. Это слово вычеркнуто изъ военнаго словаря Гарибальди. Но популярный генералъ долженъ по временамъ дѣлать

уступку своимъ солдатамъ, и теперь онъ позволилъ, чтобы они воткнули для него въ землю четыре шпунги изъ тѣхъ пякъ, которыми вооружены отряды, не имѣющіе ружей, и накинули на нихъ коверъ. Въ этой палаткѣ лежало въ должности подушки гуачосское сѣдло на черной овчинѣ, служившей постелью. А для другихъ людей отряда были оливковыя деревья, дающія хорошую тѣнь, были для изголовья камни, и на одного изъ десятирехъ былъ плащъ или коверъ. Кругомъ были поставлены лошади, — почти всѣ безъ привязей, но держали онѣ себя чинно. Когда мы пріѣхали, самого генерала не было въ лагерь, онъ отправился въ одинъ изъ своихъ утреннихъ объѣздовъ; но передъ его палаткою были всѣ его вѣрно спутники: полковникъ Турръ, венгерецъ, еще страдающій отъ прошлогодней раны въ рукѣ, но всегда готовый явиться туда, гдѣ есть опасность; полковникъ Бисіо, другой надежный спутникъ, известный офицеръ корпуса альпійскихъ стрѣлковъ; полковникъ Карини, храбрѣйшій изъ сицилійцевъ, также офицеръ этого корпуса, и много другихъ, подобныхъ ему храбростью, въ числѣ ихъ сынъ Гарибальди, юноша съ полученною при Калата-Фими ранюю въ рукѣ, и сынъ Даніэля Маннини, съ ранюю въ ногѣ. Тутъ стоялъ и бывший священникъ Гуццароли, романьолоецъ, восторженно преданный своему герою, слѣдующій за нимъ повсюду, какъ тѣнь, заботящійся объ его удобствахъ, охраняющій его въ минуту опасности. Тутъ былъ и небольшой отрядъ колонновожатыхъ, большею частью людей изъ почетныхъ ломбардскихъ фамилій — они должны были ѣздить верхомъ, но ходили пѣшкомъ первые въ атаку. Не менѣе другихъ тутъ замѣчательна личность сицилійскаго монаха, „брата“ Панталеоне, похожаго на тѣхъ монаховъ, которыхъ видимъ на средвѣльковыхъ картинахъ. Полный пламеннаго патріотизма и никому не уступающій мужествомъ, онъ присоединился къ инсургентамъ въ Салени *), сильно воодушевляя ихъ. Тутъ было также много вліятельныхъ людей изъ Палермо и его окрестностей, было нѣсколько священниковъ и монаховъ, принадлежащихъ къ самымъ искреннимъ и энергичнымъ сѣятелямъ возстанія. Они составляли странность въ этой не слишкомъ усердной въ католичеству арміи; но, увѣряю васъ, они держатъ себя такъ, что самые кипучіе изъ юношей-волонтеровъ чтить и уважаютъ ихъ и въ шихъ саятъ ихъ.

Вся эта пестрая толпа, увеличившаяся теперь двумя молодыми офицерами американскаго и, черезъ нѣсколько минутъ послѣ нихъ, тремя офицерами британскаго флота, собралась около центра — дымящагося котла съ лежавшею въ пенѣ четвертью тельенка и обильною приправою лука; а подлѣ котла стояла большая корзина съ хлѣбомъ и боченокъ марсальскаго вина. Каждый угощался самымъ коммунистическимъ манеромъ, работая ножомъ и пальцами и торопливо опоражнивая единственный на всю компанію оловянный стаканъ. Только на такой иррегулярной войнѣ вы можете видѣть эти сцены въ полномъ ихъ совершенствѣ. Долгіе марши и контрмарши, дожди, битвы, ночлеги на голой землѣ сдѣлали почти каждого достойнымъ явиться хорошою фигурою въ картинѣ Мурильо, въ обстановкѣ, имѣющей своимъ фономъ громады сицилійскія горы, которыхъ не воспроизведетъ никакая кисть.

Вскорѣ по пріѣздѣ явился Гарибальди, и принялъ своихъ иноземныхъ посѣтителей съ тою очаровательною, спокойною простотою, которая характеризуетъ его; съ большою мягкостью онъ исполнялъ неизмѣнно повторяемую каждымъ гостемъ просьбу дать автографъ и отвѣчалъ на множество вопросовъ, которыми натурально осыпали его. Только по отъѣздѣ гостей онъ снова принялся за свои занятія. Вопросъ шелъ, ни больше, ни меньше, какъ о томъ, чтобы въ ту же ночь сдѣлать попытку внезапной атаки на Палермо. По всѣмъ полученнымъ извѣстіямъ не оставалось сомнѣнія, что неаполитанцы пошли на брошенную имъ удочку, что они пришли притворное отступление за поражение, а отправленіе пушекъ въ глубину острова за признакъ отчаянія инсургентовъ. Они по видимому не имѣли даже и предчувствія о флаговомъ движеніи къ Мисильмери: люди, приходившіе изъ Ripa dei Greci, говорили, что главные неаполитанскія силы находятся тамъ, а другой сильный отрядъ въ Парко и по дорогѣ дальше за Парко. Извѣстія говорили также, что въ Монреале находится нѣсколько тысячъ неаполитанцевъ. Дѣйствительно, подступы въ Монреале и Парко, образуемые

*) То есть предъ битвою при Калата-Фими.

деревнями Piana di Vogazzo и Тереза, которыя обѣ стоятъ подлѣ королевскаго дворца, на юго-западной сторонѣ города, были пунктами сосредоточенія неаполитанцевъ, а подступы къ южной и юговосточной частямъ города остались мало защищены. Пренія событія заставили неаполитанцевъ обратить вниманіе на топографію Палермо, чтобы оставаться владыками его, въ случаѣ народного возстанія. Это не легко въ Палермо, городъ истинно южной постройки, составляющій лабиринтъ узкихъ, извилистыхъ улицъ, по которымъ идутъ дома, всѣ снабженные балконами. Такая постройка очень затруднительна для войскъ въ уличной битвѣ; неаполитанцы, какъ только могли, старались уменьшить эту невыгоду. Главными путями сообщенія въ городѣ служатъ двѣ улицы, очевидно испанскаго происхожденія: первая называющаяся Толедскою, выходя съ моря у Porta Felice, проходить по городу прямой линіею съ сѣверовостока на югозападъ мимо собора св Ровалии и оканчивается на обширѣйшей изъ Палермскихъ площадей, королевской площади (Piazza Reale), въ противоположномъ концѣ города, гдѣ входятъ въ него дороги изъ Монреале и Парко. Кромѣ королевскаго дворца, построеннаго, какъ говорятъ, на мѣстѣ древняго дворца сицилійскихъ эмировъ, на этой площади стоятъ еще нѣсколько большихъ общественныхъ зданій: одинъ уголъ ея образуетъ Архіепископскій дворецъ, а другой уголъ—большой монастырь Св. Елизаветы. Мѣстность слегка возвышается по направленію къ этой части города, господствующей надъ всѣми остальными. Подлѣ принятой угломъ перерѣзываетъ Толедскую улицу другая такая же прямая улица, называющаяся Маерадскою; она, выходя отъ Санъ-Антонинскихъ воротъ и прорѣзывая весь городъ, выводитъ на дорогу къ лв-Фаворитѣ и къ молу въ гавани. Двѣ эти улицы пересѣкаются въ самомъ центрѣ города на осьмиугольной площади, называющейся Болонскою (Piazza Bologoi). Нижняя половина города отъ моря до этой площади была почти покинута жителями или, лучше сказать, оставлена ими нѣжному попеченію неаполитанскихъ натросовъ и цитадели, возвышающейся на прибрежномъ холму близъ сѣверовосточнаго угла города. Нѣсколько карауловъ у воротъ этой части города, — карауловъ, способныхъ почти только стеречь, а не оборонять ворота, а около роты солдатъ въ зданіи финансоваго управленія, находящемся въ этой части города,—вотъ всѣ войска, которыя были у неаполитанцевъ въ нижней части Палермо.

Для поддержанія сообщеній съ верхнею половиною города, бывшему настоящимъ центромъ обороны, и съ морскимъ берегомъ, неаполитанцы устроили за городомъ двѣ большія военныя дороги или улицы (Stradoni); обѣ онѣ выходятъ отъ королевскаго дворца; одна идетъ къ морю мимо Villa Giulia, большаго публичнаго сада, выходящего на морской кварталъ; другая идетъ чрезъ кварталъ Quatri Veni на молъ. Эта вторая военная улица всегда считалась линіею отступленія къ кораблямъ; по ней построены большія зданія: политическая тюрьма, нѣсколько казармъ, уголовная тюрьма и наконецъ верки мола.

Сображая все это расположеніе дѣлъ, Гарибальди составилъ планъ внезапно напасть на караулы въ нижней, слабо защищенной части города, сбить ихъ, ворваться въ городъ и потомъ постепенно прокладывать себѣ путь изъ улицы въ улицу. Двѣ дороги, ведущія къ этой части города, идутъ почти параллельно и близко другъ отъ друга. Та, которая идетъ по самому морскому берегу, охранялась слабѣе другой: ее занимала всего какая нибудь одна рота, совершенно отрѣзанная отъ всякихъ сообщеній. Достичь своей цѣли по ней было бы легче: но слѣдовало опасаться, что движеніе длинной колонны будетъ замѣчено и будутъ предувѣдомлены о нападеніи главныя силы неаполитанцевъ. Потому операціонной линіей была выбрана другая дорога. Эта дорога—шоссе, идущее изъ Палермо въ глубину острова; перерѣзывая въ половинѣ мили ($\frac{1}{4}$ версты) отъ города Адмиралтейскую дорогу (Del Ammiraglio), она чрезъ широкую открытую улицу ведетъ на ту военную улицу (Stradone), которая лежитъ съ этой стороны города, а потомъ входитъ въ городъ у Терминскихъ воротъ. Подлѣ этихъ воротъ неаполитанцы сдѣлали баррикады изъ мѣшковъ, насыпанныхъ пескомъ; онѣ были заняты двумя ротами. Военная улица передъ баррикадами обстрѣливалась нѣсколькими горными орудіями, поставленными у Санъ-Антонинскихъ воротъ. Подступъ къ военной улицѣ по шоссе обстрѣивъ маленькими фортами, идущими вдоль дороги до самаго моста, а аванпосты стояли по другую сторону моста.

Съ тѣмъ вѣрнымъ стратегическимъ тактомъ, которымъ безспорно владѣтъ Гарибальди, онъ выбралъ этотъ пунктъ, какъ самый удобный для атаки. За исключеніемъ волонтеровъ, пріѣхавшихъ съ нимъ, у него были только недисциплинированные, непривычные къ войнѣ партизаны; потому онъ разсчелъ, что лучшій шансъ успѣха для него—сосредоточить всѣ силы, чтобы внезапно сбить противника. Всеобщее возстаіе горожанъ должно было помогать его операціямъ.

Составивъ этотъ планъ, онъ созвалъ партизанскихъ капитановъ и объяснилъ имъ свое намѣреніе. Онъ сказалъ имъ, что не въ его обычай собирать военные совѣты, но что теперь онъ почелъ нужнымъ посоветоваться съ ними, потому что отъ рѣшенія, какое теперь будетъ принято, зависяетъ судьба Сициліи и можетъ быть всей Италіи. Надобно теперь выбрать, сказалъ онъ, одно изъ двухъ: или попытаться овладѣть Палермо посредствомъ неожиданнаго нападенія, или отступить и начать организовать регулярное войско въ глубинѣ острова. Я съ своей стороны, сказалъ онъ, считаю лучшимъ сдѣлать внезапную атаку, которая равномъ рѣшитъ судьбу острова. Выказавъ это, онъ просилъ ихъ быть краткими въ своихъ замѣчаніяхъ и не тянуть совѣщанія. Почти всѣ были изумлены отважностію этого плана; нѣкоторые заговорили, что ихъ отряды имѣютъ мало боевыхъ зарядовъ. Онъ сказалъ имъ въ сотый разъ, что неаполитанскихъ хорошо вооруженныхъ солдатъ нельзя побороть долгою перестрѣлкою, а надобно опрокидывать ихъ стремительною атакою, что не надобно тратить боевыхъ зарядовъ, не дѣлать даромъ ни одного выстрѣла и что имъ раздадутъ всѣ патроны, кашіе только есть въ запасѣ. Когда такимъ образомъ возраженіе было устранено, всѣ съ большею или меньшею горячностію одобрили планъ. Гарибальди отпустилъ ихъ, съ просьбой воодушевить инсургентовъ и поддерживать ихъ мужество.

Первою мыслию Гарибальди было произвести атаку среди ночи: неаполитанцы по ночамъ не любятъ беспокоиться, и была почти полная вѣроятность, что они подвергнутся паническому страху. Но и для сицилійскихъ инсургентовъ такая атака была бы трудна; потому Гарибальди разсудилъ распорядиться такъ, чтобы войска его подошли къ городскимъ воротамъ на разсвѣтѣ. По первоначальному и лучшему плану самого генерала и его генераль-адъютанта, полковника Турра, полагалось двинуться по шоссе изъ Мисильмери: оно такъ широко, что можно на немъ довольно развернуть силы, и вообще представляетъ всѣ удобства. Но сицилійшіе капитаны рекомендовали идти черезъ Маццанскій проходъ, спускающійся въ палермскую равнину съ высотъ, находящихся за Джебель-Россо. По ихъ словамъ, путь этотъ гораздо короче и вовсе не труденъ. Ихъ словамъ повѣрили и всѣмъ силамъ было приказано съ наступленіемъ ночи сосредоточиться у верхняго конца прохода, гдѣ стоитъ церковь.

По первоначальной диспозиціи, въ авангардѣ слѣдовало идти волонтерамъ, пріѣхавшимъ съ Гарибальди, а сицилійскимъ инсургентамъ слѣдовало идти за ними. Но нѣкоторые капитаны просили, какъ милости, чтобы ихъ отрядамъ было позволено первымъ взойти въ городъ,—требованіе такоо, отказать въ которомъ было неловко. Потому планъ былъ измѣненъ. Колонновожатые и по три человека изъ каждой роты альпійскихъ стрѣлковъ были сведены въ маленькій авангардъ, который вѣренъ былъ маіору Тюкбри, венгерскому офицеру, отличившемуся подъ командою генерала Кмети 29 сентября въ Карѣ. За этимъ передовымъ отрядомъ шли сицилійцы, которыми командовалъ Ла-Мага, эмигрантъ пріѣхавшій съ Гарибальди. Во второй линіи были генуэзскіе стрѣлки, всѣ вооруженные швейцарскими штыкерами и превосходно ими владѣющіе. За ними шли два батальона альпійскихъ стрѣлковъ, а потомъ остальные сицилійцы.

По этимъ распоряженіямъ разные отряды стали одинъ за другимъ подвигаться къ верхнему концу дефиле; генеральному штабу немного нужно было времени, чтобы собраться; онъ скоро снялся съ своего лагеря и послѣдовалъ ва войсками. Меня посадили на истиннаго Росинанта, поводья котораго были просто обернуты около морды; сѣдло мое было какъ будто нарочно сдѣлано по спиннымъ позвонкамъ моего коня. Но заблаговременно нашелся коверъ и вообще я не могу жаловаться. Дорога къ верхнему концу дефиле извивается между гигантскими кактусовыми изгородами, дающими совершенно восточный характеръ мѣстности. Мы прибыли на вершину въ ту самую минуту, какъ садилось солнце; намъ былъ виденъ Палермо со своимъ заливомъ, казавшійся

скорѣ волшебною денорацісю, чѣмъ дѣйствительнымъ пейзажемъ. Всѣ горы съ своими обрывистыми пиками красноватаго цвѣта тонули въ лучахъ заходящаго солнца, принимая отъ нихъ тотъ розовый отгѣнокъ, который прежде считалъ я исключительною принадлежною Аттики. Очаровательна была сцена, простиравшаяся передъ нами; оглядываясь назадъ въ глубину горъ, мы видѣли одну изъ картинѣйшихъ мѣстностей, какія только встрѣчались мнѣ: вся страна блистала весенними цвѣтами, благоуханіе которыхъ повнеслось съ удвоенною силою, когда солнце закатилось. Этотъ горный проходъ оказался дурною дорогою для экспедиціи, но видъ его былъ очень милъ.

Для поддержанія неаполитанцевъ въ той мысли, что они совершенно безопасны съ этой стороны, были разложены по прежнему большіе костры на вершинахъ горъ; и, долго послѣ нашего отхода, огни поддерживались нарочно оставленными для того людьми. Гарибальди взѣхалъ на самую вершину, чтобы обозрѣть позицію или, быть можетъ, чтобы предаться мечтамъ, которыя овладѣваютъ имъ въ такія торжественныя минуты и кончаются сосредоточеніемъ всѣхъ его способностей на дѣли, лежащей передъ нимъ.

Вечерняя пушка цитадели давно была повторена эхомъ горъ; мѣсяцъ ясно стоялъ надъ нашими головами, придавая новую очаровательность живописной сценѣ; наконецъ мы пустились въ походъ.

Передъ началомъ похода „молодцы“ (Picciotti), какъ называются инсургенты, были приведены въ нѣкоторый порядокъ; вы конечно повѣрите мнѣ, что не совсѣмъ легко было исполнить это дѣло ночью: ваптанъ не узнавалъ своихъ солдатъ, солдаты не узнавали своего капитана, каждый становился на чужое мѣсто, никто не откликнулся на призывъ. За исключеніемъ волонтеровъ, прѣхавшихъ съ Гарибальди, все остальное войско казалось беспорядочною массою, которую почти невозможно устроить; но постепенно люди каждой команды собрались по своимъ мѣстамъ и въ десять часовъ вечера начался походъ. Сицилійскіе капитаны или никогда не осматривали Маццанекаго дефиле или должны имѣть страннаго понятія объ удобныхъ дорогахъ. Весь этотъ проходъ—просто тропинка среди огромныхъ камней, безпрестанно переходящая черезъ русло горнаго потока, часто идущая по самому руслу, въ другихъ мѣстахъ идущая черезъ кучи мелкихъ камней и по самымъ страшнымъ ущельямъ; прибавьте къ этому, что спускъ имѣетъ крутизну 25 градусовъ и что по такому пути надобно было идти ночью. Солдаты могли проходить только поодиночкѣ; отъ этого наша колонна страшно растягивалась и безпрестанно происходили остановки. Генераль клялся, что уже никогда не повѣритъ сицилійскимъ донесеніямъ о какойнибудь горной дорогѣ. Но какъ бы то ни было, мы достигли наконецъ равнины, вошли въ оливковыя рощи, растущія внизу. Наши лошади, кованныя на шпихахъ, рѣдко падали. Мы остановились, пока кончатъ спускъ всѣ отряды, и во время этой остановки произошелъ случай, непредвѣщавшій ничего особенно хорошаго отъ нашихъ „молодцовъ“. Лошади въ Сициліи ѣздятъ большею частію безъ узды; потому онѣ непрерывно били; неудобство это было такъ чувствительно въ ночной экспедиціи, что нѣкоторыхъ самыхъ упрямыхъ нужно было отослать назадъ. Но одна изъ нихъ осталась и начала свои продѣлки; всадникъ ея потерялъ терпѣніе и она стала бить хуже прежняго. Сосѣднія лошади шарахнулись назадъ и встревожили сицилійцевъ, бывшихъ позади ихъ. Изъ этихъ „молодцовъ“ многіе уже сѣли было на землю и начали дремать; въ просонвахъ они вѣроятно приняли деревякъ за неаполитанцевъ, звѣзды за гранаты, а мѣсяцъ за колоссальную бомбу; какъ бы то ни было, но большая часть ихъ однимъ прыжкомъ очутились въ кустарникахъ по обѣимъ сторонамъ дороги; многіе въ испугъ начали стрѣлять изъ ружей и, елибѣ еще немного, распространился бы общій паническій страхъ. Каждый дѣлалъ все, что могъ для возстановленія порядка, но испугъ былъ проивведенъ и его дѣйствіе отражалось потомъ, какъ вы увидите. Случилось и другое приключеніе, которое могло повести къ разстройству всего предпріятія. Сицилійскіе проводники, бывшіе въ передовомъ отрядѣ, сбились съ дороги и вмѣсто тропинки, выводящей на большую дорогу, на которую имъ хотѣли идти, они продолжали вести насъ по проселочной дорогѣ вдоль косогора, которая привела бы насъ именно къ тому пункту, гдѣ находились главныя силы неаполитанцевъ. Ошибка была во-время замѣчена и поправлена, но не безъ большой потери времени. Наконецъ колонна вышла на большую дорогу, широкое шоссе, опоясанное

высокими заборами еядовъ. Мы потеряли много времени во всѣхъ этихъ проволочкахъ, и приближалось время разсвѣта. Потому надобно было спѣшить. Но отъ усталости, или отъ вліянія прежняго испуга, наши „молодцы“ никакъ не могли идти быстро. Занималась заря, когда мы миновали первые дома, выходящіе по этому направлению далеко за городъ. Инсургенты, которымъ слѣдовало бы лучше знать мѣстность, начали кричать свои *evviva*, какъ будто мы уже дошли до городскихъ воротъ. Елибѣ не эта ошибка, нашъ авангардъ застигъ бы въ распахъ караулъ на Адмиралтейскомъ мосту и вѣроятно проникъ бы въ городъ, не потерявъ ни одного человѣка. Но крики нашихъ „молодцовъ“ не только подняли караулъ на мосту, а даже доставили неаполитанцамъ возможность подкрѣпить отрядъ, оберегавшій терминскія ворота, и приготовиться къ оборонѣ мѣстности съ фланга.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы захватить въ распахъ мостовой караулъ, нашъ авангардъ былъ встрѣченъ сплннымъ огнемъ, не только съ фронта, но и съ фланговъ, изъ домовъ по дорогѣ. При первомъ залпѣ, почти вся „молодежь“ перескочила черезъ садовые стѣны, но не съ тѣмъ, чтобы стрѣлять изъ-за нихъ, оставивъ 30 или 40 человѣкъ, составлявшихъ авангардъ, однихъ подъ огнемъ на широкой улицѣ, ведущей къ мосту: Былъ посланъ впередъ первый батальонъ альпійскихъ стрѣлковъ; онъ не могъ въ одну минуту взять позицію; потому скоро былъ посланъ и второй батальонъ. Пока они прогоняли неаполитанцевъ, офицеры всячески старались повести впередъ „молодежь“. Это было не очень легко, особенно въ началѣ, когда съ фронта послышался громъ пушекъ, хотя и не оказывалъ онъ замѣтнаго дѣйствія. Впрочемъ, „молодцы“ могутъ быть ведены въ дѣло, когда пройдетъ въ нихъ первое непріятное впечатлѣніе, особенно когда они видятъ, что не каждый ружейный выстрѣлъ убиваетъ или ранитъ; что даже и не каждое пушечное ядро дѣлаетъ вредъ, хотя и страшно шумитъ. Они могли вполне убѣдиться въ этомъ нынѣшнимъ утромъ, потому что никогда я не видѣлъ такой безвредности такого сильнаго огня, какъ нынѣ отъ неаполитанцевъ, хотя у нихъ превосходные штуцера. Всѣ хлопотали, чтобы вывести впередъ „молодцовъ“, ободряли ихъ, вытаскивали ихъ изъ ихъ убѣжищъ всѣми хитростями и способами, часто толчками и силою. Послѣ нѣсколькихъ минутъ смущенія, почти всѣ они благополучно перебрались черезъ открытое мѣсто къ мосту; но общая склонность у нихъ была проходить лучше подъ мостомъ, чѣмъ по мосту, который, подобно всѣмъ мостамъ черезъ горные потоки, поднять высоко, и въ это время обстрѣливался сильнымъ перекрестнымъ огнемъ съ *Piano di Bogazzo*, гдѣ неаполитанцы пробили въ стѣнѣ амбразуры и поставили нѣсколько пушекъ, сдѣлавшихъ нѣсколько душно-направленныхъ выстрѣловъ. Пока самъ генераль и многіе офицеры его штаба хлопотали, чтобы вывести „молодцовъ“ изъ ихъ убѣжищъ и двинуть ихъ впередъ, авангардъ прогналъ неаполитанцевъ на военную улицу (*Stradone*), которая идетъ къ морю передъ самыми терминскими воротами. Неаполитанскій фортъ у этихъ воротъ, значительно усиленный въ послѣдніе дни, открылъ жаркій огонь, подъ которымъ была вся длинная линія домовъ, ведущая къ мосту; а въ то же время двѣ пушки и отрядъ пѣхоты, стоявшіе у санъ-автоніанскихъ воротъ, открыли по атакующимъ перекрестный огонь. Но все это не было задержкою для храбрыхъ, бывшихъ впереди. Они не стали тратить времени на перестрѣлку, а бросились въ штыки. Командиръ авангарда, венгерецъ майоръ Тюгѣрн, съ троицею изъ вожатыхъ, первые перебѣжали черезъ баррикаду изъ песочныхъ мѣшковъ въ городъ; но ихъ предводитель былъ раненъ пулею, раздробившею ему лѣвое колено. Другихъ убитыхъ или раненыхъ тутъ почти не было въ авангардѣ и у стрѣлковъ. Пока они гнали неаполитанцевъ съ позиціи на позицію, палермцы также начали подниматься, но, для соблюденія правды, надобно сказать: только въ кварталахъ, покинутыхъ войсками.

Та же самая сцена, какъ у моста, повторилась при переходѣ „молодцовъ“ черезъ военную улицу: они шли впередъ неохотно. А надобно было скорѣе войти въ городъ, чтобы не подвергнуться нападению съ фланговъ или въ тылъ; въ *Piano di Bogazzo* стояли неаполитанцы. Чтобы предупредить эту опасность, нѣсколькимъ отрядамъ инсургентовъ было приказано зайти за садовые заборы, опоясывающіе дорогу, по которой неаполитанцы могли бы прійти въ лѣвый флангъ намъ. Эта диверсія и по всей вѣроят-

ности неохота неаполитанцевъ сражаться на открытой мѣстности, были достаточны для отвращенія опасности: почти всѣ медлительнѣе „молодцы“ прошли въ городъ. Тутъ же построили атакующіе для защиты своего тыла баррикаду изъ всего, что только попадалось подъ руки. Это дѣло такъ понравилось „молодцамъ“, что они начали строить баррикаду и во фронтѣ передъ собою, — прежде, чѣмъ успѣли остановить ихъ, они завалили часть дороги, по которой надобно было идти.

Но самымъ критическимъ дѣломъ рѣшительно былъ переходъ черезъ военную улицу, которая обстрѣливалась перекрестнымъ огнемъ, и всевозможныя хитрости были употреблены, чтобы заставить „молодцовъ“ совершить этотъ подвигъ, казавшійся для нихъ смертельнымъ. Я съ однимъ изъ товарищей Гарибальди насильно вывелъ одного изъ нихъ подъ огонь, и не пускалъ назадъ, — это скоро заставило его перебѣжать черезъ улицу. Здѣсь-то особенно обнаруживалось, какъ дурно направляли свой огонь неаполитанцы. Я смотрѣлъ нѣсколько времени, и не видѣлъ ни одного человѣка раненаго. Для ободренія „молодцовъ“, одинъ изъ генуэзскихъ стрѣлковъ взялъ нѣсколько студеньевъ, поставилъ на одномъ изъ нихъ трехцвѣтное знамя, сѣлъ самъ, и просидѣлъ нѣсколько времени. Это наконецъ подѣйствовало, и „молодцы“ ободрились до того, что останавливались на переходѣ черезъ военную улицу, чтобы выстрѣлить изъ ружья.

Прямо подлѣ терминскихъ воротъ находится старый рынокъ (Vecchia Fiera), — онъ былъ первымъ мѣстомъ, гдѣ Гарибальди сдѣлалъ остановку. Надобно знать сицилійцевъ, чтобы понять, какой бѣшеный крикъ, шумъ, гвалтъ они подняли: всѣ хотѣли цѣловать его руки, обнимать его колѣна. Каждая минута приводила новыя массы, поочередно входившія на площадь и нетерпѣливо ждавшія своей очереди. Когда волонтеры Гарибальди постепенно очистили нижнюю часть города, почти всѣ жители сошлись на площадь, посмотрѣть на освободителя Палермо и Сициліи, прокричать привѣтствіе ему. Онъ вошелъ въ городъ около половины 5 часа утра, а къ 12 часамъ дня болѣе половины города было очищено отъ войскъ. Но за два часа передъ тѣмъ питатель открыла по городу огонь, сначала довольно умѣренный, но скоро очень усилившійся. Она стрѣляла 13-дюймовыми бомбами, калеными ядрами и всяческими другими снарядами, наносящими большое разрушеніе. Часовъ около 12 открыли огонь и корабли, стоявшіе въ гавани; вмѣстѣ съ цѣлителью они успѣли разрушить множество домовъ въ нижней части города. Множество людей обоего пола и всѣхъ возрастовъ было убито и ранено. Двѣ большія бомбы были брошены прямо на госпиталь и разорвались на одномъ изъ его дворовъ. Повсюду мы видѣли разрушеніе и пожары, убитыхъ и раненыхъ; кровъ этихъ людей, многіе другіе, конечно, погибли подъ развалинами домовъ. Особенно пострадала часть города около Болонской площади и нѣкоторыя изъ улицъ, сошедшихъ съ нею. Если цѣлью неаполитанцевъ было внушить ужасъ, они достигли этой цѣли. Кто только могъ, скрывался въ мѣсто, казавшееся ему безопаснѣйшимъ отъ бомбъ, а тѣ, которые не находили себѣ такого убѣжища, плакали, молились на улицахъ, ломали руки. Да, это было печальное зрѣлище, и бомбардированье больше вредило людямъ безоружнымъ, чѣмъ тѣмъ, которымъ могли бы хотѣть мстить неаполитанцы. Передъ открытіемъ огня съ флота, командиръ неаполитанской эскадры послалъ учтивое извѣщеніе всѣмъ стоявшимъ на дорогѣ иностраннымъ военнымъ кораблямъ, чтобы они посторонились, а всѣмъ судамъ, бывшимъ между моломъ и берегомъ, чтобы они вышли въ море за моль. Они такъ и сдѣлали.

Вечеръ.

Бомбардированіе еще продолжается, съ небольшими интервалами. Особенно силенъ огонь цѣлителя, гдѣ царствуетъ намѣстникъ короля Бомбы II—Ланца. Нѣтъ сомнѣнія, что адмиралъ Мэнди сдѣлалъ командиру неаполитанской эскадры сильныя представленія по поводу бомбардированія; но ихъ не послушались. Нѣкоторыя части города надобно строить совершенно вновь: большія бомбы, пролетая насквозь отъ кровли до фундамента, потрясали непрочныя палермскія зданія. Нѣкоторыя церкви также пострадали. Но все это бесполезное бомбардированье не помѣшало инсургентамъ постепенно выгнать королевскія войска изъ всѣхъ ихъ позицій въ городѣ, за исключеніемъ одной той части, которая

лежить около королевскаго дворца, и лишнї сообщенїя ихъ съ молонъ. Въ нижней части города они владѣютъ только Амарскимъ фортоуъ (Castello Amare) и зданїемъ финансоваго управленїя, въ которомъ находится около роты солдатъ. Почти всѣ иностранные подданные переѣхали на свои военные корабли; переѣхали на нихъ и всѣ консулы, за исключенїемъ нашего, мистера Гудуина, который, какъ истинный британецъ, не покидаетъ флага, поставленнаго надъ его домоуъ. По всѣмъ рассказамъ, нѣтъ и сравненїя между нынѣшнимъ бомбардированїемъ и гѣмъ, какое было въ 1848 году. Тогда неаполитанцы довольствовались бросанїемъ одной или двухъ бомбъ въ полчаса, а теперь бросаютъ ихъ такъ часто, какъ только позволяетъ время, нужное мортирамъ на то, чтобы остыть.

Всѣ пришедшіе съ Гарібальди измучились до послѣдней степени: всю прошлую ночь они не спали, а весь день была имъ порядочная работа. Самъ генераль теперь отдыхаетъ на террасѣ, которая окружаетъ большой фонтанъ на Piazza del Pretorio, гдѣ открылъ непрерывное засѣданїе комитетъ, — тотъ самый, который съ самаго начала руководилъ всѣмъ движенїемъ. Теперь онъ обратилъ себя во временное правительство подъ диктатурою Гарібальди. Комитетъ назначилъ нѣсколькихъ спеціальныхъ комиссаровъ по разнымъ отраслямъ своихъ дѣйствїй и по возможности удовлетворяетъ многочисленнымъ надобностямъ, ежеминутно представляющимся. По угнетенїю, въ которомъ находился здѣсь народъ, мало было можно сдѣлать приготовленїй къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, все надобно устроить и доставать въ одну минуту, нетерпщую отсрочки; все надобно теперь: оружіе, сколько можно достать его, боевые снаряды, продовольствїе для воискъ, госпитальные припасы; все надобно устроить. Много такта нужно для того, чтобы удоетворить каждаго, кому нужно или кому кажется, по его мнѣнїю, что нужно то или другое; чтобы выслушать каждаго, у кого есть чтó сообщить или кому кажется, что у него есть, что сообщить. У комитета очень много доброй воли, но я долженъ сказать, что палермцы не содѣйствуютъ его усилїямъ такъ энергически, какъ слѣдовало бы ожидать отъ ихъ энтузіазма. Въ нихъ есть какое-то полу-восточное *laissez aller*, производящее только порывы къ дѣятельности, несовершеннo удовлетворяющїе требованїю обстоятельности.

При первомъ нашемъ вступленїи въ городъ, они очень торопливо принялись строить баррикады; но по мѣрѣ того, какъ мы овладѣваемъ новыми кварталами, нужно строить безпрестанно все новыя баррикады, и довольно трудно удерживать ихъ за неотступной работою. Они много кричатъ *evviva*, но бѣганье по улицамъ предпочитаютъ тяжелому труду. Даже колокольный набатъ, звукъ самый деморализующїй для армїи въ многочеловѣчомъ городѣ, производитъ въ нихъ, при всѣхъ увѣщанїяхъ, только порывы. Это южная безпечность, скоро побѣждающая всякое доброе намѣренїе.

Городъ иллюминированъ, и въ промежутки между бомбардированїемъ представляетъ оживленное зрѣлище. Но всѣ лавки еще заперты. Иллюминація стеклянными шкалками, висащими съ балконовъ, производитъ очень живописный эффектъ, — онъ еще усиливается отъ бомбъ, летающихъ по ясному небу.

Палермо, 28 мая. Утро.

Отъ усталости, я проспалъ всю ночь. По люди неспавшіе увѣряютъ меня, что бомбардированїе и съ кораблей и съ цитадели производилось ночью еще яростнѣе, чѣмъ днемъ. Еслибъ не это, ночь могла бы пройти довольно спокойно; тишину ея мало нарушали рѣдкіе и пустые выстрѣлы на аванпостахъ. Только что проснулся я, мое вниманїе было привлечено шумомъ людей, бѣжавшихъ съ крикомъ по улицѣ. Я выглянулъ въ окно и увидѣлъ двухъ человѣкъ, которые бѣжали по улицѣ, размахивая платками съ восклицанїями: *viva la libertà!* Сначала не могъ я понять ихъ запоздалаго энтузіазма; но потомъ сказали мнѣ, что они изъ числа людей, ендѣвшихъ въ тюрьмѣ за политическія преступленїя, и только-вотъ освобожденныхъ теперь; — тутъ я понялъ неожиданный взрывъ ихъ восклицанїй, разумѣется, возбуждавшїй достаточное количество отголосковъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько сотъ такихъ освобожденныхъ бѣжали по улицамъ, стужа громкою характеристикою бурбонскаго правительства. Войска, занимавшїя

турьку нанѣстничества (vicariato) и сосѣднія съ нею казармы, удалились, сѣла на лодки и переѣхали въ цитадель. Сообщение между войсками находящимися въ цитадели и занимающими Piazza Reale было такимъ образомъ прервано.

Второю новостью было то, что войска, стоявшія въ Монреале, отступили къ городу. Горожане рано поутру могли видѣть, какъ они спускаются по дорогѣ къ королевскому дворцу, увеличивая нѣсколькими тысячамъ силу расположенныхъ въ немъ войскъ. Раздробить силы королевскихъ войскъ было одною изъ главнѣйшихъ цѣлей Гарibaldi, когда онъ дѣлалъ свои эволюціи. Неаполитанцы, зная ненависть народа и многочисленность инсургентскихъ отрядовъ, готовыхъ вредить имъ, не отваживались никуда являться иначе, какъ большими корпусами. Желая удержать за собою монреальскую позицію, они послали туда отъ 4 до 5 тысячъ человекъ. Отрядъ такой силы былъ у нихъ по дорогѣ изъ Парко въ Пиану,—онъ, какъ они воображали, преслѣдовать Гарibaldi. Въ цитадели и по дорогѣ къ молу также нуженъ былъ имъ сильный гарнизонъ, такъ что на защиту самого города оставалась у нихъ только уже не очень большая часть силъ.

Нынѣ поутру пришелъ неаполитанскій пароходъ „Капри“ еще съ другимъ пароходомъ; оба они наполнены войсками, и надобно думать, хотятъ высадить ихъ гдѣ нибудь на берегъ. Эти войска были посланы изъ Неаполя, когда тамъ еще не могло быть извѣстій о катастрофѣ. Они повидимому колеблются, что имъ дѣлать при такомъ неожиданномъ обстоятельстве, потому что, елибъ они хотѣли высадиться, высадка была бы имъ легка, подъ прикрытіемъ огня изъ цитадели. Утро нынѣ идетъ довольно тихо. Съ кораблей не дѣлается ни одного выстрѣла; цитадель умѣреннѣе прежняго въ своей дѣятельности.

12 часовъ дня.

Сейчасъ я возвратился изъ главной квартиры, находящейся на Piazza del Pretorio, гдѣ тайна молчанія кораблей объяснена мнѣ. Адмиралъ Мейди каждый день три раза посылаетъ на берегъ своего флаг-лейтенанта, мистера Уильмота, говорить съ нашимъ консуломъ, мистеромъ Гудуномъ, и узнавать, что происходитъ въ городѣ. Нынѣ поутру мистеръ Уильмотъ былъ откравленъ съ другимъ порученіемъ. Командиръ неаполитанской эскадры рано поутру пріѣхалъ на нашъ корабль „Ганнибалъ“ просить услугъ адмирала, чтобы черезъ него выпросить у Гарibaldi перемиріе и кромѣ того позволеніе двумъ генераламъ войскъ, находящихся около королевскаго дворца, переѣхать черезъ городъ на свиданіе съ адмираломъ. Адмиралъ Мейди отвѣчалъ, что не согласится быть посредникомъ ни въ какихъ переговорахъ, пока не прекратится огонь съ кораблей и съ цитадели: неаполитанскій командиръ обѣщалъ немедленно превратить огонь съ кораблей, но сказалъ, что не можетъ ручаться за прекращеніе огня съ цитадели, потому что ея командуетъ генералъ, не только не подчиненный ему, а напротивъ, старшій его по чину. Онъ прибавилъ однакоже, что употребить всѣ усилія склонить коменданта цитадели, чтобы онъ, послѣдовавъ его пригвѣру, прекратилъ огонь. Тогда адмиралъ обѣщалъ передать просьбу командира генералу Гарibaldi. Командиръ сдержалъ слово, и его корабли не сдѣлали послѣ того ни одного выстрѣла. Но, кажется, его убѣжденія оказались безсильны надъ комендантомъ цитадели, который продолжаетъ отъ времени до времени бросать бомбы, впрочемъ гораздо умѣреннѣе, тѣмъ вчера. Просьба командира эскадры, по моему, еще яснѣе, чѣмъ оставленіе войсками позиціи у мола и оставленіе госпиталя съ 700 больныхъ, показываетъ, что положеніе дѣлъ не обѣщаетъ успѣха неаполитанцамъ по ихъ собственному мнѣнію. Однакоже, генералъ Гарibaldi, съ обыкновеннымъ своимъ великодушіемъ, тотчасъ же согласился заключить перемиріе, остановиться на пути побѣды и пропустить генераловъ черезъ городъ; мало того: онъ, не дожидаясь распоряженій со стороны непріятели, разослалъ приказанія тотчасъ же прекратить непріязненные дѣйствія по всей линіи атаки и черезъ адмирала увѣдожилъ объ этомъ командира неаполитанской эскадры. Это значило слишкомъ далеко заходить въ великодушія. Но въ характерѣ Гарibaldi—вѣрить въ свое дѣло и быть великодушнымъ даже къ врагамъ.

Кромѣ неаполитанскихъ командировъ, и другимъ также кажется, что побѣда на сторонѣ Гарibaldi. Написавъ поутру нѣсколько строкъ, я пошелъ ходить по городу.

Первою моею цѣлью была, разумеется, главная квартира. Самъ я живу въ гостиницѣ „Тринакрия“, прямо противъ французскаго консульства. Выходя изъ своихъ дверей, я увидѣлъ, что джентльменъ въ синеиъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами, украшенными французскимъ императорскимъ орломъ, разговариваетъ съ нѣкимъ хозяиномъ, который, немедленно представивъ мнѣ джентльмена съ мѣдными пуговицами, какъ дѣлопроизводителя французскаго консульства, сказалъ, что онъ желаетъ видѣть генерала Гарибальди, и узнавъ, что я иду къ нему, попросилъ взять этого господина съ собою. Я согласился, и мы отправились. Во все продолженіе дороги, дѣлопроизводитель обнаруживалъ очень пытливое расположеніе ума, спрашивать меня о частвѣ войска у Гарибальди, о томъ, владѣетъ ли онъ городомъ, хорошо ли онъ снабженъ боевыми запасами, и предлагалъ множество подобныхъ нескромныхъ вопросовъ, на которые я отнѣчалъ, какъ только могъ дипломатичѣе. Онъ увѣдомилъ меня, что имѣетъ сообщить генералу нѣчто очень важное, а я сталъ занимать его подробностями о бомбардированіи, показывая ему слѣды дго. Такъ мы добрались на Piazza Pretorio и нашли генерала на террасѣ большаго тонтана. Я представлялъ ему своего спутника, который отвелъ генерала въ сторону, и долго говорилъ съ нимъ, блисталъ великимъ краснорѣчіемъ, которое, полагаю, мало подѣйствовало на прямодушнаго солдата въ красной фланелевой рубашкѣ: онъ хотѣ и не дипломатъ, но очень зорко понимаетъ людей.

Взятіе Палермо рѣшительно подѣйствовало на окружающую страну. Нѣтъ конца „отрядамъ“ инсургентовъ, слѣдующихъ со всѣхъ сторонъ и нападающихъ на неаполитанцевъ. Лишь только неаполитанцы сошли съ Монреале, сосѣдніе инсургенты заняли его и Санъ-Мартино. Они цѣлыми роями вападаютъ на неаполитанцевъ около Піаны и Корлеоне, такъ что колонна изъ 1,500—1,600 человекъ, посланная по этому направлению, находится въ большой опасности. Она надѣялась уничтожить Гарибальди, но судьба, которую она готовила ему, можетъ постичь ее саму.

Но если общій ходъ событій рѣшительно благопріятенъ для Гарибальди, то я долженъ сказать, что палермцы едва ли исполнятъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ. Чувства у нихъ у всѣхъ хороши, но они страшно бездѣйственны, у нихъ нѣтъ общности въ дѣйствіяхъ, которою всего больше обезпечивается успѣхъ. У нихъ нѣтъ никакой инициативы, никакой энергіи; единственное, кажется, ихъ занятіе — выдумывать и распространять слухи. Четверти часа не пройдетъ безъ того, чтобы кто нибудь не прѣбѣжалъ, запыхавшись, съ извѣщеніемъ, что двинулись на городъ королевскія войска, то съ той, то съ другой стороны. Лошади и кавалерія въ особенности кажутся страшными палермцевъ. Единственный полкъ неаполитанской конницы видится имъ повсюду. Напрасно они тычутся носами въ баррикады, которыми вкругомъ загороженъ городъ, — они видятъ вездѣ кавалерію. Но хотя и преслѣдуетъ ихъ призракъ королевскихъ войскъ, немногіе изъ нихъ думаютъ, что сами должны помогать своему охраненію, приготавливая въ оборонѣ свои дома и улицы, будучи всегда сами готовы отражать нападеніе. Имъ не приходитъ на мысль поступать, какъ поступали ломбардцы въ прошломъ году: день и ночь заботиться объ облегченіи страданій тѣхъ, которые пролили свою кровь за нихъ. Это не то, что недостатокъ добраго желанія, — нѣтъ, это непривычка дѣйствовать безъ приказанія. Безъ приказанія они умѣютъ дѣлать только одно — кричать *evviva*, да бродить по улицамъ, собирая новости и сплетни.

Иррегулярные отряды рѣшительно улучшаются. У нихъ развивается вкусъ къ баррикадной и уличной войнѣ. Они еще тратятъ свои заряды нелѣпныхъ образомъ, но начинаютъ держаться на мѣстѣ и даже двигаться впередъ, если перекрестный огонь не слишкомъ силенъ. Вотъ наша выгода отъ уличныхъ битвъ: тѣмъ больше онѣ длятся, тѣмъ больше укрѣпляется духъ иррегулярныхъ войскъ, а дисциплина регулярныхъ войскъ падаетъ.

Каждый часъ даетъ новыя доказательства тону въ видѣ плѣнниковъ и дезертировъ изъ неаполитанскихъ силъ. Считая тутъ и взятыхъ въ госпиталѣхъ, ихъ должно быть больше 1,000 человекъ. Есть приказаніе генерала обращаться съ ними хорошо, да и въ народѣ нѣтъ общаго ожесточенія противъ нихъ; за то тѣмъ сильнѣе ожесточеніе на сбировъ, шпіоновъ и солдатъ *d'armi compagni*, городской полиціи, совершавшихъ ужаснѣйшія дѣла. Ихъ отыскиваютъ повсюду, и приводятъ человекъ по пяти, шести

вдругъ къ комитету, трепещущихъ за свою жизнь. Но до сихъ поръ убить былъ изъ нихъ только одинъ, схваченный въ ту самую минуту, какъ стрѣлялъ людей, хотѣвшихъ арестовать его.

Прекращеніе или скорѣе ослабленіе бомбардировки опять вызвало людей на улицы.

Вечеръ.

Когда пришелъ я послѣ обѣда въ главную квартиру, я нашелъ тамъ всѣхъ въ сильномъ негодованіи. Бомбардированіе съ цитадели продолжалось много времени послѣ того, какъ Гарибальди послалъ извѣстіе, что соглашается на перемиріе. Неаполитанцы даже продолжали ружейную стрѣльбу съ аванпостовъ, хотя строгія приказанія Гарибальди удерживали патриотовъ отъ отвѣта на нее. Воспользовавшись прекращеніемъ военныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, неаполитанцы важгли нѣсколько домовъ и овладѣли нѣсколькими баррикадами, бывшими во флангъ баррикадъ, устроенныхъ вѣн на Piazza Reale. Нѣсколько гарибальдиевскихъ стрѣлковъ была убиты или ранены. Генералъ писалъ письмо къ адмиралу Мбанди, жалуясь ему на это вѣроломство, когда (въ 6 часовъ вечера) снова явился къ нему отъ адмирала лейтенантъ Уильмотъ, говоря, что отъ командира эскадры не получено никакого отвѣта и потому адмиралъ считаетъ генерала освобожденнымъ отъ даннаго обѣщанія. Тогда былъ данъ приказъ отбить у неаполитанцевъ потеряныя позиціи. Было брошено нѣсколько орсиниевевиль гранатъ, — онѣ скоро прогнали роялистовъ. Черезъ полчаса лейтенантъ Уильмотъ явился снова. Командиръ эскадры прислалъ свой отвѣтъ, состоявшій въ просьбѣ о принятіи двухъ генераловъ подъ покровительство британскаго флага при ихъ проходѣ черезъ городъ. Адмиралъ категорически отказалъ, и послѣ того командиръ неаполитанской эскадры объявилъ, что всѣ переговоры кончены. Этимъ отвѣтомъ усилилось нѣгваніе, что всѣ переговоры была только хитростью для выигрыша времени и для подготовленія какой нибудь атаки. Ежеминутно приходятъ новые рапорты, что весь неаполитанскій флотъ въ движеніи, кромѣ одного фрегата Ercoli, вчера бомбардированнаго городъ. Два парохода съ войсками, высадить цѣлыхъ пять шлюпокъ своего груза въ цитадель, ушли; одинъ изъ нихъ повелъ на буксирѣ канонирскую лодку, а другой два купеческія судна. Общее мнѣніе то, что они думаютъ высадить остатокъ своего груза гдѣ нибудь въ другомъ пунктѣ и произвести общую атаку. Я долженъ сказать, что, напротивъ, все это кажется мнѣ болѣе похожимъ на приготовленія къ отъѣзду войскъ. Какъ бы то ни было, но патриоты приготовились къ встрѣчѣ ихъ, если они попытаются напасть.

Мая 29. Утро.

Ночь прошла спокойно, — по крайней мѣрѣ такъ мнѣ кажутся, потому что самъ я проспалъ ее мертвымъ сномъ. Весь неаполитанскій флотъ вышелъ ночью изъ гавани въ море по прямому пути къ Неаполю; но утромъ корабль командира эскадры явился къ востоку, по направленію къ Термини, гдѣ неаполитанскія войска съѣли на кораблѣ въ 1848 году.

Бастіонъ Монтальто, стоящій подлѣ королевскаго дворца, очищенъ неаполитанцами, пошнувшими въ немъ большую 32-фунтовую пушку. Отрядъ, занимавшій зданіе финансоваго управленія, прислалъ одного изъ офицеровъ своихъ парламентаріемъ, съ предложеніемъ, что онъ готовъ удалиться. Гарибальди соглашался отпустить солдатъ съ тѣмъ, что они положатъ оружіе. Они отказались, и 32-фунтовой пушкой готовитъ показать имъ необходимость сдаться. Кромѣ того, фортъ ихъ отрѣзанъ отъ полученія воды и продовольствія, такъ что безъ сомнѣнія они скоро уступятъ.

Съ каждою минутою подтверждается предположеніе, что эволюціи неаполитанскаго флота имѣютъ цѣлью оградить цѣлость неаполитанскихъ войскъ, а не вредить патриотамъ. Когда я пришелъ на Piazza Pretorio, одинъ изъ инсургентскихъ капитановъ рапортовалъ, что неаполитанцы отрѣзаны отъ всѣхъ сообщеній — и съ окрестностями города, и съ моремъ. Санъ-Мартино, ла-Фаворита, Монреале, Парко и округи приморской стороны наполнены партизанами, день и ночь тревожащими неаполитанцевъ, котс-

рые стоят большими силами въ Вораццо и Санта-Терезѣ, и пытались вчера, потомъ опять вынѣ по утру пройти впередъ къ Оливуццо, по пути къ Сант-Мартино и ла-Фаворитѣ. Вѣроятно, это движеніе было хитростью, а истинное намѣреніе ихъ—пробиваться въ противоположномъ направленіи, по которому они стрѣляли.

Пока я былъ съ генераломъ, пришло письмо изъ Корлеоне, уведомлявшее его, что полковникъ, командующій посланною туда неаполитанскою колонною, расположенъ перейти на сторону инсургентовъ, если они признаютъ его въ полковничьемъ чинѣ. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ партизанами, пути отступленія ему отрубаны, а передъ нимъ инсургенты находятъ въ большомъ числѣ. Отвѣтомъ было, разумѣется, принятіе его предложенія, полученнаго косвеннымъ путемъ.

Это предложеніе не удивляетъ меня. Вчера нѣсколько неаполитанскихъ солдатъ пришли въ статскомъ платьѣ и передались патриотамъ. Я видѣлъ вдругъ, въ одномъ мѣстѣ, человѣкъ 60 или 70 плѣнныхъ и дезертировъ, которые всѣ желали получить оружіе и стать воинами итальянской независимости.

Но при всемъ томъ надобно бы желать, чтобы палермцы, да и инсургентскіе отряды дѣлали больше, чѣмъ они дѣлаютъ. Палермцы занимаютъ какъ будто только своими *evviva*, а инсургенты только тратятъ свои заряды.

6 часовъ вечера.

Часовъ около 3 дня снова проиѣхалъ одинъ изъ паническихъ испуговъ, повторяющихся ежеминутно, и больше всего деморализующихъ населеніе и инсургентовъ. Ушедшіе вчера пароходы вернулись и разнесли слухъ, что они высаживаютъ на берегъ войска у греческихъ воротъ (*Porta dei Greci*),—началась бѣготня, безпорядочная тревога. Вся эта исторія была произведена столбомъ пыли на дорогѣ, идущей къ морю. Вечеромъ было нѣсколько сильныхъ перестрѣлокъ около *Piazza Reale* и на лѣвой рукѣ отъ нея, гдѣ неаполитанцы занимаютъ бастионъ, которымъ фланкируется дворецъ и который самъ защищается цитаделью. Весь вчерашній и нынѣшній день цѣлью борьбы въ этой сторонѣ города было овладѣть группою домовъ, стоящихъ около бастиона, чтобы изолировавъ его, заставить солдатъ бросить его и бастионъ св. Агаты. Городъ такъ обширенъ, а у Гарibaldi такъ мало собственныхъ своихъ солдатъ, что нельзя имъ поспѣть повсюду и надобно беречь ихъ: они такъ нужны, что употреблять ихъ въ дѣло можно только при крайней необходимости. Потому почти во всѣхъ пунктахъ главныя силы составляютъ сицилійскіе инсургенты. Пока варядовъ достаетъ у нихъ, дѣло идетъ хорошо. Но, къ несчастью, они такъ торопливо стрѣляютъ, что и нѣсколькихъ сотъ патроновъ было бы мало каждому изъ нихъ. Всѣ патроны были уже выпущены на воздухъ инсургентами въ то время, когда королевскія войска двинулись впередъ,—отрядъ „молодцовъ“ отступилъ въ сосѣднюю улицу и роялисты могли ворваться въ другую улицу, гдѣ другой отрядъ ихъ еще держался.

Гарibaldi обѣдалъ, когда пришло это извѣстіе. Слуховъ о наступленіи королевскихъ войскъ разносилось въ тотъ день столь много, что первое впечатлѣніе было—почестъ новое извѣстіе одною изъ этихъ пустыхъ тревогъ. Но капитанъ Нива, принесшій его, былъ изъ числа гарibaldiевскихъ волонтеровъ, и потому въ справедливости извѣстія не оставалось сомнѣнія. Одна какая нибудь улица или какой нибудь домъ—не важная вещь въ такомъ городѣ, какъ Палермо, гдѣ ихъ такое множество, что не доставляетъ силъ оборонять всѣ. Но важно было нравственное впечатлѣвіе, какое произведетъ потеря того, что разъ уже взято. Съ обыкновеннымъ своимъ тактомъ, который начинается имѣ казаться похожимъ на вдохновеніе, Гарibaldi понялъ это. Онъ вскочилъ со стула со словами: „хорошо, такъ вѣрно надобно имѣ явиться туда самому“. Онъ видѣлъ, что это одна изъ тѣхъ минутъ, когда командиръ долженъ быть впереди войскъ, чтобы ободрить ихъ. Онъ сошелъ внизъ, взялъ съ собою людей, понавшихъ на дорогѣ къ мѣсту потери, и пошелъ брать отбитый пунктъ.

Его появленіе скоро остановило роялистовъ; они быстро потеряли и ту выгоду, которую только что приобрѣли. Благодаря удивительному нравственному вліянію, какое оказываетъ онъ на всѣхъ окружающихъ его, Гарibaldi скоро успѣлъ достигъ того, что „молодцы“ стали сражаться, и даже одушевилъ жителей, остававшихся въ домахъ.

Не слушая настоятельных требовашій своих спутниковъ, чтобы онъ не подвергалъ себя опасности, онъ оставался на улицѣ, безъ всякаго прикрытія, убѣждая и ободряя своихъ солдатъ. Видя это, непріятель бросился на него изъ домовъ и изъ-за баррикады. Одинъ изъ „молодцовъ“ получилъ рану пулею въ голову, когда стоялъ подлѣ самаго Гарибальди. Гарибальди поддержалъ его. Полковника Турра пуля рикошетомъ ударила въ ногу, когда онъ, схвативъ генерала, насильно сталъ уводить его съ открытаго мѣста. Но впечатлѣніе было произведено. Однимъ прыжкомъ „молодцы“ подбѣжали такъ близко къ непріятелю, что могли бросить орсиніевскую гранату, повалившую 7 или 8 человекъ; неаполитанцы побѣжали.

Два парохода, на которыхъ были войска, пристали къ берегу и начали высаживать ихъ у цитадели, подъ прикрытіемъ военныхъ кораблей, стоящихъ бортомъ къ городу и готовыхъ бомбардировать его. Это показываетъ, что неаполитанцы не отказались отъ мысли о борьбѣ, а еще надѣются возвратить потерянное. Эти солдаты не неаполитанцы, — они говорятъ по-нѣмецки. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это баварцы. Посмотримъ, ободрятся ли отъ ихъ присутствія неаполитанцы, упавшіе духомъ.

30 мая. Утро.

Войска, высадившіяся въ эту ночь, вышли изъ цитадели къ молу, и потомъ, сдѣлавъ обходъ, кажется, присоединились къ войскамъ на другомъ концѣ города. Это походить на то, какъ будто они хотятъ только держаться въ позиціяхъ въ королевскомъ дворцѣ и около него, а не нападать на городъ.

Извѣстія изъ глубины острова такъ хороши, что лучшихъ и желать нельзя. Повсюду народъ возстаетъ и войска удаляются. Вечеромъ 23-го генералъ Альфавъ де-Гейсла удалился изъ Джирдженти, оставивъ гражданское начальство на произволъ судьбы. Какъ только войска вышли, народъ поднялъ итальянскій флагъ. Составился комитетъ, образовалась національная гвардія. И тутъ, какъ повсюду, крики были: *viva l'Italia!* *viva Vittorio Emanuele!* и *viva Garibaldi!* Гражданскія начальства не были оскорбляемы, и хотя были выпущены арестованные, числомъ до 200 человекъ, но безпорядковъ не произошло. Вся Джирджентская провинція слѣдуетъ прижѣру своего главнаго города *). То же повторяется и въ другихъ провинціяхъ: народъ возстаетъ, выбираетъ комитеты, вооружается. Катаійская провинція возсталъ вся, кромѣ только своего главнаго города, который еще держится въ повиновеніи войскамъ, также какъ и Трапани. Все это произошло еще до взятія Палермо, извѣстіе о которомъ еще не нѣло времени произвести полное свое дѣйствіе. Если неаполитанцы когданибудь снова овладѣютъ Сицилією, енциліицы будутъ заслуживать того, чтобы вѣчно правилъ Король Bombino.

Неаполитанскій флотъ не сдѣлалъ ни одного выстрѣла со вчерашняго утра, когда адмиралъ Мѣнди высказалъ неаполитанскому командиру свое мнѣніе о бомбардированіи; такимъ образомъ, палермцы избавлены отъ половины бѣдствій, которымъ могли подвергнуться. Но цитадель неисправима. Какъ только послышится она шумъ или увидать движеніе въ какойнибудь части города, тотчасъ бросаетъ бомбу. Если бы возможно было бомбамъ этимъ не попадать ни во что, навѣрное онъ и не попадали бы, — но въ этихъ узкихъ улицахъ нельзя имъ не попасть во чтонибудь. Почти всѣ дома построены такъ плохо, что одной бомбы довольно для обращенія цѣлаго зданія въ груду развалинъ, которая хоронитъ подъ собою его жителей. Цѣлыя семейства исчезли такимъ образомъ, сотни мирныхъ людей убиты и ранены. Флотъ бросилъ въ первый день бомбъ 70 или 80. Цитадель бросила ихъ навѣрное больше 300.

Въ первый день Гарибальди послалъ командирамъ иностранныхъ военныхъ кораблей

*) Сицилія раздѣляется на 7 провинцій, положеніе которыхъ слѣдующее: сѣверо-восточный уголъ острова, ближайшій къ неаполитанскому матерку, — Мессинская провинція, южнее во восточному берегу — Катаійская; юго-восточный уголъ — Сиракузская. Далѣе, по южному берегу, начиналъ съ востока, за Сиракузскою провинцією слѣдуетъ Кальтанисеттская, входящая далеко въ глубину острова, потомъ Джирджентская; западная сторона залива Трапанскою провинцією (въ ней лежитъ Марсала). Средину сѣвернаго берега занимаетъ Палермская провинція.

протестъ противъ этого подлаго безчеловѣчія. Но они не могли безъ инструкцій рѣшиться на пряное вмѣшательство. Апеллировать на это надобно къ общественному мнѣнію Европы.

9 часовъ утра.

Сейчасъ прибылъ въ городъ изъ Королевскаго Дворца парламентаръ съ слѣдующимъ письмомъ къ генералу Гарибальди.

Квартира главнокомандующаго сухопутными и Морскими силами за проливомъ. Палермо, 30 мая, 1860.

„Его превосходительству генералу Гарибальди

„Генераль,

„Британскій адмиралъ извѣстилъ меня, что съ удовольствіемъ прійметъ на своемъ кораблѣ двухъ моихъ генераловъ для начатія съ вами переговоровъ, въ которыхъ онъ будетъ посредникомъ, если вы позволите имъ проѣхать черезъ городъ. Прошу васъ извѣстить меня, согласны ли вы, и если согласны, то назначить мнѣ часъ, въ который должно начаться перемиріе. Хорошо было бы также, чтобы вы позволили этимъ двумъ генераламъ имѣть съ собою конвой отъ королевскаго дворца до карантина, гдѣ они сѣли бы въ шлюпку.

„Въ ожиданіи отвѣта, имѣю честь быть

„Ланца“.

Отвѣтъ на это письмо былъ, что генераль Гарибальди согласенъ видѣться съ неаполитанскими генералами на адмиральскомъ кораблѣ, что онъ разошлетъ по всей линіи приказанія прекратить перестрѣлку, что перемиріе должно начаться въ 12 часовъ, и что въ часъ по полудни онъ будетъ на адмиральскомъ кораблѣ. Полковникъ Турръ, генераль-инспекторъ національныхъ силъ, послалъ письмо Ланцы на „Ганьянбалъ“ черезъ г. Уильмота, британскаго флагъ-лейтенанта.

Половина первая по полудни.

Если увидятъ, что какой нибудь человѣкъ среди суматохи надѣлъ чужой плащъ, это можетъ почтеться ошибкою; но если при слѣдующемъ случаѣ тотъ же человѣкъ окажется дѣлающимъ то же, всѣ закричатъ: „держите вора!“ Когда неаполитанцы попросили перемирія и генераль Гарибальди, уступая ихъ просьбѣ, послалъ по всей линіи приказъ остановить огонь, неаполитанцы продолжали бомбардированіе, — и попытались воспользоваться перемиріемъ, чтобы захватить выгоднѣйшія позиціи. Нынѣ они не только сдѣлали такую же попытку, но и дѣйствительно успѣли пріобрѣсти значительную выгоду отъ нея. Чтобы прекратить огонь въ 12 часовъ, Гарибальди началъ разсылать по линіи извѣстіе о перемиріи за часъ до этого. Въ это время явилась неаполитанская колонна на той самой дорогѣ, по которой вошелъ въ городъ Гарибальди. При колоннѣ находилась артиллерія. Колонна эта, стоявшая у Адмиралтейскаго моста, двинулась къ Терминскимъ воротамъ. Напрасно выставили бѣлый флагъ, означающій перемиріе, — колонна продолжала огонь и цитадель начала бросать бомбы въ томъ же направленіе. Нѣсколько офицеровъ, взошедши на баррикаду, старались объяснить неаполитанцамъ, что заключено перемиріе. Они были приняты ружейными выстрѣлами, и въ числѣ другихъ былъ раненъ полковникъ Карини. Но гарибальдиевшеіе волонтеры все еще держались приказанія, не отвѣчали на огонь. Посоль за посолья являлся къ Гарибальди, объявляя, что войска его должны стрѣлять или оставить свою позицію. Генераль уже готовился объявить, что перемиріе нарушено, когда явились къ нему парламентарями два неаполитанскіе офицера. Они извиняли дѣло недоразумѣніемъ, говоря, что колонна не была извѣщена о перемиріи. Они были посланы впередъ прекратить огонь и оста-

вить колонну. Довольно любопытно то, что во все это время продолжалось бомбардированіе съ цитадели,—а навѣрное нельзя было предположить, что въ цитадели не знали о перемиріи! Ровно въ 12 часовъ пришло извѣстіе, что колонна проникла въ городъ. Гарибальди, какъ наканунѣ, тотчасъ же собралъ резервы и пошелъ впередъ. Извѣстія были совершенно справедливы, и британскій лейтенантъ мистеръ Уильмотъ, пріѣхавшій на берегъ объявить о согласіи адмирала, чтобы свиданіе происходило на его вораблѣ, увидѣлъ себя на срединѣ между наступающею неаполитанскою колонною и отрядомъ Гарибальди. Бомба, брошенная изъ цитадели, разорвалась подлѣ мистера Уильмота, неаполитанцы прикладывались стрѣлять, и съ большою опасностью онъ успѣлъ наконецъ дойти до Гарибальди. Тогда было 5 минутъ 1-го. Мистеръ Уильмотъ привезъ согласіе адмирала, чтобы переговоры были на его кораблѣ, а черезъ нѣсколько минутъ неаполитанскіе офицеры пріѣхали сказать, что все дѣло было недоразумѣшемъ, что колонна не была извѣщена.

Шлюпки адмирала были у берега въ четверть 1-го. Я должевъ сказать, что будучи на мѣстѣ Гарибальди, не сталъ бы слушать никакихъ предложеній, пока колонна не оставила бы позицію, занятую вѣроломствомъ. Но Гарибальди неисправимъ въ своемъ велководушіи. Я дожидаюсь, чтобы узнать о результатахъ свиданія,—надѣюсь, что успѣю сообщить вамъ ихъ прежде, чѣмъ кончится пріемъ корреспонденціи на англійскомъ кораблѣ *Intrepid*, готовящемся къ отплытію.

4 часа ночи. *Лудми.*

Конференція на кораблѣ еще не кончилась, и всѣ шлюпки стоятъ подлѣ „Ганнибала“. Городъ въ самомъ взволнованномъ состояніи. Распространилась молва, что неаполитанцы предлагаютъ Гарибальди заключить капитуляцію, на томъ условіи, что они дозволятъ ему свободно удалиться изъ города. Въ такія-то минуты бываетъ видно, каковъ духъ народа. И бесспорно оказывается, что духъ палермскаго народа не тотъ, который производитъ героевъ и мучениковъ. Виѣсто того, чтобы броситься въ дома, ближайшіе къ позиціямъ непріятели, жители бѣгаютъ по улицамъ, наводя уныніе другъ на друга.

Половина 6-го.

Конференція кончилась. Гарибальди вышелъ на берегъ и отправился въ свой дворецъ съ двумя неаполитанскими генералами. Отходить французская почта, и я должевъ отправить письмо, не имѣя времени сообщить вамъ подробности конференціи. Но разсказываютъ, что заключено перемиріе до 12 часовъ завтрашняго дня, и что неаполитанцы просили его главнымъ образомъ для того, чтобы перевезти на корабли своихъ раненыхъ, которыхъ у нихъ очень много.

Какъ бы то ни было, недолго вамъ ждатель окончателнаго рѣшенія въ томъ или другомъ смыслѣ: оно должно совершиться черезъ нѣсколько дней. Ни та, ни другая партія не можетъ долго выдержать своего нынѣшняго положенія. Можно было бы написать эпическую поэму о томъ, что сдѣлали 1062 человекъ итальянцевъ и 5 венгерцевъ въ эти три недѣли, какія они совершали битвы, какіе дѣлали переходы, какое переносили утомленіе. Если бы каждый сицилиецъ готовъ былъ исполнить хотя тысячную долю того, что дѣлали они, теперь уже не было бы надобности ни въ какой борьбѣ. О жалованьи они и не думаютъ,—у нихъ нѣтъ въ мысли и слова „жалованье“: почти всѣ пріѣхавшіе съ Гарибальди имѣютъ собственныя средства содержать себя, никогда не спрашиваютъ ничего, кромѣ патроновъ, продовольствуются тѣмъ, что могутъ сами купить, и кажется забыли, что такое значить сонъ. Плохо у нихъ лишь одно то, что ихъ высадило на берегъ всего только 1062 человекъ, и что люди, считающіе себя великими двигателями итальянскаго дѣла, тутъ считаютъ своею обязанностью сильнѣйшимъ образомъ припятствовать прибытію всякихъ подрѣблешій къ нимъ. Злорѣчивому человекѣ показало бы, что они почти это дѣло благоприятнымъ случаемъ сбить съ рукъ Гарибальди; но они можетъ быть ошиблись въ разсчетѣ.

Палермо. 31 мая.

Кто ищет сильных впечатлѣній, тому лучше всего немедленно ѣхать въ Палермо. Какимъ бы *blasé* онъ ни былъ, или какая бы рыба кровь ни была въ немъ, — онъ, ругаясь, расшевелится. Онъ будетъ увлеченъ потокомъ народнаго чувства, или стремительность и переѣмчивость этого потока произведетъ въ немъ такую сильную реакцію, какую онъ рѣдко испытывалъ.

Народная пословица говоритъ, что день на день не походить. А здѣсь почти каждая часъ измѣняетъ положеніе дѣлъ, и съ положеніемъ дѣлъ чувства 200,000 человѣкъ мѣняются изъ одной крайности въ другую почти безъ малѣйшей постепенности. Вотъ всё торжествуетъ и полны надеждъ, — черезъ минуту всё въ ужасѣ и уныніи. Вотъ городъ оглашается радостными криками, — черезъ минуту тысячи повергаются передъ образами Мадонны и святыхъ, стоящими тутъ на всѣхъ перекресткахъ. Иногда между двумя пароксизмами бываетъ штиль, родъ утомленія, но за нимъ быстро слѣдуетъ другой припадокъ надежды или страха.

Эта постоянная тревога — вѣрнѣйшее отраженіе народныхъ мѣній. Вотъ баварцы (такъ называютъ здѣсь иностранныхъ наемныхъ солдатъ) перешли впередъ за свою линію и грозятъ нападешемъ, вотъ народный страхъ видитъ, какъ въ ужасномъ снѣ, конницу, скачущую черезъ баррикады; вотъ наступаютъ войска изъ королевскаго дворца. Пока въ одной улицѣ народный голосъ разноситъ эти вѣсти, въ другой несется противоположный потокъ, громкими криками разглашающій, что цѣлые батальоны непріятельскіе передались намъ, что непріятель покинулъ свои крѣпчайшія позиціи, бѣжитъ въ разстройство, куда попало. Обыкновенно и гв и другія новости одинаково несправедливы, порождаются только напряженнымъ состояніемъ фантазіи. Но въ нынѣшній день было достаточное основаніе переѣмѣ чувствъ, которой подвергался городъ съ утра до ночи.

Во вчерашнемъ письмѣ я только успѣлъ кратко упомянуть о конференціи на „Ганнибалѣ“ между Гарибальди и двумя неаполитанскими генералами. Первые предложенія были сдѣланы неаполитанцами на другой же день послѣ нашего вступленія; но они не привели ни къ чему, потому что неаполитанцы не хотѣли обратиться прямо къ самому Гарибальди. Они просили конференціи съ адмираломъ Мѣнди, ожидая, что онъ возьметъ быть посредникомъ между ними и генераломъ Гарибальди. Конечно, полномочному наместнику короля Вомбы II было унизительно обращаться съ просьбою къ „флибустьеру Гарибальди“. Но адмиралъ Мѣнди полагалъ, что если неаполитанцы попали въ бѣду, и если Гарибальди захочетъ быть великодушенъ, то и должны они воздать ему надлежащую честь. Принуждаемые вступить въ переговоры прямо съ „его превосходительствомъ генераломъ Гарибальди“, они уже никакъ не могли бы и потомъ называть его флибустьеромъ, должны были призвать его полководцемъ. Командиръ находящейся въ Сициліи эскадры британскаго флота не могъ вступать въ сношенія съ Гарибальди, если онъ считается флибустьеромъ, но готовъ былъ принять на себя посредничество, если онъ — главнокомандующій національныхъ сицилійскихъ силъ. Колебавшись два дня, генералъ Ланца увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить и послалъ Гарибальди письмо, прошившее о свиданіи.

Странное недоразумѣніе, по которому иностранные наемники вступили въ городъ въ ту самую минуту, какъ началось перемиріе, повело ко множеству извиненій съ неаполитанской стороны. Конференція была назначена въ половинѣ 1-го; противники разными дорогами пришли къ тому мѣсту, гдѣ ждали ихъ шлюпки „Ганнибала“. Офицеръ, посланный отъ Гарибальди въ королевскій дворецъ, проводилъ оттуда на берегъ генерала Летицію (бывшаго либераломъ въ революцію 1820 г.); при Летиціи находились командиръ стоявшаго въ гавани неаполитанскаго флота, и нѣсколько адъютантовъ. Съ Гарибальди были полковникъ Турръ и также адъютанты. Британскій адмиралъ, съ большимъ политическимъ тактомъ, пригласилъ французскаго и американскаго командировъ эскадры присутствовать при конференціи. Генералъ Летиція возражалъ противъ этого, говоря, что имѣетъ дѣло только съ британскимъ адмираломъ и съ Гарибальди; но Гарибальди тотчасъ же отвѣчалъ ему, что не имѣетъ никакихъ секретовъ и будетъ очень

радь присутствію французскаго и американскаго командировъ, которые потоу и остались при конференціи.

Генералъ Летиція подалъ бунагу, въ которой были письменно опредѣлены шесть основаній, на которыхъ онъ желаетъ вести переговоры. Вотъ они:

„1. Должно быть заключено перемиріе на срокъ, о какомъ согласятся договаривающіяся стороны.

„2. Во время перемирія обѣ стороны должны оставаться на своихъ позиціяхъ.

„3. Транспорты раненыхъ изъ королевскаго дворца и семейства королевскихъ чиновниковъ должны быть свободно пропускаемы черезъ городъ для переправы на королевскія суда.

„4. Королевскимъ войскамъ во дворцѣ и сенействамъ, скрывшимся въ монастыряхъ, должно быть позволено снабжаться дневнымъ продовольствіемъ.

„5. Муниципальныя власти обратятся къ его величеству королю съ вѣрноподданническою просьбою, излагая передъ нимъ истинныя желанія города; эта просьба будетъ сообщена его величеству.

„6. Войскамъ (неаполитанскимъ), находящимся въ городѣ, будетъ дозволено получать продовольствіе изъ цитадели“.

Одни эти условія уже показывали, въ какомъ положеніи находятся неаполитавцы, обремененные множествомъ раненыхъ, которыхъ въ одвомя королевскомъ дворцѣ было больше 500, не имѣвшие продовольствія, искавшіе только предлога для примиренія и уступокъ. Каждый, кромяъ Гарибальди, или отказалъ бы въ этихъ условіяхъ, или потребовалъ бы въ вознагражденіе за нихъ разныхъ выгодъ. Но Гарибальди не тавовъ: онъ великодушно согласился на пять изъ шести условій. Онъ ствергъ только пятый пунктъ, говорившій о просьбѣ и составлявшій признаніе въ пораженіи, тогда какъ всѣ выгоды были на его сторонѣ. Но, — фактъ, лучше всего характеризующій его, — когда конференція кончилась, Гарибальди, говоря съ Летиціею, сказалъ ему, что если бы король неаполитавскій далъ сицилійцамъ конституцію и общался слѣдовать истинно итальянской политикѣ, согласной съ политикою Виктора-Эммануэля, то онъ готовъ примириться на этомъ основаніи.

По первому пункту было рѣшено, что перемиріе заключается до 12 часовъ слѣдующаго дня. По второму пункту былъ нѣкоторый споръ, и въ немъ явилось па сцену наступленіе, сдѣланное наемными войсками; но Гарибальди принялъ извиненія, состоявшія въ томъ, будто эта колонна не успѣла передъ тѣмъ временемъ получить инструкцій.

Конференція кончилась уже въ 6-мъ часу вечера. По возвращеніи Гарибальди въ городъ, всѣ силы были обращены на приведеніе Палермо въ состояніе защищаться. Четыре комиссара, назначенные по четыремъ частямъ города, занялись уведеніемъ востроенныхъ и постройкою новыхъ баррикадъ. Народъ былъ возбуждаемъ къ дѣятельности, объяснялось ему его положеніе, оставлявшее только одинъ выборъ: сражаться или погибнуть, и при такой дилеммѣ палермыцы, надобно сознаться, выказали больше дѣятельности и энергіи, чѣмъ л ожидалъ. Священники, женщины, дѣти, — всѣ работали надъ баррикадами; таскали на кровли и верхніе этажи домовъ камня и другія вещи, чтобы бросать ихъ на непріятели въ случаѣ нападенія. Гарибальдиевскіе стрѣлки и инсургентскіе отряды были собраны, размѣщены по пунктамъ, назначеннымъ для каждаго. По всѣмъ колокольнямъ были поставлены люди, съ приказаніемъ бить въ набатъ, какъ только начнется сраженіе. Ко всѣмъ инсургентскимъ отрядамъ, находящимся за городомъ, были разосланы приказанія, чтобы на слѣдующій день одни изъ нихъ вошли въ городъ, другіе напали на королевскія войска съ тылу. Комитету было сообщено, чтобы онъ собралъ какъ можно больше снарядовъ для дѣланія орсиніевскихъ гранатъ; пушки, взятія въ городѣ, были поставлены на позицію на разныхъ баррикадахъ; войскамъ были розданы патроны и продовольствіе. Словомъ снздать, до поздней ночи дѣятельно велись распоряженія, обѣщавшія хорошій успѣхъ слѣдующему дню.

Нынѣшнее утро дѣятельность не только не ослабѣла, а напротивъ, была самымъ полезнымъ образомъ употреблена немногіе оставшіеся часы. Нынѣ годовщина битвы при Палестро, которую начался рядъ побѣдъ, создавшій нынѣшнее положеніе верхней Италіи, — это было хорошиимъ предзнаменованіемъ. Городъ проснулся очень рано. Первый

взглядъ ва улицы былъ не ободрителенъ. Казалось, будто идетъ полная эмиграція: толпы женщвъ и дѣтей, сопровождаемыя мужчинами, несущими на себѣ разное имущество и провизію, пробирались черезъ баррикады. Приказано было пропускать только женщвъ и дѣтей, которымъ лучше быть за городомъ, когда возобновится битва и съ нею, по всей вѣроятности, бомбардироваше. Именно та часть населенія, которая оставалась въ домахъ, особенно пострадала отъ варварскаго бомбардированія, и жестокостью было бы снова подвергать ее другому, еще болѣе суровому. Но эта эмиграція была возможна только для зажиточныхъ классовъ, которые могли взять съ собою кошельки наполненные деньгами и платить за свое помѣщеніе на вупеческихъ судахъ, или найти его на военныхъ корабляхъ. Британскій адмиралъ отдалъ приказаше принимать на корабли каждаго, кто только прійдетъ. Командиры кораблей другихъ націй послѣдовали его примѣру, и такимъ образомъ къ 2 часамъ корабли переполнились людьми, — къ этому времени были переправлены на нихъ почти всѣ, хотѣвшіе покинуть городъ.

Мистеръ Гудуянъ, все еще, несмотря на ежедневныя приглашенія адмирала, не хотѣвшій покинуть свой постъ, принялъ къ себѣ въ домъ всѣхъ женщвъ и дѣтей изъ небогатыхъ авглійскихъ семействъ.

Вопросъ былъ только въ томъ, захотятъ ли сражаться остввшіеся въ городѣ? Священники и монахи, почти всѣ безъ исключенія явившіеся истинными патріотами, ходили по улицамъ съ крестами, ободряя народъ надѣяться на Бога и сражаться за жизнь и собственность. Отряды стали на своихъ позиціяхъ; во всѣхъ была видна такая готовность и рѣшимость, что если бы данъ былъ сигналъ, результатъ не былъ бы сомнителенъ, — я убѣженъ въ томъ. Но пока дѣлалось это въ городѣ, уже произошла перемѣна въ прсторскомъ дворцѣ *). Рано утромъ Ланца прислалъ парламентаря, прося конвоя для генерала Летиція, который желаетъ въ 10 часовъ утра имѣть свиданіе съ генераломъ Гарибальди. Видно было, что онъ хочетъ просить новаго перемирія. Мнѣ случилось быть въ комнатѣ Гарибальди, когда явился Летиція. Его тоиъ былъ уже совершенно не таковъ, какъ наканунѣ; не могло быть ничего любезнѣе и мягче словъ, которыми онъ высказалъ свою просьбу. Онъ объяснилъ, что до 12 часовъ невозможно перевезти всѣмъ раненымъ, и что потому цѣль перемирія не достигнется, если не продолжитъ его. Онъ сначала просилъ продлить перемиріе безсрочно, выражая надежду, что, быть можетъ, не понадобится возобновлять войну. Гарибальди не согласился на безсрочное перемиріе и предложилъ одни сутки; Летиція находилъ, что этого мало, и наконецъ Гарибальди опредѣлилъ продолжить перемиріе на трое сутокъ.

Какъ только ушелъ Летиція, были посланы приказанія не начинать нападенія въ 12 часовъ. Городъ былъ такъ воодушевленъ, что общее мнѣніе осталось рѣшительно недовольно иродлешемъ перемирія, въ которомъ почти всѣ видѣли выгоду только для неаполитанцевъ. Говорили, что они хотятъ освободиться отъ раненыхъ, снабдить себя провизіею и получить подкрѣпленія изъ Неаполя. Никто не хотѣлъ видѣть другой стороны вопроса, — того, что есть въ перемирії выгоды и для національныхъ войскъ. Около того самаго времени, какъ Летиція былъ у Гарибальди, пришло изъ Кальяри пиемо отъ 28 мал, говорившее, что идетъ въ Сицилію пароходъ съ 100 человекъ гарибальдѣвскихъ волонтеровъ, отборныхъ людей, съ 2,000 ружей, съ большиною количествомъ патроновъ и другихъ военныхъ запасовъ, и что онъ прійдетъ къ берегу утромъ 31 мая. Это было важнымъ подкрѣплешемъ, и немедленно были сдѣланы распоряженія, чтобы начальники отрядовъ, находящихся по сосѣдству Кастелламаре, ждали этого парохода и приготвили къ выгрузкѣ снарядовъ. Къ тому же времени успѣли прибить пушки, оставленныя въ Корлеоне. Вы помните, что отправка этихъ пушекъ съ отрядомъ человекъ изъ 100 заманила неаполитанцевъ къ прслѣдованію и повела къ взятію Палермо. Приказъ былъ данъ отступать до Санъ-Джуліано. По затруднительности пути, а можетъ быть и по небрежности посланныхъ въ это отступление, они не успѣли сдѣлать дѣла такъ быстро, какъ слѣдовало бы, и результатъ былъ тотъ, что пришлось имъ бросить назадъ двѣ пушки (одна изъ нихъ была та, которую взяли при Калата-Фини). Потеря эта теперь не важна, потому что въ уличной палермской битвѣ

*) Главной квартирѣ Гарибальди.

пушки не принесут большой пользы, а взятіе Палермо не слишкомъ дорого было бы куплено и потерю всѣхъ пушекъ.

Кромѣ подвоза остальныхъ пушекъ, трехдневное перемиріе давало время сойтись въ Палермо отрядамъ изъ глубины острова, — это будетъ подкрѣпленіе изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Нѣкоторые изъ этихъ отрядовъ находятся уже въ аррьергардѣ волоньеръ, пришедшихъ вчера къ терминскимъ воротамъ.

Но важнѣе всего то, что эта трехдневная отсрочка даетъ время распространиться деморализаціи, и между неаполитанскими, и между наемными иностранцами солдатами. Три изъ числа неаполитанскихъ полковъ, — 6-й, 8-й и 10-й, — нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выказывали такое неудовольствіе и такую непокорность, что пришлось совершенно раскассировать и перестроировать ихъ. Уличныя битвы послѣднихъ дней, когда неудача была на сторонѣ войскъ, конечно произвели не такое дѣйствіе, чтобы укрѣпить ихъ дисциплину или ободрить ихъ духъ. Притомъ же, положеніе солдатъ не таково, какъ положеніе сбирровъ полиціи, родомъ сицилійцевъ. Сбирры эти знаютъ, что не должны ожидать пощады; но противъ солдатъ нѣтъ никакого ожесточенія. Цѣлый день нынѣ они во множествѣ ходятъ по городу, и очень многіе приходятъ вовсе передаться вамъ, другіе фратернизируютъ съ народомъ, а всѣ горятъ желаніемъ увидѣть Гарибальди, поцеловать его руки. Нѣсколько неаполитанскихъ офицеровъ, родомъ изъ Сициліи, пріѣзжали повидаться съ родными, находящимися въ городѣ. Немногіе изъ нихъ вернулись назадъ. Да и вернувшіеся будутъ въ непріятельскомъ станѣ еще полезнѣе Гарибальди, тѣмъ когда бы остались здѣсь. Я самъ видѣлъ капитана, паловавшего руки Гарибальди, со слезами просившего его предотвратить кровопролитіе между собратями итальянцами и обѣщавшаго всѣми силами склонять къ тому же своихъ солдатъ.

Въ числѣ проѣзжавшихъ черезъ городъ находился майоръ Босво, сицилиецъ, командующій однимъ изъ тѣхъ стрѣлковыхъ батальоновъ, которые обѣщали королю неаполитанскому принести голову Гарибальди. Онъ былъ задержанъ потому, что неаполитанскіе аванпосты не хотѣли пропустить транспорта съ мукою въ городъ. Въ концѣ своего ареста онъ сталъ какъ есть либераломъ.

Между дезертирами находился швейцарецъ, принадлежащій къ наемнымъ войскамъ. Онъ былъ сержантомъ и разжалованъ въ рядовые, по его словамъ, за мелкій проступокъ. Онъ рассказывалъ, что швейцарцевъ между наемными солдатами всего одна пятая часть, а всѣ остальные — сбродъ разной сволочи изъ Австріи, въ особенности изъ Кроаціи, самые величайшіе негодяи, какихъ только можно набрать, что у нихъ одна цѣль — грабежъ, и что ихъ командиръ, фонъ-Мехель, обѣщалъ имъ разрѣшеніе грабить.

Скоро представились доказательства словамъ швейцарца Эти наемные солдаты ворвались во всѣ доны, сосѣдніе съ нихъ позиціи, разграбили въ нихъ все, насильовали женщинъ и зажгли самые дома. Въ одномъ амбарѣ нашли они множество хлѣба и продали его по низкой цѣнѣ тѣмъ, кто былъ расположенъ воспользоваться несчастіемъ ближняго. Они устроили настоящую ярмарку. Когда были сдѣланы объ этомъ представленія командующему генералу, онъ сначала сталъ извинять грабежъ тѣмъ, будто онъ сдѣлалъ вчера въ первой горячности нападенія, а другія подробности просто отрицалъ. Наконецъ, однакоже, неаполитанскіе офицеры принуждены были сами сознаться, что эти солдаты — дурной народъ. Самъ батальонный командиръ Боско называетъ ихъ такъ: „шайка разбойниковъ, которую нельзя удержать въ порядкѣ“. Разумѣется, нельзя. Ихъ съ самаго начала возстаія поощряли къ грабежу, и скорѣе хвалили, тѣмъ наказывали за всѣ неистовства. Кроатовъ довольно одинъ день продержатъ такъ, и уже никакая сила не удержитъ ихъ въ дисциплинѣ. Они сражаются для грабежа. Очень замѣтна ненависть между неаполитанцами, и офицерами и солдатами, и между этими кондоттьеръ; еслибъ неаполитанцы не боялись, они первые начали бы сраженіе съ наемниками. Эти разбойники хороши съ обѣихъ сторонъ: если надежда на грабежъ можетъ заставить ихъ сражаться, то трудно будетъ удержать ихъ въ строю, когда сраженіе начнется и имъ можно будетъ грабить.

Даже изъ наемныхъ солдатъ тѣ, которые лучше своихъ товарищей, гнушаются ими; около 100 человекъ швейцарцевъ уже предлагали перейти къ Гарибальди, если въ

дадут хорошее жалованье. Посмотримъ, приведутъ ли къ чему нибудь переговоры, начатые объ этомъ.

Вечеромъ Гарibaldi обошелъ городъ, осматривая положеніе дѣлъ. Я былъ съ нимъ, и не могу дать вамъ даже слабаго понятія о томъ, какъ его встрѣчали повсюду. Это былъ одвнъ изъ тѣхъ триумфовъ, которые, кажется, возносятъ челоѣка выше людей. Самую удивительною изъ видѣнныхъ мною сценъ такого рода, была встрѣча Наполеона и Виктора-Эмануэля въ Миланѣ, годъ тому назадъ, и мнѣ кажется, что вчерашняя сцена была еще поразительнѣе. Въздъ императора и короля былъ нѣсколько формалистичнѣе, чтó мѣшало полному выраженію народнаго энтузіазма. Они были вернами, окружены своею гвардіею. А кумиръ народа, Гарibaldi, въ своей красной флазеловой рубашкѣ, съ полуразвязавшимся носовымъ платкомъ вмѣсто галстука, въ изношенномъ плащѣ, пѣшкомъ ходилъ между этихъ тысячъ кричащихъ, смѣющихся, съ ума сходящихъ отъ радости людей, и нѣсколько челоѣкъ, сопровождавшихъ его, едва успѣвали только защищать его, чтобы народъ не схватилъ его на руки. Народъ тѣснился гѣловать его руки, или хотъ коснуться полы его платья, какъ будто въ немъ исцѣленіе, награда всѣхъ прошедшихъ и быть можетъ будущихъ страданій. Матери несли въ нему дѣтей, на колѣняхъ просили его благословить ихъ, — а предметъ ихъ поклоненія все оставался такимъ же спокойнымъ, улыбающимся, какимъ бываетъ подъ смертоноснѣйшимъ огнемъ, старался утѣшить толпу, остававливался на каждомъ шагѣ выслушивать долгую жалобу о домахъ, сожженныхъ, объ имуществѣ, разграбленномъ отступавшими солдатами, давалъ совѣты, угѣшалъ, общалъ, что всѣ убытки будутъ уплачены.

Я не имѣлъ времени ободрѣть всѣ пункты, съ которыхъ прогнаны солдаты, но только посѣтивъ ихъ всѣ, можно бы составить себѣ полное понятіе, какой уронъ они должны были потерпѣть, и на сколько превосходить ихъ гарibaldiевскіе волонтеры въ уличномъ бою. Эти юноши какъ будто находили себѣ наслажденіе въ томъ, чтобы выбивать солдатъ изъ ихъ позицій, занимались этимъ съ любовью, обнаруживая удивительныя тактическіе таланты: ни разу не ускользнула отъ нихъ выгода обойти солдатъ съ флага, зайти въ тылъ ихъ позицій. Каждый большой домъ, а въ особенности монастырь, становился для нихъ цитаделью, въ которой быстро пробивались амбразуры, извергавшія убійственный огонь на головы солдатъ. Только этимъ способомъ могли они дойти до самаго королевскаго дворца, почти безъ потерь.

Когда Гарibaldi возвратился домой, явился неаполитанецъ съ возраженіями противъ того, что постройка баррикадъ продолжается во время перемирія. Отвѣтъ былъ тотъ, что въ своихъ границахъ каждая сторона можетъ дѣлать что ей угодно и что если неаполитанцы могутъ перевозить своихъ раненыхъ и получать провизію, то городу не годится не строить баррикадъ.

Пока неаполитанскій офицеръ еще ждалъ отвѣта, произошло формальное нашествіе авглійскихъ и американскихъ флотскихъ офицеровъ, получившихъ отпускъ на берегъ: каждый изъ нихъ разумѣется желалъ видѣть Гарibaldi. Командиръ американскаго корабля пріѣхалъ вмѣстѣ съ американскимъ консуломъ; швейцарскій консулъ также пріѣхалъ. Гарibaldi теперь уже не флбустьеръ, онъ главнокомандующій енцилійскихъ національныхъ силъ. Каждый, кто пріѣзжалъ, навѣрное захочетъ пріѣхать во второй разъ, потому что каждый принимается съ ласковымъ словомъ и каждому видно, что ему рады.

Мнѣ кажется, что Гарibaldi скоро съ избыткомъ вознаградишь бы своп потери, если бы ему позволили принимать желающихъ съ авглійскихъ и американскихъ кораблей. Хорошо, что неаполитанскіе офицеры были тутъ, чтобы видѣть эту сцену: она покажетъ имъ, какъ думаютъ о нихъ иноземные народы.

Вскорѣ послѣ того явился парламентаръ изъ зданія финансоваго управленія, которое еще занято роялистами, предлагая сдать эту позицію съ находящимися въ зданіи суммами, — всего, говорятъ, 4,000,000 таровъ или 2,000,000 франковъ. Это большею частью частная собственность, положенная туда для безопасности. Условія были приняты.

Извѣстіе о продленіи перемирія въ мигъ измѣнило фзіогномію города. Многіе изъ переѣзжавшихъ на корабли возвратились, потому что отсрочка дозволяла имъ привести свои дѣла въ порядокъ, чего не успѣли они сдѣлать при горошливомъ отъздѣ. Лихорадочное состояніе миновалось, веселость стала господствующею чертою города, кото-

рый был влюблен, как и во все дни с нашего прибытия. До поздней ночи множество народа расхаживало по улицам с пѣснями и радостными криками. Разнощипки вяленой рыбы, которая здѣсь главное продовольствіе, появились на улицахъ — это я считаю признакомъ возвращенія къ болѣе нормальному состоянію. Явились похоронныя процессіи съ крестами, образами (особенно образами св. Розаліи), восковыми свѣчами. Мѣсяцъ свѣтилъ ярко, и каждый возвращается домой не съ тѣни чувствами, съ какими всталъ нынѣ по утру.

Июля 1.

Въ эту ночь ушелъ одинъ изъ неаполитанскихъ пароходовъ; на немъ уѣхалъ, говорятъ, и самъ генералъ Ланца. Пароходъ пошелъ въ Неаполь, и надобно полагать, что уѣхавшій на немъ генералъ, кто бы онъ ни былъ, отправился туда изложить необходимость уступокъ. Я уже говорилъ вамъ, что Гарибальди согласенъ на миръ, если будетъ возвращена сицилійцамъ конституція, въ особенности подъ гарантію Англіи, и король неаполитанскій обѣщается слѣдовать истинно итальянской политикѣ. Посредничество адмирала Мѣнди, которое до сихъ поръ приводило къ такимъ хоронимъ результатамъ, устраняетъ все затрудненія. Если неаполитанцы думаютъ, что могутъ повести дѣло инымъ путемъ, черезъ другое посредничество или вовсе безъ посредничества, они ошибаются: Гарибальди никого не слушается и ни на кого не полагается, кромѣ адмирала Мѣнди. Адмиралъ принудилъ неаполитанцевъ вести переговоры прямо съ Гарибальди и тѣмъ самымъ признать его: Гарибальди не такой человѣкъ, чтобы забыть это.

Неаполитанцы очень дѣятельно перевозятъ раненыхъ на корабли, привозятъ изъ королевскій дворецъ провіантъ и, вѣроятно, боевые снаряды. Дезертиры продолжаютъ приходить къ Гарибальди десятками. Кромѣ того, новостей нѣтъ.

„Меандръ“ уходитъ въ 3 часа въ Мессину и успѣетъ быть въ Марсели въ субботу, ко времени отхода авглійской почты.

Съ каждымъ часомъ приходитъ новыя извѣстія о распространеніи возстанія. Вчера прибылъ изъ Трапани неаполитанскій пароходъ съ извѣстіемъ, что ежеминутно ждугъ нападенія инсургентовъ на этотъ городъ. Говорятъ, что Мессина была бомбардирована *). Пора неаполитанцамъ подумать о примиреніи.

Июля 2.

Вчера вечеромъ зданіе финансоваго управленія, больнои домъ на Толедской улицѣ, было сдано роялистами. Переговоры шли четыре дня. Первое предложеніе не было принято Гарибальди, настаивавшимъ, чтобы солдаты положили оружіе, на что они не соглашались. По заключеніи перемирія, предложеніе было возобновлено со стороны войскъ; обнаружилось обстоятельство, склонявшее принять его. Никто не предполагалъ, чтобы въ этомъ домѣ были оставлены деньги, — оказалось, что онѣ были тамъ оставлены. Неаполитанцы были такъ увѣрены въ свои силы, что не подумали принять мѣры на случай потери Палермо, и такимъ образомъ осталось въ кассѣ болѣе 5,000,000 дукатовъ, или 1,200,000 фунтовъ, — по точному счету, 5,444,444 дукатовъ (болѣе 8,000,000 р. сер.). Изъ этой суммы только 100,000 дукатовъ принадлежатъ правительству; остальное — частныя вклады. Г. Крппи, государственный секретарь, отправился туда съ кассирами и контролерами финансоваго управленія; составили протоколъ; эти чиновники и капитанъ отряда, занимавшаго зданіе, подписали его. Въ отрядѣ было до 125 человѣкъ; имъ позволили удалиться съ оружіемъ и багажемъ. У нихъ былъ только одинъ раненый; это легко объясняется выгодностью ихъ положенія и тѣмъ, что правильного нападенія не было дѣлано на нихъ. Занимая свой постъ, они забавлялись тѣмъ, что стрѣляли во всехъ прохожихъ. Говорятъ, что даже по заключеніи перемирія ихъ выстрѣлами были убиты два человѣка у Porta Felice. По найденнымъ бумагамъ видно, что изъ правительственнаго фонда было взято 792,000 дук-

*) Читатель знаетъ, что слухъ этотъ былъ несправедливъ.

товъ на военныя издержки, которыя очень значительны, потону что съ самаго начала волвеній солдаты получаюгъ двойное жалованье.

Нынѣ утромъ получено вѣстїе, что вчера рано утромъ пароходъ *Utile* пришелъ въ Марсалу, высадилъ около 100 человекъ волонтеровъ и выгрузилъ 2,000 ружей съ большимъ количествомъ боевыхъ снарядовъ, безъ всякаго ирелятствїя: всѣ неаполитанскїя суда были тогда въ Палермо, Мессинѣ, Трапани и Катанїи, — единственныхъ четырехъ пунктахъ, гдѣ еще нѣсколько держатся королевскїя войска. Волонтерами начальствуегъ уроженецъ Трапани, эмигрантъ Фрателли. Колонна эта должна была нынѣ утромъ идти на Трапани, жители котораго каждую минуту ждуть, что городъ ихъ будетъ сожженъ и разграбленъ солдатами. Но я полагаю, что она будетъ призвана сюда, на тотъ случай, если завтра возобновятся военныя дѣйствїя.

Ждуть не одного этого подкрѣпленїя. Есть вѣрное вѣстїе, что пароходъ „Блеквелль“ 26 мая вышелъ изъ Ливорно съ 1,500 или 1,800 волонтеровъ. Одинъ изъ неаполитанскихъ фрегатовъ, посланныхъ искать его, нынѣшнею ночью вернулса, послѣ напраснаго поиска. Пришедшїй вчера изъ Гибралтара купеческїй пароходъ сообщаетъ, напротивъ, что у западнаго берега Сицилїи видѣлъ большой винтовой пароходъ, наполненный людьми, идущїй по направленїю къ Марсалѣ. Любопытно было бы, еслибы и эта высадка, подобно двумъ первымъ, произошла въ Марсалѣ.

Въ послѣднїя трое сутокъ не было перестрѣлки; но перемирїе все-таки не было временемъ мира и согласїя между противниками. Изъ лагеря въ лагерь почти непрерывно ходятъ одинъ за другимъ парламентары для объясненїя недоразумѣнїи, успокоенїя опасенїи, провѣрки фактовъ. То роялисты останавливаютъ транспорты, то тѣ же роялисты врываются въ дома и грабятъ, унося все, что могутъ захватить. Многїя изъ такихъ жалобъ подтвердились изслѣдованїемъ дѣла; но я думаю, что эти нарушенїя перемирїя производятся не столько вѣроломствомъ неаполитавскихъ генераловъ, сколько совершеннымъ недостаткомъ дисциплины въ ихъ войсвахъ. Такъ, несмотря на нѣсколько приказанїй главнокомандующаго, колонна, стоящая у терминскихъ воротъ, не хотѣла пропустить транспорты съ мукою. Дѣло довольно натуральное со стороны солдатъ: они устроили за городомъ родъ ярмарки, на которой торгуютъ всяческими награбленными вещами, продають ихъ по дешевой цѣнѣ, и не хотѣли пропустить такого хорошаго случая къ снабженїю своего рынка товаромъ. Надобно было прибѣгнуть къ возмездїю. Одинъ изъ ихъ транспортовъ также былъ задержанъ. Пока его держали, солдаты, его конвоировавшїе, дезертировали почти цѣлымъ своимъ отрядомъ, взявъ съ собою и лишнїихъ муловъ. На другомъ концѣ города солдаты усиливались ворваться въ жепскїй монастырь; всей власти генерала Ланци и многочисленныхъ пословъ отъ него оказалось едва достаточно для остановки ихъ. Въ третьемъ концѣ города они увели двѣушекъ изъ монастыря *Oblati*, служащаго прїютомъ для двѣицъ сиротъ. Матери этихъ двѣушекъ въ слезахъ пришли жаловаться. Самаго факта неаполитанскїя начальства не отрицали, но объясняли, что монахини ушли съ солдатами добровольно. Не проходитъ минуты, чтобы не явился кто нибудь съ жалобою на неистовство солдатъ. Еслибы не удивительная нравственная власть Гарібальди надъ его войскомъ и надъ всѣмъ населенїемъ, невозможно было бы сохранить перемирїе. Во все время, сколько мы находимся, не было ни одного слѣда проступка противъ дисциплины или законнаго порядка въ гарвобальдѣвскихъ войскахъ. Несмотря на одушевленїе и волненїе, теперь въ Палермо такой порядокъ, какаго не было даже во время величайшаго стѣсненїя.

Только въ одномъ жители неумолимы: это — преданїе сбирровъ смерти; они гоняются за ними, какъ за дикими звѣрями, и разстрѣливаютъ, какъ только найдуть. Особенно въ первые двѣ формально производились систематическїя облавы на сбирровъ, особенно вѣстившихъ народу, и многїе изъ нихъ были убиты прежде, чѣмъ офицеры успѣвали спасти ихъ. Кто вспомнитъ, какииъ бѣдствїямъ подвергалса отъ нихъ народъ, тотъ не удивится народной ярости противъ нихъ.

Дезертиры продолжаютъ являться; странно сказать, они большею частью унтеръ-офицеры, сержанты и капралы, а не простые рядовые *). Всѣ они просятъ служить у

*) Конечно потону, что унтеръ-офицеры развитѣ рядовыхъ.

Гарибальди; того же просить человекъ 300 или 400 изъ плѣнныхъ. Начинаютъ переходить къ инсургентамъ даже иностранные наемные солдаты, — то есть, лучшіе изъ нихъ, гнушающіеся своими товарищами и своимъ родомъ службы. Почти каждого офицера, приходящего отсюда парламентаремъ къ веаполитанцамъ, спрашиваютъ о жалованьи у Гарибальди, и еслибъ не нашъ неумѣстный патриотизмъ, отвергшій всякую мысль о жалованьи, безъ сонгвінія, баварцы приняли бы предложенія. Вѣроятно, еще и теперь было бы не поздно сдѣлать нѣсколько предложеній. Въ домѣ финансоваго управленія нашлось довольно денегъ на эту и на другія надобности.

Если бы Гарибальди и горожанамъ нужно было только сражаться съ войсками, дѣло было бы нетрудное. Но бомбардированіе дѣлаетъ положеніе затруднительнымъ. По образцу, какой мы имѣли въ первый день, можно видѣть, чего надѣлаетъ оно, если будетъ продолжительно. Можетъ исполниться угроза обратить городъ въ груды развалинъ и похоронить подъ ними тысячи мирныхъ гражданъ, — особенно, если солдаты по прежнему обычаю будутъ жечь каждый домъ, который разграбятъ.

Можно было бы написать цѣлые томы о вандализмѣ, уже совершенныхъ ими, потому что каждая изъ развалинъ, считаеныхъ сотнями, имѣетъ свою исторію грубаго безчеловѣчія. Если бы не было на это у меня столько свѣдѣтелей, офицеровъ британской эскадры, ходившихъ по городу и своими глазами видѣвшихъ факты, я боялся бы сказать объ этихъ вандализмѣхъ, — такъ они кажутся невѣроятны. Особенно въ кварталахъ на правой и на лѣвой рукѣ отъ королевскаго дворца, населенныхъ по большей части бѣдными людьми и наполненныхъ монастырями, производились ужасы, въ которыхъ можетъ удостовѣриться каждый, кто пойдетъ туда. Слѣды ихъ увидитъ онъ своими глазами. Тамъ стоятъ черные остовы сожженныхъ домовъ. Населеніе въ нихъ очень гѣсно набито даже въ обыкновенныя времена. Страхъ бомбардированія переполнилъ ихъ людьми еще больше прежняго. Бомбы, упавшей на одинъ изъ нихъ, разтерзавшей и похоронившей его жильцовъ, бывало достаточно, чтобы жители сосѣдняго дома, бросая его, прятались въ погреба. Солдаты, отступая, зажигали дома, утѣлявшіе отъ бомбъ, и такимъ образомъ множество людей было сожжено въ этихъ убѣжищахъ. По всему околodку Альберджеріи воздухъ наполненъ запахомъ труповъ, проникающимъ сквозь развалины, и жврымъ чадохъ, происходящимъ отъ горѣнія тѣла. Если вы можете вынести этотъ запахъ, попробуйте войти въ развалины, потому что только тамъ вы увидите, что это такое за вещь. Не долго вамъ придется искать, — скоро вы споткнетесь о за жарившіеся остатки человѣческаго тѣла, — тутъ о ногу, тамъ о руку, черезъ нѣсколько шаговъ о голову. Вамъ послышится шорохъ, — вы осмотритесь: десятокъ разлѣвшихся крысъ бѣжитъ во всѣ стороны, или собака старается убѣжать черезъ развалины; тучи мухъ взлетаютъ при вашемъ приближеніи, и вы спѣшите вонъ, чтобы уйти отъ ихъ отвратительнаго и ядовитаго прикосновенія.

Я дивлюсь только тому, что видъ этихъ сценъ не обращаетъ каждого палермца въ тигра, каждую палермитянку въ фурію. Но эти люди были такъ долго затаптываемы, дсворализируемы, что ихъ натура какъ будто потеряла всю свлу реакціи. А все-таки послѣдніе дни навели на нихъ убѣжденіе, что невозможно имъ было ожидать никакой пощады, что еще во сто разъ большіе ужасы произошли бы, если бы неаполитанцы снова овладѣли городомъ. Эта грозящая опасность сильнѣе всего содѣйствовала тому, что народъ нѣсколько пробудился отъ своей апатіи, и надобно сказать: приготовленія къ встрѣчѣ войскъ стали теперь производиться не по прежнему. Посмотримъ, удержится ли эта бодрость, когда бомбы опять начнутъ летать по городу.

Гарибальди думаетъ представить протестъ всѣмъ командирамъ стоящихъ здѣсь военныхъ судовъ, съ просьбою, чтобы они своимъ влияніемъ предотвратили мѣру, вредящую только беззащитной части населенія. Если всѣ консулы и командиры иностранныхъ военныхъ судовъ будутъ дѣйствовать единодушно, я думаю, неаполитанцы не осмѣлятся возобновить бомбардированія. Разскажъ, что нѣкоторые изъ консуловъ и иностранныхъ командировъ протестовали, столь часто повторявшійся и опровергавшійся, оказывается однако же справедливымъ. Когда было сообщено, что въ случаѣ народнаго возстанія городъ будетъ бомбардированъ, адмиралъ Мѣнди пріѣхалъ къ Ланцѣ и спросилъ, нагвренъ ли онъ исполнить эти инструкціи. Услышавъ, что онъ исполнить ихъ, адмиралъ

подалъ ему письменный протестъ, который привезъ съ собою. Когда онъ уходилъ отъ Ланцы, вошелъ командиръ французской эскадры съ такимъ же протестомъ, а вскорѣ послѣ того командиръ американской. Ихъ не послушали, какъ вамъ извѣстно.

3 июня, утро.

Вчера въ 9 часовъ вечера на неаполитанскомъ почтовомъ пароходѣ „Сазтта“ прѣхалъ изъ Неаполя генераль Летиція. Мы сообщали за достовѣрное, что онъ привезъ съ собою инструкціи: биться до послѣднего человѣка, для этого призвать сюда гарнизонъ изъ Трапани и войска, идущія изъ Джирдженти, приготовиться какъ можно лучше, а до окончанія приготовленій занимать Гарибальди переговорами. Изъ Неаполя прислано большое количество орсиневскихъ гранатъ и нонгрововыхъ ракетъ, съ приказаніемъ не жалѣть ничего, жечь и истреблять всѣ дома. Посмотримъ, до какой степени это справедливо.

Нынѣ рано поутру генераль Летиція прѣхалъ къ Гарибальди съ просьбою о безсрочномъ продленіи перемирія. Они говорили между собою совершенно наединѣ, и никто не знаетъ, какія гарантіи даны неаполитанцами Гарибальди, и какими соображеніями объяснено перемиріе. Но вѣрно то, что Гарибальди удовлетворился. Пусть онъ не слишкомъ полагается на слова неаполитанскаго генерала—вотъ самое горячее желаніе каждаго приверженца защищаемаго имъ дѣла.

Между тѣмъ положительно извѣстно, что гарнизону Трапани велѣно готовиться къ отплытію, взять съ собою какъ можно больше пушекъ и истребить остальные. Два парохода и парусный корветъ посланы перевезти эти войска,—куда, неизвѣстно. У всѣхъ здѣсь мысли разстроены всѣми этими тайнами, всѣ недоумѣваютъ, что такое значить это перемиріе.

При извѣстии о продленіи перемирія стали возвращаться уѣзжавшіе изъ города, двинувшіеся было изъ него съ самаго разсвѣта въ опасеніи битвы и бомбардированія.

4 июня.

Вчера, тотчасъ послѣ свиданія съ Гарибальди, неаполитанскій генераль Летиція снова отправился въ Неаполь. Ожидаютъ, что онъ скоро вернется. Говорятъ, что онъ просилъ у Гарибальди честнаго слова никому не рассказывать объ извѣстіяхъ, привезенныхъ имъ изъ Неаполя, такъ что никто не знаетъ ничего положительнаго. Но изъ этихъ разъѣздовъ отсюда въ Неаполь надобно заключать, что неаполитанскій генераль привозилъ сюда мирныя условія и поѣхалъ назадъ съ отвѣтомъ. Изъ Неаполя пишутъ, что король требовалъ вмѣшательства иностранныхъ державъ; потому неаполитанское правительство, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ думаетъ о переговорахъ.

Вы не удивитесь, услышавъ, что здѣсь мало вѣрятъ неаполитанцамъ, и потому господствуетъ мигѣвіе, видящее во всѣхъ этихъ свиданіяхъ только попытку обмануть Гарибальди.

Вчера я писалъ вамъ, что изъ хорошаго источника слышалъ, будто генераль Летиція привезъ изъ Неаполя инструкціи вовсе не мирнаго, а напротивъ самаго воинственнаго характера, и что переговоры начаты единственно съ цѣлью обманывать Гарибальди до той поры, когда кончатся всѣ приготовленія. Несомнѣнно одно: съ прѣѣздомъ генерала Летиція даны были новыя инструкціи неаполитанскимъ кораблямъ. До его воавращенія, они заняты были нагрузкою всѣхъ тяжелыхъ вещей изъ цитадели и изъ дворца. По прѣѣздѣ Летиція, это немедленно было прекращено; боевые снаряды стали выгружаться опять на берегъ. Съ тѣмъ вѣстѣ парусный корветъ, буксируемый двумя пароходами, пошелъ въ Трапани, перевезти войска оттуда въ Палермо. Онъ теперь возвратился и привезъ эти войска.

Перевозка раненыхъ изъ королевскаго дворца продолжается. Надобно считать, что ихъ перевезено уже больше 800 человѣкъ. Но ввозъ провіанта во дворецъ значительно уменьшился. Или войска уже достаточно снабжены, или уже не осталось лишнихъ запасовъ въ цитадели.

Поутру нынѣ люди, выѣюшіе запасы вяленой рыбы въ частяхъ города, завятыхъ войсками, пришли съ жалобою, что ихъ магазины разбиты, а товаръ перевезенъ на военныхъ шлюпкахъ на корабли. Разныхъ рассказовъ такъ много, что я только повторю факты, доказанные повѣркою, и объ этомъ упоминаю только потому, что самъ видѣлъ боченки, перевозимые на корабли изъ кварталовъ, завятыхъ наемными войсками.

Надежда на переговоры ни мало не ослабила дѣятельность приготовленій въ оборонѣ. Сначала баррикады строили повсюду, гдѣ нужно и гдѣ ненужно, не было времени позаботиться о систематическомъ планѣ этой работы. Теперь составленъ общій планъ обороны. Всѣ ненужныя баррикады скрыты, другія поправлены, третья перестроены съ изнова. Силою усердныхъ заботъ, болѣе десяти пушекъ (почти все флотскихъ) приспособлены къ дѣлу и поставлены на лафеты. Составлена команда къ нимъ, приготовлены заряды изъ картечи и пуль. Орсишевскія гранаты дѣлаются въ большомъ количествѣ, неусыпно готовятся пули и порохъ. Послѣдній неаполитанскій бюлетень говоритъ, что Гарибальди окруженъ въ Палермо и скоро будетъ уничтоженъ. Нынѣ утромъ колонна, стоящая у терминскихъ воротъ, прислала жалобу, что расположенные въ тылу ея отряды инсургентовъ стрѣляли по ней. Взглянувъ на цѣпь горъ, окружающихъ Палермо, вы каждую ночь увидите на нихъ повсюду огни инсургентовъ, оставшихся за городомъ. Если о комъ можно сказать „они окружены“, то конечно ужь о неаполитанцахъ.

Волонтеры и военные запасы, прибывшіе въ Марсалу, направляются сюда. Два дня тому назадъ, они были въ Партенико; раасчитываютъ, что нынѣ вечеромъ или завтра поутру они будутъ здѣсь.

Еще нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о второй, болѣе значительной экспедиціи, отплывшей изъ Ливорно 26 мая. Вѣроятно она отправилась куда вѣбудь дальше. Препятствій не могла она встрѣтить, потому что всѣ неаполитанскія военныя суда сосредоточены въ трехъ или четырехъ пунктахъ, отъ которыхъ не отходятъ никуда.

Извѣстіе, что Мессина была бомбардирована, несправедливо. Но теперь канонирская лодка изъ Мальты, заходившая въ Италію, извѣстила, что инсургенты нападали на войска, стоящія въ городѣ, нанесли имъ большой уронъ—до 400 или 500 человекъ—но не могли выбить ихъ изъ укрѣпленныхъ позицій въ королевскомъ дворцѣ и наедральномъ соборѣ.

Слухи о войскахъ, ушедшихъ изъ Джирдженти, различны. Одни говорятъ, что они въ Трапани, другіе—что они на южномъ берегу, въ Террановѣ. Самымъ лучшимъ примѣромъ трудности устроить, чтобы комитеты разныхъ провинцій и городовъ дѣйствовали по надлежащему плану, можетъ служить то обстоятельство, что хотя вся страна въ рукахъ инсургентовъ, но нѣтъ правильного сообщенія между провинціями и Палермо. Народъ здѣсь не привыкъ управлять своими дѣлами, и не имѣетъ никакой инициативы. Назначены въ провинціи новые губернаторы; надобно надѣяться, что они внесутъ нѣкоторое единство въ дѣйствія всѣхъ провинцій.

У меня было такъ много другихъ извѣстій, что прежде а не имѣлъ времени сказать вамъ, какъ устривается новая организація провинцій. Въ нынѣшнемъ, какъ и во всѣхъ прочихъ сицилійскихъ движеніяхъ, главною бѣдою былъ недостатокъ единства. Какъ только высадили Гарибальди и нѣсколько прошелъ въ глубинѣ острова, всѣ важнѣйшіе члены аристократіи и городскихъ обществъ просили егъ принять диктатуру отъ имени Виктора-Эмануэля, короля итальянскаго, и главное начальство надъ всѣми національными силами.

Первою заботою было, разумеется, организовашіе военныя силы. До той поры, какъ вы знаете, дѣло ограничивалось тѣмъ, что волонтеры собирались около какого нибудь человека, пользующагося влияніемъ въ ихъ округѣ или городѣ; отряды эти оставались независимыми другъ отъ друга, люди оставались вмѣстѣ или расходились, какъ случится.

Декретъ 19 мая, изданный въ Салеми, учреждаетъ милицію, изъ которой принадлежать всѣ мужчины отъ 17 до 50 лѣтъ. Люди отъ 17 до 30 лѣтъ поступаютъ въ дѣйствующее войско и должны служить въ дѣйствіяхъ по всему острову; люди отъ 30 до 40 лѣтъ служатъ въ своихъ провинціяхъ, а отъ 40 до 50—въ своихъ общинахъ.

Офицеры дѣйствующей арміи назначаются главнокомандующимъ по предложенію батальонныхъ командировъ; офицеры второй и третьей категорій, несущихъ только мѣстную службу, выбираются самими отрядами.

Но вы поймете, что трудно приводить въ исполненіе этотъ декретъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, въ Палермо дѣло подвигается впередъ. Отряды инсургентовъ, смотря по своей числительности, преобразованы въ роты и батальоны; ихъ начальникамъ даны чины, соответствующіе числу людей въ отрядѣ. Каждому назначенъ свой постъ, и постепенно они привыкаютъ къ правильнѣйшей организаціи по продовольствованію и управленію. Но ввести нѣчто подобное порядку въ этотъ хаосъ и приучить этихъ людей не слѣдовать одиѣмъ своимъ фантазіямъ,—геркулесовскій трудъ.

Теперь эти отряды инсургентовъ получаютъ правильное жалованье; и я не полагаю, чтобы они долго прослужили безъ него. Они называются этническими стрѣлками *Sassiatori dell'Etна*,—имя хорошо идущее людямъ, довольно похожвмъ на этотъ курящійся, но очень безвредный вулканъ.

Любопытно то, что сицилійскіе патриоты берутъ жалованье, между тѣмъ какъ энтузіасты сѣверной Италіи, пришедшіе на помощь имъ, не получали ни одной копѣйки и не разсчитываютъ получить ничего.

Очень хлопочутъ о томъ, чтобы снабдить ихъ чѣмъ нибудь похожимъ на обмундировку. Сдѣлано довольно много красныхъ фавелевыхъ рубашекъ, и почти всѣ гарибальдѣевскіе волонтеры имѣютъ теперь этотъ мундиръ. Туземные милиціонеры еще остаются въ своемъ платьѣ изъ темной бумажной матеріи, которое носятъ здѣсь всѣ и которое такъ однообразно, что служить очень хорошимъ мундиромъ до пріобрѣтенія лучшаго.

Если подумать, что не прошло еще двухъ мѣсяцевъ послѣ того времени, какъ въ послѣдній разъ было отобрано и всѣмъ сицилійцевъ оружіе, надобно дивиться, сколько ружей еще осталось въ странѣ. Это большею частью короткія ружья, болѣе похожія на одноствольные охотничьи карабины, чѣмъ на боевыя ружья. Но почти всѣ они пистонныя; старыхъ кремневыхъ мало. Судя по виду, почти всѣ они еще изъ 1820 года или раньше, в только пистонные замки придѣланы къ нимъ позже, — вѣроятно въ 1848—1849. Желаніе имѣть ружье доходить до страсти. Строжайшія приказанія были отданы доставлять въ главную квартиру всѣ ружья, отбиваемыя у неаполитанцевъ. Но все-таки ихъ доставляется очень мало. „Молодцы“ овладѣваютъ ими, нѣсколько стрѣвывая прикладъ и стволь, чтобы трудно было узнать ихъ. Никакой бѣднякъ не можетъ жаднѣе желать денегъ, чѣмъ „молодецъ“ патроновъ. Но разница та, что „молодецъ“ не бережетъ ихъ такъ, какъ бяднякъ деньги. Во время уличной войны, какъ только отрядъ инсургентовъ давали патроны, они тотчасъ же уходили, занимали дома на безопасной дистанціи, начинали бить по стѣнамъ и на воздухъ. Разумѣется, скоро оставались они безъ патроновъ, и возвращались съ похвалюбою, какъ дрались они съ неаполитанцами. Впрочемъ, неудивительно, что эта сумасшедшая стрѣльба пугала солдатъ, а инсургенты ободрялись шумомъ, какой дѣлали. Въ первые дни, бывало, даже когда стоятъ они въ своемъ лагерѣ, трудно было удержать ихъ отъ выпусканія зарядовъ на воздухъ, черезъ минуту послѣ того, какъ они жаловались на недостатокъ патроновъ. Теперь это случается очень рѣдко. Они стали нѣсколько поумнѣе и научились цѣнить заряды.

Кромѣ военной, начала устанавливаться также и гражданская организація. Для этого назначенъ государственный секретарь *), контрасигнирующий всѣ декреты диктатора. Въ каждую провинцію назначенъ губернаторъ, управляющій при содѣйствіи совѣта, избираемого народомъ. Губернаторы въ сосѣднія провинціи почти всѣ уже назначены, и чѣмъ скорѣе они назначаются, тѣмъ лучше. Въ такія времена каждою областью долженъ править отвѣтственный человекъ, имѣющій полномочіе. Комитеты много говорятъ, во мало дѣлаютъ.

Городъ принялъ почти мирный видъ. Лавки начинаютъ отворяться, — но лишь по немногу. Я уже говорилъ вамъ, что, когда Гарибальди вступилъ въ Палермо, почти на всѣхъ лавкахъ и домахъ были надписи, объявлявшія, что они принадлежатъ иностран-

*) Криси.

цамъ: *Interessi, francesi, или inglesi, или americani* — было написано почти повсюду. Это должно было служить огражденіемъ отъ солдатскаго грабежа, — не думаю, чтобы въ самомъ дѣлѣ оградило даже и противъ него (и дѣйствительно не оградило въ частяхъ занятыхъ солдатами); а противъ бомбъ и огня вовсе не помогало. Помедни по Толедской или другой улицѣ, вы изумитесь множеству „англійскаго“ и „французскаго“ имущества съ громадными пробоинами отъ бомбъ. Если иностранныя державы потребуютъ вознагражденія за всѣ эти убытки, понесенные ихъ подданными, расплачиваться будетъ тяжело; но это было бы должвнымъ возмездіемъ за неуваженіе къ протесту комядировъ иностранныхъ эскадръ.

У насъ здѣсь есть уже двѣ газеты: *Giornale Officiale*, оффціальная газета временнаго правительства, и *Unita Italiana*; онѣ продаются по улицамъ вмѣстѣ съ ужасною вяленою рыбою, которая составляетъ главное продовольствіе всего населенія.

На этомъ останавливается корреспонденція въ тѣхъ нумерахъ *Times*'а, которые получены нами. Для ознакомленія читателей съ подробностями дальнѣйшаго хода дѣлъ, лучше будетъ подождать продолженія этого разсказа, чѣмъ передавать извѣстія газетъ, часто противорѣчащія между собою и несообразныя съ тѣмъ, что положительно извѣстно о положеніи дѣлъ въ дни, предшествовавшіе времени, къ которому они относятся. Потому, удерживаясь пока отъ подробностей, напомнимъ читателю только главныя черты, извѣстныя ему и по газетамъ.

Неаполитанскія войска всѣ вышли изъ Палермо. Гарибальди въ этотъ промежутокъ времени занимался организаціею арміи и гражданскаго управленія. У неаполитанцевъ остается теперь въ Сициліи только одинъ важный пунктъ, Мессина. Гарибальди, какъ мы знаемъ изъ телеграфическихъ депешъ, перенесъ войну на итальянскій материкъ: отрядъ его волонтеровъ уже явился въ Калабрію.

По сравненію съ тѣми событіями, подробности которыхъ разсказалъ нашъ палермскій корреспондентъ *Times*'а, всѣ другіе факты и слухи, относящіеся къ прошлымъ тремъ недѣлямъ, кажутся такъ мелки, рутинны, что читатель, быть можетъ, не осудитъ насъ за то, что мы не чувствуемъ охоты говорить о нихъ въ нынѣшній разъ.

ПОЛИТИКА.

ЮЛЬ 1860.

Неаполитансаи и сицилійскія дѣла. — Баденское свиданіе. — Судьба была объ отживѣи пошлнны съ бумагы въ Англіи. — Извлеченіе изъ палермской корреспонденціи Times'a.

Капитуляція неаполитанской арміи въ Палермо кажется дѣломъ немовѣрнымъ для того, кто не вникнетъ въ нравственное состояніе войскъ, почувствовавшихъ себя безсильными противъ непріятеля, который имѣлъ въ три или въ четыре раза меньше солдатъ, чѣмъ они, а изъ этихъ солдатъ не болѣе тысячи человекъ годныхъ на серьезный бой съ неаполитанскою арміею, считавшею около 20,000 человекъ. Побѣда Гарибальди покажется еще страннѣе, когда мы ообразимъ, что неаполитанскія войска держались въ позиціяхъ чрезвычайно крѣпкихъ и располагали многочисленною артиллеріею: характеръ битвы былъ тотъ, что нѣсколько сотъ человекъ штурмовали форты, занятые непріателемъ въ двадцать разъ сильнѣйшимъ, и заставили его сдаться: Это походитъ на нелѣпую сказку. Положимъ, что Гарибальди и офицеры его штаба люди очень большихъ военныхъ дарованій, а неаполитанскіе генералы въ Палермо были люди посредственныхъ или даже малыхъ способностей. Но вѣдь Наполеонъ говорилъ, что самый гениальный полководецъ всегда будетъ принужденъ отступить въ битвѣ съ арміею вдвое большаго числа, какъ бы плохи ни были полководцы этой арміи, если она сама имѣетъ хотя посредственное мужество. Положимъ, что на сторонѣ Гарибальди было все населеніе города; но мы знаемъ, что палермцы были доведены прежнимъ своимъ положеніемъ до совершенной неспособности дѣйствовать оружіемъ безъ долгаго предварительнаго обученія. Эти бѣдняки во все время борьбы только бѣгали по улицамъ и кричали, какъ маленькія дѣти: военной помощи Гарибальди получилъ отъ нихъ, несмотря на все ихъ сочувствіе къ нему, меньше, чѣмъ получилъ бы отъ сотни мужчинъ, достойныхъ называться мужчинами. Правда также, что, кромѣ 1,000 человекъ волонтеровъ, пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Італіи, у него было въ Палермо тысячи четыре или тысячь пять сицилійскихъ инсургентовъ. Два мѣсяца тому назадъ, еще не имѣя свѣдѣній о способѣ войны, какую вели они до прибытія Гарибальди, мы полагали, что слѣдуетъ считать этихъ инсургентовъ очень храбрыми солдатами. Но теперь, когда дѣло разъяснилось, мы видимъ, что совершенно ошибались во мнѣніи о ихъ боевой годности. Правда, каждый изъ нихъ самъ по себѣ человекъ смѣлый. Но не было у нихъ рѣшительно никакого подготовленія къ военному дѣлу. Положеніе сицилійцевъ было въ этомъ отношеніи неприятно между европейскими народами. Вездѣ вы найдете довольно много ло-

дей, бывшихъ въ военной службѣ, имѣющихъ какое нибудь понятіе о военной дисциплинѣ, сколько нибудь знающихъ, что главное дѣло въ походѣ—сохранять присутствіе духа, а въ битвѣ—помнить, что трескъ ружейныхъ выстрѣловъ вовсе не такъ опасенъ, какъ шуменъ, что изъ сотенъ пуль попадаетъ лишь одна, что истинная опасность постигаетъ солдатъ лишь тогда, когда они смѣшаются. Эти люди больше или меньше готовятъ своими обыденными разказами въ мирное время остальное населеніе понимать военныя надобности, готовятъ его хоть къ тому, чтобы изъ него могли выходить сносные рекруты. Они же, въ случаѣ надобности, обучаютъ другихъ, сдерживаютъ ихъ своимъ примѣромъ,—въ Сициліи ничего подобнаго не было. Давно уже неаполитанское правительство перестало брать сицилійцевъ въ солдаты. На островѣ совершенно не было людей, когда нибудь стоявшихъ подъ ружьемъ, дѣлавшихъ походы порядочнымъ образомъ. Вооруженныя толпы, составившіяся изъ сицилійцевъ, оказались такими же непригодными выдерживать схватку, какъ неспособны оказались бы умѣть держать себя во время морской бури люди, привезенные на корабль прямо изъ такихъ мѣстъ, гдѣ населеніе не видало и рѣчныхъ судовъ. Они суетились, пугались всякаго вздора, безъ толку шумѣли; безъ толку стрѣляли, когда стрѣлять было еще рано; оставались уже безъ зарядовъ, когда наступало время стрѣлять, и прятались отъ каждаго непріятельскаго выстрѣла, какъ будто одна пуля перебьетъ всѣхъ ихъ. Всѣ ихъ военныя дѣйствія ограничивались тѣмъ, что они уходили съ ружьями въ горы, стрѣляли издали по неаполитанскимъ отрядамъ и отступали дальше въ горы, когда эти отряды приближались къ нимъ на версту. Догнать ихъ было нельзя, нельзя было и побѣдить не догнавши, потому неаполитанцы не могли усмирить возсташія, какъ не можетъ охотникъ прекратить шума и бѣготни звѣрей въ лѣсу. Но что дѣлать, когда ихъ подведутъ къ непріятелю ближе версты—сицилійскіе инсургенты рѣшительно не знали; они совершенно терялись при всякомъ сколько нибудь серьезномъ столкновеніи. Повторяемъ, что нельзя сомнѣваться въ способности каждаго изъ нихъ стать хорошимъ солдатомъ. Но ему было нужно нѣсколько недѣль практики, чтобы сдѣлаться похожимъ хотя на то, каковы бываютъ въ другихъ странахъ рекруты черезъ день по принятіи на службу. А потомъ нужно было бы еще нѣсколько недѣль практики, чтобы сдѣлать этихъ рекрутъ способными дѣйствовать въ битвѣ. Времени на это обученіе не достало, когда они пришли въ Палермо. Они были хуже всякой толпы французскихъ или нѣмецкихъ рекрутъ. Они могли только мѣшать дѣйствію хорошихъ солдатъ и, точно, при вступленіи Гарибальди въ Палермо нѣсколько разъ чуть не разстроивали всего дѣла то своею безтолковою торопливостью, то своею дикою пугливостью. Собственно борьбу выдерживали только тѣ тысяча человекъ, которыхъ привезъ Гарибальди изъ сѣверной Італіи. Правда, эти тысяча человекъ—люди закаленные въ битвахъ, отборнѣйшіе солдаты, какихъ только можно найти; правда, ни одинъ изъ нихъ не отступить шага, ни одинъ не отдастся въ плѣнъ, каждый будетъ сражаться до послѣдняго дыханія и дорого продаетъ свою жизнь. Но все-таки тысяча человекъ, каковы бы ни были они, не могутъ выдержать битву съ тремя или четырьмя тысячами посредственныхъ солдатъ, не говоря уже о пятнадцати или двадцати тысячахъ. Развязка палермскихъ событій противна всякому военному правдоподію; потому неаполитанское правительство предало суду генераловъ и штабъ-офицеровъ, бывшихъ въ Палермо. Обвиненій противъ нихъ два:

они подозрѣваются въ измѣнѣ и осуждаются за чрезвычайную неспособность. Но говорить объ измѣнѣ Ланца и его сотоварищей, значить говорить совершенную нелѣпость. Многіе унтеръ-офицеры дѣйствительно дезертировали; многіе офицеры младшихъ чиновъ, поручики и капитаны, быть можетъ нѣсколько батальонныхъ командировъ, вовсе не сочувствовали дѣлу, за которое сражались, — но вѣдь и они только печалились, только желали прекращенія битвы, а все-таки сражались по командѣ; что же касается до старшихъ офицеровъ и генераловъ, они всѣ были преданы правительству, которому служили, и мысль объ измѣнѣ королю была отъ нихъ такъ же далеко, какъ отъ самого Гарибальди мысль измѣнить сицилійцамъ. Они дѣйствовали очень усердно. Но умѣли-ли они дѣйствовать? Нѣтъ возможности открыть въ неаполитанскихъ генералахъ слѣды особенной даровитости, но все-таки распоряжались они вовсе не дурно. Обвинять полководца въ неумѣннѣ его дѣйствій, вещь самая обыкновенная. Такъ, наприимѣръ, Ланца, явившись въ Палермо, нашель распоряженія своего предшественника, Сальцано, очень неблагоприятными; теперь говорятъ то же самое о его распоряженіяхъ. Но всматриваясь въ событія похода, мы находимъ, что то и другое порицаніе одинаково несправедливы. Едва Гарибальди высадился, Сальцано тотчасъ умѣлъ сообразить, что онъ долженъ двинуться на Палермо, а не по какому нибудь другому направленію, и разсудительно выбралъ пунктъ, на которомъ надобно задержать его. Калата-Фискалъ позиція — самая крѣпкая на всемъ пути отъ Марсалы до Палермо; она самая важная на всемъ этомъ пространствѣ и въ стратегическомъ отношеніи, служа узломъ всѣхъ дорогъ изъ Марсалы. Если бы неаполитанцы удержались въ Калата-Фискомъ дефиле, Гарибальди не могъ бы обойти ихъ, остался бы запертъ въ небольшомъ сѣверо-западномъ краю острова. Отрядъ, посланный Сальцано, имѣлъ численность по всѣмъ соображеніямъ достаточную: дѣйствительно, Гарибальди явился передъ Калата-Фискою позиціей съ количествомъ людей меньшимъ этого отряда. Притомъ же Сальцано, еелибъ и хотѣлъ, не могъ бы послать больше: главныя свои силы онъ справедливо разеудилъ оставить въ Палермо, потому что иначе жители столицы возстали бы. Ланца, какъ видно, напрасно осуждалъ своего предшественника. Точно такъ же теперь неаполитанское правительство напрасно винить Ланцу. Когда Калата-Фиская позиція была потеряна, онъ справедливо разсчиталъ, что долженъ ограничиться защитою высотъ, господствующихъ надъ Палермо, и дѣйствительно занялъ ихъ. Подступъ къ Палермо остался возможенъ для Гарибальди только съ восточной стороны, съ которой, во-первыхъ, было и неудобно защищать городъ, а во-вторыхъ, нельзя было никакому генералу предвидѣть такого быстрого нападенія. Маневры, сдѣланные Гарибальди, были безпримѣрны по смѣлости и по быстротѣ. Того, кто не могъ предупредить ихъ, нельзя еще называть человѣкомъ нераспорядительнымъ. — Но если такъ, если неаполитанскіе генералы распоряжались не дурно, если офицеры ихъ исполняли свою обязанность, если у нихъ было въ двадцать разъ больше солдатъ, чѣмъ сколько было у противника людей, годныхъ къ сраженію, то въ чемъ же причина ихъ неимовернаго пораженія? Мы знаемъ теперь, что она заключалась въ характерѣ ихъ войска, превосходно обученнаго, отлично вооруженнаго, но все-таки ставшаго почти столь же неспособнымъ къ битвамъ, какъ неспособны были сицилійскіе инсургенты. Неаполитанскіе солдаты не годились ни на что, кромѣ грабежа и рѣзни безоружныхъ жите-

лей. Убивать женщинъ, стариковъ, жечь села,—этому выучились они, но это такая наука, которая отучаетъ отъ способности сражаться. Многие винятъ неаполитанскихъ генераловъ за то, что они допустили своихъ солдатъ до пріобрѣтенія такой привычки—обвиненіе совершенно неосновательное, какъ мы доказали въ обзорѣни, нанечатанномъ два мѣсяца тому назадъ. Это былъ единственный способъ вести войну, возможный при данныхъ отношеніяхъ. Если бы поддерживать дисциплину въ неаполитанскомъ войскѣ, если бы не позволять солдатамъ грабить и рѣзать, солдаты не стали бы служить: какое другое побужденіе удержало бы ихъ подъ знаменами? Французы, напримѣръ, сражались въ Италіи для славы своей родины, сражались по убѣжденію, что они защищаютъ хорошее дѣло. У солдатъ, которыми командовалъ Ланца, такихъ мыслей не было и не могло быть. Притомъ же цѣль всякой войны—нанесеніе вреда непріятелю. Если непріятель—армія, надобно бить эту армію. Но въ Сициліи до прібытія Гарибальди непріятельской арміи никакой на было противъ неаполитанцевъ, а война шла больше мѣсяца; непріателемъ былъ каждый сициліецъ, потому надобно было истреблять сицилійцевъ. Военное искусство требуетъ уничтоженія непріятельскихъ военныхъ средствъ; потому надобно было жечь все, что можно, грабить все, что попадалось подъ руку. Такимъ образомъ, неаполитанцы принуждены были евоиѣмъ положешемъ принять систему дѣйствій, которая сдѣлала ихъ войско толпою мародеровъ, а мародеры, въ какомъ бы числѣ ни были, всегда бѣгутъ отъ самаго слабого непріятеля.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, все равно: они принуждены были заключить капитуляцію. Возвращеніе въ Неаполь 20-титысячнаго войска, пораженнаго непріателемъ въ двадцать разъ слабѣйшимъ, должно очень вредно подѣйствовать и на всю остальную неаполитанскую армію: эти люди по необходимости вносить въ нее свое уныніе, свое убѣжденіе въ невозможности держаться противъ Гарибальди. Въ прошедшій разъ мы были обмануты телеграфическими депешами, говорившими, что Гарибальди уже переправилъ часть своихъ волонтеровъ въ Калабрію. Это преждевременное извѣстіе, распространившееся по Европѣ изъ Неаполя, было произведено торопливымъ отправленіемъ трехъ колоній въ Калабрію, гдѣ со дня на день ждали неаполитанцы появленія непріятеля. Но Гарибальди считаетъ нужнымъ привести въ порядокъ сицилійскія дѣла и организовать порядочную армію изъ сицилійцевъ, прежде чѣмъ двинется на материвъ. По всѣмъ извѣстіямъ сицилійцы, отученные долговременнымъ господствомъ прежней системы отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, еще не умѣли бы сами справиться съ ними безъ Гарибальди. Они не умѣли бы сами себѣ устроить администрацію, не умѣли бы позаботиться, какъ слѣдуетъ, о сформированіи войскъ. Во всемъ этомъ для нихъ еще нужны чужіе совѣты, чужое руководство. Дивится тутъ нечему: безъ нѣкоторой привычки къ дѣлу никто ничего не можетъ дѣлать быстро и успѣшно. Въ приложеніи къ этому обзору читатель найдетъ извлеченіе изъ палермской корреспонденціи Times'a, служащей продолженіемъ тѣхъ писемъ, которыя перевели мы въ прошлый разъ. Въ ней сообщаются подробныя извѣстія о ходѣ дѣлъ въ Палермо до начала іюля, и намъ остается только дополнить это извлеченіе свѣдѣніями о событіяхъ, послѣ тѣхъ дней, на которыхъ оно останавливается. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ, какими отразились успѣхи Гарибальди въ самомъ Неаполѣ.

Два мѣсяца тому назадъ, мы старались изобразить личный характеръ короля неаполитанскаго и тѣхъ вліяній, которымъ онъ подчиняется. Благодаря своему воспитанію, онъ совершенно твердъ въ принципахъ, которыми руководился его родитель, и не имѣетъ нравственной свободы принять иную систему дѣйствій. Отчаян по своей неопытности, а еще больше по характеру своего воспитанія, онъ руководится совѣтами сановниковъ, управлявшихъ государствомъ при его отцѣ, и справедливо полагаетъ, что не долженъ имѣть довѣрія къ людямъ иного образа юнатій. Такимъ образомъ нравственная необходимость всегда должна удерживать его при прежней системѣ. Но, несмотря на такіе факты, какъ бомбардированіе Палермо, и другія подобныя распоряженія, разсказами о которыхъ наполнены газеты, самъ онъ, лично, долженъ имѣть характеръ мягкій. Полнымъ доказательствомъ тому могла бы служить уже одна роль, оставленная имъ его мачихѣ. Когда вдали смерти покойнаго короля, его вторая супруга употребляла всевозможныя усилія, чтобы отнять наслѣдство у нынѣшняго короля, своего пасынка, и доставить престолъ своему сыну, графу Трани. Кромѣ дѣйствій разными мирными путями, она даже устраивала заговоръ съ этой цѣлью, устраивала даже военныя возмущенія. Не говоримъ уже о томъ, что она подвергала своего больного мужа нравственной пыткѣ и не допускала къ его постели никого, кромѣ своихъ соумышленниковъ — не допускала ни своего пасынка, ни его жену. Чрезвычайно странное зрѣлище представлялось тогда борьбою двухъ полицій, общей полиціи и жандармской, изъ которыхъ одна была на сторонѣ прямого наслѣдника престола, а другая на сторонѣ графа Трани и его матери. Полицейскіе начальники и жандармскіе начальники арестовали другъ друга, обвиняли другъ друга въ злоумышленіяхъ. Послѣ всего этого надобно было ожидать, что молодой король не будетъ довѣрять мачихѣ, отнимавшей у него престолъ, не будетъ довѣрять придворнымъ и министрамъ, дѣйствовавшимъ за одно съ нею противъ него. Но они сохранили при немъ все свое вліяніе или даже получили еще безграничнѣйшую силу, чѣмъ какую имѣли при его отцѣ, — черта, свидѣтельствующая о мягкости личнаго характера въ новомъ королѣ. Но мягкость характера, какъ онъ показывалъ въ послѣднее время, не мѣшаетъ ему очень твердо держаться принциповъ, издавна обезнечивавшихъ спокойствіе Неаполя. Печальная необходимость могла принудить его къ временнымъ уступкамъ; но все свидѣлствуетъ, что въ душѣ онъ остался непоколебимъ.

Когда неаполитанскій дворъ убѣдился, что ему грозитъ близкая опасность, онъ началъ прискивать разныя средства избѣжать ея. Прежде всего, какъ знаетъ читатель, онъ хотѣлъ, чтобы иноземныя державы защитили его отъ заговорщиковъ и бунтовщиковъ. Былъ отправленъ чрезвычайный посланникъ въ Парижъ и въ Лондонъ просить помощи у французскаго и англійскаго правительствъ. Но императоръ французовъ принялъ просьбу сурово: онъ долго былъ лично оскорбляемъ покойнымъ королемъ и нынѣшнимъ королемъ; они оба съ одинаковымъ упорствомъ отвергали его совѣты измѣнить систему. Читатель помнитъ, что однажды французскій и англійскій посланники, по согласію своихъ правительствъ дѣйствовавшіе въ этомъ смыслѣ, получили отъ неаполитанскаго двора такіе оскорбительные отвѣты, что дѣло было близко къ войнѣ. Это случилось при прежнемъ королѣ. Когда воцарился нынѣшній, совѣты Наполеона III возобновились и были отвергнуты такъ же высокомерно. Припомнивъ эти дѣла, императоръ французовъ

сказалъ теперь неаполитанскому посланнику, что удивляется, видя его въ Парижѣ, и никакихъ новыхъ совѣтовъ давать не намѣренъ. Конечно, императоръ французовъ такъ разчетливъ, что воспоминанія о прежнихъ неудовольствіяхъ не удержали бы его отъ вооруженнаго вмѣшательства въ пользу Неаполя, если бы онъ находилъ вмѣшательство выгоднымъ; но въ томъ и дѣло, что тогда показалось н до сихъ поръ кажется ему неудобно посылать армію въ Неаполь или Палерно. Причины тому мы увидимъ ниже. На англійскій кабинетъ съ самаго начала было еще гораздо меньше надежды, и пока посланникъ ѣхалъ въ Парижъ, произошло въ парламентѣ объясненіе, прямо показавшее ему бесполезность поѣздки въ Англию. На вопросъ одного изъ членовъ палаты общинъ о томъ, какой политики думаетъ держаться кабинетъ въ неаполитанскихъ дѣлахъ, лордъ Пальмерстонъ въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ высказалъ впечатлѣніе, произведенное на Европу бомбардированіемъ Палермо и вообще образомъ дѣйствій неаполитанскихъ войскъ въ Сициліи, и прибавилъ, что низверженіе Бурбоновъ было бы, по его мнѣнію, самою справедливою развязкою дѣла. Прочитавъ эти слова, неаполитанскій посланникъ не рассудилъ ѣхать дальше Парижа. Что жъ было дѣлать? Императоръ французовъ сказалъ, что за совѣтами и защитою ближе было бы обратиться въ Туринъ, чѣмъ въ Парижъ или Лондонъ; неаполитанскій дворъ повиновался указанію. Но сардинское правительство, не говоря уже о политическихъ причинахъ, не допускающихъ его защищать неаполитанскій дворъ, постоянно было оскорбляемо имъ. Вспоинимъ, напримѣръ, дѣло о захваченномъ неаполитанцами сардинскогъ пароходѣ „Кальяри“. Сардинія получала тогда самые обидные отвѣты на свое требованіе возвратитъ этотъ корабль, капитанъ котораго ни мало не былъ виновать въ сообщничествѣ съ маццинистами, подъ предлогомъ чего конфисковалъ былъ „Кальяри“. Когда неаполитанскій кабинетъ былъ наконецъ принужденъ угрозами Англии возвратитъ неправильно удерживаемый корабль, онъ передалъ его англичанамъ, а не сардинцамъ, съ самыми презрительными объясненіями о томъ, почему не хочетъ отдавать его прямо сардинцамъ. Еще недавно Францискъ II спрашивалъ у папы, можетъ ли онъ имѣть какія бы то ни было сношенія съ правительствомъ Виктора-Эммануэля, отлученнаго отъ церкви. А при самомъ своемъ вступленіи на престоль, получивъ отъ Виктора-Эммануэля письмо съ очень благонамѣренными совѣтами, онъ оставилъ это письмо безъ отвѣта. Не естественно было бы ожидать дружбы неаполитанскому королю отъ правительства, которому онъ наносилъ такія обиды. Разумѣется, обиды можно бы загладитъ емиреніемъ, но читатель знаетъ, что сардинское правительство разсчитываетъ соединитъ всю Италію подъ своею властью. Просьба была отвергнута и въ Туринѣ. Пришлось отклонять опасность собственными средствами. Начались министерскія совѣщанія въ присутствіи членовъ королевской фамиліи и нѣсколькихъ довѣреннѣйшихъ лицъ. Молодой король, пораженный неудачами своихъ войскъ, былъ боленъ. Онъ лежалъ въ комнатѣ сосѣдней съ тою, гдѣ происходилъ совѣтъ. Споры были, разумѣется, очень жаркіе. Большинство министровъ настаивало, чтобы продолжать прежнюю систему. Графъ Трани, младшій братъ короля, общанный въ вице-короли сицилійцамъ, если они покорятся, также возставалъ противъ всякихъ уступокъ. Самъ Францискъ II держался также этого мнѣнія, насколько имѣетъ личное мнѣніе о дѣлахъ. Но положеніе было такъ ясно, что сторона требовавшая уступокъ одержала верхъ въ совѣтѣ. Было рѣшено, что надобно составить новое министерство.

Королю доложили объ этомъ. — Хорошо, сказалъ онъ, а поручаю составленіе новаго министерства синьору Троѣ. — Этимъ намъ рѣшимъ доказывається совершенная невозможность винить Франциска II въ дѣйствіяхъ его правительства. Изъ всѣхъ прежнихъ министровъ Троя былъ самый непопулярный человѣкъ: Неаполь считалъ его самымъ крайнимъ реакціонеромъ, приписывалъ ему самыя крутыя мѣры. Но король, какъ видно изъ его словъ, совершенно не зналъ этого. Ему казалось, что Троя самый надежный изъ его прежнихъ министровъ, и онъ полагалъ, что общественное мнѣніе такъ же высоко цѣнитъ качества этого правителя. Предполагать какую нибудь неискренность въ столь важную минуту невозможно. Францискъ II очевидно думалъ, что общественное мнѣніе будетъ очень довольно возведемъ Трои въ званіе перваго министра. Но Троя отказался: онъ понимаетъ, какимъ человѣкомъ считаютъ его неаполитанцы. Тогда началось отыскиваніе людей, которые были бы либералами по мнѣнію неаполитанскаго двора: онъ увидѣлъ, что нельзя обойтись безъ либераловъ. Сначала обращались къ такимъ людямъ, которые даже сами не претендовали на имя либераловъ; они отказывались одинъ за другимъ, объясняя, что надобно вручить власть людямъ не столь близкимъ, какъ они, къ прежней системѣ по образу мыслей. Наконецъ дошли до человѣка, считавшаго себя либераломъ и поэтому думавшаго, что его имя будетъ принято публичною благосклонно. Спинелли занимаетъ по своимъ идеямъ средину между абсолютистами и конституціонистами. Онъ еталъ пріискивать товарищей и большую часть ихъ взялъ изъ абсолютистовъ, не одобрявшихъ прежней крайности. Всѣ они, и самъ Спинелли, не пользовались большой извѣстностью не только за предѣлами Неаполя, но и въ самомъ Неаполѣ. Когда былъ обнародованъ списокъ новаго министерства, неаполитанцы стали разспрашивать другъ у друга, не знаетъ ли кто чего о новыхъ правителяхъ. Нашлись нѣкоторые всезнающіе люди и объяснили остальнымъ, что новые министры извѣстны имъ за людей добросовѣстныхъ. Но никто не полагалъ, чтобы они имѣли силу устранить прежнія вліянія отъ управленія дѣлами; общее мнѣніе было, что новое министерство не получитъ самостоятельности, послужитъ только орудіемъ, посредствомъ котораго стануть управлять прежніе люди. Незначительность министровъ была первою причиною такого впечатлѣнія; другою, еще важнѣйшею, служилъ опытъ 1848 года, когда либеральные министры были только до минованія крайней нужды въ нихъ взяты для прикрытія продолжающагося господства прежней системы. Потому прокламація о перемѣнѣ правительства была встрѣчена неаполитанцами съ совершенною холодностью. Напрасно на цитадели Сантъ-Эльмо прежнее знамя бурбонской династіи было замѣнено трехцвѣтнымъ національнымъ знаменемъ. Напрасно министерство говорило въ своей программѣ, что будетъ дана конституція, что Неаполь вступаетъ въ союзъ съ Сардинією и слѣдуетъ отнынѣ національной политикѣ: городъ остался совершенно равнодушенъ, а тайный комитетъ, управляющій дѣйствіями либеральной партіи, издалъ прокламацію, совѣтовавшую неаполитанцамъ не вѣрять искренности и прочности уступокъ, а ждать спасенія только отъ Виктора-Эммануэля и Гарибальди. Надобно было принять административныя мѣры, чтобы появились признаки довольства столицы уступками. На другой день стали ходить по городу переодѣтые полицейскіе чиновники и служители съ криками: да здравствуетъ король! да здравствуетъ конституція! Толпы лаццарони, не имѣющихъ никакого понятія о конституціи, также были разосланы по городу съ криками въ честь ей и

королю. Горожане стали отвѣчать имъ криками: да здравствуетъ Викторъ-Эммануэль, итальянское единство, Гарибальди! Въ нѣсколькихъ мѣстахъ началась перебранка, стѣснились толпы и отъ толчковъ дѣло дошло до палочныхъ ударовъ. Въ одно изъ такихъ столпленій попался французскій посланникъ въ Неаполь, Бренье, и какой-то лаццарони или переодѣтый полицейскій ударилъ его по головѣ палкой, — случай очень непріятный для новаго правительства, которое думаетъ опираться на благосклонность Франціи. Драки эти, не имѣвшія въ себѣ ничего серьезнаго, повторились на слѣдующій день (28 іюня). И тутъ онѣ не имѣли сами по себѣ никакой важности, но страннымъ образомъ кончились сожженіемъ двѣнадцати домовъ полицейскаго управленія; нѣсколько десятковъ или сотенъ людей, дравшихся съ полицейскими и съ лаццарони, не были такъ сильны, чтобы сжечь эти дома; потому дѣло стало объясняться иначе. Неаполитанцы думали, что полицейскія комиссарства были сожжены по распоряженію самой полиціи, желавшей уничтожить свои архивы и слѣды особеннаго устройства нѣкоторыхъ комнатъ, гдѣ производились пытки. Справедлива или нѣтъ такая догадка, мы, разумѣется, не знаемъ. Драки на улицахъ производились только лаццарони, раздѣлившимися на двѣ партіи: одна за Франциска II, другая за Гарибальди, а либеральная партія ни мало не участвовала въ нихъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что тайный комитетъ сильнѣйшимъ образомъ убѣждалъ жителей столицы избѣгать всякихъ беспорядковъ, а инструкціи комитета всегда съ точностью исполнялись жителями Неаполя. Какъ бы то ни было, но уличныя драки 28 іюня, не имѣвшія никакой важности, были причиною объявленія Неаполя находящимся въ осадномъ положеніи. Въ слѣдующіе дни спокойствіе не нарушалось, и осадное положеніе скоро было снято. Эта готовность отказаться отъ мѣры, вѣроятно не бывшей нужною и съ самаго начала, убѣдила неаполитанцевъ, что новые министры хотятъ дѣйствовать добросовѣстно, и приобрѣла имъ нѣкоторую популярность въ столицѣ. Но довѣріе относится только лично къ нимъ, къ ихъ намѣреніямъ, а не къ ихъ силамъ, не къ прочности новой системы. Всѣмъ въ Неаполѣ извѣстно, что дворъ не измѣнилъ своимъ принципамъ и терпитъ новыхъ министровъ только до первой возможности избавиться отъ нихъ. Извѣстно также, что они и теперь довольно безсильны, что изъ десяти мѣръ предлагаемыхъ или утверждается развѣ одна, да и то послѣ очень тяжелыхъ споровъ, очень неохотно и съ разными измѣненіями, отнимающими у нея почти всю важность. Большая часть должностей остается занята людьми прежней системы, не потому чтобы министры не видѣли надобности смѣнить ихъ, а потому что дворъ не соглашается на переимѣну. Потому, считая новыхъ министровъ людьми благонамѣренными, столица сохраняетъ прежнія свои мысли о надобности присоединиться къ Пьемонту. Трудно думать, чтобы неаполитанскій дворъ сталъ искреннимъ приверженцемъ конституціонной системы. По всей вѣроятности скоро обнаружится невозможность держаться въ нынѣшнемъ шаткомъ положеніи: люди прежней системы должны будутъ или принять крайнія мѣры для подавленія либеральной партіи, или противъ собственной воли удалиться изъ Неаполя. А между тѣмъ нынѣшнее положеніе дѣлъ таково: провозглашено возстановленіе конституціи 1848 года; приказано составлять списки избирателей; 19 августа назначено произвести выборы, а 10 сентября положено собраться палатѣ представителей. Не знаемъ, съ какою дѣятельностью исполняется декретъ о составленіи списковъ избирателей; вѣроятно этому дѣлу не препят-

ствують, потому что оно, само по себѣ, еще не затрудняетъ возвращенія къ прежней системѣ. Но другое постановленіе того же декрета еще не приводится въ исполненіе: вмѣстѣ съ провозглашеніемъ конституціи 1848 года было объявлено, что возстановляется свобода печатнаго слова, гарантируемая Неаполю этою конституціею; съ той поры до времени послѣднихъ извѣстій, какія мы имѣемъ, прошло уже болѣе двухъ недѣль, а неаполитанскія газеты все еще не получили возможности пользоваться правомъ, которое должны получить по этому декрету. Надобно впрочемъ сказать, что свобода печатнаго слова совершенно не сообразна съ порядкомъ дѣлъ, еще продолжающимъ существовать въ Неаполѣ, несмотря на декретъ о возстановленіи конституціи и на учрежденіе новаго министерства. Мы уже замѣчали, что дѣйствительная власть остается въ рукахъ прежнихъ людей; первымъ дѣломъ свободной журналистики было бы представленіе безчисленныхъ обвиненій противъ людей прежней системы, требованіе, чтобы эти лица были арестованы и преданы суду. Разумѣется, они не погуть допустить того, пока будутъ сохранять силу. За то приведена въ исполненіе обѣщанная амнистія политическимъ изгнанникамъ и заключеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, неаполитанскіе агенты при иностранныхъ дворахъ объявили, что изгнанники могутъ возвращаться на родину. Въ Туринѣ и въ Лондонѣ, гдѣ особенно много этихъ изгнанниковъ, они собирались на совѣщаніе о томъ, воспользоваться ли этимъ разрѣшеніемъ. Въ обоихъ городахъ большинство собравшихся рѣшило не возвращаться, пока не будутъ даны болѣе прочныя гарантіи въ серьезности провозглашеннаго измѣненія системы. Въ Туринѣ сильно поддерживалъ такое рѣшеніе Поэріо, человекъ очень умѣреннаго образа мыслей. Но довольно многіе объявили, что послѣдуютъ приглашенію новыхъ министровъ; впрочемъ, они объяснили своимъ товарищамъ по изгнанію, что ѣдутъ поддерживать общественное мнѣніе въ недовѣрчивости къ намѣреніямъ двора. Между тѣмъ люди старой системы оправляются и мечтаютъ не только объ отмѣненіи конституціи, но и объ отмщеніи Франциску II за временныя уступки, имъ сдѣланныя. Возобновились планы провозгласить вмѣсто его королемъ брата его, графа Трани, мать котораго, вдовствующая королева, мачиха Франциска II, предводительствуетъ партіею, отвергающею всякія уступки. Интриги ея въ пользу сына противъ пасынка были такъ опасны, что Францискъ II по предложенію новыхъ министровъ согласился удалить ее съ нѣкоторыми изъ ея приверженцевъ въ Гаэту. Она требуетъ, чтобы ее отпустили въ Вѣну, гдѣ она хочетъ склонять Австрію къ вооруженному вмѣшательству. Но и находясь въ Гаэтѣ, она не падаетъ духомъ. 15 іюля часть гвардіи, возбужденная приверженцами ея, пошла по улицамъ Неаполя, провозглашая королемъ графа Трани. Возстаніе было легко подавлено; но вдовствующая королева продолжаетъ склонять войска къ новымъ попыткамъ въ пользу ея сына, именемъ котораго она стала бы управлять съ безграничною властью. Между тѣмъ, идетъ въ войскѣ пропаганда и съ другой стороны: тайный комитетъ и многочисленные приверженцы Виктора-Эммануэля и Гарибальди дѣйствуютъ также неутомимо и, говорятъ, не безъ успѣха. Сами лаццарони, служившіе прежде неизмѣнною опорой Бурбоновъ, подвергаются вліянію гарибальдѣевской пропаганды. Теперь они, подобно солдатамъ, раздѣлены на три партіи: одна хочетъ защищать Франциска II и низвергнуть стѣсняющую его конституцію; другая вмѣстѣ съ конституціею хочетъ низвергнуть и его, чтобы про-

возгласить королею графа Трани; третья, наконец, сочувствует Гарибальди, я эта послѣдняя партія довольно быстро усиливается.

Если бы общественное мнѣніе имѣло прочную самостоятельность, разумѣется, легко было бы предсказывать развязку неаполитанскихъ дѣлъ. Затруднениемъ служить то, что не только въ Неаполь, гдѣ оно такъ неопытно, но и въ передовыхъ странахъ западной Европы, даже въ самой Англии, оно часто оказывается шаткимъ, увлекающимся. Теперь, пока, неаполитанцы остаются при своихъ прежнихъ мысляхъ. Но какъ ни продолжительны были факты, породившіе такое настроеніе мыслей, очень небольшого желанія со стороны двора достаточно, чтобы очень быстро измѣнить расположеніе публики. Если бы новому министерству удалось дѣйствительно получить власть надъ дѣлами, если бы король искренно предался своимъ новымъ совѣтникамъ, совершенно отстранивъ прежнихъ, то по всей вѣроятности неаполитанцы скоро воодушевились бы горячею любовью къ нему, забыли бы о присоединеніи къ Пьемонту, пожалуй, были бы готовы ѣхать завоевывать Сицилію, какъ поѣхали въ 1848 году. Предоставляемъ каждому судить, вѣроятенъ ли такой оборотъ дѣла. Но пока положеніе остается неопредѣленнымъ, очень многое зависитъ отъ отношеній нынѣшняго неаполитанскаго правительства къ правительствамъ другихъ державъ, въ особенности къ Франціи и къ Сардиніи. Англійскій кабинетъ рѣшительно расположенъ въ пользу Гарибальди и желаетъ, чтобы Неаполь вмѣстѣ съ Римомъ соединился въ одну державу съ сѣверной Италіей. Но положительно извѣстно, что англійскіе министры не хотятъ начинать вооруженнаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла, потому ихъ расположеніе или нерасположеніе не слишкомъ ободряетъ однихъ, не слишкомъ пугаетъ другихъ въ Палермо и въ Неаполь. Франція—иное дѣло. Всѣ полагаютъ, что Наполеонъ III не затруднится послать войска и флоты туда, куда потребуетъ его расчетъ. Притомъ же Австрія и теперь, какъ полгода тому назадъ, ждетъ только его разрѣшенія, чтобы начать вооруженныя дѣйствія въ Италиі. Такимъ образомъ очень значительная часть надеждъ и опасеній основывается на догадкахъ о намѣреніяхъ императора французовъ. Многимъ казалось страннымъ, что онъ не послалъ войско въ Сицилію, какъ только узналъ объ экспедиціи Гарибальди, которую рѣшительно не одобрялъ. Но тогда же было видно, что препятствіемъ тутъ служилъ не недостатокъ доброй воли съ его стороны, а только нежеланіе преждевременнаго разрыва съ Англіей: по всему было видно, что шли очень горячія объясненія о сицилійскомъ вопросѣ между Парижемъ и Лондономъ. Теперь это положительно подтверждено словами лорда Росселя въ палатѣ общинъ, что англійскій кабинетъ „имѣетъ положительныя основанія къ увѣренности, что со стороны Франціи не будетъ вооруженнаго вмѣшательства въ сицилійскія и неаполитанскія дѣла“. Ясно, что Франція хотѣла вмѣшательства, Англія не хотѣла, и Франція нашла удобнѣйшимъ уступить ей желанію. Вотъ по этому-то обстоятельству Франція до сихъ поръ ограничивалась и до какихъ нибудь новыхъ перемѣнъ въ общемъ состояніи европейской политики будетъ ограничиваться однимъ дипломатическимъ вліяніемъ въ Неаполь и въ Туринѣ. Французское правительство само высказало свою программу по итальянскому вопросу: оно остается вѣрно той идеѣ Виллафранкскаго договора, что Италія не должна быть однимъ государствомъ, а слѣдуетъ ей сдѣлаться союзомъ нѣсколькихъ государствъ, подъ преобладающимъ вліяніемъ Франціи. Событія конца прошлаго года и начала нынѣшняго не благопріятствовали осуще-

ствленію такой мысли, но теперь, по словамъ французскаго правительства, обстоятельства благопріятствуютъ ей: неаполитанскій король согласился на союзъ съ Піэмонтомъ; папа долженъ будетъ послѣдовать его примѣру или отказаться отъ всѣхъ своихъ владѣній, кромѣ города Рима, и вотъ итальянская конфедерація, провозглашенная въ Вилла-Франкѣ, уже готова. Австрія согласна на нее, остается только заставить Сардинію отказаться отъ дальнѣйшихъ честолюбивыхъ замысловъ. При первомъ удобномъ случаѣ будетъ употреблена военная сила на осуществленіе этой программы, а теперь пока, по неблагопріятности обстоятельствъ, употребляется только дипломатическое вліяніе. Французскій посланникъ въ Неаполь, Бренье, служитъ главною опорой новой системы, водвореніе которой необходимо, чтобы не дать Неаполю соединиться съ Піэмонтомъ. Говорятъ, что у парижскихъ дипломатовъ есть и другія мысли, кромѣ поддержки Бурбоновъ; говорятъ, что Неаполь наполненъ агентами мюратистовъ, думающихъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы возвести на неаполитанскій престолъ своего претендента. Говорятъ, что въ этомъ случаѣ Римъ хотѣтъ предоставить принцу Наполеону, которому прежде предназначалась Тоскана; хотѣтъ, чтобы Италия раздѣлилась на четыре государства: Венеція, подъ властью австрійцевъ, Сардинія подъ властью національной династіи, Римъ и Неаполь подъ властью принцевъ императорской французской династіи. Въ существованіи такихъ желаній не зачѣмъ сомнѣваться; исполнятся ли они, — это зависитъ отъ общаго положенія европейскихъ дѣлъ: если не произойдетъ рѣшительной перемѣны въ отношеніяхъ Франціи съ Англіею, если не будетъ войны, то желанія останутся просто желаніями. До сихъ поръ Франція не говоритъ о Мюратѣ, а напротивъ, поддерживаетъ Франциска II. Сопротивленіе неаполитанскаго двора установленію новаго порядка дѣлаетъ эту задачу очень затруднительной; но еще тяжеле французской дипломатикѣ вести дѣло въ Туринѣ. Три мѣсяца тому назадъ, когда собирался Гарibaldi въ Сицилію, его предпріятіе казалось слишкомъ отважнымъ; вѣроятность успѣха была бы придана ему только содѣйствіемъ туринскаго правительства, но графъ Кавуръ не отважился рисковать: боясь гнѣва Франціи, онъ даже всячески мѣшалъ отправленію экспедиціи, насколько дозволялось это народнымъ энтузіазмомъ въ пользу Гарibaldi. Теперь дѣла не таковы. Само неаполитанское правительство уже признало Гарibaldi не флибустьеромъ, а главою сицилійскаго правительства. Императоръ французовъ не рѣшается пока ничего сдѣлать противъ Гарibaldi, который, напротивъ, по общему вѣщью, скоро овладѣетъ всею южною половиною Италіи. Этотъ неожиданный поворотъ счастья ободрилъ Кавура. Онъ сталъ такъ открыто высказывать свое сочувствіе предпріятію Гарibaldi, что въ Туринѣ и Генуѣ очень многіе повѣрили ему, будто бы онъ съ самаго начала помогалъ ему. Вотъ отрывокъ въ этомъ тонѣ изъ туринской корреспонденціи Times'a.

„Положеніе Сардиніи чрезвычайно затруднительно. Вашъ палермскій корреспондентъ описываетъ мнѣніе, господствующее въ столицѣ Сициліи; но, мнѣ кажется, онъ несправедливъ въ туринскому правительству, утверждая, что „Сардинія не благопріятствовала экспедиціи Гарibaldi, а напротивъ всѣми силами старалась помѣшать ей“. Разумѣется, законное правительство не могло принимать открытаго участія въ экспедиціи, которую всѣ стали бы называть пиратскою, еслибъ она не получила успѣха. Но въ Генуѣ и въ Туринѣ развѣ только сунаспедніи могъ сомнѣваться въ томъ, что Гарibaldi не могъ бы отплыть, еслибъ сардинское правительство не смотрѣло сквозъ пальцы на его предпріятіе. Очень жаль, что Гарibaldi не имѣлъ при себѣ офицера, который бы по-

снотрѣль, у каждаго ли отправляющагося съ нимъ есть ружье и запасены ли для ружей патроны. Но безспорно, было бы неблагоразумиѣмъ и невозможностью отправить болѣе значительный отрядъ, человекъ тысячъ двѣнадцать или пятнадцать, въ это предпріятіе, казавшееся безнадежнымъ и въ дипломатическомъ отношеніи бывшее незаконнымъ. Гарибальди долженъ былъ побѣдить силою своего имени и помощью сицилійскихъ инсургентовъ, или погибнуть, потому что Сардинія не могла сдѣлать для него больше, чѣмъ сдѣлала, не вступая въ явный разрывъ съ Неаполемъ, а начать войну съ Неаполемъ не могла она, не устроивъ своихъ дѣлъ съ Австрією и Францією. Гарибальди отолыль, высадился, побѣдилъ; тогда энтузіазмъ всей Европы къ нему успокоилъ сардинское правительство, далъ ему увѣренность въ бездѣйствіи опасныхъ его сосѣдей. Этимъ объясняется вторая экспедиція, отплывшая подъ начальствомъ Медичи, и третья экспедиція, подъ начальствомъ Козенца. Быть можетъ, эти экспедиціи слѣдовали одна за другою не такъ быстро и имѣли не такой обширный размѣръ, какъ желали бы друзья Гарибальди; но сардинское правительство не могло въ этомъ дѣлѣ поступать свободно и было принуждено давать экспедиціямъ характеръ частнаго предпріятія. Люди, понимающіе дѣло, разсудятъ сами, можно ли было нѣсколькимистами тысячъ, медленно собиравшимися по частнымъ подпискамъ, покрыть издержки на покупку девяти или десяти пароходовъ, на снаряженіе четырехъ или пяти тысячъ человекъ съ десяти тысячами ружей; а если это было произведено не средствамъ частныхъ людей, то кто же доставилъ эти суммы? Сардинское правительство дѣлало и дѣлаетъ столько, что Неаполь имѣлъ бы слишкомъ достаточныя причины къ войнѣ съ нимъ. Но неаполитанское правительство лишило себя возможности поддерживать свои права, и конечно Сардинія поступила бы въ интересъ человѣчества, объявивъ теперь войну Франциску II. Францискъ II не въ состояніи защищаться, но можетъ и въ нѣсколько дней подвергнуться неисчислимымъ бѣдствіямъ королевство, неизбѣжно ускользящее изъ-подъ его власти. Онъ посылаетъ свои войска, столь вѣрно описываемыя вашимъ палермскимъ корреспондентомъ, усиливаетъ эти сборища, неспособныя ни на что, кромѣ грабежа и убійства, и готовитъ междоусобную войну, которая возобновитъ всѣ ужасы кровавыхъ дѣйствій кардинала Руффо. Я не раздѣляю мнѣнія торопливыхъ людей, обвиняющихъ Гарибальди за то, что онъ остается въ Палермо и по прибытіи къ нему экспедиціи Медичи; онъ долженъ организовать Сицилію, прежде чѣмъ начнетъ дальнѣйшія дѣйствія. Эта задача займетъ его на цѣлый мѣсяць. Сардинія можетъ и, какъ здѣсь полагаютъ, хотеть сократить этотъ тяжелый періодъ неизвѣстности. Она хотеть нанести послѣдній ударъ неаполитанскому правительству и не дать ему времени на бесполезное опустошеніе. Она хотеть объявить войну, быстрый успѣхъ которой не подлежитъ сомнѣнію. Таково рѣшеніе вопроса, ожидаемое здѣсь всѣми. Полагаютъ, что графъ Кавуръ получилъ полное согласіе Франціи и Англій. Пусть двѣ шэмонскихъ дивизіи пойдутъ изъ Римини черезъ Папскую область въ Аbruццо. Пусть нѣсколько кораблей выйдутъ изъ Генуи съ другимъ отрядомъ. Сраженій не будетъ; борьба кончится въ три дня“.

Это отголосокъ патріотическихъ разсужденій публики, слишкомъ готовой вѣрить тому, что пріятно для нея. Самому Гарибальди и его главнымъ сподвижникамъ, мнѣнія которыхъ передаются палермскимъ корреспондентомъ Times'a, лучше всѣхъ извѣстно, помогало ли туринское правительство ихъ отъѣзду въ Сицилію, или хотя смотрѣло ли оно сквозь пальцы на ихъ сборы. Если дѣло было такъ, какъ увѣряетъ туринскій корреспондентъ, Гарибальди не сталъ бы говорить противное. Онъ можетъ быть молчалъ бы, если это нужно по дипломатическимъ соображеніямъ, но не сталъ бы лгать и клеветать на Кавура, вина его въ недоброжелательствѣ. Притомъ же вспомнимъ факты. Генуэзскому губернатору было приказано употребить военную силу, чтобы задержать отправленіе экспедиціи. Только убѣжденіе, что отъ этого проишло бы народное возстаніе, не допустило губернатора вывести сардинскія войска противъ волонтеровъ, собиравшихся идти изъ Генуи и сосѣднихъ деревень на пристань. Но они все-таки могли пробраться на пристань

только ночью, только небольшими группами, — иначе полиция задержала бы ихъ. Вереговья батареи хотѣли стрѣлять по кораблямъ, на которыхъ отправлялись волонтеры, и не стрѣляли потому лишь, что корабли находились въ выстрѣловъ. Кавуръ запретилъ комитету національнаго вооруженія выдать на снаряженіе экспедиціи деньги, которыя принадлежали самому Гарибальди. Какое наивное предположеніе, будто бы самъ Гарибальди и его офицеры не заботились о томъ, есть ли ружья у ихъ волонтеровъ, запасены ли патроны для ружей! Вѣроятно, они заботились объ этомъ и вѣроятно не получали помощи отъ Кавура, если не имѣли даже какой нибудь тысячи ружей. Такъ же положительно извѣстно, что отплытіе второй экспедиціи было затруднено и замедлено запрещеніемъ туринскаго правительства. Было время, когда полагали даже, что она совершенно разстроилась. Наконецъ легковѣріе публики поразительнѣе всего обнаруживается ожидаежъ, будто бы сардинское правительство хочетъ на дняхъ посылать войска черезъ Палскую область на Неаполь. Можетъ быть когда нибудь это и сдѣлается, но въ началѣ ожидать такого отважнаго рѣшенія, на дняхъ, просто было смѣшно. Всѣ нынѣшніе толки, будто бы Кавуръ до взятія Палермо не мѣшалъ всячески дѣвствіямъ Гарибальди, опровергаются словами самого Гарибальди и фактами.

Но теперь дѣйствительно уже не то. Помогать побѣдителямъ — на это нужна не Богъ-знаетъ какая смѣлость. Теперь Кавуръ не мѣшаетъ отправляться новымъ волонтерамъ въ Сицилію, быть можетъ даже снабжаетъ ихъ оружіемъ и деньгами. Говорятъ, что онъ даже велѣлъ сардинекамъ военнымъ кораблямъ провожать экспедицію Козенца, пока она плыла по нейтральному морю, чтобы неаполитанцы не могли напасть на нее въ такихъ водахъ, на которыхъ не имѣютъ права задерживать суда. Поводомъ къ этому было взятіе двухъ пароходовъ, принадлежавшихъ къ экспедиціи Медичи и захваченныхъ неаполитанцами на нейтральныхъ водахъ. Палермо въ это время былъ уже взятъ, безсиліе неаполитанскаго правительства бороться съ Гарибальди уже вполне обнаружилось и Кавуръ дѣйствовалъ тутъ очень грозно. Читатель знаетъ, что неаполитанцы захватили два судна: небольшой пароходъ подъ сардинекамъ флагомъ и буксируемый имъ парусный корабль подъ сѣверо-американскимъ флагомъ. Говорятъ, что неаполитанскій военный пароходъ поймалъ ихъ съ помощью обмана, поднявъ на своей мачтѣ сардинскій флагъ; говорятъ также, что хитрость не ограничилась этимъ, что неаполитанскій капитанъ подалъ фальшивые сигналы, убѣдившіе волонтеровъ свернуть съ дороги, идти къ нему на встрѣчу, наконецъ плыть за нимъ нѣкоторое время, какъ за союзникомъ. Но главная важность въ томъ, что корабли были захвачены далеко отъ неаполитанскихъ и сицилійскихъ береговъ, на открытомъ, свободномъ морѣ, гдѣ неаполитанцы, по морскому праву, не могли задерживать судовъ, и въ томъ, что захваченные корабли имѣли правильно засвидѣтельствованныя бумаги для проѣзда на Мальту, такъ что не существовало никакихъ юридическихъ доказательствъ ихъ намѣренія высадить волонтеровъ въ Сицилію. Словомъ сказать, неаполитанцы нѣсколько погорячились и сдѣлали ошибку, не давъ кораблямъ подойти къ самому сицилійскому берегу, чтобы уже тамъ, а не раньше, захватить ихъ. Все это можетъ быть и прошло бы даромъ, еелибъ они имѣли дѣло съ одной Сардиніей; но бѣда заключалась въ томъ, что буксируемое пароходомъ парусное судно имѣло сѣверо-американскій флагъ и бумаги, въ правильномъ порядкѣ свидѣтельствовавшія, что оно принадлежитъ сѣверо-американскому гражданину. Американцы въ подобныхъ

вещахъ очень суровы. Американскій резидентъ въ Неаполѣ, Чентлеръ, призвалъ къ Неаполю американскій военный пароходъ „Ироквезецъ“, находившійся у сцилійскихъ береговъ, и объявилъ, что республика немедленно приметъ военныя мѣры для наказанія неаполитанцевъ за оскорбленіе ея флага. Имѣя такого крутаго товарища по претензіи, Кавуръ тоже осмѣлился заговорить строго. Сардинскій посланникъ въ Неаполѣ, Вилланарина, началъ дѣйствовать по согласію съ американскимъ. Вотъ изъ Times'a подробности о томъ, какъ они устроили это дѣло.

„Вилланарина имѣлъ свиданіе съ сѣверомъ Карафою (неаполитанскимъ министромъ), протестовалъ противъ взятія „Utile“, сказалъ, что это можетъ произвести разрывъ мирныхъ отношеній и что онъ самъ отправится въ Гаэту для полученія свѣдѣній отъ капитана „Utile“, если этого капитана не привезутъ въ Неаполь. Встревоженный Карафа отвѣчалъ, что долженъ просить разрѣшенія у короля. Въ тотъ же день онъ сообщилъ маркизу Вилламарино, что завтра капитанъ будетъ привезенъ въ Неаполь. Вѣсть съ этими мистеръ Чентлеръ былъ увѣдомленъ, что нѣтъ ему надобности уѣзжать изъ Неаполя, потому что капитаны обоихъ взятыхъ судовъ завтра будутъ въ этомъ городѣ. Въ воскресенье утромъ, 17 іюня, мистеръ Чентлеръ видѣлся съ Карафою и сказалъ ему, что если парусное судно не американское, то ему нѣтъ никакого дѣла до этого случая; но что если взятое судно окажется американскимъ, то неаполитанское правительство подвергнется отвѣтственности. Черезъ нѣсколько часовъ были привезены капитаны. Маркизъ Вилламарино требовалъ, чтобы онъ и сѣверо-американскій консулъ были допущены говорить съ ними безъ свидѣтелей; Карафа сначала не соглашался на это, потомъ уступилъ“.

Объяснившись съ капитанами захваченныхъ кораблей, убѣдившись, что бумаги ихъ были въ надлежащемъ порядкѣ, резиденты потребовали освобожденія кораблей со всѣми людьми, бывшими на нихъ. При несчастномъ положеніи своихъ дѣлъ, неаполитанское правительство должно было уступить; корабли и волонтеры были освобождены, и волонтеры черезъ нѣсколько времени пріѣхали къ Гарибальди.

Съ того времени Кавуръ началъ говорить съ неаполитанцами очень рѣшительно. Когда, напримѣръ, неаполитанскій посланникъ въ Туринѣ жаловался, что Сардинія перестала мѣшать отправленію волонтеровъ въ Сицилію, Кавуръ прямо отвѣчалъ ему: „Австрія не мѣшаетъ своимъ подданнымъ отправляться на помощь вамъ. Послѣ этого я лишень всякой возможности удерживать итальянцъ въ отъ содѣйствія Гарибальди. Будьте довольны уже и тѣмъ, что я прямо не передѣваю сардинскихъ солдатъ въ красныя куртки гарибальдѣевскихъ волонтеровъ, какъ австрійское правительство передѣваетъ своихъ солдатъ въ ваши мундиры“.

Но переѣзна расположенія въ Кавурѣ едва ли выгодна для Гарибальди въ сицилійско-неаполитанскаго дѣла. Пока Кавуръ препятствовалъ отправленію волонтеровъ, Гарибальди по крайней мѣрѣ не былъ ничемъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ имѣлъ мало средствъ, за то распоряжался этими средствами, какъ хотѣлъ, и направлялъ дѣло, какъ ему самому казалось полезнѣйшимъ. Теперь не то: Кавуръ вступилъ съ сношенія съ Гарибальди и требуетъ, чтобы онъ руководился не собственными рѣшительными идеями, а дипломатическими разсчетами, слѣдовать которымъ надобно по мнѣнію Кавура.

Гарибальди считаетъ возможнымъ теперь же стремиться къ изгнанію Бурбоновъ изъ Неаполя, папы изъ Рима. Онъ думаетъ, что итальянцы должны сами устраивать свои дѣла, какъ хотятъ, что они имѣютъ довольно силы не слушать

угрозъ иностранныхъ дипломатовъ и не нуждаются ни въ чьей помощи. Кавуръ думаетъ иначе. Онъ все еще не привыкъ къ новымъ обстоятельствамъ, все еще кажется ему, будто Италия безсилна безъ помощи Франціи, будто гнѣвъ императора французовъ можетъ возстановить въ ней прежній порядокъ дѣлъ. Императоръ французовъ желаетъ, чтобы Неаполь остался отдѣльнымъ королевствомъ; Кавуръ не осмѣливается противорѣчить этому желанію. Отпаденіе Сициліи отъ Неаполя фактъ уже совершившійся; дипломаты очень легко соглашаются на признаше совершившихся фактовъ, они противятся только тѣмъ переменамъ, защитники которыхъ кажутся безсильными произвести или поддержать то, чего хотятъ. Кавуръ думаетъ, и быть можетъ имѣетъ положительныя увѣренія, что императоръ французовъ согласится на присоединеніе Сициліи къ Піэмонту. Говорятъ, будто бы это дѣло уже устроено: за дозволеніе Піэмонту пріобрѣсти Сицилію, Франція вознаграждается уступкою Генуи съ лигурійскимъ берегомъ. Правда это или нѣтъ, но Кавуръ, какъ видно, увѣренъ въ согласіи императора французовъ на присоединеніе Сициліи къ владѣніямъ Виктора-Эммануэля. Потому онъ требуетъ, чтобы Гарибальди немедленно произвелъ это присоединеніе. Большинство сицилійцевъ очень легко склонилось въ этомъ вопросѣ на убѣжденія агентовъ Кавура. Очень понятно, что народъ, такъ долго остававшійся подъ неаполитанскою системою, столько разъ видѣвшій себя возвращаемымъ подъ ея власть послѣ кратковременныхъ усгѣховъ въ борьбѣ съ нею, такъ отвыкшій надѣяться на свои силы, съ довѣрчивостію сталъ слушать людей, совѣтовавшихъ ему поскорѣе сдѣлать безвозвратный шагъ, которымъ уничтожилась бы всякая возможность возвратить его подъ власть Франциска II, которымъ было бы обезпечено ему покровительство Сардиніи. Но провозгласить присоединеніе къ Піэмонту, значить подчиниться дипломатическимъ разчетамъ Кавура. Гарибальди изъ независимаго предводителя независимыхъ волонтеровъ сталъ бы опять генераломъ Сардинской арміи, обязаннымъ на все просить разрѣшенія у Кавура, который первой надобностію своей почелъ бы удержать его отъ дальнѣйшихъ предпріятій. Нельзя предвидѣть, какія перемены могутъ произойти въ общихъ отношеніяхъ европейской политики; быть можетъ черезъ нѣсколько времени, быть можетъ даже очень скоро Кавуръ найдетъ удобнымъ начать войну съ папою и неаполитанскимъ дворомъ. Но теперь онъ еще боится этого и присоединить Сицилію къ королевству Виктора-Эммануэля теперь значило бы отказаться отъ перенесенія войны въ южную половину Италіи. Военныя дѣйствія замѣнились бы переговорами. Гарибальди былъ бы остановленъ на половинѣ пути, а онъ не хочетъ останавливаться, пока не пройдетъ черезъ Неаполь въ Римъ. Онъ хочетъ, чтобы сицилійцы признали власть Туринскаго правительства только уже вмѣстѣ со всею южною Италіею, чтобы Викторъ-Эммануэль былъ провозглашенъ не королемъ верхней Италіи и Сициліи, а королемъ всей Италіи, чтобы депутація отправилась извѣстить его объ этомъ не изъ Палермо, а изъ Рима: потому онъ сначала очень рѣшительно отвергъ просьбу палермцевъ и требованія Кавура провозгласить присоединеніе теперь же. Но потомъ онъ поколебался. Были уже извѣстія, что онъ издастъ декретъ о всеобщей подачѣ голосовъ или объ избраніи представителей для рѣшенія судьбы Сициліи. Пока эти извѣстія повидимому невѣрны; но они указываютъ на то, въ какое затрудненіе былъ поставленъ Гарибальди нетерпѣливымъ сицилійцевъ и настойчивыми дѣйствіями агентовъ Кавура *).

*) Различіе соображеній, которыми руководились сицилійцы, по совѣту Кавура требовав-
т. VI.

Какъ, три мѣсяца тому назадъ, Кавуръ думалъ, что нужно совершенно упрочить за собою освободившіяся области, прежде чѣмъ думать объ освобожденіи новыхъ, такъ теперь онъ думаетъ, что прежде чѣмъ пытаться идти въ Неаполь и Ринъ, надобно упрочить соединеніе Сициліи съ Піэмонтомъ. Гарибальди полагаетъ, что опаснѣе всего медленность, что надобно пользоваться временемъ, пока противники итальянскаго единства или еще не оправились отъ пораженій, или еще не отваживаются на разрывъ съ Англіею, которая несогласна на вооруженное вмѣшательство Франціи въ итальянскія дѣла; онъ думаетъ, что эти благоприятныя обстоятельства не будутъ продолжительны и что надобно покончить до ихъ измѣненія дѣло итальянскаго единства, чтобы Италия могла, вся соединившись, уже не бояться никакихъ враговъ.

Главнымъ агентомъ Кавура въ Сициліи былъ ла-Фарина; очень быстро онъ успѣлъ приобрести вліяніе на неопытныхъ палермцевъ, и черезъ нѣсколько дней по своему пріѣздѣ устроилъ манифестацію, требовавшую отставки прежнихъ иянистровъ Гарибальди, особенно Криспи. Ла-Фарина дѣйствовалъ на палермцевъ обвиненіями Криспи и другихъ министровъ за то, что они смѣняють слишкомъ многихъ чиновниковъ, служившихъ неаполитанскому правительству, что они слишкомъ суровы къ этимъ почтеннымъ людямъ, имѣющимъ въ Палермо и родство и знакомство. Но истинною причиною дѣйствовать противъ Криспи было для ла-Фарины, разумѣется, не это: Криспи противился немедленному присоединенію Сициліи къ Піэмонту, цѣлью ла-Фарины было сдѣлать министрами людей, раздѣлявшихъ мнѣніе Кавура. Гарибальди послѣ нѣкотораго сопротивленія уступилъ, и начались слухи, что присоединеніе скоро будетъ провозглашено. Но ободрившись первымъ успѣхомъ, ла-Фарина зашелъ уже слишкомъ далеко въ своихъ интригахъ. Странно, до чего можетъ простирается вражда людей, имѣющихъ слишкомъ

ше немедленнаго соединенія Сициліи съ Піэмонтомъ, и люди, желающіе отсрочить его до окончанія дѣла, очень хорошо выражается письмомъ Пизаани, объясняющего Гарибальди причину, по которой онъ отказался отъ званія министра временнаго правительства Сициліи. Вотъ что писалъ онъ къ Гарибальди:

„Генералъ! Я глубоко скорблю о томъ, что въ минуту, столь рѣшительную для Сициліи, долженъ былъ покинуть васъ, человека, на мужествѣ котораго каждый изъ насъ основываетъ всѣ свои надежды на спасеніе; но вашъ отвѣтъ городскому палермскому совѣту, который, думая предупредить ваши собственные желанія, представилъ вамъ, быть можетъ несвоевременно, адресъ, отвергнутый вами, возлагаетъ на меня обязанность отказаться отъ званія, которое было притомъ и слишкомъ тяжело для моихъ силъ.

„Я имѣлъ честь изустно изложить вамъ причины, склоняющія меня къ этому отказу, и въ удостоивши любезно выслушать ихъ, хотя онѣ до нѣкоторой степени противоположны вашей волѣ, выраженной вами съ военнымъ пріаждущіемъ. Итакъ я не имѣю нужды повторять ихъ здѣсь.

„Я только желалъ бы сказать каждому изъ моихъ согражданъ и убѣдить каждого изъ нихъ, что разность мнѣній не отдѣлила меня отъ васъ; что оба мы смотримъ на вещи одинаково, стремимся къ одной цѣли—къ освобожденію всей Италіи, и что мы расходимся единственно въ выборѣ дороги къ этой цѣли,—разница, которую легко можно объяснить разницею моею и вашей натуры. При высотѣ вашей души, при величій вашего сердца, вы, презирая трудность пути, хотите прямо стремиться къ вашей возвышенной цѣли; я, въ сознаніи своей слабости, опасаясь препятствій, думаю, что надобно идти медленнымъ шагомъ, довершить то что такъ хорошо начато, и уже потомъ переходить къ другимъ предпріятіямъ,—то есть надобно увеличивать итальянское королевство постепенно, присоединяя къ нему области успѣвшія свергнуть его и возвратять себѣ независимость и, увеличивъ такимъ образомъ свои силы, ждать случая, чтобы оказать фактическую помощь областямъ, еще носящимъ его суровой неволіи.

„Послѣ этого объясненія мнѣ остается только горячо просить васъ позаботиться о нашей милой Сициліи, столь измученной. Защищая васъ, обезпечьте ея судьбу, не оставьте ее въ добычу партиямъ, которая могутъ возникнуть, тайнымъ хитростямъ или явному насилію вѣнавистныхъ Бурбововъ; подумайте о томъ, что если несвоевременно перенесете вы въ неаполитанское королевство ужасъ вашего имени и вашей храброй арміи, то быть можетъ это обратится въ выгоду людямъ, неуважаемымъ вами, что они ловко воспользуются вашимъ дѣломъ, за которое, отважась, не поблагодарятъ васъ. Пусть Сицилія будетъ вашимъ отечествомъ; любите, какъ вы умѣете любить, эту усновляющую васъ мать, достойную столь славнаго сына“.

высокое инѣіе о себѣ, къ людямъ, не раздѣляющимъ ихъ мыслей. Кавуръ уже нѣсколько разъ отнималъ у Гарибальди возможность дѣйствовать въ пользу итальянскаго дѣла въ прошломъ году: не далъ ему обѣщанныхъ пособій во время ломбардскаго похода, лишилъ его возможности организовать армію средней Италіи въ періодъ между вилла-франкскимъ и цюрихскимъ договорами, принудилъ наконецъ вовсе отказаться отъ участія въ дѣлахъ. О препятствіяхъ, которыя ставилъ онъ отправленію Гарибальди въ Сицилію, мы уже говорили. Теперь, когда Гарибальди освободилъ Сицилію, Кавуръ сталъ показывать видъ, что сдѣлался другомъ ему, и многихъ увѣрилъ въ этомъ—а между тѣмъ, черезъ ла-Фарину, старался возетановить противъ него сицилійцевъ. Дѣло шло уже къ тому, чтобы заставить Гарибальди удалиться изъ Сициліи. Человѣкъ очень терпѣливый и мягкій въ дѣлахъ, касающихся лично до него, Гарибальди однакоже вышелъ наконецъ изъ терпѣнія, потому что вопросъ касается не одной его личности, которой онъ всегда готовъ жертвовать, а итальянскаго дѣла, судьбы Неаполя, Рима и Венеціи. Ла-Фарина и Кавуръ слишкомъ уже понадѣялись на его простодушіе, которое для такихъ оборотливыхъ людей должно казаться глупостью: они воображали, что Гарибальди не понимаетъ ихъ интригъ, между тѣмъ какъ онъ только терпѣлъ ихъ; они жѣдали организованію порядочнаго управленія въ Сициліи своими происками, возстановляли сицилійцевъ другъ противъ друга,—Гарибальди увидѣлъ, что пора положить конецъ этому, или сицилійское дѣло погибнетъ. Онъ пригласилъ къ себѣ ла-Фарину, сказалъ, что выплеть его вонъ изъ Сициліи, и черезъ нѣсколько часовъ агентъ Кавура былъ отправленъ въ Туринъ съ двумя своими помощниками, людьми, служба которыхъ была уже совершенно неблаговидна. По пріѣздѣ въ Туринъ ла-Фарина имѣлъ совѣщаніе съ Кавуромъ, который и безъ того былъ уже чрезвычайно раздраженъ извѣстіемъ объ отсылкѣ своего агента. Въ первыхъ минуты, Туринскій министръ хотѣлъ принять противъ Гарибальди какія-то рѣшительныя мѣры,—въ чемъ онъ могли бы состоять, мы не умѣемъ сообразить,—развѣ въ томъ, чтобы издать прокламацію приглашающую сицилійцевъ къ низверженію Гарибальди, послать какого нибудь сардинскаго генерала на его мѣсто, и дать этому генералу инструкцію объ арестованіи Гарибальди,—но вѣдь это было бы ужъ черезъ-чуръ,—однако мы не поручимся за то, чтобы Кавуръ не хотѣлъ поступить именно такъ. Впрочемъ, какія бы мысли ни были у него, онъ тотчасъ же принужденъ былъ отказаться отъ нихъ. Волненіе въ Туринѣ и во всей сѣверной Италіи было очень сильно и вовсе не въ пользу противниковъ Гарибальди. Слухъ, что Кавуръ враждуетъ противъ Гарибальди, произвелъ такое впечатлѣніе, что министерству Кавура грозило паденіе. Туринскій министръ увидѣлъ необходимость смириться, и теперь ѣдетъ въ Палермо де-Претисъ, другъ Гарибальди, извинить передъ нимъ Кавура. Гарибальди давно просилъ де-Претиса пріѣхать въ Палермо, помогать ему по устройству гражданскаго управленія. Кавуръ не соглашался, потому что де-Претисъ всегда былъ противникомъ его политики; теперь онъ принужденъ просить того же самаго де-Претиса быть посредникомъ между нимъ и Гарибальди. Сицилійскій диктаторъ человѣкъ незлопамятный, и если Кавуръ дѣйствительно откажется отъ намѣренія стѣснять его, въ примиреніи нельзя сомнѣваться. Но посмотримъ, на долго ли удержится при нынѣшнемъ благоразумномъ рѣшеніи Кавуръ, воображающій, что онъ въ Италіи единственный человѣкъ, способный вести дѣла, и что всѣ другіе патріоты, а въ особенности Гарибальди—

фантазёры и чуть ли не идиоты, блуждающіе во мракѣ. Мы вовсе не хотимъ отрицать заслугъ, оказанныхъ Кавуромъ итальянскому развитію: въ его патріотизмъ никто не сомнѣвается, нельзя не отдать справедливости и ловкости, съ какою онъ сдѣлалъ очень многое для своей родины. Мы только говоримъ, что чрезмѣрно высокое его мнѣніе о своихъ талантахъ слишкомъ часто бывало причиною, что онъ мѣшалъ другимъ, шедшимъ къ той же цѣли путемъ болѣе прямымъ и по всей вѣроятности болѣе вѣрнымъ, — теперь общее мнѣніе видитъ, что въ спорахъ между нимъ и Гарибальди вѣрность разсчета была не на сторонѣ Кавура. Намъ кажется, что то же должно сказать и о всей враждѣ его къ тѣмъ патріотамъ, главнымъ представителемъ которыхъ служить теперь Гарибальди и ораторами которыхъ въ туринскомъ парламентѣ были Валеріо и де-Претисъ.

Итакъ въ тѣ дни, когда мы пишемъ эту статью, т. е. около 14 (26) іюля, положеніе итальянскихъ дѣлъ было слѣдующее:

Гарибальди занимался въ Палермо организованіемъ сицилійской арміи, которое шло довольно успѣшно; у него было отъ 7 до 8 тысячъ человѣкъ итальянскихъ волонтеровъ, т. е. превосходнѣйшаго войска; оно служило кадрами для формированія арміи изъ сицилійцевъ, изъ которыхъ около 10 (22) іюля набралось уже отъ 10 до 15 тысячъ солдатъ; эти рекруты еще очень плохи; главный недостатокъ ихъ не въ томъ, что они мало обучены, — это дѣло устраивается въ нѣсколько недѣль при нынѣшнихъ упрощенныхъ требованіяхъ, — а въ томъ, что сицилійцы давно отучились отъ энергіи, отъ надежды на свои силы. Населеніе упавшее духомъ не скоро можетъ быть воодушевлено такъ, чтобы дать изъ своей среды хорошее войско: для этого нужно нѣсколько мѣсяцевъ походной жизни съ частыми стычками, въ которыхъ успѣхъ довольно часто былъ бы приобретаемъ не помощью союзниковъ или руководителей, а силами самихъ новобранцевъ. Чтобы доставить сицилійцамъ эту практику, Гарибальди послалъ ихъ къ Мессинѣ; но все-таки надежда его на успѣхъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ основывается не на сицилійскомъ войскѣ, а на итальянскихъ волонтерахъ, на деморализаціи неаполитанской арміи, и больше всего на сочувствіи неаполитанскаго населенія. Туринское правительство желаетъ ограничиться пока освобожденіемъ одной Сициліи; но Гарибальди остается при намѣреніи идти на Неаполь, гдѣ дворъ сдѣлалъ уступки, но до сихъ поръ не успѣлъ доказать своей искренности въ этомъ случаѣ. По примѣру неаполитанскаго двора, даже папа обѣщалъ нѣкоторыя реформы, — онѣ конечно должны остаться или неисполненными, или исполненными только на бумагѣ. Надежду на свое спасеніе неаполитанскій дворъ видитъ въ милости императора французовъ, который требуетъ, чтобы Кавуръ вступилъ въ союзъ съ новымъ неаполитанскимъ правительствомъ. Были разные слухи объ условіяхъ, на которыхъ сардинскій министръ принимаетъ предлагаемый союзъ. Вообще говорится, что эти условія нарочно составлены такія, на которыя ни за что не согласится неаполитанскій дворъ; рассказываютъ, напримѣръ, будто Кавуръ требуетъ, чтобы неаполитанскій король вмѣстѣ съ Викторомъ-Эммануэлемъ предложилъ австрійцамъ денежное вознагражденіе за уступку Венеціи, а если они не согласятся, то немедленно объявилъ имъ войну. Можетъ быть Кавуръ и говорилъ что нибудь подобное полуофициальнымъ образомъ, но формальныхъ переговоровъ о союзѣ еще не начиналось въ тѣ дни, о которыхъ мы имѣли извѣстія, когда писали эту статью: неаполитанское правительство только еще собиралось отправить въ Туринъ чрезвычай-

наго посланника съ предложеніемъ союза, который по объявленію новаго министерства будетъ служить основаніемъ неаполитанской политики. Достоверно извѣстно одно: Кавуръ не хочетъ принимать союза съ Неаполемъ, потому что такая дружба убила бы всякое довѣріе къ нему въ Италіи. Онъ еще не рѣшается посылать войска противъ Неаполя, но понимаетъ, что безвозвратно компрометировалъ бы себя и самого Виктора-Эммануэля союзомъ съ Бурбонами; извиненіемъ такому союзу могла бы служить развѣ столь же грозная необходимость, какъ та, по которой была уступлена Савойя. Пока этой грозы еще нѣтъ, и союзъ съ Неаполемъ отвергается въ Туринѣ. Теперь извѣстно, каковъ будетъ формальный предлогъ для отказа: газеты, служащія органами Кавура, говорятъ, что при существованіи конституціоннаго устройства политическая система зависитъ отъ мнѣній большинства палаты представителей, которая поддерживаетъ или смѣняетъ министровъ и даетъ имъ свою программу. Пока въ Неаполь не собралась палата депутатовъ, не выразила согласія на союзъ съ Пизмонтомъ и не опредѣлила условій этого союза, всякіе разговоры о немъ были бы лишены основаній и совершенно напрасны. Такимъ образомъ выигрывается два мѣсяца и Кавуръ разчитываетъ, что въ этотъ промежутокъ раскроется, завоюетъ ли Гарибальди Неаполь, или можно будетъ нынѣшнему неаполитанскому правительству удержаться помощью императора французовъ. Если станетъ брать верхъ Гарибальди, Кавуръ отвергнетъ союзъ, а если императоръ французовъ рѣшительно запретитъ Кавуру думать о приобрѣтеніи Неаполя и выразитъ намѣреніе послать французское войско противъ Гарибальди, то Кавуръ уступитъ силѣ и приметъ союзъ съ Неаполемъ.

Между тѣмъ начались военныя дѣйствія противъ Мессины; въ письмахъ сицилійскаго корреспондента Times'a мы имѣемъ извѣстія о томъ, какъ войска, посланныя осаждать Мессину, дошли до Кальтанисетты, лежащей на половинѣ пути между Палермо и Мессиною. О началѣ осады Мессины мы знаемъ еще только по телеграфическимъ извѣстіямъ. По ихъ краткимъ указаніямъ военные сотрудники французскихъ газетъ заключаютъ, что неаполитанцы скоро должны будутъ покинуть и этотъ послѣдній пунктъ, который оставался за ними на островѣ *). Въ послѣдніе дни безпрестанно разносились слухи, что Гарибальди отправился съ нѣсколькими тысячами человекъ сдѣлать высадку на материкъ.

Операціоннымъ базисомъ для дѣйствій на материкѣ служить ему теперь Сицилія. Поэтому очень важно ему обезпечить себѣ безпрепятственныя сообщенія съ нею, когда онъ высадится въ Калабрію или около Неаполя. Пароходовъ для перевозки войскъ и военныхъ снарядовъ у него, повидимому, уже довольно, но до сихъ поръ все это были только купеческія суда, которыя не могутъ держаться противъ неаполитанскаго флота. Господство на проливѣ и на всѣхъ прибрежныхъ водахъ оставалось за неаполитанцами: экспедиціи, переправлявшіяся изъ сѣверной Италіи въ Сицилію, достигали своего назначенія только тѣмъ, что успѣвали избѣгать встрѣчи съ неаполитанскими кораблями. Этотъ шансъ успѣха слишкомъ уменьшается, когда путемъ переправы станетъ небольшое пространство между Сицилією и Неаполемъ или Калабрією: неаполитанскіе крейсера могутъ перегородить всю эту линію. Но Гарибальди разчитываетъ скоро имѣть и на морѣ перевѣсъ надъ неаполитанцами: онъ ожидаетъ, что неаполитанскій флотъ перейдетъ на его сто-

*) Теперь получена депеша, говорящая, что неаполитанцы сдали Мессину.

рону. Принявъ тому поданъ военнымъ парходнымъ корветомъ *Veloso*. Итальяншіе патриоты полагають, что многіе другіе военные парходы послѣдуютъ за шпигъ, тѣмъ больше, что Гарибальди, самъ бывший морякомъ, имѣетъ знаменитость между всѣми итальянскими матросами, въ томъ числѣ даже и между неаполитанскими.

Мы говорили, что неизвѣстность развязки неаполитанскихъ дѣлъ проиходить главнымъ образомъ отъ шаткости общественнаго мнѣнія, которое всегда и повсюду очень склонно забывать прежніе факты и стремленія, возникшія изъ нихъ, лишь только является хотя слабый поводъ вѣрить перемѣнѣ мыслей въ томъ кругу, который управляетъ дѣлами. До сихъ поръ большинство неаполитанцевъ еще желаетъ присоединенія къ Піэмонту; но уже замѣтно, что довольно многіе люди въ Неаполѣ находятъ возможность вѣрить искренности и прочности сдѣланныхъ уступокъ и готовы удовлетвориться данными обѣщаніями. Продержись нынѣшнее положеніе еще нѣсколько мѣслцевъ, и быть можетъ большинство образованныхъ сословій проникнется преданностію къ Франциску II.

Точно такая же шаткость общественнаго мнѣнія видна въ перемѣнчивости чувствъ, съ которыми образованное общество нѣмецкихъ провинцій Австріи смотрѣло на ходъ дѣла о новомъ государственномъ совѣтѣ. Когда обнародованы были правила, по которымъ онъ составляется и будетъ вести свои совѣщанія, всѣ въ Вѣнѣ рѣшили, что не слѣдуетъ придавать этому нововведенію ровно никакой важности, что общественныя желанія не могутъ быть удовлетворены ни чѣмъ, кромя созванія представителей націи, избираемыхъ самимъ населеніемъ имперіи. Незначительность уступки, дѣлавшейся учрежденіемъ новаго государственнаго совѣта, возбуждала такое неудовольствіе, что черезъ нѣсколько дней почли нужнымъ сдѣлать обѣщаніе новыхъ уступокъ, объявивъ, что государственный совѣтъ имѣетъ значеніе не какого нибудь окончательнаго учрежденія, а только переходной мѣры къ созванію дѣйствительныхъ представителей населенія: онъ созывается, говорилось въ официальномъ объявленіи, собственно только за тѣмъ, чтобы рассмотреть проекты провинціальныхъ конституцій, уже приготовленные на его обсужденіе. Несмотря на это объявленіе, государственный совѣтъ оставался такъ непопуляренъ, что всѣ назначенные въ него члены, сколько нибудь уважавшіе общественное мнѣніе, отказались отъ званія дававшагося имъ. Но вотъ государственный совѣтъ собрался. Регламентъ, составленный министерствомъ для порядка его совѣщаній, былъ написанъ въ такомъ духѣ, что обсужденіе предлагаемыхъ ему мѣръ должно было ограничиваться одною формальностью, безъ всякой свободы вникать въ нихъ. Члены государственнаго совѣта выразили неудовольствіе стѣснительнымъ регламентомъ и желаніе измѣнить его. Главная перемѣна состояла въ томъ, что они потребовали свободы выбирать спеціальныя комитеты для разсмотрѣнія предлагаемыхъ проектовъ не по такой формѣ, какая предписывалась регламентомъ, а по другой, допускавшей въ эти комитеты членовъ съ независимыми мнѣніями. Правительство согласилось. Публика тотчасъ же начала хвалить государственный совѣтъ, находятъ въ немъ удовлетворительные элементы оппозиціи. Еще больше удовольствія доставилъ ей способъ печатанія протоколовъ государственнаго совѣта. Ожидали, что протоколы будутъ чрезвычайно кратки, сухи и темны. Но, снисходя къ желанію членовъ государственнаго совѣта зарекомендоваться передъ публикой, правительство допустило печатать протоколы довольно подробные. Публикой овладѣла большая радость. Она возложила значительныя надежды на государственный совѣтъ,

отъ котораго за нѣсколько дней передъ тѣмъ не хотѣла ждать ничего. Она забыла на время, какъ составился государственный совѣтъ и каковъ образъ мыслей въ людяхъ, ведущихъ оппозицію. Большинство новыхъ членовъ государственнаго совѣта принадлежитъ къ феодальной партіи, то есть къ такой партіи, сравнительно съ которой нынѣшніе австрійскіе министры величайшіе либералы. Предводитель этого оппозиціоннаго большинства графъ Клявъ-Мартиницъ, человекъ, передъ которымъ Меттернихъ былъ бы чуть не республиканцемъ. Всѣмъ извѣстно, что цѣль дѣйствій Клявъ-Мартиница просто лишь то, чтобы сдѣлаться первымъ министромъ; всѣмъ извѣстно, что, сдѣлавшись министромъ, онъ повелъ бы дѣла къ восстановленію средневѣковыхъ учреждений, къ возвращенію австрійской имперіи въ такой видъ, какой имѣла она до реформъ Іосифа II. Каждый знаетъ это, но огромное большинство публики не хочетъ помнить ни о чемъ и восхищается смѣлостью оппозиціи Клявъ-Мартиница. Онъ пріобрѣлъ такую опору въ общественномъ мнѣніи, что носятъ слухи, будто бы дворъ ведетъ съ нимъ переговоры о составленіи министерства изъ его партіи подъ его предсѣдательствомъ. Дѣло доходитъ до того, что даже иностранцы начинаютъ писать о совѣщаніяхъ австрійскаго государственнаго совѣта серьезнымъ тономъ, какъ будто чтонибудь можетъ выйти изъ нихъ. Въ послѣднее время особеннаго шума надѣлала сцена между венгерскимъ магнатомъ Баркоци и министромъ юстиціи Надашди (по фамилии тоже венгерцемъ) въ засѣданіи 21 іюня. Дѣло шло о веденіи кадастровыхъ книгъ; Баркоци сказалъ, что напрасно ведутся онѣ на нѣмецкомъ языкѣ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ большинство населенія и землевладѣльцевъ не нѣмцы, а венгры. Надашди самымъ положительнымъ тономъ увѣрялъ, будто бы кадастровые реестры вездѣ пишутся на языкѣ большинства мѣстныхъ жителей. Баркоци доказалъ, что это неправда, и на рѣзкія слова министра отвѣчалъ столь же рѣзкими выраженіями. Онъ употреблялъ слова „ложь“, „обманъ“ и т. д. Нашлось множество людей, возликовавшихъ отъ смѣлости венгерскаго магната, начавшихъ толковать, что государственный совѣтъ побуждаетъ министровъ, а самъ проникнуть превосходнѣйшими намѣреніями и обладаетъ силою осуществить ихъ. Не понимаемъ, какъ можно было сдѣлать такого слона изъ самой маленькой мухи, жужжанье которой было услышано лишь благодаря владычествовавшему вокругъ нея молчанію. Но мыльные пузыри этихъ пустыхъ выводовъ были скоро разбиты статьею официальной вѣнской газеты, *Donau-Zeitung*, 27 іюня. Приводимъ эту статью, прекрасно характеризующую дѣйствительныя отношенія государственнаго совѣта къ министерству.

„Во всѣхъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, особенно въ засѣданіи 21 числа, ораторы касались предметовъ, не имѣвшихъ связи съ вопросомъ, подлежащимъ совѣщанію. Мы вовсе не хотимъ сказать, что члены государственнаго совѣта не имѣли права дѣлать это, но не можемъ не замѣтить, что во всѣхъ странахъ, имѣющихъ конституціонную форму правленія, обращается строгое вниманіе на порядокъ въ завѣщаніяхъ дѣлами и то, чтобы не отступать отъ совѣщаній, состоящихъ на очереди. Намъ кажется, что нѣкоторые изъ членовъ преобразованнаго государственнаго совѣта оставили безъ вниманія этотъ фактъ и въ особенности забываютъ о немъ тѣ, которые находятъ въ себѣ болѣе парламентскихъ привычекъ, чѣмъ ихъ товарищи. Мы понимаемъ, что члены государственнаго совѣта желаютъ подвергнуть разсмотрѣнію вопросы о принципахъ; мы признаемъ за ними право желать того. Вопросы о національности, о языкѣ, о будущихъ отношеніяхъ провинціальныхъ представительныхъ собраній къ государственному совѣту, о бюрократической и политической централизаціи и о степени

ея необходимости могут и должны быть обсуждены государственнымъ совѣтомъ. Мы не можемъ желать, чтобы столь важные предметы остались нерѣшенными или были отсрочены. Мы только хотимъ замѣтить, что государственный совѣтъ собрался 21 числа для выбора новаго члена въ кадастраціонную комиссію, а не для совѣщаній по вопросу о выгодахъ имѣть кадастровые реестры. Комиссія можетъ разсуждать объ этомъ дѣлѣ сколько ей угодно, и государственный совѣтъ, получивъ докладъ комиссіи, такъ же можетъ разсуждать о немъ. — Въ парламентахъ постоянно соблюдается то правило, что представители народа должны предварительно объявлять о вопросахъ, каіе они думаютъ предложить или по какимъ думаютъ потребовать объясненій у правительства. Въ засѣданіяхъ 8 и 21 числа было сдѣлано много вопросовъ и предложеній, о которыхъ не было дано предварительнаго увѣдомленія правительству. Если министръ отвѣчаетъ на неожиданный вопросъ, не имѣя подъ руками документовъ, на которые долженъ ссылаться, то его поспѣшность можетъ иногда дѣлаться очень предосудительною для государственныхъ интересовъ. Мы увѣрены, что этихъ нашихъ словъ будетъ достаточно для убѣжденія членовъ государственнаго совѣта впредь удерживаться отъ разсужденія о предметахъ, о которыхъ не было сдѣлано вми должнаго предувѣдомленія“.

Рѣзкость этого формальнаго выговора государственному совѣту достаточно показываетъ, что министерство смотритъ на него, какъ на учрежденіе второстепенное, зависимое, обязанное слушаться и покоряться, а не предписывать. Но гораздо занимательнѣе этой стороны дѣла разныя выраженія, которыми опредѣляется мнѣніе кабинета о характерѣ, полученномъ австрійскимъ правительствомъ черезъ учрежденіе государственнаго совѣта. Мы видимъ, что министерство формально называетъ Австрію „страною, имѣющею конституціонную форму правленія“, и объявляетъ, что государственный совѣтъ долженъ дѣлать одно или не дѣлать другаго не на какомъ нибудь основаніи, а на томъ, что онъ „парламентъ“: какъ дѣлается въ парламентахъ, такъ должно дѣлаться въ государственномъ совѣтѣ. Такимъ образомъ австрійское правительство совершенно раздѣляетъ взглядъ на дѣло, выраженный нами два мѣсяца тому назадъ: учрежденіе государственнаго совѣта уже составляетъ введеніе конституціонной формы правленія въ Австрію; переворотъ въ этомъ отношеніи уже вполне произведенъ, конституціонный принципъ получилъ полное развитіе, либераламъ не остается ничего желать, правительству не остается дѣлать никакихъ уступокъ, потому что всѣ уступки уже сдѣланы. Но австрійскія газеты не раздѣляютъ нашего мнѣнія: онѣ находятъ, что Австрія еще не получила представительной формы правленія, и довольно настойчиво говорятъ о ея надобности, или по крайней мѣрѣ говорили до недавняго времени. Въ началѣ іюля онѣ зашли такъ далеко въ этомъ неблагоразуміи, что редакторы ихъ были наконецъ приглашены къ Веберу, завѣдующему дѣлами этого рода, и онъ объявилъ нивъ слѣдующія три распоряженія:

„1) Газеты отнынѣ не должны разсматривать вопроса о размѣрѣ правъ государственнаго совѣта и не должны говорить о конституціи.

„2) Говоря о правахъ провинціальныхъ представительныхъ собраній, которыя скоро будутъ учреждены, газеты никакъ не должны требовать для нихъ законодательной власти. Правительство не имѣетъ намѣренія дѣлиться законодательною властью съ провинціальными собраніями.

„3) Газеты не должны никакъ подвергать сомнѣнію необходимость безусловнаго единства имперіи, особенно говоря объ отношеніяхъ между Венгріею съ принадлежавшими прежде къ ней землями и между центральнымъ правительствомъ“.

Въ то же время были повторены государственному совѣту и всей публикѣ тѣ основанія, на которыхъ учрежденъ государственный совѣтъ, совершенно соответствующій въ Австріи тому, что въ Англіи называется парламентомъ. Было снова объяснено официальнымъ образомъ, что причину учрежденія новаго государственнаго совѣта была необходимость пріискать новыя средства для покрытія дефицита, пріискать, какіе можно учредить новыя налоги и какіе изъ прежнихъ налоговъ можно увеличить. Министерство говорило, что въ этомъ дѣлѣ, для котораго собственно и созванъ новый государственный совѣтъ, то есть въ пріисканіи новыхъ налоговъ и въ возвышеніи прежнихъ, правительство ни мало не будетъ мѣшать дѣятельности государственнаго совѣта, а, напротивъ, съ готовностью приметъ все, что онъ придумаетъ.

Мы остаемся при мнѣніи, что новый государственный совѣтъ служить очень достаточною замѣною парламента въ глазахъ вѣнскаго министерства и что въ Австріи уже введена такая конституція, лучше которой ничто не можетъ соответствовать потребностямъ австрійскаго правительства; но затруднительность положенія состоитъ въ томъ, что австрійское правительство можетъ подвергнуться опасности извнѣ или само увидѣть пользу въ наступательной войнѣ. Если итальянцы не будутъ остановлены, подъ властью Виктора-Эммануэля скоро соединится весь полуостровъ за исключеніемъ Венеціи и въ такомъ случаѣ итальянцы непремѣнно захотятъ изгнать австрійцевъ изъ Венеціи. Потому мы находимъ совершенно правыми тѣхъ австрійскихъ правителей, которые желаютъ, чтобы Австрія объявила войну Виктору-Эммануэлю, не дожидаясь, пока онъ будетъ располагать силами вдвое большими, чѣмъ теперь. Если австрійское правительство хочетъ сохранить власть надъ Венеціею (а кто же добровольно отказывается отъ власти?), эта политика будетъ единственною послѣдовательною. Ея держится въ Вѣнѣ такъ называемая партія военныхъ, товарищей Виндишгреца, Гайнау и Гулая. Гражданскіе сановники, и въ томъ числѣ почти всѣ министры, находятъ, напротивъ, что при нынѣшнемъ состояніи умовъ почти во всѣхъ провинціяхъ имперіи выводить войска на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ неблагоуразумно, потому что присутствіе войскъ повсюду охраняетъ порядокъ, устрашая внутреннихъ враговъ. Такъ, но что же дѣлать? Вредно не начинать войну, опасно начать ее. Враги порядка, конституціонисты, либералы и т. д., въ Австріи разсчитываютъ, что это тяжелое положеніе поведетъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ и даже къ учрежденію дѣйствительно конституціоннаго правленія. Но будемъ надѣяться, что все какъ нибудь уладится. По справедливому мнѣнію австрійскихъ министровъ, главная важность въ томъ, чтобы выиграть время. Оно дѣйствительно такъ: обстоятельства, неблагопріятныя нынѣ, могутъ стать благопріятными черезъ полгода, черезъ годъ; да хотя бъ и не стали благопріятными, хотя бы въ результатъ и кончилось дѣло тѣмъ, чего ждуть враги нынѣшней австрійской системы, все-таки каждый выигранный день, мѣсяць, годъ, будетъ лишній день, мѣсяць, годъ. „Ничто не вѣчно подлунно“, стало быть умные люди должны хлопотать лишь о томъ, чтобы какъ можно дольше протянуть свое существованіе и существованіе выгодной для нихъ обстановки. Такъ и дѣлаютъ австрійскіе правители; потому смѣшны люди, которые дивятся, что они не спѣшатъ дѣлать то, чего не хотятъ.

Къ сожалѣнію, есть важныя обстоятельства, независимыя отъ воли австрійскаго правительства. Если бы опасность грозила ему только отъ Сардиніи и отъ

недовольства подданныхъ, оно вѣроятно чувствовало бы себя еще довольно крѣпкимъ на ногахъ; но дѣло въ томъ, что, кромѣ внутреннихъ безпокойствъ и кромѣ внѣшней бѣды съ юга, оно должно ждать непріятностей съ запада. Дѣло это принятымъ образомъ относится не къ Австріи, а къ Германіи, но Австрія лишилась бы ранга первостепенной державы, елибѣ оно исполнилось.

Газеты уже давно говорятъ о планахъ императора французовъ доставить національному самолюбію удовлетвореніе гораздо большее того, какое было дано присоединеніемъ Савойи: уже года два постоянно носятя слухи, что онъ хочетъ расширить предѣлы Франціи до Рейна. Передъ началомъ прошлой войны это опасеніе было чрезвычайно сильно въ Германіи. Дѣйствительно, полуофициальная французская публицистика развиваетъ вопросъ о Рейнской границѣ совершенно по такой же системѣ, по какой подготавливала Францію къ присоединенію Савойи. Мы говорили нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что въ пограничныхъ съ рейнскими провинціями Пруссіи департаментахъ существуютъ газеты, имѣющія своею цѣлью объяснять баварскимъ и прусскимъ подданнымъ на лѣвомъ берегу Рейна, какъ выгодно будетъ для нихъ присоединиться къ Франціи. Полуофициальныя парижскія газеты разсуждаютъ иногда на ту же тему, но гораздо чаще и подробнѣе язлагаютъ другія стороны дѣла, болѣе важныя для французской публики и для европейскихъ дипломатовъ, чѣмъ желаніе самихъ областей, которыя должны подвергнуться предсказываемому переходу подъ власть императора французовъ. Французской публикѣ объясняется, что главная масса нѣмецкихъ земель на лѣвомъ берегу Рейна отдана въ 1814 году Пруссіи собственно для отнятія у французовъ прежнихъ союзниковъ изъ самихъ нѣмецкихъ князей и для униженія Франціи; доказывается также, что французская восточная граница теперь очень слаба въ стратегическомъ отношеніи, что непріятель слишкомъ легко можетъ вторгнуться теперь въ сердце Франціи, что только эта опасность иностраннаго вторженія принуждаетъ Францію обременять себя содержаніемъ многочисленной арміи. Если же рейнская провинція Пруссіи будетъ присоединена къ Франціи вмѣстѣ съ баварскими и другими землями на лѣвомъ берегу Рейна, Франція будетъ закрыта отъ нападенія широкою рѣкою, будетъ безопасна, можетъ распустить тогда половину своей арміи и начнется въ ней царство свободы, уничтожатся обременительныя налоги, правительство будетъ имѣть много денегъ на общепользныя работы, на вспоможеніе земледѣлію и фабрикамъ: такія статьи пишутся собственно для французской публики. Главное содержаніе въ нихъ то, что Франція лишилась рейнской границы въ 1814 году, когда погибла ея слава, и возстановить славу можно не иначе, какъ возвращеніемъ прежней границы. Статьи, имѣющія въ виду не столько французскую публику, сколько иностранныхъ дипломатовъ, выставляютъ на первый планъ то, что Франція уменьшить свою армію и перестанетъ быть воинственной державой, какъ только получитъ рейнскую границу. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ она стала бы тогда желать войны? Она уже будетъ имѣть все, что ей нужно. Ни нація, ни правительство ея не желаютъ ничего больше, какъ только уничтожить память своихъ пораженій и обезпечить себя съ востока возстановленіемъ рейнской границы; дальше того не идугъ ихъ желанія, а безъ того Франція все будетъ оставаться и недовольна, и небезопасна. Успокоить Францію, значитъ успокоить Европу. Итакъ всѣ европейскія державы для собственной выгоды должны желать, чтобы Франція расширилась до Рейна.

Если бы такіа разсуждепіл печаталась въ независимыхъ газетахъ, они никого не занимали бы. Но сильная склонность полуофициальныхъ газетъ развивать эту тему принимается многими за выраженіе правительственныхъ намѣреній. Еще больше увеличивается это предположеніе появлешемъ брошюръ подобнаго содержанія, напоминающихъ и внѣшней формою и характеромъ изложенія тѣ прежнія брошюры объ Италіи, которыя теперь уже признаны имѣвшими официальное происхожденіе. Не знаемъ, ограничивались ли газетными статьями и брошюрами указанія на такой планъ, или онъ еще прямѣе обнаруживался какими нибудь разговорами французскихъ дипломатовъ съ нѣмецкими, или даже какими нибудь письменными предложеніями; но вотъ что говорилъ въ палатѣ общинъ членъ торіиской партіи Кинглекъ, специально занимающійся вопросами иностранной политики. Предварительно замѣтимъ, что онъ имѣетъ очень обширныя дипломатическія связи, и часто сообщалъ парламенту первыя свѣдѣнія о тайныхъ переговорахъ и дипломатическихъ актахъ, существованіе которыхъ подтверждалось черезъ нѣсколько времени ходомъ событій. Такъ напримѣръ, онъ первый заговорилъ о существованіи акта, по которому Сардинія обѣщалась уступить Франціи Савойю. Теперь, въ засѣданіи 12 іюля, онъ сказалъ между прочимъ:

„Извѣстно, что съ 1857 года французское правительство предлагало прусскому ваять нѣкоторыя изъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ и отдать Франціи Рейнскія провинціи. Я полагаю, что съ этою цѣлью императоръ французовъ ѣздилъ въ Баденъ. Принцъ прусскій не могъ согласиться на это, потому что зналъ фактъ, о которомъ я теперь скажу. Палата отдастъ мнѣ ту справедливость, что въ прежнихъ случаяхъ мои слова оказывались основательными, и потому вѣроятно будетъ расположена повѣрить факту, о которомъ я теперь скажу. Я утверждаю, что на второмъ свиданіи въ Вилла-Франкѣ императоръ французовъ сказалъ Францу Іосифу, что возвратитъ ему Ломбардію съ тѣмъ условіемъ, чтобы Австрія не мѣшала дѣйствіямъ, которыя хочетъ онъ начать на Рейнѣ. Я повторяю, что принцъ прусскій зналъ этотъ фактъ... Планъ императора французовъ былъ въ томъ, чтобы возвратитъ императору австрійскому Ломбардію для приобрѣтенія его помощи въ дѣйствіяхъ противъ Германіи.... Вся Европа наполнена слухами о войнѣ. Франція не имѣетъ ни ссоръ, ни даже споровъ съ Бельгіею и Пруссіею, съ Макленбургомъ и Сардиніею; но земли cadaго изъ этихъ государствъ въ опасности, по слухамъ, господствующимъ въ Европѣ. По всей восточной границѣ Франціи дѣйствуютъ агитаторы, старающіеся возбудить неудовольствіе нынѣшними правительствами и подготовляющіе умы народа къ переходу подъ новую власть“.

Какъ бы то ни было, справедливы ли слова Кинглека, что формальныя предложенія о расширеніи границъ Франціи до Рейна были уже дѣланы до баденскаго свиданія, или до баденскаго свиданія дѣло ограничивалось газетными статьями и брошюрами, но въ Германіи господствуетъ увѣренность, что Франція хочетъ захватить всѣ нѣмецкія земли до Рейна. Регентъ прусскій въ родственной перепискѣ своей съ принцемъ Альбертомъ, дочь котораго замужемъ за его сыномъ, касался этого предмета. Содержаніе письма дошло, неизвѣстно какимъ путемъ, до свѣдѣнія французскаго правительства нынѣшнею весною. Французскій посланникъ въ Берлинѣ потребовалъ у прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ объясненій. Министръ очень основательно отвѣчалъ, что частныя письма регента къ его родственникамъ не составляютъ правительственныхъ актовъ, за содержаніе которыхъ должны отвѣтствовать министры; онъ намекнулъ даже, что онъ не шпіонъ и потому рѣшительно не можетъ знать содержанія чьей бы то ни было частной переписки. Вопросъ былъ сдѣланъ неловко, французская дипломатика должна была отступить. Но французское правительство

имѣло свѣдѣнія, что регентъ опасается его намѣреній, и не только имѣло эти свѣдѣнія, но даже призналось, что имѣетъ ихъ. Удачно или неудачно, первый шагъ былъ уже сдѣланъ и надобно было сдѣлать второй шагъ по проложенной дорогѣ. Императоръ французовъ объявилъ, что хочетъ успокоить регента прусскаго личнымъ объясненіемъ, готовъ для этого самъ пріѣхать въ Баденъ и просилъ принца-регента согласиться на свиданіе, для котораго онъ пріѣдетъ. Публицисты различно судили о томъ, надобно ли было принцу-регенту принимать такое предложеніе. Большая часть прусскихъ газетъ находили, что опасенія должно успокаивать не словами и не объясненіями, а устраненіемъ причинъ къ нимъ и что Пруссія въ союзѣ съ остальною Германіею не такъ слаба, чтобы нуждаться въ снисходительныхъ увѣреніяхъ. У принца-регента вѣроятно были причины иначе взглянуть на предложеніе императора французовъ. Если бы онъ уклонился отъ свиданія, это было бы истолковано какъ обидное пренебреженіе и послужило бы предлогомъ для выраженія неудовольствій. Но предосторожность, принятая принцемъ-регентомъ, показываетъ, что онъ раздѣлялъ мнѣніе нѣмецкихъ публицистовъ, говорившихъ, что свиданіе устраивается не просто для личной передачи миролюбивыхъ увѣреній, что императоръ французовъ намѣренъ предложить принцу-регенту планъ территоріальныхъ перемѣнъ, которыя, по мнѣнію императора, будутъ одинаково выгодны и для Франціи и для Пруссіи. Планъ этотъ, по объясненіямъ газетъ, состоялъ въ томъ, что въ замѣнъ рейнскихъ земель, уступаемыхъ Пруссіею Франціи, Франція поможетъ Пруссіи приобрести Мекленбургъ, Ганноверъ, почти всѣ другія мелкія владѣнія средней Германіи, наконецъ даже королевство Саксонское. Говорили, что даже Баденъ и Вюртембергъ могли въ такомъ случаѣ сдѣлаться прусскими землями; другіе утверждали, напротивъ, что Баденъ и Вюртембергъ сохранили бы свою независимость отъ Пруссіи, составивъ съ Баваріею возобновленный Рейнскій Союзъ подъ покровительствомъ Франціи. Но если было разногласіе о судьбѣ, предназначаемой для трехъ южныхъ второстепенныхъ государствъ Германіи, то всѣ согласно говорили, что среднюю и сѣверную Германію Франція готова предоставить Пруссіи. Въ этомъ тонѣ говорили и французскія полуофициальныя газеты. Онѣ объясняли, что Франція, чрезвычайно любя и уважая нѣмецкую націю, съ грустью видитъ ея нынѣшнюю раздробленность, которая мѣшаетъ ей занять между европейскими народами въ политическомъ отношеніи такое же мѣсто, какое принадлежитъ ей въ умственномъ. Но если бы Германія стала могущественнымъ государствомъ при нынѣшнемъ очертаніи восточной французской границы, Франція подверглась бы большой опасности; только это одно и можетъ останавливать французовъ отъ содѣйствія нѣмцамъ въ дѣлѣ нѣмецкаго единства. Если же Германія обезпечитъ Францію уступкою земель до Рейна, тогда Франція дастъ полный просторъ своему сочувствію къ нѣмцамъ; а если Франція скажетъ: „я хочу, чтобы Германія получила единство“, кто будетъ въ силахъ помѣшать ему? Эти разсужденія сопровождались похвалами Пруссіи, доказательствами, что Германія можетъ достигнуть единства только тѣмъ, когда вся признаетъ власть Гогенцоллерновъ.

Такие толки должны были заставить регента прусскаго дѣйствовать со всевозможной осторожностью. Если бы нынѣшніе потомки Фридриха II хотѣли дѣйствовать революціоннымъ путемъ, они, безъ всякой чужой помощи, соединили бы всю Германію подъ свою власть еще въ 1848 и 1849 годахъ, когда франкфуртскій

парламентъ предлагалъ королю прусскому императорскую корону. Но династія Гогенцоллерновъ сама не хочетъ этого: она желаетъ поддерживать въ Германіи нынѣшній порядокъ, стремясь только къ тому, чтобы получить перевѣсъ надъ Австрією въ совѣтѣ многочисленныхъ нѣмецкихъ государей. Если бы ей удалось достичь этого, она придала бы нѣсколько побольше силы федеративнымъ связямъ, вѣроятно потребовала бы введенія бѣльшаго единства команды въ союзной арміи. Но прусское правительство не хочетъ низвергать престоловъ другихъ нѣмецкихъ королей и герцоговъ, оно гнушается такими революціонными мыслями. Если оно хотѣло бы увеличить свое вліяніе, то не иначе, какъ по добровольноиу соглашенію съ другими германскими династіями.. Принцъ-регентъ прусскій хотѣлъ, чтобы другіе нѣмецкіе владѣтели не могли имѣть никакого сомнѣнія въ его чистотѣ отъ революціонныхъ замысловъ и потому пригласилъ всѣхъ важнѣйшихъ второстепенныхъ государей присутствовать при его свиданіи съ императоромъ французовъ. Они дѣйствительно пріѣхали въ Бадень.

Ихъ присутствіе отняло всякую возможность говорить императору съ принцемъ-регентомъ о чемъ нибудь другомъ, кромѣ своихъ миролюбивыхъ намѣреній. Консерватизмъ принца прусскаго не допустилъ самой возможности объясненій о томъ, какимъ бы образомъ произвести территоріальныя перемѣны. Такимъ образомъ баденское свиданіе не повело не только къ рѣшенію, но даже и къ предложенію того вопроса, для котораго устраивалось французскимъ правительствомъ.

Но если оно было неудачно для Франціи съ формальной стороны, то могло послужить сильнымъ ободреніемъ для французскихъ мыслей о рейнской границѣ; оно выказало неспособность Нѣмецкаго Союза къ едидюдушію. Принцъ прусскій, притласивъ въ Бадень другихъ нѣмецкихъ владѣтелей, тѣмъ самымъ далъ имъ полнѣйшее ручательство въ своей готовности поддерживать ихъ престолы. Имъ показалось мало этого; они все-таки остались недовѣрчивыми къ Пруссіи и пріѣхали въ Бадень не съ намѣреніемъ показать императору французовъ свою готовность помогать Пруссіи въ защитѣ національныхъ границъ, а только за тѣмъ, чтобы въ минуту опасности для Германіи потребовать у прусскаго правительства уступокъ. Они положили, прежде чѣмъ явятся присутствовать при свиданіи принца-регента съ императоромъ, изложить принцу-регенту условія, на которыхъ стали бы поддерживать его противъ Франціи, иначе сказать, условія, на которыхъ стали бы защищать отечество. Это объясненіе, происходившее наканунѣ свиданія съ императоромъ французовъ, составляетъ важнѣйшую черту Баденскаго конгресса. Мы ни разу не излагали тѣхъ многочисленныхъ споровъ, какіе ведутся на Нѣмецкомъ Сеймѣ между Пруссією и остальными нѣмецкими государствами, опирающимися во всѣхъ этихъ случаяхъ на Австрію или поддерживающими ея политику. Въ самомъ дѣлѣ, вопросы эти неважны въ общей европейской исторіи, а главное, ведутся такъ, что ровно ничего изъ нихъ не выходитъ: послѣ безконечныхъ споровъ все остается по прежнему. Но общій характеръ расногласій между Пруссією и остальными нѣмецкими государствами теперь состоитъ въ томъ, что Пруссія желала бы поддерживать умѣренно-либеральную партію, а во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ власть принадлежитъ ультра-консервативной партіи. Второстепенные нѣмецкіе владѣтели согласились объявить принцу-регенту, что онъ, въ случаѣ надобности, можетъ разсчитывать на ихъ содѣйствіе только тогда, если Пруссія откажется отъ своей нынѣшней политики и перейдетъ на сторону край-

няго консерватизма. Но принцъ-регентъ, узнавъ объ этомъ, рѣшилъ первый высказаться на свиданьи съ ними, чтобы отстранить надобность отвѣчать отказомъ на ихъ требованіе. Дѣйствительно, онъ, не давъ имъ начать говорить, прямо изложилъ программу прусской политики, сказавъ, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ отступить отъ нея. Послѣ этого напрасно было второстепеннымъ владѣтелямъ высказывать свои требованія, и свиданіе ихъ съ принцемъ прусскимъ обошлось безъ формальнаго спора, который повелъ бы къ открытому разрыву. Но если предуметрительность принца-регента отклонила явную ссору, то второстепенные владѣтели въ сущности все-таки вышли послѣ разговора съ нимъ, еще болѣе укрѣпившись въ своемъ нерасположеніи къ Пруссіи. Этотъ разговоръ происходилъ наканунѣ свиданія съ императоромъ французомъ, когда общая польза Германіи требовала бы полнаго единодушія. Быть можетъ, способъ дѣйствія второстепенныхъ нѣмецкихъ владѣтелей въ такую рѣшительную минуту поможетъ со временемъ Германіи достичь хорошихъ результатовъ: онъ конечно усиливаетъ между нѣмцами убѣжденіе въ необходимости національнаго единства и разъясняетъ имъ, какого содѣйствія ему должны они ожидать отъ второстепенныхъ владѣтелей; но теперь пока онъ ободряетъ французомъ, видящихъ, что даже опасность не можетъ заставить второстепенныхъ владѣтелей искренно поддерживать Пруссію.*

Таковъ результатъ баденскаго свиданія съ точки зрѣнія императора французомъ, съ точки зрѣнія принца-регента прусскаго и самихъ нѣмцевъ, желающихъ національнаго единства. Наполеонъ III, принцъ-регентъ и нѣмецкіе патріоты имѣютъ желанія очень различныя, но всѣ они обращаютъ вниманіе на одну и ту же сторону этого событія. Императоръ французомъ и нѣмецкіе патріоты увидѣли, что прусское правительство даже въ рѣшительную минуту не хочетъ дѣйствовать революционнымъ способомъ, что оно при защитѣ Германіи хочетъ опираться только на добровольное содѣйствіе второстепенныхъ нѣмецкихъ правительствъ; вмѣстѣ съ императоромъ французомъ и нѣмецкими патріотами принцъ прусскій убѣдился, что на это содѣйствіе Пруссія не можетъ полагаться. Вотъ сторона дѣла, занимавшая ихъ. Но Австрія заинтересовалась другою стороною баденскаго свиданія. Она увидѣла, что Франція предлагаетъ Пруссіи уничтоженіе всѣхъ второстепенныхъ владѣній, съ условіемъ, чтобы ей самой получить лѣвый берегъ Рейна. Принцъ-регентъ до того не расположенъ пріобрѣтать увеличеніе своего могущества этимъ путемъ, что устранилъ самую возможность официально предложить ему отдачу подъ его власть всей остальной Германіи за уступку рейнскихъ провинцій. Но вѣнскій кабинетъ все-таки сильно встревожился самымъ существованіемъ такого плана въ Парижѣ. Онъ или не довѣряетъ искренности прусскаго правительства, или думаетъ, что оно можетъ быть приведено обстоятельствами къ принятію политики, которую теперь отвергаетъ. Эта перспектива ужаснула его. Дѣйствительно, если бы исполнился планъ, для переговоровъ о которомъ устраивалось парижскими дипломатами баденское свиданіе, вѣнскій кабинетъ лишился бы тѣхъ вещей, въ которыхъ ставитъ главную свою гордость. Съ незапамятныхъ временъ онъ полагалъ своею славою то, чтобы господствовать надъ второстепенными нѣмецкими государствами, отнимать у Пруссіи вліяніе на нихъ, чтобы управлять ими посредствомъ Германскаго Сейма; удерживать Пруссію на второмъ мѣстѣ въ Германіи, а самому занимать первое, — вотъ въ чемъ находилъ онъ высшее свое удовольствіе. Что же было бы по исполненіи плана, о которомъ французскіе дипломаты хотѣли

говорить въ Баденѣ? Присоединивъ къ себѣ всю сѣверную Германію и Саксонскія земли, Пруссія стала бы сильнѣе Австріи. Если бы уцѣлѣли Баварія, Вюртембергъ и Баденъ, если бы не были они подчинены Пруссіею, они стали бы въ зависимость отъ Франціи и сила вѣнскаго правительства ограничилась бы на западѣ и сѣверѣ предѣлами австрійскихъ владѣній. По мнѣнію австрійскихъ государственныхъ людей, это было бы величайшимъ несчастіемъ для Австріи. Быть принужденнымъ сосредоточить свои мысли на потребностяхъ населенія самой имперіи, лишиться возможности пренебрегать этими потребностями для интригъ противъ Пруссіи между второстепенными нѣмецкими правительствами, — это кажется гибельно вѣнскимъ государственнымъ людямъ. Они тотчасъ же принялись хлопотать объ отвращеніи такой бѣды. Лучшимъ средствомъ къ тому нашли они заискивать расположеніе Пруссіи, чтобы по дружбѣ съ Австріей она отказалась отъ замысловъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ, но имѣетъ по предположенію подозрительнаго вѣнскаго кабинета: начались переговоры съ Берлиномъ, начались оказываться ему любезности, начались даже предложенія разныхъ уступокъ по вопросамъ, въ которыхъ Австрія до сихъ поръ противилась желанію Пруссіи. Мы не имѣемъ никакой претензіи проникать въ дипломатическіе секреты и по обыкновенію находимъ, что совершенно достаточны тѣ свѣдѣнія, которыя ни для кого не составляютъ тайны. Факты, напечатанные во всѣхъ газетахъ, показываютъ, что предложеніе тѣснѣйшаго союза съ Вѣной было принято въ Берлинѣ холодно, и что холодность проистекала изъ соображенія очень вѣрнаго. Въ какомъ случаѣ и для чего была бы полезна прусскому правительству дружба австрійскаго? Конечно, только въ случаѣ войны противъ вѣшняго врага, а вѣшній врагъ можетъ явиться только съ запада, потому только для обороны западно-нѣмецкой границы. При нынѣшнемъ состояніи своихъ финансовъ, при нынѣшнемъ расположеніи своихъ подданныхъ, можетъ ли австрійское правительство оказать серьезную помощь Пруссіи въ войнѣ на Рейнѣ? Въ Берлинѣ думали, что не можетъ. Положеніе австрійскихъ финансовъ такъ дурно, что серьезной войны съ сильнымъ непріятелемъ Австрія не можетъ вести, — вѣдь и въ прошлонъ году она принуждена была преждевременно объявить и черезъ девять недѣль прекратить войну, потому что не имѣла средствъ дольше содержать войско въ готовности къ войнѣ и дольше содержать его во время войны. Но даже и кратковременнаго усилія на Рейнѣ не можетъ она сдѣлать въ значительномъ размѣрѣ, потому что большую часть своей арміи принуждена держать въ собственныхъ недовольныхъ провинціяхъ, и на Минчіо по своимъ итальянскимъ дѣламъ. Не только не принесла бы для Пруссіи большой выгоды дружба съ Австріею, въ случаѣ войны на Рейнѣ, а напротивъ — обратилась бы въ невыгоду берлинскому правительству. Безъ расположенія со стороны западно-нѣмецкаго населенія нельзя Пруссіи защитить западную свою границу. Если теперь она считаетъ себя въ силахъ оборонить ее, она основываетъ эту надежду только на томъ, что подданные всѣхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ сѣверной и средней Германіи считаютъ ее защитницею либеральныхъ учреждений, представительницею національнаго единства. Какова бы ни была нелюбовь второстепенныхъ правительствъ въ Пруссіи, общественное мнѣніе принудитъ ихъ дѣйствовать заодно съ Пруссіей, въ случаѣ нападенія съ запада. Но союзомъ съ Австріею, при нынѣшнемъ ея устройствѣ, Пруссія теряла бы свои права на еочувствіе патріотической партіи, лишалась бы силы, которая въ минуту опасности доставитъ ей невольную

помощь второстепенныхъ правительствъ. Газеты сообщали, что берлинскій кабинетъ соглашается на союзъ съ Австріею только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Австрія получила конституціонное правленіе. Не знаемъ, было ли сказано что нибудь подобное официальнымъ образомъ, но сущность дѣла такова, что полезность австрійскаго союза для Пруссіи дѣйствительно зависитъ отъ этой реформы: только удовлетворивъ желанія своихъ подданныхъ, австрійское правительство пріобрѣтеть возможность оказывать значительную помощь своимъ союзникамъ въ войнѣ.

Теперь извѣстно, что холодность, съ какою Пруссія приняла первыя предложенія Австріи, смягчена хлопотами вѣнскихъ дипломатовъ, и принцъ-регентъ согласился имѣть въ Тѣплицѣ свиданіе съ австрійскимъ императоромъ. Тутъ будутъ ему предложены со стороны Австріи разныя уступки по разнымъ второстепеннымъ вопросамъ. Не знаемъ, удовлетворится ли ими Пруссія, или повторитъ высказанное официальными прусскими газетами условіе союза, — требованіе перемѣны въ австрійской правительственной системѣ. Всего вѣроятнѣе, что свиданіе не приведетъ къ результату, какого ждетъ отъ него Австрія, не склонитъ Пруссію вступить съ ней въ наступательный и оборонительный союзъ; или, еслибы и устроилось на бумагѣ что нибудь похожее на такой союзъ, все-таки онъ будетъ имѣть значеніе почти только на одной бумагѣ, а не на самомъ дѣлѣ: Вѣнскому кабинету было бы слишкомъ трудно искренно отказаться и отъ прежней своей политики во внутреннихъ дѣлахъ, и отъ прежнихъ своихъ притязаній на преобладаніе въ Германіи. А безъ искренней уступки со стороны Австріи по обоимъ этимъ отношеніямъ, Пруссія не будетъ находить выгоды въ союзѣ съ нею. Но мы вовсе не то и доказывали, что вѣнскій кабинетъ вступить въ тѣсный союзъ съ Пруссіею, — это было бы несогласно съ преданіями австрійской системы; точно также, мы вовсе не доказывали, что онъ непременно сдѣлаетъ серьезныя уступки, — напротивъ, мы много разъ говорили, что онъ несомнѣнны съ его системою, — мы хотѣли только сказать, что уступки требуются отъ него со всѣхъ сторонъ.

Тѣ же самыя газеты, которыя доказываютъ необходимость рейнской границы для Франціи, стараются подготовить Францію къ войнѣ съ Англіею. Въ своемъ усердіи отыскивать поводы къ войнѣ онѣ доходятъ до странностей. Такъ, напримѣръ, онѣ утверждали, что Англія устроила недавній заговоръ карлистовъ въ Испаніи, чтобы овладѣть этою странюю во время междуусобной войны. Мы ничего не говорили объ этомъ карлистскомъ заговорѣ, потому что онъ не стоилъ никакого вниманія. Одинъ изъ генераловъ, собравъ подчиненныя ему войска, объявилъ, что правительство приказало ему вести ихъ въ Мадридъ и они пошли, ничего не подозревая. Но лишь только онъ объявилъ имъ, что хочетъ дѣйствовать въ пользу графа Монтемолина, они тотчасъ же бросили его; онъ былъ арестованъ и заплатилъ жизнью за измѣну. Претендентъ и его второй братъ, явившіеся въ Испанію, легко были взяты въ плѣнъ и вся исторія кончилась безъ иалѣйшихъ хлопотъ для испанскаго правительства. Труднѣе бываетъ полиціи разогнать какой нибудь десятокъ пьяныхъ буяновъ, чѣмъ было для О'Доннеля и его товарищей сладить въ возставшими реакціонерами. Англія помогла утвердиться въ Испаніи нынѣшней формѣ правленія, всегда поддерживала ее и не можетъ и поддерживать. Нужно слишкомъ горячее воображеніе, чтобы придумать, будто бы она помогала теперь или когда нибудь вздумаетъ помогать карлистамъ. Но французскія полуофициальныя газеты говорили это и выводили изъ такого обвиненія

необходимость усмирить Англию, чтобы она не нарушала спокойствие Европы. Точно такой же выводъ дѣлали онѣ изъ сипцлійскихъ событій. Гарибальди оказывался у нихъ агентомъ Пальмерстона и пріѣхалъ въ Сицилію за тѣмъ, чтобы покорить ее для англичанъ. Изъ этого опять слѣдовало, что надобно отнять у Англии средства поднимать смуты въ Европѣ, что пока французы не возьмутъ Лондона, до тѣхъ поръ Европа не будетъ имѣть мира. Наконецъ явилась брошюра, пустившаяся въ такія соображенія, какихъ не отваживались сдѣлать полуоффиціальныя газеты. Эта брошюра называется „Макъ-Магонъ, король Ирландскій“. Она собираетъ изъ старинныхъ книгъ факты о страдальческомъ положеніи ирландцевъ, не обращая вниманія на то, что многія изъ прежнихъ бѣдствій Ирландіи теперь уже исчезли, а другія постепенно измѣняютъ свой характеръ, и что Ирландія съ каждымъ годомъ приближается къ тому положенію, въ какомъ находится сама Англія. Брошюра доказываетъ, что ирландцы лишены всѣхъ правъ (хотя они теперь пользуются совершенно такими же правами, какъ англичане), что англійскіе протестанты угнетаютъ ирландскихъ католиковъ (хотя католическое духовенство пользуется въ Ирландіи гораздо большею свободою, чѣмъ въ самой Франціи, и давно уничтожена всякая политическая разница между протестантами и католиками); изъ этого брошюра выводитъ, что ирландцамъ для достиженія религіозной свободы и политическихъ правъ необходимо возстать противъ Англии, выбрать своего особеннаго короля, и находить, что лучше всего они сдѣлаютъ, если выберутъ королемъ маршала Макъ-Магона.

Разумѣется, все это не больше, какъ шалости, но онѣ показываютъ систематическое стремленіе раздражить старинную вражду французовъ къ Англии.

Всѣ эти обстоятельства и множество другихъ фактовъ такого же рода не даютъ англичанамъ свободы думать ни о чемъ, кромѣ приготовленій къ оборонѣ своей земли. Читатель знаетъ, какъ дѣлательно ведутся эти приготовленія. Гавани и прибрежныя крѣпости вооружаются, и теперь газеты заняты разсужденіями о томъ, какъ укрѣпить Лондонъ, чтобы непріятельская армія не могла приблизиться къ нему и тогда, если прорвется черезъ цѣпь прибрежныхъ укрѣпленій и если опрокинетъ англійскія войска, которыя встрѣтятъ по дорогѣ. Сильное развитіе волонтеровъ, которыхъ считается теперь до 120,000, которые всѣ вооружены штуцерами и уже пріучились хорошо стрѣлять и очень порядочно маневрировать, много ободряетъ англичанъ. Смотръ лондонскихъ волонтеровъ, недавно происходившій въ Гайдъ-Паркѣ, показалъ, что они выучились даже маневрировать очень не дурно; а мѣткостью стрѣльбы и совершенствомъ оружія они превосходятъ линейную пѣхоту французской арміи,—это доказано происходившимъ на дняхъ состязаніемъ въ стрѣльбѣ на призы. Но все-таки высадка непріятельской арміи нанесла бы громадныя потери Англии, хотя, безъ малѣйшаго сомнѣнія, и кончилась бы совершеннымъ истребленіемъ высадившагося непріятеля. Волнуясь этимъ опасеніемъ, англійское общество не имѣетъ досуга заняться никакими важными внутренними вопросами. Лордъ Россель принужденъ былъ взять назадъ свой билль о реформѣ, потому что публикѣ было не до парламентской реформы, а безъ большаго понужденія со стороны общественнаго мнѣнія нельзя провести черезъ парламентъ этого дѣла, нарушающаго интересы всей торійской партіи и очень многихъ депутатовъ изъ партіи виговъ. Столь же ясно свидѣтельствуемъ о невозмож-

т. VI.

ности заниматься внутренними вопросами другое дѣло, для объясненія котораго надобно войти въ нѣкоторыя подробности.

Одною изъ главныхъ реформъ въ системѣ налоговъ, по бюджету предложенному Гладстономъ, было отмиженіе налога на писчую бумагу. Онъ доставляетъ около 8,500,000 рублей серебромъ дохода, но сильно затрудняетъ распространеніе дешевыхъ изданій, то есть, разлитіе образованности въ массѣ народа, и кромѣ того стѣсняетъ очень многія отрасли промышленности, употребляющія оберточную бумагу. Люди, сочувствующіе просвѣщенію массы, давно требовали его уничтоженія. Но уничтожить его, значило бы навсегда перенести тяжесть, слагаемую такимъ образомъ съ косвенныхъ налоговъ, на прямые налоги и собственно на налогъ съ доходовъ, которымъ особенно недовольны землевладѣльцы, пользовавшіеся до его учрежденія почти совершенною свободою отъ всякихъ налоговъ. Налогъ на доходы то повышается, то понижается, смотря по государственной надобности; но уничтоженіе налога на бумагу дѣлало бы необходимою постоянно брать съ доходовъ одною половиною процента больше, чѣмъ нужно при его сохраненіи. Само собою разумѣется, что такая реформа должна была возбуждать сильное неудовольствіе въ палатѣ лордовъ, служащей представительницею землевладѣльческихъ интересовъ. Землевладѣльская партія располагаетъ и въ палатѣ общинъ почти цѣлою половиною голосовъ: всѣ тори — или землевладѣльцы, или представители землевладѣльцевъ. Если бы общественное мнѣніе могло сильно занимать теперь внутренними реформами, нѣкоторые тори въ палатѣ общинъ уступили бы его влиянію и билль объ уничтоженіи налога на бумагу прошелъ бы черезъ палату общинъ съ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Но теперь ни одинъ тори не видѣлъ надобности жертвовать своими разчетами, и большинство на сторонѣ билля оказалось очень не большое. Палата лордовъ ободрилась. Кромѣ того у ней былъ очень благовидный предлогъ. При нынѣшнемъ шаткомъ положеніи дѣлъ, правительство не должно лишать себя запасныхъ средствъ на чрезвычайные расходы, говорили противники билля: на всякій случай лучше имѣть слишкомъ миллионъ фунтовъ избытка доходовъ, чѣмъ имѣть бюджетъ, въ которомъ доходы только уравнивались бы съ расходами. Палата лордовъ отвергла билль.

Основателенъ ли предлогъ, подъ которымъ она отвергла его, дѣйствительноли палата общинъ поступала неосторожно, уничтожая при нынѣшнихъ обстоятельствахъ налогъ, доходъ съ котораго былъ бы запасомъ на экстренные расходы, — не въ томъ дѣло. Надобно полагать, что Гладстонъ и манчестерская партія, требовавшіе отмиженія налога на бумагу, понимаютъ финансовыя дѣла гораздо лучше, чѣмъ лорды; составитель билля и его защитники, проникательнѣйшіе и опытнѣйшіе финансовыя люди въ цѣлой Европѣ, вѣроятно понимали, что они дѣлали, вѣроятно обдумали, откуда взять денегъ на экстренные расходы, и вѣроятно въ ошибкахъ были не они, а большинство палаты лордовъ, отличающееся допотопными понятіями. Теперь это уже доказано дополнительнымъ бюджетомъ Гладстона, по которому деньги на экстренные расходы китайской войны получаютъ черезъ повышение налога на спиртные напитки. Но все равно: пусть Гладстонъ и его защитники ошибались, пусть основательность разчета была на сторонѣ палаты лордовъ. Вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, имѣетъ ли палата лордовъ право вмѣшываться въ финансовыя дѣла. По духу англійской конституціи, власть надъ финан-

сами принадлежить исключительно палатѣ общинѣ. Палата лордовѣ превысила свою власть, нарушила конституцію, вздумавъ отвергнуть финансовую мѣру, принятую палатою общинѣ. Въ иное время, когда вниманіе націи не было бы отвлечено отъ внутреннихъ дѣлъ заботами иностранной политики, палата лордовѣ не отважилась бы на такое дѣло, а если бы отважилась, то потерпѣла бы жестокое пораженіе. Общественное мнѣніе потребовало бы, чтобы палата общинѣ поддержала свои права, палата общинѣ приняла бы суровыя рѣшенія противъ палаты лордовѣ, и мало того, что принудила бы лордовѣ уступить въ этомъ вопросѣ, — дѣло кончилось бы тѣмъ, что они вообще потеряли бы часть своихъ привилегій. Теперь не то. Націи нѣтъ времени заниматься спорами по внутреннимъ дѣламъ, и прогрессивная партія въ палатѣ общинѣ не можетъ сдѣлать ничего противъ торіи, сочувствующихъ лордамъ. Комитетъ, назначенный палатою общинѣ для изслѣдованія дѣла, постарался замѣть его и оно кончилось неопредѣленнымъ, слабымъ, ничего не рѣшающимъ протестомъ.

Какъ будто мало было въ Европѣ поводовъ публицистамъ и государственнымъ людямъ разныхъ націй спорить, недовѣрять, опасаться, возникло на Востокаѣ очень прискорбное обстоятельство, служащее новою причиною взаимнаго недовѣрія. Мы не будемъ подробно рассказывать о событіяхъ, происшедшихъ на Ливанскомъ хребтѣ, потому что они принадлежать къ вещамъ, очень обыкновеннымъ въ Сиріи: друзья, соединившись съ мусульманами, напали на племена, исповѣдующія христіанство, разграбили и выжгли деревни и города, которыми могли овладѣть, изнасиловали женщинъ, перерѣзали всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать. Турецкіе солдаты помогали разбойникамъ. Это совершенно въ порядкѣ вещей во всей Турціи, тѣмъ болѣе въ Сиріи, гдѣ мусульмане особенно фанатичны и наглы. Безчисленные опыты показали, что турецкое правительство не хочетъ, да еесли бы и хотѣло, то не можетъ избавить своихъ подданныхъ (не однихъ христіанъ, но даже и тѣхъ мусульманъ, которые занимаются мирными промыслами) отъ грабежей и всякихъ насилій. Но европейскія державы до сихъ поръ ограничиваются полумѣрами, по взаимному соперничеству. Такъ и теперь, конечно, ничего прочнаго не выйдетъ изъ вмѣшательства, на которое онѣ рѣшились. Французскіе, англійскіе и другіе корабли посланы въ Бейрутъ. Ихъ появленіе остановитъ разбойниковъ, но черезъ годъ, черезъ два возобновится та же исторія. Газеты очень много толкуютъ теперь о сирійскихъ дѣлахъ, даже разеуждаютъ о важныхъ перемѣнахъ, которыя произойдутъ изъ нихъ въ европейской политикѣ. Само собою разумѣется, что все это не больше, какъ праздные толки. Тысячи людей въ Сиріи перерѣзаны, десятки тысячъ ограблены; теперь, можетъ быть, будетъ убито нѣсколько десятковъ убійць, — тѣмъ дѣло и кончится до слѣдующаго точно такого же случая. Причины къ перемѣнамъ въ отношеніяхъ между европейскими державами даются самой Европою, а не Азіею.

Палермская корреспонденція Times'a.

(въ извлеченіи).

5 іюня, въ два часа дня, Ланца прислалъ офицера къ Гарибальди съ предложеніемъ, что неаполитанцы готовы очистить королевскій дворець и всѣ другія позиціи, занимаемыя ими въ городѣ, если ему будетъ позволено удалиться въ сѣверо-восточную часть гавани, гдѣ находится моль.

„Городъ образуеъ почти правильный параллелограммъ, который тянется отъ берега къ горамъ съ сѣверо-востока на юго-западъ. Въ сѣверномъ углу его, на берегу, стоитъ цитадель, занимаемая войсками. На противоположномъ углу параллелограмма стоитъ дворець, подлѣ него бастионъ, образующій западный конецъ города, и рядъ большихъ зданій на площади передъ дворцомъ, — этотъ бастионъ и зданія, вмѣстѣ съ дворцомъ, были заняты неаполитанцами. На юго-западной сторонѣ, отъ морскаго берега до терминскихъ воротъ, тянется одно большое зданіе, мимо котораго идутъ два шоссе, одно въ Мессину, другое въ Катанію. Почти параллельно съ морскимъ берегомъ идетъ дорога въ Трапани; направо отъ этой дороги, въ трехъ миляхъ отъ города, находится большая открытая мѣстность, прилегающая одною стороною къ трапанской дорогѣ, а другою къ Monte Pellegriuo. Мѣстность эта называется лагеремъ, потому что служила полемъ для маневровъ королевскимъ войскамъ. Вотъ на ней-то хотѣли сосредоточиться неаполитанцы, оставивъ королевскій дворець“.

Она представляла для нихъ то главное удобство, что находилась подлѣ гавани, и просьба перейти на нее изъ королевскаго дворца уже показывала, что Ланца оставилъ всякую мысль о продолженіи борьбы, думая только объ отъѣздѣ изъ Палермо. Но переговоры объ этомъ были прерваны возвращеніемъ генерала Летиціи изъ Неаполя. Онъ привезъ полномочіе генералу Ланца заключить капитуляцію. — Неаполитанскіе командиры совершенно упали духомъ, потому что никакъ не ожидали нападенія на Палермо, а когда началось оно, никакъ не хотѣли вообразить, что перевѣсъ останется на сторонѣ Гарибальди. При самомъ началѣ сраженія они послали въ Неаполь извѣстіе, что Гарибальди окруженъ въ городѣ и къ вечеру будетъ взятъ въ плѣнъ со всѣми волонтерами и инсургентами. Эта самоувѣренность ихъ, конечно, была одною изъ причинъ долгихъ колебаній неаполитанскаго правительства, которое никакъ не могло повѣрить безнадежности положенія своихъ войскъ въ Палермо, такъ недавно еще получивъ отъ нихъ совершенно противоположныя извѣстія.

На другой день по возвращеніи Летиціи, 6 іюня, заключена была капитуляція объ отъѣздѣ неаполитанскихъ войскъ изъ Палермо; ее подписали со стороны неаполитанцевъ генераль Колонна, а со стороны Гарибальди полковникъ Турръ. Но кромѣ этой капитуляціи, немедленно обнародованной, была заключена секретная конвенція, подписанная самимъ Гарибальди и генераломъ Летиціею. Она опредѣляла разныя подробности условій, заключающихся въ капитуляціи, и говорила о размѣнѣ плѣнныхъ. Срока для отъѣзда неаполитанцамъ не назначалось, по невозможности опредѣлить, во сколько дней успѣютъ они кончить сборы; было только сказано, что они всячески будутъ спѣшить ими, и дѣла ихъ были такъ дурны, что они дѣйствительно очень торопились. Королевскій дворець съ сосѣдними зданіями былъ очищенъ 7 іюня, на другой день по заключеніи капитуляціи. Всѣ неаполитанскія войска оттуда перешли на лагерное поле у гавани.

Отправленіе неаполитанскихъ войскъ изъ Палермо началось 7 іюня. Сами неаполитанскіе офицеры признавались, что ихъ солдаты занимаются грабежемъ; но повидимому не принималось никакихъ мѣръ для восстановленія между ними дисциплины и грабежъ продолжался. Такъ, напримѣръ, они разграбили въ королевскомъ дворцѣ все серебро, весь гардеробъ, все столовое бѣлье, такъ что въ дворцѣ остались однѣ голыя стѣны. Когда королевскій дворець съ сосѣдними кварталами былъ сданъ Гарибальди, онъ повсюду въ этой части города разставилъ караулы изъ своихъ альпійскихъ стрѣлковъ, приказавъ имъ никого не ну-

скать туда: во-первыхъ, для того чтобы не было воровства, а во-вторыхъ, и потому, что не безопасно было входить въ эти кварталы; полуразрушенные бомбами дома безпрестанно падали, а отъ множества заваленныхъ развалинами труповъ, воздухъ былъ заразителенъ. Первою заботою Гарибальди было велѣть ломать етѣвны домовъ, грозившихъ паденіемъ, собирать изъ-подъ развалинъ трупы и хоронить ихъ.

„Палериское городское начальство назначило комиссію для осмотра этихъ кварталовъ и представлевія отчета о' ихъ положеніи. Палермцы надѣются, что отчетъ будетъ подписанъ всѣми генеральными консулами. Русскій генеральный консулъ можетъ тутъ говорить по опыту: въ его собственный домъ упала бомба и онъ видѣлъ въ немъ послѣдствія бомбардировки. То же можно сказать и о брятанскомъ консулѣ. Другимъ надобно только пройти по улицамъ, чтобы приобрѣсти всѣ нужныя свѣдѣнія. Окрестности города поучительны въ этомъ отношеніи не меньше самаго города. Идите по какому хотите направленію,—въ Фавориту, въ Монреале, въ Гуавданю, вездѣ вы увидите, что почти каждый домъ сожженъ или разграбленъ. Грабежъ этотъ не можетъ извиняться и боевыиъ беспорядкомъ, потому что всѣ окрестности города были ограблены еще до появленія Гарибальди.

„Но неаполитанцы скоро пожали то, что посѣляли. Этотъ грабежъ, который они поощряли для воодушевленія своихъ солдатъ, былъ одною изъ главныхъ причинъ ихъ пораженія. Сами неаполитанскіе генералы начали надъ своимъ войскомъ то дѣло, которое Гарибальди только довершилъ. Вспоминая, съ какою горстью людей явился Гарибальди, нельзя было не изумляться его почти баснословному успѣху при взглядѣ на неаполитанскія войска, шедшія по городу третьяго дня. Ихъ было по крайней мѣрѣ тысячь четырнадцать человекъ, здоровыхъ, высокаго роста, превосходно вооруженныхъ, снабженныхъ сильною артиллеріею. Только тогда, когда начали они отступать, мы увидѣли, какъ сильны они были. Но подъ блестящею наружностью господствовала въ нихъ совершенная испорченность, дѣлавшая ихъ неспособными къ битвѣ. Думая только о грабежѣ, солдаты вышли изъ повиновенія, и офицеры боялись ихъ больше, чѣмъ неприятеля; а изъ офицеровъ многіе имѣютъ либеральный образъ мыслей и сами веохотно сражались.

„Неаполитанское правительство хотѣло имѣть армію, на которую могло бы полагаться, которая была бы чужда новыхъ идей. Конскрипція доставила ему солдатъ, но солдаты ничего не значать безъ офицеровъ. Хорошыхъ офицеровъ могъ бы дать образованный классъ, во именно онъ былъ противникомъ господствующей системы; мало людей изъ этого класса поступало въ армію, да и тѣ, которые поступали, казались подозрительными. Потому офицерское сословіе составлялось или изъ стариковъ, бывшихъ въ прежней арміи (до 1848 года) и остававшихся на службѣ только по неспособности прокормиться какииъ нибудь другимъ занятіемъ, или изъ аристократической молодежи. Такимъ образомъ явилось два разряда офицеровъ: одинъ блестящій, годный только для парадовъ, другой погрязшій въ рутинѣ. Ни тотъ, ни другой не могъ пробуждать хорошаго духа въ солдатахъ. Я былъ взумленъ, смотря на офицеровъ отступавшаго войска: всѣ они старики. Кавитанъ безъ сѣдыхъ волосъ былъ рѣдкимъ исключеніемъ.—Унтеръ-офицеры еще меньше офицеровъ соотвѣтствовали надобности правительства. Неаполитанскіе поселяне такъ невѣжественны, что дѣлать ихъ унтеръ-офицерами нельзя; въ эти чины по необходимости производились бѣдные люди средняго сословія, которое враждебно господствующей системѣ. О ихъ вліяніи на войско можно судить по тому факту, что по крайней мѣрѣ три четверти дезертировъ, перешедшихъ къ намъ,—унтеръ-офицеры. Армія имѣла блестящій видъ, но въ дѣло не годилась.

„Еще до прибытія Гарибальди. еще до начала сицилійскаго возстанія обнаружались симптомы, изъ которыхъ правительство могло видѣть ненадежность войска. Восьмой и десятый полки, получивъ приказаніе двинуться во внутренность Сициліи, не захотѣли идти и выказали такой духъ неповиновенія, что пришлось совершенно переформировать ихъ. Легкость, съ какою было подавлено возстаніе въ самомъ Палермо, бо-

гатаа добыча, награбленная солдатами въ Ганчскомъ монастырѣ, — все это нѣсколько возстановило самоувѣренность войска. Такія мысли были поддержаны успѣхомъ экспедицій въ Карини, Партенико и т. д. Толпы инсургентовъ, обвинявшіе издали выстрѣлами, отступали въ горы. Солдаты, вмѣсто того чтобы преслѣдовать ихъ, бросались на города, жгли, грабили и рѣзали.

„Прибытіе Гарибальди измѣнило мысли войска. Сначала неаполитанцы надѣялись на свою многочисленность, и если бы первая встрѣча была удачна для нихъ, неаполитанская армія быть можетъ и стала бы сражаться; но при Калата-Фини 500 человекъ альпійскихъ стрѣлковъ погнали съ одной позиціи на другую отрядъ, имѣвшій до 4,000 человекъ. Будучи поражены при такомъ числительномъ превосходствѣ, неаполитанскіе солдаты упали духомъ“.

Мастерскіе маневры Гарибальди подъ Палермо заставили неаполитанскихъ офицеровъ и солдатъ не вѣрить своему искусству и своимъ генераламъ. Потому трехдневная уличная борьба совершенно подорвала всякую дисциплину въ неаполитанцахъ, занимавшихся не столько битвами, сколько грабежемъ. — Сказавъ о прибытіи нѣсколькихъ новыхъ волонтеровъ изъ Италіи, корреспондентъ Times'a замѣчаетъ, что вся армія центральной Италіи отправилась бы въ Сицилію, елибъ только позволили ей, и послѣ того продолжаетъ:

„Сардинское правительство винили въ томъ, будто бы оно покровительствовало экспедиціи Гарибальди, между тѣмъ какъ оно дѣлало все, что могло, чтобы помѣшать ей, и если экспедиція все-таки устроилась, то единственно благодаря средствамъ, какія имѣлъ самъ Гарибальди. Если бы сардинское правительство благоприятствовало экспедиціи, или хотя смотрѣло на нее сквозь пальцы, то неужели задержало бы оно 12 или 15 тысячъ ружей, которыя были закуплены у Гарибальди на деньги, доставлявшіяся ему изъ цѣлой Европы?“

Черезъ нѣсколько дней, сообщивъ извѣстіе о томъ, какъ идетъ отправка неаполитанскихъ войскъ, корреспондентъ замѣчаетъ:

„Между неаполитанцами есть люди, надѣющіеся вернуться сюда мѣсяца черезъ три. Они вѣроятнo надѣются на повтореніе того, что было въ 1848 году, когда сицилійцы пропустили цѣлыхъ семнадцать мѣсяцевъ безъ всякихъ заботъ организовать свою армію. Но если нѣкоторые обольщаютъ себя такою мечтою, то на большинство произведено совершенно противное впечатлѣніе нынѣшними происшествіями. Очень многіе, особенно тѣ, которые говорили съ Гарибальди, обратились въ итальянцевъ, и нѣкоторые офицеры выражали надежду, что скоро будутъ сражаться рядомъ съ нимъ за итальянское дѣло“.

Описывая систему притѣсненія, отъ которой избавились теперь сицилійцы, корреспондентъ Times'a замѣчаетъ:

„Какую же пользу принесъ этотъ терроризмъ? Онъ не успѣлъ воспрепятствовать составленію заговора. Принимались крутыя мѣры, арестовали людей цѣлыми толпами, а все-таки полиція не могла открыть истинныхъ руководителей заговора. Прокламациі секретнаго комитета были прибиты на стѣнахъ по всѣмъ улицамъ. Какъ только Гарибальди высаждался, секретный комитетъ открылъ правильныя сообщенія съ нимъ и утѣдомлялъ его о всѣхъ движеніяхъ войскъ; а неаполитанцы, какъ ни подкупали людей, какъ ни грозили имъ, не могли ничего узнавать о движеніяхъ Гарибальди, не могли устраивать сообщеній между разными своими отрядами. Фовъ-Михель, возвращаясь изъ похода на Корлеоне и дошедши до Мисильмери, предлагалъ 500 червонцевъ тому, кто пронесетъ черезъ городъ письмо отъ него въ войскамъ, стоявшимъ въ королевскіи дворцѣ; никто не взялся исполнить это. Каждый сициліецъ зналъ, когда Гарибальди придетъ въ Мисильмери; всѣ говорили объ этомъ, а между тѣмъ неаполитанцы не

звали ничего. Самъ генералъ Летиція говорилъ, что наканунѣ вступленія Гарibaldi въ Палермо, уже вечеромъ, овъ прогуливался по берегу съ генераломъ Ланцею и они поздравляли другъ друга съ успѣхонъ дѣйствій противъ Гарibaldi, полагая, что дѣло уже кончено. „Мы легли спать, говорилъ онъ, радуясь тому, что кончились всѣ опасности, а поутру были пробуждены извѣстиемъ, что Гарibaldi стоитъ въ Палермо“.

Понемногу палермцы переставали бѣгать по улицамъ и кричать, какъ сумасшедшіе отъ восторга; но все-таки они умѣли сдерживать себя только пока не видѣли Гарibaldi: при его появленіи по прежнему сбѣгались толпы и поднимался восторженный гвалтъ. Это поклоненіе такъ надоѣло скромному генералу, что онъ пересталъ показываться на улицахъ днемъ, выходя обозрѣвать городъ лишь на зарѣ, пока всѣ еще спятъ. Онъ даже перенесъ главную свою квартиру на край города, чтобы избѣжать толпы, постоянно осаждавшей его. Заботы его были поровну раздѣлены между облегченіемъ участи пострадавшихъ жителей Палермо и формированіемъ войска.

„Волонтеры, пріѣхавшіе къ Гарibaldi, обращены въ кадры для двухъ бригадъ; эти кадры будутъ наполняться молодыми людьми изъ палермской провинціи, отъ 20 до 30 лѣтъ. Дѣло идетъ очень успѣшно. Когда Медичи привезетъ своихъ волонтеровъ, при ихъ помощи легко будетъ составить въ одинъ мѣсяць армію отъ 20 до 25 тысячъ человекъ. Артиллерія также устроивается. Въ Палермо есть большая литейная, сдѣлавшая въ 1849 году нѣсколько очень хорошихъ пушекъ; она теперь возобновила работу; колоколовъ въ Сициліи много, потому недостатка въ металлѣ не будетъ. Если такъ будетъ продолжаться, то Гарibaldi осуществить похвалбу Помпея: ему даже не нужно и топнуть ногой, чтобы явились легионы. Секретъ его искусства въ томъ, чтобы отбрасывать бесполезныя формальности и все упрощать. Ранцевъ у его солдатъ нѣтъ. Каждый кладетъ въ карманъ своей блузы рубашку и другія нужныя ему вещи; только благодаря этому облегченію, возможны были необычайные переходы, кончившіеся взятіемъ Палермо“.

14 іюня генералъ Летиція пріѣзжалъ увѣдомить Гарibaldi о скоромъ отъѣздѣ послѣднихъ неаполитанскихъ войскъ и просить его о принятіи мѣръ, чтобы отъѣзду ихъ не было препятствій.

„Неаполитанцы постоянно мучились мыслью, что Гарibaldi, при всемъ своемъ желаніи, не въ силахъ будетъ удержать горожанъ и инсургентовъ. Именно для того, чтобы нѣсколько обезпечить себя отъ ихъ нападенія, они условились по восьмой статьѣ конвенціи освободить семь человекъ, бывшихъ у нихъ подъ арестомъ, только тогда, когда послѣдніе солдаты сядутъ на корабли. Безпокойство ихъ усиливается тѣмъ, что они плохо полагаются на своя войска, потому на всѣхъ передовыхъ постахъ они поставили иностранныя батальоны. Напрасная предосторожность: духъ непослушанія овладѣлъ и этими батальонами точно такъ же, какъ неаполитанскими войсками. Съ того времени, какъ иностранныя батальоны заняли передовые посты, болѣе ста человекъ изъ нихъ дезертировали; изъ этихъ дезертировъ сформирована теперь особая рота. Отъ Гарibaldi они получаютъ больше жалованья, тѣмъ отъ неаполитанцевъ, и имѣютъ хорошую пищу, которой не имѣли у неаполитанцевъ. Неаполитанскіе солдаты продовольствуются однимъ сухарями и солониной, во и солонина дается имъ рѣдко: ихъ корабли такъ спѣшатъ перевозкой войскъ, что не успѣваютъ нагружаться провизіей, отходя назадъ въ Палермо. Потому неаполитанскія войска находятся въ самомъ тяжкомъ положеніи. Сами неаполитанцы видятъ, что солдатъ надобно совершенно вновь переформировать, прежде тѣмъ снова вести въ дѣло. А неаполитанскіе офицеры не имѣютъ никакой охоты сражаться. Зараза „итальянской идеи“ охватила ихъ почти всѣхъ. Противъ сицилійцевъ у нихъ еще остается сильная нелюбовь, но когда они встрѣчаются съ Гарibaldi и его итальянскими волонтерами, они смотрятъ на нихъ скорѣе какъ

насоварищей, тѣмъ какъ въ противниковъ. Такъ подѣйствовали ни нихъ слова Гарибальди и образъ его дѣйствій. Онъ поступалъ съ ними не какъ съ врагами, а какъ съ заблуждающимися друзьями, дѣлалъ въ ихъ пользу все, что могъ, не пользуясь ихъ несчастнымъ положеніемъ; онъ не старался унижать ихъ, выказывать свое превосходство, напротивъ, всячески отстранялъ все, тѣмъ они могли бы оскорбляться. Смотри на его дѣйствія, они убѣждались въ неспособности своихъ генераловъ. Они видятъ также, что молодые люди быстро возвышаются въ національной арміи, если имѣютъ дарованія, и невольно сравниваютъ съ этимъ систему фаворитизма, господствующую въ ихъ войскѣ. Если бы неаполитанское правительство не приняло предосторожности, не увезло въ Неаполь семейства своихъ офицеровъ, чтобы имѣть заложниковъ въ ихъ вѣрности, многіе офицеры перешли бы къ Гарибальди“.

Гарибальди отвѣчалъ Летици, что отбѣздъ послѣднихъ отрядовъ будетъ безопасенъ. Когда американцы, бывшіе въ Палермо, узнали, что неаполитанцы ваяли на открытомъ морѣ корабль подъ американскимъ флагомъ, они начали разсуждать въ такомъ смыслѣ, что корреспондентъ Times'a пришелъ къ слѣдующему заключенію:

„Если общественное мнѣніе Европы не вмѣшается въ это дѣло, въ Средиземномъ морѣ явятся американскіе крейсера, которые съ радостью стануть овладѣвать всѣми неаполитанскими и австрійскими кораблями“.

По свѣдѣніямъ, доходившимъ до Палермо, онъ считалъ, что около 15 іюня, кромѣ войскъ отбѣзжавшихъ изъ Палермо, остается въ Сициліи не больше 4,500 человекъ неаполитанскихъ войскъ. Изъ нихъ около 3,000 въ Мессинѣ и около 1,500 въ Сиракузахъ. Большая часть Мессинскаго гарнизона была уже переправлена тогда въ Неаполь для борьбы съ возсташими, которыхъ ждали въ Калабріи, въ Абрुццо и въ самомъ Неаполѣ.

16 іюня явился декретъ Гарибальди, распускающій отряды инсургентовъ; корреспондентъ Times'a по этому случаю дѣлаетъ общій очеркъ роли, которую они играли въ военныхъ дѣйствіяхъ.

„Изъ моихъ разсказовъ вы видѣли, что устройство этихъ squadre было рѣшительно несовмѣстно съ правильной военной организаціей. Ихъ неспособность къ правильной войнѣ достаточно доказана событіями 1848 а 1849 годовъ. По спискамъ числилось тогда въ squadre не менѣе 80,000 человекъ, которые являлись въ ряды, когда неаполитанцы были далеко, и исчезали съ приближеніемъ неприятелл. Хуже всего было, что ихъ существованіе обольщало народъ надеждою, будто бы существуетъ національная армія и не нужно никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ заботы объ увеличеніи числа ихъ. Каждый становился тогда организаторомъ отрядовъ и выдумщикомъ мундировъ; самосозданные полковники и майоры возникали сотнями. Паденіе Мессины разсѣло иллюзію. 15,000 этого войска, бывшего въ Мессинѣ, скрылось при видѣ швейцарцевъ и неаполитанцевъ: squadri торопливо разошлись по домамъ, зарыли свое оружіе и стали мирными гражданами. На защиту Мессины осталось только четыре батальона юношей, отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, которыхъ прежде презирали. Палермо ужаснулся, но было уже поздно поправлять дѣло.

„Но въ надгробной рѣчи всегда перечисляются похвальные качества умершаго, въ я скажу, что благодаря этимъ squadri поддерживалось сицилійское движеніе до прибытія Гарибальди: безъ нихъ ему не было бы случая пріѣхать въ Сицилію. Всѣ большіе прибрежные города были такъ подавлены гарнизонами, что не имѣли средствъ ничего дѣлать. Неаполитанцы каждые два или три мѣсяца дѣлали поискъ для всеобщаго обезоруженія сицилійцевъ и обыски эти производились такъ успѣшно, что оружія въ городахъ почти не оставалось. По деревнямъ не было возможности достать этого и осталось очень много ружей, несмотря на всѣ поиски. Кромѣ того, неаполитанцы

не могли занимать военными отрядами всю внутренность острова, чтобы не допустить собираться вооруженнымъ людямъ. Попытки возстаній, начавшіяся въ городахъ, заставили ихъ еще больше прежняго сосредоточиться тамъ, оставивъ на волю судьбы внутренность острова. Напрасно посылали они летучія колонны по большимъ дорогамъ: колонны шли по острову, какъ корабли идутъ по морю, вытѣсня на время воду, но не оставляя за собою никакихъ слѣдовъ: какъ только уходила колонна, за нею опять собирались squadri. Эта пустая игра вѣчно тянулась бы такъ, если бы Гарибальди съ своими волонтерами не явился покончить ее. Онъ сосредоточилъ и повелъ съ собою втихъ герильясовъ, оказавшихся очень полезными во время наступательныхъ дѣйствій. Правда, немногіе изъ нихъ держались на своемъ мѣстѣ, встрѣчаясь съ неприятелемъ въ открытомъ полѣ; но, отступая, они опять подбѣгали къ нему съ другой стороны и безпрестанно стрѣляли: потому неаполитанцамъ казалось, что они со всѣхъ сторонъ окружены легионами инсургентовъ и что инсургенты не бѣгаютъ отъ нихъ, а производятъ рассчитанныя стратегическія движенія. Въ ходѣ squadri неутомимы; они были очень пригодны для стратегіи, которой слѣдовалъ Гарибальди около Палермо, передвигаясь съ горы на гору, повсюду зажигая костры; часто спускались они съ горъ по садамъ и въ ночное время пугали неприятеля своими выстрѣлами. Самые недостатки ихъ оказывались полезными. Напримѣръ, когда они колебались, бѣгали въ разныя стороны у воротъ Палермо, число ихъ возрастало отъ того въ глазахъ неприятеля, а безпорядочная бѣготня и стрѣльба ихъ по всѣмъ извилистымъ улицамъ Палермо заставляла неаполитанцевъ думать, что атака ведется со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, зоркость и наблюдательность удивительна у этихъ „молодцовъ“: они дыкари, отъ глаза и слуха которыхъ не ускользнетъ ничто. Потому въ свое время squadri были полезны. Но теперь они были бы уже въ тягость“.

Потому Гарибальди велѣлъ имъ расходиться по домамъ. Люди, видѣвшіе безпорядочность ихъ, опасались, что они не послушаются; но нравственное вліяніе Гарибальди таково, что они разошлись смирно и теперь будутъ переформированы въ дисциплинированное войско. Squadri состояли главнымъ образомъ изъ людей отъ 30 до 40 лѣтъ,—по правиламъ военной организаціи, изданнымъ теперь, этотъ возрастъ составляетъ въ арміи второй разрядъ; отряды его предназначены только защищать каждый свою провинцію, въ случаѣ нападенія на нее. Люди отъ 17 до 30 лѣтъ, напротивъ того, должны составить первый разрядъ, или собственно дѣйствующую армію.

„Все число ихъ составитъ въ Сициліи отъ 80,000 до 90,000 человекъ. Надобно вспомнить, что на островѣ никогда не было конскрипціи. Идея о ней пугала многихъ; тѣмъ больше былъ страхъ при объявленіи, что не допускается ни для кого освобожденіе отъ службы и не позволено ставить вмѣсто себя наемщиковъ. Но всѣ возраженія остались напрасны. Если аристократы не пойдутъ въ армію, не пойдутъ и поселяне. Это былъ принципъ, отъ котораго нельзя было отступить. Но не всѣ 90,000 человекъ понадобятся вдругъ, потому призывъ на службу можно было смягчить тѣмъ, что прежде другихъ призываются къ оружію одинъ желающіе. Въ нѣсколько дней явилось 300 волонтеровъ изъ первыхъ фамилій и записались въ рядовые солдаты“.

По неаполитанской системѣ сицилійцы не допускались къ военной службѣ и потому народъ совершенно не имѣлъ людей, сколько нибудь знающихъ ее.

„Но, несмотря на всѣ затрудненія, первая дивизія составлена уже почти въ полномъ комплектѣ; за быстроту, съ какой она сформировалась, надобно благодарить полковника Турра. Она вся составила изъ волонтеровъ, которые, несмотря на свою молодость, обѣщаютъ быть отборными солдатами. Этотъ примѣръ не останется безъ вліянія на весь островъ. Каждый день приходитъ извѣстія изъ разныхъ городовъ и округовъ, что волонтеры вездѣ являются во множествѣ. Оружіе для этихъ людей на-

ходить труднѣе, тѣмъ находить санныхъ людей. Мы здѣсь въ столицѣ Сциліи, а вы не можете вообразить, какъ бѣдны мы оружіемъ“.

17 іюня, вечеромъ, прибыла въ Палермо экспедиція Медичи. Этотъ отрядъ составитъ кадръ для сицилійской арміи, снабдитъ ее унтеръ-офицерами, и корреспондентъ Times'а говоритъ: „его прибытіе увеличиваетъ наши силы по крайней мѣрѣ въ пять разъ“. 19 іюня отплыли изъ Палермо послѣдніа неаполитанскіа войска. Гарибальди разставилъ сильныа караулы изъ итальянскихъ волонтеровъ по дорогѣ отъ цитадели къ пристани, чтобы народъ не бросился на уходящаго неприятеля. Благодаря этому, а также и тому, что горожане не ждали такъ скоро этого послѣдняго акта и не успѣли взволноваться, войска ушли на суда, не будучи тревожимы народомъ. Они были совершенно деморализованы, но къ ихъ счастью народъ ограничился однимъ свистомъ имъ. Счастьемъ для неаполитанцевъ было и то, что вниманіе горожанъ отвлекли отъ нихъ освобожденные молодые люди, которые содержались въ цитадели подъ арестомъ и были освобождены при передачѣ цитадели въ руки Гарибальди. Этихъ плѣнниковъ повезли теперь по городу съ триумфомъ и столпленіе народа вокругъ нихъ было такъ велико, что процессія ѣхала изъ цитадели до главной квартиры Гарибальди пѣлыхъ три часа. Когда они пріѣхали въ главную квартиру, гдѣ ждали ихъ родственники и Гарибальди, начались обыкновенныа въ подобныхъ случаяхъ сцены, обниманія, поцѣлуи, и только уже по окончаніи всего этого главная масса горожанъ хлынула на пристань, а неаполитанцы тѣмъ временемъ уже успѣли прійти на берегъ и сѣсть въ лодки, такъ что пришедшая туда толпа могла только посылать угрозы вслѣдъ имъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

На другой день (20 іюня) первая дивизія сицилійской арміи, или какъ называется она оффиціальнымъ образомъ, первалъ бригада 15-й дивизіи національной итальянской арміи, будучи уже вполне сформирована, выступила подъ командою Турра во внутренность острова, чтобы пріучаться къ походной жизни. Она едѣла въ этотъ день довольно большой переходъ, не оставивъ за собою ни одного отсталого; корреспондентъ Times'а находить это обстоятельство свидѣтельствующимъ, что она окажется очень способною къ перенесенію военныхъ трудностей.

21 іюня были кончены перевозка волонтеровъ и припасовъ, прибывшихъ съ Медичи, съ кораблей на берегъ. Корреспондентъ Times'а говоритъ, что этотъ новый отрядъ составленъ изъ такихъ же отборныхъ бойцовъ, изъ какихъ состоялъ первый отрядъ, пріѣхавшій съ Гарибальди. Основашемъ обоихъ отрядовъ служили люди, находившіеся въ числѣ альпійскихъ стрѣлковъ, съ которыми дѣйствовалъ Гарибальди въ прошлогоднюю войну. Разумѣется, прибытіе отряда Медичи возбудило сильнѣйшій восторгъ въ Палермо.

22 іюня явилась депутація городскихъ властей благодарить Гарибальди за освобожденіе острова. Палермо рѣшилъ поставить статую своему освободителю.

„Гарибальди отвѣчалъ депутатамъ (говорить корреспондентъ Times'а) одною изъ тѣхъ увлекающихъ рѣчей, какия умѣетъ всегда произносить. Онъ напоминалъ имъ, что все еще сдѣлано, что надобно сосредоточить всѣ мысли на довершеніи начатаго дѣла. Сицилія можетъ стать свободною только какъ часть Італіи. Къ этому должны стремиться нхъ усилія; но время для присоединенія къ Сардиніи не пришло еще. Присоединеніе повело бы къ дипломатическому виѣшателству, котораго надобно избѣгать“.

Послѣдніа изъ писемъ, прочтенныхъ нами, отправлены въ Times 29 іюня и

6 іюля, уже не изъ Палермо, а изъ Аліи, небольшого городка, верстахъ въ 75-ти отъ Палермо, по дорогѣ въ Катанію и Мессину, и изъ Кальтанисетты, главнаго города Кальтанисеттской провинціи, лежащаго на половинѣ этой дороги. Въ Палермо нѣтъ ничего новаго, говоритъ корреспондентъ, и я разечиталъ, что гораздо лучше будетъ мнѣ отправиться въ походъ съ бригадою Турра, чѣмъ оставаться въ Палермо: я посмотрю, что дѣлается въ глубинѣ острова и какъ сицилійскіе солдаты пріучаются къ походной жизни. Во внутренности острова онъ нашелъ гораздо больше благосостоянія, чѣмъ въ Палермо, потому что неаполитанскія притѣсненія не могли такъ успѣшно проникать во внутренность страны, какъ подавляли всякую дѣятельность въ прибрежныхъ мѣстахъ. Повсюду встрѣчалъ онъ такой же энтузіазмъ къ національному дѣлу, какъ въ Палермо; но провинціалы, менѣе забитые, показали ему, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, способнѣе палермцевъ поддерживать своихъ освободителей серьезнымъ содѣйствіемъ, а не одними криками восторга. Сицилійскіе новобранцы, по его свидѣтельству, быстро привыкаютъ къ дисциплинѣ и становятся порядочными солдатами: онъ говоритъ, что въ Аліи, едѣлавъ три перехода изъ Палермо, они уже стали гораздо болѣе похожи на регулярное войско, чѣмъ были въ Палермо. Дальше, по чрезвычайному зною, нѣкоторые изъ солдатъ оказались утомленными, нужно было уменьшить размѣръ переходовъ и увеличить продолжительность отдыховъ; но это вовсе не противорѣчить прежнему свидѣтельству спутника ихъ о томъ, что новобранцы оказываются въ походѣ недурными солдатами: изнурительность марша была такова, что въ эти дни силы измѣнялись не имъ однимъ, а также и ветеранамъ-волонтерамъ. Въ перенесеніи всѣхъ этихъ трудностей сицилійскіе рекруты обнаружили очень порядочную энергію и способность сохранять дисциплину, что важнѣе всего.

ПОЛИТИКА.

АВГУСТЪ 1860.

Сицилійскія и неаполитанскія дѣла.

Прежде всего переведемъ продолженіе сицилійской корреспонденціи Times'a, знакомой читателямъ по двумъ предъидущимъ нашимъ обзорѣшямъ. Въ прошлый разъ мы остановились на письмѣ, отправленномъ изъ Кальтанисетты, города, лежащаго на половинѣ пути между Палермо и Мессиною. Колонна Медичи, при которой находился авторъ переводимыхъ нами писемъ, спокойно и довольно быстро прошла остальную половину пути до самой Барчеллоны, лежащей на сѣверномъ берегу Сициліи близъ укрѣпленнаго города Мелаццо, который неаполитанцы рѣшились упорно защищать. Продолжаемъ теперь нашъ переводъ.

Мелаццо, 24 іюля.

„Въ лавровомъ вѣнкѣ Гарибальди прибавился еще листъ, не уступающій прежнимъ ни по важности, ни по блеску. Бой при Мелаццо — одно изъ немногихъ сраженій, соединяющихъ въ себѣ все величіе новѣйшихъ побѣдъ съ романическими чертами геройскихъ битвъ древности.

„Я уже объяснялъ вамъ положеніе дѣлъ передъ битвою при Мелаццо. Колонна Медичи, состоявшая изъ 2,500 человекъ, дошла по сѣверному берегу Сициліи до Барчеллоны, гдѣ губернаторъ и комитетъ Мессинской провинціи основали свою резиденцію и гдѣ организовались военныя силы провинціи. Но еще занималъ непріятель въ большихъ силахъ Мессину и крѣпость Мелаццо; эта позиція могла послужить опорой неаполитанцамъ и взять ее было не легко. Большинство людей всегда находятся больше подъ вліяніемъ близкой къ нимъ обстановки, чѣмъ отдаленныхъ отъ нихъ событій. Несмотря на успѣхи Гарибальди въ остальной части острова, сила неаполитанцевъ въ восточномъ углу составляла сильный аргументъ въ глазахъ массы, боявшейся заходить слишкомъ далеко и компрометировать себя, пока не миновалась всякая опасность. Притомъ же, множество чиновиниковъ, выгнанныхъ изъ внутреннихъ частей острова, нашли себѣ убѣжище въ Мелаццо и Мессинѣ; они всячески убѣждали народъ, что очень рискованнымъ дѣломъ было бы принимать участіе въ событіяхъ, а многіе изъ нихъ товарищей, получившіе отъ диктаторскаго правительства позволеніе остаться на своихъ мѣстахъ, распространяли робость и нерѣшительность въ другихъ округахъ. Несмотря на эти обстоятельства, охлажденный энтузіазмъ и энергію, призывъ правительства, чтобы жители поступали въ волонтеры, не остался напрасенъ: сотни людей, преимущественно изъ образованныхъ сословій, отвѣчали на него. Изъ нихъ сформировали отрядъ, который по возможности снабдили оружіемъ и обмундировкою, — задача едва ли не болѣе трудная, чѣмъ найти волонтеровъ, потому что все надобно было перевозить по горамъ

изъ Катаніи,— море оставалось еще небезопасно. Горсть собранныхъ такимъ образомъ людей была усилена батальономъ, который сформировалъ полковникъ Фабрици на пути изъ Ното въ Катанію и изъ Катаніи въ Варчеллоу. Оба эти отряда вмѣстѣ простирались до 7 или 8 сотъ человѣкъ.

„Медичи, назначенный военный комендантъ Мессинской провинціи, принялъ управленіе дѣлами тотчасъ же, какъ пришелъ въ нее (12 іюля). Онъ велъ колонну и самъ ходилъ рекогносцировать мѣстность, на которой думалъ расположиться противъ Мелаццо. Неаполитанцы, узнавшіе о его приближеніи, послали противъ него колонну подъ командою полковника Боско на помощь гарнизону Мелаццо, состоявшему изъ 1-го линейнаго полка и роты артиллеріи. Несмотря на укрѣпленія цитадели и стѣны, окружающую Мелаццо, неаполитанцы полагали, что гарнизонъ этотъ не устоитъ противъ Медичи. Колонна Боско, вышедшая изъ Мессины 14 іюля, состояла изъ четырехъ стрѣлковыхъ батальоновъ, силою каждый болѣе 1,000 человѣкъ, эскадрона конныхъ егерей и изъ баттарей полевой артиллеріи. Дорога въ Мелаццо отъ самой Мессины поднимается въ гору до ла-Скалы, образующей высшую точку ея, а потомъ спускается внизъ къ сѣверному побережью. Близъ берега она обходитъ послѣдній горный отрогъ, кончающійся крутымъ спускомъ у города Джессо, который владѣетъ надъ дорогою; потому надобно было неаполитанцамъ занять его на случай неудачи. Они оставили въ немъ 4-й стрѣлковый батальонъ, приказавъ батальонному командиру съ четырьмя ротами держаться въ городѣ, а другія четыре роты разставить по горнымъ тропинкамъ, которыми сицилійцы могли бы обойти джесскую позицію. Остальная колонна продолжала путь въ Мелаццо, и пришла туда на другой день, 15 іюля.

„Медичи еще за нѣсколько дней до выхода этой колонны узналъ о намѣреніи неаполитанцевъ послать подкрѣпленіе въ Мелаццо. Это являлось плановъ и намѣреній непріятеля составляеть одну изъ большихъ выгодъ національной арміи. Мы почти безъ всякихъ стараній знаемъ все то, что неаполитанцы покупаютъ за деньги, да и то не всегда могутъ купить. Усердіе жителей увѣдомляетъ насъ о всемъ происходящемъ въ непріятельскомъ лагерѣ такъ велико, что затрудненіе для насъ только въ одномъ: разобрать, какія извѣстія важны, какія нѣтъ. Никакіе наемные лазутчики не могли бы слѣдить за всѣми малѣйшими распоряженіями неаполитанцевъ такъ зорко, какъ стойкій Аргусъ, — народъ. Въ дѣйствіяхъ подъ Мессиною даже телеграфъ, это могущественное военное пособіе, обратился противъ неаполитанцевъ. Электрическая проволока вдоль берега была разрушена народомъ, считающимъ ее за одно изъ опаснѣйшихъ вражескихъ орудій, и неаполитанцамъ осталось давать извѣстія лишь посредствомъ воздушнаго телеграфа, движенія котораго были намъ видны и понятны.

„Узнавъ о приближеніи колонны Боско, вдвое превосходившей его числомъ людей, Медичи нѣмѣлъ время выбрать позицію. Онъ сталъ въ Мери, миляхъ въ трехъ передъ Варчеллою, на мессинскомъ шоссе. Горные спуски въ этой части Сециліи такъ круты, а потоки такъ быстры и полны камней, что перегораживаютъ все пространство между горными отрогами. Рѣчка Санта-Лучія служитъ самымъ лучшимъ представителемъ характера этихъ потоковъ. Она образуетъ долину въ 200 или 300 ярдовъ (80 — 120 сажень), которая въ лѣтнее время служитъ единственнымъ путемъ къ нѣсколькимъ горнымъ проходамъ. Въ нижней части долины, близъ Мери, гдѣ холмы понижаются, обѣ стороны потока охраняются стѣнами въ нѣсколько футовъ толщины и въ 5—6 футовъ вышины, оставляющими только проходъ для шоссе, которое идетъ черезъ Мери. Ставъ тутъ, вы видите себя какъ будто среди настоящаго форта.

Медичи сталъ въ Мери, устроилъ въ домахъ, сосѣднихъ съ потокомъ, амбразуры, а промежутки стѣны, гдѣ идетъ шоссе, укрѣпилъ турами и песочными мѣшками. Сама стѣна также была приспособлена къ оборонѣ, и такимъ образомъ эта линия сдѣлалась крѣпкою позиціею. Первый отрогъ горы направо, крутой и густо поросшій лѣсомъ, былъ занятъ батальономъ, а далѣе находились крутые уступы Санта-Лучія, составлявшіе оконечность праваго фланга. Съ лѣва, стѣна, опоясывающая рѣку, идетъ на полъ-мили (¼ версты), ограждая роскошные сады, которые тянутся за Мери къ морю. Съ того мѣста, гдѣ кончается стѣна, начинается широкій прибрежный косогоръ, имѣющій нѣсколько сотъ ярдовъ протяженія. Позиція вообще была очень хороша, и единственное неудобство

составляла длиннота ея, — она имѣла въ длину едва ли меньше 3 миль (около 5 верстъ). Этому неудобству нельзя было помочь; потому что, если бы оставить не занятою Санта-Лучію, непріятель могъ бы обойти правый флангъ. Въ долиніи потока съ фронта былъ поставленъ батальонъ, а стѣна по другую сторону потока укрѣплена подобно той части, которая идетъ къ Мери. Перешедши потокъ, дорога тотчасъ же раздѣляется на двѣ вѣтви: лѣвая идетъ прямо въ Мелаццо, а правая, служащая продолженіемъ главнаго шоссе, черезъ Коріоли въ Арки, гдѣ пересѣкается съ другою дорогою, идущею изъ Мелаццо. Обѣ вѣтви идутъ между непрерывными рядами густыхъ оливковыхъ и смоковичныхъ садовъ и виноградниковъ, которые почти всѣ обнесены стѣнами. На обѣихъ этихъ вѣтвяхъ были поставлены аванпосты; передовые пикеты расположились въ разстояніи около мили ($1\frac{2}{3}$ версты) отъ потока, у Коріоли и Санъ-Шьетро.

„16-ое іюля прошло безъ стычекъ. Боско отступилъ къ Мелаццо, а Медичи былъ еще занятъ своими приговорами. Утромъ, 17-го, Медичи послалъ изъ Коріоли отрядъ для наблюденія за движеніями непріятеля. Этотъ отрядъ встрѣтился съ двумя ротами непріятельскихъ стрѣлковъ, посланными на подкрѣпленія двухъ другихъ ротъ, конвоировавшихъ обозъ муки, шедшій изъ сосѣднихъ мельницъ. Обиѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, непріятельскіе стрѣлки разсудили отказаться отъ своего намѣренія и послѣшью отступили къ Мелаццо.

„Въ 3 часа дня Медичи получилъ извѣстіе, что идетъ къ Коріоли непріятельская колонна; черезъ нѣсколько времени его авангардъ въ Коріоли дѣйствительно былъ атакованъ. Неаполитанцы старались овладѣть деревнею и успѣли пробиться до середины ея, но скоро были выбиты оттуда атакою въ штыки. Послѣ того стычка обратилась въ перестрѣлку отдѣльныхъ людей: неаполитанцы не возобновляли попытки овладѣть деревнею, а наши имѣли приказаніе ограничиваться ея обороною. Это приказаніе было дано потому, что Медичи зналъ, что нападеніе на Коріоли — фальшивая атака, а главныя силы непріятеля будутъ направлены на Санта-Лучію, чтобы овладѣвъ ею обойти насъ съ праваго фланга. Нападеніе на Санта-Лучію произвели три батальона съ полубатареею артиллеріи, подъ командою самого Боско. Колонна эта шла вверхъ по ручью Санъ-Ночито, текущему параллельно съ рѣчкою Санта-Лучіею, съ другой стороны горнаго отрога, на которомъ стоитъ деревня Санта-Лучія. Непріятель обнаруживалъ только часть тѣхъ силъ, которыя были у него, какъ знаетъ Медичи; потому осторожность не дозволяла уводить своихъ силъ съ одного фланга на подкрѣпленіе другаго. Такимъ образомъ, одинъ батальонъ, имѣвшій всего 500 человекъ, долженъ былъ выдержать нападеніе колонны Боско; онъ отразилъ его, не требуя подкрѣпленій. И тутъ, какъ въ прежнихъ сраженіяхъ, побѣда была рѣшена штыкомъ. Надѣясь на свое численное превосходство, неаполитанцы нѣсколько разъ пытались взойти на гору, и несмотря на меткій огонь эфилдскихъ штуцеровъ, которыми вооружены батальоны Медичи, шли впередъ, пока наши снова бросались на нихъ въ штыки, — тогда они опять теряли пріобрѣтенныя выгоды. Бой длился до самаго вечера. Потеря въ людяхъ съ нашей стороны была ничтожна; вѣроятно, не многими значительнѣе была она и со стороны непріятеля. Но если потеря въ людяхъ у неаполитанцевъ была невелика, то много потеряли они своей самоувѣренности отъ этой неудачи. Они вышли съ мыслью раздавить колонну Медичи; Боско хвалился, что загонитъ его волонтеровъ въ нору, разрушитъ Барчеллону, главную квартиру революціи въ Мессинской области, но не могъ отгѣснить и одного нашего батальона. Отношенія теперь измѣнились. Бросивъ мысль осуществить свою похвальбу, онъ сталъ думать уже только о томъ, чтобы удержаться въ своей позиціи. Телеграфъ показалъ намъ это; Медичи на слѣдующій день узналъ, что Боско посылаетъ въ Мессину просить о послѣшней помощи, говоря, что иначе его отступление будетъ опасно. Генералъ Клари, мессинскій комендантъ, отвѣчалъ, что не можетъ послать ему помощи самъ находясь въ опасности отъ другой сицилійской колонны, шедшей изъ Катавіи, что онъ можетъ только послать еще одинъ стрѣлковый батальонъ въ Джессо, а первомъ батальону приказать идти на подкрѣпленіе Боско. Это было исполнено на другой день

„Мы также увеличивали свои силы, не теряя времени. 18 числа прибылъ генералъ Козенцъ съ своимъ авангардомъ, состоявшимъ изъ батальона ветерановъ Верхне

Италіи. Они поѣхали на двухъ небольшихъ пароходахъ, взятыхъ у неаполитанцевъ, высадились на берегъ у Патти, а оттуда шли сухимъ путемъ.

„Гарибальди, узнавъ по телеграфу о положеніи дѣлъ, принялъ одно изъ тѣхъ внушаемыхъ вдохновеніемъ внезапныхъ рѣшеній, которыя лучше всего показываютъ, что онъ превосходный полководецъ. Онъ увидѣлъ, что предотвѣщается случай нанести рѣшительный ударъ, и нѣсколькихъ часовъ было ему довольно, чтобы составить, развить и исполнить свои планы. Передавъ начальнику своего штаба, генералу Сиртори, полную власть съ титуломъ продиктатора, онъ собралъ какъ можно больше войска, посадилъ ихъ на нанятый имъ британскій пароходъ City of Aberdeen, сѣлъ на него съ своимъ штабомъ, и на слѣдующее утро, 19 іюля, съ подкрѣпленіемъ въ 1,200 человекъ былъ уже въ Патти и оттуда шель къ Мери.

„Благодаря этому своевременному подкрѣпленію, а въ особенности личному присутствію Гарибальди, военныя дѣйствія пошли гораздо быстрее и получили совершенно иной характеръ. Едва ли бывалъ когда генералъ, столь смѣлый въ инициативѣ, какъ Гарибальди; это составляетъ его главную силу и дѣлаетъ его столь страшнымъ противникомъ. Свои рѣшенія онъ принимаетъ, можно сказать, мгновенно, а разъ принявъ рѣшеніе, онъ сосредоточиваетъ всю свою энергію на его осуществленіи. Смотри на него, вы видите, что онъ весь живетъ одною идеею. Теперь особенно казалось, будто онъ, избавившись отъ политическихъ дѣятелей Палермо, съ новымъ блескомъ обнаружилъ свой изумительный даръ. Ни минуты не было потеряно, когда онъ распоряжался, чтобы приготовить общую атаку на слѣдующій день. Только желѣзный организмъ Гарибальди могъ выдержать дѣятельность, которая была ему нужна для этого. Онъ обходится въ такія времена почти безъ сна, почти безъ пищи, и при своей неутомимости успѣваетъ видѣться со всѣми, выслушать каждого, сдѣлать все, сообщить свою дѣятельность всѣмъ окружающимъ его.

„Подѣзжая моремъ къ Мелаццо, вы еще вдалекѣ отъ берега встрѣчаете одинокую скалу, подобную Гибралтарской. На ней стоитъ цитадель города Мелаццо, занимающая половину квадратной мили (нѣсколько болѣе квадратной версты); отъ стѣнъ со всѣхъ сторонъ скала спускается крутизнами. У подошвы ея, со стороны противоположной морю, лежитъ городъ, занимающій такое же пространство и окруженный толстою стѣною. Городъ и цитадель соединяются съ островомъ Сицилію узкою косою; съ морской стороны цитадели эта низменная коса тянется еще на нѣсколько миль, спускаясь къ своему концу, гдѣ стоитъ маякъ. Весь этотъ полуостровъ очевидно образованъ осадкомъ ила потоковъ Свята-Лучія и Ночито, впадающихъ въ море одинъ съ одной, другой съ другой стороны его. Заливъ, образуемый полуостровомъ, составляетъ одну изъ лучшихъ естественныхъ гаваней Сициліи. По этому и по военнымъ соображеніямъ, неаполитанцы сдѣлали Мелаццо какъ будто центромъ дорогъ, ведущихъ съ запада и изъ глубины острова къ Мессинѣ. Одна дорога идетъ вдоль по берегу налѣво отъ Мери; потомъ идетъ прямая дорога изъ Мери въ Мелаццо, составляющая съ первою угѣлъ въ 25° и соединяющаяся съ нею подъ самымъ городомъ Мелаццо. Далѣе слѣдуетъ мессинское шоссе, идущее въ Арки параллельно съ прибрежною дорогою; наконецъ, есть еще дорога, ведущая отъ воротъ Мелаццо на это шоссе и выходящая на него. Эти дороги составляютъ три стороны параллелограмма, а рѣчка Свята-Лучія четвертую сторону его. Прямая дорога изъ Мери въ Мелаццо (идущая съ юга на сѣверъ) пересѣкаетъ этотъ параллелограммъ, длина котораго около 4, а ширина около 2½ миль (около 7 и 4 вер.). Эти главные дороги связаны между собою нѣсколькими проселочными дорогами, которыя всѣ имѣютъ общее направленіе къ Мелаццо.

„Эта мѣстность стала театромъ боя. То, что всѣ дороги сходятся въ Мелаццо, давало неаполитанцамъ преимущество центральной позиціи, которымъ они хорошо воспользовались. Это преимущество очень увеличивалось характеромъ мѣстности: она покрыта роскошнѣйшею растительностью, составляющею, можно сказать, одинъ рядъ садовъ, засажена оливковыми и другими фруктовыми деревьями, виноградными лозами, и въ особенности тростникомъ, который служитъ здѣсь подпорками для винограда. Сады эти, особенно тѣ, въ которыхъ есть тростникъ, очень густы, такъ что почти невозможно въ нихъ ни производить связанныхъ движеній, ни видѣть движеній непріятели. Подъ ихъ

густымъ прикрытіемъ, неаполитанцы заняли позицію въ разстояніи около мили отъ города Мелаццо; линия ихъ позицій захватывала всё дороги, а сильнѣе всего занимали они пункты, въ которыхъ мерійское шоссе пересѣкается съ мессинскимъ. Въ этихъ пунктахъ они поставили пушки, сдѣлали амбразуры въ садовыхъ стѣнахъ и расположили своихъ стрѣлковъ въ садахъ, дававшихъ имъ превосходное прикрытіе.

„Съ нашей стороны распоряженія были таковы. На лѣвомъ флангѣ по прибрежной дорогѣ должны были идти прямо на городъ Мелаццо два батальона тосканцевъ и одинъ батальонъ палермскихъ рекрутъ, подъ командою полковника Маланкини. Въ центрѣ, по прямой дорогѣ изъ Мери, направленъ былъ подъ командою Медичи первый полкъ его отряда; полкъ этотъ, весь состоявшій изъ ветерановъ (отчасти ломбардцевъ), имѣлъ четыре батальона; одинъ батальонъ 2 го полка долженъ былъ идти по мессинскому шоссе изъ Коріола; на пути къ нему долженъ былъ присоединиться батальонъ изъ Саята-Лучи. Это правое крыло должно было соедиться съ центромъ по боковой дорогѣ, самой ближайшей къ Мелаццо, и потомъ вмѣстѣ идти на городъ. Отрядъ свецлійцевъ, подъ командою полковника Фабриццъ, долженъ былъ стать на крайнемъ правомъ флангѣ у Арелеса, чтобы отражать войска, которыя могли бы пойти изъ Джессо на помощь неаполитанцамъ въ Мелаццо. Войска, прибывшія съ Гарибальди, и войска, пришедшія съ Козенцовъ, составляли вторую лишю и резервъ.

„Колонны двинулись на разсвѣтѣ, и въ 6 часовъ утра послышались первые выстрѣлы на лѣвомъ флангѣ. Открытый косогоръ былъ самымъ выгоднѣйшимъ мѣстомъ для дѣйствія неаполитанской артиллеріи, и пока колонна лѣваго фланга, не имѣвшая артиллеріи, выдерживала эту неровную борьбу, центръ также подошелъ къ неприятелю. Вросивъ узкую дорогу, съ обѣихъ сторонъ опоясанную стѣнами садовъ, солдаты перелѣзли черезъ эти стѣны, чтобы по садамъ броситься съ обѣихъ сторонъ на неприятеля, аванпосты котораго находились въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ домахъ близъ деревни, гдѣ первая боковая дорога выходитъ на мерійское шоссе. Войска второй экспедиціи, желавшія вознаграждать себя за поздній приѣздъ и сравняться съ товарищами, побѣдившими при Калата-Фини и взявшими Палермо, скоро прогнали аванпосты изъ отдѣльныхъ домовъ. Но были нужны большія усилія, чтобы прогнать неприятеля изъ садовъ, находившихся за этими домами. Невидимый для глазъ, онъ съ убійственною мѣткостью стрѣлялъ по нашимъ наступающимъ войскамъ, и наносилъ имъ большой уронъ, самъ оставаясь безопасенъ. Густота садовъ такова, что во многихъ мѣстахъ не былъ виденъ даже дымъ выстрѣловъ; сражаться противъ неувидимаго врага было чрезвычайнымъ подвигомъ. Невозможны были никакія общія распоряженія и движенія, потому что не только одна рота не могла видѣть другую, — солдаты одной роты не видѣли другъ друга. Шоссе, которое сначала сочтено было самымъ труднымъ путемъ, оказалось путемъ болѣе легкимъ, потому что на немъ по крайней мѣрѣ было можно видѣть неприятеля и его движенія. Единственная возможная въ такой мѣстности тактика была та, чтобы пробиться впередъ по дорогѣ и взять во флангъ и въ тылъ опаснѣйшіе пункты, прикрытые тростникомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ смѣло броситься черезъ эти прикрытыя мѣста, не смотря ни на какія потери, чтобы взять въ тылъ неприятельскую позицію на шоссе. Число резерва было очень уменьшено тяжелыми потерями, необходимыми у наступающаго въ такой неравной борьбѣ, и необходимою послать отряды для предотвращенія фланговыхъ атакъ, которыя легко могъ исполнить невидимый неприятель.

„Все это движеніе совершалось подъ прямую командою Медичи; но Гарибальди, разумѣется, былъ душою сраженія, постоянно являясь на опаснѣйшихъ пунктахъ и по своему обыкновешію не щадя себя. Онъ находился въ центрѣ, медленно подвигавшемся впередъ по труднымъ мѣстамъ, когда получено было извѣстіе, что лѣвое крыло, будучи не въ силахъ держаться противъ многочисленнаго неприятеля, отступаетъ, подвергая всю линію опасности быть обойденною съ этой стороны. Взявъ послѣдній оставшійся резервъ, батальонъ, состоявшій изъ сѣверныхъ итальянцевъ и палермцевъ, подъ командою подполковника Дѣна (англичанина) и другихъ англійскихъ офицеровъ, онъ двинулся на лѣвый флангъ остановить неаполитанцевъ. Его присутствія и усилія офицеровъ придали твердость молодымъ солдатамъ, которые отразили атаку и бросились

ва непріятельскія пушки, обстрѣливавшія дорогу. Отважнымъ порывомъ они добѣжали до нихъ. Англійскій матросъ, незадолго передъ тѣмъ, въ Патти, поступившій въ волонтеры, первый перепрыгнулъ стѣну, за которою стояла одна изъ пушекъ, и черезъ нѣсколько секундъ орудіе было взято. Его повезли съ триумфомъ къ нашимъ рядамъ. Въ ту самую минуту, когда оно скрылось за извиною дороги, раздался крикъ: „кавалерія! кавалерія!“ Войска смутились. Напрасны были усилія Гарибальди и офицеровъ перевозмочь испугъ этихъ молодыхъ солдатъ: они тѣснились къ стѣнѣ съ одной стороны дороги и прыгали черезъ ровъ съ другой стороны. Такимъ образомъ, очистилась дорога нѣсколькими смѣлымъ коннымъ егерямъ, которые съ своимъ ротмистромъ бросились черезъ этотъ промежутокъ на нашу лицію, чтобы отнять назадъ пушку. Гарибальди едва имѣлъ время отсторовиться, когда всадники пронеслись мимо него, рубя направо в лѣво. Но исторія съ ними скоро кончилась: оправившись отъ перваго испуга, пѣхота тотчасъ же перебила почти всѣхъ ихъ. Ротмистръ, сержантъ и одинъ изъ рядовыхъ пытались и успѣли бы ускокаты, если бы не личная храбрость Гарибальди. Онъ вышелъ на средину дороги, выхватилъ саблю (револьверы его остались въ сѣдельныхъ карманахъ, когда онъ слѣзъ съ лошади) и остановилъ ротмистра. Подлѣ него былъ тогда только одинъ капитанъ Миссури, также сошедшій съ лошади, но имѣвшій револьверъ. Первымъ своимъ выстрѣломъ Миссури ранилъ лошадь ротмистра, она поднялась на дыбы, Гарибальди схватилъ ее за поводъ, чтобы взять въ плѣнъ ротмистра. Но на требованіе сдаться, ротмистръ отвѣчалъ ударомъ сабли по Гарибальди; Гарибальди отпарировалъ ударъ, и самъ нанесъ ударъ, которымъ разрубилъ голову ротмистра; неаполитанецъ упалъ мертвый къ его ногамъ. Пока Гарибальди выдерживалъ этотъ поединокъ, капитанъ Миссури застрѣлилъ сержанта, сѣвшившаго на помощь ротмистру, и схватилъ рядоваго, лошадь котораго была убита; неаполитанецъ сталъ обороняться, и Миссури убилъ его другимъ выстрѣломъ изъ револьвера.

„Этотъ блестящій эпизодъ сильно содѣйствовалъ ободренію войскъ лѣваго фланга, и они скоро поровнялись съ лишею, по которой двигался центръ. Но труднѣйшая часть боя еще оставалась впереди. Несмотря на зной дня, несмотря на то, что ничего не ѣли съ утра, итальянскіе волонтеры шли впередъ шагъ за шагомъ, тѣсня непріятеля къ перешейку полуострова. Тутъ, на пересѣченіи двухъ дорогъ, была настоящая оборонительная позиція неаполитанцевъ. Они заранѣе пріготовили мѣстность къ оборонѣ, выбрали мѣста для пушекъ, сдѣлали амбразуры въ садовыхъ стѣнахъ, построили баррикаду для защиты подступа. Этотъ пунктъ сталъ мѣстомъ упорнаго рукопашнаго боя, длившагося нѣсколько часовъ и стоившаго намъ многихъ храбрыхъ товарищей, въ числѣ которыхъ былъ убитъ майоръ Мильявакка. Генералъ Козенцъ былъ раненъ въ шею картечною пулею, а подъ Медичи была убита лошадь.

„Чтобы выбить непріятеля изъ позиціи, послали роту генуэзскихъ стрѣлковъ обойти его съ лѣваго фланга по густымъ садамъ. Тростникъ былъ такъ частъ, что съ трудомъ они могли проходить по немъ, человекъ за человекомъ, а между тѣмъ весь онъ былъ наполненъ неаполитанскими стрѣлками. Генуэзцы съ бѣшенствомъ бросались отыскивать невидимаго непріятеля, и многіе изъ этой горсти храбрецовъ падали, не найдши противника. Поднялся общій крикъ: „пойдемъ въ атаку“; капитанъ старался остановить ихъ, напрасно. Рота стремительно прорвалась черезъ тростникъ и увидѣла себя передъ стѣною съ амбразурами, изъ которыхъ встрѣталъ ее залпъ. Не колеблясь, генуэзцы пошли вдоль стѣны къ пролomu, виднѣвшемуся въ нѣкоторомъ разстояніи: тутъ надѣялись они найти наконецъ возможность схватиться съ непріателемъ. Но непріятель, по обыкновенію, не сталъ ждать лтыковаго боя, и нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ вслѣдъ ему были для генуэзцевъ единственнымъ удовлетвореніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что они взяли позицію на перекресткѣ дорогъ. Изъ 85 человекъ, бывшихъ въ ротѣ, осталось 32. Кромѣ этого движенія на лѣвомъ крылѣ, побѣда была рѣшена наступленіемъ праваго крыла. Когда неаполитанцевъ сбили съ позиціи на перекресткѣ дорогъ, подвигаться нашимъ впередъ стало уже гораздо легче, хотя непріятель продолжалъ сопротивленіе. За мостомъ, ведущимъ на перешеекъ, есть открытое пространство въ нѣсколько сотъ ярдовъ, примыкающее правымъ бокомъ къ морю, а лѣвымъ къ садамъ. За этимъ пространствомъ находятся рядъ домовъ, который тянется до самыхъ воротъ

города. Тутъ неаполитанцы сдѣлали послѣднее усиліе остановить нашихъ. Они заняли доны, засѣли за большими лодками, лежавшими на берегу, и при помощи своей полевой артиллеріи и пушекъ цитадели нѣсколько времени задерживали насъ. Но скоро рѣшимость была отнята у нихъ наступлешемъ нашей колонны слѣва черезъ сады и прибытиемъ пароваго фрегата Tuscori (который прежде назывался Veloce). Гарибальди, увидѣвъ, что приближается Tuscori, поспѣшилъ на берегъ, сѣлъ въ лодку и пріѣхалъ на пароходъ, гдѣ его присутствіе одушевило всѣхъ. Нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ съ фрегата, первые выстрѣлы колонны, наступавшей слѣва, и атака въ штыки съ фронта,— все это сбilo неаполитанцевъ съ ихъ послѣдней позиціи; они искали спасенія въ цитадели, бросивъ двѣ пушки; съ прежними тремя, это составило пять пушекъ, отбитыхъ нами.

„Неаполитанцы поспѣшно отступили къ цитадели, даже не пытаясь защищать города. Напасть на цитадель было трудно. Былъ уже вечеръ. Бой длился болѣе 14 часовъ, среди зноянаго дня. Городъ мы нашли почти пустынь. Всѣ дома были заперты; жители ушли уже прежде, или скрылись вмѣстѣ съ войсками въ цитадель. Мелаццо менѣе всѣхъ сицилійскихъ городовъ имѣетъ національнаго духа и патріотизма: населеніе въ немъ жило исключительно на счетъ гарнизона и чиновниковъ, потому интересы горожанъ были на сторонѣ неаполитанцевъ; даже теперь, когда всякая опасность миновалась, немногіе возвратились. Всѣ лавки еще заперты, и все надобно привозить изъ Барчеллоны или другихъ сосѣднихъ мѣстъ.

„По характеру боя вы можете судить о нашихъ потеряхъ. Всѣ наши силы простирались до 5,000 человекъ; изъ нихъ 750 убито или ранено. Потерю неаполитанцевъ опредѣлить невозможно, но едва ли они потеряли больше, тѣмъ одну треть того числа, какого лишились мы. Число убитыхъ у насъ непропорціонально мало сравнительно съ числомъ раненыхъ; это странно, потому что калибръ неаполитанскихъ ружей очень великъ,—самый большой изъ всѣхъ видѣнныхъ мною. Только тѣ раненые, которыхъ нельзя было перевезти въ другія мѣста, положены въ госпиталяхъ Мелаццо. Остальные перевезены въ Барчеллону и сосѣднія деревни. Всѣ церкви обращены въ госпитали; кромѣ того, взяты подъ госпитали гостиницы и нѣкоторыя частныя дома. Здѣшніе медики очень усердно заботятся о раненыхъ; но остальные горожане—дурные патріоты. У меня еще живо въ памяти усердіе, оказанное жителями Бреши въ прошломъ году, когда они послѣ сольферинской битвы валерерывъ другъ предъ другомъ брали со своихъ домамъ 18,000 раненыхъ, изъ которыхъ только для 6,000 нашлись кровати при арміи: не было дома, въ которомъ не лежали бы раненые; жители спали на голой землѣ, отдавъ свои кровати и постели пострадавшимъ за нихъ. Здѣсь ничего не дѣлали жители по собственному побужденію. Никто не предлагалъ своего дома, и раненые лежатъ на соломѣ, почти не имѣя прикрытія.

„Въ тотъ же день были сдѣланы всѣ нужныя распоряженія, чтобы ускорить движеніе колонны къ Мессинѣ. Сицилійскіе волонтеры изъ Мессины, Катаніи и Ното, подъ командою полковника Фабрици и Ивдерукко, получили приказаше идти на Джессо, по горной дорогѣ, а 1 и 2-я бригады 15 дивизіи—спѣшить къ Мессинѣ по каталійской дорогѣ. Авангардъ 2-й бригады уже занималъ Таоршину, считаемою термопилами Сициліи, на восточномъ берегу. 1-я бригада была на дорогѣ изъ Ното въ Катанію.

„Гарнизону, запертому въ цитадели Мелаццо, предложено было уйти, оставивъ побѣдителямъ пушки, лошадей и всѣ военные припасы. Онъ не согласился, и потому надобно было подумать о средствахъ покорить цитадель. Приказано было снимать пушки съ Tuscori и отправлено въ Палермо по телеграфу приказаніе прислать свѣжія подкрѣпленія и нѣсколько тяжелыхъ орудій изъ находящихся тамъ.

„22-го сѣбло вошелъ въ гавань „Архимедъ“, подъ градомъ дурно направленныхъ противъ него выстрѣловъ, пѣзъ которыхъ ни одинъ не попалъ въ него. Этотъ пароходъ привезъ нѣсколько сицилійскихъ батальоновъ и нѣсколько пушекъ, выгрузился и т другой день опять ушелъ.

„Между тѣмъ какъ мы готовили все нужное для нападенія на цитадель, если онъ не покорится, по телеграфическимъ сигналамъ, которыми она обмѣнивалась съ Мессиною, было шдно, что гарнизонъ цитадели паходилъ съ каждою минутою менѣе возмо

ности сопротивляться. Изъ Мессины отвѣчали ему, что комендантъ послалъ въ Неаполь просить разрѣшенія сдать цитадель.

„Нынѣ утромъ показали четыре неаполитанскіе фрегата, и полковникъ генеральнаго штаба Анцано пріѣхалъ съ полномочіемъ заключить капитуляцію. Надѣясь на присутствіе фрегативъ, онъ сначала заговорилъ высокииъ тономъ, думалъ, что ему удастся получить для гарнизона цитадели такія же выгодныя условія, какія даны были неаполитанцамъ въ Палермо; но скоро онъ увидѣлъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Гарибальди объявилъ свои условія и сказалъ, что весь неаполитанскій флотъ не заставитъ его измѣнить ихъ. Онъ предлагалъ гарнизону то же самое, что предлагалъ до появления фрегативъ,—ни больше, ни меньше. Полковникъ Анцано, видя его непоколебимость, согласился на его условія“.

26 іюля.

„Вчера началось и къ вечеру было кончено очищеніе цитадели Мелаццо. Однимъ изъ первыхъ уѣхалъ полковникъ Боско, котораго проводили свистомъ,—единственною наградою за всѣ его труды. Онъ хвалился, что взялъ лошадь Медичи; за то теперь былъ принужденъ оставить намъ свою лошадь, которая гораздо лучше довольно плохой лошади Медичи. Раненые были перенесены черезъ городъ на берегъ и положены на корабли. Эта переноска дала случай дезертировать всѣмъ, кто хотѣлъ. Особенно многіе воспользовались этимъ удобствомъ изъ числа артиллеристовъ. Между прочимъ, перешелъ къ намъ цѣлый взводъ съ оружіемъ и всѣми походными принадлежностями.

„Неаполитанцы удаляясь поступили по своему обыкновению. Они заклепали 18 пушекъ изъ числа оставляемыхъ въ цитадели и подложили электрическую проволоку, чтобы взорвать пороховой нагазвнъ, очень ловко прикрывъ ее снѣгомъ и соломою, подъ которыми были бомбовыя трубки. Кругомъ они насыпали пороху, для облегчшя взрыва. Но этотъ порохъ былъ случайно замѣченъ однимъ изъ солдатъ, и дѣло раскрылось. Неаполитанцы стали извиняться, сваливать вину на случай и на небрежность своихъ солдатъ. О заклепанныхъ пушкахъ они объясняли, что заклепали только тѣ, которые могли бы стрѣлять по ихъ кораблямъ и потревожить ихъ отходъ. Это извиненіе было точно также лживо: восемь изъ заклепанныхъ пушекъ были обращены не къ морю, а въ противоположную сторону.

„Матеріальныя трофеи побѣды при Мелаццо были 50 пушекъ, 139 лошадей и 100,000 патроновъ. Но это лишь незначительная часть результатовъ, сию доставленныхъ: она вѣроятно отпереть намъ ворота Мессины. Она для Мессины то же, что была побѣда при Калата-Фими для Палермо. Она снова доказала превосходство итальянскихъ волонтеровъ надъ неаполитанцами, какой бы перевѣсъ ни давала неприятелю мѣстность и артиллерія. Числительная непропорціональность была не такъ велика, какъ при Калата-Фими, но выгодность позиціи и преимущество, даваемое артиллеріею, были при Мелаццо у неаполитанцевъ еще значительнѣе, чѣмъ при Калата-Фими. Они послали въ Сицилію цвѣтъ своей арміи, и при Мелаццо были у нихъ всѣ волонтеры, вызвавшіеся ѣхать въ Сицилію. Командовалъ ими человекъ, который, не знаю заслуженно или незаслуженно, пользуется оамою высокою репутациею изъ всѣхъ ихъ начальниковъ. Всѣ эти преимущества были уничтожены однимъ днемъ. Могутъ ли они послѣ этого держаться?

„Въ самомъ дѣлѣ, еще вчера телеграфъ, идущій по Мессинскому берегу, сообщалъ о сильномъ движеніи париходовъ между Мессиною и Реджіо и о томъ, что неаполитанцы отвозить на нихъ изъ Сициліи всю свою кавалерію и часть артиллеріи. Они должны спѣшить, потому что Гарибальди не станетъ терять времени. Мессинскіе форты не могутъ помѣщать болѣе пяти или шести тысячъ человекъ, а неаполитанцевъ въ Мессинѣ тысячъ пятнадцать или больше, не считая тѣхъ, которые выходятъ изъ Мелаццо.

„Вчера авангардъ Медичи дошелъ уже до Спадафоры; нынѣ утромъ онъ занялъ Джессо, а самъ Медичи сталъ въ Спадафорѣ. Завтра наши войска пойдутъ брать высоты, окружающія Мессину. Бели неаполитанцы отступятъ и очистить городъ, мы займемъ

его; а если они не отступят добровольно, они будут атакованы и прогнаны соединенными усилиями коловнъ, идущихъ съ запада и приближающихся по восточному берегу. Но въ новой битвѣ едва ли будетъ надобность“.

Мессина, 29 іюля.

„Вотъ я возвратился въ городъ, изъ котораго выѣхалъ ровно два мѣсяца тому назадъ. Какими важными не для одной Сициліи, но и для всей Италіи событіями были наполнены эти мѣсяцы! Когда я выѣзжалъ изъ Мессины, вся Европа нетерпѣливо слѣдила за первыми шагами малочисленныхъ смѣльчаковъ, пріѣхавшихъ освободить Сицилію отъ Неаполя и отъ внутренняго разстройства, а теперь это дѣло почти уже кончено.“

„Битва при Мелатто отперла намъ ворота Мессины, какъ и можно было предвидѣть. Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ вамъ, что утромъ 27 числа Медичи должны были занять высоты, окружающія Мессину. За два дня передъ тѣмъ неаполитанцы вышли изъ Джессо, но еще сутки держались на пунктѣ, гдѣ дорога переходитъ черезъ самую вершину горы; потому и нельзя было знать, очистятъ ли они городъ или станутъ защищать господствующія надъ нимъ горы.“

„Это было рѣшено слѣдующимъ днемъ, или, лучше сказать, слѣдующею ночью: по утру авангардъ Медичи, взошедши на вершины, увидѣлъ, что не только онѣ, но и самый городъ, оставлены неаполитанцами, отступившими въ порты.“

„Отступление неаполитанцевъ и вступление побѣдителей произвели въ Мессинѣ важную перемену. Чувства, подавлявшіяся въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ, обнаружались теперь съ энергіею, гъ какой способны только жители юга. Въ самомъ дѣлѣ, когда вся Сицилія уже свободно дышала, говорила, радовалась, этотъ бѣдный городъ все еще оставался подъ властію сильнаго гарнизона и подъ жерлами сотенъ пушекъ, покинутый большею частью своихъ жителей; торговая и общественная жизнь замерла въ немъ и онъ трепеталъ за свое существованіе.“

„Въ половинѣ третьяго Гарибальди, узнавъ о вступленіи Медичи, пріѣхалъ въ Мессину. Я не нахожу словъ для описанія торжества, съ какимъ онъ былъ встрѣченъ.“

„Въ тотъ же самый день начались переговоры объ очищеніи вгѣхъ пунктовъ, за исключеніемъ фортовъ, стоящихъ въ гавани; вчера эти переговоры кончились. Неаполитанцы должны очистить два форта, стоящіе на высотахъ надъ городомъ, и оставить побѣдителямъ всѣ военныя принадлежности и запасы. Неаполитанскіе офицеры и солдаты должны имѣть свободный входъ въ городъ и могутъ покупать въ немъ провіантъ. Пятадель не должна стрѣлять, пока не будетъ нападенія на вѣс.“

„Когда эта конвенція была подписана Медичи и генераломъ Клари, французскіе, англійскіе и сардинскіе корабли возвратились въ гавань, которая была очищена отъ нихъ на случай бомбардированія. Жители, успокоившись за будущее, возвращаются, и улицы, которыя два мѣсяца тому назадъ оставилъ я мертвыми, наполняются шумными толпами.“

Мессина, 30 іюля.

„Совершился второй фазисъ быстро идущей войны за итальянское единство и независимость. Даже мнѣ, бывшему на мѣстѣ и раздѣлявшему всѣ надежды на успѣхъ національнаго дѣла и на способности Гарибальди, кажется иногда, что я вижу все это во снѣ,—такъ удивителенъ ходъ этого народнаго возрожденія. Его можно сравнить только съ ростомъ алоэ, которое долгіе годы прозябаетъ, не возвышаясь надъ землею, и вдругъ изъ его разстилающихся по землѣ листьевъ поднимается высокое мощное дерево, въ одну ночь разцвѣтающее и далеко кругомъ наполняющее воздухъ своимъ благоуханіемъ.“

„Когда корабль за кораблемъ скрывались за цаффаранскимъ мысомъ, увозя изъ Палермо неаполитанскихъ солдатъ и военные припасы, люди самые полные вѣры думали съ боязнью о новой борьбѣ, которая ждетъ ихъ подъ Мессиною. Непріятель встрѣтитъ

нашь не на крутыхъ, но открытыхъ вершинахъ Калата-Фини, не въ узкихъ улицахъ Палермо, а подъ сотнею пушекъ крѣпости, снабженной еялвнынъ гарнизономъ и обильными запасами. Единственный человекъ, улыбавшійся надъ нашими опасениями, былъ Гарибальди. „Пусть они идутъ куда хотятъ. Если мы снова встрѣтимъ ихъ въ Сицили, тѣмъ лучше: намъ будетъ ближе управиться съ ними“. Этими словами онъ отвѣчалъ на весь нашъ ропотъ противъ его великодушія и сопровождалъ ихъ своею улыбкою, которая увлекаетъ даже его непріятелей. Не прошло съ той поры двухъ мѣсяцевъ, и страшная Мессинская крѣпость смотритъ на наши легіоны въ мрачномъ отчаяніи, пѣмая и мертвая; ея амбразуры опустѣли и не внушаютъ страха даже самымъ робкимъ изъ жителей, постепенно возвращающихся въ городъ. Цитадель вта кажется совершенно пустою, и можно было бы подумать, что ни одного неаполитанца не осталось въ ней, еелибы не тѣснились обозы съ приморской стороны ея, если бы не шла въ гавани торопливая нагрузка неаполитанскихъ пароходовъ вещами и войсками. Иллюзія усиливается тѣмъ, что неаполитанцы приняли трехцвѣтный флагъ. Вы видите ихъ пароходы, знакомые вамъ по бомбардированію Палермо, но не видите на нихъ бѣлаго Бурбонскаго флага. Они дружелюбно стоятъ подлѣ „Сивиллы“, „Декарта“ и „Виктора-Эммануэля“, подъ одинаковымъ съ ними флагомъ, какъ будто уже осуществилось пылкое нетерпѣливое желаніе, какъ будто южная Италиа уже соединилась съ сѣверной.

„А за недѣлю, или даже меньше, положеше вещей было совершенно иное и казалась близка не такая развязка. Не дальше какъ 23 іюля мессинскій комендантъ, генералъ Кларн, посылалъ по всѣмъ консуламъ требованіе, чтобы иностранные военные и купеческіе корабли ушли изъ гавани, взявъ своихъ соотечественниковъ, потому что можетъ встрѣтиться необходимость употребить крайнія мѣры противъ города, въ случаѣ возстанія или приближенія Гарибальди. Это было въ понедѣльникъ; консулы сообщили объ этомъ приказаніи въ Неаполь представителямъ своихъ державъ. На другой день изъ Неаполя пришло формальное приказаніе отказаться отъ мысли о бомбардировкѣ, очистить городъ и, если понадобится, очистить всѣ форты. Въмѣстѣ съ приказаніемъ пришелъ строгій выговоръ генералу Кларн за то, что онъ ввелъ въ непріятность неаполитанское правительство; британскій министръ въ Неаполѣ, мистеръ Эллиотъ, сдѣлалъ энергическія представленія, тяжелыя для неаполитанскаго правительства. Самъ генералъ Кларн разгласилъ объ этомъ, жалуясь на людей, которымъ приписывалъ полученный имъ выговоръ Дѣйствительно, неаполитанскіе командиры находятся въ положеніи очень незавидномъ. Отъ нихъ требуютъ, чтобы они противились движешію, а между тѣмъ запрещаютъ имъ употреблять средства, которыя они привыкли считать единственными пригодными для этого дѣла. Они приучены считать бомбардированіе единственнымъ средствомъ противъ революціи, а теперь имъ говорятъ, что неаполитанское конституціонное правительство ужасается такихъ средствъ. Чтобы одушевить своихъ солдатъ желаніемъ сражаться, они возбуждали въ нихъ страсть къ грабежу, а теперь имъ говорить, что конституціонные солдаты должны охранять, а не грабить собственность. Ихъ приучили съ ужасомъ смотрѣть на трехцвѣтное знамя, а итальянскихъ патриотовъ считать величайшими злодѣями; теперь они должны сражаться подъ этимъ знаменемъ и вѣдать, что ихъ правительство ищетъ дружбы и покровительства у Виктора-Эммануэля.

„Всего этого было бы достаточно, чтобы они потеряли голову. Обстоятельство, случившееся въ ночь послѣ битвы при Мелатто, показываетъ, что они дѣйствительно хотѣли „исполнять свою обязанность“. Съ цитадели замѣтили два корабля, приближавшіеся къ мысу. Командиръ и гарнизонъ, полагая, что они принадлежатъ Гарибальди, открыли по нимъ огонь; къ счастью, онъ былъ плохо направленъ, иначе они, думая дѣйствовать противъ „флибустьеровъ“, взорвали бы на воздухъ неаполитанскую фелуку, нагруженную порохомъ, и потопили бы неаполитанскую бригантину, наполненную военными припасами.

„Когда распространилось по городу извѣстіе, что иностранные корабли высылаются изъ гавани, а иностраннымъ подданнымъ велѣно переѣзжать на нихъ, ужасъ овладѣлъ всѣми еще оставшимися въ городѣ жителями и каждый спѣшилъ уйти на корабль или въ окрестныя села. Солдаты, видя этотъ испугъ, забавлялись, стрѣляя изъ ружей, отъ чего еще увеличивалось смятеніе. Австрійскій консулъ, удалявшійся вмѣстѣ съ дру-

гимн, былъ остановленъ и арестованъ солдатами, несмотря на всѣ свои протесты и увѣренія, что онъ австрійскій нонсуль. Вырвавшись, онъ побѣжалъ: въ догонку ему послали пулю, пробившую на немъ шляпу. На его жалобы отвѣчали, что солдатъ нельзя было удержать въ порядкѣ.

„Колонна, шедшая по катанійской дорогѣ, вступила вчера въ городъ. (Тутъ корреспондентъ описываетъ, съ какимъ торжествомъ встрѣтили ее въ Мессинѣ и встрѣчали по всей дорогѣ.— Въ письмѣ отъ 31 юля онъ рассказываетъ, что Гарибальди началъ укрѣплять крайній пунктъ сѣверо-восточной оконечности Сициліи, мысъ Фаро, гдѣ находится самое узкое мѣсто пролива между Сициліей и Италією; батарея, построенная Гарибальди на сицилійскомъ берегу, обстрѣливаетъ всю нирину пролива. Корреспондентъ Times'a объясняетъ выгоды, доставляемая ею Гарибальди).

„Эта батарея перерыватъ всѣ сообщенія между Неаполемъ и мессинскою цитаделью. Чтобы оцѣнить всю важность приобрѣтеннаго нами господства надъ проливомъ, надобно вспомнить, что Неаполь и Газта служатъ единственными операціонными базами для неаполитанцевъ, что на южномъ и восточномъ берегу итальянскаго материка нѣтъ ни одной порядочной гавани, что дороги въ Калабрію и въ Аппенинскихъ горахъ еще хуже, чѣмъ въ Сициліи. Всѣ сношенія между Неаполемъ и восточными провинціями ведутся моремъ черезъ проливъ. Утвердившись на мысъ Фаро, мы прокладываемъ себѣ мостъ черезъ проливъ на континентъ и приобрѣтаемъ операціонный базисъ, изъ котораго можемъ направляться куда намъ угодно, на южный и восточный берегъ. Занявшись укрѣпленіемъ этой позиціи, вмѣсто того, чтобы начинать осаду мессинской цитадели, Гарибальди снова показалъ талантъ, чертами котораго такъ богатъ его сицилійскій походъ. Когда мы овладѣемъ проливомъ, неаполитанцы сами принуждены будутъ бросить мессинскіе форты.

„Прибытіе національной арміи къ проливу распространило національное движеніе и на Калабрію. Пока неаполитанцы владычествовали въ Мессинской провинціи, а мы были далеко, было много слуховъ о движеніяхъ въ Калабрію, но они оставались только слухами. Тайные комитеты, нѣсколько времени тому назадъ составившіеся въ Калабрію, какъ и повсюду въ Неаполитанскомъ королевствѣ, теперь начали выказывать большую дѣятельность. До высадки и до блестящихъ усигъховъ Гарибальди въ Сицилію, калабрійцы ждали освобожденія изъ Неаполя. У нихъ былъ планъ произвести переворотъ, но они сами не знали, что имъ дѣлать. И въ Калабрію, какъ въ Сицилію, подвиги Гарибальди и провозглашаемая имъ идея въ первый разъ представили жителямъ положительное рѣшеніе. Есть уже одиннадцать мильоновъ итальянцевъ, имѣющихъ правительство, какого хотягь остальные. Соединиться съ ними—скоро было принято всѣми. Услышавъ о прибытіи Гарибальди, всѣ комитеты калабрійскихъ городовъ послали въ Аспромонте (близъ Реждію) своихъ уполномоченныхъ, чтобы они условились объ общемъ планѣ дѣйствій. Уполномоченные отправили къ Гарибальди депутацію пригласить его сдѣлать для остальныхъ неаполитанскихъ земель то же, что едѣлалъ онъ для Сициліи.

„Депутація прибыла вчера; нынѣ поутру, когда Гарибальди воротился въ Мессину изъ своей побѣдки въ Фаро, къ нему явились сорокъ человекъ представителей отъ всѣхъ калабрійскихъ городовъ. Какъ ни радъ онъ былъ видѣть ихъ, но онъ просилъ ихъ обождать, потому что въ эту минуту была у него другая радостная обязанность: онъ долженъ былъ повидаться съ своими старыми товарищами по первой нарсальской экспедиціи, пришедшими вчера съ колонною изъ Катаніи.

„Тутъ я во второй разъ видѣлъ Гарибальди глубоко тронутымъ. Въ первый разъ онъ былъ тронутъ, когда люди, освобожденные изъ неаполитанскихъ тюремъ въ Палермо, пришли вмѣстѣ съ своими семействами благодарить его за избавленіе. Онъ питерялъ тогда свое врожденное краснорѣчіе и не могъ произнести ни слова, какъ и вчера. Но тогда онъ старался скрыть свое волненіе, какъ слабость, а теперь и не стыдился его. Долго онъ стоялъ, то поднимая глаза на хорошо знакомыя ему лица, о опуская ихъ при воспоминаніи о товарищахъ, которыхъ не доставало тутъ, которые лежали на высотахъ Калата-Фини или подъ развѣтвями Палермо. Наконецъ онъ мнѣ произнесъ: „вѣрные нон старые товарищи, взглядъ на васъ такъ трогаетъ меня, что лишаетъ силы выразить радость, которую я чувствую“. Онъ замолчалъ, потомъ повт —

риль эти слова и сказалъ еще: „вась было пало, и вы сдѣлала много; а теперь насъ будетъ много, чтобъ докончить немногое, еще не сдѣланное“.

„Когда онъ возвратился принять калабрійскую депутацію, она формально пригласила его перейти на натерикъ. Онъ общалъ переправиться и раньше того прислать оружіе. Депутаты единодушно спрашивали, когда же онъ перейдетъ. Онъ улыбнулся и сказалъ: „скоро“. Депутаты отвѣчали единодушнымъ крикомъ восторга.

„Вечеромъ я ходилъ на наши аванпосты передъ цитаделью. Не больше какъ въ ста ярдахъ (40 саженьяхъ) отъ вихъ стоятъ неаполитанскіе пикеты. По виду вы никакъ не подумаете, что это непріатели,—такъ дружески разговариваютъ они и смѣются“.

4 августа.

„Нынѣ исходилъ сровъ перемирію и генераль Клари видѣлся съ Гарibaldi, чтобы продолжить его. Разговоръ ихъ хранится въ глубочайшей тайнѣ; объявлено было только то, что неаполитанцы очищаютъ Сиракузы и Агосту. Но это самое маловажное изъ условій: знайте, что мы теперь не слишкомъ дорожимъ двумя укрѣпленными городами съ какиминибудь двумястами орудій, не интересуемся и совершеннымъ очищеніемъ Сициліи. Наши мысли идутъ гораздо дальше. Но всѣ неслыханные успѣхи не ослѣпляютъ Гарibaldi, который даже и теперь готовъ согласиться на всякій миръ, лишь бы только достигалась нмъ его цѣль. Въ нынѣшнемъ свиданіи Гарibaldi въ первый разъ изложилъ условія, подъ которыми согласенъ остановиться на пути своихъ побѣдъ. Перемиріе продолжено на пять дней, и генераль Клари нынѣ вечеромъ ѣдетъ въ Неаполь, чтобы сообщить условія, предложенныя Гарibaldi. Онъ долженъ возвратиться вечеромъ 5 числа.

„Сущность условій Гарibaldi состоитъ въ томъ, чтобы сѣверъ и югъ Италіи могли стать въ дѣйствительности однимъ цѣлымъ. Это одна изъ восторженныхъ идей, къ которымъ способенъ только Гарibaldi и которыя, какъ мнѣ кажется, неосуществимы. Онъ хочетъ ни меньше, ни больше какъ братства между королями, уподобленія обоимъ королевствамъ, того, чтобы они имѣли одну политику и одну армію. При такомъ соединеніи, Викторъ-Эммануэль, равнѣ вступившій на путь итальянской независимости, конечно долженъ командовать всею арміею и управлять всею итальянскою политикою; Неаполь будетъ совершенно уподобленъ сѣверному королевству и только сохранить нынѣшнюю свою династію. Первымъ шагомъ къ уподобленію долженъ быть обмѣнъ войскъ: сѣверныя войска должны быть переведены въ Неаполь, неаполитанскія на сѣверъ. Флоты должны сдѣлать то же. Нынѣшняя сѣверо-итальянская конституція должна быть принята въ Неаполѣ, а тамошня между королевствами уничтожена.

„Вотъ главнѣйшія изъ условій, которыя предлагаетъ Гарibaldi. Между тѣмъ приготовления продолжаютъ, какъ будто отъ переговоровъ не ждутъ никакого результата. Дѣйствительно, условія такъ тяжелы, что мы должны быть готовы къ отказу“.

Вечеръ.

„Генераль Клари увѣхалъ въ Неаполь. Онъ повезъ условія мира, и кромѣ того правительство вызываетъ его, чтобы онъ оправдался въ обвиненіяхъ, представленныхъ противъ него полковникомъ Боско, который называетъ его причиною своего пораженія при Меладцо, ва то, что Клари не прислалъ ему требуемыхъ подкрѣпленій. Но по сигналамъ телеграфа мы видѣли, что самъ Клари боялся нашей колонны, приближавшейся изъ Катаніи“.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили, что дальнѣйшій ходъ дѣла въ южной Италіи зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ того, успѣетъ или не успѣетъ неаполитанскій дворъ убѣдить населеніе королевства

въ искренности и прочности сдѣланныхъ уступокъ; во-вторыхъ, отъ того, будутъ ли успѣхи Гарибальди остановлены иностраннымъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ. Усилія конституціоннаго неаполитанскаго правительства пріобрѣсти довѣріе нація оказались напрасны; точно также не успѣло до сихъ поръ осуществиться желаніе Франціи и Австріи поддержать Неаполь.

Прежняя система была привычна неаполитанскому правительству и соответствовала искреннимъ убѣжденіямъ всѣхъ лицъ, составлявшихъ его; потому, разумѣется, не могли они подчиниться условіямъ новой системы, даже не могли отчетливо представить себѣ новыхъ условій, подчиненіе которымъ требовалось отъ нихъ; да и вообще новыя требованія были совершенно неудобноисполнимы. Можетъ ли человѣкъ отказаться отъ всѣхъ прежнихъ связей, знакомствъ и сношеній, отстраниться отъ всѣхъ своихъ друзей и безусловно вѣряться совѣтамъ людей ему чуждыхъ. Естественно было, что существенное вліяніе дѣла оставалось въ Неаполѣ у прежнихъ испытанныхъ, вѣрныхъ совѣтниковъ, а новые министры пользовались только тѣнью власти. Рѣшительно ничего важнаго не въ силахъ былъ сдѣлать новый кабинетъ. Напримѣръ, столица желала, чтобы удалены были иностранцыя наемныя войска. Войска эти оставались попрежнему въ сосѣдствѣ столицы. Нѣкоторые полки неаполитанской гвардіи два или три раза дѣлали попытки низвергнуть новыя учрежденія. Противники ея требовали, чтобы эти полки были распущены и главные виновники безпорядковъ преданы суду. Новые министры не могли удовлетворить и этому требованію: полки, возставшіе противъ новыхъ учрежденій, были, напротивъ, ободрены знаками особеннаго расположенія. Было также требованіе, чтобы цитадель Сантъ-Эльмо передали національной гвардіи; но крѣпость эта, господствующая надъ городомъ, оставалась вѣрена гарнизону и нондирамъ, преданность которыхъ не поколебалась провозглашеніемъ реформы. Командирами войскъ вообще оставались люди испытанной надежности. Изъ всего этого видно было, что новое министерство не пользуется не только прочною, но и никакою властью. Оно успѣвало иногда получать согласіе лишь на такія мѣры, которыя не вредили основаніямъ обычнаго порядка; могло издавать лишь такіе законы, отмѣненіе которыхъ не представило бы затрудненій при первомъ оборотѣ обстоятельствъ, благопріятномъ возстановленію прежнихъ учреждений. Мѣсяца полтора длилось это шаткое положеніе новаго кабинета. Событія между тѣмъ шли впередъ, и опытные довѣренные совѣтники увидѣли, что нельзя болѣе медлить принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ для своей защиты отъ распространявшагося стремленія передать Неаполь подъ власть Виктора-Эммануэля. Приближалось время выборовъ въ неаполитанскій парламентъ; избирательные комитеты защитниковъ неаполитанской отдѣльности видѣли, что ни одинъ изъ ихъ кандидатовъ не будетъ избранъ, что депутатами явятся исключительно люди, открыто объявляющіе себя на сторонѣ Гарибальди. Они уже не скрывали и плана своихъ дѣйствій. Было положено, что палата депутатовъ, какъ только соберется, провозгласитъ замѣненіе Бурбонской династіи Сардинскою династією и пригласитъ Гарибальди принять начальство надъ неаполитанскою армією. А Гарибальди, между тѣмъ, уже посылалъ передовыя отряды въ Калабрію и конституціонное министерство, не имѣвшее ни въ чемъ ни въ комъ опоры, не могло вести войны противъ него, сообразно потребностямъ людей, доказавшихъ свою вѣрность продолжительнымъ опытомъ. Потому они увидѣли надобность снова выступить впередъ и формально взять назадъ власть изъ

слабыхъ рукъ новаго кабинета. 14 (2) августа, когда въ Калабріи уже явилась отряды Гарибальди, Неаполь былъ объявленъ находящимся въ осадномъ положеніи, а выборы депутатовъ отсрочены. Въ ту минуту, когда мы пишемъ это, у насъ нѣтъ еще извѣстій о томъ, въ какомъ отношеніи держать себя новые министры къ довѣреннымъ совѣтникамъ, принявшимъ столь рѣшительныя мѣры: увидѣлъ-ли конституціонный кабинетъ необходимость молча покориться открытому влиянію прежнихъ людей, или, быть можетъ, самъ искренно согласился въ надобности прибѣгнуть къ такимъ средствамъ, или онъ лишится и номинальной власти, — этого мы еще не знаемъ. Планъ приверженцевъ единства дѣйствовать парламентскимъ путемъ теперь разрушенъ; дѣло будетъ и по формѣ рѣшено оружіемъ, отъ котораго всегда зависѣло по своей сущности.

Въ дѣйствіяхъ противъ Гарибальди видно было безсиліе новаго кабинета. Какъ только принялъ онъ номинальное управленіе дѣлами, онъ послалъ главнокомандующему королевскими войсками въ Сициліи, иессинскому коменданту Кларі, приказаніе прекратить военныя дѣйствія. Но люди болѣе основательные находили, что борьба подъ Мессиною представляетъ большую вѣроятность успѣхамъ. Читатель видѣлъ изъ приведенныхъ нами писемъ, какъ сильны были позиціи, занимаемыя неаполитанскими войсками. Въ Мессинѣ и въ ея окрестностяхъ находилась армія, превосходившая числомъ всѣ силы, которыми располагалъ Гарибальди. Опираясь на Мессину, Мелатцо и другія крѣпости сѣверо-восточнаго угла Сициліи, неаполитанскіе генералы надѣялись отбить нападеніе инсургентовъ и справедливо рассчитывали, что удача въ одномъ сраженіи возвратитъ имъ власть надъ всѣмъ островомъ и снова упрочитъ власть Бурбоновъ; потому объявленіе кабинета о прекращеніи военныхъ дѣйствій было оставлено безъ вниманія. Неаполитанскія войска пошли на встрѣчу инсургентамъ. Къ несчастію, успѣхъ не соотвѣтствовалъ надеждамъ, казавшимся очень основательными. Мы не будемъ собирать здѣсь всѣхъ отрывочныхъ подробностей о дѣйствіяхъ Гарибальди по занятіи Мессины: онѣ противорѣчатъ одна другимъ и большая часть изъ нихъ носятъ на себѣ явные признаки невѣрности. Мы лучше подождемъ до слѣдующаго мѣсяца, когда будемъ имѣть болѣе связные и болѣе достовѣрные рассказы, а теперь упомянемъ только главные факты. Очевидно, что мнѣніе, господствующее въ неаполитанскомъ населеніи, сильно распространилось и между военными силами. Всѣ газеты говорятъ о многочисленности дезертировъ, переходящихъ изъ неаполитанскихъ войскъ въ лагерь Гарибальди. Такъ, на примѣръ, рассказываютъ, что въ самой столицѣ королевства надобно было арестовать вдругъ 300 человекъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, собиравшихся къ Гарибальди. Рассказываютъ, что цѣлыя полки уже объявляли рѣшимость не сражаться противъ инсургентовъ. Очень вѣроятно, что рассказы эти преувеличены, но все-таки положительнымъ фактомъ надобно считать, что надежность арміи значительно ослаблена теперь присутствіемъ въ ея рядахъ многочисленныхъ партизановъ Гарибальди. Извѣстно также, что неаполитанскіе военные корабли не оказывали той дѣятельности, какая требовалась отъ нихъ. Говорятъ, что флотскіе офицеры всѣ объявили рѣшимость не сражаться противъ еицилійцевъ. Вѣроятно этотъ слухъ такъ же преувеличенъ, но все-таки видно, что флотъ очень не надеженъ. Иначе нельзя объяснить безопасности, съ какою развѣзжали между Генуею и сицилійскими берегами купеческіе пароходы, перевозившіе волонтеровъ въ Палермо, въ Патти и наконецъ въ Мессину. Точно

такъ же, только ненадежностью неаполитанскаго флота объясняется успѣхъ переправы всѣхъ отрядовъ Гарибальди въ Калабрію. По извѣстіямъ, какія получены теперь (около 12 августа), въ разныхъ пунктахъ калабрійскаго берега высадилося уже нѣсколько тысячъ человѣкъ изъ арміи Гарибальди; многочисленные отряды инсургентовъ присоединяются къ нимъ; возстаніе распространяется и по другія провинціямъ; всѣ увѣрены, что черезъ нѣсколько недѣль, можетъ быть черезъ немного дней, Гарибальди вступить въ столицу королевства. Правда, что почти всѣ шансы успѣха на его сторонѣ; но самъ Гарибальди очень хорошо понимаетъ, что дѣло еще представляетъ очень много опасностей. Онъ не можетъ перевезти на итальянскій континентъ болѣе 15,000 человѣкъ войска, едва ли можетъ въ первое время похода перевезти и это число, а неаполитанская армія еще имѣетъ послѣ всѣхъ потерь до 80,000 солдатъ. Неравенство силъ остается огромно. Правда, въ неаполитанскихъ рядахъ очень много людей, которые были бы рады сражаться подлѣ него, а не противъ него. Но до сихъ поръ, они однакоже сражались противъ него и будутъ сражаться до тѣхъ поръ, пока отважатся открыто перейти подъ его знамена. А масса войска у Гарибальди состоитъ изъ новобранцевъ, еще не привыкшихъ соблюдать хладнокровіе при неожиданностяхъ военнаго дѣла. Мы и прежде видѣли примѣры, и въ приведенномъ нами разсказѣ о битвѣ при Мелатто видимъ еще новый примѣръ того, какъ легко переходитъ большинство его солдатъ отъ мужества къ испугу, какъ оно смѣшивается при нечаянныхъ опасностяхъ. До сихъ поръ судьба сраженій рѣшалась небольшимъ числомъ ветерановъ, составлявшихъ знаменитый отрядъ альпійскихъ стрѣлковъ въ прошломъ году. Эти двѣ или три тысячи человѣкъ—храбрѣйшій корпусъ изъ войскъ западной Европы; ни во французской, ни въ англійской арміяхъ не найдется корпуса, который могъ бы сражаться съ ними; но за то, какъ мало ихъ число! А вся остальная армія Гарибальди держится, можно сказать, только ими. Безъ нихъ, при всемъ своемъ энтузіазмѣ, она едва ли устояла бы противъ непредвидѣнныхъ атакъ, противъ внезапнаго огня скрытыхъ батарей. Этимъ объясняется готовность Гарибальди заключить миръ, кажущаяся столь странною. Мы вовсе не хотимъ сказать, что ошибочно общее ожиданіе такого исхода войны, который соответствуетъ ея началу. Напротивъ, вѣроятнѣе всего, что Гарибальди скоро вступить въ Неаполь; но правдоподобность успѣха не скрываетъ отъ него самого возможности несчастій.

Главнымъ ручательствомъ за успѣхъ по прежнему остается чрезвычайное сочувствіе всего неаполитанскаго населенія, смущающее противниковъ Гарибальди, парализующее ихъ мысли и силы. Читатель знаетъ, что уже давно носятся слухи о приготовленіяхъ неаполитанскаго двора къ выходу изъ столицы. Въ послѣдніе дни стали носиться слухи, что иноземная помощь скоро будетъ подана ему; это ожиданіе вѣроятно слѣдуетъ назвать преждевременнымъ, но дѣйствительно есть уже признаки, показывающіе, что Гарибальди черезъ нѣсколько времени будетъ имѣть противниковъ болѣе сильныхъ, чѣмъ тѣ, которыхъ видитъ онъ въ Неаполѣ.

Мы постоянно говорили, что французская политика не желаетъ допускать въ Италіи пережвѣвъ, которыми уничтожалась бы нынѣшняя необходимость сардинскаго правительства спрашивать совѣтовъ въ Парижѣ; въ прошломъ мѣсяцѣ мы упоминали о полуоффиціальномъ объявленіи, говорившемъ, что Франція остается вѣрна системѣ, продиктовавшей Виллафранкскій миръ. Послѣ того было еще нѣсколько объявленій въ томъ же смыслѣ. Они были такъ сильны, что туринскіе

кабинетъ былъ принужденъ принять мѣры противъ Гарибальди. Сардинскій министръ внутреннихъ дѣлъ Фарини долженъ былъ отправиться въ Геную, чтобы предотвратить снаряженіе новой экспедиціи, хотѣвшей идти на Неаполь черезъ Папскія владѣнія. Бертани, остававшійся уполномоченнымъ Гарибальди въ Генуѣ и завѣдывавшій снаряженіемъ экспедиціи, принужденъ былъ удалиться изъ Генуи. Прежде того Викторъ-Эммануэль былъ принужденъ послать къ Гарибальди письмо, требовавшее прекращенія военныхъ дѣйствій и обѣщанія не переѣзжать изъ Сициліи на материкъ. Когда Гарибальди отвѣчалъ, что, при всей преданности своей королю, не въ силахъ остановить начатаго дѣла, Австрія дѣятельнѣе прежняго начала готовиться къ войнѣ. Читатель знаетъ, что газеты утверждаютъ, будто бы она уже объявила, что на дняхъ пошлетъ войска въ помощь неаполитанскому королю. Не знаемъ, дѣйствительно ли было формальное сообщеніе объ этомъ, или намѣреніе, о которомъ говорятъ газеты, еще не выражено официальнымъ образомъ на бумагѣ; но достоверно то, что между Австріею и Франціею ведутся объясненія по этому предмету. Для успокоенія Франціи дается обѣщаніе не отнимать у Сардиніи Ломбардскихъ провинцій, переданныхъ Виктору-Эммануэлю волею Наполеона III. Но Франція не давала своей гарантіи соединенію Тосканы, Модены и Романьи съ Сардиніею; напротивъ, этотъ фактъ былъ порицаемъ ею, совершился въ противность ея совѣтамъ. Потому отдѣленіе этихъ областей отъ Піемонта и восстановленіе въ нихъ прежняго порядка не будетъ противно уваженію къ Франціи. Въ этомъ и должна состоять цѣль войны, къ которой готовится Австрія. Посмотримъ, что выйдетъ изъ этихъ переговоровъ и расположеній. Очень можетъ быть, что все ограничится, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ году, одними словами и сборами, и очень можетъ быть, что итальянцы между тѣмъ успѣютъ устроиться; но большинство людей, слѣдящихъ за событіями, думаютъ, что война между Австріею и итальянцами уже близка. Газеты наполнены соображеніями о томъ, въ какое отношеніе станеть къ воюющимъ сторонамъ Франція, какой образъ дѣйствій будетъ вынужденъ у другихъ европейскихъ державъ ея вмѣшательствомъ, и т. д. Можно полагать, что нѣкоторыя изъ этихъ соображеній основаны не на однихъ догадкахъ публицистовъ, а имѣютъ происхожденіе болѣе официальное: но все-таки эти слухи показываютъ только, какъ думали бы дѣйствовать государственные люди той или другой державы, а какъ будутъ они дѣйствовать въ самомъ дѣлѣ, если осуществятся предполагаемыя столкновенія, это не зависитъ отъ ихъ воли, а будетъ рѣшено ходомъ событій, — а какой оборотъ примутъ событія, этого не знаетъ еще никто. Вѣдь были же всѣ увѣрены при началѣ прошлой войны, что театръ дѣйствій перенесется изъ Италіи на Рейнъ, что Англія явится союзницею Германіи, которая будетъ защищать Австрію; вѣдь готовились же къ этому нѣмецкія правительства, думали объ этомъ англійскіе министры, опасался этого императоръ французскій, — а дѣло кончилось совершенно иначе. Вѣдь была же въ концѣ прошлаго года почти совершенная несомнѣнность, что будутъ исполнены условія Виллафранкскаго мира, — а между тѣмъ мы были свидѣтелями, что событія пошли совершенно не тѣмъ путемъ.

ПОЛИТИКА.

СЕНТЯБРЬ 1860.

Письма корреспондента Times'a, находящагося при штабѣ Гарибальди.

Продолжаемъ извлеченіе изъ писемъ того корреспондента газеты Times, который сопровождаетъ Гарибальди въ его походѣ.

Мессина, 7 августа.

„Пока мессинцы пугали другъ друга страшными мѣрами, которыя мессинскій комендантъ думаетъ принять въ случаѣ высадки на калабрійскій берегъ, Гарибальди провелъ весь день (6 августа) въ Фаро *), наблюдая за приготовлениями. По обыкновенію, онъ уѣхалъ туда рано утромъ съ генераломъ Коаенцемъ, котораго зовутъ его „душою“; но назадъ въ Мессину онъ поѣхалъ не сухимъ путемъ, какъ обыкновенно, а въ лодкѣ. Гарибальди принадлежитъ къ тѣмъ высшимъ натурамъ, которыя всегда найдутъ минуту для всего, что встрѣтится имъ интереснаго, прекраснаго или поучительнаго, какъ бы ни были поглощены какою нибудь мыслью, завалены работою. Все, относящееся до пролива, вдвойнѣ интересно для него: вѣдь онъ старый морякъ; ему интересно изучать теченія, ихъ перемѣны, глубину воды, якорныя стоянки, суда, лодки, — словомъ сказать, все, что касается этихъ оригинальныхъ и прекрасныхъ водъ. Онъ толкуетъ съ рыбаками, любитъ посмотрѣть, какъ ловить нечъ-рыбу, — быть можетъ, расскажетъ анекдотъ изъ своей южно-американской жизни, сравнитъ эти мѣста съ другими видѣнными имъ чудными берегами. Кромѣ того, тутъ прекрасныя калабрійскія горы, столь живописныя съ моря; тамъ бѣлѣется Реджо, виднѣется разбросанное Санъ-Джованни, чернѣется Шилла. Вчера земноводныя наклонности заговорили въ матросѣ-солдатѣ, и онъ возвратился на лодкѣ; его увлеченіе было такъ велико, что для нынѣшняго дня онъ также велѣлъ приготовить лодку.

„Но нынѣ лодка была приготовлена съ другою цѣлью. Я говорилъ вамъ о двухъ соленыхъ озерахъ на низменномъ песчаномъ полуостровѣ, который кончается мысомъ Фаро. Узкій, но довольно глубокій каналъ соединяетъ ихъ съ моремъ, дѣлая изъ нихъ нѣчто въ родѣ естественной гавани для довольно большихъ лодокъ. Это мѣсто какъ нарочно было создано для приготовленій. Двадцать большихъ баржъ, почти всѣ еще сохранившія на кормѣ отмѣтку „Messageries Impiegales“ **), были собраны тутъ уже нѣсколько времени, и полкопнику Водрони, итальянцу родомъ, французу по воспитанію, поручено было приготовить ихъ для перевозки лошадей и артиллеріи. Опытный въ постройкѣ судовъ и энергическій Водрони кончилъ свое дѣло въ нѣсколько дней. Онъ

*) Читатель помнитъ, что Фаро — крайній пунктъ того угла Сициліи, который обращенъ къ матеріку, что въ этомъ пунктѣ самое узкое мѣсто пролива и что Гарибальди немедленно по вступленіи въ Мессину сталъ укреплять берегъ Фаро, базисъ, отъ котораго должны были отправляться экспедиціи въ Калабрію.

***) Messageries Impiegales, несмотря на свое названіе, частное, а вовсе не правительство собственное общество.

покрылъ баржи крѣпкими палубами, сдѣлалъ на каждой съ трехъ сторонъ перила, а съ четвертой стороны востъ на крюкахъ, облегчавшій выгрузку. Каждая баржа можетъ взять на короткій переѣздъ 20 лошадей и помѣстить отъ 80 до 100 человекъ подъ палубою. Кроивъ того, по берегу собрано до 150 большихъ береговыхъ и рыбацкихъ лодокъ, подвимающихъ отъ 10 до 20 человекъ. Наконецъ, есть у насъ тутъ три парохода: „City of Aberdeen“, старый деревянный, колесный пароходъ, служившій для мирной перевозки товаровъ на восточномъ берегу Англии, „Калабричъ“ и „Герцогъ Альба“, оба взятые пароходами „Tücköru“ (Veloce). Съ этими средствами можно менѣе тѣмъ въ полчаса перевезти на ту сторону 5,000 человекъ. Расстояше между Фаро и ближайшимъ пунктомъ того берега, Torre Cavallo, 3,700 метровъ (3½ версты). Въ мирное время, люди, обѣдающіе въ Фаро, посылаютъ за чаемъ передъ обѣдомъ на ту сторону за льдомъ, или лучше сказать снѣгомъ, къ обѣду. Иногда переправа затрудняется теченіемъ, которое бываетъ 6 часовъ на югъ, другіе 6 часовъ на сѣверъ; сила его растетъ и уменьшается по луннымъ фазамъ; сильнѣе всего бываетъ оно въ полнолушіе и въ новолушіе. Нынѣшній день оно довольно тихо,—это видно по неаполитанскимъ пароходамъ, которые въ своихъ разѣздахъ останавливаютъ паръ, давая водѣ нести себя ввизъ, потомъ опять пускаютъ въ ходъ машину и поднимаются противъ воды. Когда теченіе достигаетъ полной силы, суда не могутъ стоять въ проливѣ на яворѣ, тѣмъ больше, что у самаго же берега проливъ уже очень глубокъ.

„Нынѣ весь день неаполитанскіе пароходы очень остерегались подходить на выстрѣлъ въ батареямъ Фаро, сила которыхъ растетъ съ каждымъ сутками. Половина этихъ крейсеровъ ходятъ около Punta di Pezzo *), другая половина выше Шиллы, около Баньяры и Пальми **),—оба эти мѣстечка ясно видны отсюда. Баньяра — группа домовъ на самомъ берегу, а Пальми стоитъ на вершинѣ крутыхъ скалъ, идущихъ вдоль берега за Баньярою.

„Гарибальди вернулся изъ Фаро уже вечеромъ. Какъ только онъ пріѣхалъ, командиры дивизій и бригадъ, находившихся въ Мессинѣ, собрались къ нему, ожидая услышать какія нибудь новыя распоряженія. Настоящіе военные совѣты у насъ неизвѣстны, и это очень хорошо. Но каждый, интуитивъ что нибудь сказать, сдѣлать какія нибудь замѣчанія, сообщить какія нибудь свѣдѣнія, выслушивается всегда, когда бы ни пришелъ. А рѣшаетъ все самъ Гарибальди, одинъ. Очень интересно наблюдать, какъ принимаетъ онъ свои рѣшенія. Первая идея принадлежитъ почти всегда ему, — онъ кажется не имѣть соперниковъ по богатству идей и дѣятельности мысли. Онъ лучше всѣхъ понимаетъ, что въ народномъ движеніи, съ такими солдатами, какъ у него, съ волонтерами, опасно долго останавливаться и бездѣйствовать. Да и самому ему хочется поскорѣе кончить свое дѣло и возвратиться на свой пустынный островокъ Капреру. Поэтому, когда другіе отдыхаютъ на лаврахъ, онъ ищетъ новыхъ лавровъ. Другимъ все кажется, что приготовленія не кончены; а ему кажется, что средства достаточно подготовлены, если есть достаточная охота въ дѣлу. Когда онъ выскажетъ новый планъ, принимаются работать другія головы, и сообщаютъ ему совѣты, ведущіе къ цѣли; во время этой фазы дѣла, люди не знающіе Гарибальди едва ли увидѣли бы въ немъ ту энергическую рѣшимость, которой онъ славится. Но люди знающіе его видятъ въ этой нерѣшимости энергическую работу ума, ищущаго вѣрнѣйшаго пути. Это продолжается до самой минуты дѣйствія. Какъ приходитъ она, Гарибальди будто пробуждается отъ сна. Всякое колебаніе исчезло. Точныя приказанія слѣдуютъ одно за другимъ, съ твердостью, показывающею неизмѣнность рѣшенія. Но Гарибальди хочетъ, чтобы каждый самъ развивалъ эти приказанія: они содержатъ только общую мысль; подробности предоставляются разуму исполнителей. Въ сраженіи Гарибальди не столько главнокомандующій, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, сколько общій помощникъ во всѣхъ затрудненіяхъ, всегда являющійся на опаснѣйшемъ пунктѣ, одушевляющій и поправляющій битву. Это было бы опасно съ обыкновенными генералами, привыкшими держаться рутинны; но наши почти всѣ расположены дѣйствовать самобытно, такъ что ни одинъ корпусъ не остается безъ командъ“.

*) На сѣверъ отъ Фаро, на калабрійскомъ берегу.

***) На югъ отъ Фаро, также на калабрійскомъ берегу.

„8 августа.

„Весь нынѣшній день былъ днемъ живой дѣятельности. Гарибальди, по обыкновению, рано утромъ уѣхалъ въ Фаро. Главная квартира почти пуста. Генеральный штабъ укладывается въ путь. Колонновожатые, вообще пользующіеся наибольшимъ досугомъ въ цѣломъ войскѣ, нынѣ съ самаго утра весь день на ногахъ, бѣгаютъ и разѣзжаются. Всѣ спрашиваютъ другъ друга: „значитъ, мы идемъ? кто же ѣдетъ? кто остается? куда мы идемъ, по берегу, или на ту сторону? когда, днемъ или вечеромъ?“ Поставщики захлопотались, и въ потѣ лица бѣгаютъ по лѣбникамъ, ищутъ провизіи, убѣждаютъ купцовъ, торгующихъ колоніальными товарами, макаронами, рисомъ, бранятся съ виноторговцами. Горожане сходятся, толкуютъ, составляютъ догадки, приходятъ къ заключеніямъ, что готовится какое-то дѣло. Выли забраны всѣ телѣги и фуры, какія только можно было отыскать. Городскія начальства совершенно растерялись отъ суеты. Слепые могли бы видѣть, глухіе могли бы слышать, что готовится какое-то необыкновенное дѣло; даже неаполитанскіе аванпосты замѣчали это, а изъ цитадели было видно, какъ повсюду мы ищемъ лодокъ и отправляемъ ихъ къ Фаро, нагруживъ всевозможными запасами и припасами. Единственная вещь, занимающая всѣ мысли—высадка на калабрійскій берегъ; потому не трудно было отгадать смыслъ всѣхъ хлопотъ. Начинается экспедиція, о которой говорилось такъ давно“.

„На пароходѣ City of Aberdeen, 9 августа.

„Если Мессина была вчера театромъ необыкновеннаго шума и дѣятельности, то еще въ десять разъ больше было тревоги по дорогѣ въ Фаро, въ селѣ Нижнемъ Фаро и его окрестностяхъ. Все это пространство было муравейникомъ, исполненнымъ движенія. У такъ называемой регулярной арміи двѣ трети этого пространства были бы заняты фурами и лошадьми; въ нашемъ иррегулярномъ войскѣ не такъ багажъ у насъ слабое преданіе, обозъ неизвѣстенъ, солдатъ несетъ съ собою все нужное, то есть очень не многое. Хорошо, если есть у него лишняя рубашка; она займетъ мало мѣста въ ранцѣ, оставитъ много мѣста сухарямъ или хлѣбу; еще лучше, если есть у солдата плащъ посверхъ его полотнянаго или бумажнаго платья; но у большей части солдатъ найдется только коверъ, служащій вмѣсто плаща. Такимъ образомъ наши войска могутъ сдвигаться какъ трубки телескопа. Иначе не было бы возможности собрать у мыса Фаро столько силъ, сколько было тутъ въ прошлую ночь и нынѣ утромъ.

„Вся артиллерія, всѣ полевые и тяжелыя орудія были уже на мѣстѣ вмѣстѣ съ инженерами, саперами и всѣми принадлежностями орудій. Мысъ Фаро служилъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ военныхъ снарядовъ съ той поры, какъ мы заняли Мессину. Вы поймете, что много мѣста было монополизировано этими вещами. Вчера дивизія Козенца и бригада Савки получила приказаніе идти къ Фаро. Дивизія Козенца была расположена отрядами по всей дорогѣ отъ Мессины до самаго мыса. Всѣмъ этимъ отрядамъ было приказано двинуться съ наступленіемъ вечера и около 11 часовъ ночи быть какъ можно ближе къ мѣсту берега, гдѣ слѣдовало имъ сѣсть на суда. Бригада Санки, расположенная въ деревнѣ Фаро в ея окрестностяхъ, должна была сойти съ высоты послѣ дивизіи Козенца и стать въ тылу ея. Вторая бригада дивизіи Турра, стоявшая въ Мессинѣ, должна была двинуться ночью и къ разсвѣту быть въ Паче — деревнѣ, отстоящей отъ Фаро на одну треть пути между Мессиною и мысомъ. Всѣ силы, собранныя такимъ образомъ, простирались по крайней мѣрѣ до 10,000 человекъ, не считая артиллеріи.

„Затѣмъ же собирались онѣ? Представлялось два плана для веденія наступательныхъ дѣйствій. Одинъ, болѣе блестящій и быстрый, но съ тѣмъ вмѣстѣ и болѣе рискованный, состоялъ въ томъ, чтобы перевезти собранныя силы въ средину континентальныхъ владѣній неаполитанскаго короля; второй планъ состоялъ въ томъ, чтобъ высадиться въ Калабрию и пролагать себѣ дорогу въ Неаполь по сухому пути. Если виды Гарибальди были обращены только на Неаполь, то я увѣренъ, что онъ не ста

бы колебаться въ выборѣ и принялъ бы болѣе рискованный планъ, сообразнѣйшій съ его характеромъ. Но цѣль его гораздо выше: онъ хочетъ достигъ единства всей Италіи при содѣйствіи всей Италіи, въ томъ числѣ и Калабріи. Пройти съ одного конца Италіи до другаго — это практическое средство вселить единство, распространить національныя идеи, укоренить ихъ, довести до зрѣлости, научить остальную Италію приѣмомъ самоотверженія, который подаетъ верхняя Италія, посылая своихъ дѣтей сражаться, терпѣть лишения и упираться за общее дѣло. Калабріи имѣть элементы, которые могутъ стать чрезвычайно важными для утверженія и защиты итальянской независимости. Кроме того, представители вѣхъ калабрійскихъ городовъ являлись въ Гарибальди съ просьбою, чтобы онъ скорѣе прибылъ къ нимъ, — приглашеніе, въ которомъ не могъ онъ отказать имъ.

„Эти причины заставили его избрать путь болѣе долгій, но вѣрнѣе и полнѣе ведущій къ цѣли. Калабрійскіе солдаты, сражавшіеся въ 1848 году въ верхней Италіи, показали, каковы могутъ стать калабрійцы въ хорошихъ рукахъ, а Гарибальди не такой человекъ, чтобы не вспомнить этого обстоятельства въ походѣ національной вербовка, какъ слѣдуетъ назвать нынѣшнюю кампанію. Когда было отдано предпочтеніе плану высадки на южномъ концѣ материка, то уже очень легко былъ выборъ удобнѣйшихъ для высадки мѣстъ. Эти мѣста находились по берегу отъ Torre di Cavallo до Punta di Pezzo, по линіи длиною около трехъ миль (5 верстъ); лодкамъ легко приставать тутъ. Съвѣрнѣе берегъ скалнеть, и противъ Шиллы теченіе очень сильно; южнѣе идетъ линія сообщеній между Мессиною, Сантъ-Джованни и Реджо; мессинскія батареи обстрѣливаютъ это пространство, а у Сантъ-Джованни и Реджо находятся стоянки неаполитанскихъ пароходовъ.

Torre di Cavallo ближайшій пунктъ континентальнаго берега — небольшая терраса, возвышающаяся футовъ на 100 надъ дорогой, которая мало возвышается надъ приморьемъ. Терраса эта имѣетъ видъ подковы, отчего вѣроятно и получила свое имя *). Съ сѣверной стороны по дорогѣ отъ Шиллы скала эта почти отвѣсна и подходитъ къ самой дорогѣ. Камень тутъ вѣроятно легко обваливается, потому что видны контрфорсы, поддерживающіе скалу, чтобы не завалила она дорогу. На сѣверномъ концѣ скалы виднѣется небольшое каменное укрѣпленіе, имѣющее, говорятъ, до 20 орудій. На южной сторонѣ террасы стоитъ другое укрѣпленіе съ такимъ же числомъ орудій; это второе укрѣпленіе, называющееся фортъ Фіумара, возвышается надъ горнымъ потокомъ или, лучше сказать, надъ его высохшимъ русломъ. Дальше на двѣ мили тянутся сады, пересекаемые только двумя другими руслами высохшихъ потоковъ, а за ними лежитъ разбросанная деревня Каннителло, доходящая до самой Punta di Pezzo. Обошедши Torre di Cavallo и перешедши первый потокъ, дорога теряется между садами, проходя мимо нѣсколькихъ группъ домовъ. Поэтому часть берега отъ Torre di Cavallo до Каннителло имѣетъ видъ тихаго мѣста, удобнаго для высадки. Гарвизонъ, какъ мы узнали изъ достовѣрныхъ источниковъ, имѣетъ не больше какъ отъ 150 до 200 человекъ. Съ морской стороны фортъ открытъ, потому что сторона эта неприступна по крутизнѣ и высотѣ скалы. Сильнѣйшая сторона форта — та часть его, которая обращена въ глубину материка; съ этой стороны онъ довольно вѣповъ.

„Надобно было захватить врасплохъ на континентѣ такую позицію, господство надъ которой облегчило бы высадку главныхъ силъ. Надобно было только рѣшить, на какой же фортъ напасть, на Фіумару или на Шиллу. По свѣдѣніямъ, полученнымъ о Шеллѣ, гарвизонъ въ ней былъ чрезвычайно малъ, всего человекъ до 30; это обстоятельство склонило наши мысли къ ней. Майоръ Миссори, изъ корпуса колонновожатыхъ, былъ посланъ, переодѣтый, на ту сторону, чтобы точнѣе разузнать положеніе дѣлъ. Онъ успѣлъ переѣхать безъ затрудненій, пробылъ на томъ берегу два дня и вернулся. Легкость этой поѣздки была бы удивительна, если бы могло быть что нибудь удивительнаго при неаполитанскомъ порядкѣ. Люди разѣзжаются съ берега на берегъ безъ всякихъ препятствій, и никто не спрашиваетъ у нихъ, откуда и куда они. Множество нашихъ

*) Torre di Cavallo значитъ — лошадиная башня.

офицеровъ, родомъ изъ Калабрїи, ѣздили по нѣсколькx разъ видѣться съ своими семействами, съ которыми были разлучены много лѣтъ изгнашемъ.

„Майоръ Миссори переѣхалъ такъ, какъ переѣзжали другіе, и осмотрѣлъ Шиллу, какъ только хотѣлъ. Шилла стоитъ на одинокой скалѣ, возвышающейся со всѣхъ сторонъ почти отвѣсно; фортъ соединяется подъемнымъ мостомъ съ городомъ, лежащимъ у подножія скалы и спускающимся до самаго берега. Подлѣ форта церковь, а передъ нимъ открытое мѣсто, служащее рыночною площадью. Съ конца площади узкій переулокъ, длиною ярдовъ въ 25 (около 10 сажень), ведетъ къ подъемному мосту. До недавняго времени у подъемнаго моста стоялъ одинъ часовой, а другой надъ воротами. Но въ послѣдніе дни неаполитанцы увеличили гарнизонъ до 120 человекъ и приняли предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. Они поставили отрядъ передъ церковью и двухъ часовыхъ у входа въ переулокъ, ведущій къ подъемному мосту. Поэтому овладѣть фортомъ врасплохъ стало труднѣе, чѣмъ мы думали: для этого было бы нужно довольно большое число людей, и являлась опасность, что приближеніе ихъ будетъ замѣчено. Неаполитанцамъ стоило лишь поднять мостъ, и тогда невозможно было бы овладѣть фортомъ безъ правильной осады и безъ пушекъ.

„Несмотря на это неожиданное затрудненіе, майоръ Миссори, осмотрѣвъ мѣстность, составилъ планъ внезапной атаки. Онъ хогѣлъ, чтобы сотня отборныхъ людей, передѣтыхъ поселянами и вооруженныхъ револьверами, перебрались черезъ проливъ, группами по 5 и 6 человекъ, и соединились въ одномъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы они пришли на рыночную площадь поутру, когда мостъ опущенъ, и смѣшались съ народомъ и солдатами передъ церковью. По данному сигналу они сбили бы двухъ часовыхъ, и одна половина нападающихъ стремительно бросилась бы черезъ мостъ, а другая задержала бы солдатъ, чтобы они не могли поддержать гарнизона.

„Планъ этотъ былъ хорошъ, но по многимъ причинамъ слѣдовало отдать предпочтеніе нападенію на Фіумарскій фортъ. Изъ нихъ главною была та, что на Фіумару можно было напасть ночью и тотчасъ же потомъ сдѣлать высадку въ большихъ силахъ, между тѣмъ какъ на Шиллу нельзя было напасть иначе, какъ днемъ, когда мостъ опущенъ, а днемъ неаполитанскіе пароходы были для насъ опаснѣе.

„Потому было предпочтено напасть на Фіумарскій фортъ. Майоръ Миссори былъ выбранъ для исполненія этого приготовительнаго шага къ переправѣ главныхъ силъ. Ему дали 40 колонновожатыхъ, 100 человекъ изъ бригады Сакки и 50 человекъ охотниковъ изъ разныхъ отрядовъ, подъ командою полковника де-Флотта. Имъ назначено было сѣсть на лодки въ Фаро, въ 10 часовъ ночи, и грести прямо на Фіумарскій фортъ, высадиться подъ нимъ, броситься на него и взлѣзть на стѣну, для чего взяли они съ собою лѣстницы и другія нужныя вещи. Три пушечные выстрѣла должны были служить сигналомъ успѣха.

„А между тѣмъ дивизія Козенца должна была держаться въ готовности. Около 2,000 человекъ должны были сѣсть на три парохода, остальные на лодки, разставленныя вдоль берега. Приготовлены также были въ маленькомъ озерѣ лодки для пушекъ и лошадей; пароходы должны были взять ихъ на буксиръ, когда прійдетъ минута. Высадивъ первыя войска, пароходы должны были вернуться и везти другія войска.

„Первыя дѣйствія были довольно удачны. Солдаты, пароходы, люди, все было въ готовности, и въ назначенное время маленькой отрядъ, выбранный для начала дѣла, сѣлъ на 32 лодки. Они поплыли при обстоятельствахъ довольно благоприятныхъ: ночь была темна, неаполитанскіе пароходы находились далеко. Черезъ нѣсколько времени отплыли еще три лодки, оставшія отъ другихъ за нагрузкою военныхъ снарядовъ. Все войско находилось полчаса въ нетерпѣливомъ ожиданіи. На томъ берегу продолжалася совершенная тишина, не слышалось никакого движенія, потому всѣ надѣялись, что дѣло идетъ удачно. Но вдругъ блеснулъ огонь и грянулъ громъ пушечнаго выстрѣла, вслѣдъ за нимъ раздались ружейные выстрѣлы; иллюзія исчезла, надежда замѣнилась страхомъ за судьбу охотниковъ. Прошло еще полчаса, — вы поймете сами, какъ тяжелы были эт минуты, — наконецъ послышался плескъ весель, всѣ бросились на берегъ; черезъ нѣ сколько минутъ начали, одна за другой, приставать къ берегу всѣ 32 лодки; онѣ ш ртились съ извѣстіемъ, что высадили охотниковъ незамѣченными и готовились плыг

назадъ, когда съ форта раздался выстрѣлъ, дававшій сигналъ тревоги. Какъ могли замѣтить высадку въ фортѣ—остается загадкой, до сихъ поръ еще не совсѣмъ понятой. Скоро воротились и три другія лодки, но онѣ не высадили своихъ солдатъ. Онѣ сбились съ дороги или были снесены течешемъ, и тревога началась прежде, чѣмъ успѣли онѣ сдѣлать высадку. Поэтому скорѣе всего надобно думать, что именно онѣ были замѣчены и послужили причиною тревоги. Неаполитанскія войска всѣ приготовились къ оборонѣ; въ этомъ не было сомнѣннйя, потому что три послѣднйя лодки нѣсколько разъ пытались пристать къ тому берегу, но каждый разъ принуждены были отплывать отъ него, слыша барабанный бой.

„Еще оставалась надежда, что высадившійся отрядъ можетъ прайдти незамѣченнымъ и успѣть въ своемъ дѣлѣ, потому что вниманіе неаполитанцевъ было обращено на берегъ. Но часъ проходилъ за часомъ, не принося желаннаго сигнала, трехъ пушечныхъ выстрѣловъ. Передъ разсвѣтомъ были пущены на томъ берегу двѣ ракеты,—это былъ единственный признакъ жизни на немъ. Какъ только занялась заря, мы не спускали зрительныхъ трубъ съ того берега, не увидимъ ли какого нибудь звука: не поднимется ли гдѣ дымъ, не замѣтнй ли движенія войскъ. Въ десятомъ часу утра показались на дорогѣ подъ Фіумарскнйя портомъ рота солдатъ и взводъ уланъ съ двумя пушками; они спускались внизъ и подошли почти къ самому морю. По всѣмъ признакамъ они производили рекогносцировку и подвигались съ предосторожностями, какъ будто передъ ними находится непріятель. По временамъ они ускоряли шагъ, иногда стремительно бросались впередъ, потомъ останавливались, строились въ боевые ряды, словомъ сказать—какъ будто искали предполагаемаго врага.

„Утомившись ожиданіемъ и проведенной безъ сна ночью, почти всѣ бывшіе на пароходахъ искали мѣста, чтобы вздремнуть минутку. Самъ генераль удалился на нѣсколько времени въ свою каюту и общій залъ нашего стараго парохода наполнилъ отдыхающими людьми, составляющими живописную сцену на темно-малиновомъ полиняломъ бархатѣ залы. Въ одномъ углу высокая худошавая фигура Козенца, на головѣ у котораго видны слѣды раны, полученной подъ Меладцо; подлѣ него очки, которыя онъ вѣчно таскаетъ съ собой; на немъ мундиръ бригаднаго генерала шэмонтской арміи. Въ противоположномъ углу лежитъ генераль Сиртори, начальникъ главнаго штаба. Въ третьемъ углу видна сѣдая галова Гузмароли, неизмѣнно сопутствующаго Гарибальди повсюду, и на Капрерѣ, и въ Ломбардіи, и въ Римѣ, и въ Сициліи. Далѣе группы болѣе или менѣе незнакомыхъ лицъ, потому что много новыхъ людей явилось въ послѣднее время въ штабѣ: не проходитъ ни одного дня безъ того, чтобъ не прѣхалъ кто нибудь, уже служившій когда нибудь у Гарибальди, или рекомендованный ему, какъ человѣкъ способный ко всякимъ обязанностямъ, но особенно желающій находиться въ его штабѣ. Разумѣется, никому не хотѣлось пропустить такого дѣла, какъ экспедиція въ Калабрію, и каждый, кто могъ. пробрался на одинъ изъ пароходовъ, прлнимъ путемъ или хитростями. Вмѣстѣ съ итальянцами тутъ люди со всѣхъ концовъ Европы, люди всѣхъ званій, говорящіе вавловскимъ смѣшеніемъ языковъ, представляющіе любопытный сборникъ всевозможныхъ костюмовъ: священники, монахи, корреспонденты газетъ, артисты, даже дамы; одна изъ нихъ ученица мнесь Найтингель, сестра милосердія; другая въ изящномъ нарядѣ, въ какомъ была вчера въ Мессинѣ. Тутъ на палубѣ и подъ палубой стрѣлковыи батальонъ, артиллеристы, саперы, матросы, машинисты, кочегары. Весь берегъ усыянъ солдатами: они ѣдятъ, пьютъ, спятъ, играютъ, бродятъ туда и сюда, болтаютъ, шутятъ, бранятся; офицеры хлопотливо бѣгаютъ между ними, или стараются пробраться черезъ толпу на своихъ упрямящихся лошадахъ; подлѣ самой воды стоятъ рядъ пушекъ; среди всего этого стоятъ запряженныя волами фуры; солдаты толпятся вокругъ вѣхъ, ожидая раздачи порцій; вдали неаполитанешіе пароходы, съ любопытствомъ смотрящіе на насъ,—все это составляетъ картину, достойную величайшаго живописца“.

• *Фаро*, 10 августа.

„Вчера, около полудня, мы успокоились, получивъ извѣстіе отъ переправившихся на ту сторону охотниковъ. Они всѣ благополучно пробрались въ горы и къ нимъ уже

присоединилось множество калабрійских инсургентовъ. Они надѣются скоро кнѣтъ силы, чтобы начать дѣйствовать. Чтобы отвлечь вниманіе неаполитанцевъ къ вору и тѣмъ дать время для инсургентовъ усилиться, въ эту ночь мы нѣсколько разъ развдвали пары и дѣлали фальшивыя попытки къ переправѣ. Хитрость эта удалась: неаполитанскіе пароходы, канонирскія лодки и гарнизоны фортовъ цѣлую ночь были въ тревогѣ. Они безпрестанно мѣнялись сигналами, передвигались, поднимали фонари, спускали ихъ, но почти не производили стрѣльбы; только когда пароходы приближались, аванпосты начинали ружейный огонь.

„Нынѣ, утромъ, войска, бывшія на пароходахъ, высадились опять на берегъ и снмъ Гарибальди поселился на башнѣ маяка въ маленькой комнаткѣ сторожа. Онъ теперь живеть одиноко, какъ любитъ жить въ минуты подобныя настоящей, а надѣ его комнатой площадь малка, съ которой овъ, какъ съ обсерваторіи, можетъ обозрѣвать всѣ окрестности. Какъ могли разиѣститься въ жалкой рыбацкой деревушкѣ Нижняго Фаро толпы лицъ, принадлежащихъ къ его штабу, это уже ихъ тайна.

„Солдаты (хотя большинство ихъ и новобранцы) привыкають устроиваться съ возможнымъ удобствомъ. Пока думали немедленно отправиться въ экспедицію, они стоимъ вдоль дороги и берега; теперь они ищуть убѣжища отъ солнечнаго зноя подѣ деревьями сосѣднихъ виноградниковъ“.

„11 августа.

„Нынѣшняя ночь прошла довольно тихо. Нѣсколько лодокъ было послано испитать зоркость неаполитанцевъ; онѣ подходили къ тому берегу; но ночь была свѣтла, потому ихъ скоро замѣтили и встрѣтили ружейными выстрѣлами.

„Нынѣ, на разсвѣтѣ, прибыли значительныя подкрѣпленія къ фіунарскому гарнизону. По дорогѣ видны были густыя колонны пѣхоты; теперь мы получили свѣдѣнія, что гарнизонъ усиленъ цѣлыми тремя стрѣлковыми батальонами, лучшимъ войскомъ въ неаполитанской арміи. Всѣ они не могли помѣститься въ маленькомъ форгѣ, и часть ихъ расположилась на открытой мѣстности подлѣ него“.

„12 августа.

„Нынѣшняя ночь не была похожа на прошлую. Все время длилось постоянное волненіе, причины котораго мы можемъ еще только угадывать. Оно началось въ 10 часовъ вечера. Нѣсколько выше Punta di Pezzo, на высокомъ берегу, стоитъ неаполитанскій форгъ, а за нимъ рядъ разбросанныхъ домовъ. Ночь была ясна и мы видѣли въ этомъ направленіи ружейный огонь, продолжавшійся нѣсколько минутъ. Потомъ на нѣсколько времени все затихло. Около полуночи перестрѣлка возобновилась. Шесть канонирскихъ лодокъ, часто видѣнныхъ нами близъ Фаро, подошли къ тому берегу и открыли сильный огонь по землѣ. Черезъ нѣсколько минутъ подошли три большіе неаполитанскіе парохода и также начали стрѣлять, впрочемъ изрѣдка. Судя по свисту ядеръ, казалось, какъ будто на берегу есть пушки, отвѣчающія пароходамъ. Черезъ часъ огонь прекратился, но передъ разсвѣтомъ былъ возобновленъ, потомъ опять прекратился и снова начался около семи часовъ утра. Въ это время было уже свѣтло, но солнечный блескъ не давалъ намъ различить, есть ли на берегу пушки, стрѣляющія по пароходамъ. Если онѣ есть, какъ утверждаютъ нѣкоторые, но нѣтъ сомнѣнія, что наши охотники ял инсургенты овладѣли фортомъ“.

„13 августа.

„Вчера, приказомъ по арміи, было объявлено, что Гарибальди уѣхалъ и на времъ его отсутствія главная команда поручается начальнику штаба. Дѣйствительно, всгѣлъ за обнародованіемъ этого приказа Гарибальди съ двумя спутниками съѣзъ ва „Вашингтонъ“ и отплылъ отъ Фаро назадъ. Этотъ внезапный отѣздъ—загадка, на которуе можно отвѣчать еще только предположеніями. Я только расскажу вамъ факты, остальн

выводы на вашу волю. Вчера утромъ пришелъ въ Фаро „Вашингтонъ“, одинъ изъ нашихъ пароходовъ, на немъ прибыли майоръ Трекки и докторъ Бертани, бывший довѣреннымъ агентомъ Гарибальди въ Генуѣ. Они приѣхали вмѣстѣ изъ Генуи въ Палермо, гдѣ пробыли одинъ день. Майоръ Трекки, по взятіи Палермо, отвозилъ письмо отъ Гарибальди къ королю и съ той поры постоянно разъѣзжалъ изъ Палермо или Мессины въ Туринъ и назадъ. Последний отъѣздъ его изъ Мессины былъ во время заключенія перемирія съ генераломъ Клари.

„Вечеромъ пришелъ „Тюкери“ (Велоче), бывший въ починкѣ въ Палермо, взявъ два стрѣлковыя батальона и ушелъ на сѣверъ.

„Всѣ эти обстоятельства, ваятыя вмѣстѣ, возбудили въ арміи мнѣніе, что переговоры имѣли успѣхъ, котораго не желалъ почти никто изъ нашихъ офицеровъ. Отъѣздъ Гарибальди въ Палермо объясняли тѣмъ, что составляется тамъ конгрессъ или какое нибудь свиданіе для рѣшенія дѣла.

„Но здѣсь дѣла имѣютъ характеръ не соответствующій этимъ мирнымъ предположеніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что возстаніе въ южной Калабріи распространяется съ каждымъ днемъ. Оно растетъ вокругъ нашего небольшого отряда, перешедшаго туда, и инсургенты не только держатся, но сами нападаютъ на неаполитанцевъ. Нынѣ ночью, уже долго опустя по отъѣздѣ Гарибальди, мы были пробуждены сильнѣмъ ружейнымъ огнемъ съ того же мѣста, гдѣ шла перестрѣлка вчера ночью, т. е. близъ форта Punta di Rezzo. Огонь продолжался минутъ десять, потомъ были сдѣланы три пушечные выстрѣла съ канонирскихъ лодокъ и два съ форта. Ружейный огонь тотчасъ же прекратился и скоро все затихло. Я не могу объяснить это иначе, какъ демонстрацію переправившагося отряда. Съ нашего берега видно, какое дѣйствіе начинаетъ производить эта система. Неаполитанскія войска безпрестанно движутся взадъ и впередъ; они изнуряютъ себя авапостной службой.

„Говорятъ, что сила калабрійскихъ инсургентовъ простирается уже до нѣсколькихъ тысячъ“.

„14 августа

„Вчера посылалъ я вамъ таинственное объясненіе таинственнаго отъѣзда Гарибальди; теперь сообщу другое. Вчерашнее составляетъ предметъ общихъ разговоровъ, о нынѣшнемъ только перешептываются. „Вашингтонъ“ привезъ майора Трекки, адъютанта Виктора-Эмануэля, но онъ привезъ также доктора Бертани, главнаго распорядителя по отправленію экспедицій изъ Генуи. Бертани привезъ извѣстіе, что 6,000 вольонтеровъ поѣхали изъ Генуи по направленію въ Кальяри. Хитрости, которыми неаполитанцы были обмануты въ Монреале и Парко, еще такъ свѣжи въ памяти, что у насъ предполагаютъ въ повтореніе. Сдѣлать демонстрацію на одной сторонѣ, а дѣйствительно оперировать съ другой—этимъ искусствомъ Гарибальди владѣть въ совершенствѣ. Въ его характерѣ было бы сдѣлать съ этими 6,000 челомъкъ демонстрацію, чтобы отвлечь вниманіе неаполитанцевъ на другую часть берега и черезъ это облегчить переправу здѣсь, или воспользоваться волненіемъ, провведеннымъ здѣшними вашими приготовлениями, и высадить нѣсколько тысячъ челомъкъ на какомъ нибудь другомъ пунктѣ берега—таковы предположенія, дѣлаемые у насъ. По этимъ предположеніямъ войска, отправленные на „Тюкери“, посылаются угрожать какому нибудь третьему пункту,—вещь тѣмъ болѣе правдоподобная, что „Тюкери“ ходитъ быстрѣе всѣхъ неаполитанскихъ кораблей.

„Но есть одно обстоятельство, противорѣчащее этому объясненію. Нашъ отрядъ на томъ берегу и калабрійскіе инсургенты получили приказаніе не нападать на неаполитанцевъ до новаго распоряженія. Они должны укрѣпляться и увеличивать свою численность, но не предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Впрочемъ и это можетъ быть объяснено предположеніемъ, что Гарибальди хочетъ отвлечь вниманіе неаполитанцевъ на другой пунктъ.

„А это было бы необходимо, если онъ хочетъ вести дѣйствія здѣсь: весь берегъ отъ Реджо до Шиллы охраняется теперь съ неусыпностью, почти невѣроятною въ неа-

политаяцахъ. Они шлѣють непрерывную цѣпь постовъ вдоль всего берега, отъ Тотте di Cavallo до Савъ-Джованни“.

„Мессина, 15 августа.

„Вчера вечеромъ было большое передвиженіе между Фаро и Мессиною. Командиры отрядовъ были приглашены къ генералу Свртори, командующему арміею на время отлучки Гарибальди. Цѣль приглашенія была очевидна: наконецъ, должна совершиться давно ожидаемая высадка. Узнавъ объ этомъ, публика положила, что она будетъ произведена непременно гдѣ нибудь въ проливѣ. Всѣ смотрѣли черезъ узкій проливъ, разсуждая о фортахъ и неаполитанскихъ пароходахъ.

„Переправа въ присутствіи сильнаго непріятеля дѣло трудное, хотя бы совершалась и черезъ небольшую, неглубокую рѣчку. Еще гораздо труднѣе переправиться черезъ проливъ съ страшными теченіями, имѣющей нѣсколько сотъ саженъ глубины и нигдѣ не имѣющей менѣе двухъ миль ширины,—переправиться въ виду 10 военныхъ пароходовъ, противъ которыхъ мы не можемъ выставить ни одного. въ виду нѣсколькихъ канонерскихъ лодокъ, четырехъ тяжелыхъ баттарей и войска, по крайней мѣрѣ равняющагося численностью вашему. Такія обстоятельства должны заставить хорошаго генерала подумать о высадкѣ на какомъ нибудь другомъ пунктѣ, избѣгая адъшняго берега, на которомъ сосредоточено все вниманіе непріятеля, и Гарибальди не такой человѣкъ, чтобы поступить иначе.

„Передъ его отъѣздомъ было рѣшено сдѣлать перемѣну фронта и, продолжая для обмана непріятеля приготовленія къ переправѣ черезъ проливъ, выбрать для высадки какой нибудь пунктъ материка на сѣверъ отъ пролива. Мѣстность благоприятствовала такому плану. Сѣверовосточный конецъ острова ссуживается къ мысу Фаро: въ Мессинѣ ширина острова не больше 6 миль (10 верстъ), а за Мессиною еще меньше. Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ всѣ войска было можно перевезти на другой берегъ острова, и это движеніе можно было скрыть отъ непріятеля, хотя онъ слѣдилъ за нами очень зорко. Большая горная цѣпь, пересѣкающая Сицилію, идетъ къ деревнѣ Верхнему Фаро и кончается близъ нея круглымъ холмомъ, на которомъ стоитъ земляной редутъ. Съ Мессинской стороны горы круты, съ другаго бока болѣе отлоги. Поэтому движенія войскъ скрываются за горами.

Пароходы и лодки также могли перейти на сѣверную сторону острова въ Меладцкую гавань, въ будучи замѣчены неаполитанскими крейсерами. Гавань эта лежитъ на обыкновенномъ пути кораблей изъ Мессины въ Палермо; идя изъ одного города въ другой, суда почти всегда заходятъ въ нее. Кромѣ того, ближайшее къ Фаро озеро имѣетъ черезъ кавалы сообщеніе и съ проливомъ и съ сѣвернымъ берегомъ, такъ что собранныя въ этомъ озерѣ лодки могли быть переведены на сѣверный берегъ. Расстояніе не велико. потому войскамъ было одинаково легко сѣсть на суда въ проливѣ или на сѣверномъ берегу. Мы продолжали дѣлать видъ, какъ будто готовимся сдѣлать высадку въ проливѣ. У вась въ проливѣ стояли два или три парохода; часть войскъ оставалась расположена по берегу пролива. А между тѣмъ колонны были двинуты на сѣверный берегъ. Первая бригада Козенца перешла въ деревни: Верхнее Фаро. Санта-Лучія, Санта-Никола, Сав-Джорджо. Бригада Сакки, занимавшая Верхнее Фаро и Гауцаръ, перешла въ Спадафору.

„Между тѣмъ какъ часть войска угрожала сѣсть на суда въ этихъ двухъ направленіяхъ, дивизія Тюрра готовилась къ переправѣ въ другомъ пунктѣ. Первая бригада, ходившая въ Монте, Кастильоне *) и другіе города около Этны для возстановленія порядка, получила приказаніе стать въ Таорминѣ **) или, точнѣе говоря, въ Дардини, деревнѣ лежащей надъ горою, на которой лежитъ Таормина; вторая бригада, которая шла къ Фаро, была послана соединиться съ первой.

„Такимъ образомъ, были подготовлены высадки въ двухъ направленіяхъ: одна на юговосточный, другая на западный берегъ Калабріи.

*) На юго-западъ отъ Мессины и на сѣверо-западъ отъ Катаніи.

**) На восточномъ берегу Сициліи, на половинѣ разстояніи между Мессиною и Катагъ ш.

„Но исполненіе этихъ высадокъ зависѣло отъ хода операцій, для веденія которыхъ отправился изъ Мессины Гарибальди, и пора коснуться этихъ операцій. Вскорѣ по вступленіи Гарибальди въ Мессину нѣкоторые предводители патриотической партіи въ папскихъ владѣніяхъ пріѣхали къ нему, чтобы условиться о планѣ нападенія на эти области. Рѣшено было, что вторженіе въ папскія владѣнія произойдетъ одновременно съ высадкою на горную часть материка, около половины нынѣшняго мѣсяца. Для вторженія въ папскія владѣнія собрано было 6,000 человекъ; было подготовлено возстаніе въ папскихъ провинціяхъ въ тому же времени. Корпусъ, назначенный для вторженія, рѣшено было перевезти отдѣльными отрядами на островъ Сардинію; пароходы изъ Палермо должны были пройти туда и перевезти экспедицію на материкъ.

„Высадку на континентъ изъ Сициліи надобно было произвести, когда готова будетъ экспедиція, приготовлявшаяся на островѣ Сардиніи,—мы должны ждать извѣстія о томъ. Прежде полагали, что это извѣстіе будетъ получено нами въ прошлую ночь или нынѣ утромъ; потому и начали мы вчера съ вечера готовить высадку. Но до сихъ поръ еще не пришло ожидаемое извѣстіе, и потому распоряженія теперь приостановлены.

„Ночь прошла тихо, безъ малѣйшей тревоги.—это очень удивило всѣхъ, видѣвшихъ приготовленія. Не было ни одного выстрѣла, никакого движенія въ войскахъ.— Нынѣ пришелъ Queen of England, коммерческій пароходъ, купленный въ Англіи агентами Гарибальди съ тѣмъ, чтобы обратитъ его въ военный корабль. На немъ привезено 16 варъзныхъ пушекъ и прислано торговцамъ на продажу 23,000 эффильдскихъ штуцеровъ. Queen of England построенъ крѣпко, но все-таки едва ли можетъ быть вооруженъ всеми орудіями, которыя привезъ; впрочемъ, онъ будетъ очень полезенъ для насъ и тогда, если можно будетъ поставить на немъ хотя двѣ 68-фунтовыя пушки.

„Получены извѣстія отъ маленькаго отряда, находящегося въ Калабріи. Онъ нашелъ безопасное убѣжище въ горахъ близъ пролива, не терпитъ ни въ чемъ недостатка, толпы жителей приходятъ посмотреть на него и присоединяется къ нему много волонтеровъ. Онъ имѣлъ только одну небольшую стычку, въ которой раненъ былъ одинъ изъ нашихъ; другой случайно ранилъ самъ себя изъ своего ружья; кромѣ того, двое пропали: предполагаютъ, что они заблудились въ ночь высадки и вѣроятно попались въ руки неаполитанцевъ“.

„17 августа.

„Вчерашній и нынѣшній день прошли спокойно. Нынѣ получено извѣстіе, что Гарибальди возвратился въ Палермо *) и пріѣдетъ сюда нынѣ ночью или завтра утромъ. Разумѣется, все операціи приостановлены до его прибытія.

„Сардинскій пароходъ „Карль-Альбертъ“, постоянно ходившій между Палермо и Мессиною, возвратился послѣ недолгой отлучки. Изъ всѣхъ искушений, представляющихъ нашимъ солдатамъ, самое сильное — овладѣть этимъ прекраснымъ кораблемъ, и нѣтъ конца жалобамъ на строгое приказаніе не касаться его. Матросы и нѣкоторые изъ офицеровъ расположены помогать намъ, потому овладѣть пароходомъ было бы легко. Но это строго запрещено: мы въ гнѣсныхъ сношеніяхъ съ Піэмонтомъ, потому „Карль-Альбертъ“ остается неприкосновеннымъ для насъ. Мы даже отъиссываемъ, и если найдемъ, возвращаемъ матросовъ, переходящихъ къ намъ“.

„19 августа.

„Вчера утромъ Гарибальди возвратился изъ Палермо. Съ нимъ пріѣхалъ генералъ Тюрръ, на нѣсколько недель уѣзжавшій въ Aix-les-Bains лечиться. Гарибальди купилъ ружья, привезенныя Queen of England и приказъ вооружать этотъ пароходъ. Менѣе чѣмъ въ часъ сдѣлаеъ покупку ружей и отдавъ распоряженія, Гарибальди тотчасъ же отправился въ сопровожденія Тюрра и нѣсколькихъ другихъ ближайшихъ лицъ въ Таормину, подлѣ которой, въ Джардини, стояла бригада Биксіо (первая бригада дивизіи Тюрра), готовая съѣсть на суда.

*) Съ острова Сардиніи, куда ѣздялъ вмѣстѣ съ Бергани.

„Прежде чѣмъ ставу рассказывать объ этой высадкѣ, скажу нѣсколько словъ о дѣлахъ, по которымъ пріѣзжать Гарибальди. Я уже говорилъ вамъ, что докторъ Бертани, его генуэзскій агентъ, пріѣзжалъ къ нему съ вѣстіемъ, что 6,000 человекъ готовы отправиться въ экспедицію въ папскія владѣнія. Golfo d'Orangio, на восточномъ берегу острова Сардинія, былъ выбранъ докторомъ Бертани, какъ самый удобный пунктъ для сбора войскъ; онъ переправилъ туда свою экспедицію небольшими отрядами, а самъ поѣхалъ видѣться съ Гарибальди. Были приняты всѣ предосторожности для возбужденія увѣренности, что эта экспедиція, подобно прежней, назначена въ Сицилію; но истинное ея назначеніе все-таки было узнано, и сильныя представленія были сдѣланы туринскимъ министерствомъ, чтобы не усложнять дѣла вопросомъ о папскихъ владѣніяхъ до окончанія неаполитанскаго вопроса. За день передъ отъѣздомъ Бертани изъ Генуи, самъ Фарини пріѣхалъ туда съ этимъ требованіемъ, а майоръ Трекки привезъ такія же требованія лично отъ короля. Требования министерства, вѣроятно, остались бы безуспѣшны, но желаніе короля достигло своей цѣли. Я уже нѣсколько разъ говорилъ вамъ, что Гарибальди имѣетъ рыцарскую привязанность къ Виктору-Эммануэлю, какъ символу итальянскаго единства. Единственнымъ возраженіемъ противъ экспедиціи было то, что Піэмонть станетъ въ затруднительное положеніе, если прямо изъ піэмонтскихъ владѣній будетъ произведено вторженіе въ папскую область. Потому туринское правительство совѣтовало перевозить этотъ шести-тысячный корпусъ въ Сицилію, подобно прежнимъ корпусамъ, и уже оттуда отправить его дальше. Эти требованія достигли успѣха; но по прежнему плану корпусъ былъ уже перевезенъ на островъ Сардинію и Гарибальди рѣшился самъ поѣхать туда, чтобы посмотрѣть, какъ поступать дальше.

„Выборъ мѣста на берегу острова Сардинія былъ предоставленъ генуэзскому комитету, распоряжавшемуся и остальными подробностями. Но выборъ Golfo d'Orangio оказался неудаченъ, потому что трудно было тамъ запастись провизіей и водой. Кромѣ того и организациія перевезеннаго туда отряда была неудовлетворительна. Увидѣвъ это, Гарибальди совершенно отказался отъ мысли о немедленной высадкѣ въ папскія владѣнія, и рѣшился употребить этотъ шеститысячный отрядъ для упроченія своего успѣха на югъ *). Точчасъ же были сдѣланы распоряженія для перевозки этихъ волонтеровъ въ Сицилію. 1,000 человекъ изъ нихъ были отправлены на пароходѣ „Торино“ кругомъ Сициліи въ Таоринну, куда былъ отправленъ и другой пароходъ „Франклинъ“. Пароходы эти должны были взять въ Таориннѣ бригаду Вискіо и перевезти ее на южный берегъ Калабріи. Это было одно изъ тѣхъ смѣлыхъ и быстрыхъ движеній, которыя любятъ Гарибальди. Вниманіе всѣхъ было обращено на проливъ и на западный берегъ материка; — этимъ открывалось удобство для высадки на южный или восточный берегъ.

„Торино“ и „Франклинъ“ прибыли въ Джардини въ ночь съ 17 или 18 число; къ утру была уже кончена нагрузка военныхъ принадлежностей и войска были уже на пароходахъ. Гарибальди выѣхалъ изъ Мессины вчера въ часъ по полудни, въ четыре часа вечера пріѣхалъ въ Джардини; вся сила экспедиціи простиралась до 9,000 человекъ. На „Торино“ были посажены 2,000 человекъ, остальные сѣли на „Франклинъ“ и на два парусныя судна, взятыя на буксиръ пароходами. Когда всѣ приготовления были кончены, Гарибальди рѣшился самъ командовать экспедиціею, въ которой находится и старшій его сынъ. Въ семь часовъ вечера, когда смерклось, экспедиція отплыла отъ берега. Въ какомъ именно пунктѣ высадится она, это не опредѣлено впередъ и будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Но все вниманіе неаполитанцевъ сосредоточено на проливѣ, потому должно надѣяться, что войска высадятся на берегъ безъ препятствій. Корабли пошли прямо къ ближайшему пункту Калабріи, находящемуся миль въ 20-ти (верстахъ въ 30-ти) отъ Таоринны. Если высадка будетъ удачна, Гарибальди думаетъ въ тотъ же день напасть на Реджо.

„Теперь уже полдень, а дурныхъ вѣстей до сихъ поръ нѣтъ, потому мы надѣемся и вѣримъ въ счастье Гарибальди. Мы условились, какимъ сигналомъ будетъ намъ дано

*) Изъ вашего обзора, слѣдующаго за этимъ переводомъ, читатель увидитъ, что корреспондентъ Times'a не вполне излагаетъ характеръ обстоятельствъ, разстроившихъ экспедицію, о которой здѣсь говорится.

знать объ успѣхѣ высадки, но сигналъ этотъ можно будетъ дать только ночью. А между тѣмъ мы разставили караульныхъ, и воздушные телеграфы внимательно наблюдаютъ, не будетъ ли чего замѣтно на томъ берегу.

„Итакъ войско опять осиротѣло, но лишь не надолго. Вторая бригада дивизіи Турра готова отправиться за первую въ томъ же направленіи, то есть на восточный берегъ, а другія войска одновременно съ нѣмъ двинутся на западный берегъ и черезъ проливъ“.

„Мессина, 20 августа.

„Звѣзда Гарибальди сияетъ ярче прежняго. Вскорѣ по отсылкѣ моего вчерашняго письма, мы получили извѣстіе объ успѣхѣ высадки Гарибальди съ бригадою Висіо. Мы узнали объ этомъ изъ письма самого Гарибальди, излагающаго дѣло съ обыкновеннымъ своимъ лаконизмомъ. На письмѣ выставлено „11 часовъ утра., Мелито“ *). Гарибальди пишетъ: „Мы высадились успѣшно. Солдаты наши отдыхаютъ; поселяне толпами собираются къ намъ. „Торино“ сѣлъ на мель; всѣ усилія снять его остались напрасны“. Почти въ то же самое время мы получили отъ нашего союзника, неаполитанскаго воздушнаго телеграфа, посылаемое имъ въ Реждо извѣстіе, что Гарибальди съ 8,000 человекъ высадился у мыса Спартивенто, что крейсера ничего не могли сдѣлать, потому что у него „8 линейныхъ кораблей и 7 большихъ транспортныхъ пароходовъ“ в что нужна скорѣйшая помощь. Отвѣта не было, и теперь мы знаемъ причину тому: воздушный телеграфъ около Мелито разрушенъ. Вечеромъ возвратился „Франклинъ“, бывшій въ экспедиціи, и привезъ подробныя извѣстія о высадкѣ. Передъ самымъ отплытіемъ, когда войска были уже посажены на пароходѣ, оказалась во „Франклинѣ“ течь; солдатъ надобно было снова переводить на берегъ и отыскивать, гдѣ именно находится течь. Была ночь и матросы колебались нырять для ея отысканія. Гарибальди, смотрѣвшій на нихъ, снялъ съ себя шпагу и сказалъ: „вижу, что мнѣ надобно самому искать гдѣ течь“. Черезъ минуту 20 матросовъ были въ водѣ; но поиски ихъ остались напрасны, потому что подводная часть парохода была покрыта морской травой и раковинами. Осталось одно средство: дѣйствовать помпами; помпы имѣли успѣхъ, но не полный. Гарибальди не остановился передъ этою трудностью. Онъ сказалъ солдатамъ, чтобы они опять сѣли на пароходъ, сказалъ имъ, что по нѣсколькимъ дней плавалъ на корабляхъ, находившихся въ гораздо худшемъ состояніи, и что переѣздъ, продолжающійся нѣсколько часовъ, пустяки.

„Пароходы поплыли на востокъ и въ два часа ночи были у калабрійскаго берега, „Торино“, тяжело нагруженный (на немъ кромѣ военныхъ снарядовъ было 2,000 человекъ), сѣлъ на мель. Но это не помѣшало начать высадку близъ мыса Спартивенто **) въ бухтѣ, на западъ отъ него. Не было нигдѣ видно ни неаполитанскихъ крейсеровъ, ни ихъ войскъ; дѣло шло безпрепятственно; но не исполнилась надежда, что „Торино“ снимется съ мели, облегчившись выгрузкою: онъ остался крѣпко застѣвшимся; „Франклинъ“ шесть часовъ старался стащить его отъ мели, но безуспѣшно. Видя, что ничего нельзя сдѣлать, Гарибальди велѣлъ „Франклину“ вернуться въ Мессину. Лишь только обегнулъ „Франклинъ“ мысъ dell'Argini ***) , какъ встрѣтился съ двумя неаполитанскими фрегатами, спѣшившими къ Мелито. „Франклинъ“ поднялъ американскій флагъ, былъ пропущенъ неаполитанцами и пришелъ въ Мессину.

„Первымъ дѣломъ высадившагося войска было принятіе за разрушеніе станціи воздушнаго телеграфа. Одну успѣли разрушить, но другую не могли скоро отыскать, и такимъ образомъ извѣстіе о высадкѣ было передано въ Реждо и дошло до насъ. Тогда же были посланы люди отыскивать отрядъ изъ 200 человекъ, переправившійся въ

*) Мелито лежитъ на самой южной оконечности Калабріи.

**) Мысъ Спартивенто составляетъ восточную оконечность южнаго берега Калабріи.

***) Западный край южнаго конца Калабріи; разстояніе между нимъ и мѣстомъ, гдѣ происходила высадка—верстъ пятнадцать.

Калабрию за 12 дней передъ тѣмъ. Онъ находился въ дикихъ горахъ Аспромонте *), въ трехъ часахъ пути отъ высадившагося войска, къ которому скоро присоединялся.

„Неаполитанцы и на этотъ разъ, какъ подъ Палермо, были совершенно обмануты маневрами Гарибальди. Они сосредоточили свои войска по западному берегу Калабрии отъ Реджо до Монтелеоне, послали 1,800 человекъ искать первый нашъ маленькій отрядъ и совершенно забыли объ охраненіи остальнаго берега. Они очевидно и не воображали, что мы можемъ обойти кругомъ Сицилію, не проходя черезъ проливъ. Самый Реджо они считали находящимся внѣ опасности, такъ что поставили въ немъ всего только восемь ротъ,—четыре стрѣлковыя роты и четыре роты линейной пѣхоты **). Какъ только жители Реджо узнали о высадкѣ Гарибальди, они послали депутацию въ неаполитанскому командиру спросить его, думаетъ ли онъ сражаться, и потребовать, чтобы онъ вышелъ за городъ, если думаетъ сражаться, потому что они не хотятъ видѣть своихъ домовъ разоренными; а если онъ самъ не пойдетъ изъ города, прибавляли горожане, то они возстанутъ и выгонять его. Неаполитанскій командиръ обѣщался выступить за городъ.

„Судя по тѣмъ неаполитанскимъ войскамъ, съ которыми мы сходились, большая часть ихъ офицеровъ, не колеблясь, пристали бы къ намъ, если бы были увѣрены, что сохранять свои чины; они живутъ и содержатъ свои семейства только жалованьемъ и не рѣшаются рисковать ими, еще не видя, на чьей сторонѣ сила. Если бы мы могли давать общанія нѣмемъ короля Виктора-Эммануэля, почти всѣ они были бы нашими, во мы еще только временное правительство, не признанное европейскими державами; потому, вѣроятно, понадобится еще довольно большое сраженіе для убѣжденія ихъ, что перейти на сторону итальянскаго дѣла будетъ не рвкомъ, а выигрышемъ.

„Въ ныѣшнюю ночь ясно были видны сигнальные огни на высотахъ, поднимающихся около Мелито; они возвѣщали обоимъ берегамъ пролива о высадкѣ Гарибальди. Все населеніе Мессины до глубокой ночи гуляло по иллюминированнымъ улицамъ, слушая оркестры, игравшіе до 12 часовъ. Цитадель уныло молчала. По конвенціи она должна хранить перемиріе, что бы мы ни дѣлали, если только не будетъ нападенія на нее. Такимъ образомъ гарнизонъ видитъ наши приготовленія и не можетъ ничему помѣшать.

„По всей вѣроятности Гарибальди нынѣ будетъ въ Реджо,—по крайней мѣрѣ онъ такъ хотѣлъ; но, разумѣется, нельзя угадать, не будетъ ли онъ принужденъ обстоятельствами измѣнить свой планъ.

„Всѣ наши войска, оставшіяся здѣсь, держатся въ готовности сѣсть на суда по первому приказанію; гдѣ и какъ они высадятся, это зависитъ отъ хода дѣла въ Калабрии и соображеній Гарибальди. Не зачѣмъ говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ каждый ждетъ этихъ приказаній“.

„21 августа.“

„Вчера мы получили извѣстія съ того берега. Гарибальди находился близъ Реджо и къ нему присоединилось нѣсколько сотъ калабрійскихъ волонтеровъ. Онъ хотѣлъ быть въ Реджо нынѣ на разсвѣтѣ; тамъ только 700 человекъ гарнизона, да и тотъ стоитъ не въ городѣ, а за городомъ, ва дорогѣ, по которой идетъ Гарибальди. Городъ находится въ рукахъ 1,500 человекъ національной гвардіи, готовой присоединиться къ Гарибальди. Письмо, сообщающее эти извѣстія, приказываетъ второй бригадѣ дивизіи Турра сѣсть на суда нынѣ ночью въ Мессинской гавани и къ разсвѣту быть на тѣ сторонѣ. Приказано также, чтобы, лишь только начнется нападеніе на Реджо, дивизія Козенца сдѣлала попытку отплыть изъ Фаро и произвела тѣмъ диверсію въ этомъ пунктѣ. Во вчерашнемъ письмѣ Гарибальди находилось приказаніе командиру „Карл-Альберта“ идти къ тому берегу, чтобы помочь „Торнио“ сняться съ мели. Сардинскій

*) На юго-востокъ отъ Реджо. Аспромонте составляетъ южную оконечность Аппенинскаго хребта и покрыта лѣсомъ.

**) Реджо лежитъ южнѣ Мессины, на половинѣ того пространства калабрійскаго берега, которое составляетъ одинъ изъ боковъ пролива.

командир повиновался, и „Карль-Альбертъ“ отправился вчера вечеромъ къ Мелито. Незавѣстно впрочемъ, успѣють ли снять „Торино“, и если успѣють, то годится ли онъ куда нибудь. Потому что вчера утромъ фрегатъ и парусный корабль, присланные неаполитанцами по первому извѣстію о высадкѣ, стрѣляли въ него.

„Тотчасъ же по полученіи письма были даны приказанія готовить вторую бригаду дивизіи Тюрра къ отплытію, и въ часъ по полудни она уже собиралась садиться на Queen of England, „Франклинъ“, и Sidney-Hall, парусный корабль, пришедшій вчера вечеромъ Генуи съ нѣсколькимистами человекъ. Но кажется, что неаполитанцы узнали о нашемъ намереніи: одинъ изъ ихъ фрегатъ сталъ передъ входомъ въ гавань, и намъ пришлось отказаться отъ мысли объ отправленіи парусныхъ кораблей.

„Ныгъ вь разсвѣтъ начался сильный ружейный огонь, сначала около Реджо, потомъ въ самомъ Реджо. Черезъ нѣсколько минутъ также начали стрѣлять два неаполитанскіе парусныхъ корабля и пять канонирскихъ лодокъ. Этотъ огонь продолжался нѣсколько часовъ. Начала стрѣлять и Реджоская цитадель. Въ 8 часовъ утра ружейный огонь прекратился, но корабли продолжали стрѣлять по городу. Около 9 часовъ возобновилась цитадель, прекращавшая его на нѣсколько времени; но корабли уже не отвѣчали ей. Мы еще не получали никакихъ извѣстій объ успѣхѣ этой битвы.

„Пока шла она, часть дивизіи Козенца съѣла на лодки въ Фаро. Экспедиція отплыла, когда было уже совершенно свѣтло. Четыре неаполитанскіе парусныхъ корабля стояли близъ Фаро, но лодки поплыли, не задерживаясь этимъ. Два другіе парусныхъ корабля, шедшіе къ Реджо, также пришли къ Фаро, увидѣвъ экспедицію. Всѣ они пошли къ Фіумарскому форту, къ которому направилась экспедиція, и начали стрѣлять; начали стрѣлять и форты Фіумарскій, Шилла и Punta di Pezzo. Сильный огонь продолжался до 9 часовъ утра. Мы еще не знаемъ, какой успѣхъ имѣла наша экспедиція.“

„Реджо, 24 августа.

„Наше положеніе въ Калабріи можно назвать упроченнымъ. Реджо въ нашихъ рукахъ, а высадка Козенца произведена почти безъ потери. Оба эти дѣла служили облегченіемъ одно другому, какъ обыкновенно бываетъ при планахъ хорошо обдуманныхъ. Рѣшившись идти на Реджо, Гарибальди привазалъ сдѣлать диверсію со стороны Фаро, чтобы отвлечь парусные корабли, собравшіеся при извѣстіи о его приближеніи. Онъ высадился такъ счастливо, что показалось возможнымъ заняться стаскиваніемъ „Торино“ съ мели. Пока хлопотали надъ этимъ (съ шести до 11 часовъ утра), войска, высадившіеся у высохшаго русла потока близъ Мелито, старались расположиться какъ нибудь поудобнѣе на гостепріимномъ берегу, выжженномъ солнцемъ. Составивъ ружья, солдаты сняли свои плащи и ранцы, и одни легли отдохнуть послѣ бессонной ночи, а другіе пошли искать воды, которой почти лишена эта часть Калабріи въ лѣтніе мѣсяцы. Въ это время пришли неаполитанскіе парусные корабли. „Франклинъ“ (экспедиція переправилась на двухъ парусныхъ корабляхъ, „Торино“ и „Франклинъ“), видя безуспѣшность своихъ усилій стаскивать „Торино“, ушелъ въ Мессину, когда неаполитанскіе парусные корабли еще не показывались, и прошелъ мимо нихъ при входѣ въ проливъ. Такимъ образомъ неаполитанскіе парусные корабли нашли только „Торино“, сидѣвшій на мели, и нашъ отрядъ, расположившійся лагеремъ на берегу. Они начали стрѣлять по парусному кораблю и по лагерю. Солдаты, спокойно отдыхавшіе, получили приказаніе подняться вверхъ по горамъ, чтобы не подвергаться напрасной опасности. Горы тутъ подходятъ близко къ берегу и солдаты передвинулись на нихъ. Тогда неаполитанцы сосредоточили свой огонь на „Торино“ и скоро зажгли его. Ночь Гарибальди провелъ въ Мелито.

„Одинъ изъ тѣхъ благопріятныхъ случаевъ, которые на войнѣ называются „счастьемъ“ генерала, привелъ въ Мелито нѣсколькихъ людей изъ отряда, за двѣ недѣли передъ тѣмъ высадившагося въ Калабрію: они были посланы изъ Санъ-Лоренцо за хлѣбомъ и встрѣтились съ нашими. Они сообщили первыя подробныя свѣдѣнія о судьбѣ своихъ товарищей. Планъ переправы этого веельшаго отряда былъ составленъ по извѣстіямъ, которые были сообщены калабрійцемъ барономъ ди-Муссоліно. Онъ обѣщался ввести въ верхшій Фіумарскій фортъ инженернаго офицера съ тремя артиллеристами; высадку по-

ложено было сдѣлать подлѣ самаго форта. Калабрійскіе проводники должны были ждѣть тамъ напшгъ, чтобы провести ихъ окольною дорогою на террасу въ фортъ съ той стороны, гдѣ онъ имѣетъ только высокую стѣну съ амбразурами, но безъ пушекъ. Люди заравѣ введенные въ фортъ должны были отворить находящіяся съ той стороны ворота. На всякій случай солдатамъ даны были лѣстницы. Военная часть экспедиціи вѣрена была майору Миссори, но весь планъ высадки принадлежалъ барону Муссолино; отъ этого раздѣленія команды вѣроятно и произошла неудача въ нападеніи на фортъ.

„Первое разстройство случилось оттого, что отрядъ высадился не у потока, находящегося подлѣ форта, а у другаго; въ ночной темнотѣ трудно было различить мѣстность и расчитать силу теченія въ проливѣ; вѣроятно и сицилійскіе лодочники предпочитали править къ мѣсту менѣе опасному. Какъ бы то ни было, но отрядъ не нашелъ проводниковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ высадился. Было послано по 5 человекъ въ обѣ стороны искать ихъ. Замѣтили ли неаполитанцы, что произведена высадка, или у нихъ и прежде стояли караулы на берегу, но дѣло въ томъ, что одна изъ партій, посланныхъ искать проводниковъ, наткнулась на веаполитанскій патруль, обмѣнялась съ нимъ нѣсколькими выстрѣлами, взяла двухъ неаполитанцевъ въ плѣнъ, и выстрѣлы подняли на ноги гарвизонъ форта. Онъ сдѣлалъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и началъ ружейный огонь въ темнотѣ на удачу. Майоръ Миссори хотѣлъ выжидать, что будетъ; но часть его отряда, смущенная этою тревогою, пошла въ горы, бы впая по близости. Остальной отрядъ, вида, что напрасно было бы ждѣть больше, также пошелъ въ горы по сухому руслу ручья и, сдѣлавъ утомительный переходъ, прибылъ на слѣдующій день въ Cascina de'Forestani, одинокую ферму въ горахъ, гдѣ понемногу собрались къ нему и солдаты, пошедшіе по другимъ дорогамъ; пропало въ темнотѣ только пять человекъ, которые попались въ руки неаполитанцевъ.

„Неудача и поспѣшное отступление конечно не могли ободрить солдатъ отряда. Всѣ тѣ, которые не были подлѣ прямою командою Муссолино, приписывали неуспѣхъ его плохимъ распоряженіямъ; офицеры составили нѣчто въ родѣ военнаго совѣта и почти всѣ хотѣли передать всю власть одному майору Миссори. Но чтобы не поселить неудовольствія въ калабрійцахъ рѣшили, наконецъ, оставить все по прежнему.

„Сообщеніе съ берегомъ было отрѣзано у нашего отряда неаполитанцами; онъ былъ запертъ въ пустынѣ; но положеніе его не было безнадѣжно. Всѣ сосѣдніи деревни непрерывно снабжали его всѣмъ нужнымъ. Неаполитанцы, хотя имѣли огромный переѣсъ въ числѣ, не думали въ первые дни тревожить его; притомъ же лѣса и горы представляли довольно безопасный путь отступления. Простоявъ нѣсколько дней въ Cascina de'Forestani, отрядъ захотѣлъ попытать счастья. Нападеніе на Фіумарскій фортъ не представляло бы никакихъ шансовъ успѣха: наши знали, что гарвизонъ его получалъ подкрѣпленіе и неаполитанцы заняли террасу, господствующую надъ фортомъ; потому отрядъ рѣшился идти на Баньяру, приморскій городокъ къ сѣверу отъ Шиллы. Занимая вершину горъ, нашъ легкій отрядъ могъ свободно идти по какому угодно направленію; онъ выступилъ вечеромъ на четвертый день и шелъ всю ночь, но проводники оказались плохи и онъ нѣсколько разъ сбивался съ дороги. Къ утру наши волонтеры были, однако же, на высотахъ, поднимающихся надъ Баньярою и фортомъ, которымъ снабженъ этотъ городъ, подобно почти всѣмъ городамъ, лежащимъ по берегу. Десятка два стрѣлковъ были посланы впередъ; они поддерживали нѣсколько времени перестрѣлку, но скоро наши увидѣли, что, имѣя 200 человекъ, ничего не могутъ сдѣлать противъ нѣсколькихъ батальоновъ, опирающихся на фортъ, снабженный пушками; потому они отступили и, снова сдѣлавъ утомительный переходъ, вернулись на прежнее мѣсто, въ Cascina de'Forestani.

„Если неудача первой попытки овладѣть Фіумарскимъ фортомъ ослабила отвагу и побольшаго отряда нашихъ волонтеровъ, то и на неаполитанцевъ произвела такое же вліяніе ихъ высадка вмѣстѣ съ приготовленіями Гарибальди. Изъ денешъ, послышавшихся по телеграфу въ Неаполь, видно, что неаполитанцамъ повсюду грезилась высадка волонтеровъ: въ Каньятелло, надлѣво отъ Реджо, въ Біанш, въ Джераче Бовелина, на восточномъ берегу; а когда Гарибальди въ самомъ дѣлѣ явился, онъ не встрѣтилъ на берегу непріятеля.

„По отступленіи нашего отряда отъ Баньяры, неаполитанцы сформировали летучую колонну изъ 1,800 человекъ подъ командою Бриганти, послали ее въ погоню и успѣли дойти до Cascina de'Forestani, не будучи замѣчены нашими. Увидѣвъ такого многочисленнаго неприятеля, наши отступили въ лѣса, покрывающіе вершину горнаго хребта, оставивъ 45 человекъ на своей прежней позиціи, чтобы прикрывать отступление. Не смотря на свою многочисленность, неаполитанцы не стали нападать и заняли наблюдательное положеніе. Давъ своей колоннѣ отступить, нашъ маленькій арьергардъ пошелъ за нею; неаполитанцы не тревожили его и на отступленіи.

„Волонтеры наши по самому хребту Аспроинте сдѣлали утомительный переходъ въ 22 часа и пришли въ Савь-Лоренцо, на южномъ спускѣ Аспроинте, близъ Мелито. Савь-Лоренцо построенъ на отдѣльномъ утесѣ, высоко поднимающемся надъ окрестными холмами. Въ такой позиціи легко было бы защищаться, если бы неаполитанцы дошли туда. Жители приняли въ Савь-Лоренцо, какъ и повсюду, нашихъ волонтеровъ съ восторгомъ. Чтобы не слишкомъ обременять собою городокъ, имѣющій 2000 жителей, наши послали двѣ партіи собирать продовольствіе по другимъ мѣстамъ, и одна изъ нихъ пришла въ Мелито въ тотъ самый день, какъ высадался тамъ Гарибальди—19 числа. Тотчасъ же послали въ Савь-Лоренцо извѣстіе остальному отряду; но какъ онъ ни спѣшилъ, онъ успѣлъ соединиться съ Гарибальди только уже подъ Реджо во время битвы.

„Увидѣвъ гибель „Тарино“, Гарибальди не захотѣлъ терять времени и 20 числа вышелъ изъ Мелито по дорогѣ, идущей вдоль берега. Первые восемь миль (16 верстъ) этого пути до мыса dell'Agmi представляютъ только тропинку, по которой во многихъ мѣстахъ людямъ надобно проходить по одиночкѣ. Но еще затруднительнѣе былъ недостатокъ воды: въ это время года всѣ колодцы почти высыхаютъ, а потоки пересыхаютъ совершенно. Особенно тяжелъ былъ этотъ недостатокъ для корпуса, въ которомъ находилось много сицилійцевъ. Изъ всѣхъ живыхъ существъ, извѣстныхъ мнѣ, сицилійскій волонтеръ самое жадное до воды; онъ совершенно унываетъ, если чувствуетъ жажду. Но Гарибальди неумолимъ: воплѣ владѣя собою, онъ не терпитъ слабостей и въ другихъ. Притомъ же надобно было не терять времени, чтобы дойти до Реджо, прежде чѣмъ неаполитанцы успѣютъ прислать подкрѣпленіе гарнизону. Поэтому много солдатъ отстало; они пришли потомъ съ колонною майора Миссори, шедшею изъ Савь-Лоренцо.

„Давъ своему войску небольшой отдыхъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Реджо, Гарибальди двинулся дальше на разсвѣтъ слѣдующаго дня. Разсказъ, что жители Реджо просили командира гарнизона полковника Дюме сражаться за городомъ, оказался справедливымъ. Оставивъ нѣсколько сотъ человекъ въ цитадели, съ остальными Дюме занялъ позицію передъ городомъ на ручьѣ, на которомъ построенъ каменный мостъ. Каждый потокъ въ Калабріи составляетъ крѣпкую позицію не только зимою, когда многіе изъ потоковъ непреступны, но и лѣтомъ, когда они пересыхаютъ; берега потоковъ круты и непремѣнно покрыты густымъ лѣсомъ. Но неаполитанцы, повидимому, не думали крѣпко защищать свою позицію. Гарибальди раздѣлалъ войско на три колонны. Городъ Реджо, подобно всѣмъ городамъ на здѣшнемъ узкомъ побережьи, очень длиненъ и неширокъ, хотя часть его построена уже на холмахъ. Цѣлью Гарибальди было овладѣть этою верхнею частью города, которая господствуетъ надъ другою половиною, и главныя силы, подъ командою самого Гарибальди, двинулись по этому направленію; Биксіо велъ среднюю колонну, шедшую на мостъ, а лѣвая колонна шла по побережью. Не знаю, съ самаго ли начала неаполитанцы не хотѣли драться серьезно, или упали духомъ отъ какой нибудь другой причины; но какъ бы то ни было, они скоро начали отступать въ центрѣ в на своемъ лѣвомъ флангѣ; только правое крыло ихъ оказало нѣкоторое сопротивленіе. Гарибальди съ горстью людей завялъ ферму противъ ихъ позиціи, въ ожиданіи подкрѣпленій для атаки въ штыки. При первомъ натискѣ неаполитанцы отступили, а колонна вошла въ городъ, гоня ихъ передъ собою; они поспѣшно побѣжали на противоположный конецъ города. Биксіо, между тѣмъ, также вошелъ въ городъ по главной улицѣ и, занявъ соборную площадь, отрѣзалъ отступление неаполитанскому отряду. съ которымъ сражался. Эта часть неаполитанцевъ повернула тогда въ верхнюю часть города и, выходя изъ переулка на верхнюю улицу, идущую параллельно съ главной,

встрѣтила колонну Гарибальди. Волонтеры хотѣли атаковать неаполитанцевъ, но Гарибальди остановилъ атаку, думая, что неаполитанцы передаются намъ. Вмѣсто того они бросились бѣжать; наши погнались за ними, захватывая въ плѣнъ десятки ихъ; остальные въ разбродъ бѣжали къ Санъ-Джованни *). Менѣе чѣмъ въ два часа послѣ перваго выстрѣла, городъ весь былъ въ нашихъ рукахъ. Неаполитанцы оставались только въ цитадели. Потери съ обѣихъ сторонъ были ничтожны. Мы понесли бы много урона, быть можетъ, не одержали бы успѣха, если бы неаполитанскіе пароходы (ихъ было тутъ цѣлыхъ семь) поступили такъ же, какъ въ Палермо. Но очевидно, они игнорировали приказаніе не стрѣлять по городу. Они только пустили нѣсколько ядеръ и картечныхъ зарядовъ на дорогу, когда колонна шла по городу; но какъ только она вошла въ городъ, огонь прекратился. Притомъ же вниманіе пароходовъ скоро было отвлечено въ другую сторону. У Козенца было все готово къ переправѣ войскъ изъ Фаро на калабрійскій берегъ, по первому сигналу о нападеніи на Реджо. Десяносто лодокъ наполненныхъ войскомъ, ждали этого сигнала на озерѣ, гдѣ не замѣчали ихъ единственный неаполитанскій пароходъ, оставшійся у сѣвернаго конца канала (всѣ другіе ушли въ Реджо). Какъ только послышался первый выстрѣлъ отъ Реджо, 60 лодокъ вышли въ озеро и послѣдно поплыли на ту сторону, остальные быстро послѣдовали за ними. Пароходъ, бывшій у Фаро, вмѣстѣ съ другимъ, шедшимъ изъ Реджо, хотѣли перерѣзать имъ дорогу, но не успѣли и могли только стрѣлять по пустынь лодкамъ, когда солдаты, переѣхавшіе въ нихъ, уже заняли позицію на горахъ. Скоро пришлось этимъ пароходамъ позаботиться о собственномъ спасеніи, потому что батареи, устроенныя въ Фаро, открыли огонь. Неаполитанскія ядра ве сдѣлали намъ никакого вреда, вѣроятно и наши не сдѣлали почти никакого неаполитанцамъ. Разумѣется, наши артиллеристы непоколебимо утверждаютъ, что многіе изъ ихъ выстрѣловъ попали въ цѣль и что одинъ изъ неаполитанскихъ пароходовъ окончательно испорченъ ими. Какъ вѣрный лѣтописецъ, я долженъ сказать, что этого не было.

„Пока происходила эта смѣлая переправа у Фаро, Гарибальди выгнавъ неаполитанцевъ изъ Реджо, сталъ блокировать цитадель. Она, какъ и всѣ прибрежныя форты, имѣетъ настоящія укрѣпленія съ морской стороны, а противоположная сторона у всѣхъ этихъ фортовъ вооружена плохо. Реджоская цитадель съ трехъ сторонъ окружена домами, построенными подлѣ самыхъ стѣнъ, а сосѣднія горы совершенно господствуютъ надъ ней. Только съ морской стороны она можетъ хорошо дѣйствовать. Горы были заняты нами, заняты и нѣкоторые дома вдоль стѣнъ, и началась перестрѣлка,—одна изъ тѣхъ перестрѣлокъ, которыя не ведутъ ни къ чему, кромѣ того, чтобъ ранить нѣсколькихъ человѣкъ въ обѣихъ войскахъ. Въ числѣ людей, пострадавшихъ тутъ, былъ бригадный командиръ Биксіо, оцарапанный пулею въ лѣвую руку. До 11 часовъ утра цитадель стрѣляла картечью и ядрами; пришла колонна Миссори и заняла горы. Она состояла почти вся изъ отличныхъ стрѣлковъ, потому неаполитанцы скоро бросили свои пушки и удалились въ казармы. Самъ командиръ ихъ былъ смертельно раненъ пулею въ грудь, и черезъ нѣсколько времени бѣлый флагъ явился надъ цитаделью.

„Капитуляція была заключена на тѣхъ же условіяхъ, какъ въ Мелацио: гарнизону позволено было выйти съ оружіемъ, но всѣ военные запасы, собранные въ цитадели, оставались намъ. Эти условія могутъ казаться слишкомъ снисходительными, но не слѣдуетъ забывать, что выигрышъ времени очень важенъ для Гарибальди и кака янибудь лишняя тысяча ружей или илѣнныхъ не идетъ въ сравненіе съ этою выгодой. Впрочемъ, мы взяли довольно добычи: восемь полевыхъ орудій съ лошадьми и всѣми принадлежностями, шесть 32-фунтовыхъ пушекъ, 18 крѣпостныхъ пушекъ отъ 18 до 24-фунтоваго калбра, 2 пексановыхъ десятидюймовыхъ пушки, 500 ружей, множество каменнаго угля, амуниціи, провіанта и довольно много лошадей и муловъ.

„Взятіе Реджо чрезвычайно важно для насъ: теперь Мессина совершенно отрѣзана отъ сообщеній, в пушки и цитадели окончательно даютъ намъ господство надъ обоими берегами пролива. Для неаполитанцевъ тяжеле всего потеря каменнаго угля, депо 10-

*) Городокъ верстахъ въ десяти на сѣверъ отъ Реджо, почти прямо противъ Мессины

того было у нихъ въ Реджо. Флотъ ихъ и Мессина снабжались всѣмъ изъ этой крѣ-
пости, служившей ключемъ Сициліи.

„По всей Калабрии и особенно въ Реджо встрѣчаютъ насъ съ восторгомъ. Солдатъ
нашихъ принимаютъ въ каждомъ семействѣ, какъ друзей“.

„Вилла Санъ-Джованни, 25 августа.“

„Событія идутъ такъ быстро, что едва можно успѣть передавать ихъ хоть только
въ общихъ чертахъ. Вся калабрійская сторона пролива наша. Я уже писалъ вамъ, что
вся оборонительная линия побережья сильнѣе съ морской стороны, чѣмъ съ земли. Отъ
Шиллы до Реджо тянется рядъ маленькихъ фортовъ, имѣющихъ по 15 и 20 пушекъ;
изъ нихъ только фортъ Punta di Pezzo стоитъ у самаго берега, а всѣ другіе построены
на первомъ уступѣ горъ. Единственная дорога, годная для военныхъ дѣйствій, идетъ
вдоль берега, по которому выстроены также почти всѣ здѣшніе города и села. Надъ
этой линіей возвышаются въ нѣсколько уступовъ холмы, поднимающіеся къ Аппенин-
скому хребту, идущему почти параллельно съ проливомъ. Изъ этого очерка вы видите,
что лишь только овладѣть однимъ пунктомъ на берегу, можно будетъ взять въ тылъ
всю оборонительную линію. Со стороны, обращенной къ горами, форты укрѣплены плохо;
а холмы, стоящіе за ними, господствуютъ надъ ними. Поэтому обороняться противъ на-
падающаго можно только съ горъ, идущихъ за фортами; да и тутъ надобно держаться
на самыхъ вершинахъ хребта, иначе позиція будетъ обойдена. Для неаполитанцевъ такая
тактика была вдвойнѣ трудна: горная мѣстность самая удобная мѣстность для насъ, и
на ней не могли бы они устоять противъ насъ; кромѣ того, по моему мнѣнію, ни сол-
даты, ни офицеры неаполитанскихъ войскъ не хотѣли упорно сражаться. Настоящей
оборонительной своей линіей они выбрали Монтелеоне и, кромѣ гарнизоновъ въ фор-
тахъ, имѣли двѣ летучія колонны подъ командою генераловъ Мелендеса и Бриганти;
колонна Мелендеса главнымъ образомъ должна была защищать линію на сѣверъ отъ
Баньяры, а колонна Бриганти форты по берегу пролива. Каждая изъ нихъ имѣла отъ
1,800 до 2,000 человекъ. Когда мы взяли Реджо, Бриганти занялъ позицію выше
форта Punta di Pezzo, на равнинѣ между дорогой и холмами. Если бы онъ нарочно
хотѣлъ быть взятымъ въ плѣнъ, онъ не могъ бы выбрать лучшаго положенія: обошедши
горы у Санъ-Джованни, наши стрѣлки могли перебить его отрядъ съ высшею и отрѣ-
зать ему отступленіе. Его позиція была тѣмъ опаснѣе, что высоты были уже заняты
войсками Козенца.

„Гарибальди вышелъ изъ Реджо со всѣми своими силами, и главною колонною за-
нялъ линію холмовъ, господствующихъ надъ Санъ-Джованни. Санъ-Джованни, Ацціа-
релло и Пеццо—три деревни очень длинныя; онѣ тянутся по морскому берегу, занимая
и первый невысокій уступъ горъ. За ними поднимаются горы, покрытыя садами. Вос-
пользовавшись этою выгодою, ваши подошли, не будучи замѣчены непріателемъ, внима-
ніе котораго было занято колонною, шедшею по берегу. Чтобы еще лучше обезпечить
успѣхъ, генуэзскіе стрѣлки и двѣ роты другихъ стрѣлковъ заняли позицію, господство-
вавшую надъ линіею отступленія. Когда эти приготовленія были кончены, наши дви-
нулись со всѣхъ сторонъ и, не открывая огня, стали въ ружейный выстрѣлъ отъ не-
пріятеля. Онъ открылъ ружейный огонь и началъ стрѣлать изъ четырехъ своихъ пушекъ.
Наши не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ; Гарибальди строго приказалъ не стрѣлать:
онъ хотѣлъ не разбить ихъ, онъ хотѣлъ, чтобы они сдались. Неаполитанцы не могли
обольщать себя никакой надеждою, они были окружены со всѣхъ сторонъ. Сначала они,
кажется, не понимали этого, потому что нашъ парламентаръ, посланный съ бѣлымъ
флагомъ, былъ встрѣченъ выстрѣлами и убитъ пулею въ голову. Но въ два часа два
они поняли свое положеніе, наша безотвѣтственность въ ихъ выстрѣлы способствовала тому.
Явился парламентаръ съ требованіемъ перемирія и съ наивнѣйшъ заищаніемъ, что они
ожидаютъ инструкцій отъ генерала Віале. Ему отвѣчали, что напрасно они ожидаютъ
отъ него инструкцій, потому что онъ отступилъ отъ Баньяры къ Монтелеоне, что они
имѣли довольно времени обсудить свое положеніе и что если они не сдадутся безу-
словно къ половинѣ четвертаго, то будутъ атакованы и сброшены въ море. Отсрочку

эту дали имъ потому, что ожидали отряда Биксио съ пушками. Когда парламентаръ вернулся къ нимъ, намъ было видно, что они взволновались. Офицеры и солдаты ихъ стали разсуждать съ сильными жестикауляціями. Назначенный имъ срокъ прошелъ, но Гарибальди все еще ждалъ, и около пяти часовъ вдругъ поднялся у нихъ крикъ: *Viva Garibaldi! viva l'Italia!* Парламентаръ явился объявить, что они сдаются. Гарибальди самъ сошелъ къ нимъ и едва не былъ задушенъ, такъ они тѣснились обнимать его: солдаты, офицеры и самъ генераль Бриганти фратернизировали съ нашими. Радость ихъ дошла до крайняго предѣла, когда имъ сказали, что кто желаетъ, можетъ идти домой. Они побросали оружіе и стали расходиться толпами. Наши стрѣлки, занимавшіе линію отступленія, началъ-было стрѣлять по первой толпѣ ихъ, не зная, чѣмъ кончилось дѣло, но были остановлены, дѣло уладилось, и къ ночи летучая колонна разсыялась по **всѣмъ** направлешямъ, оставивъ намъ 2,000 ружей, 4 полевыхъ орудій и 10 тяжелыхъ орудій въ фортѣ. Но важнѣе всего этого нравственное вліяніе капитуляціи и 2,000 солдатъ, возвращающихся домой въ восторгѣ отъ Гарибальди. Бронѣ того, мы овладѣли тутъ **всѣмъ** берегомъ пролива: въ самомъ дѣлѣ, теперь уже получено извѣстіе, что Фіумарскій фортъ и Шилла сдались.

„Такимъ образомъ мы вѣроятно не встрѣтимъ сопротивления до Монтелеоне, а можетъ быть и дальше. Вчерашняя капитуляція показала духъ неаполитанской арміи въ новомъ свѣтѣ. Ихъ отрядъ во всей своей массѣ покинулъ знамена.

„Вся страна за нами, ближняя Калабрія и Базилката возстала *), провозгласили Гарибальди диктаторомъ и уже открыли сообщенія съ нашею главною квартирою“.

„Баньяра, 26 августа.

„Поутру мы отдыхали съ генераломъ Гарибальди и его штабомъ на террасѣ живописнаго дома, близъ верхняго Фіумарскаго форта; нашъ завтракъ состоялъ изъ хлѣба и сыра, изъ превосходныхъ фигъ и винограда благодатной Калабріи. Вдругъ показался вдали огромный паровой фрегатъ, шедшій прямо на насъ, какъ будто бы съ дурными намереніями. Гарибальди тотчасъ велѣлъ зарядить пушки сосѣднихъ фортовъ Фіумарскаго и Torre Gavallo, изъ которыхъ еще не успѣли выбраться трусливые гарнизоны; онъ не спускалъ телескопа съ фрегата; но фрегатъ, пролавиrowавъ часа два или три между Шиллою и Фаро, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ повернулъ назадъ: командиръ его, вѣроятно, остался въ пріятномъ убѣжденіи, что исполнилъ свою обязанность. А по моему мнѣнію, сходному съ мнѣніемъ всѣхъ хорошихъ англійскихъ моряковъ, фрегатъ, подошедши на пистолетный выстрѣлъ къ этимъ фортамъ, разбилъ бы ихъ нѣсколькими залпами, потому что и сами по себѣ они не страшны, да и волонтеры наши, защищающіе теперь ихъ, не умѣютъ стрѣлять изъ пушекъ. Но дѣло въ томъ, что неаполитанскій флотъ такъ же дезорганизованъ и деморализованъ, какъ неаполитанская армія. Офицеры и солдаты враждуютъ между собою и согласны только въ томъ, чтобы не рисковать жизнью въ войнѣ, которой они не одобряютъ. Калбрійцы встрѣчаютъ Гарибальди съ неописанной радостью, готовы броситься въ огонь за него и за самаго послѣдняго изъ его спутниковъ. Они безпомощны и запуганы до неопытности. Первоначальность ихъ понятій и обычаевъ доходитъ до изумительности; но натура въ нихъ хорошая, а искренность ихъ расположенія несомнѣнна.

„Мы выѣхали изъ Баньяры въ пять часовъ утра, Гарибальди съ своимъ штабомъ поѣхалъ впередъ галопомъ, оставивъ далеко за собою авангардъ; онъ скакалъ въ **мѣста** еще наполненныя непріятелями, распущенными имъ по домамъ. Тутъ не было никакого риска: упавшіе духомъ неаполитанцы рады, что имъ позволяли бѣжать отъ негодованія валабрійцевъ, которые соглашаются не мстить имъ за долги притѣсненія. Благородство и великодушіе калабрійцевъ выше всякой похвалы: жители не тронули ни одного изъ бѣгущихъ солдатъ.

*) Калабрійскій полуостровъ раздѣляется на три провинціи: южный конецъ его называється второю дальнею Калабріею, средняя часть первою дальнею Калабріею, а сѣверная часть ближнею Калабріею, съ которою граничитъ Базилката, лежащая въ глубинѣ Отрантскаго залива.

„Отъ Баньяры до Пальми *) три часа ѣзды. Проскакавъ часть, мы остановились, потому опять остановились въ очаровательномъ лѣсу на холмѣ, возвышающемся надъ Пальми. Боже мой! что за страна эта Калабрія! Какіе очаровательные, величественные виды представляются на каждомъ шагу по этой дорогѣ, идущей съ холма на холмъ! Какъ чисто воздухъ въ эти часы свѣжего, но не холоднаго утра! Холмы, благословенные неистощимымъ плодородіемъ, покрыты зеленью до самыхъ вершинъ. Мы проѣхали обширные оливковые лѣса, деревья которыхъ выше, чѣмъ въ лѣсахъ Генуэзской Ривьеры, на холмахъ Фраскати и Тиволи. Природное богатство этой земли безмѣрно; но торговля и промышленности нѣтъ въ ней, такъ что она совершенно лишена денегъ“.

„Милето **), близъ Монтелеоне, 27 августа.

„Мы ночевали въ Пальми, встали вчера съ разсвѣтомъ и въ четыре часа утра я былъ уже на сѣдлѣ. Черезъ часъ выѣхалъ Гарибальди въ коляскѣ, запряженной паромъ хорошихъ лошадей; всю свиту его составляли четыре всадника; двое изъ числа храбрѣйшихъ офицеровъ его штаба, Трекки и Бордоне; Кальдеси, отличный фотографъ, служащій теперь майоромъ также въ его штабѣ, и вашъ корреспондентъ. Вечеромъ былъ слухъ, что въ Монтелеоне находится еще до 11,000 неаполитанскаго войска, авангардъ котораго стоитъ въ Милето. Милето лежитъ въ шести часахъ пути отъ Пальми, а Монтелеоне еще въ двухъ часахъ пути ва Милето. Въ сопровожденіи четырехъ человекъ, изъ которыхъ только двое были порядочно вооружены, Гарибальди отправился на рекогносцировку въ коляскѣ, не имѣя въ запасѣ верховой лошади. Мы быстро ѣхали по пыльной дорогѣ, спускаясь изъ Пальми въ богатую равнину Джои. Черезъ три четверти часа мы встрѣтили экипажъ; сидѣвшій въ немъ человекъ сказалъ нѣсколько словъ Гарибальди; генералъ обернулся къ своимъ адъютантамъ и послалъ одного изъ нихъ съ приказаніемъ бригадѣ Козенца идти впередъ. Возшедши съ другимъ адъютантомъ на холмъ, съ котораго далеко видны море и равнины, Гарибальди цѣлыхъ два часа осматривалъ мѣстность въ телескопъ. Мы оставались у подошвы холма: тутъ постепенно стали подѣзжать къ намъ по одному, по два и по три разные офицеры штаба, пріѣхали также генералы Козенцъ и Сиртори, такъ что черезъ часъ набралось насъ человекъ до 50. Мы составляли единственный авангардъ часа полтора, пока наконецъ бригада Козенца подошла къ намъ и двинулась дальше. Гарибальди, сошедшій съ горы, поѣхалъ передъ колонною до того мѣста, гдѣ расходятся дороги въ Милето и въ Джою. Тутъ онъ оставилъ насъ и поѣхалъ въ Джою, а мы продолжали ѣхать по дорогѣ въ Милето, скоро перегнали бригаду Козенца, уѣхали на цѣлый часъ пути впередъ ея, и опять наше небольшое общество составило собою весь авангардъ. Къ 11 часамъ мы доѣхали до деревни Розарно, простояли тутъ самую знойную часть дня, въ 5 часовъ вечера снова пустились дальше и къ закату солнца пріѣхали въ Милето. Неаполитанцы только-что за нѣсколько минутъ передъ нами вышли оттуда. Какой страхъ внушаютъ беззащитному населенію эти бандиты, можно заключить изъ того, что въ Милето, имѣющемъ до 3,000 населенія, оставалось не больше 40 человекъ, а всѣ остальные бѣжали отъ неаполитанцевъ. Когда мы пріѣхали, жители стали возвращаться. Дѣйствительно, они имѣли достаточную причину къ страху: ужаснѣйшая трагедія была совершена на ихъ глазахъ. 25 августа, около полудня, возмущился на главной площади Милето 15 полкъ неаполитанской линейной пѣхоты; полкъ этотъ принадлежалъ къ бригадѣ Бриганти, которая такъ низко бѣжала отъ сраженія у виллы Санъ-Джованни, 23 августа. Генералъ Бриганти, въ статскомъ платьѣ, сопровождаемый однимъ слугою, проѣзжалъ верхомъ черезъ площадь, на которой стояли войска. Солдаты, какъ надобно думать, узнали его лишь тогда, какъ онъ миновалъ ихъ. Онъ уже проѣхалъ площадь, они потеряли его изъ виду, но потомъ онъ вернулся съ дороги на площадь и поѣхалъ къ почтовой станціи. Почему онъ вернулся, это неизвѣстно; но вѣроятно онъ увидѣлъ,

*) Пальми лежитъ къ сѣверу отъ Баньяры

***) Милето, городъ, лежащій въ первой дальней Калабріи, близъ Монтелеоне, не должно смѣшивать съ Мелито, гдѣ была произведена высадка.

что лошадь его устала, и хотѣлъ взять почтовыхъ лошадей со ставціи. Солдаты начали кричать, что онъ „изнѣшникъ, продавшій ихъ по три карлина за человѣка“, потомъ начали кричать: „да здравствуетъ король!“ Бриганты, ничего не отвѣчая имъ, ѣхали своею дорогою; вдругъ два солдата выстрѣлили въ него. Обѣ пули попали въ лошадь; она прошла шатаясь нѣсколько шаговъ, потомъ упала вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ. Когда генераль сталъ подниматься на ноги, въ него было сдѣлано еще выстрѣловъ 50 или больше, наконецъ солдаты бросились на него со штыками и растерзали его. Когда они утолили свою кровожадность надъ трупомъ, онъ былъ вырванъ изъ ихъ рукъ и отнесенъ въ церковь для погребенія; но проснувшаяся ярость каннибаловъ снова устремилась на жертву: солдаты рвали его волосы и бороду, выбивали пистонами его глаза, рвали своими зубами его уши. Мы не знаемъ, чему приписывать это убійство: озлобленію ли противъ человѣка, который, какъ мы теперь слышимъ, имѣлъ репутацію либерала или просто порыву безмысленной ярости, или надеждѣ воспользоваться для грабежа города и деревень ужасомъ, какой будетъ наведенъ на жителей свѣрпымъ дѣломъ. Говорятъ, что при въѣздѣ въ городъ генераль былъ предувѣдомленъ однимъ изъ своихъ офицеровъ о зломъ замыслѣ солдатъ. Надобно замѣтить, что многіе изъ офицеровъ еще сохраняли въ это время команду; они молча смотрѣли на убійство или ограничивались только просьбами, которыхъ никто не слушалъ. Совершивъ убійство, солдаты удовольствовались тѣмъ, что разграбили нѣсколько табачныхъ лавокъ и вянныхъ погребовъ. Потомъ они стали кричать: „по домамъ, по домамъ!“ и разсѣялись. Они жаловались, что Бриганты часто морилъ ихъ голодомъ, иногда дня по три сряду.

„Извѣстіе объ этой трагедіи пришло къ намъ на дорогѣ въ Милето, и мы слышали все новые разнорѣчивые рассказы по мѣрѣ того, какъ приближались къ городу. Но вчера вечеромъ я постарался собрать достовѣрнѣйшія свѣдѣнія отъ горожанъ, бывшихъ очевидцами кровавой сцены.

„Этотъ примѣръ свѣрпости долженъ принести дѣлу Гарибальди больше пользы, чѣмъ получило бы оно отъ большой побѣды. Вражда между солдатами и офицерами неаполитанской арміи уже и прежде отнимала у офицеровъ всякую надежду на сопротивление; но убійство генерала Бриганты наведетъ на нихъ ужасъ. Едва ли кто изъ нихъ захочетъ подвергаться двойной опасности — отъ непріятеля и отъ собственныхъ солдатъ. Дѣйствительно, мы уже слышимъ, что генераль Віале, командовавшій въ Монтелеоне и думавшій защищаться, отступилъ къ Козенцѣ, гдѣ думаетъ подать въ отставку и навсегда уѣхать въ Англію. Нынѣ утромъ мы слышали, что изъ Монтелеоне прислано Гарибальди предложеніе о томъ, что неаполитанцы называютъ капитуляціей; говорятъ, что онъ поѣхалъ въ Джю видѣться съ офицерами, присланными для переговоровъ. Эти такъ называемая капитуляція не болѣе какъ шутка, потому что неаполитанцы вѣчно кончаютъ тѣмъ, что разбѣгаются во всѣ стороны. Они такіе враги, которымъ не нужно и отрѣзывать отступление. Но все-таки вчерашнія дѣйствія Гарибальди имѣютъ въ себѣ что-то загадочное, — нынѣшними событіями они, быть можетъ, объяснятся. Мы прибыли въ Милето, какъ я уже говорвлъ, вчера вечеромъ: прежде всѣхъ въѣхали въ городъ офицеры главнаго штаба, потомъ Медичи съ другими офицерами. Нынѣ на разсвѣтѣ пришелъ сюда и авангардъ диввізіи Козенца. И мы, а еще больше горожане, опасались за то, какъ пройдетъ ночь, потому что Монтелеоне всего лишь въ двухъ часахъ пути отъ Милето, а неаполитанцы въ числѣ 10,000 человѣкъ еще находились въ Монтелеоне, какъ мы слышали. Поэтому всѣ мы (человѣкъ 50) просидѣли ночь вмѣстѣ на главной площади, имѣя подлѣ себя свое оружие. Мы не ожидали нападенія, но все-таки считали нужнымъ соблюсти предосторожность. Приходъ нѣсколькихъ сотъ нашихъ солдатъ на разсвѣтѣ окончательно успокоилъ городъ.

„Здѣшній народъ племя красивое, отъ природы бойкое и умное. Его восторгъ безпредѣленъ. Нѣкоторые изъ жителей берутся за оружіе съ охотою и владѣютъ имъ искусно. Священники почти всѣ на нашей сторонѣ, только Милетскій епископъ, получившій свое мѣсто дурными происками, скрылся. Милетская епархія даетъ своему епископу 24,000 дукатовъ (25,000 руб. сер.) дохода. Представьте же себѣ, что въ однихъ континентальныхъ земляхъ неаполитанскаго королевства считается 22 архіепископа и вдвое большее количество епископовъ“.

„Монтелеоне, 12 часовъ дня.

„Гарибальди славится быстротою движеній, но даже и онъ не можетъ догнать неаполитанцевъ. Онъ прибылъ въ Милето въ шесть часовъ утра и немедленно послалъ свою конную свиту въ Монтелеоне. Разстояніе тутъ всего шесть миль; но дорога идетъ въ гору и мы ѣхали два часа. Ни на дорогѣ, ни въ самомъ Монтелеоне не встрѣтили мы никакихъ другихъ слѣдовъ непріятеля, кромѣ несчастныхъ солдатъ, разбѣжавшихся изъ-подъ знаменъ и бродящихъ теперь повсюду. Они просятъ милостыню у жителей. Просили они милостыни и у насъ, — мы давали имъ, потому что они дѣйствительно жалки. Карлино (11 коп. сер.), даваемый каждому изъ нихъ на дневное содержаніе общинами, черезъ которыя они проходятъ, едва достаточенъ на покупку хлѣба. Менѣе симпатіи возбуждаютъ неаполитанскіе офицеры разбѣжавшихся войскъ, бродящіе около нашего лагеря въ своихъ мундирахъ, гордящіеся ими передъ нашими фланелевыми блузами и не видящіе ничего постыднаго въ своемъ поведеніи, въ поведеніи людей, не думавшихъ ни о присягѣ, ни о патриотизмѣ, а заботившихся только о своей личной выгодѣ. Въ восемь часовъ утра нынѣ было еще 8,000 неаполитанцевъ въ Монтелеоне. Генералъ Віале, какъ я уже говорилъ, отказался отъ команды, услышавъ объ убійствѣ Вриганти, а начальство надъ войсками принялъ генералъ Гіо. 3,000 человекъ изъ корпуса, бывшего въ Монтелеоне, уже бросили свои знамена вчера вечеромъ и нынѣ ночью, но у генерала Гіо еще оставалось 8,000 человекъ съ четырьмя горными орудіями и батареей полевыхъ орудій, когда онъ вышелъ въ Пиццо. Въ настоящую минуту находится онъ въ Анчитолѣ. За Анчитолой въ Филадельфій онъ встрѣтитъ барона Стокво съ калабрійскими инсургентами, которыхъ собралось тамъ, говорятъ, до 8,000 человекъ изъ освободившихся округовъ Козенцскаго и Катандзарскаго. Неаполитанцы желаютъ заключить капитуляцію для того, чтобы инсургенты пропустили ихъ. Вообразите себѣ, что регулярное войско, имѣющее кавалерію и артиллерію, не можетъ пробиться сквозь толпы недисциплинированныхъ и плохо вооруженныхъ людей, которымъ не уступаетъ по своему числу! Горожане увѣряютъ меня, что на пути отъ Монтелеоне до Пиццо изъ дивизіи Гіо разошлась большая часть солдатъ, такъ что остались подъ знаменами только 2,000 человекъ. Неаполитанская армія таетъ какъ снѣгъ отъ широко, и Гарибальди не будетъ терять времени. Изъ Монтелеоне намъ видно, что онъ собралъ въ Пиццо 12 пароходовъ. Вѣроятно они назначены везти войска въ Неаполь“.

„Козенца, 31 августа.

„Привилегированное положеніе журнальнаго корреспондента, находящагося при штабѣ Гарибальди, вовсе не такъ легко, какъ могутъ полагать люди, живущіе у себя дома. Сигнальная труба въ три часа утра поднимаетъ насъ съ постели, которою обыкновенно служитъ намъ голая земля. Мы должны выѣзжать въ четыре часа еще при авѣздахъ и мѣсяцѣ, но рѣдко успеваемъ управиться съ отъѣздомъ раньше пяти часовъ, когда уже восходитъ солнце. Офицеры у Гарибальди сами должны быть своими грумами, потому что солдаты, назначенные къ нимъ въ ординарцы, или въ прислужники, еще не имѣютъ лошадей и не могутъ успѣвать за ними. Сами офицеры должны чистить, кормить, поить, сѣдлать и взымать своихъ лошадей, — рѣшительно всѣ офицеры и генералы, кромѣ только одного Гарибальди, за лошадью котораго, по доброй волѣ, съ гордостью ухаживаютъ двое изъ любимыхъ его офицеровъ, Тревки и Паджи (вспомните, что Тревки человекъ богатый и знатный, бывший адъютантомъ у короля Виктора-Эммануэля). Фурражъ надобно носить для лошадей очень изъ далека, на водопой надобно бываетъ водить ихъ иногда за цѣлую милю. Кромѣ этого надобно осматривать, не требуетъ ли починки сбруя, крѣпки ли подковы; куанцовъ и шорниковъ надобно отыскивать Богзнаетъ гдѣ. Во всемъ этомъ проходитъ много времени. Наконецъ садится въ сѣдло Гарибальди, выѣзжаетъ, и тутъ бросаются всѣ приговорительныя хлопоты и каждый плетется за нимъ по мѣрѣ возможности, потому что Гарибальди никого не ждетъ. Мы ѣдемъ раннимъ утромъ часа три-четыре; часовъ въ десять или въ одиннадцать остано-

вливаемся на отдых въ какойнибудь деревнѣ или въ лѣсу, гдѣ долго приходится намъ ждать нѣсколькихъ кусковъ сулаго хлѣба и засохшаго сыра, и гдѣ часто не бываетъ ничего кромѣ бурьяна для нашихъ лошадей; въ три или четыре часа вечера, мы опять двигаемся впередъ; голодные, усталые, ѣдемъ до сумерекъ, и тутъ на новомъ ночлегѣ напрягаемъ всю силу соображенія, чтобы управиться какънибудь съ новыми трудностями и неудобствами. Жаръ и пыль ужасны, потому что лѣто было чрезвычайно знойно, какъ рѣдко бываетъ, по словамъ жителей, даже въ этой полутропической странѣ, в ъ послѣдніе три мѣсяца не выпало ни капли дождя. Но иногда, въ видѣ исключенія, мы попадаемъ на княжескіе квартиры, останавливаемся въ домѣ какогонибудь интенданта, или знатнаго господина, въ порядочномъ городѣ, и тутъ, покрытые дорожной пылью, ужинаемъ съ шампанскимъ, или имѣемъ завтракъ изъ роскошнѣйшихъ блюдъ. У каждаго изъ насъ весь багажъ въ карманахъ или за сѣдломъ. У немногихъ изъ насъ есть въ запасѣ рубашка, другимъ нѣтъ возможности переимѣнить бѣлья; а на большей части нѣтъ и вовсе никакого бѣлья: красная фланелевая рубашка служитъ вмѣстѣ и бѣльемъ и верхнимъ платьемъ. Мои перчатки, единственныя перчатки въ цѣлой святѣ Гарибальди, служатъ предметомъ безчисленныхъ сарказмовъ. Вода почти вездѣ составляетъ чрезвычайную рѣдкость. Рѣдко кому изъ насъ удается умыться; а ванна только предметъ несбыточныхъ мечтаній. Наши скудные запасы необходимѣйшихъ вещей, фляжки съ водкой, мѣшечки съ табакомъ, имѣютъ порочную склонность теряться, а мы имѣемъ даръ обходиться безъ всего, чего нельзя достать, забывать о надобности въ вещахъ, теряемыхъ нами, и переносить все съ діогеновскимъ самоотреченіемъ, хладнокровіемъ и душевнымъ веселіемъ. Но не имѣютъ этого дара наши терпѣливыя, умѣренныя въ желаніяхъ, но неразумныя лошади, думающія, что не подъ силу имъ ѣхать по 25 или 30 миль въ день по страшному зною, удушающей пыли, при слишкомъ скудномъ фуражѣ. Они бредутъ и молчатъ, но смотрятъ уныло, какъ существа погибшія, в готовы упасть на каждомъ шагѣ, отъ перваго своего утренняго шага до послѣдняго вечерняго. Моя бѣдная лошадь жестоко хромаетъ; для спасенія ея ногъ и своей шеи я долженъ сводить се за поводъ по здѣшнимъ длиннѣйшимъ спускамъ. У самого Гарибальди есть два отличныхъ скакуна, но у насъ у всѣхъ только по одному несчастному коню, который служитъ для своего всадника причиной безконечныхъ хлопотъ и досадъ. Но мы переносимъ всѣ эти непріятности весело: вы не услышите ни одной жалобы, и наши бѣды составляютъ только отличнѣйшія темы для безконечныхъ шутокъ. Любопытное зрѣлище для насъ представили бы наши почернѣвшія лица и щетинистыя бороды, набитыя пылью. Но мы ѣдемъ и ѣдемъ. Мы гонимся за неаполитанцами, не давая имъ опомниться.

„Мы выѣхали изъ Рольяно нынѣ въ четыре часа вечера и прѣехали къ Козешу послѣ четырехъ-часовой ѣзды *). Тутъ мы нашли все взрослое население ближайей Калабріи, вооружившееся и спешдшее встрѣчать насъ. Всѣ улицы города, ярко иллюминированныя, были покрыты вооруженными толпами. Гарибальди съ нами идетъ далеко впереди своего войска, и у него нѣтъ подъ рукою никакихъ силъ, кромѣ этихъ инеургеетовъ: судя по виду этихъ рослыхъ, здоровыхъ горцевъ, они могутъ замѣнить всякое войско. Правда, они вооружены только охотничьими ружьями, а многіе только пиками или вилами и топорами, но огромное большинство ихъ воодушевлено, повидному, большимъ мужествомъ. Вамъ кажется, будто бы не осталось ни одного мужчины дома въ этихъ мѣстахъ и каждый мужчина хорошій воинъ. Да, возстаетъ все калабрійское племя, это племя, которое всегда было для Вурбоновъ страшнѣе всего остальнаго населенія. И если бы вы посмотрѣли, съ какою заботливою нѣжностью, не говоря уже о дикой радости, бѣшеномъ энтузіазмѣ, встрѣчаютъ храбрые калабрійцы Гарибальди! И не къ нему только бросаются они съ восторгомъ, -- они обнимаютъ и цалуютъ васъ всѣхъ, наше платье, нашихъ лошадей. Они готовы были бы сдѣлать Богъ знаетъ что, лишь бы какъ нибудь услужить намъ; они хлопочутъ о насъ страшно, но проку намъ изъ этого мало: они рѣшительно не знаютъ вещей, которыхъ мы просимъ у нихъ и не знаютъ, какъ исполнить наши желанія. Одинъ хватаетъ поводъ моей лошади, передаетъ

*) Козенца, имѣющая 12,000 жителей, главный городъ ближайей Калабріи, Рольяно лежтъ изъ 18-ти верстахъ отъ нея на югъ.

его другому, другой третьему и т. д., и наконец я не знаю, гдѣ мнѣ отыскать мою лошадь. Меня ведутъ въ конюшню; нѣтъ, конюшня не тутъ, она въ противоположной сторонѣ: ведутъ меня туда, потомъ опять назадъ; но понемногу дѣло устранивается. Теперь надобно помѣстить меня самого на ночь. Меня рвутъ изъ рукъ въ руки и добрякъ, отбившій меня у другихъ, ведетъ меня за полъ-мили отъ штабной квартиры и отъ конюшни, гдѣ поставлена моя лошадь. Онъ готовитъ мнѣ постель, которой я предпочитаю голый полъ; предлагаетъ мнѣ чашку вина, чтобы выпить, и тоже только одну чашку воды, чтобы умыться; затворяетъ окно, открываемое мною, увѣряя, что я получу смертельную лихорадку отъ ночной росы; я не слушаю его предостереженія, открываю окно; онъ ждетъ, пока я усну, и запираетъ окно,—я скоро чувствую это по страшной духотѣ его грязной комнаты. Но ужинъ у него обилентъ; утромъ дадутъ мнѣ кофе; мой хозяинъ и жена его не спали всю ночь, прислушиваясь, хорошо ли мнѣ спать“.

„Козенца, 1 сентября.

„Гарибальди выѣзжаетъ отсюда въ обыкновенное свое время, въ 5 часовъ, и думаетъ добраться нынѣ до Кастровиллари, въ 50-ти миляхъ отсюда. Штабъ его ожидая отдохнуть здѣсь по крайней мѣрѣ дня три, быть можетъ цѣлую недѣлю. Приказъ идти впередъ поразилъ всѣхъ насъ, потому что ни у одного изъ насъ лошадь не могла уже пройти милю. Взявъ съ собою нѣсколько человекъ въ коляску, онъ уѣхалъ въ 5 часовъ утра. Мы,—майоръ Кальдези, я и адъютантъ генерала Сиртори, — бродили по городу до 10 часовъ, отыскивая какого нибудь экипажа. У адъютанта были важныя депеши, потому мы наконецъ взяли карету и лошадей архіепископа и сію минуту уѣзжаемъ.

„Тарсія, часть дня.

„Гарибальди остановился въ Тарсіи *). Онъ приказываетъ своему штабу, подъ начальствомъ полковника Паджи, идти легкими переходами впереди его колонны, а самъ, съ нѣсколькими своими адъютантами, хочетъ ѣхать въ Неаполь въ почтовыхъ экипажахъ. Планы его начинаютъ нѣсколько проясняться для меня. Докторъ Бертани, недавно сдѣланный генераломъ, высадился съ 4,000 человекъ новыхъ волонтеровъ изъ сѣверной Италіи въ Паолѣ, ближайшей къ Козенцѣ гавани. Бертани видѣлся вчера съ Гарибальди въ Козенцѣ. Гарибальди послалъ нынѣ утромъ генерала Тюрра въ Паолу принять команду надъ прибывшими туда войсками, а самого Бертани взялъ къ себѣ въ коляску. Тюрръ, посадивъ волонтеровъ Бертани опять на корабли, долженъ перевезти ихъ моремъ въ Сапри **), потому что королевскія войска, какъ мы слышимъ, сосредоточиваются около Салерно. Вѣроятно, и почти всѣ остальные наши силы будутъ отправлены моремъ и лишь небольшая часть войска пойдетъ сухимъ путемъ“.

„Кастровиллари, 11 часовъ вечера.

„Я чрезвычайно боялся, что отстану отъ Гарибальди, не найду средства ѣхать рядомъ съ нимъ, при быстротѣ его поѣздки. Но я успѣлъ даже опередить его. Въ Тарсіи онъ разстался почти со всѣми офицерами своего штаба, взявъ съ собою лишь Козенца, Сиртори, Трекки и нѣсколько другихъ. Мнѣ не нашлось мѣста въ ихъ экипажѣ, и я былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ. Къ счастью, я встрѣтился съ полковникомъ Пирдомъ, известнымъ подъ именемъ гарибальдѣвскаго англичанина ***). Мы

*) Деревня, верстахъ въ 30 отъ Козенцы, на сѣверъ.

**) Сапри лежатъ близъ Салерно, верстахъ въ 80 отъ Неаполля.

***) Пирдъ—фамилія того знаменитаго англичанина, который находился при отрядѣ Гарибальди въ прошлогоднюю кампанію и неотлучно слѣдуетъ за Гарибальди съ самаго начала сицилійскаго похода. Онъ не хочетъ принимать на себя никакой команды, остается простымъ волонтеромъ, несмотря на свой полковническій чинъ. Пирдъ—одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ въ дѣлой Англіи; и говорятъ, будто бы ни разу не дѣлалъ онъ промаха во всѣхъ стѣнкахъ прошлогодней и нынѣшней кампаніи.

наехали ослось и, не останавливаясь ни на минуту, приехали в Кастровилларн даме вѣскольکو раньше Гарибальди, отдыхавшего на дорогѣ. Въ дворцѣ интенданта мы превосходно поужинали съ другими офицерами; но самъ Гарибальди, подъ предлогомъ усталости, поспѣшилъ уклониться отъ церемоній“.

„Лагонегро *), 3 сентября, часть ночи.

„Мы ѣдемъ съ такою поспѣшностью и такими неудобствами, что едва успѣваемъ глядѣть на великолѣпные пейзажи южной Италіи. Благодаря нашимъ друаьямъ, мы съ полковникомъ Пирдомъ ѣдемъ на одинъ или на два часа впереди Гарибальди. Отъ Кастровилларн дорога поднимается по извилистому, очень высокому дефиле, вершина котораго служитъ границею между ближнею Калабриею и Базиликатою. Это дефиле, подобно многимъ другимъ по дорогѣ пройханной нами, почти неприступно; а единственная дорога изъ Южной Италіи къ Неаполю,—та приморская дорога, по которой ѣхали мы. Если бы хотя горсть людей стала защищать эти дефиле одно за другимъ, то на цѣлые мѣсяцы она остановила бы армію, очень сильную. Но неаполитанцы и не пытались задерживать насъ. Мы находили всѣ эти дефиле въ рукахъ вооруженнаго населенія, которое повсюду встрѣчало насъ музыкою и торжественными криками. Поселане говорили намъ, что отъ 12 до 15 тысячъ неаполитанцевъ находятся въ Салерно, съ ельнѣйшимъ авангардомъ въ Эболи **). Но они увѣряли насъ, что въ Базиликагѣ вооружилось не менѣе 30,000 человекъ и что въ самой Салернской провинціи возстаніе господствуетъ до самой Салы ***), гдѣ назначены временное правительство и продиктаторъ. Замѣйте, что Базиликатская провинція не ждала прибытія Гарибальди, чтобы возстать. Въ Кастровилларн было поднято трехцвѣтное знамя въ тотъ самый день, когда Миссори съ 250 человекъ высадился въ Бавьярѣ, 19 августа. А наканунѣ того произошла етчка между жителями Потенцы, столицы этой провинціи, и стоявшими тамъ конными жандармами; въ стычкѣ этой съ обѣихъ сторонъ было по вѣскольکو человекъ убитыхъ и раненыхъ, и кончилась она побѣдою патриотовъ, которые немедленно занялись организаціею всей провинціи. Словомъ сказать, населеніе Базиликаты рѣшилось не отстать отъ калабрійцевъ и отъ албанскихъ волонтеровъ Южной Италіи, считаемыхъ однимъ изъ самыхъ мужественныхъ племенъ въ цѣлои королевствѣ и въ своемъ усердіи обѣщавшихъ Гарибальди, что „албанскій батальонъ будетъ имѣть славу первымъ вступить въ Неаполь“, Жители Базиликаты хотятъ оспаривать у нихъ эту честь; а жители Салернской провинціи, ближайшіе сосѣди Неаполя, выказываютъ такое же усердіе. Вообще образъ дѣйствій неаполитанскаго народа изумляетъ насъ. Правда и то, что довольно имѣютъ они причинъ, возбуждающихъ мужество въ нихъ. Съ гѣмъ въ ни встрѣтитесь, каждый расскажетъ вамъ какое нибудь притѣсненіе, жертвою котораго былъ онъ или кто нибудь изъ его друзей. Вотъ этотъ священникъ десять лѣтъ былъ въ каторжной работѣ, а у этого молодаго человека отецъ былъ изгнанникомъ съ самаго 1848 года. Какая длинная Иліада преслѣдованій, изгнаній, наказаній, наглыхъ обидъ, злоупотребленія власти обнаруживается теперь!

„Отъ Реджо до Козенцы, отъ Козенцы до Лагонегро, по всей дорогѣ мы встрѣчали толпы жалкихъ королевскихъ солдатъ, расходившихся изъ-подъ своихъ знаменъ. Прискорбно и унизительно смотрѣть на нихъ. Нашъ походъ едва ли не первый случай въ исторіи, когда побѣдители шли рядомъ съ побѣжденными, безъ всякаго враждебнаго чувства, безъ всякаго желанія вредить и безъ всякой возможности помочь побѣжденнымъ. Странно смотрѣть на то, какимъ лишениямъ подвергаются разсѣявшіеся неаполитанскіе солдаты; съ каждымъ шагомъ растетъ ихъ число и растетъ нужда, тяготящая надъ ними. Мы на своемъ пути перегнали не менѣе 25,000 этихъ бѣглецовъ. Бросивъ ружья, они идутъ босые, почти нагіе,—обувъ и одежду они продали, что бы купить себѣ хлѣба; изнеможенные, голодные, тащатся они подъ знойнымъ солнцемъ,

*) Въ Базиликагѣ, на границѣ Ближняго Принчипато или Салернской провинціи.

**) Верстахъ въ 30 на югъ отъ Салерно.

***) Верстахъ въ 60 на югъ отъ Эболи.

падают от усталости отдохнуть где попало, не разбирая места, лежать в болотах, с которых не встанут они уже без лихорадки. Когда проезжаешь мимо них, они просят милостыни рыданиями или иными жестом, которыми показывают ладцарони свой голод—они подносят пальцы ко рту. Они обращаются с просьбами к синдикам и другим городским и сельским начальствам по дороге; но от одного города или села до другого здесь часто бывает целых десять или пятнадцать миль, да и средства, из которых сначала давалась им помощь селами и городами, теперь истощены, и поневоле должны начальства отказывать этим несчастным. Гарибальди должен продовольствовать свое войско, да и невозможно было бы ему ничего сделать для этих жалких людей, потому что они разбрелись по дорогам на огромное пространство. Секретарь его дает шашку каждому из них, который подходит к его коляске. Но эта помощь—капля воды, бросаемая в огромный пожар. Нет сомнения, что множество из этих людей погибнут. Но кротость южно-итальянского характера видна в их судьбе. Стали ли бы так терпеливо ждать голодной смерти дезертеры какой-нибудь другой армии, наприм. хоть английской?—они стали бы грабить; а я до сих пор не слышал ни об одном насилии, совершенном этими несчастными людьми, не слышал также, чтобы и жители встретили сурово хотя одного из них. Им помогают, сколько могут, но не в силах помочь, и они должны погибать. В Кастельнуччио мы вдруг увидели себя среди множества вооруженных королевских солдат; все узкие улицы городка были загромождены их лошадьми и пушками. Это была бригада генерала Кальдарелли, сдавшаяся в Козенце оставшимся жителям и получившая от них дозволение отступить к Салерно со всеми военными почестями. По условиям капитуляции был определен их маршрут, назначено, когда они должны прийти в какой город. Но если бы они соблюдали назначенные сроки марша, они были бы уже в Салерно. Здесь их осталось под знаменами только полторы тысячи человек. Кастельнуччио, небольшой городок, едва ли имеющий 300 человек национальной гвардии: она, конечно, не могла бы бороться с этим хорошо вооруженным отрядом. Нас испугала мысль, что через час станем проезжать через этот город Гарибальди, имея при себе всего только восемь человек спутников, что ему надобно будет переминать здесь лошадей, что он будет во власти людей, которые несколько дней тому назад еще хотели сражаться с ним. Наши опасения увеличились, когда неаполитанские офицеры стали подходить к нам и от своего имени и от имени своего генерала стали спрашивать, когда придет сюда Гарибальди. Некоторые из горожан уверяли нас, что Кальдарелли ужаснейший реакционер, и что двое из его офицеров потихоньку заряжают пистолеты. Убийство Гарибальди изменило бы теперь всю судьбу Италии, а убийца получил бы щедрую награду. В беспокойстве, мы послали, одного за другим, двух конных людей уведомить генерала Козенца о положении дела в Кастельнуччио и о наших опасениях. Мы шептали национальным гвардейцам, чтобы они были как можно внимательнее и отважнее, выехали из города и, приехав в Лаврию, послали в Кастельнуччио 300 человек вооруженных жителей на подкрепление национальной гвардии. До десяти часов вечера мы ждали в Лаврии известий и с радостью услышали, что Гарибальди остановился в Ротонде, не дожидаясь до Кастельнуччио. Из Ротонды он послал Трекка и другого офицера к Кальдарелли спросить, по каким причинам нарушил он капитуляцию и отстал от своего маршрута целыми тремя днями. Он приказывал Кальдарелли немедленно идти в Лаврию и Лагонегро. Кальдарелли оправдывал свое промедление недостатком провизии и усталостью своих солдат; с тем вместе он выразил желание передать на службу Гарибальди свою бригаду, которую описывал как войско еще сохранившее организацию; он уверял, что сам он и его офицеры патриоты в душе и желают сражаться за национальное дело. Ответ свой он заключал тем, что тотчас же исполнит приказ Гарибальди о немедленном выступлении, и подписался так: „верный подданный Виктора-Эммануэля и Гарибальди“. Успокоенные этими известиями и прибытием колонны Кальдарелли в Лаврию, мы поехали из Лаврии дальше в Лагонегро“.

„Лагонегро, 6 сентября, 9 часов утра.

„Трекки съ своими товарищами прибыли сюда. Гарибальди выѣхавъ изъ Ротонды и ѣдетъ сюда по горнымъ дорогамъ, чтобы миновать встрѣчи съ бригадою Кальдарелли, которая стоитъ здѣсь. Генералъ Турръ, высадившійся вчера въ Салпри съ 2,500 человекъ, будетъ здѣсь черезъ вѣсколько часовъ. Гарибальди, кажется, не совсѣмъ вѣрять Кальдарелли и его войскамъ, но хочетъ, чтобы они шли въ авангардѣ, чтобы видѣть, какъ они будутъ себя держать передъ непріятелемъ“.

„Аулетта *), 4 сентября.

„Мы пріѣхали сюда вчера изъ Лагонегро на почтовыхъ. Намъ очень забавляло, какъ принимаютъ за Гарибальди полковника Пирда по его длинной бородѣ в калабрійской шляпѣ. Напрасно старается онъ устранить восторженные встрѣчи, объяснял, кто онъ. Народъ говоритъ, что Гарибальди ѣдетъ инкогнито, но что они узнаютъ его по портретамъ. Полковникъ долженъ покориться и принимать почести. Но извѣстіе о дѣйствительномъ прибытіи Гарибальди на аванпосты, конечно, еще болѣе усилить энтузіазмъ народа, отовсюду сходящагося сюда съ оружіемъ, и смятеніе въ королевскихъ войскахъ. Они уже отступили изъ Эболи и толпятся вокругъ Салерно; они упали духомъ и дисциплина между ними исчезаетъ. Говорятъ, что ими командуютъ Воско и Піанелли“.

„Неаполь, 7 сентября.

„Высадившись близъ Реджо, Гарибальди тогда же объявилъ, что онъ будетъ присутствовать въ Неаполѣ на праздникъ *Piè di Grotta*, 8 сентября. Слыша это, мудрые люди пожинали плечами; одно уже разстояніе между Реджо и Неаполемъ доказывало пустоту такого хвастовства. А между тѣмъ вотъ мы, офицеры свиты Гарибальди, ѣдущіе впереди его, уже пріѣхали въ Неаполь наканунѣ 8 сентября в самъ Гарибальди по всей вѣроятности будетъ здѣсь нынѣ же, а завтра дѣйствительно займетъ мѣсто въ полурелигіозной, полувоенной церемоніи праздника.

„Мы съ полковникомъ Пирдомъ, какъ предшественники Гарибальди, заняли Салерно вчера въ четыре часа утра. Въ Салерно, какъ и прежде въ Эболи, мы взяли въ свою власть телеграфъ и ускорили неизбежную катастрофу—сообщеніемъ неаполитанскому двору извѣстій о приближеніи Гарибальди, сообщеніемъ Гарибальди извѣстій о положеніи непріятели.

„Услышавъ, что 12-тысячный корпусъ королевскихъ войскъ стоитъ въ Ночерѣ. въ 8 миляхъ къ сѣверу отъ Салерно, мы поѣхали въ Ла-Каву, находящуюся между Салерно и Ночерою; два батальона, составлявшіе неаполитанскій авангардъ, только-что вышли изъ Ла-Кавы. Мы пріѣхали туда въ коляскѣ маркиза Атенольфи, патриота и одного изъ здѣшнихъ вельможъ. Появленіе полковника Пирда произвело свой обыкновенный эффектъ. Напрасно мы убѣждали народъ, что полковникъ Пирдъ не Гарибальди: народъ не хотѣлъ ничего слушать, говорилъ, что понимаетъ причины, по которымъ онъ хочетъ сохранять инкогнито, обѣщалъ „хранить тайну“ и предавался восторгу. Бели судить о чувствахъ его по крику, то Гарибальди избавляетъ страну, достойную избавленія. Радость, выказываемую массами въ Ла-Кавѣ, какъ и въ Салерно, какъ и во всѣхъ городахъ и селахъ между Реджо и Неаполемъ, нельзя назвать иначе, какъ восторгонъ, доходящимъ до помѣшательства.

„Остановившись въ Ла-Кавѣ, мы узнали, что 12-тысячный корпусъ, стоявшій въ Ночерѣ, готовится отступать снова, что иностранныя войска отказываются сражаться, что въ столицѣ все такъ же распалось, какъ и въ провинціяхъ. Съ этими извѣстіями мы поѣхали назадъ въ Салерно и въ шестомъ часу вечера присоединились къ длинному ряду экипажей, двигавшихся на встрѣчу Гарибальди. Онъ выѣхалъ изъ Аулетты нынѣ ;

*) Аулетта лежитъ верстахъ въ 80-ти на югъ отъ Салерно.

утромъ, остановился въ Эболи и, узнавъ тамъ о положеніи дѣлъ изъ телеграммъ, присланныхъ нами и генераломъ Траполи, прибывшимъ въ Салерно черезъ нѣсколько часовъ послѣ насъ, отправился въ Салерно. Вмѣстѣ съ нимъ мы пріѣхали въ Салерно среди тучи пыли, какалъ можетъ подниматься только въ южной Италіи послѣ четырехмѣсячной засухи, и кое-какъ пробрались въ интендантскій дворецъ черезъ восторженную толпу, которой не могла удержать національная гвардія. Посмотрѣвъ на эту бурную сцену, мы опять выѣхали изъ Салерно въ Ла-Каву, думая доѣхать до Неаполя въ тотъ же вечеръ. Но потомъ мы разсудили отдохнуть нѣсколько часовъ и пріѣхали въ столицу нынѣ съ первымъ утренняямъ побѣдомъ желѣзной дороги *). Ходъ дѣлъ ускорился съ прогрессивной быстротой: въ первые дни неаполитанской кампаніи Гарибальди и его офицеры шли пѣшкомъ; потомъ ѣхали верхомъ, когда добыли себѣ верховыхъ лошадей; изучивъ ихъ, поѣхали въ частныхъ экипажахъ, потомъ поѣхали еще скорѣе на почтовыхъ лошадяхъ, а конецъ пути проѣхали въ вагонахъ.

„На каждой изъ многочисленныхъ станцій желѣзной дороги мы находили толпы убитыхъ духомъ дезертеровъ. Мы видѣли ихъ, сотнями и тысячами покидающихъ громадные казармы и форты, которые непрерывною линіею тянутся по благодатной долинѣ Кампаніи. Король уѣхалъ изъ столицы въ четыре часа вечера на испанскомъ фрегатѣ въ Гаагу, приказавъ арміи идти туда. Солдаты идутъ по шѣрѣ силъ и желаній; но они совершенно разстроены и едва ли дойдутъ они до Гагты хотя въ такомъ числѣ и въ такомъ духѣ, чтобы могли защищаться даже за стѣнами этой крѣпости. А между тѣмъ всѣ посты въ столицѣ еще заняты по прежнему солдатами. Но національная гвардія господствуетъ въ городѣ и приняла на себя охраненіе порядка. Столица ячяиваетъ оживать и дѣйствовать. Экипажи, наполненные молодыми людьми, держащими трехцвѣтныя итальянскія знамена съ савойскимъ крестомъ, скачутъ по Толедской улицѣ среди оглушительныхъ криковъ „viva Garibaldi!“ Комитетъ „Порядка“, состоящій изъ умѣренныхъ патриотовъ выснихъ сословій, послалъ депутацію изъ 80 почетныхъ лицъ въ Салерно съ приглашеніемъ Гарибальди вступить въ столицу, а Комитетъ „Дѣйствія и Единства“, состоящій изъ революціонеровъ, давно уже старается склонить диктатора на свою сторону. И здѣсь, какъ въ Сициліи, населеніе раздѣлено на двѣ враждебныя партіи: одну составляютъ приверженцы немедленнаго присоединенія, люди склонные къ уступкамъ; другую приверженцы полнаго единства, пренебрегающіе всѣми дипломатическими соображеніями, стремящіеся соединить всю Италію исключительно силою народнаго движенія, не останавливающіеся тѣмъ, что планъ ихъ можетъ довести до войны съ французами въ Римѣ и съ австріяками въ Венеціи. Представителемъ первой партіи въ Сициліи былъ Ла-Фарина, глава ея Кавуръ, а въ Неаполѣ предводителями ея служилъ неаполитанскіе изгнанники, проникнутые такъ называемыми піэмонтскими идеями и пріѣхавшіе сюда изъ Турина и Флоренціи: д'Айола, Пизанелли, Беллетти, Белла, Спаვენга, Леопарди и другіе. Вторая партія называетъ своимъ главою доктора Бергани, сваряжавинаго экспедиціи, а предводители ея въ Неаполѣ—Риччарди, Агрести, Либертини и другіе менѣе извѣстныя лица демократическаго, если не республиканскаго направленія; теперь они отказываются отъ товарищества съ Маццини, но прежде принадлежали къ его обществу, да и нынѣ въ значительной степени раздѣляютъ его идеи.

„Обѣ эти партіи говорятъ, что имѣютъ одну цѣль—соединеніе или единство Италіи подъ властью Виктора-Эммануэля Савойскаго. Но умѣренные хотятъ идти къ этой цѣли постепенно, тѣмъ способами, какіе кажутся возможными для нихъ. Какъ они по вступленіи Гарибальди въ Палермо совѣтовали немедленно присоединить Сицилію къ Сѣверно-итальянскому королевству, такъ теперь, по освобожденіи Неаполя, они думаютъ, что надобно немедленно присоединить весь югъ къ Сѣверному королевству. Революціонеры, напротивъ того, хотя и дѣйствуютъ именемъ Виктора-Эммануэля и хотятъ короновать его государемъ всего полуострова, но считаютъ нужнымъ удержать завоеванныя пни провинціи подъ управленіемъ избранныхъ ими диктаторовъ или продиктаторовъ до той поры, когда вся итальянская территорія станетъ совершенно свободна, и представители

*) Желѣзная дорога идетъ отъ Неаполя до Віетри, небольшого города, лежащаго подлѣ Салерно.

всей націи, собравшись въ естественной, вѣчной столицѣ Италіи, Римѣ, приступать къ коронаціи государя, избраннаго всеобщимъ согласіемъ.

„Теоретическія воззрѣнія, въ которыхъ расходятся эти партіи, въ сущности подчинены особымъ понятіямъ каждой изъ нихъ о томъ, что возможно и осуществимо; но къ различію понятій примѣшиваются страсти и предрасудки, личные интѣресы и честолюбіе, такъ что онѣ взводятъ одна на другую горькія обвиненія. Бертани и его друзья революціонеры, ободренные удивительнымъ успѣхомъ Гарibaldi, упрекаютъ Кавура и его кабинетъ въ недовѣрїи къ счастью и къ талантамъ этого полководца; винятъ министерство Кавура въ томъ, что оно помѣшало задуманному Гарibaldi нападенію на Маршіи и Умбрию въ прошедшую осень,—помѣшало этому вторженію, которое освободило бы южную Италію еще въ прошлый годъ; они винятъ Кавура за то, что онъ не помогаль Гарibaldi прѣв высадкѣ въ Сицилію, не помогаль и во все время его похода, столь счастливо кончившагося теперь; они увѣрены, что успѣхъ, сопровождавшій Гарibaldi до сихъ поръ, такъ же неизбѣжно будетъ сопровождать его въ борьбѣ съ Ламорисьеромъ и даже съ Австрією или Францією, хотя бы Австрія и Франція соединили свои силы. Они утверждаютъ, что итальянская нація можетъ достигъ своей цѣли—освободить Римъ и Венецію, несмотря на сопротивленіе всѣхъ европейскихъ державъ, думая, что сопротивленіе всѣхъ державъ будеть слабо, потому что симпатія Европы на сторонѣ итальянцевъ, благодаря справедливости итальянскаго дѣла и генію Гарibaldi. Бертани и его друзья владѣютъ сердцемъ Гарibaldi,—это фактъ, который напрасно было бы отрицать. Они почти исключительно окружаютъ Гарibaldi, поддерживаютъ въ немъ чувство неудовольствія на Кавура, напонинаятъ ему о томъ, какъ бездушно пожертвоваль сардинскій министръ родиною Гарibaldi, Ниццею, съ какою неумѣстной рѣзкостью онъ оскорбилъ Гарibaldi въ туринскомъ парламентѣ; они говорятъ объ ошибкахъ піэмонтскаго правительства, которое могло бы сдѣлать такъ много и сдѣлало такъ мало для сицилійской экспедиціи, и говорятъ, что они преданы исключительно одному только королю и не хотять имѣть никакихъ сношеній съ его нынѣшними совѣтниками.

„Разумѣется само собою, въ чемъ состоятъ возраженія умѣренной партіи. Она говоритъ, что, уступая Ниццу, Кавуръ дѣйствовалъ по требованію необходимости, которому уступали всѣ разсудительные патриоты; что онъ тайно помогаль сицилійской и калабрійской экспедиціямъ всѣми средствами, какія дозволялись ему международнымъ правомъ; что помощи болѣе сильной онъ не могъ оказывать, не подвергаясь войнѣ съ Австрією, а быть можетъ и съ Францією,—войнѣ, къ которой Италія не была готова; что присоединеніе Неаполя къ сѣверной Италіи, если только можетъ оно совершиться съ согласія Европы, болѣе или менѣе неблагопріятной ему, должно въ настоящую минуту удовлетворять патриотовъ, потому что оно даетъ странѣ время организоваться, открыть ей возможность впоследствии, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, объявить свои права на Римъ и на Венецію.

„Долгое и тѣсное знакомство мое почти со всѣми офицерами Гарibaldi убѣждаетъ меня, что всѣ они раздѣляютъ понятія крайней партіи, недопускающей уступокъ; я въ нихъ сомнѣнія и въ томъ, что ихъ принципы въ сущности приняты самимъ Гарibaldi. Вчера были посланы на встрѣчу ему два депутата отъ Комитета „Порядка“; эти депутаты, докторъ Томмази и профессоръ Пивіа, личные друзья Гарibaldi, встрѣтили его въ Аулеттѣ и провозжали его въ Эболи и Салерно. Имъ было поручено умолять диктатора именемъ умѣренной партіи, чтобы онъ немедленно присоединилъ Неаполь и Сицилію къ сѣверно-итальянскому королевству. Гарibaldi принялъ депутатовъ съ обыкновенною своею деликатностью и привѣтливостью, но пзложилъ имъ намѣренія, нимало не согласныя съ мыслями ихъ партіи. Онъ выразилъ полную увѣренность въ совершенномъ успѣхѣ всего своего плава; онъ сказалъ, что самъ Наполеонъ не въ силахъ бороться съ Италією и съ непопулярностью, которую подняло противъ него во Фравшїи сопротивленіе итальянскому дѣлу; онъ говорилъ о графѣ Кавурѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, такъ что видно было, какъ проникся онъ понятіями доктора (нынѣ генерала) Бертани. Томмази и Пивіа возвратились очень унылые.

„Не одними отвлеченными принципами возбуждаются громкія жалобы умѣренной

парти. Въ континентальныхъ провинціяхъ, какъ и въ Сициліи, продиктаторами и другими правителями назначены и назначаются люди, о которыхъ умѣренная партія говоритъ очень дурно. По ея словамъ, Гарибальди, не зная людей, выбираетъ все только креатуръ Бертани, и страна попадаетъ во власть лицъ, не имѣющихъ ни способностей, ни хорошей репутаціи. Умѣренная партія жалуется, что въ этой революціи „всплываетъ на верхъ дурная пѣна“ (какъ будто революція можетъ обойтись безъ того), и предсказываетъ, что временное правительство не облегчитъ, а лишь увеличитъ анархію, которая составляла самую дурную черту павшаго правительства.

Я только излагаю вамъ положеніе и мысли партій, рѣшительно не принимая на себя смѣлости судить о томъ, которая изъ нихъ ошибается. Я полагаю, что ихъ несогласія окажутся гораздо менѣ важными, нежели какъ представляется той и другой изъ нихъ, и что ни та, ни другая не можетъ такъ повредить дѣлу, какъ говорятъ ей противники. Довѣріе всей націи къ Виктору-Эммануэлю и къ Гарибальди не колеблется и не поколеблется; и если бы Виктора-Эммануэля убѣдили немедленно прѣхать въ Неаполь, безъ графа Кавура, или взять въ свои совѣтники по неаполитанскимъ дѣламъ Ратацци и другихъ людей оппозиціонной партіи, вражда которыхъ съ Кавуромъ началась недавно и, быть можетъ, не непримирима, то я увѣренъ, что событія могли бы идти, не произведя безвозвратной ссоры между честными патриотами разныхъ партій“.

„Часть дня.

„Гарибальди прѣехалъ изъ Салерно по желѣзной дорогѣ. Городъ кипитъ бѣшенымъ восторгомъ.

„8 сентября, утро.

„Городъ отдыхаетъ послѣ ночи, проведенной въ политическомъ карнавалѣ *).

„Королевскія войска въ сущности еще владѣютъ городомъ. Четыре батальона стрѣлковъ еще стоятъ въ своихъ вавармахъ; форты Санъ-Эльмо, Нуово, дель-Кармине и дель-Уово еще заняты гарнизонами, поставленными въ нихъ королемъ. Гарибальди правитъ только силою своего имени, имѣя защитниками лишь нѣсколько человекъ своихъ штабныхъ офицеровъ и національную гвардію. Но вчера вечеромъ совершилось великое торжество. Весь неаполитанскій флотъ (кромя одного фрегата „Партенопа“) стоитъ въ гавани; онъ поднялъ итальянскій флагъ и отдался подъ команду адмирала Персано, уже нѣсколько дней находящагося въ неаполитанской гавани съ тремя сардинскими фрегатами. Не сомнѣваются, что скоро послѣдуетъ этому примѣру и „Партенопа“, которая ушла отсюда чинить свою машину. Говорятъ, что моряки проникнуты превосходнымъ духомъ. Такимъ образомъ, всѣ успокоились за судьбу флота, который король хотѣлъ послать въ Триэсть, чтобы отдать его австрійцамъ“.

„12 часовъ дня.

„Гарибальди усгѣлъ назначить правительство для неаполитанскаго королевства. Комитеты „Порядка“ и „Дѣйствія“ или по крайней мѣрѣ нѣкоторые члены ихъ съ одобренія диктатора назначили общую временную комиссію для охраненія общественнаго спокойствія. Она состояла изъ семи членовъ; трое (Ричарди, Либертиня и Агрести) принадлежали къ крайней партіи; трое (Колонна, Карачоди и Пицциелли) къ умѣренной; седьмой членъ, Конфорти, считается человекомъ нейтральнымъ. Эти семь человекъ, видѣвшись съ Гарибальди, приняли на себя имя и власть временнаго правительства и издали декретъ, назначившій Гарибальди диктаторомъ неаполитанскаго королевства. Раздраженный этою нелѣпою претензіею, Гарибальди велѣлъ арестовать ихъ, но скоро потомъ освободилъ, какъ людей, не вѣдавшихъ, что творятъ, и поручилъ генералу Козенцу составить министерство“.

*) Мы пропускаемъ описаніе народнаго торжества.

Въ дополненіе къ этому разсказу, приведемъ теперь изъ писемъ другаго корреспондента Times'a очеркъ положенія дѣлъ въ столицѣ въ послѣдніе дни передъ прибытіемъ туда Гарибальди.

„Неаполь, 3 сентября.

„Приближается послѣдняя сцена послѣдняго акта. Снипетръ видимо выпадаетъ изъ рукъ Франциска II и черезъ нѣсколько дней, быть можетъ черезъ нѣсколько часовъ, онъ перестанетъ царствовать. Положеніе дѣлъ таково, что при Францискѣ невозможно стало никакое управленіе. Выгода отъ сохраненія нынѣшняго министерства та, что переходъ будетъ спокоенъ. Генераль Кутрофіаво прислалъ министрамъ свою отставку, выражая надежду, что теперь они возьмутъ свою отставку. Національная гвардія прислала къ нимъ новую депутацію съ объясненіемъ, что если они не останутся въ своихъ должностяхъ, то въ Неаполѣ произойдетъ возстаніе. Но министры нашли, что сохранять власть было бы несовмѣстно съ ихъ репутаціею, и снова просили письменнымъ образомъ объ отставкѣ. „Насъ называютъ измѣнниками, говорили они: мы имѣемъ противъ себя войско и не пользуемся довѣріемъ государя. Правда, что насъ поддерживаетъ національная гвардія и народъ, что мы скорѣе министры ихъ, нежели короля; но это не согласно съ принципами конституціи, и потому мы настоятельно просимъ ваше величество избрать переходное министерство. Притомъ же мы не хотимъ вести войну противъ Гарибальди и его приверженцевъ, потому что она была бы совершенно бесполезна“. Такимъ образомъ Франциску II остается только или уѣхать, или видѣть возстаніе. Въ воскресенье поутру (2 сентября) министры собрались въ залѣ совѣта и ждали какого нибудь рѣшенія отъ короля, но ничего не дождались. Черезъ нѣсколько часовъ король оргласилъ къ себѣ де-Мартино и просилъ его составить новое министерство. Но де-Мартино отказался и король съ огорченіемъ вскричалъ: „Итакъ всѣ меня покидаютъ!“ Въ такомъ положеніи оставались дѣла 2 числа вечеромъ. Ясно, что министры, сохраняя власть, не надѣются и не думаютъ дѣлать ничего, кромѣ того какъ поддерживать порядокъ до прибытія Гарибальди. Для нихъ, какъ и для всѣхъ въ Неаполѣ, очевидно, что дѣло кончено; что единственная услуга, какую могутъ оказать они теперь отечеству, состоятъ въ томъ, чтобы по возможности облегчить переходъ. Городъ полагаетъ, что министерскій кризисъ прекратился; поэтому въ субботу и въ воскресенье улицы были иллюминированы и стѣны покрыты афишами, оканчивающимися восклицаніемъ: „да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ Романо!“ Невозможно безъ жалости смотрѣть на положеніе Франциска II. Родственники и придворные, погубившіе его своими совѣтами, измѣнили ему, и онъ теперь сидитъ во дворцѣ одинъ. А подъ окнами дворца толпы съ радостью читаютъ депеши изъ лагеря его непріятеля, быстро приближающагося; а близъ дворца стоятъ домъ посланника короля, который, называя его „любезнымъ братомъ“, дѣлалъ все, что могъ, чтобы лишить его престола“.

„4 сентября.

„Всю ночь съ воскресенья ва понедѣльникъ (со 2 на 3 сентября) шлюбки перевозили на испанскіе корабли королевское имущество; но король все еще держится мысли стать во главѣ арміи, хотя оборона—вещь уже невозможная. Войска сосредоточиваются въ столицѣ; стѣны Castello del Carmine укрѣпляются мѣшками съ пескомъ. Графы Трани и Трапани, братья короля, и князь Искителла, командиръ національной гвардіи, подали въ отставку, но король не принялъ ихъ просьбъ. Онъ вчера хотѣлъ призвать въ столицу изъ провинцій не только войска, но и жандармскіе отряды; министры отказались контрасигнировать эти распоряженія. Неаполитанскій флотъ объявилъ, что не пойдетъ изъ здѣшней гавани. Эта рѣшимость была вынуждена у моряковъ намѣреніемъ короля отдать свой флотъ Австріи“.

„Неаполь, 5 сентября.

„Семимильные сапоги вѣроятно опять вошли въ моду, и у Гарибальди должна бы ъ пара такихъ сапогъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ въ Фаро, а по послѣ-

нимъ извѣстіямъ находится уже близъ Салерно. Его походъ былъ непрерывною триумфальною процессіею. Война не представляла ему на неаполитанскомъ континентѣ суровыхъ своихъ сторонъ; его повсюду встрѣчали съ цвѣтами и со слезами радости. Самый непоколебимый реакціонеръ, кажется, бросить свою шпагу при видѣ его. Постоянно приходятъ все новыя войска въ столицу, и народъ боится, что они станутъ сражаться или грабить, или вмѣстѣ сражаться и грабить. Дѣйствительно, сраженіе послужило бы для нихъ только предлогомъ къ грабежу, а къ серьезной битвѣ они не способны. Вчера утромъ какой-то генералъ, кажется Піанелли, былъ у короля и объяснилъ ему, что онъ не можетъ рассчитывать на свои войска. Если это Піанелли, то надобно сказать, что онъ цѣлый годъ говорилъ королю о ненадежномъ состояніи войскъ. Національная гвардія обращалась въ его величеству съ просьбою, чтобы онъ принесъ послѣднюю жертву—уѣхалъ изъ столицы. Третьяго дня вечеромъ король рѣшился уѣхать немедленно, но въ полночь отложилъ свою поѣздку.

„Бригады Воско и фояз-Михеля получили приказаніе отступить изъ Салерно, который теперь открытъ для непріятели. Теперь обороняться можно было бы только въ самой столицѣ; но я не ожидаю битвы. Напротивъ, я жду, что вступленіе Гарибальди будетъ праздникомъ“.

„Неаполь, 6 сентября.

„Король, о которомъ уже нѣсколько дней говорятъ ежеминутно, что онъ уѣзжаетъ, все еще не уѣхалъ. Ему тяжело равстаться съ дворцомъ своихъ предковъ. Предлогомъ для отсрочки служить теперь нездоровье королевы; но отъѣздъ его неизбеженъ, и когда я буду отправлять къ вамъ это письмо, Франциска уже не будетъ въ столицѣ. Его генералы ниѣли у него аудіенцію вчера утромъ и прямо сказали ему то же, что накануне говорили адмиралы и флотскіе офицеры; они сказали ему, что его величество не можетъ уже рассчитывать на свои войска. Услышавъ это, король послалъ за командирами національной гвардіи и говорилъ съ ними въ такихъ выраженіяхъ, что нѣкоторые изъ нихъ были тронуты до слезъ. Но я долженъ напомнить вамъ, что неаполитанцу не трудно быть растроганнымъ до слезъ. Король благодарилъ національную гвардію за ея образъ дѣйствій, сказалъ, что онъ велѣлъ войскамъ не наносить вреда столицѣ, сказалъ: „ванъ и нашъ донъ Пешпино уже у воротъ Неаполя“, и объяснилъ, что удалется по условію, заключенному съ дипломатами. Ежели бы онъ ударжался отъ своей шутки о донѣ Пешпино, его рѣчь произвела бы больше впечатлѣнія. Министры предлагали учредить регентство, но король не согласился; онъ оставлетъ верховную власть въ рукахъ государственнаго совѣта и приказываетъ министрамъ не уѣзжать изъ Неаполя. Король черезъ посредство министровъ потребовалъ, чтобы государственное казначейство передало въ Гаатскую военную кассу 220,000 дукатовъ и въ Капуанскую военную кассу 40,000 дукатовъ на содержаніе войскъ. Едва ли онъ получитъ эти деньги; едва ли останется у него и войско, ва содержаніе котораго онъ требуетъ ихъ.

„Вчера уѣхалъ изъ Неаполя генералъ Піанелли, обвиняемый королемъ въ предательствѣ, но оставившій по себѣ въ общемъ мнѣніи безупречную репутацію вѣрности королю, конституціи и народу. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ честно говорилъ королю о дурномъ состояніи войска, о деморализующемъ вліяніи системы, столь долго господствовавшей въ Неаполѣ; и если войско не защищаетъ короля въ минуту опасности, винить въ томъ надобно не имѣну Піанелли, а дурные совѣты Нуицанте и другихъ, которыхъ слушался король. Піанелли принялъ званіе военнаго министра съ тѣмъ условіемъ, чтобы ниѣтъ полную власть надъ войскомъ, но не дальше какъ черезъ нѣсколько часовъ онъ увидѣлъ, что дворъ распоряжается войскомъ мимо его, что родственники короля посылаютъ солдатъ по улицамъ Неаполя для возбужденія реакціи. Дѣло короля было погублено самимъ королемъ и его друзьями.

„Съ самаго утра всѣ ждали отъѣзда короля. Толпы стояли вокругъ дворца и около арсенала, смотря на приготовленія въ отъѣзду. Вдругъ я услышалъ женскіе крики и мольбы. Я бросился къ окну своей комнаты и увидѣлъ толпу простолодинокъ, тѣснившихся въ сосѣдную церковь. — Что это такое? „Мадонна, спаси короля!“ повторяли

онъ съ рыданіями. „Мадонна Санта-Лучіанская плачетъ; крупныя капли слезъ катятся по ея лицу, — Мадонна, спаси короля!“ Вся площадь волновалась, и рассказъ о плачущей Мадоннѣ могъ бы произвести мятежъ; но войска и національная гвардія скоро пришли на площадь и возстановили порядокъ, отчасти силой, отчасти убѣжденіями. Рассказъ о чудномъ плачѣ былъ придуманъ моимъ сосѣдомъ, главнымъ священникомъ Санта-Лучіанской церкви. Увидѣвъ, что его хитрость открыта, онъ сѣлъ въ карету и хотѣлъ уѣхать, но былъ арестованъ. Въ полдень городъ узналъ, что король положительно уѣзжаетъ нынѣ вечеромъ. Министры явились проститься съ его величествомъ; испанскій пароходъ давно уже развелъ пары, и передъ наступленіемъ ночи послѣдній изъ Бурбоновъ простился съ своею столицей“.

(Тутъ корреспондентъ Times'a сообщаетъ прокламацію и протестъ, обнародованные Францискомъ II при его отъѣздѣ. Документы эти были переведены въ нашихъ газетахъ. Въ то же время префектъ полиціи издалъ прокламацію, въ которой совѣтовалъ народу сохранить тишину до прибытія Гарibaldi. Но, замѣчаетъ корреспондентъ, увѣщанія эти были излишни).

„Народъ держитъ себя такъ, что, кажется, не нужно было бы никакихъ предосторожностей. Городъ совершенно спокоенъ, и единственный шумъ, какой слышу я—пѣсни рыбаковъ изъ предмѣстья Санта-Лучіа, проходящихъ мимо моего окна. Я рѣшительно не знаю, чему надобно больше удивляться: быстрому ли торжеству Гарibaldi, или совершенному спокойствію и тишинѣ народа. Король выѣхалъ нынѣ изъ столицы, а въ городѣ не замѣтно ничего особеннаго: театры открыты, у дворцовыхъ воротъ стоятъ часовые и каждый занимается своимъ обыкновеннымъ дѣломъ. Я былъ нынѣ вечеромъ на Толедской улицѣ и смотрѣлъ, какъ идутъ изъ города войска. Народъ стоялъ по обѣ стороны улицы, но не было произнесено ни одного оскорбительнаго слова, не было сдѣлано никѣмъ движенія, отъ котораго могъ бы нарушиться порядокъ. Чѣмъ объясняется такое чудо?“

„Слава Гарibaldi, бывшая великою и во отдаленіи, принимаетъ гигантскіе размѣры по мѣрѣ его приближенія къ Неаполю. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ въ Фаро, вечеромъ 5 числа прибылъ въ Эрколе; нынѣ утромъ, 6 сентября, онъ прибылъ въ Салерно почти только съ однимъ адъютантомъ, выѣхалъ въ домъ интенданта и вышелъ на балконъ съ Піэмонтскимъ флагомъ въ рукѣ къ народу, восторженно встрѣтившему его. Онъ обѣдалъ въ Ла-Кавѣ, и я оставлю его тамъ до слѣдующаго утра. Замѣчу вамъ только одно объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, умиющемъ одушевлять всѣхъ своихъ спутниковъ энергіею, которою проникнуть самъ: три дня сряду проходилъ онъ по 40 миль (65 верстъ) въ день съ войсками, которыя получали только хлѣбъ съ небольшою количествомъ вина. Несмотря на это, армія его находится въ хорошемъ состояніи, по словамъ англійскихъ офицеровъ, пріѣхавшихъ изъ нея. Салерно, разумѣется, очищенъ королевскими войсками, отступившими въ Ночеру. Иностранныя войска дерутся между собою. Дано приказаніе сосредоточить всѣ ихъ въ Капуѣ и Газтѣ. Но я полагаю, что и они скоро объявятъ, что переходятъ къ Виктору-Эммануэлю“.

„7 сентября.

„Гарibaldi у насъ въ Неаполѣ,—гораздо раньше, чѣмъ мы ждали. Онъ шлетъ нѣсколько дней сряду по 45 миль въ день, какъ сказалъ мнѣ нынѣ одинъ изъ его спутниковъ. Вчера онъ прибылъ въ Салерно и, разумѣется, былъ встрѣченъ блистательнѣйшимъ образомъ. „Быть можетъ онъ придетъ сюда къ празднику Pie di Gott (8 сентября)“, говорили нѣкоторые; но я былъ удивленъ, когда одинъ изъ моихъ друзей поутру сказалъ мнѣ, что онъ будетъ здѣсь черезъ часъ. Нечего было терять времени, и мы поѣхали на желѣзную дорогу. Народу на улицахъ было мало, на станціи не было никакихъ приготовленій къ встрѣчѣ; я думалъ, что мы ошиблись, но вотъ вѣтъ. Национальная гвардія становилась у всѣхъ дверей на станціи, быстро являлись

флаги. Комнаты были наполнены важѣйшими людьми либеральной партіи Неаполя. Тутъ были всѣ члены комитета, столько мѣсяцевъ издававшего свои таинственные приказанія; новый командиръ національной гвардіи Айала, историкъ Леонарди. Множество англичанъ, въ томъ числѣ лордъ Льявертеръ, и нѣсколько дамъ,—дамъ было мало, потому что все еще ожидали какихъ нибудь безпорядковъ на улицахъ. Я стоялъ подлѣ священника, бывшаго президентомъ временнаго правительства въ Лечче и рассказывавшаго множество анекдотовъ о Гарибальди, котораго онъ хорошо зналъ въ Римѣ. Но что же замедлялъ диктаторъ? Уже половина одиннадцатаго, а его все еще нѣтъ. Наконецъ звонитъ колокольчикъ, приближается поѣздъ, поднимается оглушительный крикъ „viva“, — но нѣтъ, это не герой: поѣздъ привезъ Баварскихъ солдатъ, перешедшихъ на сторону побѣдителя. Наконецъ бьетъ 12 часовъ, опять звонитъ колокольчикъ и издали подается сигналъ, что ѣдетъ Гарибальди. „Viva Garibaldi!“ кричатъ тысячи голосовъ и поѣздъ останавливается. Выходятъ нѣсколько человекъ въ красныхъ блузахъ, ихъ схватываютъ, обнимаютъ, целуютъ съ безопасностью, которой отличается итальянская горячность. Былъ тутъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, котораго по бородѣ приняли за Гарибальди и обнимали такъ, что не знаю, остался ли онъ въ живыхъ. Но самъ Гарибальди обошелъ кругомъ, черезъ другую дверь, и когда замѣтили это, бросились ловить его. Мы объѣхали кругомъ по переулкамъ къ церкви Santa-Maria del Carmine и, благодаря этой ловкой мысли, выѣхали на встрѣчу диктатору. Я узналъ его съ первого взгляда, по величію и прямодушію, выражающемуся на его лицѣ, и былъ пораженъ его спокойнымъ самообладаніемъ и чрезвычайною мягкостью его улыбки. Онъ ѣхалъ въ наемномъ экипажѣ. Окруженный тысячами народа, оглушаемый его криками, онъ проѣхалъ мимо королевскаго дворца, лишь за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ покинутого Францискомъ, и остановился во дворѣ, назначенной для приема иностранныхъ государей. Толпа взволновалась и требовала, чтобы Гарибальди вышалъ къ ней. На балконѣ явилась одна красная блуза, потомъ другая, наконецъ Гарибальди. Какой крикъ поднялся тутъ! Говорить было невозможно. Гарибальди облокотился на рѣшетку и внимательно смотрѣлъ на толпу, наконецъ сталъ дѣлать рукою знаки, что хочетъ говорить. Долго народъ не могъ удержаться отъ криковъ, но черезъ нѣсколько времени водворилось совершенное молчаніе. „Неаполитанцы!“ сказалъ онъ звучнымъ и твердымъ голосомъ: „нынѣ торжественный, святой, вѣчно памятный день. Нынѣ вы сдѣлались свободнымъ народомъ. Благодарю васъ отъ имени всей Италіи. Вы совершили великое дѣло не для одной Италіи, но для всего человѣчества. Да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ Италія!“

„Восклиданіе было повторено безчисленными голосами; много любопытнаго представляла собравшаяся толпа: въ ней былъ легіонъ амазонокъ, числомъ до 200, одѣтыхъ въ гарибальдескій мундиръ: эти женщины поклялись стать въ первомъ ряду національной гвардіи, если войска нападутъ на городъ; тутъ были священники съ трехцвѣтными перевязями и съ трехцвѣтными знаменами, были монахи съ ружьями на плечахъ, были сотни лаццарони съ пиками, которыми запаслись они для защиты баррикадъ, въ случаѣ нападенія войскъ. Я замѣтилъ, что Гарибальди не упомянулъ ни однимъ словомъ объ Викторѣ-Эммануэлѣ, замѣтилъ также, что и на улицахъ рѣдко кричали что нибудь, кромѣ „да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ Италія!“ Вошедши во дворецъ и въ залу, гдѣ приниалъ Гарибальди, я увидѣлъ, что онъ даетъ аудіенцію венеціанскимъ депутатамъ. „У насъ все готово и организовано, генераль, и мы нетерпѣливо ждемъ минуты, когда начать“.—„У васъ не можемъ быть больше нетерпѣвнѣ, чѣмъ у меня“, отвѣчала овъ имъ“.

Общій очеркъ хода событій въ южной и средней Италіи.

Несмотря на сказочные успѣхи Гарибальди въ Сициліи, намѣреніе его перенести войну на континентъ представлялось планомъ чрезвычайно рискованнымъ. Послѣ всѣхъ потерь, понесенныхъ королевскими войсками въ Палермо и при

Мелатцо, у Франциска II оставалось еще отъ 80 до 100 тысячъ войска. Прѣжніе неаполитанскіе генералы были люди неспособные, но уже выдвигались на первый планъ другіе командиры, считавшіеся хорошими генералами, напримѣръ Боско и фонъ-Михель. Какова бы ни была боевая годность собственно неаполитанскихъ солдатъ, въ ихъ арміи находилось нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ наемниковъ, буйныхъ, но очень храбрыхъ. Одинъ этотъ иностранный корпусъ имѣлъ силу, видимою слишкомъ достаточную для отраженія волонтеровъ Гарибальди. Да и между самими неаполитанскими солдатами находилось нѣсколько полковъ, которыхъ нельзя было подозрѣвать въ неохотѣ сражаться. Таковы были, между прочимъ, гвардейскіе полки. Такимъ образомъ, если и не считать ни за что большую половину неаполитанской арміи, все-таки оставалось въ ней отъ 20 до 30 тысячъ войска, казавшагося очень надежнымъ. У Гарибальди всѣ силы едва-ли простирались до такой цифры. Значительную часть ихъ онъ долженъ былъ оставить для охраненія Сициліи и никакъ не могъ переправить на материкъ больше 15,000. Изъ этихъ 15, 000 двѣ трети составляли новобранцы, слишкомъ мало пригодные къ серьезнымъ битвамъ: 4 или 5 тысячъ человекъ, никакъ не больше, должны были бы выносить на себѣ всю тяжесть сраженій. Слишкомъ сомнительно было, чтобы такая горсть людей, какою бы храбростью она ни отличалась, могла устоять противъ надежныхъ неаполитанскихъ войскъ, въ пять или въ шесть разъ многочисленнѣйшихъ и имѣющихъ за собою еще десятки тысячъ солдатъ, которые при первомъ успѣхѣ своихъ товарищей такъ же укрѣпились бы духомъ, бросились бы задавить ничтожнаго непріятеля. Поэтому до самаго послѣдняго акта борьбы такіе люди, какъ Уллоа и Боско, находили, что лишь бы только представилась имъ возможность сразиться, Гарибальди былъ бы подавленъ. Нѣтъ нужды, что онъ уже прошелъ большую часть королевства, — въ нѣсколько дней могли быть возвращены подъ власть Франциска II не только континентальныя провинціи, но и самая Сицилія. Такъ думали неаполитанскіе генералы, когда онъ приближался уже къ Салерно. Дѣйствительно, онъ не былъ пораженъ только потому, что не успѣвали они удержать войскъ на мѣстѣ до встрѣчи съ нимъ. У неаполитанскихъ солдатъ не поднимались на него руки; они поспѣшно двигались назадъ, лишь только слышали, что онъ подходитъ, и на отступленіи разбѣгались толпами. Войны не было, былъ только рядъ капитуляцій. Тутъ повторилось, только въ противоположномъ смыслѣ, то самое, что было въ 1821 и 1823 годахъ въ Испаніи при движеніи французовъ на помощь Фердинанду VII и въ Неаполѣ при движеніи австрійцевъ на помощь Фердинанду I. Весь успѣхъ Гарибальди произошелъ лишь отъ того, что онъ умѣлъ предвидѣть это.

Мы представили подробные рассказы корреспондентовъ Times'a о важнѣйшихъ сторонахъ неаполитанской катастрофы, о дѣйствіяхъ Гарибальди и о событіяхъ, происходившихъ въ столицѣ королевства въ послѣдніе дни передъ его прибытіемъ. Намъ остается только дать краткій общій очеркъ, съ которымъ читатель могъ бы связать эти подробности.

Весь южный конецъ западнаго берега Калабріи покрытъ множествомъ маленькихъ фортовъ, находящихся въ связи между собою. Неаполитанское правительство всегда считало эту границу своихъ континентальныхъ владѣній самою слабой частью своихъ границъ и давно укрѣпило ее. Кромѣ фортовъ, континентальный берегъ пролива былъ защищаемъ флотомъ, бороться съ которымъ Гарибальди и

имѣлъ никакихъ средствъ. Поэтому, рѣшившись сдѣлать высадку, онъ имѣлъ только тотъ шансъ успѣха, что какой-нибудь хитростью обманеть непріятеля. Хитрость удалась ему и здѣсь, точно такъ же, какъ подъ Палермо. Онъ дѣлалъ серьезнѣйшія приготовленія на сѣверо-восточномъ углу Сициліи, на мысѣ Фаро, показывая видъ, что, несмотря на форты и на флотъ, хочетъ переправиться въ проливъ и собственно въ самомъ узкомъ мѣстѣ, у сѣверо-западнаго конца пролива, съ мыса Фаро прямо къ фортамъ Шиллѣ или Фіумарскому. Истинный планъ свой онъ умѣлъ сохранить въ такой глубокой тайнѣ, что даже его штабъ вѣрилъ серьезности приготовленій, дѣлавшихся на мысѣ Фаро. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ было не вѣрить?—Всѣ его перевозочныя средства состояли, повидимому, только въ рыбацкихъ лодкахъ, на которыхъ нельзя пускаться въ открытое море. Ясно было, что онъ можетъ думать о переправѣ лишь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ съ одного берега виденъ другой. Все вниманіе неаполитанцевъ, какъ и вниманіе собственныхъ его офицеровъ, было сосредоточено на проливѣ. По что же дѣлалъ онъ между тѣмъ? Въ сраженія при Милаццо участвовала лишь одна изъ его дивизій, бывшая въ авангардѣ; другія дивизіи, далеко отставшія отъ нея, шли къ Мессинѣ за тѣмъ, чтобы сосредоточиться, какъ всѣ думали, на мысѣ Фаро. Но августъ въ Сициліи чрезвычайно зноенъ; нельзя же было слишкомъ изнурять войска форсированными переходами, должны же были они послѣ нѣсколькихъ маршей останавливаться гдѣнибудь для отдыха. Всѣ эти отдыхи и марши казались имѣющими значеніе лишь для разчета времени, къ какому вся армія сосредоточится подъ Мессиною. Вотъ одной изъ дивизій, приближавшихся къ Мессинѣ, пришлось имѣть стоянку для отдыха въ Таорминѣ, на восточномъ берегу Сициліи, еще очень далеко и отъ Мессины и отъ пролива. Никто не думалъ ни объ этой дивизіи, ни о Таорминѣ. Да и какъ было думать? На восточномъ берегу Сициліи Гарибальди не имѣлъ никакихъ перевозочныхъ средствъ, Всѣ они собраны были на сѣверномъ берегу, въ Палермо и въ Фаро. Путь изъ Палермо въ Фаро на восточный берегъ острова идетъ черезъ проливъ, а проливъ былъ занятъ неаполитанскимъ флотомъ. Итакъ, дивизія, отдыхавшая въ Таорминѣ, могла найти для себя суда или лодки только тогда, когда пройдетъ на сѣверный берегъ. Но вотъ, въ противность всякому правдоподобию, она явилась на континентѣ. Какъ могло это случиться? Для переправы черезъ открытое море, для переѣзда въ нѣсколько десятковъ верстъ не годились рыбацкія лодки; онъ спокойно оставались у мыса Фаро, служа для неаполитанцевъ предметомъ внимательнаго наблюденія. Но пароходы Гарибальди безпрестанно разѣзжали изъ Фаро въ Палермо, изъ Палермо въ Фаро; эти поѣздки нужны были для отправленія къ Мессинѣ новыхъ волонтеровъ, пріѣзжавшихъ въ Палермо. Однажды волонтеровъ было довольно много, оттого понадобилось для нихъ два парохода; итакъ выѣхали изъ Палермо два парохода. Ничего чрезвычайнаго тутъ не было; это бывало и прежде. Куда они поѣхали? Разумѣется, на западъ вдоль сѣвернаго берега къ Мессинѣ, какъ ѣздили уже много разъ. Но когда всѣ думали, что они отправились изъ Палермо, по обыкновенію, на западъ, они поплыли на востокъ, потомъ на югъ, объѣхали кругомъ всю Сицилію, явились у Таормины; въ нѣсколько часовъ посадилъ на нихъ Гарибальди стоящую въ Таорминѣ дивизію и еще черезъ нѣсколько часовъ спокойно высаживался на такомъ пунктѣ Калабрійскаго берега, куда, по всѣмъ разчетамъ, никакъ не могли переправиться его войска. Если бы хотя кому-нибудь въ неаполитанскомъ флотѣ взду-

малось ожидать такого маневра, все дѣло разстроилось бы: одного изъ многихъ военныхъ париходовъ неаполитанскаго флота было достаточно, чтобы задержать всю экспедицію Гарибальди. Точно такъ же нѣсколькихъ пушекъ на берегу было бы довольно, чтобы заставитьъ экспедицію вернуться назадъ. Но Гарибальди выбралъ такой пунктъ Калабрійскаго берега, на которомъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія.

Всѣ неаполитанскія войска, находившіяся въ южной части Калабріи, были расположены по западному берегу, которому одному угрожала опасность, по мнѣнію ихъ генераловъ. Главныя силы были расположены въ той части западнаго берега, которая находится противъ пролива. Южнѣе того и на западномъ берегу было мало войскъ; а Гарибальди высадился на южномъ берегу, довольно далеко отъ западнаго. Эти мѣста казались находящимися внѣ всякой опасности, и войскъ по сосѣдству вовсе не было. Корпусъ Гарибальди, спокойно высадившись и нѣсколько отдохнувъ, двинулся на Реджо, служившій центральною позиціею королевскихъ войскъ въ южной Калабріи. Въ этомъ городѣ, имѣющемъ 15,000 жителей, находилось менѣе тысячи королевскихъ солдатъ. Сопротивленіе было такъ безнадёжно, что неаполитанскій командиръ не считалъ себя довольно сильнымъ для борьбы не только съ Гарибальди, но и съ горожанами: они своими угрозами заставили его выйти за городъ. Нѣсколькихъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы прогнать неаполитанцевъ въ цитадель, которая также едалась черезъ нѣсколько часовъ. Эта первая стычка была единственною попыткою сопротивленія неаполитанскихъ войскъ до самаго вступленія Гарибальди въ Неаполь. Да и она была такъ ничтожна, что едва ли стоила волонтерамъ десятка убитыхъ; а далѣе Гарибальди уже не встрѣчалъ сопротивленія. Говорятъ, что до самаго занятія столицы онъ потерялъ только восемь человѣкъ убитыми и только 15 изъ его волонтеровъ были ранены. Почти всѣ они пострадали въ стычкѣ подъ Реджо. Въ числѣ убитыхъ тутъ находился французъ де-Флоттъ, потеря котораго опечалила всю армію волонтеровъ. Де-Флоттъ въ 1848 году былъ осужденъ на вѣчную ссылку за участіе въ июньскомъ возстаніи. Ссылка была потомъ замѣнена изгнаніемъ, но онъ успѣлъ тайно пробраться во Францію и долго занималъ тамъ подъ фальшивымъ именемъ довольно важное мѣсто по управленію одною изъ желѣзныхъ дорогъ. Отрывавъ черезъ нѣсколько лѣтъ настоящее его имя, французская полиція не стала тревожить его. Услышавъ о приготовленіяхъ итальянцевъ къ сицилійской экспедиціи, онъ бросилъ свое обезпеченное положеніе и скоро приобрѣлъ любовь Гарибальди замѣчательною храбростію и благородствомъ характера. Признательные итальянцы открыли теперь подписку на памятникъ ему.

Въ то самое время, какъ шла перестрѣлка подъ Реджо, переѣхали черезъ проливъ на Калабрійскій берегъ нѣсколько тысячъ волонтеровъ, стоявшихъ у Фаро. Неаполитанскіе париходы ушли отъ Фаро на югъ помогать оборонѣ Реджо, и лодки, собранныя въ Фаро, воспользовались ихъ отсутствіемъ. Скоро этотъ корпусъ соединился съ тѣмъ, который сражался у Реджо. Линія фортовъ южнаго конца Калабріи не могла бы противиться волонтерамъ; одинъ за другимъ форты сдались безъ сопротивленія, и Гарибальди быстро двинулся на сѣверъ. Летучія колонны, составившія авангардъ неаполитанскихъ силъ, были обойдены имъ; солдаты ихъ сдались на капитуляцію или разбѣжались безъ всякихъ капитуляцій.

Всѣ королевскія войска расположены были по единственной дорогѣ, котора я

соединяет Неаполь съ южными провинціями. Дорога эта идетъ по западному прибрежью. Въ восточныхъ провинціяхъ находились лишь очень немногіе и очень слабые отряды, состоявшіе почти исключительно изъ конныхъ жандармовъ. Они не могли удерживать въ повиновеніи жителей, готовившихся поддержать Гарибальди, лишь только онъ высадится. Возсташе началось въ восточной половѣ королевства одновременно съ тѣмъ, какъ переправился въ Калабрію, недѣли за двѣ передъ высадкою самаго Гарибальди, небольшой отрядъ волонтеровъ, скрывшійся во внутренность полуострова, въ ожиданіи главныхъ силъ. По взятіи Реджо, возсташе охватило всю юговосточную часть королевства и тысячи инсургентовъ пошли на западъ, чтобы овладѣть пребрежною дорогою. Они захватывали безчисленные дефиле этой единственной дороги; сообщенія между разными корпусами королевскихъ войскъ были прерваны, и тѣ отряды, которые не были принуждены положить оружіе, послѣдно отступали, съ каждымъ днемъ уменьшаясь въ числѣ: солдаты разбѣгались изъ-подъ знаменъ, или вовсе не встрѣчая непріятеля, или встрѣчая его лишь затѣмъ, чтобы принять капитуляцію. Гарибальди велъ на сѣверъ свое войско, простиравшееся до 10 или 12 тысячъ человекъ. Скоро увидѣлъ онъ, что неаполитанскія войска исчезаютъ съ его пути гораздо быстрѣе, чѣмъ могутъ идти его солдаты; онъ съ одними офицерами своего штаба поѣхалъ впереди своихъ колоннъ занимать ожидавшія его провинціи. Развѣ первую четверть пути до Неаполя онъ совершилъ съ войскомъ, остальные три четверти совершилъ въ сопровожденіи только офицерской свиты своей, и въ самый Неаполь пріѣхалъ только съ 18 или 19 офицерами. На этомъ мы остановимся въ разсказѣ о его дѣйствіяхъ, и посмотримъ, что дѣлалось въ столицѣ королевства въ тѣ дни, когда онъ готовилъ высадку, и потомъ ѣхалъ, какъ будто мирный правитель, на почтовыхъ лошадахъ и наконецъ въ вагонѣ.

Около двухъ мѣсяцевъ, съ послѣднихъ чиселъ іюня до половины августа, существовала въ Неаполѣ странная смѣсь конституціоннаго и придворнаго, либеральнаго и реакціоннаго правительствъ. Изъ того, что дѣлалось въ Неаполѣ, половина дѣлалась властью конституціоннаго министерства въ одномъ смыслѣ, другая половина въ совершенно противоположномъ смыслѣ дѣлалась силою прежнихъ людей, удержавшихся во многихъ важныхъ должностяхъ, особенно по военной части, и сохранявшихъ вліяніе на короля. Когда видно стало, что на дняхъ произойдетъ высадка Гарибальди и обнаружались признаки скорого возсташа въ восточныхъ провинціяхъ, реакціонная партія объявила королевство находящимся въ осадномъ положеніи (14 августа). Но всѣ предчувствовали, что скоро Гарибальди будетъ въ столицѣ; а когда онъ высадился, стали считать этотъ срокъ не недѣлями, а днями; потому осадное положеніе оставалось существующимъ лишь на бумагѣ. У реакціонеровъ не было ни солдатъ, ни даже офицеровъ. Они должны были бездѣйствовать, не находя исполнителей для распоряженій, которые желали бы принять. Партія сопротивленія съ каждымъ днемъ ослабѣвала, хотя ея приверженцы оставались на мѣстахъ, повидимому дававшихъ имъ полную власть: общественное мнѣніе съ такою увѣренностью твердило имъ: „вы ничего не можете сдѣлать“, что у нихъ опускались руки. Они сами довели себя до такого положенія своею прежнею безразсудностью. Они видѣли себя не приготовленными къ борьбѣ, потому что слишкомъ привыкли къ безотвѣтности населенія.

Они такъ привыкли къ ней, что даже и теперь слышномъ многіе изъ нихъ не

понимали всей безнадежности своего положенія. Трудно повѣрить, что, въ виду приближающагося непріятеля, покидаемые всѣми, они не перестали заниматься интригами другъ противъ друга, какъ будто бы продолжается положеніе дѣлъ, существовавшее годъ тому назадъ. Мы говорили нѣсколько разъ о планахъ, составлявшихся махихою нынѣшняго короля во время болѣзни его отца для измѣненія порядка престолонаслѣдія, а по восшествіи Франциска II на престолъ, для низверженія пасынка и провозглашенія королею графа Трани. Мы говорили, что было нѣсколько такихъ попытокъ даже въ послѣдніе мѣсяцы, когда Гарибальди уже овладѣвалъ Сицилією. Принужденная удалиться изъ Неаполя, вдовствующая королева продолжала заниматься прежними интригами; а въ послѣдніе дни своего царствованія Францискъ II нашелъ еще новаго соперника въ кругу своего семейства.

Дядя короля, графъ Аквилскій, постоянно одобрялъ систему, господствовавшую въ Неаполѣ; но когда послѣ высадки Гарибальди въ Сицилію заговорили въ Неаполѣ о конституціи, онъ вдругъ началъ горячо поддерживать это требованіе. Его сильныиъ настояніямъ въ послѣднемъ засѣданіи прежняго министерства болѣе всего обязаны были своею побѣдою люди, думавшіе лишить Гарибальди приверженцевъ въ Неаполѣ провозглашеніемъ конституціи: онъ убѣдилъ короля дать отставку прежнимъ министрамъ и составить конституціонный кабинетъ. Онъ же рекомендовалъ королю Либоріо Романо, либеральнѣйшаго изъ новыхъ правителей. Странна была такая перемѣна въ графѣ Аквилскомъ, но причины ея скоро выяснились. Дядя короля искалъ популярности, чтобы, воспользовавшись тяжелымъ положеніемъ своего племянника, стать на его мѣсто. Когда графу Аквилскому показалось, что онъ приобрѣлъ расположеніе неаполитанцевъ своимъ конституціонизмомъ, онъ началъ готовить дворцовую революцію. Онъ составилъ себѣ толпу кондотьеровъ, которымъ давалъ по шаstrу въ день жалованья, которыхъ снабдилъ кинжалами, револьверами и ружьями. Для нихъ сшиты были мундиры національныхъ гвардейцевъ, чтобы, вмѣшавшись въ ряды національной гвардіи, они тѣмъ легче могли увлечь ее за собою. Заготовлялись прокламаціи, провозглашавшія отстраненіе Франциска II отъ управленія дѣлами и регентство графа Аквилскаго. По данному сигналу вооруженные наемники графа должны были броситься ко дворцу и произвести переворотъ. Министерство узнало объ этомъ планѣ, и графъ Аквилскій самъ ускорила несчастную для него развязку, не уиѣвъ до конца выдержать роли горячаго конституціониста. Однажды въ совѣтѣ министровъ онъ заговорилъ новымъ тономъ, требуя реакціонныхъ мѣръ и обвиняя конституціонныхъ министровъ въ измѣнѣ. Для собственной защиты они принуждены были высказать, что знаютъ его замыселъ, что измѣна задумана не ими, а имъ; немедленно отправились къ королю и, раскрывъ ему дѣло, получили разрѣшеніе удалить заговорщика за предѣлы королевства. Напрасно графъ Аквилскій требовалъ свиданія съ своимъ племянникомъ: министры убѣдили короля отказать ему въ личныхъ объясненіяхъ и, черезъ нѣсколько часовъ, онъ принужденъ былъ отправиться во Францію. Необходимостью принять предосторожности противъ его а мысла многіе объясняютъ провозглашеніе осаднаго положенія, приписывая самимъ министрамъ эту мѣру, которую мы называли слѣдствіемъ внушеній реакціонной партіи. Такъ или иначе происходило дѣло, по своему собственному соображенію министры провозгласили осадное положеніе или подчинились въ этомъ случаѣ требованію Франциска II, конечно трудно сказать. Достоверно только то, что п

тогдашнемъ расположеніи столицы реакціонная партія не могла воспользоваться этою мѣрою, которая обыкновенно бываетъ залогомъ ея торжества, и что сама эта партія раздѣлялась на враждебныя котеріц, етронвшія заговоры противъ короля то въ пользу его брата, то въ пользу одного изъ его дядей.

Впрочемъ и другой дядя короля, графъ Сиракузскій, думаль, подобно вдовствующей королевѣ и графу Аквилскому, воспользоваться обстоятельствами для присвоенія власти. Онъ велъ свой замыселъ гораздо искуснѣе. Четыре мѣсяца тому назадъ, мы говорили о его знаменитомъ письмѣ къ королю. Выставляя себя либераломъ, онъ уже давно заискивалъ популярности; теперь, разсчитавъ, что ни отъ имени Франциска II, ни отъ собственнаго имени не можетъ онъ долго управлять Неаполемъ, потому что Неаполь скоро провозгласитъ королемъ Виктора-Эммануэля, онъ вступилъ въ сношенія съ туринскимъ министерствомъ. Интересы его сходились тутъ съ интересами графа Кавура: чтобы разъяснить это, мы должны сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Кавура къ Гарибальди. Общій очеркъ мы едѣлаемъ ниже, а теперь упомянемъ о томъ, что нужно для объясненія хода дѣлъ въ столицѣ неаполитанскаго королевства.

При враждѣ своей къ Гарибальди, графъ Кавуръ всячески старался, чтобы дѣло кончилось до появленія его въ Неаполѣ. Къ этому представлялись два пути: убѣдить Франциска II уѣхать изъ Неаполя, когда Гарибальди былъ еще далеко, или произвести въ Неаполѣ возстаніе. Въ томъ и другомъ случаѣ была надежда, что приверженцы немедленнаго присоединенія одержать верхъ надъ партією Гарибальди и передадутъ столицу подъ власть сардинскаго министерства прежде, чѣмъ успѣетъ явиться туда диктаторъ. Самымъ простымъ средствомъ казалось произвести возстаніе. На этотъ случай были присланы въ неаполитанскую гавань три сардинскіе фрегата съ двумя батальонами сардинскихъ стрѣлковъ. При первомъ народномъ движеніи они должны были выйдти на берегъ и стать опоромъ національной гвардіи въ битвѣ съ неаполитанскими войсками. Натуральнымъ образомъ власть надъ городомъ оказалась бы въ рукахъ сардинскаго отряда, которому приписали бы всю честь побѣды и сами горожане, очень мало надѣявшіеся на собственную силу. Агенты Кавура образовали бы временное правительство, которое тотчасъ же отдалось бы въ распоряженіе туринскаго кабинета. Этотъ планъ возбуждалъ тайную, но чрезвычайно сильную борьбу между предводителями двухъ партій, на которыя дѣлились и въ Неаполѣ, какъ повсюду, итальянскіе патріоты. Ніэмонтская, или такъ называемая умѣренная, партія, въ противность своему названію, возбуждала столицу къ постройкѣ баррикадъ. Крайняя партія, которую называютъ ея противники республиканской или маццишевской, всѣми силами старалась удержать городъ отъ возстанія и поддержать спокойствіе. Успѣхъ былъ постоянно на ея сторонѣ, отчасти потому, что горожане очень боялись бомбардированія, казавшагося имъ неизбѣжною принадлежностью баррикадъ, отчасти, конечно, и потому, что она, дѣйствуя въ пользу Гарибальди, имѣла болѣе симпатіи въ массѣ. Борьба продолжалась до самаго пріѣзда Гарибальди въ Салерно; агенты Кавура отказались отъ надежды только тогда, когда узнали, что диктаторъ черезъ нѣсколько часовъ явится въ столицѣ. Но давно уже было видно, что усилія ихъ увлечь жителей столицы къ возстанію будутъ напрасны. Потому Кавуръ склонился на предложенія графа Сиракузскаго, видя въ его планѣ новый способъ не допустить Гарибальди до Неаполя. Графъ Сиракузскій надѣялся (и, говорятъ,

получилъ общаніе изъ Турина), что, въ благодарность за такую услугу, онъ будетъ назначенъ вице-королемъ южной Италіи. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы заставить Франциска немедленно уѣхать изъ Неаполя. Для этого онъ (около 22 августа) обнародовалъ письмо къ своему племяннику; въ самыхъ благозвучныхъ фразахъ онъ доказывалъ королю надобность какъ можно поскорѣе покинуть столицу; въ переводѣ эти фразы значили просто: „поскорѣе очищайте мнѣ мѣсто, любезнѣйшій родственникъ“. Но письмо произвело на короля не то впечатлѣніе, какого ждалъ авторъ: король заговорилъ, что надобно наказать графа Сиракузскаго. Министры не согласились, — да и въ самомъ дѣлѣ, трудно было думать о наказаніи челоуѣка, говорившаго почтительнымъ тономъ то самое, что рѣзко говорилось всѣми на всѣхъ улицахъ. На массу письмо не произвело вовсе никакого впечатлѣнія. Графъ Сиракузскій уцѣлѣлъ и остался въ милости у сардинскаго кабинета, — больше онъ ничего не выигралъ, и сошелъ со сцены.

Покинутый своими родственниками, старавшимися вырвать у него власть, уже столь близкую къ совершенной гибели, Францискъ II все еще думалъ защищаться въ Неаполѣ. Съ этою цѣлью онъ назначилъ военнымъ комендантомъ столицы генерала Котруфіано, а командиромъ національной гвардіи князя Искителлу. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ при вступленіи Гарибальди бомбардировать городъ, другой помѣшать національной гвардіи защищать народъ, на который нападутъ войска. Министры потребовали отставки обоихъ генераловъ. Король не согласился. Тогда министры подали въ отставку. Король не могъ принять ея, потому что она повела бы къ возстанію. Котруфіано былъ отставленъ, Искителла самъ подалъ въ отставку. На ихъ мѣста были назначены де-Соже и Вилья, которые ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы раззорять городъ или поднимать въ немъ рѣзню. Столица успокоилась, и странны были послѣдніе дни царствованія Франциска II: онъ былъ какъ будто чужой челоуѣкъ въ Неаполѣ, готовившемся встрѣчать Гарибальди. Мы представили извлеченіе изъ неаполитанской корреспонденціи Times'a за эти дни; очерки, ею представляемые, не требуютъ никакихъ поясненій.

Съ приближеніемъ Гарибальди къ Неаполю итальянскій вопросъ рѣшительно принялъ ту новую форму, которую раньше или позже долженъ былъ принять. Успѣхи волонтеровъ принудили Кавура выйдти изъ бездѣйствія. Сардинскія войска двинулись противъ папской арміи, и всѣ газеты предсказываютъ теперь близость войны между итальянцами и австрійскимъ правительствомъ. Чтобы понять рѣшимость Кавура на такой опасный вызовъ, мы должны припомнить отношенія туринскаго кабинета къ итальянскому движенію съ самаго начала гарибальдѣвской экспедиціи. Читателю извѣстно, что графъ Кавуръ всячески противился отплытію Гарибальди изъ Генуи. Препятствія, которыя онъ ставилъ экспедиціи, замедлили ее на нѣсколько дней и отняли у Гарибальди возможность взять съ собою болѣе 1,000 челоуѣкъ волонтеровъ, между тѣмъ какъ было готово ихъ къ отъѣзду тысячь пять. Судя по выраженіямъ газетныхъ органовъ Кавура, надобно думать, что туринскій министръ надѣялся на неудачу Гарибальди и считалъ его разбитіе неаполитанцами за единственное спасеніе для Италіи отъ новаго подавленія австрійцами. Конечно, онъ полагалъ, что дѣйствуетъ какъ благоразумный патріотъ, когда и по отъѣздѣ Гарибальди мѣшалъ отправленію новыхъ экспедицій въ Сицилію. Не побѣда волонтеровъ при Калата-Фими усилила энтузіазмъ сѣверной Италіи до того, что Кавуръ принужденъ былъ уступить: мѣшать отправленію экспедицій изъ

Генуи, значило бы возбуждать возстаніе въ Ломбардіи и Генуѣ. Онѣ отправлялись, но туринское правительство все-таки дѣлало множество мелкихъ затрудненій доктору Бертани, оставшемуся въ Генуѣ агентомъ Гарибальди по снаряженію экспедицій. По взятіи Палермо, оно стало дѣйствовать на Гарибальди, чтобы убѣдить его остановиться на этомъ первомъ уступкѣ и не переносить войны на континентъ. Читатель помнитъ, съ какимъ крайнимъ усердіемъ хлопоталъ объ этомъ повѣренный Кавура въ Палермо, Ла-Фарини. Увидѣвъ непреклонность Гарибальди, Ла-Фарини не усомнился поднимать противъ него жителей Палермо; Гарибальди говорить, что Ла-Фарини уже устроилъ противъ него заговоръ; хотѣлъ арестовать его, если онъ не сложитъ съ себя власти добровольно. Правдивость Гарибальди извѣстна и трудно сомнѣваться въ томъ, что Ла-Фарини дѣйствительно собирался прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ него. Заговорщикъ былъ предупрежденъ и высланъ назадъ въ Туринъ. Кавуръ выказалъ чрезвычайное раздраженіе, но, увидѣвъ, что все населеніе сѣверной Италіи приняло сторону Гарибальди въ этой ссорѣ, долженъ былъ перенести обиду. Дѣло было улажено разрѣшеніемъ отправиться въ Палермо, для управленія дѣлами въ отсутствіе Гарибальди, Депретису — и Кавуръ возобновить свои настоянія, чтобы Гарибальди оставилъ въ покоѣ Неаполитанскія владѣнія на континентѣ. Какъ сильны были эти настоянія, видимъ изъ словъ самого Гарибальди: „я пойду въ Неаполь, хотя бы пришлось для этого сражаться съ сардинскимъ войскомъ“. Разумѣется, и тутъ, какъ прежде, Кавуръ не могъ употребить военной силы, — сардинскіе губернаторы доносили, что народъ бросится на войска, если они будутъ двинуты противъ волонтеровъ; а командиры сардинскихъ войскъ доносили, что ни офицеры, ни солдаты не пойдутъ противъ волонтеровъ. Отправленіе экспедицій изъ Генуи въ Сицилію продолжалось по этой невозможности употребить противъ нихъ военную силу; но были придуманы средства сначала уменьшить приливъ волонтеровъ къ Гарибальди, а на послѣдокъ и остановить ихъ военной силой. Было объявлено въ сардинскихъ владѣніяхъ, что молодые люди, желающіе служить національному дѣлу, должны составлять волонтерскіе отряды въ своихъ собственныхъ округахъ, что эти отряды, которые останутся дома, принесутъ отечеству въ минуту опасности гораздо больше пользы, чѣмъ люди, отправляющіеся въ Сицилію, гдѣ энтузіазмъ ихъ только навлечетъ на Италію новыя бѣдствія. Средство это было придумано очень ловко, но все-таки не удалось. Отряды волонтеровъ для домашней службы не формировались, и молодежь по прежнему шла къ Гарибальди. Гораздо дѣйствительнѣе оказалось другое средство: всѣ органы Кавура говорили, что Гарибальди служить орудіемъ націионистовъ, а Маццини хотеть не освобожденія Италіи отъ австрійцевъ, не ея соединенія, — нѣтъ, хотеть только провозглашенія республики и въ Сициліи, и въ Неаполѣ, и въ самомъ Туринѣ. Такимъ образомъ Гарибальди былъ выставляемъ за человѣка, посредствомъ котораго Маццини хотеть низвергнуть Виктора-Эммануэля. Когда эти слухи о вліяніи Маццини на Гарибальди и о намѣреніи Маццини низвергнуть Виктора-Эммануэля были достаточно распространены, Кавуръ отважился поступить рѣшительнѣе прежняго: въ Генуѣ снаряжалась большая экспедиція для вторженія въ Папскую область одновременно съ тѣмъ, какъ Гарибальди высадится въ Калабріи. Министръ внутреннихъ дѣлъ Фарина, котораго Кавуръ часто заставлялъ въ послѣднее время дѣйствовать вмѣсто себя, потому что Фарина сохранилъ больше популярности, не-

жели онъ, прїѣхаль въ Геную (въ началѣ августа) и объявилъ Бертани, что арестуетъ его и употребитъ военную силу противъ волонтеровъ, если они не откажутся отъ своего намѣренія. Бертани принужденъ былъ уступить; но оставить въ Генуѣ многочисленныхъ волонтеровъ, раздраженныхъ враждебными дѣйствіями противъ нихъ, показалось слишкомъ опасно, и чтобы сбыть ихъ съ рукъ, отправили ихъ на островъ Сардинію, заставивъ и Бертани удалиться вмѣстѣ съ ними. Планъ дѣйствій, составленный Гарибальди, былъ на половину разрушенъ этимъ, и высадка его на континентъ замедлена. Читатель видѣлъ въ переведенныхъ нами письмахъ, что Бертани явился прямо къ Гарибальди, что экспедиція въ папскія владѣнія составлялась по плану Гарибальди, что Бертани и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ, былъ только агентомъ и повѣреннымъ Гарибальди. Но сардинскія газеты министерской партіи съ невѣроятною смѣлостью разглашали совершенно противное: онъ говорили, что Бертани измѣнилъ Гарибальди, началъ дѣйствовать противъ него, что экспедиція, снаряжаемая Бертани противъ папскихъ войскъ, собственно потому и была устранена сардинскимъ министерствомъ, что должна была послужить для Маццини средствомъ вырвать власть надъ итальянскимъ движеніемъ изъ рукъ Гарибальди. Органы Кавура доходили до того, что утверждали, будто бы Бертани, этотъ врагъ Гарибальди, вовсе не имѣлъ участія въ снаряженіи прежнихъ экспедицій, отправлявшихся въ Сицилію: Бертани только интриговалъ по внушеніямъ Маццини, и волонтеры, отправлявшіеся въ Сицилію, не хотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла: ихъ набирали, вооружали и отправляли адвокатъ Крессини, о которомъ никто до тѣхъ поръ и не слышалъ. Этотъ открытый графомъ Кавуромъ великій двигатель экспедицій былъ въ дѣйствительности однимъ изъ многочисленныхъ второстепенныхъ агентовъ, находившихся въ распоряженіи Бертани.

Таковы были отношенія графа Кавура къ итальянскому движенію передъ высадкою Гарибальди на континентъ: онъ, сколько могъ, мѣшалъ движенію и находился во враждѣ съ Гарибальди. Вражда не прекратилась и до послѣдняго времени; но неожиданные успѣхи національнаго движенія заставили Кавура измѣнить образъ дѣйствій. Когда обнаружилось, что Францискъ II скоро долженъ будетъ выѣхать изъ Неаполя, Кавуръ, какъ мы уже рассказывали, хотѣлъ занять эту столицу раньше Гарибальди и не допустить его туда. Мы говорили объ отправленіи сардинскихъ войскъ въ неаполитанскую гавань и о замыслѣ графа Сиракузскаго. Кромѣ этихъ способовъ не допустить Гарибальди до Неаполя, былъ употребленъ Кавуромъ въ дѣло еще третій способъ, котораго нельзя назвать благоразумнымъ съ его стороны. Изъ приближенныхъ падаваго короля первые покинули Франциска тѣ люди, которые прежде утверждали его въ образѣ дѣйствій, бывшихъ причиною его паденія. Большая часть изъ нихъ удовлетворилась, впрочемъ, тѣмъ, что бѣжали за границу, покидая короля на произволъ судьбы. Но нашлись предатели еще менѣе совѣстливые. Изъ нихъ особенно отличился генералъ Нунціанте, бывший прежде самымъ усерднымъ служителемъ реакціонныхъ мѣръ. Увидѣвъ, что счастье на сторонѣ Гарибальди, онъ послѣшилъ въ Туринъ къ графу Кавуру, условился съ нимъ и, возвратившись въ Неаполитанскія владѣнія, издалъ прокламацію къ неаполитанской арміи, приглашая своихъ старыхъ товарищей по оружію собираться вокругъ него, генерала Нунціанте, ставшаго неприимимъ въ противникомъ Франциска II и вѣрнымъ слугою Виктора-Эммануэля. Удивительно,

до какой степени ослѣпленъ былъ графъ Кавуръ желаніемъ не допустить Гарибальди до Неаполя: какъ могъ онъ забыть, что предатели, подобныя Нунціанте, бывають слишкомъ опасными сообщниками? Если бы Нунціанте удалось, при помощи Кавура, захватить власть въ Неаполѣ, онъ, конечно, первую свою заботою поставилъ бы погубить графа Кавура со всѣми, безъ различія, патріотами и кавуровской и мацциневской партій. Но и это дѣло не удалось. Для тѣхъ изъ неаполитанскихъ солдатъ, которые хотѣли перейти на сторону патріотовъ, выборъ между Нунціанте и Гарибальди не могъ быть сомнителенъ. Какъ могъ не предвидѣть Кавуръ и этого, какъ не предугадалъ онъ, что сношеніями съ Нунціанте онъ навлекаетъ на себя порицаніе, безъ всякой возможности выигрыша?

Но должно отдать Кавуру ту справедливость, что онъ выказалъ наконецъ себя человѣкомъ расчетливымъ, когда увидѣлъ неудачу всѣхъ своихъ попытокъ дѣйствовать мелкими интригами. Онъ понялъ наконецъ, что единственное средство бороться съ Гарибальди и радикалами, представителемъ которыхъ служить Гарибальди, состоитъ въ томъ, чтобы самому приняться за дѣло, дающее имъ власть надъ націею. Народное движеніе оказалось неуждержимымъ, въ противность прежнимъ усиліямъ Кавура удержать его. Еще нѣсколько недѣль, и общественное мнѣніе передало бы управленіе дѣлами въ сѣверной Италіи предводителю волонтеровъ и людямъ, мнѣніе которыхъ онъ равдѣляетъ. Чтобы удержать власть, Кавуру надобно было самому стать во главѣ движенія, и онъ едѣлалъ это.

По обыкновенію, мы не беремъ на себя труда разбирать, на чьей сторонѣ должно быть сочувствіе читателя, кто правъ, Францискъ II, Пій IX, Викторъ-Эммануэль, императоръ Наполеонъ или императоръ Францъ Іосифъ, — Рехбергъ, Антонелли, Кавуръ, или Маццини и Гарибальди, — мы предоставляемъ самому читателю разсуждать, чьи принципы полезнѣе. Если иногда мы и дѣлаемъ какія нибудь сужденія о дѣйствіяхъ той или другой партіи, того или другаго политическаго лица, то единственно лишь съ точки зрѣнія расчетливости этихъ дѣйствій, пригодности ихъ для той цѣли, какую имѣють въ виду люди ихъ совершающіе, а вовсе не съ той точки зрѣнія, хороша или дурна сама эта цѣль. Такъ и теперь мы вовсе не хотимъ судить о томъ, хорошо или дурно само по себѣ дѣло, однимъ изъ представителей котораго служить Кавуръ, — дѣло низверженія прежняго порядка въ Италіи для доставленія политическаго единства итальянской націи; мы говоримъ только, что онъ понялъ наконецъ, какимъ единственнымъ способомъ можетъ онъ вырвать веденіе этого дѣла изъ рукъ Гарибальди; а когда понялъ потребности своего положенія, то сталъ дѣйствовать очень быстро и расчетливо. Фарини былъ посланъ къ императору французовъ, путешествовавшему по новопріобрѣтеннымъ отъ Сардиніи областямъ, объяснить причины, заставляющія туринское правительство послать войска на поддержку національнаго движенія. Гарибальди — предводитель революціонныхъ силъ; если оставить національное движеніе безъ другихъ руководителей, оно, овладѣвъ Неаполемъ, устремится на Римъ, и французы должны будутъ отправиться оттуда на родину или сражаться противъ итальянцевъ. То и другое несообразно съ намѣреніями императора французовъ; итакъ, онъ долженъ разрѣшить Кавуру стать во главѣ движенія, чтобы связать руки Гарибальди. Въ этомъ состояла сущность соображеній, такъ или иначе изложенныхъ Фарини императору французовъ. Мы не знаемъ, въ какихъ именно словахъ отвѣчалъ Наполеонъ III; но сущность отвѣта обнаруживается ходомъ дѣлъ.

Разрѣшеніе вѣроятно было дано, съ условіемъ, чтобы остались неприкосновенны Римъ и его окрестности.

Тотчасъ же по возвращеніи Фарини въ Туринъ были приняты мѣры, чтобы сардинскія войска могли по первому знаку вступить въ папскія владѣнія. Читатель знаетъ общій ходъ слѣдовавшихъ за тѣмъ событій. Съ приближеніемъ Гарибальди къ Неаполю начались возсташія въ тѣхъ городахъ папскихъ владѣній, гдѣ не было войскъ Ламорисьера. Инсургенты послали просить покровительства у Виктора-Эммануэля; онъ принялъ ихъ подъ свою защиту, и два корпуса сардинскихъ войскъ быстро двинулись на Ламорисьера, — одинъ, подъ командою Чальдини, по восточному берегу на Анкону; другой по долину Тибра, подъ командою Фанти. Они втрое превосходили числомъ тѣ силы, которыми располагалъ Ламорисьеръ, и борьба не могла быть продолжительна, особенно если принять въ соображеніе, что Ламорисьеръ не могъ истребить ни воровства подрядчиковъ, поставщиковъ и самихъ командировъ, ни буйства солдатъ, набранныхъ большею частью изъ самыхъ дурныхъ людей цѣлой Европы; онъ не могъ быть побѣдителемъ, но все таки могъ нѣсколько замедлить развязку. Онъ распорядился такъ дурно, что потерялъ всю свою военную репутацію. Нѣсколько отрядовъ его были захвачены врасплохъ, самъ онъ былъ отрѣзанъ отъ Анконы, которая должна была служить ему операционнымъ базисомъ, и когда бросился пробиваться къ ней, былъ разбитъ на голову, опрометчиво атаковавъ непріятеля, стоявшаго въ слишкомъ крѣпкой позиціи. Черезъ пять или шесть дней по открытіи военныхъ дѣйствій, папскія войска остались только уже за стѣнами Анконы, которая не можетъ долго держаться, будучи окружена съ суши и съ моря. Все это извѣстно читателю; а связанныхъ и подробныхъ извѣстій мы еще не имѣемъ въ ту минуту, когда пишемъ это. Точно также не можемъ еще мы представить связнаго разсказа о распоряженіяхъ Гарибальди въ Неаполѣ, о битвѣ, которую имѣлъ онъ у Капуи съ неаполитанскими войсками, и о томъ, въ какое отношеніе сталъ онъ къ туринскому правительству по занятіи Неаполя и по открытіи войны между Сардиніею и папою. Отлагая разсказъ объ этихъ дѣлахъ до слѣдующаго мѣсяца, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о различныхъ шансахъ развязки, къ которой быстро идетъ итальянскій вопросъ.

Если Кавуръ долго мѣшалъ національному движенію, онъ поступалъ такъ, разумѣется, не по недостатку патриотизма, — нѣтъ; при всемъ нашемъ нерасположеніи превозносить его до облаковъ, мы не можемъ отказать ему въ этомъ чувствѣ. Онъ просто боялся, что движеніе, до сихъ поръ увѣнчавшееся такимъ успѣхомъ, приведетъ Италію къ потерѣ всего, приобрѣтеннаго ею. Онъ со всею умѣренною партіею боялся, что императоръ французовъ дозволитъ австрійцамъ воспользоваться экспедиціею Гарибальди для объявленія войны Виктору-Эммануэлю, и находилъ, что Италія не можетъ выдержать одна борьбу съ ними и будетъ подавлена. Дѣйствительно, при томъ способѣ войны, котораго должна держаться умѣренная партія, побѣда австрійцевъ едва ли подлежала бы сомнѣнію.

Если Гарибальди не боится австрійцевъ, то лишь потому, что онъ разсчитываетъ вести войну иначе, имѣетъ союзниковъ, съ которыми не можетъ сойтись Кавуръ, отъ помощи которыхъ отказался бы Кавуръ, елибъ они и захотѣли имѣть съ нимъ дѣло. Гарибальди думаетъ не отбивать Венецію у австрійской державы, неприкосновенно остающейся во владѣніи другими своими областями, — нѣтъ, онъ разсчитываетъ на возсташіе Венгріи, которое послужитъ сигналомъ другихъ пере-

воротовъ, такъ что не останется австрійскихъ войскъ противъ него въ Венеціи. Точно также онъ думаетъ, что и Римомъ овладѣеть не посредствомъ битвы съ французами, — нѣтъ, онъ полагаетъ, что французы уйдутъ изъ Рима, если потребуетъ того вся Италія; онъ полагаетъ, что общественное мнѣніе самой Франціи исполнить эту часть дѣла.

Кавуръ не хочетъ революціи ни въ Венгріи, ни гдѣ бы то ни было, и не полагаетъ, чтобы Франція не допустила своихъ солдатъ до битвъ съ итальянцами.

Много оскорбленій нанесилъ Кавуръ Гарибальди до взятія Палермо; но напрасно было бы приписывать нынѣшнюю вражду между ними личнымъ непріятностямъ, — это вражда двухъ партій, изъ которыхъ одна полагаетъ, что для созданія итальянскаго единства и величія надобно дѣйствовать революціоннымъ путемъ, другая надѣется держаться только съ разрѣшенія императора французовъ, только въ предѣлахъ, допускаемыхъ имъ. Которая изъ нихъ одержитъ верхъ въ Италіи, мы увидимъ очень скоро — 2 октября (20 сентября) соберется парламентъ королевства сѣверной Италіи, и его преніями разъяснится дѣло.

ПОЛИТИКА.

ОКТАБРЬ 1860.

Итальянскія дѣла.—Борьба на Вольтурно.—Уничтоженіе папской арміи.—Борьба между Капуи и Гарибальди.—Австрійская конституція.

Мы переводили вполнѣ или въ очень подробномъ извлеченіи корреспонденцію Times'a о дѣйствіяхъ Гарибальди въ Сициліи и на континентѣ Италіи до занятія Неаполя; но было бы излишнимъ дѣломъ представлять такое же подробное изложеніе дальнѣйшихъ военныхъ событій около Капуи и подъ Анконою. Сраженіе при Кастельфидардо и взятіе Анконы могутъ быть интересны въ стратегическомъ отношеніи; битвы гарибальдѣвскихъ волонтеровъ съ неаполитанскими близъ Капуи могутъ считаться важными для рѣшенія общаго вопроса о боевой годности милицій противъ регулярныхъ войскъ и для рѣшенія другого, частнаго вопроса: дѣйствительно ли Гарибальди способенъ вести только партизанскую войну, или онъ имѣетъ таланты, нужные для командованія въ большой войнѣ, въ правильныхъ битвахъ между многочисленными арміями. Безъ всякаго сомнѣнія, эти вопросы очень любопытны; но они имѣютъ только отвлеченный интересъ, а развязка нынѣшнихъ итальянскихъ дѣлъ не зависитъ ни отъ того или другого рѣшенія этихъ вопросовъ, ни отъ военныхъ дѣйствій, на основаніи которыхъ могутъ быть такъ или иначе рѣшаемы эти вопросы. Сардинскіе генералы дѣйствовали искусно, а Ламорисьеръ едѣлалъ много грубыхъ ошибокъ въ недолгой походѣ, кончившейся взятіемъ Анконы,—но это все равно: хотя бы Ламорисьеръ дѣйствовалъ тутъ превосходно, а сардинскіе генералы очень плохо, исходъ борьбы былъ бы таковъ же, какъ теперь. Онъ былъ неотвратимо опредѣленъ уже самою рѣшимостью туринскаго правительства послать войска противъ Ламорисьера. Точно тоже надобно сказать о борьбѣ между генералами Франциска II и Гарибальди. Въ битвахъ на Вольтурно обнаружилось, что волонтеры могутъ выигрывать правильныя сраженія противъ регулярныхъ войскъ, а Гарибальди показалъ себя полководцемъ, умѣющимъ командовать въ большихъ правильныхъ сраженіяхъ; но опять-таки это все равно: хотя бы волонтеры и не могли устоять противъ регулярныхъ войскъ, хотя бы Гарибальди, будучи хорошимъ партизаномъ, оказался плохимъ главнокомандующимъ, хотя бы армія Франциска II и прогнала его далеко за Неаполь, развязка неаполитанскихъ дѣлъ осталась бы та же: она уже была рѣшена тѣмъ, что Францискъ II однажды принужденъ былъ удалиться изъ Неаполя; возвращеніе въ столицу не помогло бы ему; королевство, однажды признавшее власть Гарибальди и Виктора-Эммануэля, не могло возвратиться подъ власть Франциска II, пока съ

не получить иностранной помощи: никакіе успѣхи собственныхъ его войскъ не могли остановить соединенія южной Италіи съ сѣвѣрною. Находя, что судьба неаполитанскаго королевства и папскихъ областей была опредѣлена самымъ вѣгупленіемъ Гарибальди въ Неаполь и рѣшимъ Кавура двинуть войска противъ Ламорисьера, находя, что слѣдовавшія затѣмъ военныя дѣйствія имѣли уже только второстепенное значеніе въ ходѣ итальянскаго вопроса, мы считаемъ излишнимъ излагать ихъ съ такою подробностью, какъ дѣйствія Гарибальди до вступленія въ Неаполь, и полагаемъ достаточнымъ изложить ихъ лишь въ общихъ чертахъ.

Нѣсколько разъ мы уже говорили, что прежшіе успѣхи Гарибальди были основаны не на собственной его силѣ, а только на невозможности противника выставить для удержанія его тѣ силы, которыми повидимому располагалъ Францискъ II. Пока Францискъ II оставался владѣтелемъ своего королевства, онъ не могъ бороться съ Гарибальди, потому что все королевство было за Гарибальди. Неблагопріятность обстановки, въ которой находились силы Франциска II, отнимала у нихъ возможность дѣйствовать. Изъ 100 тысячъ солдатъ, находившихся подъ его знаменами, половина думали только о томъ, чтобы убѣжать изъ-подъ знаменъ. Правда, за исключеніемъ этихъ ненадежныхъ войскъ, оставалось нѣсколько деслтковъ тысячъ солдатъ, не думавшихъ измѣнять королю, и этихъ деслтковъ тысячъ было бы повидимому слишкомъ довольно, чтобы задавить Гарибальди, — но дѣло въ томъ, что нельзя было послать ихъ противъ него. Они были нужны для удержанія самаго Неаполя отъ возстанія. Отправить эти вѣрныя части войска въ Калабрію — значило бы оставить столицу и сосѣднія съ нею провинціи подъ охраненіемъ ненадежныхъ войскъ, которыя не помѣшали бы возстанію. Тогда только, когда стало уже нечего охранять, надежныя войска Франциска II могли быть обращены на собственно-военныя дѣйствія: этимъ объясняется, почему Гарибальди дошелъ до Неаполя безъ битвъ. Когда онъ приблизился къ Неаполю, Францискъ II долженъ былъ покинуть столицу по стратегическимъ соображеніямъ. Англичане требовали, чтобы онъ не бомбардировалъ Неаполя, не защищался въ улицахъ и въ цитаделяхъ этого города, магазины котораго заключаютъ много англійскихъ товаровъ. Въ Средиземномъ морѣ всегда находится у англичанъ флотъ, который можетъ поддержать ихъ требованія. Этого мало: Францискъ II до сихъ поръ надѣется снова царствовать надъ Неаполемъ, а эта надежда разрушилась бы, если бы онъ раздражилъ жителей своей огромной столицы, подвергнувъ ее разоренію. Такія соображенія отнимали всякую мысль выдерживать осаду въ неаполитанскихъ цитаделяхъ. А если нельзя было защищаться въ самой столицѣ, то военный расчетъ не позволялъ давать битву передъ нею. Оставшаяся безъ войска столица возстала бы, и путь отступленія былъ бы отрѣзанъ для арміи Франциска II. Оставить въ Неаполь гарнизонъ, достаточный для удержанія жителей, значило бы слишкомъ ослабить дѣйствующую армію, подвергать себя вѣрному пораженію. А въ случаѣ пораженія регулярное войско совершенно разстроивается, когда имѣетъ въ тылу у себя большой городъ, по улицамъ котораго будетъ тѣснить его побѣдитель. Вотъ причины, по которымъ Францискъ II долженъ былъ отдать столицу безъ боя, когда Гарибальди приблизился къ ней. Возможность сражаться открылась для него только тогда, когда почти все уже королевство вмѣстѣ съ самимъ Неаполемъ перешло во власть Гарибальди. Но тогда уже никакими военными успѣхами нельзя было поправить дѣло. Отступивъ изъ Неаполя, Францискъ II потерялъ все, кромѣ

вѣрной половины своего войска. Всѣ государственныя средства перешли въ руки его противника. Его положеніе можно сравнить только съ положеніемъ полководца, совершенно отрѣзаннаго отъ страны, которая должна была бы служить ему опорой. Никакіе военные успѣхи не спасутъ отъ гибели армію, увидѣвшую себя въ такомъ положеніи.

Исходъ борьбы былъ безнадеженъ; но можно было бы продлить ее, если бы генералы Франциска II умѣли воспользоваться обстоятельствами, если бы они знали положеніе своего противника и не теряли времени. Они могли бы одержать нѣсколько побѣдъ, могли бы пройти съ торжествомъ по нѣсколькимъ изъ потерянныхъ провинцій, могли бы наказать ихъ жителей за возсташіе прежде, чѣмъ принуждены будутъ искать убѣжища въ чужихъ земляхъ.

Но отступленіи изъ Неаполя они имѣли отъ 35 до 45 тысячъ войска. Верстахъ въ 40 на сѣверъ отъ Неаполя они имѣли очень сильный операціонный базисъ, отъ котораго легко могли бы доходить до Неаполя и даже дальше. Этимъ базисомъ служила для нихъ рѣка Вольтурно съ крѣпостью Капуей. Владѣя лишешю рѣки, они не боялись быть отрѣзаны отъ главной своей опоры, отъ крѣпости Гаэты. У Гарибальди долго не было никакихъ средствъ препятствовать имъ, если бы они, опершись на Капую, вздумали двинуться въ Неаполь. Читатель помнитъ, что Гарибальди пріѣхалъ 8 сентября въ Неаполь лишь съ нѣсколькими офицерами, оставивъ далеко за собою свои войска. Авангарды его колоннъ спѣшили за нимъ въ почтовыхъ и всякихъ другихъ экипажахъ, кашіе только можно было собрать по дорогѣ. Но эти авангарды, прибывшіе въ Неаполь дня черезъ два послѣ его, составляли лишь нѣсколько сотъ человѣкъ. Скоро прибыла въ Неаполь моремъ одна изъ колоннъ, сѣвшая на пароходы въ Калабрію; но и съ нею Гарибальди имѣлъ всего какихъ нибудь три или четыре тысячи человѣкъ. Вся задача состояла для него въ томъ, чтобы удержать многочисленнаго непріятеля въ бездѣйствіи, пока непріятель можетъ задавить его. Надобно было сдѣлать, чтобы королевскіе генералы воображали, будто онъ сильнѣе ихъ, пока у него нѣтъ никакихъ силъ для сопротивленія. 9 сентября у него было лишь нѣсколько человѣкъ волонтеровъ въ Неаполѣ, но онъ все-таки послалъ ихъ какъ будто въ погоню за непріятелемъ, будто бы имѣлъ силу его преслѣдовать. Этотъ слабый авангардъ расположился въ Казертѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Капуи, служившей главною квартирою королевскихъ войскъ. Нападать на нихъ онъ, разумѣется, не могъ.

Видя, что непріятель не тѣснитъ ихъ, королевскія войска двинулись нѣсколько впередъ и стали угрожать городу Саята-Маріи, лежащему между Капуей и Казертою. У Гарибальди едва нашлось подъ рукою нѣсколько сотъ человѣкъ; они были послѣшно посланы изъ Неаполя въ Санта-Марію (13 сентября). Увидѣвъ ихъ, королевскія передовыя колонны снова отступили подъ прикрытіе капуанскихъ пушекъ. Въ слѣдующіе дни Гарибальди успѣлъ прислать въ Казерту еще тысячъ 5 или 6 человѣкъ, и чтобы не дать королевскимъ войскамъ преждевременно замѣтить, что у него еще очень мало силъ, онъ почелъ нужнымъ нѣсколько потревожить непріятеля, какъ будто имѣетъ средства для наступательныхъ дѣйствій, которыхъ въ сущности еще не могъ начать сколько нибудь серьезнымъ образомъ.

Крайній лѣвый флангъ королевскихъ войскъ находился въ Каяццо, городѣ, лежащемъ на границѣ западной ровной полосы съ центральною гористою частью того края Италіи. Выше Каяццо, Вольтурно еще не широкъ и не глубокъ, такъ

что можно переходить его въ бродъ. Къ востоку отъ Капцо въ нѣсколькихъ верстахъ идутъ горы, по которымъ могли довольно безопасно отступить волонтеры, когда опрокинется на нихъ непріятель въ большихъ силахъ. Эти соображенія заставили Гарибальди выбрать Каяццо цѣлью нападенія. У него не было ни понтоновъ, никакихъ другихъ средствъ перебраться чрезъ Вольтурно въ средней или нижней части его теченія, стало быть онъ могъ дѣйствовать только въ верхней части рѣки. Силъ у него было еще такъ мало, что онъ не могъ удержаться въ отбитой позиціи, потому надобно было выбирать для нападенія позицію, съ которой представлялся бы удобный путь отступленія. Дѣло шло еще вовсе не о томъ, чтобы подвигаться впередъ, а лишь о томъ, чтобы занять на нѣсколько дней королевскія войска, удержать ихъ отважнымъ нападеніемъ отъ мысли, что они сани могутъ напасть на позицію Гарибальди съ вѣрнымъ успѣхомъ и принудить къ отступленію малочисленнаго противника. Цѣль эта была вполне достигнута нападеніемъ на Каяццо.

17 сентября Гарибальди послалъ отрядъ въ 300 человекъ на верховья Вольтурно, чтобы перейти рѣку и броситься на Каяццо. Приблизившись къ этой позиціи, волонтеры увидѣли, что она занята слишкомъ двумя тысячами королевскихъ войскъ, и послали въ главную квартиру за поддержаніемъ. Гарибальди могъ отправить на усиленіе этого перваго отряда всего лишь нѣсколько сотъ человекъ, — такъ мало еще было у него войска въ Казертѣ. вмѣстѣ съ этими поддержаніями весь отрядъ, назначенный для атаки на Каяццо, простирался лишь до 950 человекъ.

Чтобы развлечь вниманіе королевскихъ войскъ и не оставить имъ возможности послать въ Каяццо поддержаніе лѣвому флангу, и безъ того слишкомъ вдвое превосходившему числомъ волонтеровъ, Гарибальди нашелъ необходимымъ сдѣлать демонстрацію противъ главныхъ силъ королевской арміи, около Капуи и ниже по рѣкѣ. Изъ Казерты и Санта-Маріи ведутъ къ рѣкѣ Вольтурно нѣсколько дорогъ; три изъ нихъ представляли нѣкоторое удобство для прохода войскъ, и такимъ образомъ Гарибальди 18 сентября, когда отдѣльный отрядъ его долженъ былъ напасть на Каяццо, двинулъ остальные свои силы тремя колоннами изъ Казерты прямо на среднюю часть Вольтурно. Увидѣвъ приближеніе волонтеровъ, королевскія войска расположились большими отрядами по южному берегу рѣки, но главныя силы ихъ оставались позади Капуи на сѣверномъ берегу и въ самой Капуѣ. Стремительнымъ натискомъ волонтеры смали непріятеля, котораго встрѣтили на доступномъ для нихъ южномъ берегу, прогнали въ Капую, и, увлекшись горячностью преслѣдованія, одна изъ колоннъ волонтеровъ зашла подъ пушки самой крѣпости; городъ былъ занятъ нѣсколькими тысячами королевскихъ солдатъ, а число волонтеровъ, готовившихся ворваться въ городъ, простиралось всего до 6 или 7 сотъ человекъ. Колонною этою командовалъ нѣмецъ Рюстовъ. (Въ арміи Гарибальди есть нѣсколько нѣмецкихъ волонтеровъ; изъ нихъ, кромѣ Рюстова, значительную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ играетъ Мильвицъ). Онъ видѣлъ, что не удержать слишкомъ рвавшихся впередъ волонтеровъ значило бы отдать ихъ въ руки на истребленіе многочисленному непріятелю, и повелъ свою колонну назадъ. Въ отступленіи довольно много людей у него было перебито ядрами крѣпостныхъ орудій. Точно также и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ волонтеры слишкомъ далеко завлеклись впередъ, гонясь за непріятелемъ. Одинъ изъ отрядовъ Гарибальди

даже перебрался через Вольтурно въ бродъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ высота воды никакъ не позволила бы перейти рѣву людямъ, менѣе восторженнымъ. Волонтеры схватились за руки, растянулись цѣпью поперегъ рѣвки, и такимъ образомъ вышли на другой берегъ, держась другъ за друга. Нѣсколько времени они простояли на сѣверной сторонѣ; но неаполитанскіе резервы приближались, и горсть волонтеровъ переправилась назадъ.

Такимъ образомъ энтузіазмъ волонтеровъ, назначенныхъ для демонстраціи, сдѣлалъ даже больше, чѣмъ хотѣлъ Гарибальди. Его малочисленные колонны не только сбили непріятели съ позицій, взятіемъ которыхъ думалъ ограничиться онъ, но и врывались въ Капую, перебирались на другой берегъ рѣвки, что не входило въ планъ Гарибальди. Эта горячность подвергла ихъ напраснымъ потерямъ: они лишились до 150 или до 200 человекъ убитыми и ранеными. Такова была стычка, которая по первымъ преувеличеннымъ извѣстіямъ выставлялась неудачею Гарибальди. На самомъ дѣлѣ онъ достигъ всего, чего хотѣлъ достигъ этою демонстраціею, и отвелъ свои войска въ прежнюю позицію только тогда, когда получилъ извѣстіе, что уже занялъ Кааяццо отдѣльный его отрядъ, задачу котораго онъ хотѣлъ облегчить фальшивымъ наступленіемъ на Капую.

Отдѣльный отрядъ волонтеровъ двинулся на Кааяццо въ то самое время, когда Гарибальди производилъ свою демонстрацію. Королевскія войска, занимавшія Кааяццо, видѣли наванунѣ волонтеровъ, производившихъ рекогносцировку, и думая, что теперь они воротились въ очень большихъ силахъ, отступили, не пытаясь сопротивляться. Волонтеры заняли Кааяццо безъ боя.

На другой день королевскія войска, видя, что Гарибальди спокойно стоитъ въ Казертѣ и не нападаетъ на Капую, обратили свое вниманіе на Кааяццо. Они направили туда главныя свои силы и отъ 12 до 15 тысячъ человекъ двинулись брать эту позицію, защищаемую отрядомъ, не имѣвшимъ и 1,000 человекъ. Атакующіе шли тремя колоннами, изъ которыхъ въ одной передовой было до 5 тысячъ человекъ съ нѣсколькими орудіями. У волонтеровъ не было ни одной пушки, но они не хотѣли отступить безъ боя. Два раза королевскія войска входили въ городъ и два раза были выбиваемы изъ него волонтерами въ рувопашномъ бою. Они двинулись на приступъ въ третій разъ. Волонтеры почти уже не имѣли патроновъ, но опять бросились въ штыки и прогнали непріятели. Битва продолжалась уже цѣлые 5 часовъ. Обѣ резервныя колонны подошли на подкрѣпленіе передовой, три раза отбитой волонтерами. Тогда волонтеры, не имѣвшіе ни одного заряда, отступили въ горы стройными рядами и возвратились въ Казерту.

Въ этомъ состояли военныя дѣйствія подъ Капую и въ Кааяццо 18—21 сентября. Результатомъ ихъ было, что обѣ арміи остались на прежнихъ позиціяхъ. Въ Гаэтѣ торжествовали такой исходъ дѣла какъ побѣду; точно также нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ неаполитанскіе генералы принимали за побѣду двойноту отступление Гарибальди изъ-подъ Палермо, имѣвшее цѣлью только обмануть их. Совершенно таковъ же былъ и нынѣшній маневръ Гарибальди. Онъ совершенно обманулъ неаполитанцевъ. Еслибъ они знали, какъ мало было войскъ у Гарибальди около Казерты и въ самомъ Неаполѣ до послѣднихъ чиселъ сентября, онъ двинулись бы впередъ, задавили бы своимъ превосходнымъ числомъ его ничтожныя отряды и могли бы съ торжествомъ возвратиться въ столицу. Онъ скрылъ отъ нихъ свою чрезвычайную слабость фальшивымъ нападеніемъ на средней ча

Вольтурно и занятіемъ Каяццо въ верхней части рѣки. Противники подумали, что у него довольно силъ для защиты позицій, если онъ дѣлаетъ попытки наступательныхъ движеній, и потеряли въ бездѣйствіи тѣ двѣ недѣли, въ которыя могли бы уничтожить его. Читая теперь подробные рассказы о положеніи дѣлъ Гарибальди до начала октября, мы видимъ, что дѣйствія, казавшіяся по телеграфическимъ депешамъ неудачами для него, были въ сущности побѣдами его искусства и приготовили гибель противной арміи, которой стоило тогда лишь напасть на него, чтобъ побѣдить.

Такъ шли дни за днями, и королевскія войска, обманутыя относительно силъ противника, не предпринимали ничего рѣшительнаго. Они поняли ошибку лишь тогда, какъ уже поздно было поправлять ее. Сардинскія войска, взявъ Анкону, двинулись къ неаполитанской границѣ. Генералы Франциска II ожидали, что черезъ нѣсколько дней будутъ имѣть противъ себя не однихъ волонтеровъ, но и регулярную армію. Тогда они рѣшились сдѣлать отчаянную попытку прежде, чѣмъ сардинцы соединятся съ Гарибальди. Они бросились всѣми своими силами на позиціи Гарибальди 1 октября. Еслибъ они сдѣлали это дней 10 или хотя дней 5 тому назадъ, побѣда ихъ была бы вѣрна. Но къ Гарибальди каждый день приходили новые отряды, и 1 октября онъ уже могъ выдержать атаку. Всѣ волонтеры, съ которыми проходилъ онъ Калабрію, прибыли теперь въ Казерту; число ихъ простиралось тысячъ до 10 или 12. Къ нимъ прибавилось нѣсколько вновь сформировавшихся отрядовъ изъ калабрійцевъ и жителей столицы. Всего у Гарибальди находилось къ 1 окт. около 15 тысячъ войска. За недѣлю передъ тѣмъ едва ли была у него и половина втого числа.

Но въ пользу королевскихъ войскъ все-таки были значительныя шансы. Главнымъ изъ нихъ былъ громадный перевѣсъ въ численности солдатъ. Королевская армія имѣла еще до 40 тысячъ человекъ. Оставивъ гарнизонъ въ Гаэтѣ и нѣсколько отрядовъ по дорогѣ изъ Гааты въ Капуя, генералы Франциска II могли двинуть въ битву до 30 тысячъ человекъ. Этимъ превосходствомъ въ числѣ не ограничивалось ихъ преимущество. Они имѣли конницу, которой вовсе не было у Гарибальди, имѣли сильную артиллерію, между тѣмъ какъ у Гарибальди находилось всего лишь нѣсколько пушекъ.

Чтобы яснѣе былъ ходъ битвы, надобно нѣсколько познакомиться съ мѣстностью, на которой она происходила. Капуя и Казерта лежатъ въ обширной равнинѣ, но отъ Казерты къ рѣкѣ Вольтурно идетъ одинокой хребетъ Санъ-Анджело; онъ тянется въ направленіи на сѣверо-востокъ и подходитъ къ рѣкѣ въ двухъ миляхъ (3½ версты) на востокъ отъ Капуи. Оба спуска хребта утесисты и на берегу рѣки онъ кончается также утесомъ. Возвышаясь надъ всею окружающею равниною, онъ служилъ для Гарибальди обсерваторію, съ которой были видны всѣ движенія непріятеля. На немъ стояли бригада Спангаро, бригада Денна и еще нѣсколько отрядовъ. Читатель не долженъ обольщаться именованіемъ бригадъ, — бригады Гарибальди по своей численности не многимъ больше батальоновъ регулярнаго войска. Всего на этой горной позиціи стояло три или четыре тысячи человекъ. Сама по себѣ она была очень выгодна, но путь сообщеній между высотами Санъ-Анджело и Санта-Марію, гдѣ находились аванпосты лѣваго крыла Гарибальди, могъ быть перерѣзанъ изъ Капуи, лежащей на срединѣ между этими двумя пунктами. Капуя, Санта-Марія и Санъ-Анджело образуютъ почти равносторонній

треугольникъ, боками котораго служатъ три дороги между этими тремя пунктами. Этотъ треугольникъ, юго-восточная сторона котораго была занята лѣвыми крыломъ Гарибальди, неаполитанцы избрали нѣстомъ атаки своихъ главныхъ силъ. Далѣе къ востоку на нѣсколько верстъ были растянуты по равнинѣ отряды, составлявшіе центръ и правое крыло Гарибальди. Собравшись ночью съ 30 сентября на 1 октября въ Капуѣ, королевскія войска съ разсвѣтомъ двинулись двумя колоннами на Санъ-Анджело и на Санта-Марію. На пути изъ Капуи къ Санъ-Анджело Гарибальди устроилъ баррикаду. Утро было очень туманно и неаполитанцы, незамѣтныя въ туманѣ, подошли къ баррикадѣ внезапно, выли ее съ перваго приступа, прогнали малочисленные аванпосты волонтеровъ и почти безпрепятственно взшли на вершину хребта, такъ что грозили отрѣзать лѣвое крыло Гарибальди, стоявшее въ Казертѣ и Санта-Маріи, отъ Санъ-Анджело и другихъ войскъ. Гарибальди увидѣлъ, что отъ исхода дѣла на этомъ пунктѣ зависить судьба битвы, бросился въ Санъ-Анджело съ своимъ штабомъ и самъ водилъ въ атаку находившихся тутъ волонтеровъ. Часа три или четыре продолжался упорный бой и наконецъ къ 9 часамъ утра неаполитанцы были оттѣснены отъ Санъ-Анджело къ Капуѣ.

Столь же силенъ былъ натискъ другой королевской колонны, пошедшей на Санта-Марію. Мильвицъ, командовавшій тутъ волонтерами, долго находился въ критическомъ положеніи по малочисленности своихъ войскъ. Напрасно посылать онъ за подкрѣпленіями въ Казерту: неаполитанцы въ большихъ силахъ атаковали также правое крыло Гарибальди, гдѣ командовалъ Биксіо, и пока Биксіо, нѣвышній вдвое меньше войска, не отбилъ ихъ, нельзя было посылать резервовъ на лѣвое крыло, потому что они могли понадобиться на правомъ.

Отбитые отъ Санъ-Анджело, неаполитанцы призвали изъ Канунъ сильныя подкрѣпленія и опять двинулись къ горѣ, служившей ключемъ всего поля битвы. Гарибальди призвалъ туда послѣдніе свои резервы; но непріятель былъ гораздо многочисленнѣе, и второй бой у Санъ-Анджело въ теченіе нѣсколькихъ часовъ имѣлъ характеръ очень опасный для итальянскаго дѣла. Нѣсколько разъ неаполитанцы были близки къ полному успѣху, но Гарибальди каждый разъ ободрялъ свои войска, поражаемая многочисленною артиллеріею непріятелей. Около полудня многимъ изъ волонтеровъ казалось, что битва потеряна; но Гарибальди въ это время уже видѣлъ, что собьетъ противниковъ. Дѣйствительно, при всей своей многочисленности, неаполитанцы подвигались впередъ медленно, встрѣчая отчаянную оборону, и Гарибальди имѣлъ время послать отборныхъ стрѣлковъ въ оба фланга неаполитанской колонны. Когда стрѣлки напали на нихъ справа и слѣва, Гарибальди сдѣлалъ съ фронта отчаянную атаку съ сотнею храбрѣйшихъ волонтеровъ, сбилъ неаполитанцевъ и, освободивши Санъ-Анджело отъ опасности, поспѣшилъ въ Санта-Марію. Вторая и послѣдняя атака на Санъ-Анджело была отбита въ 2 часа по полудни. Черезъ часъ Гарибальди отбилъ ихъ отъ Санта-Маріи, а къ 4 часамъ неаполитанцы бѣжали по всей линіи, преслѣдуемые волонтерами. Непріятель былъ совершенно разбитъ, и нѣсколько сотъ королевскихъ солдатъ попали въ плѣнъ.

На другой день волонтеры взяли въ плѣнъ цѣлый отрядъ неаполитанцевъ имѣвшій около 2 тысячъ человекъ. Это была одна изъ колоннъ, наканунѣ проиводившихъ атаку противъ праваго крыла Гарибальди. Войска, ходившія на Санъ

Анджело и на Санта-Марію, успѣли бѣжать въ Капую по прямымъ дорогамъ, а эта колонна, дѣлавшая далекій обходъ для нападенія на Биксію, увидѣла себя отрѣзанною, когда волонтеры, отбивъ нападеніе на Санъ-Анджело, подвинулись почти къ самой Капуѣ.

Съ той поры до послѣднихъ чиселъ, о которыхъ имѣемъ мы извѣстіе, когда пишемъ эту статью, большихъ сраженій не было, а происходили только аванпостныя стычки, мало измѣнявшія расположеніе обѣихъ арій. Генералы Франциска П, кажется, убѣдились, что не могутъ сбить съ позицій противника, пропустивъ недѣли, когда онъ былъ слишкомъ слабъ. Гарибальди все еще не имѣетъ достаточныхъ силъ, чтобы штурмовать сильныя позиціи, занятыя королевскими войсками, до сихъ поръ далеко превосходящими его численностію. Такъ идетъ время, пока соберутся къ нему поддѣрпленія, которыхъ уже недолго ждать ему: сардинскіе корпуса, дѣйствовавшіе противъ Ламорисьера, уже перешли неаполитанскую границу и чрезъ нѣсколько дней подойдутъ къ новому театру войны. Уже до ихъ прибытія пришло къ Гарибальди нѣсколько тысячъ человекъ сардинцевъ изъ Неаполя, куда пріѣхали они моремъ.

О дѣйствіяхъ сардинскихъ войскъ противъ Ламорисьера мы можемъ сказать еще гораздо короче, чѣмъ о дѣйствіяхъ Гарибальди подъ Капуею. Тутъ уже нѣтъ рѣшительно ничего особеннаго, кромѣ развѣ быстроты и рѣшительности движеній. Подъ командою Чальдини и Фанти вошло въ папскую область до 60 тысячъ человекъ хорошаго войска. У Ламорисьера было всего тысячъ 30 человекъ, изъ которыхъ одна половина (почти всѣ итальянскіе солдаты) не хотѣли сражаться, а другая половина (иностранцы) состояла изъ грабителей и головорѣзовъ, между которыми никакими казнями не успѣлъ Ламорисьеръ водворить порядочную дисциплину. Вѣроятно, у него было настолько разсудительности и военной опытности, что онъ никогда и не разсчитывалъ съ такою арміею одерживать побѣды надъ сардинекиимъ войскомъ. Но онъ обольщалъ себя двумя ошибочными мыслями. Онъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ III не разрѣшитъ Кавуру идти въ области, оставшіяся подъ папскимъ господствомъ. Клерикальная партія утверждаетъ даже, будто бы французскій посланникъ въ Римъ, Граммонъ, положительно объявлялъ Ламорисьеру, что сардинцы никогда не пойдутъ противъ него, а если пойдутъ, то французы будутъ помогать ему противъ нихъ. Когда сардинцы прислали сказать ему, что идутъ на него, онъ обманулся другою надеждою. Онъ воображалъ, что австрійцы объявятъ войну туринскому правительству тотчасъ же, какъ оно двинетъ свои войска на папскую армію. Обольщаясь этою мыслью, онъ съ презрительнымъ высокоуміемъ принялъ сардинскаго офицера, присланнаго къ нему съ объявленіемъ войны, и сказалъ: „такъ вы объявляете войну? будто, въ самомъ дѣлѣ? Но вѣдь вы должны же знать, что Анкона продержится хотя двѣ недѣли; а въ двѣ недѣли придутъ подъ команду ко мнѣ 50 тысячъ союзниковъ“. Трудно понять такое легковѣріе въ человекѣ, который нѣкогда самъ былъ министромъ и посланникомъ: какъ могъ онъ забыть, что отъ угрозъ и обѣщаній далеко до исполненія? Сообразно съ высокоумнымъ легковѣріемъ Ламорисьера, расположеніе войскъ его и планъ похода оказались рѣшительно плохи. Сардинцы нашли отряды папской арміи разбросанными, и почти безъ сопротивленія забрали въ плѣнъ или разогнали около половины солдатъ, носившихъ папскій мундиръ. Когда Ламорисьеръ успѣлъ собрать тысячъ до 10 войска, сардинцы уже перерѣзали дорогу ему въ

Анкону, подъ пушками которой хотѣлъ онъ дать битву. Наткнувшись при Кастельфидардо на корпусъ Чальдини, имѣвшій до 20 тысячъ и занимавшій очень крѣпкую позицію, Ламорисьеръ съ прежнимъ высокомѣриемъ вообразилъ, что разобьетъ сардинцевъ, когда единственнымъ ему спасеніемъ было послѣдно поворотить на юго-западъ, чтобъ, соединившись съ арміею короля неаполитанскаго, отбѣснить Гарибальди далеко на югъ, — возвращеніе короля неаполитанскаго въ столицу, быть можетъ, ободрило бы австрійцевъ. Въмѣсто того, Ламорисьеръ безразсудно атаковалъ слишкомъ сильнаго непріятеля съ своими плохими войсками. Черезъ три часа его армія была совершенно уничтожена: половина ея попалась въ плѣнъ, другая разбѣжалась, и самъ онъ лишь съ небольшимъ отрядомъ успѣлъ пробраться въ Анкону. Чальдини тотчасъ же осадилъ крѣпость, которая ни въ какомъ случаѣ не могла бы держаться дольше трехъ-четырехъ недѣль; но и этотъ недолгій срокъ былъ сокращенъ до нѣсколькихъ дней смѣлыми дѣйствіями сардинскаго флота, пришедшаго къ Анконѣ помогать осадѣ. Съ морской стороны укрѣпленіями Анконы были двѣ батареи и возвышавшіяся надъ ними редуты. Сардинскіе военные пароходы очень смѣло подошли, на пистолетный выстрѣлъ, къ батареямъ, нѣсколькими залпами сбили ихъ, потомъ обратили свои выстрѣлы противъ редута. Скоро удалось имъ взорвать пороховой магазинъ, находившійся въ редутѣ; отъ этого произошло страшное разрушеніе: не только развалился весь редутъ, но отвалилась и часть скалы, на которой стоялъ онъ. Гавань осталась тогда беззащитна, и адмиралъ Персано, командовавшій флотомъ, готовился высадить на берегъ сильный отрядъ, находившійся на его корабляхъ. Увидѣвъ приготовленія къ высадкѣ, Ламорисьеръ послалъ просить у Персано перемирія; сардинскій адмиралъ не согласился, и крѣпость тотчасъ же сдалась. Жители Анконы, всегда отличавшіеся національнымъ чувствомъ, во время осады назначили 60,000 франковъ въ награду тому изъ сардинскихъ полковъ, который первый ворвется въ крѣпость при штурмѣ. Но дѣло обошлось безъ штурма, и деньги эти были обращены отчасти на снабженіе раненыхъ во время войны сардинскихъ солдатъ всеми удобствами леченія, отчасти на угощеніе здоровыхъ сардинскихъ солдатъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. По взятіи Анконы, сардинцы двинулись на соединеніе съ Гарибальди. Надобно полагать, что, когда они подойдутъ къ Капуѣ, борьба кончится въ нѣсколько дней, и Газта не въ силахъ будетъ выдержать осаду болѣе продолжительную, чѣмъ Анкона.

Гораздо болѣе, чѣмъ отъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ по занятіи Неаполя, ходъ внутреннихъ итальянскихъ дѣлъ зависѣлъ въ теченіе послѣднихъ недѣль отъ взаимныхъ отношеній между партіями, на которыя дѣлится итальянскіе патріоты. Эти отношенія такъ же или уже близки къ развязкѣ, или получили ее. Для объясненія дѣлъ, читатели позволяютъ намъ вернуться къ временамъ давно-минувшимъ, въ которыхъ скрывается источникъ раздора между такъ называемыми конституціонистами и такъ называемыми республиканцами Италіи. Конституціонисты говорятъ, что должны подавлять своихъ противниковъ для сохраненія власти Виктора-Эммануэля. Но мы уже имѣли случай замѣчать, что сами предводители такъ называемой республиканской партіи въ Италіи вовсе не дорожатъ республиканскою формою правленія до такой степени, чтобы считать за нужное хлопотать о ея введеніи въ нынѣшнее время. Въ теоріи они дѣйствительно республиканцы, но въ практикѣ всегда были готовы всеми силами поддерживать государей, пре-

нищутыхъ національнымъ чувствомъ. Имъ кажется, что вопросъ о формѣ правленія въ Италіи далеко не имѣетъ того значенія, какъ вопросъ о національномъ единствѣ. Не только теперь имъ кажется это, но и всегда они такъ думали, всегда они готовы были быть ревностнѣйшими приверженцами монархическаго правительства, посредствомъ котораго могла бы получить государственное единство Италія. Такъ дѣйствовалъ и самъ Маццини, глава такъ называемыхъ итальянскихъ республиканцевъ. Въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности, въ 1831 году, онъ обращался къ сардинскому королю Карлу-Альберту (отцу нынѣшняго короля) съ убѣждемъ отбросить австрійскую систему, которой слѣдовало тогда сардинское правительство, сдѣлаться главою патріотической партіи, подготавливать соединеніе всего полуострова въ одно государство, стремиться стать королемъ всей Италіи. „Примите національную политику, государь, — писалъ къ нему Маццини, — и вся наша партія готова сражаться до послѣдней капли крови за васъ“. Но сардинское правительство находилось тогда въ рукахъ клерикальной партіи, той самой, противъ которой сражалось при Кастельфидардо. Самъ Карлъ-Альбертъ совершенно подчинялся тогда образу мыслей этой партіи, опиравшейся на австрійскую помощь и безусловно повиновавшейся инструкціямъ, какія присылались ей изъ Вѣны. Сардинское правительство считало злѣйшими врагами своими всѣхъ, кто хотѣлъ дѣйствовать противъ австрійцевъ. Только по невозможности отклонить Карла-Альберта отъ союза съ Австріею или, точнѣе говоря, отъ подданническихъ отношеній къ Австріи, Маццини сталъ дѣйствовать противъ Карла-Альберта: онъ возставалъ противъ него не какъ противъ короля, а только какъ противъ вассала Австріи. — Національное чувство понемногу развивалось между итальянцами, и папа Пій IX въ началѣ своего правленія нашель полезнымъ объявить себя его приверженцемъ. Пока можно было думать, что Пій IX рѣшится выйдти изъ-подъ австрійской зависимости, Маццини дѣйствовалъ въ его пользу. Когда вспыхнула февральская революція, Маццини пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы видѣться съ собравшимися тамъ представителями итальянской конституціонной партіи, съ людьми, ученикомъ которыхъ былъ Кавуръ. Въ переговорахъ съ ними онъ требовалъ только одного, чтобы они повели войну противъ Австріи рѣшительнымъ образомъ, и вполнѣ готовъ былъ поддерживать конституціонную монархію, когда она будетъ серьезно стремиться къ итальянскому единству. Это парижское совѣщаніе кончилось заключеніемъ союза между Маццини и конституціонистами. Но Карлъ-Альбертъ привыкъ считать приверженцевъ итальянскаго единства своими врагами и не вѣрилъ теперь, что они становятся самыми жаркими его помощниками; вся неудача его двухъ походовъ противъ Радецкаго произошла оттого, что онъ помѣшалъ ломбардскимъ и венеціанскимъ патріотамъ сформировать армію для содѣйствія сардинскимъ войскамъ. Маццини разошелся съ конституціонистами въ это время по вопросу о такомъ способѣ дѣствій: овъ говорилъ о необходимости спѣшить формированіемъ войска; они вмѣстѣ съ Карломъ-Альбертомъ полагали, что одна прежняя сардинская армія въ состояніи будетъ изгнать австрійцевъ изъ Италіи. Истиннымъ источникомъ разрыва было не несогласіе о формѣ правительства, а несогласіе въ понятіяхъ о томъ, какими силами и средствами слѣдуетъ вести войну противъ австрійцевъ. Война была поведена способомъ, гибельность котораго предсказывалъ Маццини. Миланъ и Венеція снова были покорены австрійцами. Изъ дѣствій Маццини въ слѣдующіе годы, нѣкоторыя, самымъ повидимому странныя, были слѣдствіемъ пере-

товоровъ съ конституціонною партіею. Мы уважемъ только одинъ пригвѣръ, — Генуэзское возстаніе 1857 года: всѣ дивились тогда безразсудству этой попытки, подавленной туринскимъ правительствомъ и направленной, повидимому, противъ него. Но выведенный изъ терпѣнія своими обвинителями, Маццини высказалъ, что рѣшился на возстаніе по условію, заключенному съ ними, — съ людьми конституціонной партіи. Ему было сказано: мы хотѣли бы изгнать австрійцевъ изъ Италіи, но не можемъ объявить войну имъ безъ нарушенія международнаго права; дѣло другое, если бы мы принуждены были къ этому народнымъ возстаніемъ: тогда мы имѣли бы передъ Европою то оправданіе, что мы принуждены. Онъ сдѣлалъ попытку возстанія въ Генуѣ, чтобы доставить конституціонистамъ предлогъ, котораго, по ихъ словамъ, они только и ждали для движенія противъ Австріи. Попытка не удалась, потому что конституціонисты въ рѣшительную минуту или поддались чувству недовѣрчивости къ Маццини, или просто оробѣли, или, быть можетъ, просто передумали, разсудили, что подавить инсургентовъ легче, чѣмъ побѣдить австрійцевъ. Зимой съ 1858 на 1859 годъ партія Маццини предлагала Кавуру, что она начнетъ возстаніе въ Миланѣ и провозгласитъ власть Виктора-Эммануэля надъ Ломбардіею, если сардинская армія будетъ готова идти въ Ломбардію. Кавуръ отвергнулъ это предложеніе, потому что у него было уже заключено условіе съ императоромъ французомъ вести дѣло другимъ путемъ. Въ прошлогоднюю войну Маццини постоянно превозносилъ Виктора-Эммануэля, а по заключеніи мира императоромъ французомъ, умолялъ короля сардинскаго дѣйствовать рѣшительнѣе.

Кажется, эти факты достаточно показываютъ, что Маццини хотѣлъ провозглашенія республики только въ тѣ періоды, когда не видѣлъ возможности для итальянской націи достигъ единства съ монархическою формою правительства; а когда являлась эта надежда, онъ бросалъ мысль о республикѣ и готовъ былъ дѣлаться самымъ горячимъ партизаномъ государя, который далъ бы итальянцамъ національное единство подъ своею властью. Читатель видитъ, къ чему мы дѣлаемъ всѣ эти объясненія. Мы далеки отъ мысли извинять Маццини, какъ вовсе не думаемъ защищать и Кавура. Читатель точно такъ же, какъ и мы, знаетъ, что цѣль, къ которой стремились обѣ партіи, имѣвшія своими представителями Кавура и Маццини, была противна международному праву, признаваемому всѣми европейскими державами. Мы вовсе не думаемъ, чтобы человекъ, уважающій трактаты 1815 года, въ которыхъ Россія принимала столь славное участіе, могъ извинить людей, стремившихся разрушить порядокъ дѣлъ, установленный въ Италіи этими трактатами. Мы только хотѣли показать, что источникомъ несогласій между такъ называемыми конституціонистами и такъ называемыми республиканцами Италіи вовсе не было пристрастіе такъ называемыхъ республиканцевъ къ республиканской формѣ, несогласіе ихъ на конституціонную форму. Напротивъ, эти такъ называемые итальянскіе республиканцы въ сущности и не могутъ называться республиканцами: они просто приверженцы итальянскаго единства, совершенно согласны на монархическую форму его.

Но конституціонисты также приверженцы итальянскаго единства; отчего же происходило, что двѣ партіи, стремившіяся къ одной цѣли, никакъ не могли сойтись до сихъ поръ? Мы видѣли, что со стороны такъ называемыхъ республиканцевъ, — или, теперь уже мы должны не называть ихъ этимъ именемъ, плохо выражающимъ сущность ихъ образа мыслей, а просто называть ихъ радикалами, — ми

видимъ, что со стороны итальянскихъ радикаловъ не было недостатка въ уси-
 ляхъ примириться съ конституціонистами (которыхъ теперь ны также станемъ
 называть уже болѣе вѣрнымъ именемъ—умѣренныхъ, потому что и радикалы въ
 Италіи готовы были всегда стать и часто становились конституціонистами). По-
 чему же умѣренные постоянно или отвергали радикаловъ, или не выдерживали
 условій, заключенныхъ съ ними? Это вопросъ—уже чисто историческій, ни мало
 не относящійся къ формамъ правленія, потому мы можемъ высказать свое сужденіе
 объ ошибкахъ той или другой партіи. Если мы будемъ говорить, что въ нѣкото-
 рныхъ случаяхъ факты были яснѣе понимаемы одною изъ этихъ партій, чѣмъ дру-
 гою, это вовсе не будетъ значить, что мы одобряемъ партію, которая кажется намъ
 понимавшею положеніе дѣлъ; очень можетъ быть, что самое положеніе дѣлъ было
 дурно. Такъ, напримѣръ, мы скажемъ, что умѣренные ошибались, считая нынѣш-
 нее поколѣніе итальянцевъ неспособнымъ соединиться въ одно государство; это
 вовсе не будетъ значить, будто бы мы одобряемъ радикаловъ, считавшихъ нынѣш-
 нее поколѣніе способнымъ къ тому; нѣтъ, мы только скажемъ этимъ, что факты
 показали сообразность убѣжденій радикаловъ съ нынѣшними стремленіями италъ-
 янской націи. Но достойно ли сочувствія или, по крайней мѣрѣ, заслуживаетъ ли
 извиненія это нынѣшнее стремленіе итальянской націи,—объ этомъ каждый мо-
 жетъ судить, какъ ему угодно; мы не беремъ на себя рѣшеніе,—не потому, впро-
 чемъ, чтобы рѣшеніе было трудно, а только потому, что мы поставили себѣ не-
 измѣннымъ правиломъ не дѣлать никакихъ политическихъ сужденій; а само по
 себѣ рѣшеніе вопроса было бы не трудно, какъ мы замѣтили. Въ самомъ дѣлѣ,
 надобно только вспомнить, что порядокъ въ Европѣ водворенъ трактатами и что
 стремленіе итальянцевъ къ образованію одного государства было стремленіемъ къ
 нарушенію трактатовъ. Выводъ ясенъ. Но, быть можетъ, найдутся люди, не по-
 нимающіе важныхъ цѣлей, которыя требуютъ безусловнаго уваженія къ тракта-
 тамъ. Не трудно было бы доказать и передъ такими людьми гибельность нынѣш-
 няго итальянскаго стремленія. Къ чему привело оно и по необходимости должно
 было привести? Къ насильственному перевороту внутреннихъ учреждений, то есть
 къ революціи. Софисты могутъ маскировать факты, но въ настоящемъ случаѣ
 факты такъ рѣзки, что нельзя замаскировать ихъ. Въ Сициліи, въ Неаполѣ, въ
 большей части папскихъ областей произошла перемѣна коренныхъ учреждений.
 Какъ произошла она?—Насильственнымъ образомъ,—вторженіемъ вооруженныхъ
 людей, возстаніемъ. Какъ называется перемѣна коренныхъ учреждений, произво-
 димая путемъ насилія? Она называется революціею. Какъ называются люди, иду-
 щіе къ цѣлямъ, требующимъ революціи для своего достиженія? Они называются
 революціонерами. Теперь справимся не только у консерваторовъ, но и у либера-
 ловъ, какъ надобно думать о революціи и революціонерахъ? Абсолютисты, консти-
 туціонисты, даже почти всѣ республиканцы единодушно говорятъ, что революціи
 есть величайшее бѣдствіе, какому только можетъ подвергнуться нація, что рево-
 люціонеры злѣйшіе враги своей родины. Кажется теперь ясно, какъ надобно ду-
 мать о стремленіи итальянцевъ къ государственному единству.

Умѣренные и радикалы въ Италіи одинаково были революціонеры, — теперь
 это доказано фактами; факты показали, что итальянское единство учреждается
 революціоннымъ путемъ, что желать его—значило желать революціи. Но разница
 между радикалами и умѣренными была и остается та, что радикалы понимали

качества и условия предмета, которого хотятъ, сознавали, что они стремятся къ революціи, а умѣренные не сознавали этого. Они воображали, что предметъ ихъ желаній, политическое единство Италіи—вещь совершенно невинная предъ еуще-ствовавшимъ устройствомъ Италіи, что оно можетъ установиться мирнымъ путемъ, съ согласія существовавшихъ въ Италіи правительствъ, кромѣ только одного австрійскаго. Но австрійцы—иноземцы, завоеватели; изгнаніе иноземныхъ завоевателей не клеймится ужаснымъ именемъ революціи. Потому умѣренные, въ своемъ заблужденіи, считали себя друзьями законнаго порядка, простыми приверженцами реформъ, людьми, заслуживающими всеобщаго уваженія, въ особенности уваженія отъ защитниковъ порядка, отъ враговъ революціи. Факты показали, что это было самообольщеніе. Ходъ дѣла заставилъ умѣренныхъ дѣлать то, что дѣлаютъ только явные революціонеры: они отняли власть у законныхъ правителей, у герцога пармскаго, герцога моденскаго, великаго герцога тосканскаго, у папы, у короля неаполитанскаго; они низвергли законныхъ правителей силою оружія и провозгласили на ихъ мѣсто другаго правителя, не по праву наслѣдства, а по собственному выбору. Хотѣли ли они въ 1859 году того, что произошло въ нынѣшнемъ? Нѣтъ, они надѣялись, что король неаполитанскій вступитъ въ союзъ съ Шемонтомъ, добровольно приметъ его политику, добровольно введетъ у себя шемонтскія учрежденія. Точно такъ постоянно не хотѣли они за годъ или за два ничего изъ того, что дѣлали черезъ годъ или черезъ два. Ходъ вещей принуждалъ ихъ принимать черту за чертою программу радикаловъ. Но сама по себѣ программа радикаловъ была отвратительна для умѣренныхъ, какъ программа революціонная.

Итакъ первымъ источникомъ несогласій между радиками и умѣренными было то, что умѣренные, ошибочно воображая себя не-революціонерами, ужасались радикаловъ какъ революціонеровъ. Но не одно различіе понятій о средствахъ, нужныхъ для достиженія цѣли, раздѣляло эти двѣ партіи: онѣ также разнились между собою и взглядомъ на размѣръ, въ которомъ можетъ быть достигнута цѣль нынѣшнимъ поколѣніемъ итальянцевъ. Въ глубинѣ души умѣренные такъ же желали государственнаго единства всей Италіи, какъ и радикалы, но не думали, чтобы можно было достичь его въ близкіе годы. Они видѣли, что Италіи съ самаго паденія Римской Имперіи была раздѣлена на множество государствъ; они находили въ массѣ вѣковую привычку къ такому раздробленію и не полагали, что идея національнаго единства теперь или въ скоромъ времени будетъ въ состояніи переѣсить эту привычку. Они думали, что масса способна пойти за патриотами только на освобожденіе родины отъ австрійцевъ, но не способна отказаться отъ партикуляризма или, по итальянскому выраженію, отъ муниципальныхъ идей, для основанія одной державы. По мнѣнію умѣренныхъ, сицилійцы, неаполитанцы, римляне, тосканцы могли стать только союзниками между собою на время войны съ австрійцами, по ни одна изъ этихъ частей Италіи не была еще достаточно приготовлена патриотическимъ чувствомъ, чтобы отступить отъ претензіи имѣть себѣ отдѣльное правительство. Потому умѣренные не отваживались стремиться къ своимъ желаніямъ дальше, какъ только къ тому, чтобы Италіи сдѣлалась союзомъ независимыхъ государствъ, освободившихся отъ подчиненія иностранцамъ. Факты показали, что умѣренные ошибались и въ этомъ случаѣ: всѣ итальянскія области выразили стремленіе соединиться подъ одно правительство.

Мы говорили до сихъ поръ объ ошибкахъ умѣренной партіи. Но факты 1

слѣднго времени показали, что и у радикаловъ была очень важная ошибка. Стремленіе къ національному единству развилось у итальянцевъ до гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ предполагали умѣренные. Въ этомъ отношеніи итальянскій народъ поступилъ сообразно понятіямъ радикаловъ. Но отъ готовности стемиться къ какой нибудь цѣли еще очень далеко до твердаго убѣжденія въ достаточности собственныхъ силъ къ обезпеченію себѣ желаемого положенія. Радикалы разсуждали такимъ образомъ: итальянцы составляютъ 25 милліоновъ человекъ; нація, столь многочисленная, имѣть достаточно силъ устроить свои дѣла и защищать себя отъ всякаго непріятели. Австрія можетъ послать противъ Италіи 300 тысячъ войска; итальянцы, соединившись въ одно государство, могутъ выставить на оборону своей земли 500 тысячъ войска или больше. Если они будутъ увѣрены въ своихъ силахъ, они найдутъ въ себѣ слишкомъ достаточное количество силъ для того, чтобы упрочить свою независимость, чтобы отнять у австрійцевъ мысль о возможности вновь покорить Италію. Такой выводъ былъ бы вѣренъ, если бы дѣйствительно существовало основаніе, на которомъ онъ строился. Итальянцевъ 25 милліоновъ; это такъ. При нынѣшнемъ положеніи Европы нѣтъ такого государства, которое было бы въ силахъ покорить другую европейскую націю, имѣющую 25 милліоновъ человекъ, — это опять такъ: вѣдь конечно никто и не подумаетъ, что какая бы то ни была держава или даже коалиція нѣсколькихъ державъ можетъ покорить англичанъ, число которыхъ не простирается и до 25 милліоновъ *). Но въ чемъ заключается причина того, что англичане, подобно французамъ, не могутъ быть покорены иностранцами, не могутъ опасаться за свою независимость? Собственно въ томъ, что они увѣрены въ своихъ силахъ, увѣрены въ возможности легко отразить всякое нашествіе. Только эта увѣренность даетъ имъ мужество, избавляющее ихъ отъ опасности. Факты показали, что радикалы ошибались, предполагая, будто бы нынѣшнее поколѣніе итальянцевъ уже имѣло это гордое чувство увѣренности въ собственныхъ силахъ. „Австрійцы гораздо сильнѣе насъ“, — такъ привыкли думать итальянцы, и отъ этого они въ самомъ дѣлѣ слабы. Человѣческая натура расположена къ высокому мнѣнію о себѣ, каждое національное чувство легко переходитъ въ самоувѣренность, и конечно итальянцы, достигнувъ государственнаго единства, скоро приобрѣтутъ увѣренность въ своихъ национальныхъ силахъ, какъ имѣютъ ее всѣ европейскія націи, достигнувшія государственнаго единства, — имѣютъ испанцы, французы, англичане и русскіе. А имѣя такую увѣренность, они дѣйствительно будутъ сильны, потому что отъ природы они — народъ храбрый, какъ и всѣ европейскіе народы. Но теперь они еще не имѣютъ самоувѣренности, безъ которой нѣтъ и національной силы. На все нужна нѣкоторая практика, всему психологическому должны быть фактическія основанія. Радикалы думали, что самое сочувствіе къ національному единству послужитъ достаточнымъ основаніемъ къ психологической перемѣнѣ въ итальянцахъ, — факты показали, что этого было еще недостаточно. Въ этомъ находится объясненіе нынѣшней развязки отношеній между радикалами и умѣренными или, употребляя для обозначенія партій имена ихъ представителей, объясненіе развязки борьбы между Гарибальди и Кавуромъ.

Годъ тому назадъ умѣренные не отваживались и мечтать о соединеніи южной

*) То есть не считая ирландцевъ, которые служатъ не увеличеніемъ силъ, а напротивъ затрудненіемъ, ослабленіемъ для англичанъ.

Италіи съ сѣверною въ одно государство; они считали возможнымъ развѣ только обращеніе южнаго правительства къ національному чувству, не полагая, чтобы населеніе южной Италіи готово было отказаться отъ своей государственной отдѣльности. Радикалы думали иначе, сдѣлали опытъ, и опытъ соотвѣтствовалъ ихъ ожиданію. Южная Италія провозгласила власть Виктора-Эммануэля. Гарибальди почти безъ сопротивленія всгушилъ въ Неаполь. Но онъ со своею радикальною партіею горько ошибся въ мысли найдти или возбудить между неаполитанцами сознаніе ихъ силъ. Первый актъ этой исторіи мы уже открывали читателю, когда говорили о малочисленности волонтеровъ, данныхъ Гарибальди Сицилію, и о томъ, какъ пугливы были даже эти малочисленные волонтеры, составлявшіе самую рѣшительную часть сицилійскаго населенія. Три или четыре тысячи человѣкъ — вотъ всѣ силы, выставленныя Сицилію для продолженія борьбы за Сицилію. Точно въ такомъ же родѣ продолжалось дѣло на неаполитанскомъ материкѣ: населеніе встрѣчало Гарибальди съ радостію, цѣловало его ноги, цѣловало руки его спутниковъ, плакало и кричало. Но не бралось за оружіе или только играло оружіемъ. На игру оружіемъ находились десятки тысячъ людей, играли и расходились по домамъ, а сражаться вмѣстѣ съ Гарибальди шли только сотни. Читатель помнитъ переведенные нами рассказы о тысячахъ инсургентовъ, встрѣчавшихся на каждомъ шагу корреспонденту Times'a въ Калабріи, о 30 тысячахъ людей, вооружавшихся въ одной Базиликатской провинціи; рассказы не были обманомъ: авторъ ихъ дѣйствительно видѣлъ самъ своими глазами эти безчисленныя тысячи вооруженныхъ людей; но великъ ли оказался осадокъ дѣйствительной военной силы изъ этого безмѣрнаго броженія? У Гарибальди подъ Капуею было отъ 15 до 18 тысячъ человѣкъ волонтеровъ; изъ нихъ отъ 8 до 10 тысячъ были волонтеры сѣверной Италіи; 7 или 8 тысячъ человѣкъ — вотъ всѣ силы, выставленныя въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всею южною Италію на поддержку ея собственнаго дѣла. Остальныя десятки тысячъ вернулись домой, когда явилась надобность серьезно сражаться. Это — фактъ, способный охолодить самыя горячія головы. 7 или 8 тысячъ воиновъ изъ населенія въ 10 милліоновъ! Объясняйте, какъ хотите; никакими объясненіями не сгладите этого факта.

Что же однакъ означаетъ онъ? Развѣ южныя итальянцы слабо желаютъ присоединенія къ сѣверному королевству? — Нѣтъ, они не знаютъ никакой мѣры въ нынѣшней горячности этого стремленія. Или они — народъ трусливый? Опять-таки нѣтъ; напротивъ, въ большей части неаполитанскихъ провинцій каждый человѣкъ, взятый отдѣльно отъ другихъ, очень храбръ, гораздо храбрѣе француза или нѣмца. Калабрія, Апулія, Базиликата, Капитаната, Абрупцо славятся въ цѣлой Европѣ бѣшеною храбростію своихъ жителей. Никто не увѣритъ насъ, что сами сицилійцы, особенно отличившіеся безпримѣрною выдостью въ дѣлѣ собственной обороны, не имѣютъ отъ природы очень отважнаго характера: вѣдь въ ихъ жилахъ много арабской крови, вѣдь каждый изъ нихъ готовъ рѣзаться на ножахъ при ничтожнѣйшей ссорѣ. Говорятъ, что неаполитанское войско было самое плохое въ цѣлой Европѣ; это такъ: оно было плохимъ теперь, но въ арміи Наполеона I неаполитанскіе полки не уступали никакимъ другимъ храбростію. Теперь они дрались дурно только потому, что армія была организована слишкомъ дурно и слишкомъ деморализована; но во время первой Имперіи неаполитанцы доказали, что могутъ быть хорошими солдатами. Какимъ же образомъ племена, одаренныя

отъ природы очень горячимъ характеромъ, состояща изъ людей, между которыми каждый въ отдѣльности очень храбръ, такъ мало сдѣлали для осуществленія горячаго своего желанія? Отвѣтъ въ томъ, что говорили мы выше: неаполитанцы привыкли считать себя слабыми, привыкли воображать, будто они не имѣютъ средствъ дѣйствовать самобытно. „Если Гарибальди сильнѣе войскъ Франциска II, онъ кончитъ съ ними и безъ насъ; а если они сильнѣе, то что мы значимъ? Мы слабы и ничтожны“.

Результатомъ этого чувства было не одно то, что Гарибальди остался при силахъ, несравненно меньшихъ, чѣмъ на какія рассчитывалъ, не одно только продленіе борьбы съ королевскими войсками, которая кончилась бы гораздо быстрѣе, елибъ южная Италія не покинула Гарибальди безъ помощи, — результатомъ было также паденіе дальнѣйшихъ плановъ радикальной партіи.

Показавъ, что даже Маццини, выставляемый упорнымъ республиканцемъ, вовсе не желаетъ дѣйствовать противъ Виктора-Эммануэля, мы уже не имѣемъ нужды подробно разяснять, что другіе члены радикальной партіи, считающіе Маццини человекомъ слишкомъ крайнихъ убѣжденій, ни мало не враждуютъ противъ короля. Читатель знаетъ, что вовсе не намѣреніе провозгласить въ южной Италіи республику, а совершенно другое обстоятельство побуждало радикаловъ отлагать присоединеніе южной Италіи къ сѣверному королевству. Они хотѣли воспользоваться ея средствами для изгнанія австрійцевъ изъ Венеціи. Но неувѣренность южныхъ итальянцевъ въ собственныхъ силахъ не дала исполниться этому плану.

Читатель знаетъ безпрестанныя колебанія, которымъ подвергались правительственныя дѣла въ Сициліи и въ Неаполѣ. Мы не станемъ перечислять всѣхъ перемѣнъ, — онѣ слишкомъ многочисленны; упомянемъ только общій характеръ ихъ. По занятіи Палермо Гарибальди передалъ управленіе дѣлами острова людямъ радикальной партіи, изъ которыхъ главнымъ былъ Криспи. Умѣренные тотчасъ же подняли жителей Палермо, чтобы они требовали немедленной передачи управленія въ руки туринскаго министерства и комиссара, котораго пришлетъ оно въ Палермо. Криспи, противившійся этому требованію, сталъ такъ непопуляренъ, что Гарибальди, при всемъ своемъ довѣрїи къ нему, увидѣлъ себя принужденнымъ отдать первое мѣсто въ сицилійскомъ правительствѣ другому радикалу Депретису, который имѣлъ надъ Криспи то преимущество въ глазахъ умѣренной партіи, что былъ членомъ сардинской палаты депутатовъ. Но и Депретисъ удержался недолго. Требованія умѣренной партіи возрасли до такой настойчивости, что Депретисъ нашелъ свое положеніе невыносимымъ. Тогда Гарибальди назначилъ сицилійскимъ продиктаторомъ радикала Мордини, которому также было очень трудно держаться. Сицилійцы съ такимъ жаромъ требовали немедленнаго присоединенія къ Піэмонту, что Гарибальди нѣсколько разъ долженъ былъ прїѣзжать въ Палермо изъ-подъ Мессины и съ неаполитанскаго континента для удержанія Палермо отъ немедленнаго присоединенія: только его личное вліяніе останавливало нетерпѣливыхъ сицилійцевъ. Точно такую же борьбу пришлось ему выдерживать и въ Неаполѣ: радикальное министерство, сначала имъ назначенное, пало по своей непопулярности; по назначеніи умѣреннаго министерства, представителемъ радикальной партіи въ управленіи остался Бертани, занимавшій должность генераль-секретаря и диктаторъ. Несмотря на всю свою дружбу съ Бертани, Гарибальди былъ принужденъ удалить его; но, желая выдерживать прежнюю систему, онъ сдѣлалъ

тогда своимъ генераль-секретаремъ Криспи; Криспи палъ въ Неаполѣ еще скорѣе, чѣмъ въ Палермо; Гарибальди былъ принужденъ уничтожить самое званіе генераль-секретаря и вполнѣ предоставить управленіе дѣлами умѣренной партіи. Раздраженіе противъ радикаловъ въ значительной части неаполитанскаго населенія дошло наконецъ до того, что толпы народа собирались на улицахъ съ криками: „смерть Риччарди!“ — извѣстившему изъ представителей радикальной партіи, живущихъ въ столицѣ. Точно также толпы кричали: „смерть Маццини!“ Надобно ли полагать, что люди съ такимъ ожесточеніемъ возстававшіе на партію, которая отсрочивала присоединеніе, одушевлялись собственно избыткомъ преданности Виктору-Эммануэлю? Совсе нѣтъ: не пройдетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ мы увидимъ, что недовольство присоединеніемъ проявится сильнѣе всего между тѣми самыми людьми, которые теперь съ наибольшимъ жаромъ требуютъ его, а защитниками государственнаго единства Италіи останутся именно тѣ люди, которые подвергались теперь общей ненависти за желаніе отсрочить присоединеніе. Все дѣло происходило только изъ недовѣрія южныхъ итальянцевъ въ своимъ силамъ: они чувствовали себя безпомощными и желали какъ можно скорѣе найти опору въ сардинскихъ войскахъ. Каждый день до прибытія Виктора-Эммануэля въ Неаполь они трепетали, что можетъ возвратиться Францискъ II, или французы распорядятся имъ какъ нибудь иначе. Крикъ ихъ къ Виктору-Эммануэлю и Кавуру — „скорѣе, скорѣе принимайте насъ подъ свою власть“ — былъ просто крикомъ разслабленнаго, зовущаго, чтобы скорѣе схватилъ его подъ руку кто нибудь болѣе твердый на ногахъ, потому что самъ онъ безъ чужой опоры не въ силахъ держаться на ногахъ. Что могли дѣлать радикалы и Гарибальди при всеобщемъ расположеніи неаполитанцевъ считать себя такими разслабленными? Мало того, что Сицилія и Неаполь не выставляли имъ волонтеровъ, нужныхъ для борьбы за Венецію, — Сицилія и Неаполь не соглашались даже дать имъ и времени приняться за это дѣло, хотя съ тѣми средствами, какія давала сѣверная Италія. Страхъ за свою судьбу до того ослѣплялъ неаполитанцевъ и сицилійцевъ, что они не соображали ни своего числа, ни слабости враговъ, которыхъ трепетали, ни отношеній французскаго императора къ желанію австрійцевъ возстановить прежній порядокъ въ Италіи: отуманенные умы ихъ не могли сообразить даже того, что, каковы бы ни были собственные планы императора французовъ относительно Италіи, онъ никакъ не допуститъ возстановленія австрійскаго перевѣса въ ней. „Упрочьте наше положеніе, потому что сами мы не въ состояніи ничего сдѣлать для своей обороны“, твердила южная Италія туринскому министерству. Она думала тутъ не о какихъ нибудь политическихъ принципахъ, она думала только о сардинской арміи. Будь министромъ въ Туринѣ Маццини или Бертани, Ратацци или Кавуръ, — ей было бы все равно, лишь бы успокоили ее покровительствомъ сѣверно-итальянской арміи. Еслибъ министромъ въ Туринѣ былъ Бертани, она проклинала бы умѣренныхъ; но министромъ въ Туринѣ былъ Кавуръ, и она проклинала радикаловъ.

Не было возможности ничего сдѣлать при такомъ безпокойствѣ безеилія, и Гарибальди увидѣлъ себя принужденнымъ уступить. Изложивъ причины той развязки, какую получила борьба между радикалами и умѣренными, мы скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ ходѣ этой борьбы.

Восторгъ, съ которымъ принимала Гарибальди южная Италія, закрыла

сначала чувство безсилія, проникавшее восторженныхъ ея жителей. Радикаламъ показалось, будто неаполитанцы готовы на мужественную борьбу. Слѣдствиемъ этого самообольщенія было знаменитое письмо Гарибальди къ Виктору-Эммануэлю, въ которомъ диктаторъ требовалъ отставки Кавура. Не одинъ Гарибальди, самъ Кавуръ былъ обманутъ блескомъ неаполитанскихъ манифестацій. Нѣсколько времени ему казалось, что онъ принужденъ будетъ уступить, что сила въ самомъ дѣлѣ на сторонѣ его противниковъ; но очарованіе быстро разсѣлось. Шумныя манифестація не рождали солдатъ, и неаполитанцы поелѣ трехъ-четырехъ дней восторга уже обнаружили опасеніе за будущность, уже начали требовать немедленнаго присоединенія въ Шамонту, т. е. скорѣйшей присылки регулярныхъ войскъ для своего огражденія отъ Франциска II и отъ австрійцевъ. Это показало всѣмъ, что сила на сторонѣ Кавура. Онъ увидѣлъ, что не имѣетъ нужды повиноваться требованію челоуѣка, отъ котораго сама освобожденная ямъ страна требуетъ, чтобы онъ скорѣе передалъ власть надъ нею Кавуру. Тутъ же кстати произошла нерѣшительная битва на Вольтурно, 18 сентября, принятая въ первое время неаполитанцами за неудачу Гарибальди. Если уже и прежде южная Италія тяготилась переходнымъ состояніемъ, желая поскорѣе обезпечить себя покровительствомъ сардинской арміи, то теперь совершенно овладѣла ею панической страхъ. Она робѣла даже въ то время, когда считала Гарибальди непобѣдимымъ, когда воображала, что борьба съ Францискомъ II уже кончена; теперь она впала въ мучительную тоску, увидѣвъ, что армія Франциска II еще сильна, что Гарибальди не можетъ уничтожить ее своимъ появленіемъ на аванпостахъ; поколебалась между южными итальянцами даже увѣренность въ военныхъ талантахъ Гарибальди, въ то самое время, когда онъ доказывалъ ихъ поразительнѣе, чѣмъ когда нибудь. Нѣсколько разъ долженъ былъ въ концѣ сентября Гарибальди возвращаться въ Неаполь, потому что только личное присутствіе его могло нѣсколько задерживать нетерпѣливость столицы, потярявшей всякую мѣру въ своемъ желаніи стать поскорѣе подъ защиту сардинскихъ войскъ.

Надобно отдать Кавуру ту справедливость, что онъ очень быстро понялъ истинное положеніе дѣлъ, замѣтилъ безсиліе Гарибальди среди видимаго его могущества, понялъ прочность собственнаго положенія. Если и была у него мысль повиноваться грозному письму диктатора, то была развѣ на одну минуту. Сомнительнѣе было его положеніе недѣли за двѣ передъ тѣмъ, еще до вступленія Гарибальди въ Неаполь, когда еще не такъ замѣтно было безсиліе неаполитанцевъ: въ тѣ трудные дни онъ, быть можетъ, колебался; но когда Гарибальди прислалъ свое письмо, характеръ южныхъ итальянцевъ уже обозначился, и письмо диктатора могло произвести въ Кавурѣ развѣ мимолетное смущеніе, а не серьезное сомнѣніе въ собственной силѣ. Немедленно былъ данъ на письмо отвѣтъ холодный и твердый. Министерство Кавура пользовалось одобреніемъ парламента сѣверной Италіи, разошедшагося всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ; въ теченіе этихъ немногихъ мѣсяцевъ дѣйствительно произошли очень важныя событія, отъ которыхъ могли измѣниться мысли представителей націи; но измѣнились ли онѣ, это еще неизвѣстно; напротивъ, министерство полагаетъ, что по прежнему пользуется довѣріемъ парламента; Гарибальди думаетъ иначе. Надобно узнать, чье мнѣніе вѣрнѣе; для этого надобно созвать парламентъ и предложить ему вопросъ, возбужденный письмомъ диктатора. Если парламентъ, подобно Гарибальди,

выразить недовольство Кавуромъ, Кавуръ выйдетъ въ отставку сообразно волѣ законныхъ представителей націи; но если они захотятъ, чтобъ онъ оставался министромъ, онъ долженъ будетъ остаться, — того требуетъ самый духъ конституціоннаго правительства. Парламентъ созывается во 2 октября, и до той поры Кавуръ не имѣетъ ни основанія, ни даже права выходить въ отставку.

Въ томъ, что огромное большинство туринскаго парламента поддержитъ его, Кавуръ зналъ напередъ, какъ могъ знать и каждый. По крайней мѣрѣ три четверти депутатовъ были люди убѣжденной одинаковости съ Кавуромъ. Но имѣтъ парламентское большинство еще недостаточно для твердаго управленія государствомъ въ критическія времена: надобно также, чтобъ общественное мнѣніе было согласно съ большинствомъ депутатовъ. Государственный умъ Кавура виденъ въ томъ, что онъ умѣлъ понять важность этого второго условія, нашель вѣрный способъ удовлетворить ему, и твердо исполниль дѣло, которое нашель нужнымъ. Общественное мнѣніе сѣверной Италіи въ теченіе лѣта колебалось. Масса образованнаго общества издавна привыкла считать Кавура великимъ, почти незамѣнимымъ государственнымъ правителемъ, а Гарибальди, при всемъ уваженіи къ его подвигамъ, только отважнымъ и безкорыстнымъ патриотомъ. Эта масса образованныхъ сословій и теперь почитала сохраненіе власти Кавуромъ за лучшую гарантію ловкаго веденія національныхъ дѣлъ; но она была не совсѣмъ довольна тѣмъ, что Кавуръ до сихъ поръ не рѣшался прямо содѣйствовать соединенію южной Италіи съ сѣверною; многіе даже находили это чрезмѣрною робостію или почти предательствомъ. Недовѣрія Гарибальди, общественное мнѣніе сѣверной Италіи превозносило его патриотизмъ, окружало его ореоломъ славы. Кавуру надобно было облечь такимъ же ореоломъ себя и сардинскую армію, выказать себя такимъ же отважнымъ патриотомъ, — политическій талантъ сардинскаго министра обнаружился тѣмъ, что эта надобность была понята и своевременно удовлетворена имъ. Когда Гарибальди вступилъ въ Неаполь, сардинскія войска уже переходили границу папскихъ владѣній. Кавуръ очень расчетливо и искусно устроилъ этотъ походъ; войска двинулись съ поразительною быстротою; число посланныхъ войскъ было таково, что обезпечивало немедленный блистательный успѣхъ. Сравнивая уничтоженіе всей папской арміи въ нѣсколько дней съ безсильемъ Гарибальди противъ войскъ Франциска II, общественное мнѣніе было ослѣвлено превосходствомъ силъ Кавура, готово было приписывать сардинскимъ генераламъ превосходство надъ Гарибальди даже въ военныхъ талантахъ, а Кавуру превосходство надъ нимъ даже въ отважности. Эффектъ былъ подготовленъ великолепно, и когда собрались депутаты, вся Италія торжествовала взятіе Анконы. Депутаты встали съ своихъ мѣстъ, когда вошелъ въ залу адмиралъ Персано, явившійся туда прямо изъ-подъ Анконы, привѣтствовали его восторженными криками, а вся слава сардинскихъ генераловъ переходила на Кавура, виновника побѣды, — а что такое былъ въ это время Гарибальди, что дѣлалъ онъ? Онъ стоялъ передъ лишею Вольтурно, не имѣя силъ выбить неаполитанскихъ генераловъ изъ Капуи.

Нельзя не отдать полной справедливости искуснымъ маневрамъ Кавура. Онъ одержалъ полную побѣду надъ своимъ противникомъ въ общественномъ мнѣніи. Гарибальди былъ теперь ничтоженъ предъ нимъ. Напрасно усиливался онъ держаться еще нѣсколько дней — отсрочивать присоединеніе, предлагаемое Кавуромъ, было уже невозможно; и 7 октября явился декретъ, назначавшій 21-е октяб

днемъ подачи голосовъ населеніемъ Неаполя и Сициліи по вопросу о присоединеніи къ сѣверно-итальянскому государству. Въ ту минуту, когда мы пишемъ это, еще неизвѣстенъ результатъ вотирования, но онъ не подлежитъ сомнѣнію. Были и послѣ 7 октября нѣкоторыя попытки со стороны Гарибальди отложить еще на нѣсколько времени срокъ присоединенія, но онъ остались напрасны: неаполитанцы нашли въ самой робости своей силу выступить очень рѣшительно противъ своего диктатора: они твердо объявили ему, что не хотятъ отсрочки. Что жъ оставалось дѣлать радикаламъ? Развѣ прибѣгнуть къ терроризму? Но это было бы противно ихъ собственнымъ правиламъ, да и не повело бы ни къ чему, кромѣ вреда для Италіи и, больше всего, для нихъ самихъ.

Мы такъ много говоримъ о непреоборимомъ расположеніи умовъ южно-итальянскаго населенія потому, что только ямъ объясняется развязка дѣла, которая иначе казалась бы слѣдствіемъ излишней уступчивости Гарибальди: нѣтъ, онъ боролся до послѣдней минуты, но у него не было силъ, онъ былъ побѣжденъ.

За то побѣдители его и радикаловъ, умѣренные, принуждены были принять программу побѣжденныхъ. Мы приведемъ свидѣтельство журнала, которому нельзя не вѣрить въ этомъ случаѣ, потому что онъ держится партіи Кавура. Вотъ отрывокъ изъ Débats о результатѣ преній въ туринскомъ парламентѣ.

„Считаю не бесполезнымъ сообщить вамъ впечатлѣнія, произведенныя рѣшеніемъ палаты. Министерство и его друзья считаютъ свою побѣду полной и повидимому они правы. Извѣстія изъ Неаполя служатъ отголоскомъ происходящаго въ Туринѣ. Отняты полномочія у правителей неаполитанскихъ провинцій, у этихъ людей передовой партіи, а 21 октября назначена подача голосовъ, по которой королевство Обѣихъ Сицилій перейдетъ къ Виктору-Эммануэлю. Въ вопросѣ, по которому будутъ подаваться голоса, вставлены слова „единая и нераздѣльная“ Италія. Это — предосторожность Гарибальди противъ уступокъ областей Франціи. Послѣ уступки Ниццы, диктаторъ боится за Лигурію, за островъ Сардинію, за Римъ.

„Оппозиціонная партія утѣшается, говоря, что въ сущности правительство принуждено было принять программу Гарибальди. Сказавъ, что Римъ идеаль, полярная звѣзда Италіи, Кавуръ только придавъ другой оборотъ знаменитой фразѣ Гарибальди. Теперь извѣстно, что никто не хочетъ пробывать въ Римъ черезъ французскій корпусъ, но всѣ хотятъ идти туда, когда французы удалятся, и всѣ надѣются, что они удалятся, потому не о чемъ спорить. Притомъ же слава Гарибальди возвысилась преніями парламента. Его превозносили, при его имени раздавались аплодисменты. Такимъ образомъ министерство восторжествовало только тѣмъ, что доставило съ собою торжество представителю оппозиціи и ея идеямъ.

„Такъ разсуждаютъ противники правительства; но тѣмъ не менѣе Бергани, Криспи, Мордини и ихъ друзья будутъ удалены съ занимаемыхъ мѣстъ и замѣнены друзьями Кавура. Это — прозаическая сторона вопроса, сторона положительная и для многихъ самая интересная“.

Дѣйствительно, успѣхи Гарибальди заставили умѣренныхъ рѣшиться на то, что провозглашали они невозможнымъ не дальше, какъ полгода тому назадъ, — рѣшиться на отважное соединеніе южной Италіи съ сѣверною, на провозглашеніе намѣренія имѣть Римъ столицею итальянскаго королевства. Положимъ, что Гарибальди безумецъ, Бергани злоумышленникъ, Маццини злодѣй; но итальянцы, предпочитающіе этимъ людямъ ловкаго Кавура, дошли, сами не замѣчая того, до принятія программы, провозглашавшейся этими людьми.

Мечтать о Римѣ! — возможное ли это дѣло? Такъ, не дальше какъ въ августѣ и сентябрѣ, Кавуръ главнымъ обвиненіемъ Гарибальди въ безразсудствѣ ставилъ

то, что Гарибальди хочет сдѣлать Римъ столицею итальянскаго государства, — это значило вынуждать французовъ къ борьбѣ противъ итальянскаго единства, значило навливать погибель на Италію. А теперь, что самъ Кавуръ сказалъ въ рѣчи, которой заключились пренія по вопросу о присоединеніи? — Онъ признался, что итальянское единство необходимо нуждается въ Римѣ, что другой столицы оно не можетъ имѣть. Но это же самое твердилъ Гарибальди, а прежде Гарибальди, съ очень давняго времени доказывалъ это Мадцини. — „Такъ, но не такъ; именно тутъ и видна разница между разсудительнымъ правителемъ и безразсудными мечтателями, которыхъ наконецъ удалось побѣдить ему: Гарибальди хотѣлъ отнимать Римъ у французовъ силою оружія, что было бы явною нелѣпостью и гибелью итальянскому дѣлу; Кавуръ провозглашаетъ принцпъ и ожидаетъ, что еила общественнаго мнѣнія склонитъ французовъ добровольно уйти изъ него, отдать ему свободу, отнятую ими у него въ 1849 году, отдать Италіи итальянскую столицу“. Просимъ замѣтить читателя, что это не наши слова, а слова итальянскихъ патриотовъ умѣренной партіи, слова приверженцевъ Кавура — мы никогда не употребляемъ такихъ словъ, какъ свобода. Но это мы замѣчаемъ лишь мимоходомъ; вопросъ въ томъ, какая разница между мыслями Кавура и Гарибальди о средствахъ удалить французовъ изъ Рима. До послѣднихъ совѣщаній туринскаго парламента хорошо было умѣреннымъ выставлать Гарибальди за безумца, думающаго идти изъ Неаполя на Римъ сражаться съ французами; теперь разъяснилось, онъ думалъ дѣйствовать вовсе не такъ безразсудно. Бертани, какъ его повѣренный, явился въ туринскій парламентъ изложить дѣло въ настоящемъ видѣ, и сказалъ, что ни онъ, Бертани, ни Гарибальди вовсе не думали выбивать теперь французовъ изъ Рима силою оружія. Но можетъ быть слова Бертани подозрительны? — Если такъ, почему же никто изъ кавуристовъ не опровергъ ихъ, не повторилъ обвиненія передъ лицомъ оправдывающагося? Если этого соображенія еще недостаточно, есть другое доказательство, достовѣрность котораго уже не подлежитъ сомнѣнію. Дѣятельнѣйшимъ агентомъ Кавура въ Неаполѣ былъ Спавента; Гарибальди вскорѣ по вступленія своемъ въ Неаполь выслалъ его изъ этого города. Спавента кромѣ политической борьбы имѣлъ теперь и личную причину не щадить Гарибальди. Однако же, высланный въ Геную, онъ говорилъ, что Гарибальди напрасно приписываютъ намѣреніе идти на французовъ, что онъ рѣшительно не имѣетъ такой мысли. Кажется, послѣ этого трудно не повѣрить, что умѣренные совершенно напрасно говорили, будто бы отнять у Гарибальди управленіе дѣлами южной Италіи необходимо для предотвращенія гибельнаго нападенія на французовъ въ Римѣ. Дѣйствительно, Гарибальди точно такъ же какъ и Кавуръ хотѣлъ дѣйствовать въ этомъ вопросѣ не вооруженною силою, а нравственнымъ вліяніемъ, хотѣлъ довести французовъ до того, чтобы они добровольно удалились изъ Рима.

Итакъ, нѣтъ разницы между намѣреніями Кавура и Гарибальди по отношенію въ Римѣ? Между намѣреніями точно не стало разницы съ той поры, какъ рѣшился Кавуръ высказать то, о чемъ не смѣлъ и думать три мѣсяца тому назадъ. Но есть разница въ томъ, съ какою энергіею пользуются однимъ и тѣмъ же средствомъ для одной и той же цѣли человекъ, издавна проникнувшійся извѣстною мыслью, и человекъ, принимающій ее только потому, что всѣ приняли ее. Мы ещ посмотримъ, какія усилія сдѣлаетъ Кавуръ для убѣжденія Франція вывести войска изъ Рима и какой успѣхъ будутъ имѣть его дипломатическія убѣжденія. Н

известно, какія средства употребилъ бы Гарибальди, и читатель едва ли усомнится въ томъ, что они скоро покончили бы вопросъ. Онъ держалъ бы Францію въ постоянномъ ожиданіи, что не нынѣ, завтра французскіе солдаты будутъ принуждены сражаться за папу противъ итальянскихъ патріотовъ, а Франція вовсе не была бы довольна такою перспективою; онъ посылалъ бы требованія, чтобы гарвизонъ удалился изъ Рима, и эти воззванія распространялъ бы по Франціи; а что важнѣ всего, населеніе Рима и другихъ городовъ, занятыхъ французами, было бы возбуждаемо дѣлать манифестаціи, и Франція не могла бы долго выносить зрѣлища, что ея солдаты ходятъ изъ города въ городъ возстановлять клерикальное управленіе, ежедневно низвергаемое во всѣхъ городахъ, изъ которыхъ они выступаютъ, чтобы идти возстановлять папскихъ администраторовъ въ другихъ городахъ. Когда волонтеры стояли бы на границахъ, безпрестанно происходили бы точно такія же исторіи, какая произошла въ Витербо при занятіи французскимъ войскомъ этого города, успѣвшаго провозгласить своимъ королемъ Виктора-Эммануэля. Жители Витербо полагали, что не входятъ въ число тѣхъ подданныхъ, которыхъ французы берегутъ для папы. Когда они узнали, что ошиблись, городское начальство отвѣчало слѣдующею протестаціею на извѣщеніе генерала Гойона о томъ, чтобы оно приготовило квартиры для французской колонны, идущей занять Витербо:

„Его превосходительству, генералу графу де-Гойону.

„Генераль! муниципальная коммиссія города Витербо, президентомъ которой я имѣю честь быть, была неприятно изумлена даннымъ ей отъ васъ извѣщеніемъ, что колонна французскихъ войскъ идетъ въ нашъ городъ.

„По увѣренію вашего императора, что не должно быть никакого вмѣшательства въ Италію, мы провозгласили власть короля Виктора-Эммануэля II, находящагося въ дружбѣ и союзѣ съ Франціею. Его величество прислалъ для управленія нами комиссара, и мы сохранили совершеннѣйшій порядокъ, при единодушій всѣхъ гражданъ.

„Личность и собственность никогда не пользовались у насъ такою безопасностію, какъ по провозглашеніи власти короля. Мы имѣемъ сознаніе, что не подали никакой причины никому нарушать наше спокойствіе.

„Впрочемъ, генераль, если полученныя вами приказанія таковы, что никакъ не могутъ быть измѣнены, вы не найдете у насъ ни малѣйшаго сопротивленія; но вы найдете городъ пустымъ, если не дадите намъ увѣренности, что съ вашими войсками не придетъ реакція. Я первый и вся муниципальная коммиссія удалимся въ безопасныя мѣста, удалятся и другіе граждане, потому что почти каждый изъ нашихъ гражданъ долженъ бояться преслѣдованій клерикальнаго правительства. Потому мы просимъ у васъ объясненій, если вы хотите, чтобы мы занялись дѣлами, о которыхъ вы пишете намъ. Витербо. 8 октября 1860 года. Президентъ муниципальной коммиссіи Алессандро де-Агостино Полидори.

„Г-нъ Полидори, вице-президентъ временной муниципальной коммиссіи города Витербо, входя въ сношеніе съ генераломъ де-Гойономъ и давая настоящій отвѣтъ на его сообщеніе, поступилъ по согласію со мною, и мы вмѣстѣ приняли мѣры, какія въ критическихъ обстоятельствахъ ввужались благоразуміемъ и желаніемъ сохранить порядокъ, не тревожа общественнаго мнѣнія преждевременнымъ страхомъ.

„Это объявленіе дѣлаю я затѣмъ, чтобы никто не могъ назвать произвольнымъ рѣшеніе, принятое по полному согласію съ правительственною властію. Королевскій комиссаръ герцогъ Сфорца“.

Французской колоннѣ должны были предшествовать папскіе карабинеры (жан-дармы). Жители Витербо рѣшили отразить ихъ оружіемъ; узнавъ объ этомъ, французы распорядились, чтобы карабинеры вступили въ городъ уже послѣ француз-

ской колонны. Когда вошла она въ городъ, муниципальная комиссія передала французскому командиру новый протестъ, который мы также переводимъ.

„Г-нъ комендантъ! Видя, что вы пришли къ намъ возстановить клерикальное правленіе, все населеніе Витербо глубоко огорчено. Изъ нашихъ братьевъ итальянцевъ одни уже воспользовались правомъ—свободно располагать своею судьбою; другіе готовятся воспользоваться имъ, и жители Витербо не могли предположить, что имъ будетъ запрещено выразить свободною подачею голосовъ силу ихъ желанія составить часть свободной итальянской семьи.

„Никто въ свѣтѣ не можетъ предполагать, что жители Витербо по собственному согласію принимаютъ возстановленіе влерианальнаго владычества, и менѣе всего можетъ предполагать это Франція, благородная нація, идущая во главѣ всѣхъ либеральныхъ и высокихъ дѣлъ. Только насиліе заставляетъ насъ подчиняться этому владычеству.

„Муниципальная комиссія города Витербо, какъ представительница общества, удостоившаго ее своимъ довѣріемъ, удаляясь, должна протестовать и теперь громко протестуетъ: городъ Витербо покоренъ силою клерикальному правительству, а не согласился на его возстановленіе, и комиссія формально объявляетъ, что Витербская область имѣетъ право располагать своею судьбою по своему выбору; в если въ нынѣшній разъ добровольный выборъ ея остался безуспѣшенъ, она чрезъ это не теряетъ права, которое формально оставляетъ за собою, провозглашая, что населеніе Витербской провинціи имѣетъ желаніе и рѣшимость принадлежать къ конституціонному королевству Виктора-Эммануэля II. Витербо. 14 октября 1860 г. Муниципальная комиссія“.

Говорить, что при вступленіи французовъ въ Витербо удалось до 2,000 жителей изъ этого города, имѣющаго не болѣе 14,000 человекъ населенія. Если бы Гарибальди сохранилъ управленіе Неаполемъ, онъ сталъ бы возбуждать подобныя протесты во всѣхъ римскихъ городахъ, занятыхъ французами, сталъ бы обращаться прямо къ французской націи съ вопросомъ, пріятно ли ей, что ея солдаты играютъ такую тяжелую роль, и общественное мнѣніе самой Франціи не замедлило бы возвратить французскій гарнизонъ изъ Рима на родину. Посмотримъ, скоро ли достигнетъ такого успѣха Кавуръ переговорами съ французскимъ правительствомъ. Программа Гарибальди по римскому вопросу принята Кавуромъ, Но Гарибальди, при своей независимости отъ дипломатическихъ условій, имѣлъ средства дѣйствія, которыя недоступны туринскому министерству.

Еще рѣшительнѣе, чѣмъ по римскому вопросу, высказалъ Кавуръ свое согласіе съ программой Гарибальди по венеціанскому вопросу. Онъ прямо объявилъ, что будетъ добиваться освобожденія Венеціи вооруженною рукою, если Австрія не откажется отъ нея добровольно; а каждому извѣстно, что добровольной уступки отъ вѣнскаго правительства нельзя ждать въ этомъ случаѣ, потому слова Кавура совершенно равнозначительны выраженію рѣшимости воевать съ Австріею. Онъ прибавилъ только, что для начатія войны нужно приготовить къ ней, — это само собою разумѣется, вѣдь и Гарибальди хотѣлъ начать войну съ Австріею только по приготовленіи средствъ къ тому. Въ этомъ отношеніи разницы опять нѣтъ. Н есть разница въ способахъ, какими располагалъ бы Гарибальди и какими можетъ располагать Кавуръ. Теперь извѣстно, что главною цѣлью для Гарибальди былъ Венгрія. Какимъ путемъ хотѣлъ онъ проникнуть въ нее, этого, разумѣется, он не могъ объявлять во всеуслышаніе австрійцамъ, — черезъ Триестъ, или черезъ Фіуме, или черезъ какую нибудь другую гавань, лежащую еще южнѣ Фіуме, это нельзя знать: не будучи связанъ ничѣмъ, онъ пошелъ бы тамъ, гдѣ ему показало бы удобнѣе идти, пожалуй даже перешелъ бы изъ Иллиріи въ центръ чист

венгерскихъ земель черезъ турецкія земли: сохраняя свою независимость, онъ никого, кроиъ себя, не компрометироваль бы нарушеніемъ правилъ неприкосновенности нейтральныхъ земель. У Кавура выборъ путей къ нападенію гораздо болѣе стѣсненъ. Онъ не можетъ касаться ни Триэста, ни турецкихъ границъ; потому очень вѣроятно, что ему нужно будетъ для приготовленій больше времени, чѣмъ понадобилось бы Гарибальди. Очень вѣроятно, что онъ почтетъ выгоднѣйшимъ просто выводить изъ терпѣнія австрійское правительство, чтобы оно само вторглось въ Ломбардію и Романью и навлекло на себя неудовольствіе Европы за нарушеніе мира, какъ было въ прошломъ году. Но это все предположенія; какое изъ нихъ осуществится, зависитъ не отъ Кавура и не отъ Австріи, а отъ общаго хода европейскихъ отношеній.

Читателю извѣстно, что съ обѣихъ сторонъ уже давно начались самыя дѣятельныя приготовленія къ войнѣ. Сардинія произвела усиленный наборъ, придвинула нѣсколько корпусовъ къ австрійской границѣ по Минчіо, приняла такое положеніе, какъ будто съ каждымъ днемъ ждетъ нападенія. Австрія давно уже сосредоточиваетъ свои войска на По и Минчіо. Въ послѣднее время сильный отрядъ ихъ переведенъ черезъ По въ небольшой округъ, оставшійся въ австрійской власти на южномъ берегу рѣки. Давно уже призваны подъ знамена солдаты, бывшіе въ отпуску; послѣ того издано было распоряженіе переписать всѣхъ венгерскихъ волонтеровъ (гонимовъ), сражавшихся въ 1848—1849 годахъ противъ Австріи, — очевидно, существуетъ мысль взять всѣхъ ихъ или часть ихъ въ еоддаты; наконецъ, предписано произвести наборъ въ 85,000 человекъ.

Но для начатія войны надобно было пріобрѣсти австрійскому правительству болѣе прочное положеніе относительно другихъ державъ и относительно собственныхъ подданныхъ. Въ свое время, около эпохи Виллафранкскаго мира, мы приводили факты, показывавшіе существованіе недовольства во всѣхъ областяхъ Австріи, не исключая самаго Тироля, отличавшагося до послѣднихъ лѣтъ непоколебимою преданностью. Но австрійское правительство справедливо находитъ, что безъ какихъ нибудь чрезвычайныхъ событій для него не страшно недовольство всѣхъ другихъ провинцій, кромѣ одной Венгріи: славяне и нѣмцы могутъ роптать, но сами неспособны начать ничего, безъ внѣшняго толчка. Инициатива эта внутри самой имперіи можетъ возникнуть только изъ Венгріи.

Въ концѣ прошлаго года мы доказывали, что тогдашнее венгерское волненіе, отъ котораго ждали немедленной вспышки, служило только отголоскомъ итальянскихъ событій и должно было ослабѣвать по прекращеніи ломбардской войны. Оно такъ и было. Въ началѣ нынѣшней весны, оно не представляло уже никакой опасности; газеты вовсе почти перестали упоминать о Венгріи. Но когда опять разыгралось итальянское дѣло, отголоски его опять усилили волненіе между венграми. Въ послѣднія недѣли явились симптомы броженія, очень неприятные. Мы приведемъ очеркъ ихъ изъ газеты чрезвычайно умѣренной, изъ *Indépendance Belge*. Вотъ что писали ей изъ Вѣны въ началѣ сентября.

„Писитъ. 2 октября.

„Положеніе дѣлъ становится опасно. Венгры уже не ограничиваются манифестациями противъ австрійцевъ, — они начинаютъ вооружаться. Въ послѣднее время въ нѣкой Венгріи только и слуховъ, что о партизанскихъ отрядахъ, составляющихся въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ неизмѣримомъ Баконскомъ лѣсу, покрывающемъ столь огромныя

пространства въ комитетахъ Веспремскомъ, Эденбургскомъ и Визеябургскомъ и въ обширныхъ пустахъ (степяхъ) Нижней Венгрии.

„Двѣ недѣли току назадъ начали разсказывать, сначала водъ секретомъ, что нѣкоторые венгерскіе солдаты, находящіеся во временномъ отпускѣ, не хотятъ возвращаться въ свои полки: они услышали, что правительство хочетъ удалить всѣхъ венгерскихъ солдатъ изъ Венгрии въ крѣпости своихъ нѣмецкихъ владѣній, опасаясь еобытій, которыя предвидитъ; эти непокорные солдаты бѣжали въ лѣса и степи. Но число ихъ было незначительно. Вдругъ распространилось извѣстіе, что приказано произвести перепись всѣхъ бывшихъ гонимыхъ (милиціонеровъ) 1848 года, сражавшихся за отечество. Испуганные этою мѣрою, бывшіе гонимые, сотнями, а по словамъ другихъ—тысячами, стали бѣжать къ непокорнымъ солдатамъ. Въ то самое время, какъ началось это бѣгство цѣлыхъ массъ людей въ лѣса и степи, былъ объявленъ новый наборъ 85 тысячъ человекъ, который долженъ производиться съ величайшею посорѣшностью и быть конченъ въ 1 декабря. Молодые люди, которые по своимъ лѣтамъ могли подвергнуться этому набору, начинаютъ скрываться; все большее и большее число ихъ присоединяются къ партизанамъ, составившимся изъ бѣжавшихъ солдатъ и гонимыхъ.“

„Впрочемъ, не принимайте слишкомъ серьезно слова „партизаны“, употребляемаго мною. У этихъ молодыхъ людей пока только та мысль, чтобы избѣжать набора; они еще не думаютъ нападать на австрійцевъ; но должно сказать, что они составляютъ зародышъ, изъ котораго готово будетъ произойти возстаніе, если будетъ поданъ сигналъ открытой борьбы. Въ непреступныхъ лѣсахъ и горахъ, пути по которымъ извѣстны только мѣстнымъ жителямъ, австрійскому правительству будетъ очень трудно сладить силою съ этими молодыми людьми, рѣшившимися уйдти изъ подъ его власти и ежедневно увеличивающимися въ своемъ числѣ.“

„Говорятъ, что, при подавленіи венгерскаго возстанія въ 1849 году, много оружія было спрятано въ этихъ мѣстахъ, по природѣ почти недоступныхъ. и что мѣста эти найдены „случайнымъ образомъ“ новыми жителями Баконскаго лѣса и степей. Не ручаюсь вамъ за достоверность этого; но всѣ увѣряютъ, что у партизановъ много оружія“.

Начинать войну, имѣя зародышъ возстанія въ центрѣ государства—дѣло неудобное, потому оказалась надобность примирить венгровъ. Оказалась и другая причина надобности въ провозглашеніи реформъ,—эта другая причина была результатомъ совѣщаній преобразованнаго или „усиленнаго“ государственнаго совѣта.

Мы обращали очень мало вниманія на консультаціи почетныхъ и знатныхъ особъ, собранныхъ въ Вѣнѣ нынѣшнею весною подъ именемъ усиленнаго государственнаго совѣта. Ни по намѣренію правительства, ни по отношенію членовъ новаго государственнаго совѣта къ общественному мнѣнію, ихъ совѣщанія не должны были имѣть особенной силы. Выбранные по рекомендаціи областныхъ правителей, новые члены государственнаго совѣта были всѣ люди такихъ убѣжденій, которыя не вполне совмѣстны съ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Исключениемъ служилъ изъ всѣхъ нихъ одинъ только докторъ Маагеръ, трансильванскій нѣмецъ. Онъ одинъ отважился произнести въ государственномъ совѣтѣ слово „конституція“; изъ остальныхъ членовъ набиралось, быть можетъ, человекъ пять-шесть съ очень смутными либеральными тенденціями, да и тѣ не формулировали своихъ желаній. За то очень рѣшительно выступало съ своими требованіями огромное большинство, составившее изъ реакціонеровъ аристократической партіи; эти вельможи, имѣвшіе свои предводителемъ чешскаго графа (но вовсе не чеха, а истаго нѣмца) Кланъ-Мартиница, желали ни больше, ни меньше, какъ уничтоженія всѣхъ ограниченій, которымъ со временъ Іосифа II подвергались привилегіи аристократовъ. Но только венгерскіе магнаты, да самъ графъ Кланъ-Мартиницъ между этими вельможа

умѣли говорить и писать. Потому въ засѣданіяхъ безусловно владычествовали венгры съ своимъ союзникомъ Кламъ-Мартиницемъ; остальные члены большинства шли за ними по довѣрью. Такимъ образомъ, совѣщанія государственнаго совѣта были совѣщаніями венгерскихъ магнатовъ, рѣшенія его большинства—рѣшеніями венгерскихъ магнатовъ. Венгерская нація не имѣетъ недостатка въ національной гордости, не имѣетъ и вражды къ своей аристократіи, напротивъ, привыкла очень уважать ее. Стало быть, если бы находилось въ государственномъ совѣтѣ что нибудь удовлетворительное, Венгрія сочувствовала бы ему. Но она такъ холодно смотрѣла на государственный совѣтъ, что даже вовсе и не любопытствовала узнавать о его совѣщаніяхъ,—мы приводили тому доказательства, какъ припомнить читатели.

Точно также мало опоры имѣлъ онъ и въ намѣреніяхъ, съ которыми созвало его правительство. Мы излагали эту сторону дѣла. Нужны были новые налоги для покрытія страшныхъ ежегодныхъ дефицитовъ. Государственный совѣтъ назначался для помощи министрамъ въ изобрѣтеніи новыхъ налоговъ. О государственныхъ дѣлахъ ему не предназначалось разсуждать: онъ просто долженъ былъ засвидѣтельствовать, что существующіе налоги недостаточны и что новые налоги, какіе будутъ изобрѣтены, необходимы.

Однако же,—такова бываетъ сила самаго положенія вещей,—государственный совѣтъ, лишенный всякихъ опоръ и въ правительствѣ и въ общественномъ мнѣніи,—принялся разсуждать о государственныхъ дѣлахъ, какъ будто учрежденіе независимое, составившееся не по назначенію министровъ, не по рекомендаціи областныхъ начальниковъ, заговорилъ о безпорядкахъ, о разстроенномъ положеніи всего государственнаго организма и составилъ проекты преобразованія всей государственной машины, о чемъ его никто не просилъ, въ чемъ и о чемъ ни правительство, ни общественное мнѣніе нимало не хотѣли слушать его. Государственное разстройство онъ изображалъ очень мрачными красками и возбуждалъ этимъ сильный гнѣвъ противъ себя въ министрахъ; для доказательства, довольно будетъ привести слѣдующій отрывокъ изъ статьи Times'a по поводу засѣданія, въ которомъ былъ прочитанъ государственному совѣту докладъ о финансовомъ положеніи государства, составленный Кламъ-Мартиницемъ отъ имени комитета, занимавшагося изслѣдованіемъ дѣла.

„Давно было извѣстно, что Австрія находится въ одномъ изъ финансовыхъ кризисовъ, составляющихъ почти хроническое явленіе въ ея исторіи; но едва ли даже враги ея были готовы прочесть такой докладъ, какой представленъ графомъ Кламомъ государственному совѣту 21 сентября. Начавъ свои наслѣдованія съ реакціи, послѣдовавшей за революціею 1848 г., комитетъ находитъ, что „въ послѣднія десять лѣтъ нація заплатила налоговъ на 800 милліоновъ флориновъ больше, чѣмъ въ предшествующее десятилѣтіе“. Несмотря на то, „національный долгъ сталъ на 1,300 милліоновъ флориновъ больше, чѣмъ былъ за 10 лѣтъ назадъ“ и государственныхъ имуществъ продано „болѣе, чѣмъ на 100 милліоновъ флориновъ“. Таковъ урокъ, извлекаемый изъ пропедшаго „неумолимою логикою фактовъ“. О дефицитѣ настоящаго года, комитетъ хранитъ осторожное молчаніе, но говорить, что при сохраненіи мира (сохраненіе котораго невѣроятно) „дефицитъ въ 1861 году будетъ 39 милліоновъ флориновъ, а въ слѣдующемъ за тѣмъ году 25 милліоновъ“. Какъ будто все это еще не довольно поразительно, комитетъ объясняетъ, что „чрезвычайный военный налогъ, простирающійся до 32 милліоновъ флориновъ, выставленъ въ числѣ доходовъ по бюджету на 1861 годъ. Но налогъ этотъ до такой чрезмѣрности обременителенъ, что не можетъ быть взимаемъ долгое время“. При

такимъ положеніи удивительно ве то, что Австрія начиняетъ „задерживать платежи“, но то, что она еще не вовсе прекратила платежи; удивительны не поступки ея съ подданными, удивительно то, что находить она еще хоть какой нибудь кредитъ у своихъ подданныхъ или за границею.

„Если самъ г. Фонъ-Пленеръ, управляющій австрійскими финансами, нашелся сказать противъ доклада только то, что „онъ преувеличенъ“, то мы должны видѣть, что онъ въ сущности справедливъ. Вспомнивъ, что члены государственнаго совѣта, выслушавшіе докладъ съ глубочайшимъ вниманіемъ и апплодировавшіе смѣлымъ словамъ графа Сечена, назначены самими императоромъ, мы можемъ питать надежду, что выводы доклада будутъ приняты къ соображенію нынѣшнимъ представителемъ габсбургскаго дома. Эти выводы—такія вещи, которыя давно уже стали бесспорными истинами въ другихъ государствахъ. Бюрократическое сѣпленіе разнородныхъ областей не есть еще единство; „административное опыты“ и финансовые обманы убыточны; упадокъ бумажныхъ денегъ и постоянное колебаніе курса вредитъ торговымъ дѣламъ; „удовлетворительное устройство внутреннихъ дѣлъ“ и „долженствующее послѣдовать за нимъ возстановленіе довѣрія“ будутъ „содѣйствовать возстановленію упавшаго кредита“ нація—эти вещи кажутся для насъ (англичанъ) аксіомами. Но каждое государство должно покупать знаніе собственнымъ опытомъ, и Австрія еще не знала до сихъ поръ старой истины, что не годятся срубить дерево изъ желанія снять съ него плоды. Это выводы, повидимому, не слишкомъ революціонные, но они возбудили въ графѣ Рехбергъ такое неудовольствіе, что, говорятъ, будто бы въ тотъ вечеръ „ве смѣлъ подойти къ нему никто изъ его домашнихъ“, а слово „конституція“, упомянутое Магеромъ, вызвало у министра признаніе, что онъ „не въ состояніи понять, какая можетъ быть связь между конституціею и курсомъ бумажныхъ денегъ“.

Да не одинъ этотъ вечеръ, а довольно таки много вечеровъ было истрачено у министровъ государственнымъ совѣтомъ. Но какъ же поправить дѣло? Государственный совѣтъ составилъ объ этомъ два проэкта. Проэктъ большинства требовалъ для Венгріи полнаго возстановленія прежней конституціи со всѣми прежними правами, а въ другихъ частяхъ имперіи хотѣлъ устроить сеймы на феодальныхъ основаніяхъ. Все въ этомъ проэктѣ было проникнуто духомъ среднихъ вѣковъ. Сущность дѣла состояла въ томъ, что имперія дѣлилась на части, и въ каждой части господство передавалось въ руки туземной аристократіи. Что говорилось въ проэктѣ меньшинства, трудно понять, — такъ все въ немъ было туманно; члены меньшинства оказались такъ смиренны, что не сдѣлали даже и отдаленнаго намека на конституцію, около которой вертѣлись ихъ мысли.

По сочиненіи этихъ проэктовъ, государственный совѣтъ былъ распущенъ, а черезъ нѣсколько времени объявлены правительствомъ слѣдующія основанія для предполагаемыхъ реформъ.

Нынѣшній „усиленный“ государственный совѣтъ еще „усиливается“ отъ нынѣшняго числа 70 членовъ до 100. Члены эти будутъ выбираться провинціальными сеймами.

Какоевъ будетъ составъ венгерскаго сейма, это опредѣлитъ министерство по совѣщанію съ венгерскими магнатами, стало быть, нечего пока и разсуждать объ этомъ.

Сеймы остальныхъ провинцій будутъ имѣть феодальное устройство.

Такимъ образомъ, государственный совѣтъ составляютъ депутаты феодальныхъ сеймовъ, то есть феодалы.

Съ этимъ государственнымъ совѣтомъ министерство обязано совѣщаться о финансовыхъ мѣрахъ, то есть, онъ пользуется правами, которыми пользуется нынѣ въ Римѣ „финансовая консульта“.

По другимъ предметамъ законодательства правительство совѣщается съ провинціальными сеймами. Но если найдетъ удобнѣйшимъ, можетъ не обращаться къ нимъ, а совѣщаться прямо съ государственнымъ совѣтомъ. Исключеніе составляютъ законодательныя мѣры, относящіяся къ Венгріи, — о нихъ надобно всегда совѣщаться съ венгерскимъ сеймомъ.

Министерства юстиціи, вѣроисповѣданій и внутреннихъ дѣлъ соединяются въ одно министерство, но само это министерство раздѣляется между двумя лицами: по всѣмъ частямъ имперіи, кромя Венгріи, этими дѣлами будетъ управлять „государственный министр“, а управлять тѣми же дѣлами по Венгріи будетъ другой министр, называемый „придворнымъ венгерскимъ канцлеромъ“.

Изъ этого видно, что всѣ части имперіи, за исключеніемъ одной Венгріи, остаются при нынѣшнихъ своихъ правахъ, и министры сохраняютъ нынѣшнее свое положеніе относительно всѣхъ провинцій. Одной только Венгріи дѣляется дѣйствительная уступка возстановленіемъ сейма съ прежними правами и возстановленіемъ венгерскаго языка въ правительственномъ значеніи.

Для другихъ областей переувѣна состоитъ въ томъ, что къ бюрократическимъ учрежденіямъ присоединяются феодальныя.

Таковы основанія будущей австрійской конституціи, обнародованныя 21 октября нынѣшняго года, передъ самымъ отъѣздомъ императора Франца Іосифа въ Варшаву.

Но нынѣ для Австріи такое время, что нынѣшнее положеніе вещей едва ли продолжится долго: новыя учрежденія или разовьются, или будутъ устранены правительствомъ. Это зависитъ, во-первыхъ, отъ хода дѣлъ въ Италіи, во-вторыхъ, отъ хода дѣлъ въ Венгріи, въ-третьихъ, отъ общаго хода европейскихъ отношеній. Потому мы не станемъ подробно разсматривать, какое вліяніе на внутреннюю жизнь имперіи имѣли бы обѣщанныя нынѣ учрежденія, если бы осуществились въ предположенномъ видѣ теперь: въ немъ они едва ли осуществятся: пока будутъ приготовляться къ ихъ осуществленію, окажется или надобность измѣнить ихъ въ болѣе либеральномъ духѣ, или возможность приблизить ихъ къ устройству дѣлъ, существовавшему до сихъ поръ.

ПОЛИТИКА.

НОВАБРЬ 1860.

Реформы въ Австріи.—Реформы во Франціи.—Итальянскій дѣла.—6 ноября 1860 въ Соединенныхъ Штатахъ.

Когда обнаружилось, что прежнее неаполитанское правительство не удержится противъ Гарибальди, а еще больше, когда обнаружилось, что Викторъ-Эммануэль не побоятся принять подъ свою власть южную Италію, и хочетъ низвергнуть свѣтскую власть папы, Австріи увидѣла надобность остановить дѣло вооруженною силою, и воинственность вѣнскаго правительства дошла до такого жара, что съ каждымъ днемъ надобно было ожидать вторженія австрійскихъ войскъ въ Ломбардію, въ отнятыя у папы провинціи, и въ случаѣ успѣха, въ бывшее Неаполитанское королевство. Но наученное прошлогоднимъ опытомъ, австрійское правительство хотѣло приобрѣсти силъ больше прежняго, чтобы вновь не испытать неудачи въ задуманной войнѣ. Чьи дѣла пойдутъ расклеиваться, тому все обращается во вредъ: захочетъ онъ быть отважнымъ, окажется опрометчивымъ; захочетъ быть осмотрительнымъ, окажется пропускающимъ удобное время. Такъ и австрійцы: въ прошломъ году они проиграли дѣло оттого, что погорячились; теперь проигрываютъ его оттого, что вздумали поступать осторожно. Читатель могъ прежде не раздѣлять нашихъ чувствъ, когда мы хвалили австрійцевъ, потому что тогда мы руководились своимъ образомъ мнѣній, а въ образѣ мнѣній люди могутъ расходиться; теперь не то: какого бы образа мыслей кто ни держался, всякій долженъ сострадать вмѣстѣ съ нами. Въ прошедшемъ году они подвергались несчастіямъ на поляхъ битвъ, они лишились богатѣйшей провинціи; но эти прискорбія вознаграждались отрадными фактами другаго рода. Если война отняла у нихъ Ломбардію, то Виллафранкскій миръ подарилъ имъ Венецію,—подарилъ, говоримъ мы потому, что никто изъ друзей Австріи, дней всего за 10 передъ Виллафранкскимъ миромъ, не могъ ожидать, что она останется въ ихъ рукахъ, и мы сами уже отказывались отъ этого упованія, котораго такъ долго и такъ крѣпко держались. Но маловѣріе вторгавшееся въ наше сердце, пристыжено было великодушіемъ императора французова. Возрастающая благосклонность побѣдителя открывала потомъ Австріи перспективу, еще болѣе отрадную: Цюрихскій миръ утѣшалъ насъ обѣщаніемъ возстановить двухъ герцоговъ и одного великаго герцога, успокоивалъ насъ составленіемъ конфедераціи, въ которой всѣ голоса были бы противъ Піемонта, которая подъ предсѣдательствомъ папы, подъ эгидою Франціи, возвратила бы прежнюю тишину несчастнымъ итальянцамъ, возстановила бы въ ней прежнее ув

жеше къ совѣтамъ Австрія, на одномъ лишь томъ условіи, чтобы Австрія сама не выходила изъ-подъ вліянія могущественнаго и благороднаго новаго своего союзника; но это условіе было такъ разумно, исполнять его было такъ легко для Австріи при полномъ согласіи ея принципозъ съ принципами великодушнаго побѣдителя и покровителя. Не дурно стали устроиваться и внутренніи дѣла Австріи, начинавшии-было расшатываться отъ войны. Неудовольствіе, овладѣвавшее всѣми провинціями, начинавшее принимать опасный характеръ передъ Виллафранкскимъ миромъ, стало послѣ него безсильнымъ пустословіемъ, вызывавшимъ только презрительную улыбку на лицахъ друзей Австріи: съ воавращеніемъ войскъ, правда, побѣжденныхъ непріятельскими арміями, но достаточно иужественныхъ для разсѣянія мятежниковъ, благодаря искусству вѣрныхъ командировъ въ усмирениіи внутренняго врага, — съ возвращеніемъ этихъ войскъ въ Вѣну, въ Пештъ, Дебречинь, Львовъ, Прагу и т. д., злоумышленники лишились возможности осуществить свои преступныя замыслы; они отступились отъ намѣренія дѣйствовать, и лишь неосновательные люди продолжали еще роптать, не понимая, что прошло время, когда ропотъ былъ не лишень смысла; скоро и они стали замолчать, — видъ Бенедека, окруженнаго 60-тысячнымъ войскомъ въ Пештѣ, видъ сподвижниковъ Бенедена, окруженныхъ достаточнымъ для другихъ провинцій числомъ войска въ другихъ городахъ, охлаждалъ запоздалую горячку, и все возвращалось къ спокойствію. Да, существовали тогда и отрадныя явленія; теперь не то. Теперь весь горизонтъ австрійскихъ правителей покрытъ тучами, сквозь которыя не падаетъ ни одного свѣтлаго луча. А отъ чего произошла вся бѣда ихъ? Оттого, что запуганные прошлогодними слѣдствіями своей опрометчивости, они вздумали осторожно и осмотрительно обезпечить себѣ вѣрный успѣхъ. Они пропустили этимъ удобное время, — а удобное время было для нихъ.

Мѣсяца три тому назадъ, въ послѣднихъ числахъ августа, было уже видно, что Францискъ II будетъ низвергнутъ, что неаполитанцы собираются провозгласить власть Виктора-Эммануэля, что онъ приметъ власть надъ ними и соединить Италію въ одно государство. Вотъ этихъ немногихъ дней, прошедшихъ между первыми успѣхами Гарибальди въ Калабріи и выступленіемъ сардинскихъ войскъ на подавленіе Ламорисьера, не слѣдовало бы терять австрійцамъ. Не слѣдовало имъ довольствоваться посылкою по нѣскольку человекъ на подкрѣпленіе Ламорисьера, а прямо, открыто двинуть тысячу 50 или 80 австрійскаго войска на изгнаніе Гарибальди изъ неаполитанскихъ предѣловъ. Это можно было сдѣлать, не касаясь земель, находившихся тогда подъ властью Виктора-Эммануэля: можно было переправить армію моремъ изъ Триеста или Венеціи въ Абрुццы или другую неаполитанскую область. У Австріи нѣтъ военнаго флота, но купеческихъ пароходовъ и транспортныхъ судовъ нашлось бы довольно: стѣсняться формами при такой безотлагательной надобности не стали бы австрійскіе правители: можно было безъ околичностей забрать подъ перевозку войскъ всѣ купеческія суда въ Триестѣ и другихъ австрійскихъ портовыхъ городахъ. Дѣло съ Гарибальди было бы покончено въ нѣсколько дней, много въ двѣ недѣли, и Кавуръ не посмѣлъ бы шевельнуть пальцемъ, имѣя противъ себя на сѣверо-востокѣ Верону и Мантую, а на югѣ 80 тысячъ австрійцевъ съ 50-тысячною арміею Франциска II и 30-тысячною зрїею Ламорисьера. Онъ протестовалъ бы, да тѣмъ и кончилъ бы. Но Франція? Вѣдь Франція провозглашала, что не потерпѣтъ вмѣшательства въ итальянскія

дѣла? Кто знакомъ съ человѣческими дѣлами, знаетъ, какъ легко было бы устранить это возраженіе. Австрійцы торжественно объявили бы и конфиденціально увѣрили бы, что они нимало не хотятъ касаться ни Піэмонты, ни Ломбардіи, гарантированной ему Фраціею; ни даже Тосканы, герцогствъ и Романьи, присоединеніе которыхъ къ Піэмонту не гарантировано и не одобрено Франціею; что они хотятъ только прогнать флибустьера изъ владѣній своего союзника и родственника короля неаполитанскаго, и немедленно возвратятся назадъ въ свои границы, какъ только возстановятъ его власть. Только то и было бы нужно. Чего хочетъ Франція? Только того, чтобы австрійцы не возстановляли своего перевѣса въ Италіи во вредъ французскому вліянію, и успокоить Францію въ этомъ отношеніи было бы легко австрійцамъ: стоило бы объявить имъ, что они съ радостію увидятъ, если французы будутъ помогать имъ въ изгнаніи Гарибальди, Франція прислала бы еще нѣсколько дивизій въ Римъ, заняла бы, можетъ быть, Неаполь или другіе пункты, увидѣла бы, что австрійцы не опасаются ея войскъ, смотрятъ на нихъ какъ на союзниковъ—и дѣлокончилось бы возстановленіемъ Франциска II, и австрійцы, вѣрныя своему слову, возвратились бы домой, т. е. въ Венецію, и южная половина полуострова была бы возвращена ихъ союзнику и родственнику, а папа сохранилъ бы Умбрию и маркграфства. Еслибы только увѣрили Францію, что цѣль австрійскаго движенія состоитъ лишь въ этомъ, Франція осталась бы очень довольна, потому что расширеніе власти Виктора-Эммануэля противно интересамъ императора французовъ, какъ извѣстно всѣмъ. Другія великія державы одобрили бы такую помощь: одна Англія протестовала бы, — но опять извѣстно, что войны за Италію не начала бы она ни въ какомъ случаѣ; а неудовольствіе, ограничивающееся депешами и протестами, не слишкомъ важная вещь. Смѣлостью и быстротою Австрія могла бы удержать въ концѣ августа Италію отъ соединенія въ одно государство. А теперь уже поздно, соединеніе произошло; изъ 80 тысячъ союзниковъ, которыхъ имѣла тогда Австрія въ арміяхъ Франциска II и Ламорисьера, осталось лишь нѣсколько безсильныхъ батальоновъ въ Гаэтѣ и въ Римѣ, а армія Виктора-Эммануэля уже увеличилась нѣсколькими десятками тысячъ съ той поры, увеличится еще сотнею тысячъ или больше къ веснѣ. Потеряно австрійцами время; потеряли они его въ напрасныхъ стараніяхъ обезпечить неудобноисполнимыми средствами успѣхъ, зависѣвшій отъ рѣшительности и прямоты.

Въ прошедшій разъ мы говорили, какими способами думала Австрія упрочить успѣхъ себѣ въ итальянской войнѣ; теперь посмотримъ, къ чему привели ее эти способы.

Ей хотѣлось удержать Францію отъ сопротивленія австрійскому вмѣшательству въ итальянскія дѣла. Можно было бы прямо согласиться съ императоромъ французовъ, если бы войти въ его виды. Мысль о возвращеніи Ломбардіи и о возстановленіи надлежащаго порядка въ сѣверной Италіи слѣдовало оставить до обстоятельствъ, болѣе благоприятныхъ. Вмѣсто этого, Австрія вздумала составить коалицію восточной Европы, чтобы грозить вторженіемъ черезъ Рейнъ, если французы не дадутъ ей власти распоряжаться въ Италіи, какъ она хочетъ. Это значило требовать отъ императора французовъ невозможныхъ вещей и прибѣгать къ фантастическимъ средствамъ для вынужденія у него согласія. Наполеонъ II конечно желаетъ добра австрійцамъ, но благородное сочувствіе къ нимъ не дох

дять у него, какъ у человѣка расчетливаго, до забвеніи о самомъ себѣ, до подрыванія собственной власти изъ любви къ австрійцамъ. Что сказала бы французская публика, еслибъ онъ уступилъ австрійцамъ политическое первенство на западѣ европейскаго континента, — а предоставитъ австрійцамъ произволь распоряжаться въ Италіи, какъ они хотятъ, значило бы ни больше, ни меньше, какъ предоставить имъ первенство, свести Францію на второе мѣсто между западными континентальными державами. „Это униженіе для насъ“, сказала бы французская публика, и власть Наполеона III поколебалась бы. А еще больше, если бы такая уступка была вынуждена у него угрозами, какъ думала сдѣлать Австрія, — что сказала бы тогда французская публика? Она не стала бы и говорить ничего, потому что стала бы думать уже не о разговорахъ; потому-то Наполеонъ III, когда Австріи начала громко говорить о готовящейся коалиціи, нашелся вынужденнымъ произнести очень простыл слова: „я не вѣрю, будто бы составляется коалиція; но если она составляется, я не боюсь ея“. Слова эти хороши тѣмъ, что справедливы. Наполеонъ III находится въ такомъ положеніи, что коалиція не страшна ему; напротивъ, она была бы выгодна для него: коалиція противъ Франціи довела бы національное чувство французовъ до экстаза, который сдѣлался бы самою прочною опорой престола Наполеона III. Справедливы, оказались его слова и въ томъ отношеніи, что обнаружилась невозможность составить коалицію, о которой хлопотала Австрія. Въ самомъ дѣлѣ, какая изъ континентальныхъ державъ считаетъ возможнымъ дѣломъ вторженіе во Францію? Между тѣмъ императоръ французовъ пока еще вовсе не готовится переходить за Рейнъ, — дѣло идетъ вовсе не о томъ; опасность войны находится въ Италіи. Какою же опасностью угрожаетъ, напри- мѣръ, Пруссіи война въ Италіи, и достанетъ ли у Пруссіи средствъ посылать войска въ Италію? Конечно, отправлять армію такъ далеко, значило бы посылать ее на гибель. Непостижимо, какъ австрійскіе правители считали дѣломъ возможнымъ устроить коалицію, пока Франція не обнаруживаетъ намѣренія вторгнуться въ Германію.

Такою же непрактичностью отличались австрійскіе правители въ исполненіи другаго своего способа обезпечить себѣ успѣхъ въ задуманной войнѣ съ Италіею. Мы уже говорили въ прошлый разъ, какими соображеніями и обстоятельствами была произведена австрійская попытка, называвшаяся въ официальныхъ австрійскихъ газетахъ введеніемъ конституціоннаго устройства. Чтобы начать войну, было надобно успокоить внутреннія провинціи государства, ропотъ которыхъ достигалъ силы, показавшейся австрійскимъ министрамъ серьезною. Чтобы вполнѣ оцѣнить ихъ искусство, надобно прибавить, что возбудили этотъ шумъ они же сами. Мы говоримъ не о томъ, что они держались системы, не согласной съ желаніями публики, — за это порицать ихъ не слѣдуетъ, иной системы не могли они держаться по своему положенію. Вспоинимъ, какъ нынѣшняя Австрійская имперія возникла, всего лишь 15 лѣтъ тому назадъ. Прежняя Австрія погибла для австрійцевъ въ 1848 году: возмущились противъ австрійцевъ ломбардо-венціанцы, потомъ чехи, потомъ венгры, наконецъ и нѣмцы. Мы нѣсколько разъ объясняли, что нѣмцы, населяющіе Тироль, эрцгерцогство Австрію, и другія нѣмецкія области Австрійской имперіи — вовсе не австрійцы, точно такъ, какъ народъ, населяющій Греческое королевство и Ионическіе острова — вовсе не фанаріоты, а просто греки. Австрійцы были изгнаны отовсюду, — не только изъ Милана, Ве-

нещи и Пешта, но даже изъ Вѣны, даже изъ Инншпрува. По выраженію Радецкого, Австрія тогда сохранилась только въ лагеряхъ тѣхъ войскъ, которыми командовали австрийцы, каковы напримѣръ Радецкій и Виндишъ Грець, несмотря на свои славянскія фамиліи, Гулай и Бенедекъ, несмотря на свои венгерскія фамиліи. Австрія, существующая нынѣ, основалась въ 1848 и 1849 гг. подвигами Радецкого, Шлика, Гайнау. На какихъ основаціяхъ существовала прежняя Австрія, намъ нѣтъ нужды разбирать здѣсь; довольно указать извѣстный каждому фактъ, что земли, ее составлявшія, или вовсе никогда не были завоеваны, а добровольно признали надъ собою власть австрийской династіи, или завоеваны были такъ давно, что утратили сознаніе о томъ. Эта прежняя Австрія погибла въ 1849 году и замѣнилась новымъ гоеударствомъ, происхождение котораго мы объяснили.

Отношенія между австрийцами и населеніемъ Австрийской имперіи были созданы вооруженною силою, и для упроченія этого порядка дѣль австрийцы были принуждены оставаться на военномъ положеніи среди своихъ подданныхъ гѣмцевъ, славянъ и венгровъ. 10 лѣтъ они оставались вѣрны этой неизбѣжной для нихъ политикѣ и все въ Австрийской имперіи шло прекрасно, какъ мы доказывали съ годъ тому назадъ выписками изъ очень основательной книги знаменитаго австрийскаго ученаго Чернига. Прошлогодняя война повредила дѣлу. Пораженные страшными ударами, австрийскіе правители испугались поднявшагося ропота.

Австрийцамъ показалось, что ропотъ возбужденъ нѣкоторыми недостатками прежней системы. Такое мнѣніе, конечно, должно было произвести результаты, противныя благонамѣреннымъ ожиданіямъ австрийскихъ правителей для успокоенія ропота. При заключеніи Виллафранкскаго мира даны были обѣщанія внутреннихъ улучшеній. Каждый долженъ былъ понимать, что улучшенія эти могутъ состоять лишь въ усовершенствованіи существовавшей системы. Но подданные Австріи перетолковали данныя обѣщанія превратнымъ образомъ: они стали разумѣть подъ улучшеніями внутренняго порядка введеніе равенства вѣроисповѣданій, улучшеніе конкордата, ставившаго школы въ зависимость отъ іезуитовъ и другихъ ультрамонтанцевъ, признаніе національностей, предоставленіе каждой національности независимаго управленія всѣми ея дѣлами. Несогласность понятій не замедлила обнаружиться, лишь только австрийскіе правители стали исполнять свои обѣщанія. Первое обѣщаніе, подвергнувшееся процессу исполненія, было предоставленіе льготъ венгерскимъ протестантамъ, находившимся подъ управленіемъ іезуитовъ. Протестанты объявили, что не принимаютъ второстепенныхъ уступокъ и хотятъ, чтобы ихъ церквамъ была дана такая же независимость, какою пользуется католическая церковь. Читатель понимаетъ, что такой взглядъ, такія желанія никакъ не могутъ быть соглашены съ австрийскою системою. Вмѣсто примиренія, результатомъ улучшенія вышло тутъ лишь то, что протестанты громко стали говорить о правахъ, которыхъ никакъ не могутъ предоставить имъ австрийскіе правители. Точка таковъ же былъ результатъ всѣхъ другихъ мѣръ, принятыхъ австрийцами для осуществленія обѣщанія: ропотъ не успокоился, а только усилился. Мы не будемъ перечислять всѣхъ подробностей этого постепеннаго разочарованія обѣихъ сторонъ, — довольно будетъ заняться намъ послѣднимъ, самымъ громкимъ послѣдствіемъ ошибочнаго взгляда австрийцевъ. Мы говоримъ о такъ называемомъ введеніи представительнаго правленія въ земляхъ Австрийской имперіи.

Когда мы писали политическое обозрѣніе для прошлой книжки „Современникъ

мы имѣли еще только телеграфическія извѣстія о преобразованіи, вводимомъ въ Австріи диломомъ 20 октября и проистекающими изъ него статутами. Только въ послѣдніи минуты, когда уже оканчивалось печатаніе нашей статьи, были получены нумера газетъ, заключавшіе въ себѣ текстъ диплома и сопровождавшихъ его рескриптовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ получены были телеграфическія депеши, утверждавшіи, что во всѣхъ частяхъ имперіи реформа показалась очень удовлетворительною и была встрѣчена съ большою радостію и признательностію. Противъ этихъ данныхъ, казавшихся столь положительными, мы могли говорить тогда, основываясь лишь на собственномъ впечатлѣніи; оно состояло въ томъ, что уступки, сдѣланныя австрійскими правителями, не скомпенсуютъ расположенію умовъ въ завоеванныхъ областяхъ и не могутъ поправить прежнихъ отношеній. Скоро оказалось, что дѣйствительно такъ. Теперь всѣ австрійскія газеты наполнены фактами, показывающими, что уступки были напрасны.

Самое происхожденіе документовъ, возвѣщавшихъ уступки, подтверждаетъ ту простую истину, что австрійскіе правители увлеклись на путь, чуждый для нихъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы указывали способъ составленія документовъ 20 октября, основываясь лишь на самомъ характерѣ этихъ документовъ; теперь напечатаны положительныя извѣстія, показывающія, что дѣло происходило именно такъ, какъ мы тогда предполагали.

Когда былъ распущенъ новый государственный совѣтъ, австрійскіе министры думали сначала, что можно обойтись безъ преобразованій. Читатель помнитъ, что государственный совѣтъ составилъ два проекта преобразованій. Огромное большинство государственныхъ совѣтниковъ подписало проектъ, сочиненный графомъ Клямомъ Мартиницемъ по согласію съ венгерскими магнатами. Сущность проекта состояла въ томъ, чтобы возстановить порядокъ дѣлъ, существовавшій въ XVII столѣтіи. Этотъ порядокъ отличался отъ нынѣшняго двумя главными чертами. Во-первыхъ, каждая область имѣла свое отдѣльное управленіе, и связью между областями служила только личная воля государя. Во-вторыхъ, каждая область находилась подъ управленіемъ мѣстной аристократіи. Эта вторая черта отличія прежнихъ порядковъ отъ нынѣшнихъ не была противна системѣ австрійскихъ правителей, но было невозможно имъ согласиться на ослабленіе своей власти, требовавшееся для осуществленія первой черты переибы, предлагаемыхъ проектомъ этой партіи. Они готовы были бы передать областныя дѣла во власть мѣстной аристократіи лишь на томъ условіи, чтобы эти мѣстныя правительства были подчинены центральному правительству, сохраняющему нынѣшнія бюрократическія формы. Партія Кляма-Мартиница хотѣла господствовать надъ бюрократіей; австрійскіе правители могли сдѣлать ее своею союзницею лишь съ тѣмъ, чтобы она была исполнительницею распоряженій центральной бюрократіи. Такое коренное разнорѣчіе желаній было причиною, что австрійскіе правители рѣшились оставить безъ вниманія проектъ большинства государственнаго совѣта. Проектъ меньшинства не годился для нихъ потому, что носилъ нѣкоторый отпечатокъ конституціонныхъ идей. Мы вовсе не хотимъ сказать, что онъ предлагалъ ввести конституціонное правленіе: меньшинство государственнаго совѣта состояло изъ людей, чуждыхъ такой мысли; но они желали нѣкоторыхъ нововведеній, ограничивавшихъ самостоятельность распоряженій министерства. Австрійскіе правители нашли, что ограниченія власти ихъ — дѣло вредное для всего австрійскаго порядка. Словомъ сказать, проектъ мень-

шинства и проэктъ большинства—оба казались неудобноисполнимыми для австрійскихъ правителей, и оба были отложены въ сторону.

На этомъ и хотѣли остановиться. Но публика толковала о возможности преобразованій, будто бы общанныхъ послѣ Виллафранкскаго мира. Австрійскіе правители поколебались въ своей прежней рѣшимости; они поддались вліянію общественнаго мнѣнія и стали думать, что надобно сдѣлать какія нибудь преобразованія. Совѣтъ министровъ началъ совѣщаться объ этомъ. Когда пошла рѣчь о томъ, какими усовершенствованіями полезно было бы улучшить прежнюю систему, они не могли ни въ чемъ согласиться между собою. Время шло въ бесплодныхъ спорахъ; едва тотъ или другой министръ предлагалъ ту или другую мысль, всѣ остальные находили ее или вредною, или непрактичною. А между тѣмъ толки въ публикѣ становились все громче, да и дѣла въ Италіи требовали, по мнѣнію австрійскихъ министровъ, скорѣйшаго успокоенія внутреннихъ провинцій. Тогда австрійскіе министры обратились къ проекту большинства государственнаго совѣта, чтобы передѣлать его. Но все-таки не могли они придти ни къ какому результату. Оказалась нужна посторонняя помощь. Въ составленіи проекта большинства главное участіе принималъ графъ Кламъ-Мартиницъ. Чтобы передѣлать этотъ проэктъ сообразно положенію австрійскихъ правителей, ближе всего было бы пригласить графа. Но, при всей своей благонамѣренности, Кламъ-Мартиницъ обнаружилъ въ себѣ свойство, неудобное для австрійскихъ министровъ: онъ хотѣлъ быть главою новаго кабинета, хотѣлъ устранить всѣхъ прежнихъ министровъ отъ должностей, замѣстивъ ихъ людьми по своему выбору. Пришлось искать другаго совѣтника. Помощниками Кламъ-Мартиница въ государственномъ совѣтѣ были венгерскіе магнаты; между ними первую роль игралъ графъ Сечень. Министры обратились къ нему; онъ обнаружилъ сговорчивость: удовлетворился званіемъ министра безъ портфеля, т. е. члена совѣта министровъ, не имѣющаго никакой особенной части управленія въ своемъ завѣдываніи, и въ замѣнъ за то взялся передѣлать проэктъ большинства государственнаго совѣта сообразно съ намѣреніями министровъ.

Содержаніе диплома объясняется его происхожденіемъ. Проэктъ большинства государственнаго совѣта, поступившій въ руки Сечена, имѣлъ, какъ мы замѣчали, двѣ главныя черты: во-первыхъ, онъ устраивалъ областное управленіе такъ, чтобы вся власть принадлежала феодальнымъ сословіямъ; во-вторыхъ, онъ ограничивалъ власть центральнаго управленія, давая областнымъ правительствамъ независимость отъ центральнаго почти во всей администраціи. Графъ Сечень исправилъ проэктъ такъ, что центральная бюрократія сохраняетъ всю свою вышнюю власть; областныя правительства дѣйствуютъ исключительно по ея распоряженіямъ. Но эта дѣятельность, состоящая въ исполненіи воли центральнаго правительства, передается въ каждой области лицамъ, которыхъ почтутъ достойными своими представителями мѣстныя феодальныя сословія. Такое преобразование почтено было министрами (графомъ Сеченомъ за реформу, удовлетворительную для всѣхъ областей Австрійскіи имперіи, кромя одной Венгріи. Будучи самъ венгерецъ, графъ Сечень разсудилъ, что Венгрія не удовлетворилась бы этою сущностію дѣла, если бы сущность дѣла не была облечена въ формы, пріятныя національному чувству венгерцевъ. Венгерцамъ нравилось, что главный правитель королевства назывался у нихъ встаринномъ особеннымъ именемъ палатина, а не просто намѣстникомъ или генераль-губернаторомъ, какъ въ другихъ австрійскихъ земляхъ; имъ льстило, что австрійскій и

ператоръ имѣть особенную коронацію, какъ король венгерскій; наконецъ они жаловались, что нѣмецкому языку дано въ ихъ землѣ первенство надъ венгерскимъ. Графъ Сечень объяснилъ остальнымъ министрамъ, что надобно уступить Венгріи въ этихъ случаяхъ. Такимъ образомъ въ дипломѣ была отдѣлена Венгрія отъ остальныхъ земель, и назначены ей особыя преимущества. Венгерскій языкъ былъ признанъ официальнымъ для дѣлъ внутренней венгерской администраціи; обѣщано было, что императоръ австрійскій будетъ имѣть особенную коронацію, какъ король венгерскій; генераль-губернатору венгерскому присвоенъ былъ прежній титулъ палатина. Словомъ сказать, корпораціи и сановники, установившіеся вслѣдствіе диплома, получили имена, заимствованныя изъ прежняго венгерскаго устройства. Отъ этого наружность дѣла имѣла для Венгріи другой оттѣнокъ, чѣмъ для остальныхъ провинцій, и въ соблюденіе такого различія дипломъ говорилъ о Венгріи отдѣльно отъ остальной массы австрійскихъ областей. Графъ Сечень, жертвуя отдѣльною областью благу австрійскаго правительства, не требовалъ для своей родины уступокъ, не согласныхъ съ духомъ реформъ, дававшихся другимъ областямъ, а остальные министры согласились съ нимъ, что имена сановниковъ и учреждений въ Венгріи должны быть болѣе блестящими, чѣмъ въ другихъ областяхъ, при существенной одинаковости устройства Венгріи и остальныхъ провинцій.

Еще болѣе замѣчательна осмотрительность графа Сечена при назначеніи министра, который управлялъ бы Венгріею. Мелочныя хлопоты, поглощавшія прежде значительную часть времени у министровъ вѣроисповѣданій, полиціи и внутреннихъ дѣлъ, слагались теперь съ чиновниковъ центральныхъ вѣвскихъ департаментовъ на областныя управленія. Прежде министры дѣлали распоряженія и сами хлопотали о подробностяхъ исполненія даже маловажныхъ распоряженій; теперь было рѣшено, что по маловажнымъ дѣламъ они только будутъ отдавать приказанія и имѣть надзоръ за ихъ исполненіемъ, а самое исполненіе маловажныхъ распоряженій возлагается на обязанность областныхъ управленій. Черезъ это должность министра значительно облегчалась, и найдена была возможность соединить въ рукахъ одного министра три отрасли управленія, которыя прежде были раздѣлены между тремя министрами. Это соединеніе трехъ министерствъ въ одно было облегчено тѣмъ, что графъ Надашди, министръ внутреннихъ дѣлъ, и графъ Тунъ, министръ исповѣданій, навлекли на себя неудовольствіе перваго министра, графа Рехберга, и принуждены были подать въ отставку. Остальные министры рѣшились не замѣщать этихъ должностей, сдѣлавшихся вакантными, и такимъ образомъ прежній министръ полиціи, графъ Голуховскій, принялъ подъ свое управленіе министерства вѣроисповѣданій и внутреннихъ дѣлъ съ титуломъ государственнаго министра. Но Венгріи давалось положеніе отдѣльное отъ остальныхъ провинцій, потому надобно было назначить отдѣльнаго сановника для завѣдыванія по венгерской провинціи тѣми отраслями дѣлъ, которыми сталъ завѣдывать по другимъ провинціямъ графъ Голуховскій. Этому министру венгерскихъ дѣлъ дано было старинное имя венгерскаго придворнаго канцлера. Графъ Рехбергъ предложилъ званіе венгерскаго придворнаго канцлера графу Сечену, какъ венгерцу. Но графъ Рехбергъ не зналъ, до какой степени не любятъ венгерцы графа Сечена, который до 1848 г. былъ приверженцемъ Меттерниха и горячо боролся противъ національной партіи, а въ 1848 г. держалъ сторону австрійскаго правительства въ войнѣ противъ мятежныхъ своихъ соотечественниковъ. Теперь онъ могъ бы восполь-

зоваться предположением австрийских министровъ, что его имя произведетъ хорошее впечатлѣніе въ Венгрію; но онъ не захотѣлъ извлекать выгоды для себя изъ ихъ ошибки и отказался отъ званія венгерскаго придворнаго канцлера; на это мѣсто рекомендовалъ онъ человѣка, вполне раздѣляющаго теперь его убѣжденія, барона Вая.

Но несмотря на высокое благородство графа Сечена, составлявшаго дипломъ 20 октября, несмотря на то, что дипломъ этотъ содержалъ въ себѣ крайнія уступки, какія только можетъ сдѣлать австрийское правительство, опытъ новаго законодательства былъ холодно встрѣченъ народами. Такого результата слѣдовало ожидать по изложеннымъ нами отношеніямъ австрийцевъ къ населяющимъ Австрийскую имперію нѣмцамъ, славянамъ, венграмъ и итальянцамъ. Мы еще яснѣе убѣдимся въ его неизбѣжности, если ближе познакомимся съ характеромъ преобразованій, провозглашенныхъ дипломомъ 20 октября.

Въ то время, какъ мы пишемъ эту статью, постепенно обнародованы уставы для сеймовъ четырехъ провинцій: Штирія, Каринтія, Зальцбурга и Тироля. Уставъ для Штирія явился первымъ, потому имѣлъ особенную важность въ ходѣ окончательнаго установленія мѣстн. о новомъ устройствѣ. Это заставляетъ насъ рассмотретьъ его съ нѣкоторою подробностію.

По второй статьѣ статута, „ландтагъ состоитъ изъ представителей духовенства, дворянъ и большихъ землевладѣльцевъ, городовъ, торговыхъ и промышленныхъ палатъ и прочихъ общинъ“. По четвертой статьѣ, президентъ ландтага назначается императоромъ, а не выборомъ самихъ членовъ ландтага. По статьямъ 9, 10, 11 и 12, духовенство посылаетъ на ландтагъ 8 депутатовъ, дворянство 12, города 10 депутатовъ, торговая и промышленная палаты 2 депутатовъ, остальные герцогства Штирія 12 депутатовъ. Такимъ образомъ изъ 42 членовъ ландтага, двумъ первымъ сословіямъ принадлежитъ 18. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ всѣ эти 18 членовъ стали бы подавать голосъ какъ одинъ человѣкъ; чтобы имѣть на своей сторонѣ большинство, имъ нужно было бы привлечь на свою сторону изъ остальныхъ членовъ ландтага только 4 или даже только 3 человѣкъ, потому что президентомъ конечно всегда будетъ епископъ или аристократъ, такъ что при равномъ раздѣленіи голосовъ его голосъ всегда далъ бы перевѣсъ ихъ партіи. По 24 статьѣ, права ландтага состоятъ въ томъ, что онъ „по предметамъ, касающимся благосостоянія и нуждъ Штирія, можетъ выражать желанія или жалобы страны и представлять предложенія и просьбы или непосредственно императору, или чрезъ намѣстника“. Такимъ образомъ онъ имѣетъ совѣщательный голосъ или, точнѣе говоря, право представлять свое мнѣніе на благоусмотрѣніе центральнаго правительства, а рѣшенія правительства принимаются совершенно независимо отъ ландтага. По 27 статьѣ, это отношеніе устанавливается еще опредѣлительнѣе: „ландтагъ выражаетъ мнѣнія по всѣмъ предметамъ, въ которыхъ правительство обрѣтается къ нему за совѣтомъ“, — такимъ образомъ кругъ его дѣятельности и, точнѣе говоря, кругъ дѣлъ, о которыхъ онъ можетъ представлять просьбы императору, опредѣляется тѣмъ, о какихъ дѣлахъ найдетъ нужнымъ министерство совѣтоваться съ нимъ. Кромѣ этихъ дѣлъ, которыя каждый разъ указываются ландтагу волею министерства, онъ занимается совѣщаніями о постройкѣ дорогъ и мостовыми дѣлами. Наконецъ, онъ завѣдуетъ раскладкою податей и повинностей по разнымъ округамъ и общинамъ.

Прибавимъ, что депутаты отъ городовъ избираются не прямо самими горожанами, а городскими начальствами; депутаты другихъ общинъ, то есть сельскихъ общинъ, такъ же не поселянами, а начальствами общинъ.

Слѣдовавшие за этимъ уставомъ статуты Каринтіи, Зальцбурга и Тироля были совершенно таковы же. Разница была только въ числѣ членовъ сейма, соответственно различіи въ величинѣ и населенія провинцій. Но пропорція между представителями феодальныхъ сословій и другими депутатами постоянно была такова же, какъ и въ штирійскомъ сеймѣ: большинство было всегда обеспечено феодальными сословіями; такъ, напримѣръ, тирольскому сейму положено было имѣть всего 56 членовъ, по 14 отъ cadaго изъ 4 сословій: духовенства, дворянства (котораго почти нѣтъ въ Тиролѣ), горожанъ и поселянъ. При такомъ распредѣленіи представителей, два феодальныхъ сословія должны имѣть большинство, хотя бы ни одинъ изъ представителей горожанъ и поселянъ не присоединился къ нимъ, потому что на ихъ сторонѣ былъ бы президентъ, голосъ котораго рѣшаетъ при равномъ раздѣленіи голосовъ.

Но областные сеймы занимаются только дѣлами отдѣльныхъ областей; по дѣламъ всего государства данъ былъ имъ при центральномъ правительствѣ особенный общій органъ, подъ названіемъ государственнаго совѣта. Читатель помнитъ изъ прежняго нашего обзорѣнія, что члены государственнаго совѣта назначаются по выбору областныхъ сеймовъ; каждый провинціальный сеймъ посылаетъ въ государственный совѣтъ соразмѣрное важности своей провинціи число такихъ повѣренныхъ. Областной сеймъ долженъ былъ выбирать не прямо самыхъ членовъ государственнаго совѣта, а кандидатовъ на это званіе, въ тройномъ числѣ противъ количества членовъ, какое опредѣлено было брать въ государственный совѣтъ отъ провинціи. Напримѣръ, если бы въ государственный совѣтъ назначено было взять пять человекъ членовъ изъ Тироля, то тирольскій сеймъ долженъ былъ выбирать 15 человекъ, каждаго изъ нихъ считая достойными такого назначенія. Австрійское министерство удержало за собою право окончательнаго выбора пятерыхъ членовъ государственнаго совѣта изъ этого представляемаго ему списка 15 кандидатовъ.

Такая мѣра соответствовала назначенію государственнаго совѣта; въ самомъ дѣлѣ, ему предоставлено было право „содѣйствія“ (Mitwirkung) по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ, превышавшимъ кругъ участія областныхъ сеймовъ: черезъ совѣщанія государственнаго совѣта должны были проходить всѣ вопросы о новыхъ налогахъ, займахъ и законодательныхъ мѣрахъ. Официальными разъясненіями было указано, что степень вліянія государственнаго совѣта на всѣ эти дѣла въ точности опредѣляется терминомъ „содѣйствія“, которымъ обозначалъ дипломъ участіе этого учрежденія въ государственномъ управленіи. Разъяснено было, что „содѣйствіе“ указываетъ на вседневную готовность министровъ принимать къ свѣдѣнію мнѣніе государственнаго совѣта. Но тутъ же было прибавлено, что „содѣйствіе“ вовсе не означаетъ „утвержденія“ или „согласія“. Министерство оставляло за собою право поступать во всякомъ дѣлѣ сообразно своему усмотрѣнію, не стѣсняясь мнѣніемъ государственнаго совѣта, если это мнѣніе окажется не соответствующимъ правительственной надобности. Оно дѣлало государственный совѣтъ дѣйствительно совѣщаніемъ своихъ совѣтниковъ, мнѣніе которыхъ уважается, когда бываетъ хорошо, но не мѣшаетъ надлежащему ходу дѣла, когда бываетъ неудо-

влетворительно. При такомъ условіи государственный совѣтъ, получая возможность быть полезнымъ для министерства, не могъ служить препятствіемъ къ надлежащему порядку управленія Австрійскою имперіею. Впрочемъ на его совѣщаніе должны были предлагаться необходимыя для государства мѣры только въ обыкновенныхъ случаяхъ; а въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда дѣло не терпѣло бы отлагательства, или когда, по своему характеру или по своему отношенію къ публикѣ, оно было бы не удобно для совѣщаній въ многочисленномъ собраніи, министерство оставляло за собою право дѣлать всѣ нужныя распоряженія помимо совѣщаній съ государственнымъ совѣтомъ.

Изъ всего этого мы видимъ, что австрійское правительство не отступало отъ основаній прежней системы, оставляло за собою всю прежнюю власть. Двѣ важнѣйшія отрасли государственныхъ дѣлъ, — иностранная политика и военная часть, — были оставлены на прежнихъ основаціяхъ. Новыми формами облекался ходъ дѣлъ только по внутреннему гражданскому управленію, да и тутъ новыя формы оставались безъ всякой силы вредить продолженію администраціи на прежнихъ основаціяхъ. Мы говорили выше, что дипломъ 20 октября былъ ошибкою со стороны австрійскаго правительства; но ошибку надобно видѣть не въ характерѣ установленій, вводимыхъ этимъ дипломомъ, — нѣтъ, ошибка заключалась лишь въ томъ, что австрійское правительство ожидало за него признательности отъ побѣжденныхъ народовъ, думало, что дѣлаетъ имъ уступку. Въ этомъ своемъ предположеніи оно ошиблось.

Дипломъ 20 октября былъ истолкованъ, какъ признаніе австрійцевъ въ невозможности продолжать систему, по которой управлялась Австрійская имперія. Въ самой Вѣнѣ формально провозглашалось это. Веѣ вѣнскія газеты каждый день твердятъ теперь, что австрійскіе правители объявили дипломомъ 20 октября несостоятельность прежней системы. Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ вѣнской газеты Die Presse, — онѣ взяты нами изъ нумера, вышедшаго 31 октября, черезъ полторы недѣли послѣ диплома:

„Благодаря могущественному вліянію государственнаго человѣка, владычествовавшаго надъ Германіею съ 1815 года до весны 1848, союзный сеѣмъ забывалъ свою обязанность позаботиться о томъ, чтобы Австрія получила конституцію, и политическая жизнь Австріи замерла подъ ледяною рукою Меттерниха. Буря, пронесшаяся назадъ тому 12 лѣтъ по всей имперіи, пробудила и народы Австріи; но наставшая потомъ реакція уничтожила все, пріобрѣтенное ими, и Австрія сдѣлалась политическою степью, на которой не могъ явиться ни одинъ зеленый колосъ какого нибудь конституціоннаго учрежденія. Надъ этою политикою пронесенъ приговоръ нынѣ, пронесенъ тѣми самими людьми, которые въ теченіе цѣлаго поколѣнія были ея ревностнѣйшими защитниками, и теперь наконецъ, какъ видно изъ циркуляра Рехберга, императорское правительство начинаетъ признавать за населеніемъ конституціонныя права“.

Съ того времени, вѣнскія газеты каждый день выражаютъ эту мысль все рѣзче и рѣзче. Конечно онѣ ошибаются, утверждая, будто бы графъ Рехбергъ и его товарищи имѣли въ виду осужденіе прежней системы, когда составляли и объявляли дипломъ 20 октября. Но вотъ именно то и слѣдуетъ назвать большою ошибкою, что они возбудили подобные толки документомъ, по своей сущности безвреднымъ. Они слишкомъ надѣялись встрѣтить въ подданныхъ тотъ же взглядъ, какимъ про-

никнуты были сами. Къ сожалѣнiю, эта надежда на публику оказалась не соотвѣтствующею дѣйствительному характеру публики. Перспектива австрiйскаго будущаго омрачена и уже произошло много прискорбныхъ явленiй.

Эти явленiя начали возникать съ самаго того дня, какъ появился дипломъ. Для примѣра приведемъ факты, которыми обнаружилась холодность своихъ чувствъ самая столица Австрiйской имперiи. Министерство ожидало, что Вѣна обнаружитъ признательность, и сообщило городскому начальству, чтобы оно облегчило своими распоряженiями вступленiе жителей Вѣны на прямѣйшiй путь къ выраженiю ожидаемаго чувства. Городское начальство объявило жителямъ, что вечеромъ 21 октября назначено быть городу иллюминированнымъ, по случаю обнародованiя въ утреннихъ газетахъ того числа диплома съ сопровождающими документами. Жители не послѣдовали распоряженiю городского начальства. Иллюминированы были только общественныя зданiя и жилища официальныхъ лицъ, а частныя дома оставались не освѣщены. Телеграфическiя депеши говорили, что вечеромъ 21 октября обнародованiе диплома было отпраздновано иллюминациями въ Прагѣ, Линцѣ, Грацѣ, Триестѣ и т. д. Но повсюду иллюминация ограничивалась тѣми же зданiями, какъ въ Вѣнѣ; ни одинъ городъ не имѣлъ надлежащей иллюминации. Несмотря на слухи, что повсюду дипломъ возбуждаетъ неблагопрiятныя отзывы, министры продолжали начатое преобразование и чрезъ нѣсколько дней послѣ диплома явился уставъ для сейма герцогства Штирiя, а за нимъ, какъ мы говорили, стали поочередно являться подобныя же уставы для Каринтiи, Зальцбурга и Тироля. Чтенiе этихъ документовъ усилило неблагопрiятное впечатлѣнiе и даже представило юридическiе предлоги для формальнаго заявленiя недовольства.

Читатель помнитъ, что представители отъ городовъ выбираются въ областныя сеймы не горожанами, а городскими начальствами. Надобно знать, что когда реакцiя еще должна была нѣсколько стѣсняться броженiемъ умовъ, она издала довольно много законовъ, въ которыхъ были либеральныя подробности; эти законы были отмѣнены или оставлены безъ дѣйствiя, когда новый порядокъ дѣлъ упрочился и всякая опасность безпорядковъ показалась устраненною. Къ числу законовъ 1849 года, не отмѣненныхъ, но потерявшихъ дѣйствительную силу, принадлежалъ уставъ городского управленiя. Въ немногихъ городахъ начальства успѣли быть выбраны прежде чѣмъ законъ этотъ потерялъ силу. Да и въ этихъ городахъ составъ городского управленiя былъ въ послѣдствiи преобразованъ назначенiемъ другихъ людей или оставленiемъ выбранныхъ въ 1849 г. начальниковъ на должностяхъ по истеченiи срока, когда надобно было бы по бездѣйствующему закону произвести новыя выборы. Въ другихъ городахъ законъ этотъ и съ самаго начала не былъ примѣненъ къ дѣлу, и управленiе еще въ 1849 г. поручено лицамъ по назначенiю министровъ. Когда уставы для областныхъ сеймовъ нѣкоторыхъ провинцiй были обнародованы, городскiя начальства этихъ провинцiй заявили начальству, что не могутъ выбирать депутатовъ на сеймы потому, что сами не имѣютъ законнаго существованiя, занимая свои должности въ противность закону 1849 года. Изъ другихъ провинцiй стали приходиться въ Вѣну отъ городскихъ начальствъ такiя же заявленiя, что если по уставамъ сеймовъ этихъ провинцiй будетъ возложена на городскiя начальства обязанность выбирать депутатовъ, то они, нынѣшнiя городскiя начальства, не могутъ признать за собою права заняться этими выборами. Сдѣлавъ одинъ шагъ по несвоейственному пути, мини-

стерство нашлось теперь вынужденнымъ сдѣлать второй шагъ: протесты городскихъ начальствъ стали такъ многочисленны, что оно уступило, и теперь объявлено, что возобновляется дѣйствіе закона 1849 г. о городскомъ управленіи и будутъ произведены на его основаніи выборы новыхъ городскихъ начальствъ.

Обнаруживается фактъ, прискорбнѣйшій всѣхъ прежнихъ: нѣкоторые изъ провинцій, еще не получившихъ новаго устройства, присылаютъ въ Вѣну увѣренія, что не могутъ принять уставовъ, подобныхъ обнародованнымъ для Штирія, Каринтіи и т. д. Такіе протесты присланы, между прочимъ, изъ Праги и другихъ чешскихъ и моравскихъ городовъ; то же самое объявили города верхняго и нижняго эрцгерцогствъ австрійскихъ, въ томъ числѣ Вѣна. Надобно надѣяться, что австрійскіе правители не уступятъ такимъ требованіямъ и обнародуютъ для остальныхъ провинцій уставы, подобные уже обнародованнымъ. Но если бы министерство и уступило, то уступки конечно не будутъ касаться существенныхъ основаній, а измѣнять лишь нѣкоторые подробности, могущія быть прилаженными такъ или иначе къ основнымъ принципамъ нынѣшней системы.

Самая непріятная часть Австрійской имперіи— Венгрія; она кажется намъ не только хуже Вѣны или Праги, а даже Венеціи. Еслибъ Венгрія стала держать себя иначе, миновалось бы тяжелое положеніе дѣлъ и въ Венеціи. По упорству Венгріи, найдено было нужнымъ дать ей, какъ мы говорили, исключительное положеніе. Не то, чтобы принципы новаго устройства, обѣщаннаго венграмъ, существенно отличались отъ реформъ, которыми предоставляются перечисленные нами права другимъ областямъ, — нѣтъ, но нашла нужнымъ похвалить самолюбію венгровъ уступками, которыя считали совершенно достаточными для венгровъ. Мы уже говорили, что венгерскій намѣстникъ будетъ называться стариннымъ именемъ палатина, что сеновникъ, управляющій въ Вѣнѣ венгерскими дѣлами, будетъ называться стариннымъ именемъ венгерскаго придворнаго канцлера, и т. д.; кроиъ того, венгерскому областному сейму предоставленъ кругъ занятій, болѣе обширный, чѣмъ другимъ областнымъ сеймамъ. Мы знаемъ, что всѣ важныя дѣла должны рѣшаться въ Вѣнѣ, какъ было до сихъ поръ, съ прибавленіемъ формальности сужденія о нихъ въ государственномъ совѣтѣ, если министры найдутъ удобнымъ, или и безъ этой формальности, если министрамъ покажется она неудобной. Венгрія не должна служить исключеніемъ изъ такого правила: и по ея внутреннему управленію всѣ важныя дѣла рѣшаются въ Вѣнѣ. Но изъ маловажныхъ дѣлъ предоставляется венгерскому провинціальному сейму разсмотрѣніе многихъ такихъ, которыя не подлежатъ вѣдѣнію другихъ областныхъ сеймовъ; второстепенные законы для Венгріи будутъ обсуживаться венгерскимъ сеймомъ, мнѣше котораго не обязательно для вѣнскаго министерства.

Венгры раздѣляются на три или, собственно говоря, на двѣ партіи. Половина населенія держится партія Кошута; другая половина націи, такъ называемая умѣренная партія, попрежнему хочетъ, чтобы Венгрія составляла государство, совершенно отдѣльное отъ Австрійской имперіи, съ которой была бы соединена только одинаковостію династіи, какъ Норвегія соединена со Швеціей. Это требованіе называется „требованіемъ возстановленія старинной конституціи съ измѣненіями сдѣланными въ ней въ 1848 г.“ Измѣненія, сдѣланныя въ 1848 г. состояли въ томъ, что отстранена была всякая возможность вмѣшательства вѣнскаго правительства въ венгерскія дѣла: въ столицѣ Венгріи, Пештѣ, было учреждено отдѣл

вое министерство, находившееся въ вѣнскомъ лишь въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находятся два правительства совершенно различныхъ государствъ, — напри- мѣръ, англійское къ французскому, или испанское къ португальскому. Къ этой умѣренной партіи и къ радикальной или кошутовской партіи принадлежатъ венгры, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, составляющихъ третью партію. Эти немногіе люди — люди, бывшіе приверженцами Меттерниха и оставшіеся вѣрными Австріи въ эпоху возстанія. Они магнаты, но и между магнатами составляютъ лишь незначи- тельную пропорцію. Эта такъ называемая старая консервативная или австрійская партія надѣялась склонить умѣренную партію къ принятію диплома 20 октября. Къ несчастію для Австрійской имперіи, она ошиблась въ благонамѣренномъ раз- счетѣ. Въ Венгріи дипломъ былъ принятъ холодно, чѣмъ гдѣ нибудь. Въ дру- гихъ большихъ городахъ недовольство въ первые дни по его обнародованіи выра- зилось лишь отказомъ отъ приглашенія къ иллюминаціи домовъ; въ Пештѣ оно дошло до столкновенія толпы съ австрійскими войсками. Вотъ отрывокъ изъ кор- респонденціи Times'a объ этой сценѣ (беремъ рассказъ Times'a собственно потому, что онъ умѣреннѣе рассказовъ, сообщенныхъ нѣмецкими газетами, которыя самымъ непатріотическимъ образомъ выражали свое сочувствіе къ венграмъ непріятными словами объ австрійцахъ; должно сказать, что это относится и къ газетамъ, издаю- щимся въ самой Вѣнѣ).

„Вотъ подробности о безпорядкахъ, произошедшихъ въ Пештѣ, вечеромъ 23 октября. Въ понедѣльникъ, 22 октября, городской совѣтъ пригласилъ жителей венгерской сто- лицы иллюминировать дома въ выраженіе благодарности императору за восстановленіе конституціи. Во вторникъ, утромъ (23 октября) до генерала Бенедекъ дошло, что въ случаѣ устройства иллюминаціи — произойдутъ безпорядки; потому онъ приказать го- родскому начальству объявить домохозяевамъ, чтобы они не освѣщали домовъ. Вече- ромъ погода была чрезвычайно хороша и улицы были полны народа; но не было ника- кихъ признаковъ намѣренія произвести безпорядокъ въ городѣ до 8 часовъ вечера; въ это время толпа молодежи пошла по Вайценовской улицѣ (главной улицѣ Пешта) съ свистомъ и крикомъ. Въ первомъ этажѣ дома, занимаемого гостинницею „Венгерскаго короля“, была выставка стереоскопныхъ картинъ и за транспарантомъ въ одно изъ оконъ былъ яркій свѣтъ. Увидѣвъ это, молодежь начала кричать больше прежняго и бросать въ окно мелкими мѣдными деньгами. Явились сильные патрули и прямо броси- лись на толпу. Въ то же время было другое столкновеніе между войсками и народомъ на площади новаго рынка. Отряды пѣхоты и конницы бросались на него. Между про- чимъ, солдаты входили въ кофейную Зрини и выгнали оттуда посѣтителей. Нѣсколько человекъ было арестовано“.

Бенедекъ, венгръ по происхожденію, выказалъ тутъ мужественную откровен- ность намѣреній и чувствъ. Въствѣ съ дипломомъ 20 октября былъ обнародованъ рескриптъ, которымъ Бенедекъ изъ должности венгерскаго генераль-губернатора переимѣнился на должность главнокомандующаго австрійскими войсками въ Вене- ціанской области. Готовясь проститься съ правителемъ-соотечественникомъ, город- ское начальство Пешта явилось къ нему съ поднесеніемъ грамоты на званіе пешт- скаго гражданина, какъ нѣкогда лондонская сити подносила Веллингтону титулъ лондонскаго гражданина. Это было послѣ сцены 23 октября. „Погодите под- носить титулъ вашего согражданина до той поры, когда не будетъ безчестно на- зываться пештскимъ гражданиномъ“, сказалъ Бенедекъ явившейся къ нему депу- таціи. „Вы знаете Бенедика только на половину“ продолжалъ онъ: „въ слѣдую- щій разъ я не посмотрю на то, сколько васъ надобно будетъ перебить“. Давая обѣщаніе охранять порядокъ съ непоколебимою твердостью, Бенедекъ разумѣлъ

или то, что еще остается въ Пештѣ на нѣсколько времени (онъ уѣхалъ въ Венецію лишь въ половинѣ ноября), или то, что въ случаѣ надобности возвратится въ Венгрію изъ Венеціи. Но несмотря на такую сильную поддержку, дѣло объ осуществленіи диплома 20 октября встрѣчаетъ затрудненія.

Мы видѣли, что для другихъ провинцій составъ областныхъ сеймовъ и способъ избранія депутатовъ опредѣлялся прямо рѣшепіемъ министерства. Сеченъ и его товарищи полагали, что подобное распоряженіе относительно венгерскаго сейма произведетъ слишкомъ дурное впечатлѣніе въ Венгріи. Министры объявили, что должна собраться изъ венгерскихъ магнатовъ предварительная конференція для составленія проекта избирательнаго закона. Результаты такой уступки не замедлили обнаружиться. Первоначально Сеченъ и Вай хотѣли созвать на конференцію исключительно своихъ политическихъ друзей. Но тотчасъ же обнаружилось, что такая конференція не имѣла бы нравственной силы надъ мнѣніемъ страны, которая отвергла бы ся постановленія. Оказалась необходимость пригласить на конференцію нѣсколькихъ людей національной партіи. Но умѣренные люди національной партіи рѣшились явиться на конференцію лишь за тѣмъ, чтобы объявить незаконность конференціи, выразить мнѣніе, что всякія совѣщанія о составѣ сейма и способѣ выборовъ незаконны, что выборы должны происходить по избирательному закону 1848 года. Такая неожиданность принудила министровъ отлагать конференцію съ одного срока на другой, наконецъ отложить ее безсрочно. Какъ распутается это затрудненіе, неизвѣстно.

Точно такое же неудобство встрѣтилось въ преобразованіи венгерской администраціи. По прежнему порядку, Венгрія дѣлилась на комитаты, имѣвшіе самоуправленіе по своимъ дѣламъ. Эта комитатская администрація была отмѣнена, и страна, населенная собственно венгерскимъ племенемъ, раздѣлена на 5 большихъ округовъ, управлявшихся австрійскими начальниками. Теперь вздумали возвратиться въ нѣкоторой степени къ формамъ прежняго національнаго управленія и явился списокъ венгерцевъ, назначенныхъ начальниками или „жупанами“ (Obergespan) возстановляемыхъ комитатовъ. По обычаю, этихъ лицъ не было предварительно спрошено, согласны ли они принять даваемое имъ назначеніе. Въ списокъ жупановъ попало человекъ 12 или 15 умѣренной національной партіи. Что же вышло? Всѣ они отказались отъ должностей.

Будемъ надѣяться, что искусство австрійскихъ правителей найдетъ средства къ устраненію всѣхъ неприятныхъ послѣдствій диплома 20 октября. Но до сихъ поръ онъ произвелъ для нихъ одни только неприятные слѣдствія.

Во всякомъ случаѣ, если бы ошибка и была еще исправима, очень дурно то, что потеряно благоприятное время къ усмиренію внутреннихъ враговъ, получающихъ силу отъ успѣховъ вѣшняго врага—итальянскаго единства. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ мы говорили, легко было бы рѣшительными и быстрыми дѣйствіями возстановить власть Франциска II, удержать власть папы въ областяхъ, оставшихся у него къ веснѣ нынѣшняго года. Время это потеряно въ безплодныхъ попыткахъ пріобрѣсти вѣшнихъ союзниковъ и успокоить внутреннее невольство, а теперь справиться съ Италіею уже не такъ легко.

Когда мы писали обзоръ въ прошломъ мѣсяцѣ, Сицилія, Неаполь, занятые цѣмпортцами папскія области собирались вотировать свое присоединеніе къ королевству Виктора-Эммануэля, радикалы были побѣждены умѣренными, Гарibaldi и

готовился сдать сардинскимъ генераламъ продолженіе войны съ Францискомъ II и министерству Кавура управление южною Италію. Положеніе дѣлъ было уже такъ опредѣлительно, что можно было впередъ знать событія, которыя произошли съ тѣхъ поръ.

Сардинскія войска приближались съ сѣверо-запада, изъ бывшихъ папскихъ владѣній, черезъ Абруццы, къ театру войны. Гарибальди ожидалъ ихъ въ бездѣйствіи, чтобы передать имъ свои позиціи. Приблизился король. Гарибальди поѣхалъ на встрѣчу ему, обнялся съ Чальдини, находившимся въ авангардѣ королевской арміи, но король при встрѣчѣ только подалъ ему руку, не слѣзая съ лошади. Уже и прежде Гарибальди испыталъ много естественныхъ непріятныхъ для себя и для своихъ волонтеровъ послѣдствій своего дѣла. Теперь онъ и волонтеры подверглись оскорбленіямъ, которыхъ были достойны. Конечно, они передавали Виктору-Эммануэлю и Кавуру области, равнявшіяся своимъ населеніемъ всему прежнему королевству сѣверной Италиі; конечно, они дѣлали Виктора-Эммануэля изъ слабого, зависимаго отъ покровительства сосѣдей государя, — государемъ могущественнымъ. Но всетаки они представляли собою революціонный элементъ, котораго не могло терпѣть благоустроенное правительство; самыя претензіи ихъ на имя освободителей южной Италиі, на имя основателей итальянскаго единства были несносны, а предприимчивость ихъ, до сихъ поръ бывшая столь полезною для Виктора-Эммануэля и Кавура, казалась опасною для будущаго; пока оставались волонтеры и Гарибальди, умѣренная партія не могла ручаться, что они не увлекутъ Италію въ столкновенія съ Франціею и Австріею, съ которыми не слѣдуетъ теперь ссориться, по мнѣнію умѣренной партіи. При такихъ отношеніяхъ и расчетахъ, необходимо было принудить Гарибальди удалиться и уничтожить опасную силу волонтеровъ. Надобно сказать, что Кавуръ и его товарищи приняли всѣ мѣры, нужныя для достиженія такой цѣли. Начать съ того, что еще задолго до вступленія Виктора-Эммануэля въ Неаполь выборъ лицъ, назначенныхъ управлять Неаполемъ и Сициліею, сдѣланъ былъ такой, чтобы Гарибальди и волонтеры ясно видѣли, что стали ненужны и неумѣстны при учрежденіи правильнаго управленія. Этой цѣли соотвѣтствовалъ и выборъ генераловъ, сопровождавшихъ Виктора-Эммануэля въ Неаполь. Вотъ небольшой отрывокъ изъ неаполитанской корреспонденціи 'Times'a, относящійся къ тому времени, когда Викторъ-Эммануэль направлялся къ Неаполю:

„Вѣроятно, графъ Кавуръ и его товарищи были далеки отъ намѣренія оскорблять диктатора безъ всякой надобности; но я не могу равнодушно читать статью *Diritto*, въ которой перечисляются, одинъ за другимъ, новые чрезвычайные комиссары и въ секретари и оказываются людьми по разнымъ причивамъ самыми враждебными Гарибальди. Король вѣзжае въ Казерту, имѣя подлѣ себя Фарини, какъ совѣтника по гражданскимъ дѣламъ, и Фанти, какъ начальника своего штаба. А эти люди, Фарини и Фанти, тѣ самые люди, которые остановили въ началѣ нынѣшняго года задуманный Гарибальди походъ въ папскую область и Неаполь изъ Романьи. Вальфре, ѣдущій также съ королемъ, чтобы принять начальство надъ артиллеріею, былъ первымъ секретаремъ при Ла-Марморѣ и раздѣлялъ, даже утрировалъ, презрѣніе и антипатію Ла-Марморы къ волонтерамъ; справедливо или несправедливо — Вальфре считаютъ причиною всѣхъ непріятностей, которымъ подвергались волонтеры Гарибальди въ ломбардскомъ походѣ. Какъ ни велико самоотверженіе Гарибальди, но каково будетъ для него, ради короля, подать руку этимъ сановникамъ короля. Чувство прискорбія и униженія, которое пробудится немъ видомъ этихъ людей, не будетъ смягчено извѣстіями, которыя привезетъ

ему король, — известіями, что Фарини назначенъ королевскимъ генеральнымъ комиссаромъ въ Неаполь, а Монтецемоло — королевскимъ генеральнымъ комиссаромъ въ Палермо, — Монтецемоло, который былъ къ несчастію губернаторомъ Ниццы въ то время, когда готовилась уступка Ниццы, который былъ исполнителемъ всѣхъ уловокъ, всѣхъ дѣйствій, какія принуждено было дѣлать правительство графа Кавура, жертвовавшее требованію Франціи не только двумя областями королевства, жертвовавшее также правительственной честью, правами парламента и народа. Не успокоить Гарибальди и то, что генераль-секретаремъ сицилійскаго правительства, помощникомъ Монтецемоло, назначенъ Кордова, — Кордова, котораго диктаторъ почелъ нужнымъ всего двѣ недѣли тому назадъ изгнать изъ Неаполя и Сициліи. Еще хуже того, если справедливъ слухъ, что министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Сициліи назначается Ла-Фарина, — Ла-Фарина, который первый раздражилъ Гарибальди въ Сициліи, — Ла-Фарина, котораго диктаторъ всегда считалъ злѣйшимъ изъ своихъ личныхъ враговъ“.

Мы обращаемъ вниманіе не на то, что партія, доставившая Виктору-Эммануэлю власть надъ южною Италіею, совершенно устранялась отъ управленія дѣлами въ южной Италіи, — положимъ, что Кавуръ естественно долженъ былъ назначить правителями людей своей партіи, — нѣтъ, мы говоримъ совершенно о другомъ обстоятельстве. Въ числѣ вѣрнѣйшихъ своихъ приверженцевъ Кавуръ могъ найти множество лицъ, не имѣвшихъ личныхъ столкновеній съ Гарибальди; почему же выбраны были именно тѣ немногіе, назначеніе которыхъ было личною обидою для него по прежнимъ личнымъ неприяностямъ его съ ними? Развѣ, напримѣръ, нѣтъ въ сардинской арміи генераловъ, кромѣ Фанти? Зачѣмъ же именно Фанти, а не другой какой-нибудь генералъ былъ посланъ сопровождать Виктора-Эммануэля? Выборъ произведенъ былъ съ явнымъ расчетомъ оскорбить Гарибальди. Или некого было послать въ Неаполь, кромѣ Фарини, некого послать въ Палермо, кромѣ Ла-Фарини?

Мы говорили, что когда піэмонтскія войска двинулись на войну съ Франціею, Гарибальди прекратилъ всякія наступательныя дѣйствія, съ патриотическимъ расчетомъ рѣшившись оставить честь побѣды тѣмъ людямъ, хотя и своимъ противникамъ, которые будутъ управлять Неаполемъ, чтобы славою сардинской арміи упрочилась власть Виктора-Эммануэля. Но когда піэмонтская армія пришла подъ Капую, Гарибальди конечно долженъ былъ указать, что его волонтеры не отказываются помогать піэмонтецамъ, хотя и сражаться рядомъ съ ними. Викторъ-Эммануэль отвѣчалъ на это, что если Гарибальди хочетъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, то пусть обратится за инструкціями къ делла-Роккѣ, командующему піэмонтскимъ корпусомъ, дѣйствующимъ противъ Капуи. Это значило, что Гарибальди отдается подъ команду одного изъ второстепенныхъ піэмонтскихъ генераловъ.

Подъ команду къ нему Гарибальди не поступилъ, но въ случаѣ нужды волонтеры помогали сардинцамъ. Наконецъ, капюанскій гарнизонъ предложилъ сдаться. Гарибальди, всегда дававшій неаполитанцамъ самыя почетныя, по военнымъ правиламъ, условія капитуляціи, чтобы не унижать и не раздражать солдатъ пригодныхъ впоследствии служить итальянскому дѣлу, соглашался на условія, предложенныя гарнизономъ Капуи. Но делла-Рокка не согласился, требуя условій менѣе почетныхъ для гарнизона, и возобновилъ бомбардировку крѣпости. Гарибальди былъ внѣ себя отъ негодованія, увидѣвъ это бесполезное продолженіе боища.

Какъ поступали Кавуръ и шэмонсвіе генералы съ Гарибальди, точно такъ же поступали шэмонтсшіе офицеры и солдаты съ волонтерами; слѣдуя примѣру начальниковъ, они третировали волонтеровъ съ пренебреженіемъ, какъ людей плохо знающихъ формальную сторону службы. Читатель знаетъ, что лишь въ послѣднее время началъ проникать въ шэмонтскую армію боевой духъ, ставящій способность храбро сражаться выше плацъ-парадной выправки; еще недавно господствовали въ ней педанты, вліяніе которыхъ на умы офицеровъ остается до сихъ поръ сильно. Въ прошедшемъ году, до присоединенія Тосканы, герцогствъ и Романьи къ Піэмонту, командуя арміею центральной Италіи, Фанти отъаэыввалъ въ принятіи людямъ, добровольно пришедшимъ за сотни верстъ поступить въ солдаты, когда эти люди были на четверть дюйма ниже мѣрки или были однимъ мѣсяцемъ моложе опредѣленнаго возраста. Люди этой категоріи еще многочисленны между сардинскими командирами и офицерами. Можно вообразить себѣ, какъ смотрѣли они на волонтеровъ, умѣвшихъ только сражаться.

Среди ряда неприятностей, Гарибальди и волонтеры имѣли одинъ торжественный день, — день раздачи медалей тѣмъ храбрымъ, которые уцѣлѣли изъ 1062 человекъ, высадившихся съ Гарибальди въ Марсалѣ, и взяли Палермо, принудивъ сдать на капитуляцію двадцатитысячную армію. Медаль была выбита въ честь ихъ городскимъ правительствомъ Палермо. Герцогиня Вердура съ депутаціею отъ города Палермо привезла ее въ Неаполь и сама навѣшивала на грудь каждому. По списку вызывали одного за другимъ, — но лишь на меньшую половину вызововъ являлись вызываемые, а чаще вслѣдъ за именемъ вызываемого слышался отвѣтъ товарищей: „убить“. Изъ 1062 человекъ уцѣлѣло только 457. Медали убитыхъ были отданы ихъ семействамъ, въ воспоминаніе о признательности сицилійцевъ. Въ числѣ получившихъ медаль находилась одна дама, — г-жа Криспи, супруга того Криспи, который былъ душою сицилійской радикальной партіи. „Она достойна медали не меньше, чѣмъ ктонибудь изъ насъ, сказалъ Гарибальди: она была единственная женщина, сопровождавшая насъ въ марсальской экспедиціи“.

Торжество волонтеровъ марсальской экспедиціи было послѣднею свѣтлою сценою жизни Гарибальди и волонтеровъ въ послѣдніа недѣли. Скоро пришла минута уничтоженія арміи и удаленія ея предводителя.

7 ноября Викторъ-Эммануэль пріѣхалъ въ Неаполь; Гарибальди съ своими продиктаторами, — неаполитанскимъ Паллавичино и сицилійскимъ Мордини, — явился на другой день передать ему власть, и король назначилъ своихъ намѣстниковъ въ Неаполь и Палермо. Мы не будемъ повторять здѣсь всѣхъ разнорѣчныхъ слуховъ объ обидахъ, которымъ подвергся Гарибальди въ эти дни. Довольно будетъ упомянуть о фактахъ, достовѣрность которыхъ уже разъяснена полемикой.

Гарибальди съ Паллавичино и Мордини явился встрѣтить короля на станціи желѣзной дороги. Король пригласилъ въ свой экипажъ Гарибальди и Паллавичино, но не почелъ достойнымъ этой чести Мордини, котораго давно уже выставили злодѣемъ за то, что онъ не вошелъ въ сношенія съ Кавуромъ противъ Гарибальди, какъ вошелъ Паллавичино; протомъ же Паллавичино — маркизъ, а Мордини — что-то въ родѣ адвоката или медика, или чего-то подобнаго, не больше. Несмотря на званіе продиктатора, Мордини не имѣлъ денегъ, чтобы обзавестись экипажемъ. Во время пріѣзда короля шелъ проливной дождь, а король прибылъ въ Неаполь съ экстреннымъ поѣздомъ гораздо прежде, чѣмъ его ждали, потому

около станціи не было народа, не было и ни одного извозчика. Мордини отправился домой пѣшкомъ по грязи, подѣ дождемъ. Когда Гарибальди сѣлъ въ экипажъ съ Викторомъ-Эммануэлемъ и увидѣлъ, что Мордини тутъ нѣтъ, а садится въ экипажъ только Паллавичино, онъ вспыхнулъ: въ самомъ дѣлѣ, пренебреженіе къ Мордини было пренебреженіемъ къ нему самому, при извѣстной дружбѣ его съ сицилійскимъ продиктаторомъ. Нечего было дѣлать; догнали Мордини, воротили, посадили въ экипажъ рядомъ съ Паллавичино.

Викторъ-Эммануэль предложилъ Гарибальди орденъ Аннунсіады; Гарибальди сказалъ, что онъ носить орденъ не можетъ, но просилъ короля дать эту награду обоимъ продиктаторамъ. На другое утро, когда продиктаторы и министры собрались въ комнату Гарибальди, чтобы отправиться къ Виктору-Эммануэлю и передать ему власть, Паллавичино былъ украшенъ орденомъ Аннунсіады, а Мордини нѣтъ. Гарибальди опять не выдержалъ, разсердился, сталъ упрекать Паллавичино, зачѣмъ онъ принялъ орденъ, который не данъ его товарищу, такому же продиктатору, какъ онъ. Но чрезъ нѣсколько минутъ дѣло разъяснилось: Паллавичино сообщилъ Гарибальди, что Мордини самъ прислалъ къ королю письмо, въ которомъ отказывался отъ ордена. Гарибальди успокоился. Но черезъ нѣсколько часовъ узналъ, что прежнее разъясненіе было не совѣмъ полно. Мордини было сообщено, что король не хотѣлъ бы давать ему ордена, но затрудняется, какъ отказать ему, когда этого требовалъ Гарибальди. Услышавъ это, Мордини написалъ письмо, которое вывело Виктора-Эммануэля изъ затрудненія.

Все это мелочи, но они достаточно показываютъ, что Гарибальди и его помощники унижены отъ тѣхъ самыхъ людей, въ пользу которыхъ работали. Если такое пренебреженіе высказывали къ диктатору южной Италіи даже въ вещахъ не важныхъ, то можно сообразить, какой отвѣтъ слышалъ онъ на свои требованія въ важныхъ дѣлахъ. Давно уже онъ видѣлъ, что чѣмъ скорѣе ему убраться на Капреру, тѣмъ лучше. Онъ даже не хотѣлъ дожидаться пріѣзда Виктора-Эммануэля въ Неаполь, но его убѣдили не обнаруживать разрыва съ такою рѣзкостью. Потомъ онъ хотѣлъ уѣхать тотчасъ же послѣ аудіенціи 8 числа, въ которой передалъ власть Виктору-Эммануэлю; его опять успѣли удержать до слѣдующаго утра, чтобы смягчить впечатлѣніе, какое долженъ былъ произвести его отъѣздъ. Ему выражали готовность согласиться на все его требованія, какія только могутъ быть исполнены, но оказалось, что не могутъ согласиться ни на одно изъ нихъ. Конечно, не весь ходъ этихъ переговоровъ извѣстенъ теперь съ точностью. Раза два или три Гарибальди говорилъ съ Викторомъ-Эммануэлемъ наединѣ и не рассказывалъ потому никому, кромѣ своихъ ближайшихъ друзей, о чемъ шла рѣчь. Извѣстно только въ общихъ чертахъ, что Гарибальди соглашался остаться, если дозволить ему занимать положеніе, не зависимое отъ туринскаго министерства, враждебнаго ему. На это не согласились. Тогда онъ просилъ, по крайней мѣрѣ, чтобы сохраненъ была отдѣльная организація арміи волонтеровъ, — не согласились и на это. Наконецъ онъ просилъ хотя того, чтобы признаны были офицерскіе чины за людьми произведенными имъ въ его арміи, — не согласились и на это. Онъ уѣхалъ 9 сентября на развѣстѣ, когда городъ еще спалъ, чтобы не возбуждать своимъ отъѣздомъ демонстрацію. Съ нимъ отправилось на Капреру человекъ семь тѣхъ ближайшихъ его друзей, которые не были удержаны своими обязанностями при агоніи прекращавшей существованіе арміи волонтеровъ. Тюрръ, Козенць, Сирторій г

могли уѣхать изъ Неаполя: они остались, чтобы защищать по возможности своихъ товарищей. Учреждена комиссія для пересмотра офицерскихъ списковъ арміи Гарибальди, чтобы уволить отъ службы „опасныхъ“ или „недостойныхъ“ людей, которые успѣли войти въ ряды волонтеровъ, но не должны бесславить собою корпусъ офицеровъ регулярной итальянской арміи. Оставлены будутъ чины лишь тѣмъ изъ нихъ, которыхъ піэмонтскіе генералы признаютъ заслуживающими снисхожденіе. Гарибальди успѣлъ добиться лишь того, что Сирторій, Козенцъ и Тюрръ допущены въ піэмонскую комиссію; которая будетъ судить офицеровъ бывшей арміи Гарибальди. А между тѣмъ армія эта быстро исчезаетъ: съ каждымъ днемъ расходятся изъ рядовъ ея сотни патриотовъ. Желаніе Фанти въ томъ именно и состоитъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ этого беспорядочнаго собранія людей. Уже два раза удавалось піэмонтскимъ генераламъ уничтожать войска волонтеровъ, собиравшихся около Гарибальди: по заключеніи Виллафранкского мира, они успѣли уничтожить корпусъ альпійскихъ стрѣльцовъ, съ которымъ дѣйствовалъ Гарибальди въ сѣверной Ломбардіи. Черезъ полгода они, и главнымъ образомъ именно Фанти, успѣли уничтожить второе такое войско, собранное Гарибальди въ центральной Италіи; нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ нынѣшній разъ ихъ усилія увѣнчаются успѣхомъ; вѣрнѣе сказать, они уже увѣнчались почти полнымъ успѣхомъ; черезъ полторы недѣли по отъѣздѣ Гарибальди не осталось въ рядахъ арміи волонтеровъ и третьей части людей, составлявшихъ ее; не замедлитъ разойтись и эта послѣдняя треть. Мы хвалимъ ревность, съ какою спѣшилъ Кавуръ наказать Гарибальди и его товарищей за революціонный духъ, двинувшій ихъ противъ короля неаполитанскаго. Кавуру нельзя было не воспользоваться плодами дѣла, совершеннаго Гарибальди, но онъ не могъ, чтобы не наказать его всевозможными униженіями. Это хорошо; но Кавуръ увлекся избыткомъ усердія. Онъ держится своею дипломатическою репутаціею такъ твердо, что не боится ни Гарибальди, ни его друзей. Но, если безвредно остается для самого Кавура впечатлѣніе, произведенное на итальянскую публику удаленіемъ Гарибальди, то вредно оно для итальянскаго дѣла. Кавуръ во многихъ поколебалъ этими оскорбленіями преданность къ Виктору-Эммануэлю, внесъ сильнѣйшую причину раздора въ умы итальянскихъ патриотовъ.

Но между тѣмъ единство Италіи устраивается и упрочивается. Черезъ годъ или черезъ два можетъ быть уже не будетъ возможности раздробить государство, собравшіяся теперь подъ власть Виктора-Эммануэля. Будемъ ждать, какъ переживетъ оно опасности, которыми окружено его возникновеніе. Австрійцы потеряли время для начатія войны и теперь, повидимому, не думаютъ начинать ее раньше слѣдующей весны. Посмотримъ, успѣютъ ли итальянцы приготовиться къ войнѣ до весны; но если не успѣютъ, то виноваты будутъ уже сами. У нихъ есть время до той поры сформировать такую армію, противъ которой австрійцы не могли бы вести наступательной войны.

Положеніе дѣлъ сомнительно не въ одной Австріи. Нѣсколько разъ мы упоминали о разныхъ признакахъ умственного безпокойства во Франціи. Симптомы эти мелки, потому что крупныхъ не можетъ быть въ нынѣшней Франціи: она вся какъ будто отлита изъ чугуна, который сохраняетъ всю наружную крѣпость до той минуты, когда вдругъ распадается. Но само французское правительство озачивается признаками движенія, предсказывающими неприятели. Постоянно но-

сятея слухи, что оно думаетъ преобразовать конституцію въ либеральномъ смелѣ. Эти слухи повторяются иногда съ опроверженіями, иногда съ подтверженіями въ полуофициальныхъ французскихъ газетахъ. Было бы неосновательно ожидать ихъ осуществленія въ значительномъ размѣрѣ, но въ незначительной степени они оправдываются извѣстіями, что дается нѣкоторый просторъ преіямъ законодательнаго корпуса. Будемъ надѣяться, что уступка окажется не портящею нынѣшняго порядка, но все-таки она свидѣтельствуетъ о какомъ-то внутреннемъ колебаніи.

Точно такое же стѣсненіе прежнихъ твердыхъ началъ неблагоприятнымъ расположеніемъ умовъ обнаруживается и во французской политикѣ относительно Италіи. Во всемъ видно желаніе поддержать Франциска II, но никакихъ рѣшительныхъ мѣръ не принимается противъ основывающагося итальянскаго государства. Все ограничивается пока только тѣмъ, что сардинскому флоту не дозволено было участвовать въ осадѣ Гаэты; но это лишь оттягиваетъ нѣсколькими недѣлями развязку, нисколько не увеличивал шансовъ Франциска II. Война идетъ къ своему концу по программѣ, развитіе которой можно было предвидѣть заранѣе. Сардинцы разрѣзали войска Франциска II на три части, — разорвавъ сообщенія дѣйствующей арміи съ гарнизонами Гаэты и Капуи. Капуя сдалась; черезъ нѣсколько дней дѣйствующая армія оттѣснена была въ папскія владѣнія и тамъ положила оружіе; остается только Гаэта, осада которой не представляетъ ничего сомнительнаго въ своемъ ходѣ. Франція не дѣлала до сихъ поръ ничего такого, что могло предотвратить неходъ дѣла, всеми давно предусматриваемый. Со стороны Франціи тутъ недостатокъ не въ доброй волѣ, а лишь въ возможности дѣйствовать безъ риска для внутренняго существующаго порядка.

Сображая все, приходишь къ одному заключенію: трудно надѣяться на такое счастье, чтобы слѣдующая весна не принесла съ собою западной Европѣ сотрясеній. Изъ вѣроятныхъ для западной Европы шансовъ наименѣе невыгодный для существующаго порядка былъ бы тотъ, когда бы столкновенія ограничились какою нибудь войною между тѣми или другими державами, безъ внутреннихъ смуть; но этого шанса нельзя назвать вѣроятнѣйшимъ. Итальянскія событія уже оказываютъ заразительную свою силу въ Австріи и въ расположеніи умовъ французовъ.

Къ числу важнѣйшихъ событій слѣдуетъ отнести поражение такъ называемой демократической и торжество такъ называемой республиканской партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, при выборѣ президента. Это фактъ, едва ли уступающій своею значительностью итальянскимъ событіямъ двухъ послѣднихъ лѣтъ. Не то, чтобы отъ выбора Линкольна надобно было ожидать немедленныхъ переворотовъ, — теперь всѣ видятъ, что восторжествовавшіе противники невольничества еще не въ силахъ принять мѣръ къ освобожденію негровъ въ южныхъ штатахъ, а побѣжденные рабовладѣльцы не въ силахъ поднять южные штаты къ отторженію отъ союза. Но 6 ноября 1860 г., день, когда побѣда осталась на сторонѣ партіи, имѣвшей своимъ кандидатомъ Линкольна, этотъ великій день — начало новой эпохи въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ, день, съ котораго начался поворотъ въ политическомъ развитіи великаго сѣверо-американскаго народа. До сихъ поръ, надъ его политикою господствовали южные плантаторы, люди знатные и гордые своею знатностью Ихъ партія называется теперь демократическою, но въ сущности она была олигархическою. Теперь земледѣльцы сѣвера и запада, — земледѣльцы въ буквальной

смыслъ слова, люди, воздѣлывающіе землю своими руками, — первые сознали въ себѣ силу обойтись безъ опеки южныхъ олитарховъ и управлять союзомъ. 6 ноября 1860 года они свергнули иго, лежавшее на нихъ въ теченіе многихъ десятилѣтій, и какимъ бы колебаніямъ ни было подвержено въ будущемъ продолженіе борьбы, они пойдутъ и пойдутъ къ своей цѣли, къ восстановленію политики Соединенныхъ Штатовъ на высоту, которой не имѣла она со временъ Джефферсона; начнетъ воскресать бѣлое населеніе юга, не имѣющее невольниковъ, и черезъ нѣсколько времени оно соединится съ сѣверными штатами для уничтоженія невольничества, черныхъ, — невольничества, которое лежало гнетомъ на всей жизни всего сѣверо-американскаго народа, пятномъ на доброй славѣ его. А добрая слава сѣверо-американскаго народа важна для всѣхъ націй при быстро возрастающемъ значеніи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ жизни цѣлаго человѣчества. Теперь довольно будетъ этой общей характеристики событія, которое извѣстно намъ лишь по отрывочнымъ и враткимъ замѣткамъ европейскихъ газетъ; рассказъ о немъ отложимъ до слѣдующаго мѣсяца, когда получимъ сѣверо-американскія газеты, описывающія ходъ дѣла 6 ноября.

ПОЛИТИКА.

ДЕКАБРЬ 1860.

Австрийскія дѣла.—Программа Шмерлинга.—Развитіе венгерскихъ отношеній.—Вопросъ о народностяхъ въ Вевгріи.—Италія.—Девретъ 24 ноября во Франціи.—Вопросъ о сохраненіи или расторженіи союза въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Итальянскія дѣла рѣшительно отстранены на второй планъ событіями, происходящими или готовящимися въ Австріи. Обстоятельства австрийцевъ становятся дѣйствительно серьезны. Будемъ надѣяться по прежнему, что австрийцы съумѣютъ избавиться отъ затрудненій, произведенныхъ либеральными ихъ попытками. Но именно для того, чтобы можно было намъ вполне оцѣнить всю ловкость, какую несомнѣнно обпаружаютъ австрийцы въ отстраненіи затрудненій, намъ надобно выставить теперь всю опасность ихъ обстоятельствъ.

Статуты, изданные для четырехъ нѣмецкихъ провинцій, были встрѣчены, какъ мы уже говорили, самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Чтобы понять всю распространенность неудовольствія, довольно будетъ привести одно свидѣтельство. Читателю извѣстно, что „Аугсбургская Газета“ служитъ полуофіціальнымъ органомъ австрийскаго правительства. Кромѣ корреспондентовъ, пишущихъ по офіціальному указанію, она имѣетъ въ Австріи и другихъ корреспондентовъ, которые, не занимая офіціального положенія, заслуживаютъ чести сотрудничества въ „Аугсбургской Газетѣ“ пылкимъ спокойствіемъ своего австрийскаго патриотизма. Эти скромные патриоты до сихъ поръ доказывали въ „Аугсбургской Газетѣ“, что дѣла вдутъ хорошо: но теперь они увидѣли необходимость предостерегать австрийскихъ министровъ. Мы сами не слѣдимъ за развитіемъ либерализма въ заграничномъ органѣ австрийскаго правительства, но вотъ изъ вѣнской корреспонденціи Times'a отрывокъ, показывающій, до какой печальной необходимости предостерегать своихъ покровителей доведена „Аугсбургская Газета“.

„Вѣно, 26 ноября.

„Нѣкоторые изъ вашихъ читателей могутъ думать, что я слишкомъ мрачно смотрю на положеніе дѣлъ въ Австріи; потому приведу здѣсь мнѣнія другихъ публицистовъ. „Аугсбургская Газета“, находящаяся, какъ извѣстно, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ австрийскому правительству, напечатала письма изъ Тироля отъ 17 и 18 ноября, и вотъ каково содержаніе этихъ писемъ:

„Трудно выразить все ваше недовольство. Малы были наши ожиданія, но дано намъ „гораздо меньше, чѣмъ ждали мы. Тироль—страна всегда бывшая вѣрною династіи—получилъ въ награду за свою вѣрность и самоотверженіе статуй, который не лучше „статута 1816 года. Мы рѣшительно не въ состоявіи понять, какъ могъ кабинетъ

„издать такой законъ въ минуту, когда собирается столько тутъ надъ головою Австріи. „Тирольскіе поселяно и горожане,—одни поселяне и горожане,—много вѣковъ придають „всю особенность тирольской исторіи; кто вздумалъ бы отрицать это, доказалъ бы лишь „собственное незнаніе. А новый статутъ ставить малозначительную (bedeutungslos) „аристократію и духовенство на одну доску съ третьимъ и четвертымъ сословіями. Каж- „дос сословіе имѣеть одинаковое число представителей, и чтобы Европа могла соста- „вить себѣ вѣрное понятіи о важности тирольскихъ дворянъ, правительство опредѣлило, „что право быть избираемыми принадлежитъ дворянамъ, платящимъ 25 флориновъ по- „земельнаго налога. Въ Штириі, напротивъ, изъ поселянъ могутъ быть избираемы только „платящіе не меньше 30 флориновъ поземельнаго налога. Впечатлѣніе, произведенное „статутомъ, слѣдуетъ назвать не просто неблагоприятнымъ, а даже тяжелымъ“.

„Еще до обнародованія статутовъ Штириі, Каринтіи, Зальцбурга и Тироля я гово- рилъ вамъ, что жители германскихъ провинцій будутъ сильно протестовать противъ возстановленія сословныхъ сеймовъ, составляющихъ политической анахронизмъ. Такъ думаетъ и говорить Ost-Deutsche Post; нотъ извлеченіе изъ статьи, помѣщенной въ ней 25 ноября.

„Правительство такъ мало сдѣлало для богатыхъ и вліятельныхъ дворянъ Тироля и „Штириш *), что аристократія другихъ провинцій начинаетъ тревожиться. Большинство „государственнаго совѣта увѣдомляло націю, что когда аристократія будетъ управлять „дѣлами провинцій и округовъ, ея желанія будутъ исполнены; теперь оказывается, что „большинство государственнаго совѣта было слишкомъ скромно, потому что для ари- „стократіи сдѣлано больше, тѣмъ она просила. Австрійское дворянство хочетъ быть „всемогущимъ въ государствѣ. Если оно достигнетъ своей цѣли, что изъ того выйдетъ? „Враждебное чувство возникнетъ между сословіями. Нація хочетъ имѣть серьезныхъ, не- „поддѣльныхъ представителей“.

„Въ прибавленіе къ этому я замѣчу, что ультра-реакціонная партія вполне господ- ствуетъ, такъ что считаетъ слишкомъ либеральными даже графа Рехберга и графа Сечена. Предводители этой партіи — австрійско-нѣмецкіе епископы, духовники нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ и нѣсколькихъ старыхъ господъ и госпожъ. Взгляды людей, управляющихъ дѣлами, такъ узки, что они не видятъ опасности своего положенія, которая оче- видна для всѣхъ неофициальныхъ зрителей“.

Читатель знаетъ, что Тироль всегда былъ провинціею самою спокойною и самою вѣрною изъ всѣхъ австрійскихъ областей. Можно предположить, какъ не понравилось другимъ провинціямъ устройство, дававшееся имъ отъ графа Рехберга, когда „Аугсбургская Газета“ увидѣла надобность изображать ему въ такихъ краскахъ впечатлѣніе, произведенное его реформами на Тироль.

Дѣйствительно, никто теперь не хвалитъ систему, которою думалъ ограничить реформы графъ Рехбергъ, и всѣ порицають его. Но безпристрастный читатель не станетъ думать, будто бы Рехберга винять за все справедливо. Мы въ прошлый разъ старались доказать, что австрійскіе министры дѣлали все возможное для нихъ, и если не дѣлали до сихъ поръ уступокъ, болѣе значительныхъ, то лишь по невозможности. Притомъ же, если графъ Рехбергъ — дурной министръ, то почему не замѣнили до сихъ поръ его другимъ министромъ? Тутъ представляются лишь два отвѣта: или вовсе нѣтъ людей, которые стали бы на его мѣстѣ дѣйствовать иначе, или никто изъ такихъ людей не могъ занять его мѣсто. Въ томъ и въ другомъ случаѣ очевидно, что графъ Рехбергъ былъ до сихъ поръ наилучшимъ возможнымъ министромъ. Спрашиваемъ теперь, можно ли порицать того, который наилучшимъ образомъ исполняетъ свое назначеніе? Надобно замѣтить еще одно

*) Читатель знаетъ, что въ Тиролѣ вовсе нѣтъ дворянства; въ Штириі его также очень мало.

обстоятельство, самым поразительнымъ образомъ доказывающее всю пустоту порицателей. Читатель помнитъ, какъ Европа хвалила намѣренія и принципы Гюбнера, назначеннаго министромъ по заключеніи Виллафранкскаго жира, какъ печалилась объ отставкѣ, скоро данной ему. Теперь носились слухи, что по неудовлетворительности нынѣшнихъ министровъ будетъ снова призванъ въ кабинетъ Гюбнеръ, который поведетъ дѣла либеральнымъ способомъ. Изъ сотни людей, порицающихъ графа Рехберга, 99 были бы въ восторгѣ отъ назначенія министромъ барона Гюбнера. Но вотъ небольшой отрывокъ изъ вѣнской корреспонденціи Times'a.

„Вѣна, 3 декабря.

„Нынѣ я имѣлъ случай говорить съ челоѣкомъ, которому должны быть хорошо извѣстны мнѣнія и намѣренія графа Рехберга; онъ прямо сказалъ мнѣ, что пока Рехбергъ останется во главѣ правительства, не будетъ сдѣлано никакихъ дѣйствительныхъ уступокъ австрійско-нѣмецкимъ провинціямъ. — Министръ-президентъ (сказалъ онъ мнѣ) челоѣкъ съ очень узкимъ взглядомъ, и если дѣла пойдутъ, какъ шли до сихъ поръ, то скоро ему будетъ невозможно остаться министромъ. — Баронъ Гюбнеръ, имѣвшій въ эти дни два аудіенцію у императора, челоѣкъ способный; но онъ непопуляренъ въ австрійской публикѣ, потому что принадлежитъ къ партіи заключившей конкордату“.

Просимъ читателя не обращать никакого вниманія на первыя строки этого отрывка, содержащія явную клевету на графа Рехберга: дипломъ 20 октября и слѣдовавшіе за нимъ акты слишкомъ ясно показываютъ неосновательность отзыва, сдѣланнаго корреспондентомъ Times'a. Уступки уже были сдѣланы, и мы дивимся легкомыслію, говорящему послѣ того, что графъ Рехбергъ не расположенъ къ уступкамъ. Но мы привели письмо изъ Times'a не для первой, а только для второй половины его, для ознакомленія читателя съ убѣжденіями барона Гюбнера. Положимъ, что Гюбнеръ не популяренъ теперь,—это еще ничего не доказываетъ: годъ тому назадъ, когда онъ получилъ отставку, онъ былъ популяренъ. Скажите же, какого уваженія заслуживаетъ австрійская публика, столь быстро мѣняющая свой взглядъ на одного и того же челоѣка? Мы полагаемъ, что мнѣніе такой публики не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія; мы заключаемъ изъ этого, что если теперь и графъ Рехбергъ и баронъ Гюбнеръ не популярны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, будто бы Рехбергъ дурно управляетъ дѣлами и Гюбнеръ сталъ бы дурно управлять ими. Но если непопулярность министра въ австрійской публикѣ не служить для насъ доказательствомъ его дурнаго управленія, то и популярность другаго челоѣка, назначаемаго австрійскимъ министромъ, не должна для насъ служить доказательствомъ, что онъ будетъ управлять дѣлами хуже министра, несправедливо не пользующагося столь же выгодною репутаціею въ публикѣ. Мы это говоримъ, въ видѣ предисловія, къ тому, что назначенъ теперь министромъ Шмерлингъ, о которомъ до его назначенія отзывались съ большою похвалою. Надобно рассказать, какъ произошло это назначеніе

Графъ Рехбергъ, министр-президентъ, конечно имѣетъ въ кабинетѣ господствующій голосъ. Но, воплнѣ заслуживая такой власти своими талантами и убѣжденіями, онъ не имѣетъ специальныхъ свѣдѣній по государственному управленію и собственно только показываетъ своимъ сотоварищамъ путь, по которому они должны идти, а управленіемъ завѣдываютъ уже они, сообразно его общимъ указаніямъ. Читатель знаетъ, что по диплому 20 октября всѣ дѣла внутренняго управленія, раздѣлявшіяся прежде на нѣсколько министерствъ, соединены въ одно министерство

глава котораго называется государственнымъ министромъ. Это важнѣйшее мѣсто было предоставлено графу Голуховскому, который прежде былъ непопуляренъ и сдѣлался еще непопулярнѣе по обнаруженіи четырехъ провинціальныхъ статутовъ, напрасно ставившихся публикою въ личное порицаніе ему. Какъ бы то ни было, но обнаружилась надобность подкрѣпить кабинетъ болѣе популярнымъ именемъ; стали носиться слухи, что графъ Рехбергъ приглашаетъ въ министерство Шмерлинга. Слѣдующій отрывокъ изъ вѣнской газеты *Die Presse* покажетъ читателю, какъ легкомысленно компрометировала Шмерлинга австрійская публика своими пустыми толками.

„Опять носится слухъ, что г. фонъ-Шмерлингъ будетъ членомъ кабинета. Подобный слухъ разносился много разъ въ послѣдніе мѣсяцы; но теперь мы имѣемъ положительное извѣстіе, что министръ-президентъ дѣйствительно вступилъ въ переговоры съ г. Шмерлингомъ. Имя Шмерлинга популярно въ умѣренно-либеральной нѣмецкой партіи, но его не любятъ ультра-консерваторы. Политическіе принципы назначаемаго министра мало извѣстны намъ, потому что онъ только разъ говорилъ публично въ послѣдніи восемь лѣтъ. Лѣтомъ 1849 года, Шмерлингъ, бывшій прежде однимъ изъ министровъ Германской франкфуртской имперіи, сдѣлался членомъ конституціоннаго (австрійскаго) министерства, главою котораго былъ князь Шварценбергъ, а черезъ два года онъ вышелъ изъ кабинета. Уже одно имя Шмерлинга составляетъ программу, но программу несомнѣстную съ системою графа Рехберга. При нынѣшнемъ положеніи венгерскихъ дѣлъ очевидно, что надобно или прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, или признать избирательный законъ 1848 года. Венгерскій сеймъ можетъ имѣть довѣріе къ министерству, не предрасположенному въ пользу феодальной партіи, можетъ дойти до соглашенія съ такимъ министерствомъ. Все это должно быть хорошо извѣстно г. фонъ-Шмерлингу; потому онъ едва ли согласится вступить въ кабинетъ графа Рехберга иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы графъ Рехбергъ совершенно измѣнилъ систему и усилилъ нѣмецкій элементъ въ кабинетѣ. Если г. фонъ-Шмерлингъ войдетъ въ министерство безъ этихъ условий, онъ скоро испытаетъ судьбу своихъ предшественниковъ“.

Мы покажемъ, что Шмерлингъ не измѣнитъ долгу, лежащему на австрійскомъ правителѣ, и не явится тѣмъ легкомысленнымъ либераломъ, какого ожидали увидѣть въ немъ люди, не понимающіе потребностей положенія, въ которому призванъ онъ. Впрочемъ уже самое его назначеніе служитъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что намѣренія новаго министра согласны съ австрійскимъ благомъ. Мы не должны колебаться въ этой увѣренности даже и разсказами о подробностяхъ, въ которыхъ произошло его назначеніе. Дѣло происходило, по словамъ корреспондента *Times'a*, слѣдующимъ образомъ.

„Фонъ-Шмерлингъ назначенъ государственнымъ министромъ, и достоверно, что его программа принята императоромъ. При разговорѣ съ его величествомъ въ четвергъ (6 декабря) онъ выразилъ свои мнѣнія съ большою прямою, и они были выслушаны терпѣливо и внимательно, хотя нѣкоторыя изъ нихъ едва ли могли быть пріятны государю. Францъ-Иосифъ рѣдко имѣлъ случай узнать въ истинномъ видѣ общественное мнѣніе. Ожидаютъ, что Шмерлингъ обнаружитъ свою политическую программу тотчасъ же по принятіи дѣлъ своего министерства, и друзья его говорятъ мнѣ, что программа эта—либеральная. Лицо, хорошо знакомое съ происходящимъ въ офвіальныхъ кругахъ, сообщаетъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о нынѣшнемъ министерскомъ кризисѣ. Двеи десять тому назадъ происходило засѣданіе кабинета, при которомъ присутствовалъ императоръ. Графъ Голуховскій говорилъ о необходимости немедленно обнаруживать статуты для всѣхъ нѣмецкихъ провинцій. Фонъ-Лассеръ, одинъ изъ новыхъ министровъ безъ портфеля, замѣтилъ, что четыре обнаруженные статуты произвели дурное впечатлѣніе на публику. Начался споръ; графъ Голуховскій разгорячился и наконецъ

вскричалъ: „Если вы хотите конституціи, то почему не скажете этого прямо?“ Къ великому удвленію графа Рехберга и нѣкоторыхъ его товарищей, фонъ-Лассеръ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, надобно дать какую нибудь конституцію славянско-нѣмецкимъ провинціямъ. Пока шелъ споръ, императоръ не говорилъ ни слова, но по окончаніи спора онъ приказалъ графу Рехбергу немедленно послать за Шмерлингомъ“.

Конечно, Шмерлингу приносить большую честь прямота, съ которою онъ выразилъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ. Но исходъ дѣла удостовѣряетъ насъ, что въ его правдивой рѣчи не заключалось никакихъ неудобноисполнимыхъ проэктовъ. Мы не имѣемъ надобности отвергать извѣстіе, что въ засѣданіи, ходомъ котораго утвердился императоръ австрійскій въ намѣреніи замѣнить Голуховскаго Шмерлингомъ, Лассеръ говорилъ о конституціи; но должно думать, что Лассеръ самъ не придаетъ этому слову несомнѣннаго съ нынѣшнимъ порядкомъ значенія, если вступилъ въ министерство графа Рехберга, который, какъ мы знаемъ, не сдѣлаетъ въ управленіи перемѣнъ, вредныхъ для нынѣшней системы. Конечно, какъ человѣкъ благоразумный, не мечтающій о вещахъ, не согласныхъ со всею обстановкою положенія, Лассеръ удовлетворится формальными измѣненіями, не нарушающими существеннаго характера учрежденій, вводимыхъ по диплому 20 октября. Если дѣйствительно откроется надобность въ дальнѣйшихъ уступкахъ, о которыхъ говорилъ Лассеръ, называвшій совокупность ихъ конституціею, то эти уступки могутъ состоять въ замѣненіи имени государственнаго совѣта именованіемъ законодательнаго корпуса или австрійскаго имперскаго сейма, въ нѣкоторыхъ перемѣнахъ способа назначенія членовъ этого собранія, — наиримѣръ, областнымъ сеймамъ можетъ быть предоставлено право прямо выбирать членовъ этого общаго собранія, вмѣсто того, что теперь областные сеймы выбираютъ только кандидатовъ, изъ которыхъ выбираетъ дѣйствительныхъ членовъ уже министерство. Такихъ исправленій въ дипломѣ 20 октября графъ Рехбергъ можетъ сдѣлать много, не портя основнаго характера нынѣшней системы. Но мы напрасно говоримъ такъ длинно о мысляхъ Лассера и о средствахъ исполнить ихъ безъ вреда для австрійцевъ. Лассеръ не занимаетъ важнаго мѣста въ кабинетѣ, и если надобно ждать перемѣнъ, то не отъ его вліянія, а развѣ отъ вліянія Шмерлинга. Посмотримъ же, должна ли нынѣшняя Австрія опасаться новаго министра. Однажды онъ уже былъ министромъ и держалъ себя тогда способомъ, успокоивающимъ насъ за его нынѣшнія намѣренія.

Шмерлингъ вышелъ изъ министерства въ началѣ 1851 года, когда убѣдился, что рѣшено отмѣнить судъ присяжныхъ, введенный въ 1848 году. Это обстоятельство можетъ быть перетолковываемо во вредъ ему, и дѣйствительно въ приведенныхъ нами выпискахъ изъ австрійскихъ газетъ читатель замѣчалъ, что на немъ основано мнѣніе о либерализмѣ новаго министра. Но тутъ существуютъ два смятающія обстоятельства. Во-первыхъ, Шмерлингъ, будучи министромъ юстиціи, составилъ много узаконеній о судоустройствѣ и судопроизводствѣ сообразно существовавшему тогда суду присяжныхъ. Естественно, ему непріятно было думать, что, при уничтоженіи суда присяжныхъ, ему же самому придется отмѣнять сосланные имъ законы. Притомъ, австрійскіе судьи и адвокаты были сильно расположены въ пользу суда присяжныхъ; смущаться неудовольствіемъ толпы — дѣло непохвальное въ австрійскомъ министрѣ; но нѣтъ ничего особенно предосудительнаго, съ австрійской точки зрѣнія, уважать ипѣніе поддѣдомственныхъ сановниковъ: Шмерлингъ вышелъ въ отставку, чтобы заслужить похвалу отъ тогдаш-

судебнаго сословія. Если разсуждать безъ всякой снисходительности, конечно слѣдуетъ назвать это слабостью, но читатель согласится, что такая слабость еще не даетъ права считать Шмерлинга за человѣка вреднаго для австрійской системы. Весь образъ его дѣйствій, пока онъ оставался министромъ, показываетъ, что онъ умѣлъ понимать надобности своего положенія. Онъ вступилъ въ должность въ половинѣ 1849 года, передъ окончаніемъ венгерскаго мятежа. Во время его управленія министерствомъ юстиціи, Гайнау произвелъ тѣ наказанія, которыя даже и мы, при всемъ пониманіи тогдашней нужды въ примѣрной строгости, должны назвать чрезмѣрно строгими: при министерствѣ Шмерлинга были наказаны смертью генералы, сдавшіеся вмѣстѣ съ Гѣргеємъ, былъ казненъ Людвигъ Батіани. Конечно, казни эти производились не собственно Шмерлингомъ, а командирами австрійской арміи; конечно, производились онъ не судилищами, зависѣвшими отъ Шмерлинга, а военными судами. Но еслибы Шмерлингъ не считалъ эти мѣры, при всей ихъ суровости, неизбѣжными, то не остался бы министромъ осенью и зимою 1849 г., когда совершались эти наказанія. Можно еще было бы сомнѣваться въ чувствахъ, съ которыми смотрѣли на нихъ другіе его товарищи, напримѣръ Шварценбергъ или Бахъ,—они были не министрами юстиціи, не до нихъ прямѣйшии образцы относились вти дѣла; если они оставались на своихъ мѣстахъ, это еще не значило, что они прямо одобряютъ Гайнау; но Шмерлингъ былъ министромъ юстиціи; его специальнымъ, его личнымъ дѣломъ — было наблюденіе за способомъ и мѣрою наказанія мятежниковъ; если онъ не выходилъ въ отставку, то о немъ уже нельзя сомнѣваться, думалъ ли онъ, что Гайнау поступаетъ вообще хорошо. Имѣя въ политической біографіи Шмерлинга такой эпизодъ, какъ отправленіе должности министра юстиціи съ осени 1849 до начала 1851 года, мы должны заключить, что у него всегда достанетъ характера для проведенія мѣръ, требуемыхъ надобностью сохранить въ государствѣ порядокъ и поддержать ту систему, въ установленіи которой онъ участвовалъ: читатель знаетъ, что коренныя черты устройства, которымъ пользовалась донныя Австрійская имперія, были выработаны иенно въ тѣ годы, когда Шмерлингъ находился министромъ.

Правда, въ слѣдующіе годы, когда онъ уже не состоялъ министромъ, система, введенная при немъ, развилась полнѣе и нѣкоторыхъ подробностей ея дальнѣйшаго развитія онъ не одобрялъ. Но, кромѣ вопроса о судѣ присяжныхъ, его разногласіе съ его преемниками и бывшими товарищами относилось только къ чертамъ второстепеннымъ, а не къ самому духу законодательства и управленія. Прямымъ тому пусть послужитъ вопросъ о провинціальныхъ сеймахъ, который и былъ прямою причиною возвращенія Шмерлинга въ кабинетъ. Статуты областныхъ сеймовъ, написанные Голуховскимъ, должны быть исправлены теперь Шмерлингомъ. Но десять лѣтъ тому назадъ, когда Шмерлингъ былъ министромъ, также были обнародованы статуты для областныхъ сеймовъ. Посмотримъ же, чѣмъ отличались отъ статутовъ Голуховскаго эти уставы, въ составленіи которыхъ участвовалъ Шмерлингъ.

По статутамъ, изданнымъ въ послѣдніе мѣсяцы для Штирии, Каринтіи, Зальцбургъ и Тироля, составъ сейма устроенъ такъ, что жители провинці дѣлятся на четыре сословія, изъ которыхъ каждое посылаетъ на сеймъ своихъ особенныхъ представителей. По статутамъ, изданнымъ въ 1850 т., при участіи Шмерлинга, для нижняго и верхняго эрцъ-герцогствъ австрійскихъ, для Зальцбургъ, Моравія, австрійской Силезіи, Тироля, Богеміи и Галиціи, депутаты посылались отъ трехъ

сословій, а не отъ четырехъ, какъ теперь. Дворянство и духовенство были соединены тогда въ одинъ классъ, подъ именемъ „лицъ, имѣющихъ большія имущества“; сословію горожанъ нынѣшнихъ статутовъ соотвѣтствовалъ „классъ людей среднего состоянія“, а сельскимъ общинамъ нынѣшнихъ статутовъ соотвѣтствовалъ разрядъ „людей, владѣющихъ малыми имуществами“. Но при этой разницѣ трехчленнаго и четырехчленнаго дѣленія основной характеръ состава тѣхъ и другихъ сеймовъ одинаковъ: сеймы эти — сословные сеймы. Но статутамъ Голуховскаго, число депутатовъ, посылаемыхъ разными сословіями, опредѣлено такъ, что два высшія сословія должны имѣть въ сеймѣ большинство. Та же самая цѣль достигалась въ статутахъ 1850 года расчетливымъ распредѣленіемъ числа депутатовъ между разрядами и округами, одушевленными сочувствіемъ къ министерству или недовольными его системою. Такъ, напримѣръ, въ Богеміи чехи требуютъ реформъ, а нѣмецкое населеніе, враждующее къ нимъ, было въ 1850 году на сторонѣ министерства; потому изъ 220 членовъ богемскаго сейма лишь немногіе должны были избираться отъ чешскихъ округовъ и корпорацій, и огромное большинство избиралось тѣми коллегіями перваго и втораго разряда, которыя составлены были изъ нѣмцевъ, хотя чехи составляютъ двѣ трети всего населенія Богеміи.

Мы видимъ, что составъ провинціальныхъ сеймовъ былъ по статутамъ 1850 года существенно одинаковъ съ составомъ, опредѣленнымъ нынѣшними статутами. Точно то же слѣдуетъ сказать и о кругѣ дѣйствій, предоставленномъ еймамъ. Статуты 1850 года опредѣляли, что главнѣйшими занятіями сеймовъ будетъ служить надзоръ за исправленіемъ дорогъ и завѣдываніе богоугодными заведеніями, а также кадастровою частью. Тѣ же самые предметы предоставлены областнымъ сеймамъ и нынѣшними статутами. И по тѣмъ и по другимъ статутамъ сеймы были собственно совѣтами, назначенными въ помощь губернаторамъ или намѣстникамъ провинцій по исполненію распоряженій центральнаго правительства, относящихся ко взиманію податей, къ путямъ сообщенія и къ больницамъ.

Замѣтная разница только одна. По статутамъ 1850 года представители всѣхъ трехъ разрядовъ или сословій избирались прямо голосами самихъ избирателей, а по статутамъ Голуховскаго — представители горожанъ и поселянъ должны назначаться по выбору не самихъ жителей, а городскихъ или сельскихъ начальствъ. Надобно ожидать, что это правило будетъ измѣнено Шмерлингомъ сообразно порядку, устанавливавшемуся статутами 1850 года. Но такая перемѣна, была ли бы она хороша или дурна сама по себѣ, не будетъ имѣть важнаго значенія при извѣстномъ читателю составѣ сеймовъ и кругѣ ихъ дѣятельности.

Пока писалась эта статья, получена телеграфическая депеша, сообщающая содержаніе программы, обнародованной Шмерлингомъ по вступленіи въ министерство. Изложенныя нами ожиданія совершенно подтверждаются обѣщаніями Шмерлинга. Программа его такова, что, безъ сомнѣнія, онъ не найдетъ ни въ своихъ товарищахъ, ни въ лицахъ, указывающихъ путь ему и товарищамъ, никакія препятствія исполненію своихъ намѣреній. Онъ начинаетъ объявленіемъ, что реформы будутъ въ точности соотвѣтствовать принципамъ диплома 20 декабря. В провинціальныхъ сеймахъ Шмерлингъ выражается словами, изъ которыхъ надобно заключить, что городскимъ и сельскимъ общинамъ будетъ предоставленъ прямой выборъ депутатовъ и что сословное устройство сеймовъ будетъ сохранено. Государственный совѣтъ будетъ, сообразно предначертанію диплома 20 декабря,

стоять изъ депутатовъ, выбираемыхъ провинціальными сеймами; но противъ прежнихъ предначертаній разница будетъ та, что сеймы эти будутъ прямо выбирать депутатовъ въ государственный совѣтъ, а не кандидатовъ на это званіе, какъ говорилось въ законахъ, составленныхъ графомъ Голуховскимъ. Это измѣненіе конечно будетъ лестно для провинціальныхъ сеймовъ, но составъ ихъ служить обезпеченіемъ, что они не злоупотребятъ своею обязанностию. Точно также очень лестна будетъ для нихъ и для государственнаго совѣта другая перемѣна, сдѣланная Шмерлингомъ въ предначертаніяхъ Голуховскаго: Шмерлингъ говоритъ, что провинціальнымъ сеймамъ и государственному совѣту дано будетъ право инициативы. Надобно полагать, что депеша, которой мы слѣдуемъ, не совершенно точно передала въ своемъ сокращеніи мысль Шмерлинга. Члены провинціальныхъ сеймовъ и государственнаго совѣта могли дѣлать предложенія уже и по статутамъ Голуховскаго; вѣроятно Шмерлингъ говоритъ, что будутъ упрощены формы, которыя должно пройти предложеніе, чтобъ достигъ до обсужденія въ общемъ собраніи сейма или совѣта.

Читатель видитъ, что Шмерлингъ обѣщаетъ исправить нѣкоторыя подробности предначертаній Голуховскаго, находя, что самые принципы предначертаній должны быть сохранены.

Должно упомянуть еще о двухъ чертахъ программы Шмерлинга, сообщаемыхъ тою же депешою. Новый министръ говоритъ, что по отношенію журналистики „всякое предварительное вмѣшательство“ будетъ прекращено. Депеша опять передаетъ мысль программы, вѣроятно, не съ полною точностію. Предварительнаго вмѣшательства въ печатаніе газетныхъ статей уже не было въ Австрія и до вступленія Шмерлинга въ министерство. Вѣроятно, Шмерлингъ хочетъ сказать, что система предостереженій и выговоровъ, даваемыхъ газетамъ, будетъ нѣсколько ослаблена. Но она не будетъ отмѣнена; если бы Шмерлингъ говорилъ объ этомъ, то депеша не могла бы передать его словъ въ такомъ видѣ, какъ передаетъ. Кроме того Шмерлингъ обѣщаетъ возстановить судъ присяжныхъ, чего и слѣдовало ожидать, зная причину, по которой вышелъ онъ въ отставку въ началѣ 1851 года. Но депеша не говоритъ, чтобы намѣрены были примѣнить судъ присяжныхъ къ дѣламъ газетъ; это было бы и не совмѣстно съ характеромъ всей программы Шмерлинга; а при устраненіи газетныхъ дѣлъ отъ суда присяжныхъ, его существованіе или несуществованіе относится уже къ техническимъ интересамъ юстиціи, а не къ политической жизни.

Изъ всего этого надобно заключить, что назначеніе Шмерлинга не производитъ большой перемѣны въ существовавшихъ отношеніяхъ, и что кабинетъ Рехберга со Шмерлингомъ остается на томъ же пути, на какомъ былъ съ Голуховскимъ. Теперь носятъ слухи, что графъ Рехбергъ подаетъ въ отставку; это также не прозведетъ большой перемѣны.

Такимъ образомъ, положеніе дѣлъ въ Австріи со времени нашего прошлаго обозрѣнія не измѣнило своего характера, а только продолжало развиваться по прежнимъ расходящимся направленіямъ. Чувства жителей нѣмецкихъ провинцій, Богеміи и Моравіи, выражаются съ большею опредѣлительностію, и въ началѣ декабря пражскіе чехи, по случаю пріѣзда новаго правителя въ Прагу, произвели демонстрацію, показавшую, что они желали бы имѣть правителемъ Богеміи чистаго чеха, который раздѣлялъ бы ихъ національныя стремленія.

Но по прежнему ходъ внутреннихъ австрійскихъ дѣлъ зависитъ отъ венгерскихъ обстоятельствъ. Въ прошедшемъ обзорѣни остановились мы на томъ, что была на неопредѣленное время отсрочена грансная конференція, которую поручено было созвать кардиналу примасу Венгрии для постановленія правилъ объ устройствѣ будущаго венгерскаго сейма и избирательномъ законѣ; что многіе изъ лицъ, назначенныхъ занимать возстановленныя должности жупановъ или комитатскихъ президентовъ, отказывались отъ этого назначенія, и въ разныхъ венгерскихъ городахъ и селахъ происходили демонстраціи, оканчивавшіяся иногда вмѣшательствомъ австрійскихъ войскъ. Такое положеніе дѣлъ возбуждало въ вѣнскомъ правительствѣ мысль, не слѣдуетъ ли прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ. Вотъ изъ парижской корреспонденціи Times'a отрывокъ, говорящій объ этомъ вопросѣ и о средствѣ, къ которому прибѣгло министерство, чтобы отложить его на нѣкоторое время.

„Парижъ, 7 декабря.

„Литографированная корреспонденція говоритъ, что въ министерскомъ совѣтѣ, бывшемъ въ Вѣнѣ 29 ноября, была рѣчь о томъ, чтобы объявить всю Венгрію находящеюся въ осадномъ положеніи; но одинъ изъ министровъ, венгерецъ, настоялъ, чтобы до принятія такой крайней мѣры испытать, не принесетъ ли пользы поѣздка барона Вая въ Венгрію. Баронъ прибылъ въ Пештъ 30 ноября съ инструкціями организаціи комитатовъ. Впечатлѣніе, произведенное въ Венгрии этими инструкціями, не соответствовало надеждамъ, и если слухи справедливы, то инструкціи содѣйствовали увеличенію волненія, которое, какъ видно, усиливается. Это неудивительно. Организація комитатовъ была основаніемъ самоуправленія, существовавашаго много вѣковъ въ Венгрии, а самоуправленіе, предлагаемое барономъ Ваемъ, венгерцы объявляютъ австрійскимъ бюрократизмомъ. Баронъ Вай не признаетъ закона, издавнаго объ этой организаціи въ 1848 г. Образцомъ онъ беретъ организацію нѣмецкихъ провинцій, а не самоуправленіе старинной Венгрии. Законъ 1848 г. замѣнилъ выборными комиссіями общія собранія, которыя составлялись по комитатамъ до 1848 г. для выбора начальниковъ и рѣшенія текущихъ дѣлъ. Въ 1848 г. были распространены на всѣхъ гражданъ политическія права, которыми прежде пользовались одни только дворяне, и общія собранія всѣхъ членовъ комитата сдѣлались тогда физическою невозможностью. Потому они были замѣнены комиссіями. По закону 1848 г., эти комиссіи составлялись изъ депутатовъ, свободно избираемыхъ округами; но по инструкціямъ барона Вая члены комитатскихъ комиссій будутъ назначаться правителями комитатовъ, которые сами прямо назначаются правительствомъ. Легко понять, что такая организація не правится венграмъ. Этого мало: по инструкціямъ барона Вая присяга дается императору австрійскому, а не королю венгерскому, и дипломъ 20 октября говорилъ, что возстановляется венгерская конституція. По инструкціямъ барона Вая, начальники, избираемые комитатскими комиссіями, должны быть утверждаемы центральнымъ правительствомъ, которое, принявъ ихъ присягу, опредѣляетъ и жалованье имъ. Ничего подобнаго не существовало въ Венгрии при старинной конституціи. Прибавлю, что по этимъ инструкціямъ должно быть сохранено судоустройство, введенное Бахомъ и Шварценбергомъ, должна б... сохранена и финансовая система, введенная ими. Изъ этого вы поймете, почему инструкціи барона Вая возбудили общее порицаніе въ Пештѣ и по всей Венгрии. Справаешь себя, чѣмъ все это кончится? Вѣроятно провозглашеніемъ всей Венгрии въ дѣящуюся въ осадномъ положеніи“.

Носились слухи, что министры венгерскихъ дѣлъ въ вѣнскомъ кабинетѣ графъ Сечень и баронъ Вай, выходятъ или увольняются въ отставку и мѣсть ихъ будутъ заняты предводителями умѣренной венгерской партіи. Деакомъ и Э

шювъ. Дѣйствительно Этвешу и Деаку были дѣлаемы предложеніи вступить въ кабинетъ, или по крайней мѣрѣ было спрашиваемо у нихъ, какова была бы ихъ программа, если бы начались съ ними переговоры о вступленіи въ министерство. Но если очень трудно было графу Рехбергу и другимъ вліятельнѣйшимъ лицамъ согласиться на программу Шмерлинга, столь близкую въ прежней программѣ кабинета (переговоры съ Шмерлингомъ длились недѣли три, если не больше), то соглашеніе ихъ съ Деакомъ и Этвешомъ представляется уже полною невозможностію. Читатель помнитъ, что говорили мы въ прошлый разъ о венгерскихъ партіяхъ: умѣренная венгерская партія состоитъ изъ людей, дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ Кошутомъ до той самой поры, когда въ Венгріи провозглашена была республика, — только этого шага не захотѣли они сдѣлать, а въ составленіи всѣхъ законовъ 1848 года помогали они Кошуту. Мы говорили прошлый разъ, что законами 1848 года Венгрія была обращена въ государство, совершенно отдѣльное отъ остальной Австріи, такъ что вѣнское правительство должно было находиться въ венгерскому правительству въ отношеніяхъ, какія имѣеть французское правительство къ англійскому или датское къ шведскому. Шмерлингъ былъ членомъ министерства, которое вело съ венграми войну для отиженія этихъ законовъ, а партія Деака и Этвеша составляла половину венгерскихъ армій, сражавшихся тогда противъ австрійцевъ. Не только графу Рехбергу, который, какъ мы читали, кажется слишкомъ либеральнымъ для лицъ, опредѣляющихъ путь вѣнскаго министерства, но и Шмерлингу, который едва могъ по своему либерализму сойтись съ Рехбергомъ, невозможно засѣдать за однимъ столомъ съ Этвешомъ и Деакомъ. Потому Сеченъ и Вай остались на своихъ мѣстахъ и посольство Вая въ Венгрію имѣло успѣхъ: ему удалось убѣдить, — не венгровъ, а графа Рехберга, что надобно поступать осторожнѣе, чѣмъ хотѣли люди, думавшіе возобновить осадное положеніе въ Венгріи. Своихъ соотечественниковъ баронъ Вай не могъ склонить къ уступчивости, — но вѣнское министерство изъ его отчета о состояніи умовъ на его родинѣ увидѣло надобность дать венграмъ возможность устроить администрацію комитатовъ и явиться на граненую конференцію.

Сначала скажемъ о гранской конференціи. Читатель помнитъ, что по диплому 20 декабря предполагалось, чтобы избирательный законъ для будущаго венгерскаго сейма былъ составленъ не вѣнскимъ министерствомъ, а собравшемъ тѣхъ венгерскихъ магнатовъ, которые сочувствуютъ графу Сечену и графу Рехбергу. Но эти магнаты, или такъ называемая старая консервативная партія, обманулись въ своемъ понятіи о своихъ отношеніяхъ къ чувствамъ венгровъ. Графъ Сеченъ и баронъ Вай увидѣли, что собраніе, составленное изъ членовъ одной ихъ партій, было бы очень непопулярно, и его рѣшенія были бы не приняты венграми. Предполагалось опредѣлить на граненой конференціи такія правила для выборовъ, чтобы на будущемъ сеймѣ большинство принадлежало старой консервативной партіи, какъ статутами сеймовъ по другимъ провинціямъ оно предоставлялось дворянству и духовенству. Оказалось, что напрасно и созывать конференцію изъ однихъ лицъ, содѣйствіе которыхъ было обезпечено. Умѣренная національная партія говорила, что явится на конференцію ни за чѣмъ инымъ, какъ только за провозглашеніемъ ненадобности и невозможности составлять новый избирательный законъ, потому что законъ 1848 года сохраняетъ полную силу. Баронъ Вай, посѣтивъ вѣнскую дину, убѣдилъ своихъ товарищей по кабинету, что хотя умѣренная національ-

нал партія не отступить отъ этого принципа, но безъ ея участія нельзя составить конференціи, а отлагать конференцію, значить поступать неблагоуразумно. Вѣнскій кабинетъ уступилъ необходимости. Слѣдующій отрывокъ изъ вѣнской корреспонденціи „Times'a“, показывающій результаты побѣдки барона Вая, съ тѣмъ вмѣстѣ объяснить читателю причины, по которымъ была сдѣлана уступка.

„2 декабря кардиналъ-примасъ Венгріи разослалъ къ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ (числомъ до 100 человекъ) приглашенія собраться въ Гранѣ 17 декабря. „Цѣлью собранія (говоритъ примасъ) будетъ рѣшеніе вопроса объ избирательномъ законѣ, по которому долженъ сформироваться сеймъ“. Достопочтенный прелатъ пишетъ улыбаясь тономъ, — оно такъ и должно быть, потому что три четверти его соотечественниковъ отказываютъ въ повиновеніи правительству. Положеніе дѣлъ въ Венгріи — чисто революціонное“.

Мы не будемъ приводить всѣхъ извѣстій о многочисленныхъ демонстраціяхъ, происходившихъ по всей Венгріи. Довольно будетъ сказать, что во многихъ мѣстахъ сняты были австрійскіе гербы и замѣнены венгерскими; разумѣется, не обходилось при этомъ безъ нанесенія оскорбленій снимаемымъ гербамъ, и австрійскія начальства бездѣйственно смотрѣли на все это, потому что рѣшительныя мѣры повели бы къ открытому возстанію. 17 декабря собралась въ Гранѣ конференція, созванная примасомъ; большинство лицъ, приглашенныхъ имъ, были люди старой консервативной партіи и лишь меньшинство принадлежало къ умѣренной національной партіи; но общественное мнѣніе такъ тяготѣло надъ собраніемъ, что большинство молчало и молча принимало предложенія меньшинства, ораторы котораго прямо тѣмъ и начали, что избирательный законъ 1848 г. сохранять свою силу, и оставался до сихъ поръ бездѣйственнымъ лишь вслѣдствіе того, что законный порядокъ былъ отстраняемъ разными обстоятельствами и отношеніями. Возраженій противъ этого не было никакихъ, и потому конференція кончила всѣ свои занятія въ одно утреннее засѣданіе, продолжавшееся не болѣе трехъ съ половиною часовъ. Она единогласно рѣшила представить вѣнскому правительству, что выборы на сеймъ должны быть произведены по закону 1848 года.

Нѣсколькими днями раньше гранской конференціи происходила такъ называемая „организациія“ пештскаго комитата. Читатель знаетъ, что вслѣдствіе побѣды надъ венграми въ 1849 году былъ отмѣненъ венгерскій порядокъ администраціи, главную черту котораго составляло раздѣленіе страны на комитаты, самостоятельно управлявшіе своими внутренними дѣлами. Всѣ лица, пользовавшіяся политическими правами, составляли такъ называемую конгрегацію или комитатское собраніе, которое опредѣляло бюджетъ комитата, выбирало всѣхъ комитатскихъ чиновниковъ и судей. Только въ одну должность назначало центральное правительство или, по тогдашнему выраженію, назначалъ король. Эта должность была званіе верховнаго комитатскаго графа или жупана (Obergespan), бывшаго президентомъ общихъ комитатскихъ собраній и, кромѣ этой почетной обязанности не имѣвшаго почти никакой власти. Жупанъ созывалъ комитатскія собранія и опредѣленные сроки или по желанію жителей комитата. Въ промежуткахъ отъ одного собранія до другаго, дѣлами комитата управляла комитатская комиссія избираемая конгрегацією. До 1848 года политическія права въ Венгріи имѣли не всѣ жители, а только дворяне, лица, пользовавшіяся дворянскими правами: своей профессіи (учители, медики и другіе люди, занимавшіеся трудами, требу-

щами образованности) и граждане независимыхъ городовъ. Въ 1848 г. всѣ политическія права были даны всему населенію Венгріи, безъ различія сословій. По завоеваніи Венгріи были уничтожены и комитатскія комиссіи, и комитатскія конгрегаціи, и званіе жупановъ, я самое раздѣленіе Венгріи на комитаты. Страна была раздѣлена на 5 округовъ, управлявшихся военнымъ порядкомъ и имѣвшихъ главными своими начальниками генераловъ, командовавшихъ войсками въ округахъ. По диплому 20 октября надобно было приступить къ возстановленію комитатскаго управленія. Мы видѣли инструкціи, по которымъ предполагалось устроить это дѣло. Если бы инструкціи были исполнены, то организація комитатовъ получила бы характеръ, несогласный съ устройствомъ, существовавшимъ до ихъ уничтоженія, и администрація велась бы бюрократическимъ способомъ, какъ ведется въ другихъ провинціяхъ Австрійской имперіи. Разница отъ управленія, отмѣнявшагося дипломомъ 20 октября, заключалась бы главнымъ образомъ въ томъ, что на мѣсто 5 большихъ округовъ учредилось бы, подъ названіемъ комитатовъ, 39 не столь большихъ округовъ, совпадающихъ своими границами съ границами прежнихъ комитатовъ. Но для соблюденія сходства надобно было дать начальникамъ комитатовъ прежнее имя жупановъ. Это имя необходимо заставляло назначить начальниками комитатовъ людей, пользующихся почетомъ въ своихъ комитатахъ, потому что съ названіемъ жупана соединялось понятіе сана, очень высокаго. При извѣстномъ намъ настроеніи умовъ, такое обстоятельство произвело результатъ, разстроившій всѣ предначертанія графа Сечена и барона Валя. Мы увидимъ ходъ дѣлъ по всей Венгріи изъ одного примѣра, — изъ примѣра пештскаго комитата.

Пештскій комитатъ — самый значительный въ Венгріи по числу населенія; еще болѣе важности приобрѣтаетъ онъ оттого, что въ немъ лежитъ національная столица, которая притомъ далеко превосходитъ всѣ остальные венгерскіе города своею обширностію. Что рѣшено въ Пештѣ, обыкновенно бываетъ рѣшено всею Венгріею. Президентомъ пештскаго комитата назначенъ былъ прежній жупанъ графъ Кароль съ титуломъ не жупана, а только администратора. Надобно объяснить смыслъ этой разницы. При Меттернихъ, когда происходили несогласія между вѣнскимъ правительствомъ и венгерскимъ сеймомъ, комитатскія комиссіи отказывались исполнять распоряженія вѣнскаго министерства, данныя въ противность сейму. Тогда вѣнское министерство распускало непокорную комитатскую конгрегацію, отрѣшало непокорную комитатскую комиссію и отстраняло отъ должности непокорнаго жупана. Управление комитатомъ передавалось чиновнику австрійскаго правительства, называвшемуся администраторомъ. По венгерскимъ законамъ такая должность не существовала. Потому и титулъ администратора, данный теперь президенту пештской комитатской конгрегаціи, служилъ указаніемъ, что надобности вѣнскаго министерства продолжаютъ стоять выше венгерскихъ законовъ. Кароль не хотѣлъ принимать президентства въ пештскомъ комитатѣ, когда узналъ, что министры думаютъ назвать его не жупаномъ, а администраторомъ. Но черезъ нѣсколько дней согласился принять должность, увидѣвъ, что можетъ самъ измѣнить характеръ дѣла. Какъ смотрѣлъ онъ на положеніе Венгріи, обнаружилось уже самими словами приглашенія, которымъ онъ созывалъ комитатскую конгрегацію: онъ говорилъ, что изъ комитатскаго сейма, назначеннаго въ 1848 г., многіе члены убиты или умерли, потону, говорилъ Кароль, комитатская конгрегація сзывается для

избрания новыхъ лицъ на вакантныя мѣста, оказывающіяся теперь въ составѣ комитатскаго сейма 1848 года. Ясно было, что Каролый предполагаетъ комитатскій сеймъ 1848 года сохранившимъ законное существованіе, только на время устраненнымъ отъ исполненія своихъ обязанностей разными отношеніями, а теперь снова вступающимъ въ свои права. 10 декабря собралась въ Пештѣ комитатская конгрегація; о ея дѣйствіяхъ мы не будемъ рассказывать сами, а только приведемъ отрывокъ изъ пештской корреспонденціи *Indépendance Belge*.

„*Пештъ, 11 декабря*“

„Административная и политическая реорганизація пештскаго комитета совершилась вчера съ большою торжественностію. Весь городъ былъ въ этотъ день украшенъ національными знаменами, а вечеромъ безъ всякаго предварительнаго соглашенія иллюминированъ; весь онъ принималъ участіе въ этомъ важномъ актѣ, которымъ первый комитатъ Венгріи снова вступилъ такъ-сказать во владѣніе своими правами. Дѣйствительно таковъ и былъ характеръ вчерашняго собранія. Прямо, не колеблясь, возвратились къ законамъ 1848 года.

„При самомъ началѣ засѣданія графъ Каролый, назначенный администраторомъ комитета, объявилъ, что снова вступаетъ въ ту самую должность, какую занималъ въ 1848 г., и отъ исполненія которой въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ былъ устраненъ. Все собраніе восторженно аплодировало этимъ словамъ, и послѣ того уже нечего было говорить объ инструкціяхъ барона Вал. Самъ собою разрѣшился и вопросъ, о которомъ столь жарко спорили двѣ недѣли тому назадъ: принимать ли графу Каролыю даваемый ему титулъ администратора или требовать, чтобы ему дали титулъ жупана: графъ Каролый не получаетъ теперь никакого титула, онъ просто возстановляетъ за собою титулъ и обязанности, принадлежавшія ему въ 1848 г., а законъ 1848 г. не знаетъ объ администраторахъ, онъ знаетъ только о жупанахъ.

„Такимъ образомъ, пока официальные газеты разсуждаютъ, можно ли, и въ какой степени можно, возстановить законы 1848 г., венгерскіе государственные люди возста новляютъ законы 1848 года. Теперь баронъ Вай развѣ только открытымъ военнымъ дѣйствіемъ могъ бы воспрепятствовать этому возстановленію: венгры молча отстраняютъ инструкціи и распоряженія, противныя желанію націи.

„Въ заключеніе замѣчу одинъ фактъ, не лишенный значенія. Въ число членовъ новой комиссіи пештскаго комитета выбранъ графъ Владиславъ Телеки, бывший венгерскимъ посланникомъ во время диктатуры Кошута“.

Кромѣ выборовъ, конгрегація пештскаго комитета занялась также совѣщаніями о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, и приняла три рѣшенія. Во-первыхъ, она опредѣлила, что баронъ Вай незаконно принялъ званіе венгерскаго придворнаго канцлера; во-вторыхъ, конгрегація рѣшила, что налоги, установленные и собираемые безъ согласія сейма, собираются неправильно; въ-третьихъ, она объявила, что надобно какъ можно скорѣе собраться сейму, на основаніи законовъ 1848 г., и что всѣ эти законы должно признавать сохранившими свою силу.

Почти всѣ другіе комитаты уже послѣдовали или рѣшились слѣдовать примѣру пештскаго комитета. Вотъ изъ вѣнской корреспонденціи *National-Zeitung* отрывокъ, объясняющій положеніе, въ которое поставлены дѣла рѣшеніями комитатскихъ конгрегацій и гранской конференціи.

„*Вѣна, 20 декабря*“

„Послѣ гранской конференціи увеличилась дѣятельность венгерской придворной келярии: старая консервативная партія надѣнется укрѣпиться такъ, чтобы не выпустить изъ своихъ рукъ; но, не рискуя ошибиться, можно сказать, что на предстоящечъ сеймѣ дуть господствовать приверженцы законовъ 1848 г., и что сеймъ этотъ развѣ ч

по необходимости уступить центральному правительству какия нибудь изъ правъ, приобрѣтенныхъ тогда. Надобно думать, что тутъ все зависяетъ отъ вѣдшихъ отношеній Австрій; если сохранится миръ, то венгры могутъ согласиться на условія, довольно выгодныя для Австрій; если же будетъ война, то венгры постараются приобрѣсти себѣ самостоятельность. — Теперь взиманіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ въ Венгріи стало дѣломъ сомнительнымъ, а слѣдующей весною венгры быть можетъ не станутъ платить и налога съ земель, которыя засѣваются табакомъ. Что станетъ дѣлать съ этимъ обезсиленное министерство финансовъ?*

Будущій ходъ дѣлъ въ Венгріи, — не въ одной Венгріи, а въ цѣлой Австрійской имперіи, — зависяетъ еще больше, чѣмъ отъ вопроса о войнѣ или мирѣ съ Италіею, отъ другаго отношенія, судить о которомъ чрезвычайно трудно, — отъ примиренія или отъ возникновенія прежней борьбы между венграми и не венгерскимъ населеніемъ прежняго Венгерскаго королевства. Читателю извѣстно, что вражда этихъ невенгерскихъ національностей, въ особенности сербовъ и воеатовъ, съ венграми была коренною причиною торжества Австрійской имперіи въ 1849 году. Въ статьѣ, которую найдетъ читатель въ нынѣшней книжкѣ „Современника“, г. Костомаровъ говоритъ, что исторія не знаетъ безусловно правыхъ и безусловно виновныхъ, что каждая нація, каждое сословіе, каждая партія бываютъ правы съ своей точки зрѣнія. Очень можетъ быть; но за то исторія знаетъ различіе между дѣйствіями, ведущими къ предположенной цѣли или отнимающими возможность достигнуть ея. Результатъ показатъ, что венгры и южныя славяне поступали въ 1848 г. въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу очень безразеудно, — такъ безразеудно, что едва ли можно рѣшить, которая сторона была безразеуднѣе. Мы пересчитывали теперь два лучшія сочиненія о причинахъ этой борьбы, — одно писанное венгерцемъ въ защиту венгровъ, другое писанное сербомъ въ защиту южно-венгерскихъ славянъ. *Die serbische Bewegung in Südungarn*, изданное безъ имени автора, и *Histoire politique de la révolution de Hongrie par Daniel Iranyi*. Странное, неправдоподобное впечатлѣніе произвели на насъ эти апологіи, обѣ написанныя людьми очень умными, отлично знакомыми съ дѣломъ. Когда мы читали книгу венгерца, доказывающаго, что справедливость была на сторонѣ венгровъ, что сербы и кроаты или вовсе не имѣли причинъ къ недовольству, или получили полную возможность примириться съ венграми передъ началомъ войны, — намъ казалось, что справедливость вся на сторонѣ сербовъ и кроатовъ, что венгры, притѣнявшіе ихъ прежде, не хотѣли весною 1848 года удовлетворить ихъ основательнымъ требованіямъ, поставили ихъ въ необходимость начать войну и поддерживать противниковъ венгерской независимости. Когда мы читали книгу серба, доказывающаго тѣ самыя мысли, къ которымъ привела было насъ книга венгерца, написанная противъ этихъ мыслей, — когда мы читали апологію сербовъ и кроатовъ, намъ стало казаться напротивъ, что венгры предоставляли славянамъ все, чего хотѣли славяне, что у сербовъ и кроатовъ не оставалось никакихъ серьезныхъ причинъ враждовать противъ венгровъ, когда они начали войну съ венграми. Такая странная противоположность впечатлѣній, производимаго книжкою, съ впечатлѣніемъ, какое имѣлъ въ виду авторъ, служить самымъ яснымъ доказательствомъ безразеудства тогдашнихъ претензій націи, которую онъ защищаетъ.

У насъ, по нашей славянской крови, господствуетъ между людьми, мало знакомыми съ подробностями тогдашнихъ событій, расположеніе винить исключительно венгровъ, оправдывая славянъ. Просимъ же читателя прочесть хотя слѣдующіе

отрывки изъ книги серба, — мы переводимъ страницы, излагающія важнѣйшій моментъ дѣла, — моментъ, которымъ, по справедливому замѣчанію самого автора, рѣшена была въ умѣ сербовъ необходимость воевать противъ венгровъ.

Предварительно надобно замѣтить, что только съ половины марта 1848 года національная мадьярская партія увидѣла въ своихъ рукахъ власть надъ судьбою Венгерскаго королевства и могла приняться за коренныя реформы. Все въ Венгріи измѣнялось этою національною партіею. Она уничтожала крѣпостное право почти безъ выкупа. Масса славянскаго населенія въ Венгріи состояла тогда изъ крѣпостныхъ крестьянъ; если какая изъ націй Венгерскаго королевства получала наибольшую выгоду отъ этой реформы, то конечно славянская нація; если приносились тутъ въ жертву интересы помѣщиковъ, то наибольшую часть этой жертвы должны были нести люди мадьярской націи, потому что въ сословіи помѣщиковъ было несравненно больше мадьяръ, чѣмъ славянъ. Точно таковы же были всѣ другія реформы, которыя началъ производить весной 1848 г. венгерскій сеймъ, состоявшій почти исключительно изъ мадьяръ; если какая нація наиболѣе выигрывала отъ каждой изъ этихъ реформъ, то безъ всякаго сомнѣнія славянская. Откуда мы выводимъ такія заключенія? Изъ книги, написанной сербомъ, изъ фактовъ, имъ перечисляемыхъ. Если вы хотите убѣдиться, что дѣйствительно такіе выводы слѣдуютъ изъ его разсказа, прочтите слѣдующій очеркъ впечатлѣнія, произведеннаго на его соплеменниковъ, венгерскихъ сербовъ, реформами, начатыми мадьярскою національною партіею:

„Неудовольствіе противъ вѣнской системы такъ глубоко коренилось во всѣхъ слояхъ (сербскаго) общества, было такъ одинаково во всѣхъ (сербскихъ) партіяхъ, что и здѣсь (въ краю Венгріи, населенномъ сербами) точно такъ же, какъ въ Пресбургѣ (то есть, въ тогдашней столицѣ мадьярства), оборотъ политическихъ дѣлъ превозмогъ на минуту національныя антипатіи и желанія. И въ городахъ, и въ селахъ (сербскихъ) стремились воспользоваться приобретенными правами, и сербъ становился въ ряды (національной гвардіи) подлѣ мадьярскаго поселенца. Все неудовольствія казалось исчезнувшими. Въ Нейзацѣ и Темешварѣ (двухъ главнѣйшихъ городахъ сербскаго края) были съ восторженными криками приняты 12 статей пештской просьбы 16 марта (просьбы, составленной мадьярами и излагавшей программу крайней мадьярской партіи, той самой, которая имѣла своимъ предводителемъ Кошута); въ Нейзацѣ реформы (сдѣланныя мадьярскимъ сеймомъ) были привѣтствованы 101 пушечнымъ выстрѣломъ и духовенство четырехъ исповѣданій (католическаго, православнаго, протестантскаго и еврейскаго) отправило благодарственную службу за совершившіяся событія, о которыхъ каждый твердо думалъ, что они прекратятъ борьбу національностей. Если нѣкоторые города (сербскіе) въ своихъ благодарственныхъ адресахъ (мадьярскому сейму) прибавляли желанія, чтобы сербскій языкъ, сербская вѣра оставались неприкосновенны, то они прибавляли это въ несомнѣнной увѣренности, что новое (мадьярское) министерство не можетъ и не будетъ поступать иначе, какъ по этому принципу“. (Die serbische Bewegung, стр. 49—51).

Читая эти страницы сербской апологіи, вы никакъ не можете ожидать, что черезъ пять страницъ, въ которыхъ нѣтъ ровно ни одного факта, сколько нибудъ относящагося къ мадьярскому дѣлу, авторъ скажетъ: „и такъ война была рѣшена“. Чѣмъ же рѣшена была она? По его собственному изложенію — вотъ чѣмъ. Средоточіемъ общественной жизни у венгерскихъ сербовъ былъ тогда Нейзацъ. Мы уже читали, что, подобно другимъ сербскимъ городамъ, онъ принялъ начатія мадьярскимъ сеймомъ реформы съ восторгомъ; былъ составленъ адресъ съ выраженіемъ сочувствія и признательности нейзацкихъ сербовъ и съ выраженіемъ ихъ желаній; была выбрана депутація для поднесенія этой просьбы мадьярскому сейму

она явилась въ залу мадьярскаго сейма, была встрѣчена при входѣ, была сопровождаема при выходѣ изъ залы единодушными криками восторга и сочувствія всего мадьярскаго сейма, получила увѣренія, что будутъ исполнены всѣ желанія сербскаго народа, — и вотъ этимъ-то прѣемомъ сербской депутаціи обнаружилась для этой депутаціи и для всѣхъ венгерскихъ сербовъ необходимость воевать съ мадьярами. Вы не вѣрите? вы думаете, что наши слова — насмѣшка надъ здравымъ смысломъ? Извольте же читать слѣдующій буквальный переводъ изъ книги серба, которю мы руководимся.

„Въ Нейзацѣ изложили желанія сербской націи въ 17 пунктахъ и рѣшили предложить ихъ къ принятію пресбургскому сейму черезъ депутацію. Умѣренность этихъ желаній по вопросу о языкѣ и расположенность къ примиренію выражается въ слѣдующемъ требованіи, которое было поставлено первымъ.

„Какъ признаютъ сербы дипломатическое значеніе мадьярской народности, точно такъ ожидаютъ они и признанія и уваженія своей народности въ отношеніи къ ихъ внутреннимъ дѣламъ.

„Вопросъ о желаніи или нежеланіи принадлежать къ Венгерскому королевству не былъ и возбуждаемъ. Никому не приходило въ голову думать объ отдѣленіи отъ Венгріи.

„8 апрѣля явилась эта депутація въ засѣданіе сейма, была представлена ему Людвигомъ Кошутомъ и встрѣчена единогласными привѣтствіями всѣхъ членовъ сейма.

„Александръ Костичъ, ораторъ депутаціи, выразилъ отъ имени 12 тысячъ яейзацкихъ сербовъ ожиданіе, что сеймъ одобритъ представленную просьбу, и объявилъ, что сербская нація готова жертвовать имуществомъ и жизнью за Венгерское королевство.

„Кошутъ отвѣчалъ съ министерской скамьи, что народности будутъ уважаемы, но что каждому понятно, что мадьярскій языкъ долженъ быть одною изъ связей, соединяющихъ всѣ части Венгріи; что мадьярь охотно предоставляетъ сербамъ участіе въ свободѣ, которую пріобрѣлъ, но за то справедливо надѣется, что его языкъ — связь, соединяющая съ нимъ націю, съ которыми онъ дѣлится свободой“.

Палата проводила криками еіjen! удаляющуюся депутацію. Но министромъ были сказаны слова, не располагавшія сербовъ думать, что либеральное министерство хочетъ прекратить угнетеніе сербскаго языка. Горечь этой мысли усиливалась оскорбительностью фразы, которая породила впоследствии столько непримиримой ненависти и отняла столько симпатій у произносившихъ ее, — фразы, исполненной несправедливаго самохвальства. Мадьярь говорилъ, что охотно даетъ сербамъ „участіе“ въ свободѣ, которую пріобрѣлъ „онъ“. Извѣстно было, что переворотъ въ ходѣ дѣлъ для всей Австріи рѣшенъ былъ вѣнскими событіями, и что побѣда либеральной партіи венгерскаго сейма была только слѣдствіемъ вѣнской побѣды. Но независимо отъ надменнаго самохвальства, оскорбительность этой, повторявшейся потомъ въ безчисленныхъ рѣчахъ, фразы придавалась тѣмъ, что она косвенно говорила о супрематствѣ мадьярскаго племени. Поэтому депутація покинула залу съ непріятной увѣренностью, что правительство считаетъ мадьярскую націю выше сербской и что съ мадьярской точки зрѣнія считается добровольною милостью согласіе мадьярь не исключать сербовъ отъ пользованія новыми правами. Депутація рѣшила отправиться въ квартиры министровъ, чтобы получить болѣе точныя объясненія.

„Министръ президентъ принялъ ихъ какъ депутатовъ вѣрнаго „венгерскаго“ города Нейзаца и увѣрялъ ихъ, что будутъ уважены всѣ ихъ желанія, какія только согласны съ интересами Венгерскаго государства.

„Кошутъ сказалъ: „господа! вы требуете уравненія съ благородною мадьярскою на-

цією. Это справедливо, и мадьярская нація охотно согласится, чтобы вы раздѣляли съ нею все политическія права“.

„Мы считаемъ нужнымъ, г. министръ, сказалъ одинъ изъ депутатовъ, обратить ваше вниманіе на то, что живущіе въ Венгріи сербы ожидаютъ также признанія священнѣйшаго изъ своихъ обычаевъ—своего языка. Сербская нація совершенно различна отъ мадьярской, и не желаетъ несправедливаго, когда хочетъ быть призвана за отдѣльную націю, какъ сама признаетъ мадьярскую, съ которою готова оставаться въ одвокъ государствѣ, подъ однимъ закономъ.“

„— Что разумѣете вы подъ словомъ нація? спросилъ министръ.“

„— Племя, имѣющее свой особый языкъ, свои нравы, обычаи, свое развитіе и столько сознанія, чтобы хранить ихъ, отвѣчалъ депутатъ.“

„— Мы не желаемъ имѣть особаго правительства, сказалъ другой депутатъ. — Одна нація можетъ быть раздѣлена между нѣсколькими правительствами, и нѣсколько націй могутъ быть соединены подъ однимъ правительствомъ. Примѣръ перваго—нѣмцы, доказательствомъ втораго служитъ Трансильванія, не говоря о всей Австріи.“

„Министръ, легко раздражавшійся всякимъ возраженіемъ, казался нерасположенъ продолжать это преніе, и коротко сказалъ, что интересъ мадьярской націи требуетъ, чтобы, кромѣ нея, не считалось другой націи въ государствѣ.“

„Третій депутатъ обратилъ вниманіе министра на броженіе между южными славянами, усиливающееся уже нѣсколько лѣтъ. „Я боюсь что оно приведетъ къ явному разрыву, продолжалъ онъ, если южные славяне увидятъ себя обманувшимися въ ожиданіи, что новое положеніе дѣлъ прекратитъ стѣсненіе ихъ языка; они станутъ искать въ другомъ мѣстѣ признанія правъ, если откажетъ имъ Пресбургъ“.“

„— Въ такомъ случаѣ рѣшить мечъ, отвѣчалъ Кошутъ и удалился въ свой кабинетъ.“

„Эта минута породила сербскую войну со всеми ея ужасами и опустошеніями“.

Этотъ разговоръ будетъ вполне оцѣненъ читателемъ, когда мы разъяснимъ специальный смыслъ слова „нація“ въ тогдашней политической терминологіи Венгерскаго королевства. Читатель видитъ, что сами сербы совершенно соглашались, чтобы въ совѣщаніяхъ сейма и въ государственныхъ дѣлахъ мадьярскій языкъ оставался оффиціальнымъ: они желали только того, чтобы ихъ самихъ не стѣсняли въ употребленіи сербскаго языка, и читатель видѣлъ, что мадьярскій сеймъ совершенно согласенъ былъ съ этимъ требованіемъ. Съ этого и начался разговоръ между сербскою депутаціею и Кошутомъ на квартирѣ Кошута. Странно послѣ этого дальнѣйшее преніе о словѣ „нація“. Что тутъ толковать, нація или не нація сербы, когда мадьяры съ перваго же слова говорятъ, что сербская національность будетъ для нихъ священна? Но вы видите, что Кошутъ совершенно растерялся и заговорилъ совсѣмъ инымъ тономъ, когда сербскіе депутаты сказали, что сербы хотятъ составлять „націю“. Дѣло въ томъ, что по оффиціальной терминологіи Венгерскаго королевства слово „нація“ обозначало не народность, а государство, относилось не къ языку, а къ независимому правительству. По этой терминологіи Баварія, Вюртембергъ и Баденъ составляютъ три націи, а французы, итальянцы и нѣмцы, населяющіе Швейцарію, составляютъ одну націю, именно швейцарскіе націю, то есть, по нашему способу выраженія, Швейцарское государство. Когда сербы заговорили мадьярамъ: „мы хотимъ составлять націю“, мадьяры поняли по этимъ словомъ желаніе сербовъ составить отдѣльное королевство, оторваться отъ Венгріи, чего сербы вовсе не хотѣли. Развѣ не знала сербская депутація, своимъ образомъ выраженія она возбудитъ въ мадьярахъ совершенно не то поня о своихъ чувствахъ, какое хочетъ возбудить? А елибъ она и не знала это (чего нельзя предположить), то вѣдь Кошутъ прямо указать на это. Почему

сербскіе депутаты продолжали употреблять слово, не соотвѣтствовавшее надобности ихъ дѣла? Сербская депутация какъ будто нарочно подыскивала предлогъ для ссоры, какъ будто нарочно затѣяла ненужный споръ, чтобы договориться до надобности начинать войну. Если можно что нибудь сравнить, но удивительной нелѣпости, съ этимъ совершенно дикимъ упрямствомъ въ употребленіи ошибочнаго термина, то развѣ только удивительную наивность, съ которою сербскій историкъ выставилъ смертельнѣйшею обидою для сербовъ, со стороны мадьяръ, употребленное мадьярами выраженіе, что мадьяры съ радостію даютъ сербамъ участіе въ пріобрѣтенныхъ правахъ. Казалось бы, что тутъ обиднаго? „Нѣтъ, говорить сербскій историкъ, какъ смѣли сказать мадьяры, что даютъ намъ участіе въ своихъ правахъ?“ Да какъ же иначе было выразиться мадьярамъ?

Таковы оказываются причины, возбудившія сербовъ къ войнѣ съ мадьярами весною 1848 г. Нельзя найти ничего болѣе неосновательнаго, болѣе напраснаго. Новыми реформами отстранялась всякая надобность вражды; но сербы начали войну и, восторжествовавъ надъ мадьярами, увидѣли себя въ положеніи, худшемъ того предшествовавшего реформамъ положеніи, за которое стали воевать съ мадьярами, когда оно прекращалось реформами, предпринятыми мадьярскимъ сеймомъ безъ всякаго принужденія отъ сербовъ.

Но мы уже говорили, что въ такомъ безразсудномъ свѣтѣ представляется образъ дѣйствій южныхъ венгерскихъ славянъ въ 1848 году лишь по изложенію дѣла самими этими славянами, пишущими въ свое оправданіе. Если же мы станемъ читать книги объ этомъ предметѣ, написанныя мадьярами въ защиту мадьярской стороны, то мы увидимъ, что и мадьяры были не менѣе безразсудны: въ мадьярскихъ книгахъ прискорбное впечатлѣніе производитъ тщеславіе, съ которымъ мадьяры хвалятся, что историческая справедливость и юридическіе документы были на ихъ сторонѣ, когда при всемъ томъ и самими мадьярамъ, и славянамъ до реформъ 1848 г. было тяжело.

Съ той поры многое измѣнилось, какъ увѣряли насъ въ послѣднее время и мадьяры, и южно-венгерскіе славяне. Газеты уже нѣсколько лѣтъ наполнялись описаніями демонстрацій, выражавшихъ примиреніе кроато-сербской національности съ мадьярскою. Мадьяры основывали на свой счетъ славянскія училища, библиотеки, музеумы для славянъ; устраивали славянскіе спектакли и являлись на нихъ, чтобы апплодировать славянскимъ звукамъ; устраивали процессіи, въ которыхъ славянскія знамена развѣвались вмѣстѣ съ мадьярскими; то же дѣлали и славяне въ честь мадьяръ. Много было торжествъ, на которыхъ славянское населеніе фратернизировало съ мадьярскимъ. Всему этому соотвѣтствовали и программы о устройствѣ Венгерскаго королевства, составлявшіяся предводителями мадьярской національной партіи.

Сущность мадьярскихъ предложеній такова: каждый сельскій округъ и каждый городъ управляютъ своими дѣлами совершенно самостоятельно, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, и сами рѣшаютъ, на какомъ языкѣ должно быть ведено преподаваніе въ школахъ, содержимыхъ на общественный счетъ, на какомъ языкѣ должны быть производимы административныя и судебныя дѣла; иначе сказать, въ сербскихъ селахъ и городахъ долженъ господствовать сербскій языкъ, въ словацкихъ — словацкій, въ румынскихъ — румынскій, въ мадьярскихъ — мадьярскій; о каждомъ частному человѣку предоставляется основывать школы съ своимъ на-

ціональнимъ преподаваніємъ, об'ясняться въ судѣ и съ должностными лицами на своемъ родномъ языкѣ. Точно то же опредѣляется и для каждаго комитата: официальный языкъ комитата—языкъ большинства его жителей, а люди другихъ національностей ведутъ дѣла въ комитатскихъ судахъ и съ комитатскими правительственными мѣстами каждый на своемъ языкѣ. Каждый сельскій округъ или городъ сносятся съ комитатомъ на такомъ языкѣ, на какомъ хочетъ самъ, и каждый комитатъ сносятся съ центральнымъ правительствомъ также на какомъ хочетъ языкѣ. Наконецъ и въ совѣщаніяхъ центрального правительства каждый изъ членовъ этого правительства говоритъ на такомъ языкѣ, на какомъ ему самому пріятнѣе. Если всего этого еще мало для огражденія національности, то люди каждой національности могутъ составлять союзъ для огражденія своей національности отъ всякихъ притѣсненій, для содѣйствія ея развитію или для доставленія ей всего желаемаго вліянія на ходъ государственнаго законодательства и управленія. При этомъ надобно замѣтить, что государственный сеймъ, управляющій дѣлами, составляется изъ депутатовъ, выбираемыхъ разными краями государства пропорціонально населенію, такъ что число представителей каждой національности будетъ составлять въ сеймѣ приблизительно такую же пропорцію, какая принадлежитъ людямъ этой національности въ общемъ населеніи Венгріи. Если славянъ въ Венгріи больше, чѣмъ мадьяръ, то и на венгерскомъ сеймѣ славянскихъ депутатовъ будетъ больше, чѣмъ мадьярскихъ, а все законодательство и управленіе государственное зависить отъ большинства депутатовъ.

Что же теперь будетъ? что возьметъ верхъ въ отношеніяхъ между мадьярами и венгерскими славянами? прежнія ли преданія объ угнетеніи славянской народности мадьярами будутъ руководить дѣйствіями венгерскихъ кроатовъ и сербовъ, или пойдутъ славяне по недавнему пути примиренія? Быть-можетъ опытъ послѣднихъ 12 лѣтъ не пропадетъ даромъ; но есть признаки, заставляющіе предполагать, что вѣнское министерство успѣетъ склонить южныхъ славянъ къ борьбѣ съ венграми, какъ склонило ихъ весной 1848 г.

Надобно сказать, что сами венгры обнаружили наклонность повторить прежнюю свою ошибку. Одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ не могутъ они принять устройства, предначертаннаго дипломомъ 20 октября, они выставили то, что Венгерское королевство не возстановлено въ границахъ 1848 г., не присоединена къ нему Сербская Воеводина, отдѣленная отъ него послѣ побѣды австрійцевъ, и не возстановлено соединеніе Трансильваніи съ Венгерскимъ королевствомъ, совершенное въ 1848 г. Слѣдуетъ об'яснить національное положеніе въ этихъ двухъ областяхъ.

Южный край прежняго Венгерскаго королевства распадается на двѣ половины, восточную и западную, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои очень значительныя особенности по отношенію къ вопросу о національностяхъ.

Въ западной половинѣ, въ такъ называемыхъ королевствахъ Кроатскомъ Славонскомъ, все населеніе—славяне, не перемѣшанные ни съ какимъ другимъ племенемъ. Мадьяры признають за этою землею право составлять отдѣльное цѣлое соединенное съ Венгерскимъ королевствомъ только федераціею. Если бы дѣло шло лишь объ этомъ, мадьяры и кроаты легко согласились бы въ своихъ желаніяхъ. Но на югъ отъ Кроаціи и Славоніи лежитъ еще австрійская провинція, населенная тѣмъ же племенемъ,—Далмація, давно отдѣленная австрійцами отъ Кроаціи

съ Славонію и отъ Венгерскаго королевства. Она желаетъ соединиться съ Кроацію и Славонію, которыя также желаютъ, чтобы она была возвращена къ нимъ. Посмотрите же, какъ запутывается дѣло этимъ обстоятельствомъ. Жителямъ Кроаціи и Славоніи кажется, что самый вѣрный способъ исполнить общее желаніе ихъ и Далмаціи будетъ—выпросить согласіе вѣнскаго министерства на это соединеніе. Они уже отправили въ Вѣну депутацію съ просьбою о томъ, и газеты говорятъ, что вѣнское министерство приняло депутацію благосклонно. Если оно исполнитъ просьбу, оно вѣроятно привлечетъ славянъ Кроаціи и Славоніи на свою сторону и приобрѣтетъ возможность обратить ихъ противъ мадяровъ, какъ обратило въ 1848 году.

Другой шансъ къ тому же самому представляется отношеніями восточной половины южнаго края Венгріи, ил итакъ называемой Сербской Воеводины. Эта провинція, составлявшая прежде нѣсколько комнтатовъ Венгерскаго королевства, населена не одними славянами, какъ Славонія и Кроація: славяне, которые многочисленнѣе каждаго изъ другихъ племенъ этого края, населяютъ однакоже только западную часть его, да и то не всю,—узкая полоса по сѣверному краю Сербской Воеводины населена венграми; восточная часть Сербской Воеводины населена румынами; кромѣ того, и въ румынской, и въ сербской половинахъ Сербской Воеводины находится много городовъ, главное населеніе которыхъ составляютъ мадяры. Но изъ этихъ трехъ племенъ славяне, будучи самымъ многочисленнымъ, имѣютъ стремленіе господствовать во всей области, какъ мадяры имѣли до 1848 г. стремленіе господствовать во всей Венгріи. Славяне Сербской Воеводины—сербы,—по своему языку составляютъ одно племя съ славянами Кроаціи и Славоніи; но эти славяне, вообще называемые кроатами—католики, а сербы въ Воеводинѣ—православные. Мадяры увѣряютъ, что различіе исповѣданій помѣшало бы кроатамъ и сербамъ составить одно цѣлое; по всей вѣроятности это правда, по крайней мѣрѣ относительно нынѣшняго поколѣнія. Но будучи раздѣлены, кроаты и сербы не имѣютъ случая почувствовать, что не могли бы совершенно сойтись между собою, пока не перевоспитаются; они только еще сочувствуютъ другъ другу, не встрѣчая поводовъ къ раздору. Если сербы Сербской Воеводины вздумаютъ бороться съ мадярами, кроаты непременно захотятъ помогать имъ.

Возможность борьбы кроатовъ въ мадярами лежитъ въ отношеніяхъ не самихъ кроатовъ къ мадярамъ, а въ отношеніяхъ Далмаціи къ австрійскому правительству и въ дѣлахъ Сербской Воеводины. Но сербы Сербской Воеводины могутъ быть вызваны на борьбу неосторожностью мадяръ по отношенію къ нимъ самимъ. Мы говорили, что Кроація и Славонія до 1848 г. не входили въ составъ собственно Венгерскаго королевства, а были особеннымъ краемъ, соединеннымъ съ этимъ королевствомъ, что мадяры и теперь не имѣютъ претензіи вводить этотъ край въ составъ Венгерскаго королевства иначе, какъ по формальному договору съ кроатами. Не такъ думаютъ они о Сербской Воеводинѣ, которая входила прежде прямымъ образомъ въ составъ собственно Венгерскаго королевства. Они прямо говорятъ, что Сербская Воеводина должна быть возвращена къ нему, безъ всякихъ переговоровъ съ нею; они полагаютъ, что большинство жителей Сербской Воеводины горячо раздѣляютъ такое желаніе. Въ этомъ они ошибаются. Очень можетъ быть, что, если спросить теперь самихъ сербовъ и румыновъ Сербской Воеводины, захотятъ ли они возвратиться въ составъ Венгерскаго королевства, они

скажутъ, что согласны на это. Но говорить объ этомъ, не спросивъ ихъ, какъ дѣлаютъ мадьяры, значить оскорблять ихъ самолюбіе, раздражать ихъ. Сколько бываетъ такихъ случаевъ, что люди неспрошенные начинаютъ говорить „нѣтъ“ только потому, что не были спрошены заблаговременно. Нельзя не опасаться за развитіе отношеній мадьяръ къ Сербской Воеводинѣ: ихъ опрометчивыми словами о ея присоединеніи вѣроятнo уже значительно испорчено дѣло, которое могло бы устроиться очень согласно при большей осмотрительности.

Но и при всевозможной осмотрительности мадьяръ въ отношеніи къ сербамъ Воеводины представляется сильное сомнѣніе въ томъ, показалось ли бы для венгерскихъ сербовъ пріятно присоединеніе къ Венгріи. Эти сербы составляютъ небольшую часть великаго сербскаго племени, главная масса котораго живетъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Давно уже думаетъ оно о соединеніи въ одно государство, зерномъ которому послужить нынѣшнее Сербское княжество. Сербы княжества въ 1848 г. помогали венгерскимъ сербамъ. Мадьяры не могутъ достигнуть осуществленія своихъ желаній безъ побѣды надъ австрійскими войсками. Борьба мадьяръ съ австрійскими войсками повела бы сербовъ Турецкой имперіи къ мысли о соединеніи, и венгерскіе сербы почувствовали бы влеченіе соединиться съ своими турецкими единоплеменниками.

Если труднымъ представляется дѣло Сербской Воеводины, то и трансильванскія отношенія оказываются подобны сербскимъ. Мадьярское племя населяетъ двѣ мѣстности, разрѣзанныя одна отъ другой инымъ племенемъ. Главная масса мадьяръ занимаетъ центральную часть собственно Венгерскаго королевства. Другая, несравненно меньшая масса мадьяръ занимаетъ восточную часть Трансильваніи. Связанныя между собою горячимъ національнымъ чувствомъ, эти двѣ группы мадьярскаго племени не могутъ вынести мысли, чтобы не составлять имъ обвѣмъ одного цѣлага. Но какъ югозападная граница собственно Венгерскаго королевства занята славянскимъ племенемъ, такъ восточная и юговосточная часть его занята румынскимъ племенемъ; оно же занимаетъ все пространство Трансильваніи на западъ отъ мадьярскаго края Трансильваніи и составляетъ огромное большинство ея населенія. Присоединить Трансильванію къ Венгріи, значить положить новое препятствіе соединенію цѣлой трети румынскаго племени съ двумя другими третями его, уже соединившимися въ одно государство. Какъ венгерскіе сербы могутъ соглашаться на свое присоединеніе къ Венгерскому королевству только пока не имѣютъ близкой надежды на соединеніе свое съ турецкими сербами въ одно государство, такъ трансильванскіе румыны могутъ соглашаться на присоединеніе Трансильваніи къ Венгріи лишь пока не имѣютъ близкой надежды соединиться съ Валахо-Молдавскимъ государствомъ.

Читатель видитъ, какъ трудно ожидать, чтобы мадьяры не встрѣтили въ южныхъ славянахъ и румынахъ сопротивленія своимъ желаніямъ, если останутся при мысли возетановить Венгерское королевство въ прежнихъ границахъ и присоединить къ нему Трансильванію. Единственнымъ выходомъ изъ всѣхъ затрудненій было бы, если бы они рѣшительно приняли идею федеративнаго устройства земель лежащихъ по Дунаю отъ Пресбурга до Чернаго моря. Тогда они нашли бы сочувствіе и въ кроатихъ, и въ сербахъ, и въ румынахъ и въ чешско-словацкомъ племени, населяющемъ сѣверный край Венгерскаго королевства. Кто принимаетъ федеративную мысль, находитъ разрѣшеніе всѣхъ запутанностей. Сѣверо-западнѣй

край союза составляет земля чешско-словацкаго племени; къ юго-востоку отъ него лежитъ земля мадыарскаго племени, два куска которой легко могутъ быть соединены узкою полоскою мадыарскихъ носеленій, почти непрерывно идущихъ отъ западной массы мадыарской земли къ восточной трансильванской массѣ ея; на югъ отъ мадыарской земли лежитъ сербская, въ востоку отъ сербской болгарская; къ сѣверу отъ болгарской и къ востоку отъ мадыарской—румынская. Всѣ вти земли почти равны между собою по населенію, простирающемуся у каждаго племени отъ 5 до 7 милліоновъ, немногимъ больше, или немногимъ меньше. Но трудно сказать, скоро ли увидятъ надобность принятъ такое воззрѣніе мадыары, мечтающіе о прежнихъ границахъ Венгерскаго королевства, соединеннаго съ Трансильваніею, мечтающіе о государствѣ, которое было бы соединено съ частями словацкой, сербской и румынской земель. На близость мадыаръ къ принятію федеративной идеи указываютъ всеобщіе газетные слухи о сношеніяхъ мадыаръ съ турецкими сербами и съ правительствомъ Валахо-Молдавскаго государства; но противъ этого говоритъ претензія мадыаръ возстановить свое королевство въ прежнемъ объемѣ. Можно полагать, что сами мадыары расходятся между собою во мнѣніяхъ и надеждахъ по этимъ вопросамъ. Мы не хотимъ предугадывать, какое мнѣніе одержитъ верхъ между ними; а интересно было бы предугадать, потону что при одномъ рѣшеніи дѣло пойдетъ совершенно иначе, чѣмъ при другомъ.

Объ Италіи, какъ и въ прошломъ обзорѣніи, мы не имѣемъ сказать почти ничего новаго. Газета все еще держалась, по послѣднимъ извѣстіямъ, какія были во время составленія этого обзора. Съ ея падешемъ превратятся и внутренніе безпорядки, производимые надеждою ириверженцевъ прежняго правительства на возможность возетановить его слѣдующею весною при помощи Австріи. Французская эскадра все еще продолжала запрещать итальянскому флоту начать осаду крѣпости съ моря, и газеты теряются въ догадвахъ о томъ, какія побужденія имѣетъ императоръ французовъ, дѣйствуя такимъ образомъ. Намъ кажется, что гадать тутъ не о чемъ: онъ продолжаетъ слѣдовать политикѣ, которой неуклонно держался съ самаго Вилафранкскаго мира.

Въ самой Франціи успѣлъ уже сильно охладѣть интересъ, возбужденный декретомъ 24 ноября, говорившимъ о расширеніи правъ свободнаго пренія въ законодательномъ корпусѣ по политическимъ вопросамъ. Оказалось, что основателемъ былъ взглядъ полуофіціальнхъ газетъ, объяснявшихъ, что ошибаются партіи, придающія этому декрету слишкомъ большое значеніе. Когда всѣ убѣдились, что онъ дѣйствительно не предназначенъ къ произведенію значительныхъ перемѣнъ въ существующемъ устройствѣ, то, естественно, перестали много заниматься имъ. Слѣдующій отрывокъ изъ парижской корреспонденціи Times'a сообщаетъ подтверждаемыя другими газетами извѣстія о способѣ, какимъ произошелъ декретъ.

„Парижъ, 4 декабря.

„Какова бы ни была истинная причина императорскаго декрета 24 ноября, какова бы ни была цѣнность данныхъ въ немъ уступокъ и каковы бы ни были духъ, въ которомъ будутъ исполняться эти уступки, но достовѣрно то, что происхожденіе декрета надобно приписывать исключительно и единственно самому императору Наполеону. Онъ задумалъ и выработалъ свои планы въ молчаніи и уединеніи; за исключеніемъ одного человѣка, никто не зналъ о его намѣреніи, пока онъ открылъ его своимъ изумленнымъ министрамъ 23 ноября.

„Всѣмъ извѣстно, что у императора есть своя особенная, очень оригинальная манера дѣйствовать. По привычкѣ, приобрѣтенной въ молодости, или по натурѣ, онъ всегда любитъ дѣлать сюрпризы. Освобожденіе Абдъ-эль-Кадера, переворотъ 2 декабря, война съ Австріею, присоединеніе Савойи и Ниццы и декретъ 24 ноября—все это было сдѣлано одинаковымъ способомъ. Я сказалъ, что одинъ человѣкъ былъ отчасти посвященъ въ тайну, незадолго передъ тѣмъ, какъ она должна была обнаружиться, когда прозектъ былъ уже обдуванъ и готовъ къ изложенію на бумагѣ. Этотъ человѣкъ былъ Валевскій, тотъ самый, который, къ своему величайшему удовольствію, сидитъ теперь на креслѣ, покинутомъ г. Фульдонъ, однимъ изъ его милѣйшихъ друзей,— г. Валевскій занялъ его мѣсто во имя своей долгой и искренней дружбы. Г. Валевскій былъ порядочно удивленъ, когда императоръ сказалъ ему, что онъ сдѣлать и хочетъ сдѣлать. Но г. Валевскій видѣлъ въ своей карьерѣ столько удивительнаго, что его удивленіе чему бы то ни было не бываетъ продолжительно, а скромность, которою обладаетъ онъ въ высокой степени, внушила ему—выслушать и согласиться.

„Когда министры собрались 23 ноября подъ предсѣдательствомъ императора, ничто въ лицѣ и въ овангѣ императора не обнаруживало его намѣреній. Но онъ не замедлил изложить свой прозектъ. Онъ сообщилъ министрамъ, что пришелъ къ убѣжденію, состоящему въ томъ, что правительство, своевременно не дѣлающее благоразумныхъ уступокъ и желаемыхъ стравкою реформъ, ослабляетъ себя. Онъ сказалъ, что не желаетъ доводить сопротивленія реформамъ до крайности. Онъ сказалъ, что такіе люди, какъ напримѣръ Беррье, могли быть членами палаты депутатовъ при орлеанской монархіи, а легитимисты и орлеанисты могли засѣдать въ республиканскихъ собраніяхъ 1848—1851 гг., и что онъ не видитъ причины, почему люди, приносящіе Франціи честь своими дарованіями и честностью, не могли бы выступить и принять участіе въ дѣлахъ націи. Онъ объявилъ, что ему надоѣла „палата въ Жюбинналескомъ родѣ“ (Chambre Jubinal—такое буквальное его выраженіе, какъ меня увѣряли), и что ему нужна палата другаго рода. Сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній, императоръ прочиталъ свой декретъ. Бели бы среди комнаты, въ которой засѣдали министры, упала бомба, они не изумились бы и не испугались бы такъ. Но сомнѣніе было невозможно: императоръ положительно объявилъ, что законодательному корпусу должно быть дано право свободно обсуждать адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь и произносить свое мнѣніе о внутренней и внѣшней политикѣ правительства. Министрамъ нечего было дѣлать, они должны были покориться и покорились.

„Г. Морни заговаривалъ, обращаясь къ императору. Онъ усердно совѣтовалъ его величеству подумать и не пускаться въ уступки, слишкомъ поспѣшныя или большіе, в т. д. Морни предлагалъ свою мысль о томъ, въ чемъ могутъ состоять уступки. Она состояла въ томъ, чтобы „Монитѣру“ разрѣшено было печатать вполнѣ прешіа законодательнаго корпуса; но идти дальше онъ не былъ расположенъ. Г. Барошъ поблѣднѣлъ, услышавъ декретъ; а г. Бильйо, бывшій либераль, бывшій республиканецъ, бывшій защитникъ свободы преній и свободы печатнаго слова, не могъ, какъ разсказываютъ, произвести почти ни одного слова отъ изумленія. Г. Руэ, министръ общественныхъ работъ, смотрѣлъ такъ, какъ будто бы горько слушать ему такіа рѣчи. Г. Морни нова выступилъ на защиту товарищей. Онъ спросилъ императора: что онъ думаетъ сдѣлать, если нынѣшняя палата въ своемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь выразила бы неодобреніе политики его величества? Императоръ сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ распустилъ бы палату и апеллировалъ бы къ націи.—„Но что сдѣлаете вы, государь, продолжалъ Морни, если новая палата также не одобритъ политику вашгго величества?“—„Въ такомъ случаѣ я уступилъ бы, и принялъ бы политику, предлагаемую представителями націи“, не колеблясь сказалъ императоръ. Я полагаю, и этотъ разсказъ буквально точенъ. Г. Жюбинналь—депутатъ, необыкновенно усердн й въ приперженности къ правительству. Онъ не считается великимъ ораторомъ, или великимъ государственнымъ человѣкомъ, или великимъ мудрецомъ, я упоминаю о немъ довольно позабавило публику. Министры не согласны между собою и не довольны. Они видятъ впереди что-то мрачное, и бодрость ихъ упадаетъ. Неудивительно это. Вообрази себѣ Бароша, Бильйо, Морни, и т. д. передъ лицомъ Беррье, Монталамбера или Тъ на при свободѣ преній!

„Представляется вопрос, будут ли немедленно назначены выборы для составления новой палаты. Спрашивать мнѣнїя у нынѣшней палаты, значило бы спрашивать мнѣнїя не страны, а нѣсколькихъ официальныхъ лицъ, подъ вліявіемъ которыхъ находятся остальные члены.

„Если императоръ дѣйствительно желаетъ спросить мнѣше страны, то надобно распустить нынѣшнюю палату, запретить префектамъ излишнее вмѣшательство въ выборы и созвать палату, избранную свободно.

„Важъ, вѣроятно, любопытно будетъ узнать, какъ эти реформы приняты конституціонною партіею, то есть легитимистами и орлеанистами. Чистые легитимисты возмущаются мыслью, что ктонибудь, кромѣ ихъ претендента, дѣлаетъ уступки націи. Они не довольны не евимъ декретомъ, а тѣмъ, что на немъ выставлено другое имя Изъ орлеанистовъ нѣкоторые не довѣряютъ ничему, происходящему отъ нынѣшняго правительства. Другіе соглашаются принять декретъ, какъ первый шагъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ. Эту первую уступку не считаютъ они значительной, но думаютъ, что не надо безусловно отвергать ее“.

Читатель знаетъ содержаніе декрета: имъ давалось законодательному корпусу право выражать мнѣніе о политикѣ правительства и опредѣлялось, что пренїя, происходящїя въ законодательномъ корпусѣ, должны печататься въ „Мониторѣ“ вполнѣ и могутъ быть также вполнѣ перепечатываемы изъ него всѣми газетами, между тѣмъ какъ прежде печатались только кратше протоколы засѣданїй. Сама по себѣ, эта переимѣна не возбудила бы особеннаго интереса, но причина, изъ которой возникла она, — сознаніе императора французовъ, что при нынѣшнемъ состоянїи умовъ во Франціи нужны конституціонныя реформы, — этотъ фактъ возбуждаетъ предположеніе, что декретъ 24 ноября служитъ только предисловіемъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ общественному мнѣнію. Такое мнѣше подкрѣплялось назначеніемъ Персиньи, либеральнѣйшаго изъ людей, близкихъ къ императору, на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ. Ждали преимущественно двухъ распоряженїй отъ вліянія Персиньи: возвращенїя свободы пренїй газетамъ, и распушенїя прежняго законодательнаго корпуса для того, чтобы могла образоваться палата изъ лицъ, болѣе самостоятельныхъ. По слухамъ, самъ Персиньи считалъ новые выборы въ законодательный корпусъ дѣломъ надобнымъ. Какъ бы то ни было, но правда осталась на сторонѣ полуофициальныхъ газетъ, съ самого начала объяснявшихъ, что ошибочны предположенїя публики объ отиженїи закона, подчиняющаго газеты административному вмѣшательству, и о произведенїи новыхъ выборовъ въ законодательный корпусъ. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ могъ только обѣщать, что будетъ поступать съ газетами снисходительнѣе своего предшественника. Мы не представляемъ соображенїй, которыя сами собою являются уму каждому, тѣмъ болѣе, что много разъ дѣлали кратшія указанїя на событїя, приближающїяся во Франціи.

Мы не будемъ рассказывать и о войнѣ, которую вели, а теперь уже кончили, Франція и Англія съ Китаемъ. Вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ она не имѣла; а на сколько интересна она сама по себѣ, мы расскажем ее въ отдѣльной статьѣ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Современника“. Здѣсь мы думали представить подробный рассказъ о переворотѣ, гораздо важнѣйшемъ, — о выборѣ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Линкольна, служащаго представителемъ партїи, стремящейся къ уничтоженію невольничества. Но, противъ нашего ожиданїя, результаты этого выбора еще не успѣли опредѣлиться съ достовѣрностью: рѣшатся ли нѣкоторые изъ южныхъ штатовъ сдѣлать попытку для составленїя отдѣльнаго

союза, или ограничатся пустыми угрозами, и даже не сдѣлають попытки отторженія, которая во всякомъ случаѣ оказалась бы вредна лишь для самихъ плантаторовъ,—это еще не ясно. Потому удовольствуемся пока нѣсколькими краткими замѣчаніями.

Партія, стремящаяся въ уничтоженію невольничества, возникла очень недавно въ Соединенныхъ Штатахъ,—самая пропаганда, изъ которой она возникла, началась всего лишь лѣтъ 30 тому назадъ. На политическую арену самостоятельнымъ образомъ явилась эта партія всего лишь лѣтъ 10 или 15 тому назадъ. Она еще только формируется и растетъ, но растетъ очень быстро. Вотъ именно эта перспектива скоро увидѣть, что она черезъ нѣсколько лѣтъ станетъ господствовать въ сѣверо-американскомъ союзѣ, и пугаетъ плантаторовъ, раздраженіе которыхъ было бы непонятно, если бы мы обращали вниманіе только на нынѣшнюю программу противной невольничеству (республиканской) партіи. Теперь республиканская партія требуетъ еще очень немногаго—только того, чтобы невольничество не было распространяемо въ новыхъ поселеніяхъ, въ областяхъ, едва начинающихъ населяться, еще не сдѣлавшихся штатами (самостоятельными государствами), называемыхъ территориями и находящихся подъ управленіемъ федеральнаго правительства. Республиканская партія еще не предъявляетъ требованія объ уничтоженіи невольничества въ штатахъ, въ которыхъ оно существуетъ: но плантаторы справедливо говорятъ, что она имѣетъ эту мысль и скоро займется ея исполненіемъ. Потому они хотятъ или запугать другіе штаты угрозою отдѣлиться отъ союза, или, если не удастся имъ запугать свободные штаты, не удастся отвлечь ихъ отъ республиканской партіи, то выйти изъ союза поскорѣе, пока республиканская партія еще не усилилась на столько, чтобы помѣшать отторженію.

Читатель знаетъ, что свободные (сѣверные) штаты имѣютъ двѣ трети всего блага населенія Союза. Штаты, сохраняющіе невольничество, едва имѣютъ одну треть его, и сами опять распадаются на двѣ половины: штаты, занимающіе сѣверную часть южной половины союза, граничащія съ свободными штатами, Виргинія, Делаваръ, Мериландъ, Кентукки и Миссури, не воздѣлывая хлопчатой бумаги, не имѣютъ большой надобности заботиться о сохраненіи невольничества. Остаются 10 штатовъ, воздѣлывающихъ хлопчатую бумагу невольническимъ трудомъ; ихъ бѣлое населеніе составляетъ одну шестую или одну седьмую часть всего блага населенія Союза. Всѣ вмѣстѣ, они были бы слишкомъ еще слабы, чтобы имѣть отдѣльное отъ остального союза существованіе. Но и въ этихъ десяти штатахъ (Алабама, Георгія, Южная Каролина, Миссиссипи, Луизіана, Флорида, Арканзасъ, Сѣверная Каролина, Техасъ, Теннесси) пристрастіе къ сохраненію невольничества не въ одинаковой степени господствуетъ надъ чувствомъ національнаго единства. Судя по послѣднимъ выборамъ президента, во всѣхъ этихъ штатахъ, кромѣ Южной Каролины, противники отторженія составляютъ большинство, которое только терроризируется плантаторами, только по принужденію можетъ уступить ихъ требованію отторгнуться отъ союза. Лишь въ одномъ штатѣ, Южной Каролинѣ, приверженцы отторженія дѣйствительно имѣютъ на своей сторонѣ большинство бѣлаго населенія,—это потому, что Южная Каролина надѣется, въ случаѣ отторженія, стать торговымъ центромъ всѣхъ плантаторскихъ штатовъ, и главный портовый городъ ея, Чарльстонъ, думаетъ занять въ южномъ союзѣ мѣсто, которое теперь принадлежитъ во всемъ союзѣ Нью-Йорку. Тактика плантаторовъ состоитъ теперь

томъ, чтобы дѣйствовать какъ можно бистрѣе, чтобы увлечь другіе плантаторскіе штаты примѣромъ Южной Каролины, пока противники отторженія въ нихъ еще не организовались. Южная Каролина уже объявила, что отторгается отъ Союза. Надобно теперь подождать извѣстій, успѣютъ ли плантаторы увлечь вслѣдъ за нею Георгію, Алабаму и Миссиссипи, въ которыхъ они сильнѣе, чѣмъ въ остальныхъ хлопчато-бумажныхъ штатахъ. Это скоро обнаружится.

Но во всякомъ случаѣ, союзъ южныхъ штатовъ не обладалъ бы никакой жизненностью, и угроза отторженія имѣетъ не столько тотъ смыслъ, что плантаторы надѣются на существованіе своего отдѣльнаго союза, о которомъ такъ горячо разсуждаютъ, сколько ту цѣль, чтобы склонить населеніе сѣверныхъ штатовъ къ уступкамъ для примиренія. Такъ и совѣтуетъ сдѣлать сѣвернымъ штатамъ нынѣшній президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Бухананъ, представитель крайней плантаторской партіи. Срокъ власти Буханана кончается 4 марта слѣдующаго года, — въ этотъ день вступить въ должность новый президентъ, при которомъ федеральная власть будетъ враждебна плантаторамъ, между тѣмъ какъ теперь она благопріятствуетъ имъ. Потому плантаторы стараются поскорѣе, при Бухананѣ, кончить дѣло тѣмъ или другимъ способомъ — отторженіемъ отъ союза для вынужденія у сѣверныхъ штатовъ уступокъ при будущихъ переговорахъ о своемъ возвращеніи въ союзъ, или немедленнымъ полученіемъ уступокъ: при Линкольнѣ имъ будетъ не такъ удобно исполнять маневръ отторженія, служащій для нихъ средствомъ къ вынужденію уступокъ. Послѣднія извѣстія, какія мы имѣли, когда писали эту статью, говорятъ только о первыхъ двухъ засѣданіяхъ конгресса, въ которыхъ только еще начались пренія о совѣтѣ Буханана, — черезъ недѣлю или черезъ двѣ читатель будетъ знать, какое положеніе принялъ конгрессъ въ этомъ дѣлѣ: согласится ли республиканская партія палаты представителей сѣверо-американскаго союза на уступку плантаторамъ, или депутаты плантаторскихъ штатовъ удалятся изъ конгресса по несогласію большинства палаты представителей на ихъ требованія, выраженныя Бухананомъ.